

Приятного чтения!

Любовник Леди Чаттерли - Английский И Русский Параллельные Тексты

Дэвид Герберт Лоуренс

Дэвид Герберт Лоуренс. Любовник леди Чаттерли

David Herbert Lawrence.	Дэвид Герберт Лоуренс.
Lady Chatterley's Lover	Любовник леди Чаттерли
Chapter 1	1
Ours is essentially a tragic age, so we refuse to take it tragically.	В столь горькое время выпало нам жить, что мы тщимся не замечать эту горечь.
The cataclysm has happened, we are among the ruins, we start to build up new little habitats, to have new little hopes.	Приходит беда, рушит нашу жизнь, а мы сразу же прямо на руинах наново торим тропки к надежде.
It is rather hard work: there is now no smooth road into the future: but we go round, or scramble over the obstacles.	Тяжкий это труд. Впереди - рытвины да преграды. Мы их либо обходим, либо, с грехом пополам, берем приступом.
We've got to live, no matter how many skies have fallen.	Но какие бы невзгоды на нас ни обрушивались, жизнь идет своим чередом.
This was more or less Constance Chatterley's position.	Так примерно рассуждала Констанция Чаттерли.
The war had brought the roof down over her head.	Война в пух и прах разбила ее благополучие.
And she had realized that one must live and learn.	Что ж, дорого приходится платить за уроки житейской мудрости.
She married Clifford Chatterley in 1917, when he was home for a month on leave.	Констанция вышла замуж за Клиффорда Чаттерли в 1917 году - его в ту пору отпустили из армии на побывку.
They had a month's honeymoon. Then he went back to Flanders: to be shipped over to England again six months later, more or less in bits.	Промелькнул медовый месяц, и Клиффорд уехал обратно во Фландрию. А через полгода его, израненного, едва живого, привезли домой.
Constance, his wife, was then twenty-three years old, and he was twenty-nine.	Констанции исполнилось двадцать три года, Клиффорду - двадцать девять.
His hold on life was marvellous. He didn't die, and the bits seemed to grow together again.	Он отчаянно боролся со смертью, явив завидную волю, и мало-помалу шел на поправку.
For two years he remained in the doctor's hands. Then he was pronounced a cure, and could return to life again, with the lower half of his body, from the hips down, paralysed for ever.	Два года колдовали над ним врачи и вернули его к жизни, прописав, правда, разные снадобья. Но ниже пояса тело Клиффорда так и осталось недвижимым.
This was in 1920.	Шел 1920 год.
They returned, Clifford and Constance, to his home, Wragby Hall, the family 'seat'.	Клиффорд и Констанция обосновались в родовом гнезде Чаттерли - усадьбе Рагби.
His father had died, Clifford was now a baronet, Sir Clifford, and Constance was Lady Chatterley.	Старый баронет уже умер, сын унаследовал титул, его стали величать сэром Клиффордом, а Констанцию - леди Чаттерли.
They came to start housekeeping and married life in the rather forlorn home of the Chatterleys on a rather inadequate income.	Семейную жизнь им пришлось начинать в довольно запустелом доме на довольно скромные средства.
Clifford had a sister, but she had departed. Otherwise there were no near relatives.	Из близкой родни у Клиффорда осталась лишь старшая сестра, да и та жила отдельно.
The elder brother was dead in the war.	Старший брат погиб на войне.

Crippled for ever, knowing he could never have any children, Clifford came home to the smoky Midlands to

Клиффорд знал, что детей у него не будет и что род Чаттерли просуществует, покуда живы он

keep the Chatterley name alive while he could.	сам и его усадьба в закопченном и задымленном сердце Англии.
He was not really downcast.	Увечье не столь удручало его.
He could wheel himself about in a wheeled chair, and he had a bath-chair with a small motor attachment, so he could drive himself slowly round the garden and into the line melancholy park, of which he was really so proud, though he pretended to be flippant about it.	Передвигаться он мог на кресле-каталке и заказал себе кресло на колесах, с моторчиком. Неспешно объезжал он сад и чудесный печальный парк. Втайне Клиффорд гордился им, на людях же упоминал с пренебрежением.
Having suffered so much, the capacity for suffering had to some extent left him.	Клиффорд так настрадался, что почти избыл самое способность страдать.
He remained strange and bright and cheerful, almost, one might say, chirpy, with his ruddy, healthy-looking face, and his pale-blue, challenging bright eyes. His shoulders were broad and strong, his hands were very strong.	По-прежнему держался чуть сдержанно, по-прежнему в голубых дерзких глазах светился ум, по-прежнему на румянном лице играла бодрая, если не сказать веселая, улыбка, по-прежнему широки плечи и крепки руки.
He was expensively dressed, and wore handsome neckties from Bond Street.	Одежду он носил самую дорогую, галстуки - самые красивые и модные.
Yet still in his face one saw the watchful look, the slight vacancy of a cripple.	И все же читалась в лице настороженность, а во взгляде порой сквозила отрешенность, присущая калекам.
He had so very nearly lost his life, that what remained was wonderfully precious to him.	Заглянув в лицо смерти, он теперь принимал жизнь (точнее, то, что ему осталось) как бесценный и чудесный дар.
It was obvious in the anxious brightness of his eyes, how proud he was, after the great shock, of being alive.	Да, он выстоял, вынес все тяготы и гордился собою, и об этом говорил взгляд умных беспокойных глаз.
But he had been so much hurt that something inside him had perished, some of his feelings had gone.	Но слишком тяжел был удар - что-то надломилось у него в душе, какие-то чувства безвозвратно исчезли.
There was a blank of insentience.	Опустошенность и безразличие легли на сердце.
Constance, his wife, was a ruddy, country-looking girl with soft brown hair and sturdy body, and slow movements, full of unusual energy.	У его жены Констанции были мягкие каштановые волосы, румяное, простодушное, как у деревенской девушки, лицо, крепкое тело.
She had big, wondering eyes, and a soft mild voice, and seemed just to have come from her native village.	Движения обманчиво плавны и неспешны - не угадать недюжинной внутренней силы. Большие, будто вечно вопрошающие глаза, тихий, мягкий говорок - ни дать ни взять только что из соседней деревушки заявила.
It was not so at all.	Но внешность обманчива.
Her father was the once well-known R. A., old Sir Malcolm Reid.	Ее отец - некогда известный художник, член Королевской Академии, почтенный сэръ Малькольм Рид.

Her mother had been one of the cultivated Fabians in the palmy, rather pre-Raphaelite days.	Мать - женщина образованная, сторонница фабианства в политике, возвращенная на традициях Возрождения в искусстве, столь пышно расцветших в середине прошлого века [имеется в виду группа английских поэтов и художников "Прерафаэлитское братство"].
Between artists and cultured socialists, Constance and her sister Hilda had had what might be called an aesthetically unconventional upbringing.	В кругу художников и просвещенных социалистов Констанция и ее сестра Хильда воспитывались, можно сказать, в современной эстетической атмосфере, без мещанских условностей и предрассудков.
They had been taken to Paris and Florence and Rome to breathe in art, and they had been taken also in the other direction, to the Hague and Berlin, to great Socialist conventions, where the speakers spoke in every civilized tongue, and no one was abashed.	Девочек возили в Париж, Флоренцию, Рим - надышаться подлинным искусством; в Гаагу и Берлин - на съезды социалистов; на каких только языках там не произносились речи! Но это отнюдь не смущало присутствующих.
The two girls, therefore, were from an early age not the least daunted by either art or ideal politics. It was their natural atmosphere.	Итак, сызмальства окунувшись в сферы высокого искусства и теории справедливого жизнеустройства, девочки ничуть не тушевались, чувствовали себя в родной стихии.

They were at once cosmopolitan and provincial, with the cosmopolitan provincialism of art that goes with pure social ideals.	Столичный лоск в них прекрасно уживался с ограниченностью провинциалок; И как хорошо сочеталось их простодушное суждение о мировом искусстве с высокими идеалами справедливого общества!
They had been sent to Dresden at the age of fifteen, for music among other things.	Лет пятнадцати их послали в Дрезден. Там, помимо всего прочего, им предстояло приобщиться к миру музыки.
And they had had a good time there.	Время они провели замечательно.
They lived freely among the students, they argued with the men over philosophical, sociological and artistic matters, they were just as good as the men themselves: only better, since they were women.	Жили в студенческой среде. Жарко спорили с юношами о философии, общественной жизни, искусстве и ни в чем не уступали сильному полу, пожалуй, даже превосходили: как-никак они - женщины!
And they tramped off to the forests with sturdy youths bearing guitars, twang-twang!	Ходили в походы по лесам, и у ладных спутников непременно оказывались гитары.
They sang the Wandervogel songs, and they were free.	Сколько песен они перепели, наслаждаясь свободой.
Free!	Свобода!
That was the great word.	Какое великое слово!
Out in the open world, out in the forests of the morning, with lusty and splendid-throated young fellows, free to do as they liked, and—above all—to say what they liked.	Перед ними распахнут весь мир, их приветают предзвездные леса, рядом - здоровые молодые парни. Делай что хочешь, говори (это еще важнее!) что хочешь!
It was the talk that mattered supremely: the impassioned interchange of talk.	Ведь разговоры, страстные споры, обмен мнениями - главное!
Love was only a minor accompaniment.	А любовь - нечто второстепенное.

Both Hilda and Constance had had their tentative love-affairs by the time they were eighteen.	К восемнадцати годам и Хильда, и Констанция уже познали мужчин.
The young men with whom they talked so passionately and sang so lustily and camped under the trees in such freedom wanted, of course, the love connexion.	Конечно же, их спутники, с которыми они так неистово спорили, так ладно пели, ночевали под раскидистыми деревьями, добивались близости с девушками.
The girls were doubtful, but then the thing was so much talked about, it was supposed to be so important.	И те, колебавшись, уступили. Ведь о половой жизни столько говорят. Значит, это и впрямь нечто важное.
And the men were so humble and craving.	Да и мальчишки ведут себя достойно, сдерживая страсть.
Why couldn't a girl be queenly, and give the gift of herself?	Так почему же девушке не проявить воистину царскую щедрость и не одарить поклонника своим телом?
So they had given the gift of themselves, each to the youth with whom she had the most subtle and intimate arguments.	И девушки одарили, выбрав наиболее остроумных и задушевных собеседников.
The arguments, the discussions were the great thing: the love-making and connexion were only a sort of primitive reversion and a bit of an anti-climax.	Ведь самое приятное, самое главное - в беседах. А в постели - жалкое подобие приятного, пожалуй, даже разочарование.
One was less in love with the boy afterwards, and a little inclined to hate him, as if he had trespassed on one's privacy and inner freedom.	И девушки сначала охладели к приятелям, потом появилась неприязнь: будто парни посягнули на нечто сокровенное, на внутреннюю девичью свободу.
For, of course, being a girl, one's whole dignity and meaning in life consisted in the achievement of an absolute, a perfect, a pure and noble freedom.	Ибо в чем суть и смысл девичества, в чем его достоинство? Достичь полной, безоговорочной, беспорочной и благородной свободы!
What else did a girl's life mean?	В чем еще смысл девичьей жизни?
To shake off the old and sordid connexions and subjections.	Решительно избавиться от стародавних постыдных оков, от зависимости от мужчины.
And however one might sentimentalize it, this sex business was one of the most ancient, sordid connexions and subjections.	И как бы ни приукрашивали все прелести половой жизни, именно они суть древнейшие оковы, орудия постыднейшего рабства.
Poets who glorified it were mostly men.	И воспевали их в основном поэты-мужчины.

Women had always known there was something better, something higher.	Женщины-то исстари понимали, что есть на свете ценности поважнее, поблагороднее.
And now they knew it more definitely than ever.	И наш век не раз это подтвердил.
The beautiful pure freedom of a woman was infinitely more wonderful than any sexual love.	Свобода, чистая, прекрасная свобода несравнимо выше и чудесней любви Плотской.
The only unfortunate thing was that men lagged so far behind women in the matter.	Только вот беда: не доросли еще мужчины до "прекрасного пола", не открыли для себя истины.
They insisted on the sex thing like dogs.	Настоящие кобели - только плоть свою потешить.
And a woman had to yield.	И приходится женщине уступать.

A man was like a child with his appetites.	Но мужчина, что дитя малое, меры не знает.
A woman had to yield him what he wanted, or like a child he would probably turn nasty and flounce away and spoil what was a very pleasant connexion.	И приходится женщине его ублажать, а то, не дай Бог, ее милый разобидится и упорхнет, так и порушится приятное знакомство.
But a woman could yield to a man without yielding her inner, free self.	Но женщина научилась уступать мужчине, не жертвуя и толикой своей внутренней свободы.
That the poets and talkers about sex did not seem to have taken sufficiently into account.	Этого-то и недоглядели поэты и говоруны-сладострастники.
A woman could take a man without really giving herself away.	Да, женщина может овладеть мужчиной и не подпасть в свою очередь под его власть.
Certainly she could take him without giving herself into his power. Rather she could use this sex thing to have power over him.	Точнее, женщина сама возьмет власть над мужчиной, и поможет ей в этом плоть.
For she only had to hold herself back in sexual intercourse, and let him finish and expend himself without herself coming to the crisis: and then she could prolong the connexion and achieve her orgasm and her crisis while he was merely her tool.	Главное, поначалу чуть сдерживаться в постели, пусть мужчина утолит жажду. Он удовлетворится, и тогда можно подумать о своем удовольствии - мужчина долее лишь игрушка в руках женщины.
Both sisters had had their love experience by the time the war came, and they were hurried home.	Едва сестры вкусили от плотских радостей, как грянула война, и их спешно отправили домой.
Neither was ever in love with a young man unless he and she were verbally very near: that is unless they were profoundly interested, TALKING to one another.	Истинной любви девушки так и не познали, для этого потребовалось бы очень близко сойтись со спутниками в разговорах. Точнее, глубокий интерес (а за ним и чувство) могли возникнуть только в _беседе_.
The amazing, the profound, the unbelievable thrill there was in passionately talking to some really clever young man by the hour, resuming day after day for months...this they had never realized till it happened!	Сколько удивительного, упоительного трепета (кто бы мог подумать!) таилось в жарких, целыми днями напролет, спорах-разговорах с тем или иным по-настоящему умным парнем. И день бежал за днем, проплывали месяцы... Нет, такого не испытать, не понять!
The paradisaal promise: Thou shalt have men to talk to!—had never been uttered.	Парфразирова прародительский завет - "И да прилепится жена к мужу, дабы беседовать с ним!", хотя сами слова не были произнесены.
It was fulfilled before they knew what a promise it was.	Завет исполнился раньше, чем девушки осмыслили его.
And if after the roused intimacy of these vivid and soul-enlightened discussions the sex thing became more or less inevitable, then let it.	И уж коль скоро пылкие, предельно доверительные и душепросветительные беседы разбудили плоть, что ж, пусть все идет своим чередом.
It marked the end of a chapter.	Заполнится, так сказать, еще одна страничка жизни. И в ней есть своя прелесть.
It had a thrill of its own too: a queer vibrating thrill inside the body, a final spasm of self-assertion, like the last word, exciting, and very like the row of asterisks that can be put to show the end of a paragraph, and a break in the theme.	Ни с чем не сравнить волнами накатывающий трепет. И вот - девятый вал - извержение! Точно восклицательный знак в конце фразы! Знак исполненности и законченности. Или череда звездочек в конце главы, знаменующая завершение эпизода.

When the girls came home for the summer holidays of 1913, when Hilda was twenty and Connie eighteen, their father could see plainly that they had had the love experience.	Летом 1913 года, когда девушки (Хильда -двадцати, а Конни - восемнадцати лет) вернулись на каникулы домой, отец сразу смекнул, что дочери уже познали мужчин.
--	---

L'amour avait possi par 1ю, as somebody puts it. But he was a man of experience himself, and let life take its course.	Но сам человек, как говорится, бывалый, он решил не вмешиваться в течение их жизни.
As for the mot a nervous invalid in the last few months of her life, she wanted her girls to be 'free', and to 'fulfil themselves'.	Мать, доживавшая свой век в сильном нервном расстройстве, пеклась лишь об одном, чтоб ее девочки были "свободны", чтоб их личности "полностью раскрылись".
She herself had never been able to be altogether herself: it had been denied her.	Самой бедняжке жизнь в этом отказала, "раскрыться" ей так и не удалось.
Heaven knows why, for she was a woman who had her own income and her own way.	Почему - ведомо лишь Г осподу, ведь она жила в достатке и независимости.
She blamed her husband.	Винила она во всем мужа.
But as a matter of fact, it was some old impression of authority on her own mind or soul that she could not get rid of.	И напрасно: сызмальства в ее сердце и уме запечатлелся образ мужчины-повелителя, и избавиться от него так и не удалось.
It had nothing to do with Sir Malcolm, who left his nervously hostile, high-spirited wife to rule her own roost, while he went his own way.	И сэр Малькольм Ни при чем. Он предоставил своей неуравновешенной, вечно недовольной, враждебно настроенной супруге распоряжаться ее собственной судьбой, выгородив ее из своей жизни.
So the girls were 'free', and went back to Dresden, and their music, and the university and the young men.	Дочери и впрямь были "свободны", а потому вернулись вскорости в Дрезден, к музыке, университетским премудростям и приятелям.
They loved their respective young men, and their respective young men loved them with all the passion of mental attraction.	Каждая по-своему любила "своего" парня, и те тоже любили их со всей пылкостью, коренившейся не в сердце, а в уме.
All the wonderful things the young men thought and expressed and wrote, they thought and expressed and wrote for the young women.	Все самые прекрасные мысли, слова подарили они своим возлюбленным.
Connie's young man was musical, Hilda's was technical.	Приятель Конни занимался музыкой, приятель Хильды - точными науками.
But they simply lived for their young women.	Но главное занятие в жизни - любимые девушки.
In their minds and their mental excitements, that is.	То бишь в жизни внутренней, в сфере мыслей и чувств.
Somewhere else they were a little rebuffed, though they did not know it.	В жизни обыденной у них бывали и неудачи, и разочарования, но юноши их не замечали.
It was obvious in them too that love had gone through them: that is, the physical experience.	И у юношей можно заметить, как любовь поражает не только их дух, но и плоть.

It is curious what a subtle but unmistakable transmutation it makes, both in the body of men and women: the woman more blooming, more subtly rounded, her young angularities softened, and her expression either anxious or triumphant: the man much quieter, more inward, the very shapes of his shoulders and his buttocks less assertive, more hesitant.	Интересно, как неброско, но очевидно меняется обличье и мужчин, и женщин. Женщина расцветает, теряет девичью угловатость: бедра, груди обретают округлость. Взгляд либо взволнован, либо торжествующе-уверен. Мужчина делается спокойнее, чуть замыкается, не так гордо размахнуты плечи, подобраны ягодицы. Появляется раздумчивость и неуверенность.
In the actual sex-thrill within the body, the sisters nearly succumbed to the strange male power.	Поначалу, столкнувшись с незнакомой мужской силой, которая ввергла их плоть в трепет и смятение, сестры едва не подчинились ей.
But quickly they recovered themselves, took the sex-thrill as a sensation, and remained free.	Но вовремя возобладал разум: да, ласки приятны, но не более. В кабалу за них идти нельзя.
Whereas the men, in gratitude to the woman for the sex experience, let their souls go out to her.	У мужчин по-другому: в благодарность женщинам за минуты любви они готовы всю душу отдать.
And afterwards looked rather as if they had lost a shilling and found sixpence.	Хотя потом сами же в затылках чешут - эх, потеряли золотой, а нашли медяк.
Connie's man could be a bit sulky, and Hilda's a bit jeering.	Приятель Конни становился все мрачнее, а приятель Хильды - язвительнее.
But that is how men are!	Такой вот народ эти мужчины.
Ungrateful and never satisfied.	Неблагодарные и ненасытные!
When you don't have them they hate you because you won't; and when you do have them they hate you again, for some other reason.	Отказываешь им - они сердятся, потакаешь -пуще прежнего злобятся, повод всегда найдется.

Or for no reason at all, except that they are discontented children, and can't be satisfied whatever they get, let a woman do what she may.	А то и вовсе без повода, просто капризничают, как дети, которых - старайся, не старайся - женщине не ублажить.
However, came the war, Hilda and Connie were rushed home again after having been home already in May, to their mother's funeral.	Грянула война. Хильда и Конни поспешили домой, где были совсем недавно - хоронили мать.
Before Christmas of 1914 both their German young men were dead: whereupon the sisters wept, and loved the young men passionately, but underneath forgot them.	А к Рождеству 1914 года погибли и их друзья немцы. Сестры всплакнули, любовь полыхнула в душе ярким огоньком и подернулась пеплом забвения.
They didn't exist any more.	Этих молодых людей не вернешь.
Both sisters lived in their father's, really their mother's, Kensington house mixed with the young Cambridge group, the group that stood for 'freedom' and flannel trousers, and flannel shirts open at the neck, and a well-bred sort of emotional anarchy, and a whispering, murmuring sort of voice, and an ultra-sensitive sort of manner.	Сестры поселились в отцовском доме в Кенсингтоне (по сути - доме их матери). Теперь их окружали студенты Кембриджа, они тоже отстаивали свою "свободу": носили тонкие шерстяные костюмы, рубашки с отложными воротничками; кичились чистокровной анархией чувств; говорили вкрадчивым, журчащим шепотком; в поведении выказывали нарочитую впечатлительность и ранимость.

Hilda, however, suddenly married a man ten years older than herself, an elder member of the same Cambridge group, a man with a fair amount of money, and a comfortable family job in the government: he also wrote philosophical essays.	Хильда неожиданно вышла замуж; ее избранник был на десять лет старше, из той же кембриджской группы, немалого достатка, с нехлопотным чиновничьим местом, которое досталось ему по наследству.
She lived with him in a smallish house in Westminster, and moved in that good sort of society of people in the government who are not tip-topppers, but who are, or would be, the real intelligent power in the nation: people who know what they're talking about, or talk as if they did.	Он также писал философские трактаты. Она переехала к нему в тесноватый домик в Вестминстере. Круг знакомых теперь составляли чиновники, хоть и не самого высокого ранга, зато несомненно самые толковые на сегодняшний (или на завтрашний) день в стране. Такие люди не пустословят, а если уж говорят, то умно и веско.
Connie did a mild form of war-work, and consorted with the flannel-trousers Cambridge intrants, who gently mocked at everything, so far.	Конни участвовала в благотворительной работе в помощь фронту, однако не особенно усердствовала; проводила много времени в обществе своих кембриджских друзей, щеголявших не только модными брюками, но и непримиримыми взглядами. Эти молодые люди по-прежнему подсмеивались над всем и вся.
Her 'friend' was a Clifford Chatterley, a young man of twenty-two, who had hurried home from Bonn, where he was studying the technicalities of coal-mining.	Особенно она сблизилась с Клиффордом Чаттерли. Было ему двадцать два года, и он только что приехал из Бонна, где изучал технологию угольной добычи.
He had previously spent two years at Cambridge.	А до этого два года проучился в Кембридже.
Now he had become a first lieutenant in a smart regiment, so he could mock at everything more becomingly in uniform.	Теперь, облачившись в лейтенантскую форму, он с большим форсом осмеивал все на свете.
Clifford Chatterley was more upper-class than Connie.	Принадлежал он, несомненно, к кругам высшим, нежели Конни.
Connie was well-to-do intelligentsia, but he was aristocracy.	Та - из зажиточной интеллигентской среды, Клиффорд - из аристократии.
Not the big sort, but still it.	Не ахти какой знатной, но все же.
His father was a baronet, and his mother had been a viscount's daughter.	Отец его носил титул баронета, мать - графская дочь.
But Clifford, while he was better bred than Connie, and more 'society', was in his own way more provincial and more timid.	Клиффорд, хоть и получил лучшее, чем Конни, воспитание, хоть и вращался в свете, уступал ей в широте кругозора и напористости.
He was at his ease in the narrow 'great world', that is, landed aristocracy society, but he was shy and nervous of all that other big world which consists of the vast hordes of the middle and lower classes, and foreigners.	В узком кругу помещиков-аристократов, "сливок общества" он чувствовал себя, как рыба в воде, но с низшими сословиями - ордами простолюдинов и иноземцами - он терялся, робел.
If the truth must be told, he was just a little bit frightened of middle-and lower-class humanity, and of foreigners not of his own class.	Да, если уж говорить начистоту, "низы" пугали его.

He was, in some paralysing way, conscious of his own defencelessness, though he had all the defence of privilege.	Он чувствовал свою беззащитность, оттого бывал скован, хотя лучшей защитой ему служило положение в обществе.
Which is curious, but a phenomenon of our day.	Увы, в наши дни, как ни странно, это козырь немалый.
Therefore the peculiar soft assurance of a girl like Constance Reid fascinated him.	Может, именно поэтому тихая, спокойная, но неизменная твердость духа привлекала его в Констанции Рид.
She was so much more mistress of herself in that outer world of chaos than he was master of himself.	В мире, где царит хаос, она чувствовала себя много увереннее, чем Клиффорд.
Nevertheless he too was a rebel: rebelling even against his class.	Нет, он отнюдь не мирился со всем, он восставал, восставал даже против аристократов.
Or perhaps rebel is too strong a word; far too strong.	Впрочем, "восставал", пожалуй, сильно сказано.
He was only caught in the general, popular recoil of the young against convention and against any sort of real authority.	Слишком сильно. Просто в ту пору его подхватила волна всеобщего среди молодежи протеста против условностей, против любой власти.
Fathers were ridiculous: his own obstinate one supremely so.	Как нелепо и смешно старшее поколение! А его собственный отец - вдвойне!
And governments were ridiculous: our own wait-and-see sort especially so.	Как нелепы и смешны чиновники! А наши трусливые и ленивые бюрократы - вдвойне!
And armies were ridiculous, and old buffers of generals altogether, the red-faced Kitchener supremely.	Как нелепы армии, смешны тупоголовые генералы! А красномордый Китченер - вдвойне!
Even the war was ridiculous, though it did kill rather a lot of people.	А до чего ж нелепа война, смешного, правда, в ней мало: гибнут тысячи и тысячи людей.
In fact everything was a little ridiculous, or very ridiculous: certainly everything connected with authority, whether it were in the army or the government or the universities, was ridiculous to a degree.	Если приглядеться - все в жизни нелепо и смешно, прямо обхохочешься; а там, где попахивает властью, - и подавно, будь то армия, правительство или университет.
And as far as the governing class made any pretensions to govern, they were ridiculous too.	А глядя, как правящий класс изо всех сил пыжится, воображая, что правит, разве удержись от смеха?
Sir Geoffrey, Clifford's father, was intensely ridiculous, chopping down his trees, and weeding men out of his colliery to shove them into the war; and himself being so safe and patriotic; but, also, spending more money on his country than he'd got.	Как смешон сэр Джеффри: он рубил деревья на крепеж для окопов, увольнял рабочих, поставляя солдат для фронта. И так, не рискуя волоском с головы, являл пример патриотизма, правда, очень накладного - он в конце концов едва не обанкротился.
When Miss Chatterley—Emma—came down to London from the Midlands to do some nursing work, she was very witty in a quiet way about Sir Geoffrey and his determined patriotism.	Из центра страны в Лондон приехала его старшая дочь Эмма - она решила поработать сестрой милосердия. К отцовскому ура-патриотизму она отнеслась со спокойной улыбкой.

Herbert, the elder brother and heir, laughed outright, though it was his trees that were falling for trench props.	Зато старший сын (и наследник) Герберт смеялся отцу в лицо, хотя именно в его парке вырубались деревья.
But Clifford only smiled a little uneasily.	Клиффорд тоже усмехался. Но чуть смущенно.
Everything was ridiculous, quite true.	Верно, все в жизни нелепо.
But when it came too close and oneself became ridiculous too...?	Но когда нелепости врastaют в твою жизнь, и сам становишься нелепым...
At least people of a different class, like Connie, were earnest about something.	Люди из других сословий, например Конни, жили без притворства.
They believed in something.	Они по крайней мере во что-то верили.
They were rather earnest about the Tommies, and the threat of conscription, and the shortage of sugar and toffee for the children.	Они непритворно жалели английских солдат, боялись призыва в армию, сетовали на нехватку сахара и конфет детишкам.
In all these things, of course, the authorities were ridiculously at fault.	Ведь во всем этом - смейся не смейся - виноваты власть предержащие.

But Clifford could not take it to heart.	Клиффорд всерьез об этой связи не задумывался.
To him the authorities were ridiculous ab ovo, not because of toffee or Tommies.	По его разумению, власть изначально нелепа и смешна, ни солдаты, ни конфеты тут ни при чем.
And the authorities felt ridiculous, and behaved in a rather ridiculous fashion, and it was all a mad hatter's tea-party for a while.	Меж тем правительственные чиновники, чувствуя свою нелепость и смехотворность, соответственно и поступали, и некоторое время страна жила словно в сумасшедшем доме.
Till things developed over there, and Lloyd George came to save the situation over here.	Пока не поменялось к лучшему положение на фронтах, пока Ллойд-Джордж не пришел к власти и не спас-таки положение.
And this surpassed even ridicule, the flippant young laughed no more.	Приумолкли юные острословы, неуместны стали их насмешки.
In 1916 Herbert Chatterley was killed, so Clifford became heir.	В 1916 году погиб Герберт Чаттерли, и наследником стал Клиффорд.
He was terrified even of this.	Даже такая малая ответственность напугала его.
His importance as son of Sir Geoffrey, and child of Wragby, was so ingrained in him, he could never escape it.	С рождения его почитали как сына сэра Джеффри, дворянского отпрыска, и участи своей ему не избежать.
And yet he knew that this too, in the eyes of the vast seething world, was ridiculous.	Знал он и то, что на бескрайнем и таком беспокойном белом свете всякие титулы и привилегии видятся кому желанными, а кому смешными.
Now he was heir and responsible for Wragby.	И вот теперь он наследник и отвечает за судьбу родового гнезда.
Was that not terrible? and also splendid and at the same time, perhaps, purely absurd?	Как не испугаться?! Но в то же время он упивался своим барством. Может, это глупое тщеславие?
Sir Geoffrey would have none of the absurdity.	Для сэра Джеффри, разумеется, самая мысль о тщеславии показалась бы кошунственной.

He was pale and tense, withdrawn into himself, and obstinately determined to save his country and his own position, let it be Lloyd George or who it might.	Он ходил бледный, деланно спокойный, погруженный в собственные замыслы: во что бы то ни стало спасти свою родину и свое положение - при правительстве Ллойд-Джорджа или при каком ином - не важно.
So cut off he was, so divorced from the England that was really England, so utterly incapable, that he even thought well of Horatio Bottomley.	Он так плохо представлял себе истинную Англию, так был оторван от сиюминутных ее забот, что держался доброго мнения даже о политиках-прохвостах!
Sir Geoffrey stood for England and Lloyd George as his forebears had stood for England and St George: and he never knew there was a difference.	Сэр Джеффри верил в Англию и Ллойд-Джорджа; как его предки издревле верили в Англию и Георга-Победоносца. Чаттерли-старший этой маленькой разницы так и не заметил.
So Sir Geoffrey felled timber and stood for Lloyd George and England, England and Lloyd George.	Он знай себе валил лес на своих угодьях и свято верил в Ллойд-Джорджа и Англию, в Англию и... Ллойд-Джорджа.
And he wanted Clifford to marry and produce an heir.	Он очень хотел, чтобы Клиффорд женился и произвел наследника.
Clifford felt his father was a hopeless anachronism.	Прямо средневековое какое-то, думал Клиффорд.
But wherein was he himself any further ahead, except in a winning sense of the ridiculousness of everything, and the paramount ridiculousness of his own position?	Впрочем, далеко ли он ушел сам, разве что в язвительных насмешках над нелепой жизнью и над собственным смехотворным положением.
For willy-nilly he took his baronetcy and Wragby with the last seriousness.	Хочешь не хочешь, а пришлось ему, сдерживая глумливый смех, смириться: принимать ему и титул баронета, и родовую усадьбу Рагби.
The gay excitement had gone out of the war...dead.	Война в два счета покончила с беспечным весельем мирных дней.
Too much death and horror.	Кругом смерть, кровь...
A man needed support and comfort.	Мужчине хотелось уюта, поддержки.
A man needed to have an anchor in the safe world.	Мужчине хотелось в тихую гавань, где можно бросить якорь.
A man needed a wife.	Мужчине хотелось жениться.
The Chatterleys, two brothers and a sister, had lived curiously isolated, shut in with one	Странное дело: несмотря на многочисленные знакомства, младшие Чаттерли (Герберт, Клиффорд и Эмма) жили в

another at Wragby, in spite of all their connexions.	Рагби весьма обособленно, довольствуясь обществом друг друга.
A sense of isolation intensified the family tie, a sense of the weakness of their position, a sense of defencelessness, in spite of, or because of, the title and the land.	Семейные узы крепили: все трое чувствовали свою обособленность, шаткость своего положения среди людей (титул и земли скорее способствовали тому, нежели защищали).
They were cut off from those industrial Midlands in which they passed their lives.	Жили они вроде бы и в самом промышленном сердце Англии, однако пульс их жизни был совсем иной.

And they were cut off from their own class by the brooding, obstinate, shut-up nature of Sir Geoffrey, their father, whom they ridiculed, but whom they were so sensitive about.	Жили они вроде бы среди таких же помещиков, как и отец, однако из-за домоседства, замкнутости и упрямства они так и не сблизилась с соседями. Дети, хотя и нежно любили отца, частенько подсмеивались над его тяжелым нравом.
The three had said they would all live together always.	Они поставили прожить всю жизнь неразлучной троицей.
But now Herbert was dead, and Sir Geoffrey wanted Clifford to marry.	Но вот погиб Герберт, и сэр Джеффри все надежды связал с женитьбой младшего сына.
Sir Geoffrey barely mentioned it: he spoke very little.	Нет, разговора об этом старик не заводил, он вообще был скуп на слова.
But his silent, brooding insistence that it should be so was hard for Clifford to bear up against.	Но его задумчивый взгляд, тяжелые, неспешные шаги, исполненное смысла молчание нудили Клиффорда пуще всяких попреков.
But Emma said No!	Его браку, впрочем, решительно воспротивилась Эмма.
She was ten years older than Clifford, and she felt his marrying would be a desertion and a betrayal of what the young ones of the family had stood for.	Была она десятью годами старше и считала: женится Клиффорд - значит, предаст и опорочит некогда изъявленную волю троих юных Чаттерли.
Clifford married Connie, nevertheless, and had his month's honeymoon with her.	Все же Клиффорд женился на Конни и успел провести с ней медовый месяц.
It was the terrible year 1917, and they were intimate as two people who stand together on a sinking ship.	Страшный 1917 год сблизил их - так вмиг сближаются пассажиры на палубе тонущего корабля.
He had been virgin when he married: and the sex part did not mean much to him.	До женитьбы Клиффорд не спал с женщинами, а плотские утехы значили для него очень и очень мало.
They were so close, he and she, apart from that.	А душевная близость с женой не нарушила его девства.
And Connie exulted a little in this intimacy which was beyond sex, and beyond a man's 'satisfaction'.	Конни даже обрадовалась: вот истинная любовь, выше всяких там сексуальных отношений, выше "удовлетворения страсти".
Clifford anyhow was not just keen on his 'satisfaction', as so many men seemed to be.	Клиффорд, собственно, и не домогался никакого удовлетворения, не в пример многим и многим мужчинам.
No, the intimacy was deeper, more personal than that.	Его близость с Конни глубже, интимнее близости половой, которая нечто далеко не обязательное, второстепенное.
And sex was merely an accident, or an adjunct, one of the curious obsolete, organic processes which persisted in its own clumsiness, but was not really necessary.	Так, допотопная и смехотворно нелепая биологическая реакция, назойливо заявляющая о себе, а меж тем надобность в ней давно отпала.
Though Connie did want children: if only to fortify her against her sister-in-law Emma.	А Конни мечтала о ребенке. Хотя бы для того, чтобы утвердиться перед золовкой.

But early in 1918 Clifford was shipped home smashed, and there was no child.	Нов начале 1918 года Клиффорда привезли домой, что называется, еле-еле душа в теле. Детей ждать не приходилось.
And Sir Geoffrey died of chagrin.	Сэр Джеффри не вынес горя и умер.
Chapter 2	2
Connie and Clifford came home to Wragby in the autumn of 1920.	Осенью 1920 года Конни и Клиффорд вернулись в Рагби.
Miss Chatterley, still disgusted at her brother's defection, had departed and was living in a little flat in London.	Сестра Клиффорда так и не простила ему "предательства" и поселилась в Лондоне, в маленькой квартирке.
	Усадьба Рагби - старый приземистый и долгий дом,

Wragby was a long low old house in brown stone, begun about the middle of the eighteenth century, and added on to, till it was a warren of a place without much distinction.	сложенный из песчаника, - стояла давно, с середины восемнадцатого века. С той поры к дому все лепились и лепились бесчисленные пристройки, и теперь дом являл собою скорее муравейник, нежели дворянское гнездо.
It stood on an eminence in a rather line old park of oak trees, but alas, one could see in the near distance the chimney of Tevershall pit, with its clouds of steam and smoke, and on the damp, hazy distance of the hill the raw straggle of Tevershall village, a village which began almost at the park gates, and trailed in utter hopeless ugliness for a long and gruesome mile: houses, rows of wretched, small, begrimed, brick houses, with black slate roofs for lids, sharp angles and wilful, blank dreariness.	Стояла усадьба на всхолмлении посреди дубравы, но прямо за ней, увы, дымила и чадила огромная труба - там уже главенствовала шахта Тивершолл, а у подножья холма, прямо от усадебных ворот начиналась деревня, тоже Тивершолл - тонувшая в сыром мареве. Собственно деревушку составляли унылые и безобразные домишки, разбросанные там и сям на добрую милю. Тесные, убогие, прокопченные дома из кирпича, крытые почерневшим шифером. Фасады их напоминали искаженные безысходной злобой лица.
Connie was accustomed to Kensington or the Scotch hills or the Sussex downs: that was her England.	Конни была более привычна к другой Англии: к Кенсингтону, к горам Шотландии, к долинам Сассекса.
With the stoicism of the young she took in the utter, soulless ugliness of the coal-and-iron Midlands at a glance, and left it at what it was: unbelievable and not to be thought about.	Но и чудовищно бездушное уродство шахтерского "сердца Англии" приняла с присущими всем молодым твердостью и решимостью. Приняла сразу. Взглянула и решила - точно отрезала: и лучше об этом и не думать, хотя такое и в страшном сне не приснится.
From the rather dismal rooms at Wragby she heard the rattle-rattle of the screens at the pit, the puff of the winding-engine, the clink-clink of shunting trucks, and the hoarse little whistle of the colliery locomotives.	Из тоскливых усадебных покоев ей было слышно, как лязгают огромные сита на сортировке, как тяжело вздыхает и отдувается подъемник, как громяхают вагонетки, как хрипло в изнеможении гудят шахтовые паровозы.
Tevershall pit-bank was burning, had been burning for years, and it would cost thousands to put it out.	Огонь уже долгие годы пожирал устье шахты Тивершолл, но погасить его - накладно.
So it had to burn.	Так и горел огромный факел денно и ночью.

And when the wind was that way, which was often, the house was full of the stench of this sulphurous combustion of the earth's excrement.	А подует ветер в сторону дома (что не редкость), и усадьба наполнялась удушливой серной вонью испражнений Земли.
But even on windless days the air always smelt of something under-earth: sulphur, iron, coal, or acid.	Да и в безветренный день тянет чем-то подземным: серой, железом, углем и еще чем-то кислым.
And even on the Christmas roses the smuts settled persistently, incredible, like black manna from the skies of doom.	Даже розы, выращенные к Рождеству, каждый раз покрываются копотью, как черной манной с небес в Судный день. Глазам своим не поверишь.
Well, there it was: fated like the rest of things! It was rather awful, but why kick? You couldn't kick it away.	Увы, это так: здешний край обречен! Конечно, это ужасно, но стоит ли вставать на дыбы?
It just went on. Life, like all the rest!	Жизнь идет своим чередом, ее не остановишь.
On the low dark ceiling of cloud at night red blotches burned and quavered, dappling and swelling and contracting, like burns that give pain.	На низких полных тучах загорались красные точки, играли огненные блики, то надувались пузырями, то лопались, как волдыри после ожога, оставляя непреходящую боль.
It was the fumaces.	То были шахтные печи.
At first they fascinated Connie with a sort of horror; she felt she was living underground.	Поначалу они завораживали и пугали Конни, ей казалось, что она живет в преисподней.
Then she got used to them.	Но обвыклась.
And in the morning it rained.	Почти каждое утро встречало ее нудным дождем.
Clifford professed to like Wragby better than London.	Клиффорд же во всеуслышанье заявлял, что Рагби ему больше по душе, нежели Лондон.
This country had a grim will of its own, and the people had guts.	В этом краю таилась своя угрюмая сила, жили крепкие, с характером, люди.
Connie wondered what else they had: certainly neither eyes nor minds.	А что еще, кроме характера, есть у этих людей, думала Конни. Ничего.
The people were as haggard, shapeless, and dreary as the countryside, and as unfriendly.	Пустые глаза, пустые головы. Люди под стать своей земле: изможденные, мрачные, безобразные, недружелюбные.

Only there was something in their deep-mouthed slurring of the dialect, and the thresh-thresh of their hob-nailed pit-boots as they trailed home in gangs on the asphalt from work, that was terrible and a bit mysterious.	А еще таилась страшная неразгаданность и в гортанном их говоре, и в шарканье тяжелых башмаков с подковками, когда тянулись по асфальтовой дороге с работы группы шахтеров.
There had been no welcome home for the young squire, no festivities, no deputation, not even a single flower.	Ни торжественной встречи, ни праздника по случаю возвращения молодого хозяина селяне не устроили. Никто не пришел приветить его, не принес цветов.

Only a dank ride in a motor-car up a dark, damp drive, burrowing through gloomy trees, out to the slope of the park where grey damp sheep were feeding, to the knoll where the house spread its dark brown facade, and the housekeeper and her husband were hovering, like unsure tenants on the face of the earth, ready to stammer a welcome.	И пришлось уныло трястись в машине под дождем по мокрой, темной, обсаженной угрюмыми деревьями аллее; на холме, где начинался парк, паслись овцы; чуть выше раскинулась мрачная усадьба. У подъезда, как загостившиеся и в доме, и на земле постояльцы, робко переминались с ноги на ногу экономка и ее супруг, готовясь произнести кургузое приветствие.
There was no communication between Wragby Hall and Tevershall village, none.	Обитатели усадьбы и деревни не общались - решительно и бесповоротно.
No caps were touched, no curtseys bobbed.	Встречая господ, мужчины не снимали шапок, женщины не приседали в полупоклоне.
The colliers merely stared; the tradesmen lifted their caps to Connie as to an acquaintance, and nodded awkwardly to Clifford; that was all.	Шахтеры лишь глазели на хозяев; торговцы кивали Клиффорду, как знакомцу (хоть и смущались при этом), и чуть приподнимали шапки, здороваясь с Конни. Вот и все почести.
Gulf impassable, and a quiet sort of resentment on either side.	Непреодолимая пропасть пролегла между господами и простолюдинами. А еще их разделяло скрытое презрение друг к другу.
At first Connie suffered from the steady drizzle of resentment that came from the village.	Первые дни Конни очень страдала от этого чувства, изморось висевшего в деревенском воздухе.
Then she hardened herself to it, and it became a sort of tonic, something to live up to.	Потом закалила сердце и даже гордилась своей твердостью.
It was not that she and Clifford were unpopular, they merely belonged to another species altogether from the colliers.	Нельзя сказать, что их с Клиффордом ненавидели. Просто Конни и Клиффорд - существа иного порядка, нежели шахтеры.
Gulf impassable, breach indescribable, such as is perhaps nonexistent south of the Trent.	И пропасть меж теми и другими бездонна, они немисливо далеки друг от друга, как, скажем, далека река Трент (хотя отнюдь не бездонна).
But in the Midlands and the industrial North gulf impassable, across which no communication could take place.	Здесь же, среди заводов и шахт центральной и северной Англии, меж хозяевами и рабочими никакого мостика не перекинуть, общения не завязать.
You stick to your side, I'll stick to mine!	Мы на своем краю, вы - на своем!
A strange denial of the common pulse of humanity.	Странно: ведь и у тех, и у других бьются в груди одинаковые сердца!
Yet the village sympathized with Clifford and Connie in the abstract.	Впрочем, в деревне даже жалели молодоженов, но лишь отвлеченно.
In the flesh it was—You leave me alone!—on either side.	А в делах житейских - не тронь! - и та, и другая сторона замыкались.
The rector was a nice man of about sixty, full of his duty, and reduced, personally, almost to a nonentity by the silent—You leave me alone!—of the village.	Местный священник - милый старичок лет шестидесяти, истый ревнитель веры - напрочь потерял особинку, подчинившись деревенской заповеди.

The miners' wives were nearly all Methodists.	Шахтерские жены почти все принадлежали к методистской церкви.
The miners were nothing.	Сами шахтеры - ни к какой.
But even so much official uniform as the clergyman wore was enough to obscure entirely the fact that he was a man like any other man.	Но даже простое облачение отгораживало священника от шахтеров, те совершенно не принимали служителя культа как простого, обыкновенного человека.
No, he was Mester Ashby, a sort of automatic preaching and praying concern.	Для них он оставался господином Эшби, этаким произносящей молитвы и проповеди машиной.
This stubborn, instinctive—We think ourselves as good as you, if you are Lady Chatterley!—puzzled	Поначалу Конни и удивлялась и недоумевала, натываясь на произвольно упрямую спесь местных:

and baffled Connie at first extremely.	дескать, хоть вы и леди, мы тоже не лыком шиты.
The curious, suspicious, false amiability with which the miners' wives met her overtures; the curiously offensive tinge of---Oh dear me!	А чего стоит недоверчивая, насквозь лицемерная улыбчивость шахтерских жен в ответ на попытки Конни найти с ними общий язык. Как все это странно! И как обидно!
I am somebody now, with Lady Chatterley talking to me!	Всякий раз слышишь насмешливые шепотки: "Эка! Надо ж, сама леди Чаттерли меня словом удостоила!
But she needn't think I'm not as good as her for all that!—which she always heard twanging in the women's half-fawning voices, was impossible.	Только пусть нос не задирает, не воображает, что я - грязь у нее под ногами". Невыносимо!
There was no getting past it.	И не избавиться от этого.
It was hopelessly and offensively nonconformist.	Местные на сближение не пойдут, нечего и надеяться!
Clifford left them alone, and she learnt to do the same: she just went by without looking at them, and they stared as if she were a walking wax figure.	Клиффорд уже махнул на них рукой, пришлось и Конни менять отношение. Она шла по улице, ни на кого не глядя, хотя на нее глазели, как на заводную куклу.
When he had to deal with them, Clifford was rather haughty and contemptuous; one could no longer afford to be friendly.	Случись Клиффорду с кем заговорить, он держался надменно, даже презрительно. Искать с ними дружбы долее - непозволительная роскошь.
In fact he was altogether rather supercilious and contemptuous of anyone not in his own class.	Дело еще и в том, что Клиффорд привечал и уважал людей лишь своего круга.
He stood his ground, without any attempt at conciliation.	И в этом он был неколебим, никаких уступок и компромиссов!
And he was neither liked nor disliked by the people: he was just part of things, like the pit-bank and Wragby itself.	Среди шахтеров он не снискал ни любви, ни ненависти. Они принимали его как неотъемлемую часть бытия: как шахты или как усадьбу Рагби.
But Clifford was really extremely shy and self-conscious now he was lamed.	В душе Клиффорд отчаянно робел и страдал, сознавая свою увечность.
He hated seeing anyone except just the personal servants.	Он не хотел никого видеть, кроме домашней прислуги.

For he had to sit in a wheeled chair or a sort of bath-chair.	Ведь ему приходилось либо сидеть в кресле, либо передвигаться тоже в кресле, но с моторчиком.
Nevertheless he was just as carefully dressed as ever, by his expensive tailors, and he wore the careful Bond Street neckties just as before, and from the top he looked just as smart and impressive as ever.	Однако одевался он по-прежнему изысканно: шил платье у лучших портных, носил элегантные галстуки - все как прежде, и, если поглядеть со стороны, он выглядел по-прежнему красавцем-щеголем.
He had never been one of the modern ladylike young men: rather bucolic even, with his ruddy face and broad shoulders.	Причем в нем не было слащавой женственности, столь присущей нынешним юношам. Напротив, широкие, как у крестьянина, плечи, румяное лицо.
But his very quiet, hesitating voice, and his eyes, at the same time bold and frightened, assured and uncertain, revealed his nature.	Но нет-нет да, и проглядывала его суть: в тихой неуверенной речи; во взгляде - смелом и в то же время боязливым, уверенном и нерешительном.
His manner was often offensively supercilious, and then again modest and self-effacing, almost tremulous.	И вел он себя то до обидного надменно, то скромно, даже тушуясь, а случалось, и вовсе робел.
Connie and he were attached to one another, in the aloof modern way.	Конни и Клиффорд были привязаны друг к другу, но, как заведено у современной молодежи, без каких-либо сантиментов.
He was much too hurt in himself, the great shock of his maiming, to be easy and flippant.	Игривым, ласковым котенком Клиффорду уже не стать - слишком великое потрясение выпало ему, слишком глубоко засела боль.
He was a hurt thing.	Увечный.
And as such Connie stuck to him passionately.	И Конни льнула к нему всей своей сострадающей душой.
But she could not help feeling how little connexion he really had with people.	Конечно же, она замечала, что муж почти отгородился от людей.
The miners were, in a sense, his own men; but he saw them as objects rather than men, parts of the pit rather than parts of life, crude raw phenomena rather than human beings along with him.	Шахтеры по сути - крепостные. И видел он в них скорее орудия труда, нежели живых людей; они составляли для него часть шахты, но, увы, не часть жизни; относился он к ним как к быдлу, но не как к равным.

He was in some way afraid of them, he could not bear to have them look at him now he was lame.	А в чем-то даже боялся их: вообразить страшно, как они будут глазеть на него теперешнего, на калеку.
And their queer, crude life seemed as unnatural as that of hedgehogs.	А их грубый, малопонятный уклад представлялся ему скорее звериным, нежели человеческим.
He was remotely interested; but like a man looking down a microscope, or up a telescope.	Наблюдал он эти существа отстранение, будто букашек в микроскоп или неведомые миры в телескоп.
He was not in touch. He was not in actual touch with anybody, save, traditionally, with Wragby, and, through the close bond of family defence, with Emma.	Сблизиться с ними и не пытался, как, впрочем, и ни с кем, разве что с обитателями усадьбы (давно ему привычными) да с сестрой Эммой (их связывали узы кровного родства и защита семейных интересов).

Beyond this nothing really touched him.	И больше, казалось, ничто и никто его не касается. Пустота. Пропать.
Connie felt that she herself didn't really, not really touch him; perhaps there was nothing to get at ultimately; just a negation of human contact.	И мне до него не дотянуться, - думала Конни. - Ухватиться не за что.
Yet he was absolutely dependent on her, he needed her every moment.	Ведь он отвергает любое общение. На самом же деле Клиффорд не мог обойтись без жены. Ни единой минуты.
Big and strong as he was, he was helpless.	Рослый, сильный мужчина, а совершенно беспомощен.
He could wheel himself about in a wheeled chair, and he had a sort of bath-chair with a motor attachment, in which he could puff slowly round the park.	Разве что передвигаться по дому да ездить по парку он умел сам.
But alone he was like a lost thing.	Но оставаясь наедине с собой, он чувствовал себя ненужным и потерянным.
He needed Connie to be there, to assure him he existed at all.	Конни постоянно должна быть рядом, она возвращала ему уверенность, что он еще жив.
Still he was ambitious.	Бок о бок с неуверенностью в Клиффорде уживалось честолюбие.
He had taken to writing stories; curious, very personal stories about people he had known.	Он принялся писать рассказы: удивительные, глубоко личные воспоминания о бывших знакомых.
Clever, rather spiteful, and yet, in some mysterious way, meaningless.	Получалось умно, иронично, но - вот загадка! - не угадывался авторский замысел.
The observation was extraordinary and peculiar.	Клиффорду не отказать в чрезвычайной и своеобразной наблюдательности.
But there was no touch, no actual contact.	Но его героям не хватало жизни, связи друг с другом.
It was as if the whole thing took place in a vacuum.	Действие разворачивалось словно в пустоте.
And since the field of life is largely an artificially-lighted stage today, the stories were curiously true to modern life, to the modern psychology, that is.	А поскольку сегодняшняя жизнь в основном - ярко освещенные театральные подмостки, то рассказы Клиффорда удивительнейшим образом оказались созвучны современной жизни, точнее, душевному ладу современного человека.
Clifford was almost morbidly sensitive about these stories.	Клиффорд прямо-таки с болезненной чуткостью внимал отзывам.
He wanted everyone to think them good, of the best, ne plus ultra.	Ему непременно хотелось, чтобы рассказы нравились, считались великолепными, непревзойденными.
They appeared in the most modern magazines, and were praised and blamed as usual.	Напечатали их самые передовые журналы. Как водится, кое-что критика похвалила, кое за что - пожурила.
But to Clifford the blame was torture, like knives goading him.	Журьба для Клиффорда хуже пытки, каждое слово - нож острый.

It was as if the whole of his being were in his stories.	Похоже, в рассказы он вкладывал всю душу.
Connie helped him as much as she could.	Конни помогала, чем могла.
At first she was thrilled.	Сперва работа волновала.

He talked everything over with her monotonously, insistently, persistently, and she had to respond with all her might. It was as if her whole soul and body and sex had to rouse up and pass into theme stories of his.	Муж обсуждал с ней каждую мелочь дотошно и обстоятельно, а ей приходилось напрягать все силы и тела, и души, и женского своего естества - собирать их воедино, увязывать в композиции рассказа.
This thrilled her and absorbed her.	Это и волновало, и увлекало Конни.
Of physical life they lived very little.	Иных, кроме духовных, забот у них не было.
She had to superintend the house. But the housekeeper had served Sir Geoffrey for many years, and the dried-up, elderly, superlatively correct female you could hardly call her a parlour-maid, or even a woman...who waited at table, had been in the house for forty years.	На Конни вроде бы лежало все домашнее хозяйство... но и им занималась экономка, долгие годы прослужившая еще при сэре Джеффри. Высохшая, безупречных манер и поведения... такую даже горничной неудобно назвать или застольной прислужницей. Ведь она в доме уже сорок лет!
Even the very housemaids were no longer young.	Да и служанки долгие-долгие годы при усадьбе.
It was awful!	Ужас!
What could you do with such a place, but leave it alone!	Уклад усадебной жизни неколебим. Лучше и не трогать.
All these endless rooms that nobody used, all the Midlands routine, the mechanical cleanliness and the mechanical order!	Пусть себе стоят многочисленные комнаты (куда хозяева и не заглядывают), и пусть наводят там столь привычную и столь же бессмысленную чистоту и порядок - так заведено в этих краях.
Clifford had insisted on a new cook, an experienced woman who had served him in his rooms in London.	Клиффорд, правда, вытребовал себе новую повариху, эта искусная стряпуха готовила ему еще в Лондоне.
For the rest the place seemed run by mechanical anarchy.	А в остальном в доме царила особая анархия, бездушная и механистичная.
Everything went on in pretty good order, strict cleanliness, and strict punctuality; even pretty strict honesty.	Все совершалось в определенной последовательности, все было расписано по минутам. Честность слуги блюли не менее строго, чем чистоту.
And yet, to Connie, it was a methodical anarchy.	И все же за таким бездумно-бездушным распорядком виделась Конни анархия.
No warmth of feeling united it organically.	Ибо только теплом и лаской можно связать воедино и наполнить смыслом все эти ритуалы.
The house seemed as dreary as a disused street.	А пока что дом жил уныло и безотрадно, словно забытая улица.
What could she do but leave it alone?	Могла ли Конни что-либо изменить?
So she left it alone.	Нет, пожалуй, лучше ничего не трогать. Так она и поступила.

Miss Chatterley came sometimes, with her aristocratic thin face, and triumphed, finding nothing altered.	Изредка навещалась сестра Клиффорда; на ее худощавом породистом лице всякий раз запечатлевалось нескрываемое ликование: в доме все по-прежнему!
She would never forgive Connie for ousting her from her union in consciousness with her brother.	Нет, вовек она не простит Конни, ведь та порушила ее духовный союз с братом.
It was she, Emma, who should be bringing forth the stories, these books, with him; the Chatterley stories, something new in the world, that they, the Chatterleys, had put there.	Эмма первой привозила и только что вышедшие в свет рассказы Клиффорда. Несомненно, это новое слово в литературе, и принадлежит оно роду Чаттерли - единственное мерило ценности для Эммы.
There was no other standard. There was no organic connexion with the thought and expression that had gone before.	Все мыслители и писатели прошлого не в счет.
Only something new in the world: the Chatterley books, entirely personal.	Ценится в мире только новое, а новое - это книги Чаттерли, столь доверительные и интимные.
Connie's father, where he paid a flying visit to Wragby, and in private to his daughter: As for Clifford's writing, it's smart, but there's nothing in it. It won't last!	Заезжал в Рагби и отец Конни. Разговаривая с дочерью с глазу на глаз, он так отозвался о рассказах Клиффорда: "Пишет умно, да только копнешь, а внутри пусто. Бабочки-однодневки его рассказы!"
Connie looked at the burly Scottish knight who had done himself well all his life, and her eyes, her big, still-wondering blue eyes became vague.	Конни глядела на отца - дородного шотландского дворянина, обратившего всю жизнь лишь себе на пользу, - и ее большие, еще по-детски изумленные голубые глаза затуманивались.
Nothing in it!	"Внутри пусто!"

What did he mean by nothing in it?	Что он хотел сказать? Что значит "пусто"?
If the critics praised it, and Clifford's name was almost famous, and it even brought in money... what did her father mean by saying there was nothing in Clifford's writing?	Ведь критики расхваливают Клиффорда, он уже стал известным, книги его стали доходными. Так что же хотел сказать отец, назвав мужнины рассказы "пустыми"?
What else could there be?	Какой содержательности им не хватает?
For Connie had adopted the standard of the young: what there was in the moment was everything.	Конни, как и все молодые, считала: все самое-самое происходит сию минуту.
And moments followed one another without necessarily belonging to one another.	А минуты, увы, быстротечны, и они подчас не являют непрерывную цепочку.
It was in her second winter at Wragby her father said to her: 'I hope, Connie, you won't let circumstances force you into being a demi-vierge.'	На второй год в Рагби, зимой, отец спросил у нее: - Надеюсь, Конни, ты не поплывешь по течению и не останешься demi-vierge?
'A demi-vierge!' replied Connie vaguely. 'Why? Why not?'	- Demi-vierge? - нерешительно переспросила та. - А почему бы, собственно, и нет?
'Unless you like it, of course!' said her father hastily.	- Да ради Бога, если тебя такое положение устраивает, - спешно пошел на попятный отец.
To Clifford he said the same, when the two men were alone: 'I'm afraid it doesn't quite suit Connie to be a demi-vierge.'	А оставшись наедине с Клиффордом, сказал по сути то же самое. - По-моему, Конни не очень-то на пользу быть demi-vierge.

'A half-virgin!' replied Clifford, translating the phrase to be sure of it.	- То есть и не женщиной, и не девушкой? - уточнил Клиффорд, переведя с французского.
He thought for a moment, then flushed very red. He was angry and offended.	Ненадолго он задумался, густо покраснел - упрек задел за живое.
'In what way doesn't it suit her?' he asked stiffly.	- И в каком же смысле ей это не на пользу? - сухо спросил он.
'She's getting thin...angular.	- Ну, она с лица и с тела спала, одни мослы торчат.
It's not her style.	Ее это отнюдь не красит.
She's not the pilchard sort of little slip of a girl, she's a bonny Scotch trout.'	Воблой сушеной она отродясь не была, всегда ладненькая: круглобокая, как форель у нас в Шотландии.
'Without the spots, of course!' said Clifford.	- Одним словом, со всех сторон хороша, - подхватил Клиффорд.
He wanted to say something later to Connie about the demi-vierge business... the half-virgin state of her affairs.	Потом он хотел поговорить с Конни о ее двойственном положении... каково ей оставаться девушкой при живом муже.
But he could not bring himself to do it.	Но так и не набрался храбрости.
He was at once too intimate with her and not intimate enough.	Близкое, доверительное отношение к супруге порой словно натывалось на преграду.
He was so very much at one with her, in his mind and hers, but bodily they were non-existent to one another, and neither could bear to drag in the corpus delicti.	Душой и мыслями они были едины, телом - просто не существовали друг для друга и избегали любого напоминания об этом, боялись, как преступники - улик.
They were so intimate, and utterly out of touch. Connie guessed, however, that her father had said something, and that something was in Clifford's mind.	Впрочем, Конни догадалась, что у отца был какой-то разговор с Клиффордом и чем-то Клиффорд крепко озабочен.
She knew that he didn't mind whether she were demi-vierge or demi-monde, so long as he didn't absolutely know, and wasn't made to see.	Она знала, что его не беспокоит - demi-vierge она или demi-monde [дама полусвета (фр.)] - лишь бы сам он ничего не ведал и никто б не указал.
What the eye doesn't see and the mind doesn't know, doesn't exist.	Чего глаз не видит, о том душа не болит, того просто не существует.
Connie and Clifford had now been nearly two years at Wragby, living their vague life of absorption in Clifford and his work.	Почти два года жили в Рагби Конни и Клиффорд, и тусклую жизнь их целиком поглощала Клиффордова работа.
Their interests had never ceased to flow together over his work.	В этом интересы супругов никогда не расходились.
They talked and wrestled in the throes of composition, and felt as if something were	Они обсуждали каждый поворот сюжета, спорили, в муках рождая рассказ, и обоим казалось, что их герои и впрямь живут, дышат... но в безвоздушном

happening, really happening, really in the void.	пространстве.
And thus far it was a life: in the void.	Так же в пустоте протекала и жизнь супругов.
For the rest it was non-existence.	Остального просто не существовало.

Wragby was there, the servants...but spectral, not really existing.	Усадьба, слуги - все казалось бесплотным и ненастоящим.
Connie went for walks in the park, and in the woods that joined the park, and enjoyed the solitude and the mystery, kicking the brown leaves of autumn, and picking the primroses of spring.	Конни ходила гулять и в парк, и в лес сразу за парком: лес дарил ей уединение и тайну. Осенью она ворошила палую листву, весной -собирала первоцветы.
But it was all a dream; or rather it was like the simulacrum of reality.	Словно один бесконечный сон, похожий на жизнь.
The oak-leaves were to her like oak-leaves seen ruffling in a mirror, she herself was a figure somebody had read about, picking primroses that were only shadows or memories, or words.	Порой она видела себя будто в зеркале: вот она, Конни, ворошит листву, а вот женщина (она напоминает героиню какого-то рассказа) собирает первоцветы. И цветы - лишь тени воспоминаний, отзвуки чьих-то слов. И она сама, и все вокруг -бесплотны.
No substance to her or anything...no touch, no contact!	И некому протянуть руку, не с кем обмолвиться словом.
Only this life with Clifford, this endless spinning of webs of yarn, of the minutiae of consciousness, these stories Sir Malcolm said there was nothing in, and they wouldn't last.	Все, что у нее есть, - это жизнь с Клиффордом, плетение нескончаемых словесных кружев с тончайшим орнаментом подсознательного, хотя и говорит ее отец, что рассказы пустые, "бабочки-однодневки".
Why should there be anything in them, why should they last?	А почему, собственно, должны они полниться чем-то? Почему должны жить вечно?
Sufficient unto the day is the evil thereof. Sufficient unto the moment is the appearance of reality.	Довольно для каждого для своей заботы [Евангелие от Матфея, 6:34], как довольно для каждого мига не правдивого изображения, а правдивой иллюзии.
Clifford had quite a number of friends, acquaintances really, and he invited them to Wragby.	У Клиффорда водились друзья, вернее сказать, знакомцы. Иногда он приглашал их в Рагби.
He invited all sorts of people, critics and writers, people who would help to praise his books.	Люд бывал самый разный: и критики, и писатели, но каждый усердно подпевал в хоре славословий хозяйским рассказам.
And they were flattered at being asked to Wragby, and they praised.	Им льстило приглашение в Рагби, вот они и старались.
Connie understood it all perfectly. But why not?	Конни все это отлично понимала, но не противилась.
This was one of the fleeting patterns in the mirror.	Подумаешь - мелькают в зеркале тени.
What was wrong with it?	Ну и что из того?
She was hostess to these people...mostly men.	Она радушно принимала гостей, в основном мужчин.
She was hostess also to Clifford's occasional aristocratic relations.	Она радушно принимала и редких мужниных родичей - дворян.
Being a soft, ruddy, country-looking girl, inclined to freckles, with big blue eyes, and curling, brown hair, and a soft voice, and rather strong, female loins she was considered a little old-fashioned and 'womanly'.	И те, и другие, видя милую, румяную, голубоглазую простушку с тихим голосом (чуть ли не конопату!), полагали ее несовременной -сегодня такие крутые, вальяжные бедра не в почете.

She was not a 'little pilchard sort of fish', like a boy, with a boy's flat breast and little buttocks.	Сегодня и впрямь в моде "воблы сушеные", девушки с мальчишескими фигурами, плоскогрудые и узкобедрые.
She was too feminine to be quite smart.	А Конни слишком уж женственна для современной красавицы.
So the men, especially those no longer young, were very nice to her indeed.	Разумеется, гости - мужчины, в основном немолодые, - относились к ней распрекрасно.
But, knowing what torture poor Clifford would feel at the slightest sign of flirting on her part, she gave them no encouragement at all.	Она же, зная, как уязвит Клиффорда даже малейший намек на флирт, не принимала никаких знаков внимания.
She was quiet and vague, she had no contact with them and intended to have none.	Держалась спокойно и чуть отстраненно, намеренно отгораживаясь от какого-либо общения.

Clifford was extraordinarily proud of himself.	Клиффорд в такие минуты гордился собой несказанно.
His relatives treated her quite kindly.	И родные его, в общем-то, привечали Конни.
She knew that the kindness indicated a lack of fear, and that these people had no respect for you unless you could frighten them a little.	Возможно потому, что не боялись ее. Но раз не боялись, значит, и не уважали.
But again she had no contact.	И с родней мужа у Конни не складывалось никаких отношений.
She let them be kindly and disdainful, she let them feel they had no need to draw their steel in readiness.	Пусть говорят ей любезности, пусть едва скрывают снисходительное высокомерие -опасаться ее не стоит, так что острый булат их злословия может почивать в ножнах.
She had no real connexion with them.	Ведь Конни, по сути дела, отстояла от них далеко-далеко.
Time went on. Whatever happened, nothing happened, because she was so beautifully out of contact.	Время шло, что-то происходило вокруг, но для Конни ничего не менялось, она так замечательно самоустранилась от всего окружающего мира.
She and Clifford lived in their ideas and his books.	Жили они с Клиффордом среди литературных замыслов.
She entertained...there were always people in the house.	Скучать Конни не доводилось: в доме почти всегда были гости.
Time went on as the clock does, half past eight instead of half past seven.	Тик-так, тик-так, тикали дни и недели, только они явно спешили...
Chapter 3	3
Connie was aware, however, of a growing restlessness. Out of her disconnexion, a restlessness was taking possession of her like madness.	Конни стала замечать, как в душе все растет и растет беспокойство, оно заполняло пустоту, завладевало ее разумом и телом.
It twitched her limbs when she didn't want to twitch them, it jerked her spine when she didn't want to jerk upright but preferred to rest comfortably.	Вдруг, вопреки желанию, начинали дергаться руки и ноги. Или словно током било в спину, и Конни вытягивалась в струнку, хотя ей хотелось развалиться в кресле.

It thrilled inside her body, in her womb, somewhere, till she felt she must jump into water and swim to get away from it; a mad restlessness.	Или начинало щекотать где-то во чреве, и нет никакого спасения, разве что прыгнуть в реку или озеро и уплыть от щекотливой дрожи прочь. Наваждение!
It made her heart beat violently for no reason. And she was getting thinner. It was just restlessness.	Или вдруг отчаянно заколотится сердце - ни с того ни с сего. Конни еще больше похудела и осунулась. Наваждение!
She would rush off across the park, abandon Clifford, and lie prone in the bracken.	Вдруг вскочит и бросится по парку - прочь от Клиффорда, - упадет ничком в зарослях папоротника.
To get away from the house...she must get away from the house and everybody. The work was her one refuge, her sanctuary.	Только бы подальше от дома, подальше ото всех. В лесу обретала она и приют и уединение.
But it was not really a refuge, a sanctuary, because she had no connexion with it. It was only a place where she could get away from the rest.	Впрочем, приют ли? Ведь и с ним ничто ее не связывало: скорее, в лесу ей удавалось спрятаться от всех и вся.
She never really touched the spirit of the wood itself...if it had any such nonsensical thing.	А к истинной душе леса, если вообще о ней уместно говорить, Конни так и не прикоснулась.
Vaguely she knew herself that she was going to pieces in some way.	Она смутно чувствовала: в ней зреет какой-то разлад.
Vaguely she knew she was out of connexion: she had lost touch with the substantial and vital world.	Она смутно понимала: жизнь, люди - точно за стеклянной стеной. Не проникают сквозь нее живительные силы!
Only Clifford and his books, which did not exist...which had nothing in them!	Рядом лишь Клиффорд и его книги - бесплотные миражи, то есть - пустота.
Void to void.	Куда ни кинь - лишь пустота.
Vaguely she knew.	Конни это чувствовала и понимала, но смутно. Что же делать?
But it was like beating her head against a stone.	Стену лбом не прошибешь.
Her father warned her again: 'Why don't you get yourself a beau, Connie?'	Снова намекал отец: - А что б тебе ухажера завести, а?
Do you all the good in the world.'	Познала б все радости жизни.

That winter Michaelis came for a few days. He was a young Irishman who had already made a large fortune by his plays in America.	В ту зиму на несколько дней в Рагби заезжал Микаэлис, молодой ирландец-драматург, сколотивший состояние в Америке.
He had been taken up quite enthusiastically for a time by smart society in London, for he wrote smart society plays.	Некогда его с восторгом принимали в лучших домах Лондона. Как же! Ведь его пьесы о них, аристократах.
Then gradually smart society realized that it had been made ridiculous at the hands of a down-at-heel Dublin street-rat, and revulsion came.	Со временем в лучших домах поняли, что их просто-напросто высмеял дублинский мальчишка из самых что ни на есть низов общества.
Michaelis was the last word in what was caddish and boulderish.	И его возненавидели. В разговоре его имя стало олицетворять хамство и ограниченность.

He was discovered to be anti-English, and to the class that made this discovery this was worse than the dirtiest crime.	Вдруг выяснилось, что настроения у него -антианглийские. Для некогда поднявших его на щит аристократов это было самым страшным преступлением.
He was cut dead, and his corpse thrown into the refuse can.	Итак, высшее общество морально казнило Микаэлиса и выбросило труп на помойку.
Nevertheless Michaelis had his apartment in Mayfair, and walked down Bond Street the image of a gentleman, for you cannot get even the best tailors to cut their low-down customers, when the customers pay.	Сам же драматург преспокойно жил в престижнейшем районе Лондона, одевался как истинный джентльмен (не запретишь ведь лучшим портным шить и для подонков, если те хорошо платят).
Clifford was inviting the young man of thirty at an inauspicious moment in thy young man's career.	Приглашение от Клиффорда Микаэлис получил в самый неблагоприятный момент за все тридцать лет жизни.
Yet Clifford did not hesitate.	Причем Клиффорд послал приглашение, не колеблясь!
Michaelis had the ear of a few million people, probably; and, being a hopeless outsider, he would no doubt be grateful to be asked down to Wragby at this juncture, when the rest of the smart world was cutting him.	В ту пору к мнению Микаэлиса прислушивались еще миллионы людей. В лихую для себя годину он, несомненно, будет рад-радешенек погостить в Рагби, ведь для него закрыты все остальные "приличные" дома.
Being grateful, he would no doubt do Clifford good' over there in America.	И уж конечно, он потом отблагодарит Клиффорда, вернувшись в Америку.
Kudos!	Деньги! Слава!
A man gets a lot of kudos, whatever that may be, by being talked about in the right way, especially 'over there'.	И то, и другое - что пожелаешь - придет, если о тебе в нужную минуту, в нужном месте замолвят словечко, особенно там, за океаном.
Clifford was a coming man; and it was remarkable what a sound publicity instinct he had.	Молодой, подающий надежды писатель вдруг обнаружил огромную, совершенно подсознательную и глубоко коренящуюся тягу к известности.
In the end Michaelis did him most nobly in a play, and Clifford was a sort of popular hero.	В конце концов Микаэлис поступил очень великодушно: вывел Клиффорда в очередной своей пьесе, тем самым прославив.
Till the reaction, when he found he had been made ridiculous.	Не сразу сообразил Клиффорд, что драматург высмеял и его.
Connie wondered a little over Clifford's blind, imperious instinct to become known: known, that is, to the vast amorphous world he did not himself know, and of which he was uneasily afraid; known as a writer, as a first-class modern writer.	Конни не понимала, откуда у мужа такое слепое, подсознательное стремление -прославиться. Важнее ничего не существовало. Зачем ему слава в этом безалаберном мире, которого он толком не знал и боялся, не ожидая добра. В этом мире его, однако, почитали писателем, причем писателем первоклассным и весьма современным.

Connie was aware from successful, old, hearty, bluffing Sir Malcolm, that artists did advertise themselves, and exert themselves to put their goods over.	Конни вспомнила слова своего удачливого, грубого и простодушного отца: кто к искусству причастен, непременно должен себя в лучшем виде представить, да еще и все "прелести" напоказ выставить.
But her father used channels ready-made, used by all the other R. A.s who sold their pictures.	Но сам отец, как и его друзья-художники, поторговывавшие своими холстами, довольствовался доступной рекламой.
Whereas Clifford discovered new channels of publicity, all kinds.	Клиффорд же изыскивал все новые, неочевидные способы - только чтоб о нем узнали.

He had all kinds of people at Wragby, without exactly lowering himself.	Он принимал в Рагби самых разных людей и ни перед одним, в общем-то, не пресмыкался.
But, determined to build himself a monument of a reputation quickly, he used any handy rubble in the making.	Но уж если вознамерился воздвигнуть в одночасье памятник своему писательскому таланту, не погнушаешься и за малым камушком нагнуться.
Michaelis arrived duly, in a very neat car, with a chauffeur and a manservant.	Микаэлис не заставил себя ждать, приехал на красивой машине, с шофером, и слугой.
He was absolutely Bond Street!	Джентльмен с головы до пят!
But at right of him something in Clifford's county soul recoiled.	У Клиффорда, привыкшего не к столичному лоску, а к простой деревенской жизни, шевельнулось в душе неприятное чувство.
He wasn't exactly... not exactly...in fact, he wasn't at all, well, what his appearance intended to imply.	Что-то притворное, нет, пожалуй, даже лживое угадывалось во внешности гостя. Под холеной личиной скрывалась совсем иная суть.
To Clifford this was final and enough.	Клиффорду этого было достаточно - выводы он делал категорично.
Yet he was very polite to the man; to the amazing success in him.	Тем не менее к гостю отнесся очень уважительно. И тот был просто очарован.
The bitch-goddess, as she is called, of Success, roamed, snarling and protective, round the half-humble, half-defiant Michaelis' heels, and intimidated Clifford completely: for he wanted to prostitute himself to the bitch-goddess, Success also, if only she would have him.	Подле него, тишайше-нижайше ироничнейшего, виляла хвостом, то рыча, то очериваясь, Удача. И благоговеющему Клиффорду так захотелось почесать ей за ухом, подружиться - вот только, не ровен час, укусит.
Michaelis obviously wasn't an Englishman, in spite of all the tailors, hatters, barbers, booters of the very best quarter of London. No, no, he obviously wasn't an Englishman: the wrong sort of flattish, pale face and bearing; and the wrong sort of grievance.	Как ни обряжали, ни обували, ни холили Микаэлиса моднейшие лондонские портные, башмачники, шляпники, цирюльники, на англичанина он решительно не походил. Совершенно не походил! Не то лицо - бледное, вялое и печальное. Не та печаль - не подобающая истинному джентльмену. Читалась на этом лице помимо печали еще и озлобленность.
He had a grudge and a grievance: that was obvious to any true-born English gentleman, who would scorn to let such a thing appear blatant in his own demeanour.	А ведь и слепому ясно, что истинный, рожденный и взращенный в Англии джентльмен сочтет ниже своего достоинства выказывать подобные чувства.

Poor Michaelis had been much kicked, so that he had a slightly tail-between-the-legs look even now.	Бедняге Микаэлису досталось изрядно пинков и тычков, поэтому вид у него был чуть затравленный.
He had pushed his way by sheer instinct and sheerer effrontery on to the stage and to the front of it, with his plays.	Он выбился "в люди" благодаря безошибочному чутью и поразительному бесстыдству в пьесах, завоевавших теперь подмостки.
He had caught the public.	Публика валила валом.
And he had thought the kicking days were over.	Казалось, все пинки и тычки - в прошлом...
Alas, they weren't...	Увы, так только казалось.
They never would be.	Никогда им не суждено кончиться.
For he, in a sense, asked to be kicked.	Микаэлис зачастую сам лез на рожон.
He pined to be where he didn't belong... among the English upper classes.	Тянулся к высшему обществу, где ему совсем не место.
And how they enjoyed the various kicks they got at him!	Ах, с каким удовольствием английские светские львы и львицы набрасывались на драматурга!
And how he hated them!	И как люто он их ненавидел!
Nevertheless he travelled with his manservant and his very neat car, this Dublin mongrel.	Тем не менее этот выходец из дублинской черни ездил с собственным шофером и со слугой!
There was something about him that Connie liked.	А Конни в нем даже что-то понравилось.
He didn't put on airs to himself, he had no illusions about himself.	Он не заносился, прекрасно сознавая свое положение.
He talked to Clifford sensibly, briefly, practically, about all the things Clifford wanted to know.	С Клиффордом беседовал толково, немногословно и обо всем, что того интересовало.
He didn't expand or let himself go.	Говорил сдержанно, не увлекался, понимал, что пригласили его в Рагби, поскольку заинтересованы в нем.

He knew he had been asked down to Wragby to be made use of, and like an old, shrewd, almost indifferent business man, or big-business man, he let himself be asked questions, and he answered with as little waste of feeling as possible.	И как многоопытный и прозорливый, но в данном случае почти бескорыстный делец, если не сказать - воротила, он любезно выслушивал вопросы и, не тратясь душой, спокойно отвечал.
'Money!' he said. 'Money is a sort of instinct.	- Что деньги? - говорил он. - Страсть к деньгам у человека в крови. Это свойство человеческой натуры, и от вас ничего не зависит. И страсть эта - не единичный приступ, а болезнь всего вашего существа, долгая и изнурительная.
It's a sort of property of nature in a man to make money. It's nothing you do. It's no trick you play.	Вы начала делать деньги и уже не остановитесь.
It's a sort of permanent accident of your own nature; once you start, you make money, and you go on; up to a point, I suppose.'	Впрочем, у каждого свой предел.
'But you've got to begin,' said Clifford.	- Но важно начать, - вставил Клиффорд.

'Oh, quite!	- Безусловно!
You've got to get in. You can do nothing if you are kept outside.	Пока не "заразились", ничего у вас не выйдет.
You've got to beat your way in. Once you've done that, you can't help it.'	А как на эту дорожку встанете, так все - вас понесет по течению.
'But could you have made money except by plays?' asked Clifford.	- А могли бы вы зарабатывать иначе, не пьесами? - полюбопытствовал Клиффорд.
'Oh, probably not!	- Скорее всего, нет.
I may be a good writer or I may be a bad one, but a writer and a writer of plays is what I am, and I've got to be.	Плох ли, хорош ли, но я писатель, драматург, это мое призвание.
There's no question of that.'	Поэтому ответ однозначен.
'And you think it's a writer of popular plays that you've got to be?' asked Connie.	- И что же, ваше призвание - быть именно популярным драматургом? - спросила Конни.
'There, exactly!' he said, turning to her in a sudden flash. 'There's nothing in it! There's nothing in popularity.	- Вот именно! - мгновенно повернувшись к ней, ответил Микаэлис. - Но эта популярность - мираж, и только.
There's nothing in the public, if it comes to that.	Мираж и сама публика, если на то пошло.
There's nothing really in my plays to make them popular.	И мои пьесы тоже мираж, в них нет ничего особенного.
It's not that.	Дело в другом.
They just are like the weather...the sort that will have to be...for the time being.'	Как с погодой: какой суждено быть, такая и установится.
He turned his slow, rather full eyes, that had been drowned in such fathomless disillusion, on Connie, and she trembled a little.	В чуть навывкате глазах у него таилось бездонное, безнадежное разочарование. Вот он медленно поднял взгляд на Конни, и она вздрогнула.
He seemed so old...endlessly old, built up of layers of disillusion, going down in him generation after generation, like geological strata; and at the same time he was forlorn like a child.	Микаэлис вдруг представился ей очень старым, безмерно старым; в нем будто запечатлелись пласты разных эпох и поколений, пласты разочарования. И в то же время он походил на обездоленного ребенка.
An outcast, in a certain sense; but with the desperate bravery of his rat-like existence.	Да, в каком-то смысле он изгой. Но чувствовалась в нем и отчаянная храбрость - как у загнанной в угол крысы.
'At least it's wonderful what you've done at your time of life,' said Clifford contemplatively.	- И все же за свою жизнь вы сделали очень и очень много, - задумчиво произнес Клиффорд.
'I'm thirty...yes, I'm thirty!' said Michaelis, sharply and suddenly, with a curious laugh; hollow, triumphant, and bitter.	- Мне уже тридцать... да, тридцать! - воскликнул Микаэлис и вдруг, непонятно почему, глухо рассмеялся. Слышались в его смехе и торжество, и горечь.
'And are you alone?' asked Connie.	- Вы одиноки? - спросила Конни.
How do you mean?	- То есть?
Do I live alone?	Живу ли я один?

I've got my servant.	У меня есть слуга, грек, как он утверждает, и совершенный недотепа.
----------------------	---

He's a Greek, so he says, and quite incompetent.	Но я к нему привык.
But I keep him.	Собираюсь жениться.
And I'm going to marry.	Да, жениться необходимо!
Oh, yes, I must marry.' 'It sounds like going to have your tonsils cut,' laughed Connie. 'Will it be an effort?'	- Вы словно об удалении гланд говорите! - улыбнулась Конни. - Неужто жениться так тягостно?
He looked at her admiringly. 'Well, Lady Chatterley, somehow it will! I find... excuse me...	Микаэлис восхищенно взглянул на нее. - Вы угадали, леди Чаттерли! Выбор - страшное бремя!
I find I can't marry an Englishwoman, not even an Irishwoman...'	Простите, но меня не привлекают ни англичанки, ни даже ирландки.
'Try an American,' said Clifford.	- Возьмите в жены американку, - посоветовал Клиффорд.
'Oh, American!' He laughed a hollow laugh. 'No, I've asked my man if he will find me a Turk or something...something nearer to the Oriental.'	- Американку! - глухо рассмеялся Микаэлис. - Нет уж, я попросил слугу, чтобы он мне турчанку нашел или какую-нибудь женщину с Востока.
Connie really wondered at this queer, melancholy specimen of extraordinary success; it was said he had an income of fifty thousand dollars from America alone.	Конни надивиться не могла на это дитя сносшибательной удачи: такой необычный, такой задумчивый и печальный... Поговаривали, что только постановки в Америке сулят ему пятьдесят тысяч долларов ежегодно.
Sometimes he was handsome: sometimes as he looked sideways, downwards, and the light fell on him, he had the silent, enduring beauty of a carved ivory Negro mask, with his rather full eyes, and the strong queerly-arched brows, the immobile, compressed mouth; that momentary but revealed immobility, an immobility, a timelessness which the Buddha aims at, and which Negroes express sometimes without ever aiming at it; something old, old, and acquiescent in the race!	Порой он казался ей красивым: склоненное в профиль лицо его напоминало африканскую маску слоновой кости - чуть навывкате глаза, рельефные дуги волевых бровей, застывшие не улыбочивые губы. И в неподвижности этой - несуетная созерцательность, отрешенность от времени. Таким намеренно изображают Будду. А в африканских масках никакой намеренности - все естественно и просто - в них извечное смирение целой расы.
Aeons of acquiescence in race destiny, instead of our individual resistance.	Сколько же ей уготовано судьбой терпеть и смиряться! Иное дело - мы: всяк сам по себе, топорщится, противится судьбе.
And then a swimming through, like rats in a dark river.	Барахтаемся, точно крысы в омуте, пытаемся выплыть.
Connie felt a sudden, strange leap of sympathy for him, a leap mingled with compassion, and tinged with repulsion, amounting almost to love.	Конни вдруг захлестнула волна жалости к этому человеку, странная, брезгливая жалость, но столь великая, что впору сравнить с любовью.
The outsider!	Изгой!
The outsider!	Ведь он же изгой!
And they called him a bounder!	"Нахал", "пройдоха" - бросали ему в лицо.

How much more boulderish and assertive Clifford looked!	Да в Клиффорде в сто раз больше и самомнения и нахальства!
How much stupider!	Да и глупости тоже!
Michaelis knew at once he had made an impression on her.	Микаэлис быстро смекнул, что покори́л хозяйку дома.
He turned his full, hazel, slightly prominent eyes on her in a look of pure detachment.	И во взгляде больших карих глаз засквозила отстраненность.
He was estimating her, and the extent of the impression he had made.	Он хладнокровно оценивал Конни, равно как и впечатление, которое на нее произвел.
With the English nothing could save him from being the eternal outsider, not even love.	С англичанкой даже в любви он навечно обречен оставаться изгоем.
Yet women sometimes fell for him...Englishwomen too.	Женщины, однако, нередко льнули к нему. В том числе и англичанки.
He knew just where he was with Clifford. They were two alien dogs which would have liked to snarl at one another, but which smiled instead, perforce.	С Клиффордом Микаэлис держался независимо и раскованно, смекнув, что и этот - такой же чужак в аристократической стае. Им более по душе рычать друг на друга, нежели улыбаться. Но обстоятельства сильнее.
But with the woman he was not quite so sure.	С Конни он не был столь самоуверен.

Breakfast was served in the bedrooms; Clifford never appeared before lunch, and the dining-room was a little dreary.	Завтракали они в покоях - в столовой Клиффорд обычно появлялся лишь к обеду, а в утренний час там было не очень-то уютно.
After coffee Michaelis, restless and ill-sitting soul, wondered what he should do.	После кофе Микаэлис - непоседа и суетник -затосковал, не зная, чем заняться.
It was a fine November...day fine for Wragby.	Стоял чудесный ноябрьский день... чудесный, конечно, по меркам Рагби.
He looked over the melancholy park.	Микаэлис загляделся на печальный парк.
My God!	Господи!
What a place!	Какая красота!
He sent a servant to ask, could he be of any service to Lady Chatterley: he thought of driving into Sheffield.	Микаэлис послал слугу узнать, нельзя ли чем услужить леди Чаттерли - он собирается поехать в Шеффилд.
The answer came, would he care to go up to Lady Chatterley's sitting-room.	Слуга вернулся с ответом: хозяйка просит пожаловать к ней в гостиную.
Connie had a sitting-room on the third floor, the top floor of the central portion of the house.	Гостиная Конни располагалась на верхнем этаже в центральной части дома.
Clifford's rooms were on the ground floor, of course.	Покои и гостиная Клиффорда, разумеется, на первом.
Michaelis was flattered by being asked up to Lady Chatterley's own parlour.	Микаэлису польстило приглашение в апартаменты хозяйки.
He followed blindly after the servant...he never noticed things, or had contact with Isis surroundings.	Ничего не замечая вокруг, пошел он за слугой... Впрочем, он вообще ничего не замечал и с окружением не соприкасался.

In her room he did glance vaguely round at the fine German reproductions of Renoir and C [^] anne.	В гостиной он осмотрелся, заметил отличные немецкие копии Ренуара и Сезанна на стенах.
'It's very pleasant up here,' he said, with his queer smile, as if it hurt him to smile, showing his teeth. 'You are wise to get up to the top.'	- Как у вас здесь хорошо, - похвалил он и осклабился. Странная у него улыбка - точно болезненный оскал. - Умно вы поступили, наверху устроились.
'Yes, I think so,' she said.	- Да, здесь лучше, - согласилась она.
Her room was the only gay, modern one in the house, the only spot in Wragby where her personality was at all revealed.	И впрямь: во всем доме лишь ее комната не была безнадежно уныла и старомодна. Лишь в ее комнате запечатлелся характер хозяйки.
Clifford had never seen it, and she asked very few people up.	Клиффорд ее вообще не видел, да и не многих гостей приглашала Конни к себе наверх.
Now she and Michaelis sit on opposite sides of the fire and talked.	Они с Микаэлисом сели слева и справа от камина и затеяли разговор.
She asked him about himself, his mother and father, his brothers...other people were always something of a wonder to her, and when her sympathy was awakened she was quite devoid of class feeling.	Она расспрашивала его о семье, о нем самом. Люди, казалось, всегда несли с собой чудо, и уж коль скоро они пробуждали в Конни сочувствие, не все ли равно, к какому классу принадлежат.
Michaelis talked frankly about himself, quite frankly, without affectation, simply revealing his bitter, indifferent, stray-dog's soul, then showing a gleam of revengeful pride in his success.	Микаэлис говорил совершенно откровенно, но не играл на чувствах собеседницы. Он просто открывал ей свою разочарованную и усталую, как у бездомного пса душу, иногда чуть обнажая уязвленную гордыню.
'But why are you such a lonely bird?' Connie asked him; and again he looked at her, with his full, searching, hazel look.	- Вы - словно птица, отбившаяся от стаи. Почему так? - спросила Конни. И снова большие карие глаза пристально глядят на нее.
'Some birds are that way,' he replied. Then, with a touch of familiar irony: 'but, look here, what about yourself? Aren't you by way of being a lonely bird yourself?'	- А не все птицы стаи держатся, - ответил он и прибавил с уже знакомой иронией: - Вот вы, например? Вы же тоже сами по себе.
Connie, a little startled, thought about it for a few moments, and then she said: 'Only in a way! Not altogether, like you!'	Слова эти смутили Конни, и она не сразу нашла, что ответить. - Далеко не во всем, не то что вы.
'Am I altogether a lonely bird?' he asked, with his queer grin of a smile, as if he had toothache; it was so wry, and his eyes were so perfectly unchangingly melancholy, or stoical, or disillusioned or afraid.	- А я, выходит, безнадежный одиночка? - спросил он, снова осклабившись и сморщившись, как от боли. Лишь в глазах на исказившемся лице все та же грусть, или же смирение перед судьбой, или разочарование, или даже страх.

'Why?' she said, a little breathless, as she looked at him. 'You are, aren't you?'	- Конечно! - У Конни даже захватило дух, когда она взглянула на него. - Конечно, одиночка.
She felt a terrible appeal coming to her from him, that made her almost lose her balance.	Сколь велик зов его плоти! Конни с трудом сохранила спокойствие.
'Oh, you're quite right!' he said, turning his head away, and looking sideways, downwards, with that strange immobility of an old race that is hardly here in our present day.	- Вы совершенно правы! - ответил он, отвел взор, опустил глаза, лицо же оставалось неподвижным, как древняя маска древней расы, которой ныне уже нет. Микаэлис отстранился и замкнулся.

It was that that really made Connie lose her power to see him detached from herself.	От этого, именно от этого лишилась Конни спокойствия.
He looked up at her with the full glance that saw everything, registered everything.	Вдруг он снова поднял голову, посмотрел ей прямо в лицо: ничто не укроется от такого взгляда, каждую мелочь приметит.
At the same time, the infant crying in the night was crying out of his breast to her, in a way that affected her very womb.	И в то же время словно малое дитя воззвало к ней среди беспросветной ночи. И глас, рвущийся из его сердца, отозвался у Конни во чреве.
'It's awfully nice of you to think of me,' he said laconically.	- Спасибо за то, что думаете обо мне, - только и сказал он.
'Why shouldn't I think of you?' she exclaimed, with hardly breath to utter it.	- Отчего же мне не думать?! - едва слышно с чувством произнесла она.
He gave the wry, quick hiss of a laugh.	Микаэлис криво усмехнулся, будто хмыкнул.
'Oh, in that way!...May I hold your hand for a minute?' he asked suddenly, fixing his eyes on her with almost hypnotic power, and sending out an appeal that affected her direct in the womb.	- Ах, вон, значит, как!.. Позвольте руку! -вдруг попросил он и взглянул на нее, вмиг подчинив своей воле, и снова мольба плоти мужской достигла плоти женской.
She stared at him, dazed and transfixed, and he went over and kneeled beside her, and took her two feet close in his two hands, and buried his face in her lap, remaining motionless.	Она смотрела на него зачарованно, неотрывно, а он опустил на колени, обнял ее ноги, зарылся лицом в ее колени и застыл.
She was perfectly dim and dazed, looking down in a sort of amazement at the rather tender nape of his neck, feeling his face pressing her thighs.	Потрясенная Конни как в тумане видела мальчишески трогательный затылок Микаэлиса, чувствовала, как приник он лицом к ее бедрам.
In all her burning dismay, she could not help putting her hand, with tenderness and compassion, on the defenceless nape of his neck, and he trembled, with a deep shudder.	Смятение огнем полыхало в душе, но почти помимо своей воли Конни вдруг нежно и жалостливо погладила такой беззащитный затылок.
Then he looked up at her with that awful appeal in his full, glowing eyes.	Микаэлис вздрогнул всем телом. Потом взглянул на нее: большие глаза горят, в них та же страстная мольба.
She was utterly incapable of resisting it.	И нет сил противиться.
From her breast flowed the answering, immense yearning over him; she must give him anything, anything.	В каждом ударе ее сердца - ответ истомившейся души: отдам тебе всю себя, всю отдам.
He was a curious and very gentle lover, very gentle with the woman, trembling uncontrollably, and yet at the same time detached, aware, aware of every sound outside.	Непривычны оказались для нее его ласки, но Микаэлис обращался с ней очень нежно, чутко; он дрожал всем телом, предаваясь страсти, но даже в эти минуты чувствовалась его отстраненность, он будто прислушивался к каждому звуку извне.
To her it meant nothing except that she gave herself to him.	Для Конни, впрочем, это было неважно. Главное, она отдалась, отдалась ему!
And at length he ceased to quiver any more, and lay quite still, quite still. Then, with dim, compassionate fingers, she stroked his head, that lay on her breast.	Но вот он больше не дрожит, лежит рядом тихо-тихо, голова его покоится у нее на груди. Еще полностью не придя в себя, она снова сочувственно погладила его по голове.

When he rose, he kissed both her hands, then both her feet, in their suxde slippers, and in silence went away to the end of the room, where he stood with his back to her. There was silence for some minutes.	Микаэлис поднялся, поцеловал ей руки, ступни в замшевых шлепанцах. Молча отошел к дальней стене, остановился, не поворачиваясь к Конни лицом.
--	---

Then he turned and came to her again as she sat in her old place by the fire.	Потом вернулся к ней - Конни уже сидела на прежнем месте подле камина.
'And now, I suppose you'll hate me!' he said in a quiet, inevitable way.	- Ну, теперь вы, очевидно, ненавидите меня? -спросил он спокойно, пожалуй, даже обреченно.
She looked up at him quickly.	Конни встрепенулась, взглянула на него.
'Why should I?' she asked.	- За что же?
'They mostly do,' he said; then he caught himself up. 'I mean...a woman is supposed to.'	- Почти все ненавидят... потом. - И тут же спохватился. - Это вообще присуще женщине.
This is the last moment when I ought to hate you,' she said resentfully.	- Ненависти к вам у меня никогда не будет.
'I know!	- Знаю!
I know!	Знаю!
It should be so!	Иначе и быть не может!
You're frightfully good to me...' he cried miserably.	Вы ко мне так добры, что даже страшно! - вскричал он горестно.
She wondered why he should be miserable. 'Won't you sit down again?' she said.	"С чего бы ему горевать?" - подумала Конни. -Может, присядете? - предложила она.
He glanced at the door.	Микаэлис покосился на дверь.
'Sir Clifford!' he said, 'won't he...won't he be...?'	- А как сэр Клиффорд?.. - начал он. - Ведь ему... ведь он... - и запнулся, подбирая слова.
She paused a moment to consider. 'Perhaps!' she said.	- Ну и пусть! - бросила Конни и взглянула ему в лицо.
And she looked up at him. I don't want Clifford to know not even to suspect.	- Я не хочу, чтоб он знал или даже подозревал что-то...
It would hurt him so much.	Не хочу огорчать его.
But I don't think it's wrong, do you?'	По-моему, ничего плохого я не делаю, а как по-вашему?
'Wrong! Good God, no!	- Господи, что ж тут плохого!
You're only too infinitely good to me...I can hardly bear it.'	Вы просто бесконечно добры ко мне... Невыносимо добры.
He turned aside, and she saw that in another moment he would be sobbing.	Он отвернулся, и она поняла, что вот-вот он расплачется.
'But we needn't let Clifford know, need we?' she pleaded. 'It would hurt him so. And if he never knows, never suspects, it hurts nobody.'	- Не нужно, чтоб Клиффорд знал, правда? - уже просила Конни. - Он очень расстроится, а не узнает - ничего и не заподозрит. И никому не будет плохо.

'Me!' he said, almost fiercely; 'he'll know nothing from me! You see if he does.	- От меня, - взорвался вдруг Микаэлис, - он уж во всяком случае никогда ничего не узнает! Никогда!
Me give myself away!	Не стану ж я себя выдавать?
Ha! Ha!' he laughed hollowly, cynically, at such an idea.	- И он рассмеялся глухо и грубо - его рассмешила сама мысль.
She watched him in wonder.	Конни лишь заворуженно смотрела на него.
He said to her: 'May I kiss your hand and go? I'll run into Sheffield I think, and lunch there, if I may, and be back to tea.	А он продолжал: - Позвольте ручку на прощанье, и я отбуду в Шеффилд. Пообедаю, если удастся, там, а к чаю вернусь.
May I do anything for you?	Что мне для вас сделать?
May I be sure you don't hate me?—and that you won't?'—he ended with a desperate note of cynicism.	И как мне увериться, что у вас нет ко мне ненависти? И не будет потом? - закончил он на отчаянно-бесстыдной ноте.
'No, I don't hate you,' she said. 'I think you're nice.'	- У меня нет к вам ненависти, - подтвердила Конни.
'Ah!' he said to her fiercely, 'I'd rather you said that to me than said you love me!	- Вы мне очень приятны. - Да что там! -продолжал он неистово. - Лучше б вы сказали, что любите меня.
It means such a lot more...Till afternoon then.	Эти слова значат куда больше... Прощаюсь до вечера.
I've plenty to think about till then.'	Мне надо многое обдумать.
He kissed her hands humbly and was gone.	- Он смиренно поцеловал ей руку и ушел.

I don't think I can stand that young man,' said Clifford at lunch.	За обедом Клиффорд заметил: - Что-то мне трудно выносить общество этого молодого человека.
'Why?' asked Connie.	- Почему? - удивилась Конни.
'He's such a bounder underneath his veneer...just waiting to bounce us.'	- За внешним лоском у него душа прохвоста. Только и ждет, когда б ножку подставить.
I think people have been so unkind to him,' said Connie.	- С ним так обходились, - обронила Конни.
'Do you wonder?	- И не удивительно!
And do you think he employs his shining hours doing deeds of kindness?'	Ты думаешь, он день-деньской только добро и творит?
'I think he has a certain sort of generosity.'	- По-моему, он бывает и благороден по-своему.
'Towards whom?'	- К кому это?
'I don't quite know.'	- Наверное не скажу.
'Naturally you don't.	- Конечно, не скажешь.
I'm afraid you mistake unscrupulousness for generosity.'	Не путаешь ли ты благородство с беспринципностью?
Connie paused.	Конни задумалась.
Did she?	Неужели Клиффорд прав?

It was just possible.	Не исключено.
Yet the unscrupulousness of Michaelis had a certain fascination for her.	Конечно, Микаэлис к цели идет любым путем, но даже в этом что-то привлекает.
He went whole lengths where Clifford only crept a few timid paces.	И исходил он ох как немало, а Клиффорд и нескольких жалких шагов не прополз.
In his way he had conquered the world, which was what Clifford wanted to do.	Микаэлис достиг цели, можно сказать, покорил мир, а Клиффорд только мечтает.
Ways and means...?	А какими путями достигается цель?..
Were those of Michaelis more despicable than those of Clifford?	Да и так ли уж пути Микаэлиса грязнее Клиффордовых?
Was the way the poor outsider had shoved and bounced himself forward in person, and by the back doors, any worse than Clifford's way of advertising himself into prominence?	Бедняга пускался во все тяжкие, не мытьем, так катаньем, но добился своего. Чем лучше Клиффорд: чтобы пробраться к славе, не гнушается никакой рекламой.
The bitch-goddess, Success, was trailed by thousands of gasping, dogs with lolling tongues.	Госпожа Удача - ни дать ни взять сука, за которой тысячи кобелей гонятся, вывалив языки, задыхаясь.
The one that got her first was the real dog among dogs, if you go by success!	Кто догонит - тот среди кобелей король.
So Michaelis could keep his tail up.	Так что Микаэлис может гордиться!
The queer thing was, he didn't.	То-то и удивительно, что не гордился.
He came back towards tea-time with a large handful of violets and lilies, and the same hang-dog expression.	Вернулся он к пяти часам с букетами фиалок и ландышей. И снова - как побитый пес.
Connie wondered sometimes if it were a sort of mask to disarm opposition, because it was almost too fixed.	Может, это маска, думала Конни, так легче обескураживать врагов. Только уж больно он привык к этой маске.
Was he really such a sad dog?	А вдруг он и впрямь - побитая грустноглазая собака?
His sad-dog sort of extinguished self persisted all the evening, though through it Clifford felt the inner effrontery.	Так и просидел весь вечер Микаэлис с видом несчастной собаки. Клиффорду за этой маской представлялась суть - дерзость и бесстыдство.
Connie didn't feel it, perhaps because it was not directed against women; only against men, and their presumptions and assumptions.	Конни не чувствовала подобного; возможно, против женщин он не направлял это оружие. А воевал только с мужчинами, с их высокомерием и заносчивостью.
That indestructible, inward effrontery in the meagre fellow was what made men so down on Michaelis.	И вот эту-то неистребимую дерзость, таящуюся за унылой, худосочной личиной, и не могли простить Микаэлису мужчины.
His very presence was an affront to a man of society, cloak it as he might in an assumed good manner.	Само его присутствие оскорбляло светского человека, и оскорбление это не скрыть за ширмой благовоспитанности.

Connie was in love with him, but she managed to sit with her embroidery and let the men talk, and not give herself away.	Конни влюбилась, но ничем себя не выдала; в беседу мужчин она не вмешивалась, занялась вышивкой.
--	--

As for Michaelis, he was perfect; exactly the same melancholic, attentive, aloof young fellow of the previous evening, millions of degrees remote from his hosts, but laconically playing up to them to the required amount, and never coming forth to them for a moment.	И Микаэлису нужно отдать должное: он оставался, как и вчера, грустноглазым, внимательным собеседником, хотя по сути был несказанно далеко от хозяев дома. Он лишь умело подыгрывал беседе, отвечая коротко, но ровно столько, сколько от него ожидалось, не выпячивая свое "я".
Connie felt he must have forgotten the morning.	Конни даже показалось, что он, скорее всего, забыл их утреннюю встречу.
He had not forgotten.	Но он ничего не забыл.
But he knew where he was...in the same old place outside, where the born outsiders are.	Не забыл и где находится. Тут он тоже изгой, что ж, такова участь уродившегося изгоем.
He didn't take the love-making altogether personally.	Утреннюю любовную игру он не принял близко к сердцу.
He knew it would not change him from an ownerless dog, whom everybody begrudges its golden collar, into a comfortable society dog.	Не переменит его это приключение. Как бездомным псом жил, таким и останется. Хоть завидуют его золотому ошейнику, а все одно: не бывать ему комнатной собачонкой.
The final fact being that at the very bottom of his soul he was an outsider, and anti-social, and he accepted the fact inwardly, no matter how Bond-Streety he was on the outside.	В глубине души он сознавал (и смирялся!): в какие павлиньи перья ни рядись, все равно он чужак и в обществе не приживется.
His isolation was a necessity to him; just as the appearance of conformity and mixing-in with the smart people was also a necessity.	Но с другой стороны, внутренняя отрешенность от всех и вся была ему необходима. Ничуть не меньше, чем чисто внешнее единообразие в общении с "благородными" людьми.
But occasional love, as a comfort arid soothing, was also a good thing, and he was not ungrateful.	Редкие любовные связи утешали, успокаивали, словом, влияли на него благотворно, и Микаэлиса не упрекнуть в неблагодарности.
On the contrary, he was burningly, poignantly grateful for a piece of natural, spontaneous kindness: almost to tears.	Напротив, он пылко и растроганно благодарил за малую толику человеческого тепла, неожиданной доброты, едва не плача при этом.
Beneath his pale, immobile, disillusioned face, his child's soul was sobbing with gratitude to the woman, and burning to come to her again; just as his outcast soul was knowing he would keep really clear of her.	За бледным, недвижным лицом-маской, запечатлевшим разочарование, таилась детская душа, до слез благодарная ласковой женщине. Нестерпимо хочется побыть с ней еще, а душа изгоя твердила: ты все равно от нее далеко.
He found an opportunity to say to her, as they were lighting the candles in the hall:	Зажигая свечи в зале, он улучил момент и шепнул ей:
'May I come?'	- Можно мне к вам прийти?
'I'll come to you,' she said.	- Я приду сама, - ответила Конни.
'Oh, good!'	- Господи!
He waited for her a long time...but she came.	Он ждал ее долго-долго... но дождался.
He was the trembling excited sort of lover, whose crisis soon came, and was finished.	Ласкал он ее трепетно, возбуждение его быстро нарастало, но так же быстро кончилось.

There was something curiously childlike and defenceless about his naked body: as children are naked.	Странно, голый он походил на подростка: щуплый, беззащитный - такие тела у мальчишек.
His defences were all in his wits and cunning, his very instincts of cunning, and when these were in abeyance he seemed doubly naked and like a child, of unfinished, tender flesh, and somehow struggling helplessly.	Будто вместе с одеждой он расстался со своей броней: умом и хитростью, которая вошла в плоть и кровь. И обнажилось не только его тело, но и душа. Нежный, еще не сформировавшийся плотью ребенок беспомощно барахтается подле нее.
He roused in the woman a wild sort of compassion and yearning, and a wild, craving physical desire.	Да, он вызывал в ней необоримую жалость, но равно и необоримую страсть, желание близости.
The physical desire he did not satisfy in her;	И близость меж тем не приносила ей радости: Микаэлис

he was always come and finished so quickly, then shrinking down on her breast, and recovering somewhat his effrontery while she lay dazed, disappointed, lost.	слишком быстро возгорался, но так же быстро и затухал - без сил падал к ней на грудь, и мало-помалу к нему возвращалась привычная бесстыдная дерзость. А Конни лежала как в полусне, разочарованная и опустошенная.
But then she soon learnt to hold him, to keep him there inside her when his crisis was over. And there he was generous and curiously potent; he stayed firm inside her, giving to her, while she was active... wildly, passionately active, coming to her own crisis.	Но скоро она научилась управлять его телом; когда он быстро утолял свою страсть, Конни, чувствуя в себе его жаркую, на удивление все еще упругую плоть, не отпускала его, а неистово, со всей нерастраченной пылкостью брала на себя ведущую роль, а он благодарно поддавался, уступая ее страсти. Так она достигала высшей точки блаженства.
And as he felt the frenzy of her achieving her own orgasmic satisfaction from his hard, erect passivity, he had a curious sense of pride and satisfaction.	А он, видя, что даже в пассивном положении способен удовлетворить женщину, сам, как ни странно, бывал горд и удовлетворен.
'Ah, how good!' she whispered tremulously, and she became quite still, clinging to him.	- Как хорошо! - трепетно шептала она, затихала и прикидала к нему.
And he lay there in his own isolation, but somehow proud.	А он лежал такой близкий и такой далекий, довольный собой.
He stayed that time only the three days, and to Clifford was exactly the same as on the first evening; to Connie also.	В тот раз он гостил у них три дня, и Клиффорд не заметил в нем никаких перемен. Не заметила бы и Конни.
There was no breaking down his external man.	Маску Микаэлис носил безупречно.
He wrote to Connie with the same plaintive melancholy note as ever, sometimes witty, and touched with a queer, sexless affection.	Он писал ей письма, все на той же грустно-усталой ноте, порой остроумные, порой трогавшие странной привязанностью без намека на плотское.
A kind of hopeless affection he seemed to feel for her, and the essential remoteness remained the same.	По-прежнему он был раздвоен: с одной стороны, безнадежно тянулся к Конни, с другой - оставался далеким и одиноким.
He was hopeless at the very core of him, and he wanted to be hopeless.	Какая-то безысходность таилась у него в душе, и он не торопился с ней расстаться, возродив надежду.

He rather hated hope. 'Une immense espérance a travers la terre', he read somewhere, and his comment was:—and it's damned-well drowned everything worth having.'	Скорее наоборот, он ненавидел самую надежду. "Огромной волной катит по земле надежда", -вычитал он где-то и заметил: "И гонит на пути все достойное и желанное".
Connie never really understood him, but, in her way, she loved him.	Конни толком не понимала его, хотя по-своему любила.
And all the time she felt the reflection of his hopelessness in her.	Впрочем, безысходность Микаэлиса подавляла ее чувства.
She couldn't quite love in hopelessness.	Нельзя без оглядки любить разуверившегося человека.
And he, being hopeless, couldn't ever quite love at all.	А уж он и подавно никогда никого не любил.
So they went on for quite a time, writing, and meeting occasionally in London.	Так и тянулась их связь несколько времени -письма да редкие встречи в Лондоне.
She still wanted the physical, sexual thrill she could get with him by her own activity, his little orgasm being over.	Она по-прежнему получала удовлетворение, истинное трепетное наслаждение, лишь подчинив его тело своему после того, как у него наступала чересчур быстрая разрядка.
And he still wanted to give it her.	И он по-прежнему с гордостью подчинялся ее воле.
Which was enough to keep them connected.	На этом малом, собственно, и держалась их связь. Но Конни доставало и малости.
And enough to give her a subtle sort of self-assurance, something blind and a little arrogant.	У нее появилась уверенность в себе, даже белее -едва заметное довольство собой.
It was an almost mechanical confidence in her own powers, and went with a great cheerfulness.	Уверенность в своих силах, хоть и зиждилась на чистой физиологии, давала огромную радость.
She was terrifically cheerful at Wragby.	Как переменялось ее настроение в Рагби!
And she used all her aroused cheerfulness and satisfaction to stimulate Clifford, so	Конни радовалась жизни, радовалась пробудившемуся

that he wrote his best at this time, and was almost happy in his strange blind way.	женскому началу. И своим настроением она изо всех сил старалась подвигнуть Клиффорда на самые удачные творения.
He really reaped the fruits of the sensual satisfaction she got out of Michaelis' male passivity erect inside her.	И в ту пору они ему удавались, и он был почти что счастлив в неведении: ведь он пожинал плоды, возвращенные на чувственной ниве его супруги, по сути, ею же самой, так как пахарь, равно и орудие его страсти были полностью подвластны Конни.
But of course he never knew it, and if he had, he wouldn't have said thank you!	Но Клиффорд, конечно же, об этом не догадывался. Узнай он, вряд ли похвалил бы жену.
Yet when those days of her grand joyful cheerfulness and stimulus were gone, quite gone, and she was depressed and irritable, how Clifford longed for them again!	Впрочем, когда дни великой радости и подъема ушли (причем безвозвратно!) и Конни вновь сделалась унылой и раздражительной, Клиффорд безмерно тосковал по дням минувшим.

Perhaps if he'd known he might even have wished to get her and Michaelis together again.	Тогда, может быть, даже узнав о связи жены с Микаэлисом, он попросил бы их снова сойтись.
Chapter 4	4
Connie always had a foreboding of the hopelessness of her affair with Mick, as people called him.	Конни предчувствовала, что отношения с Миком (так многие называли Микаэлиса) заведут в тупик.
Yet other men seemed to mean nothing to her.	Однако другие мужчины для нее будто и не существовали.
She was attached to Clifford.	Душой она была привязана к Клиффорду.
He wanted a good deal of her life and she gave it to him.	Он хотел многого: чтобы вся ее жизнь принадлежала ему, и Конни давала, что могла.
But she wanted a good deal from the life of a man, and this Clifford did not give her; could not.	Но она тоже хотела многого от мужчины, с которым живет. Клиффорд этого не давал. Не мог.
There were occasional spasms of Michaelis.	Она довольствовалась редкими, скоротечными ласками Микаэлиса.
But, as she knew by foreboding, that would come to an end.	Но предчувствие крепло: скоро все кончится.
Mick couldn't keep anything up.	Мик не способен на долгую привязанность.
It was part of his very being that he must break off any connexion, and be loose, isolated, absolutely lone dog again.	Он непременно разорвет любую связь: вырваться на свободу - в этом его суть. Отрешится от всех и вся и снова станет бродячим псом.
It was his major necessity, even though he always said: She turned me down!	Без этого ему не прожить. Хотя потом он любил повторять: "Это она меня бросила!"
The world is supposed to be full of possibilities, but they narrow down to pretty few in most personal experience.	На белом свете полным-полно самых заманчивых возможностей, но каждому в жизни выпадает лишь одна-две.
There's lots of good fish in the sea...maybe...but the vast masses seem to be mackerel or herring, and if you're not mackerel or herring yourself you are likely to find very few good fish in the sea.	Много в море самой замечательной рыбы, но попадаете все скумбрия да сельдь. И если вы сами не из благородных, то хорошей рыбы встретите в море не много.
Clifford was making strides into fame, and even money. People came to see him. Connie nearly always had somebody at Wragby.	Клиффорд рвался к славе, да и к деньгам тоже.
But if they weren't mackerel they were herring, with an occasional cat-fish, or conger-eel.	К нему часто приезжали, гость в Рагби шел косяком.
There were a few regular men, constants; men who had been at Cambridge with Clifford.	Но все скумбрия да сельдь, редко-редко кто покрупнее да поблагороднее.
There was Tommy Dukes, who had remained in the army, and was a Brigadier-General. 'The army leaves me time to think, and saves me from having to face the battle of life,' he said.	Был и, так сказать, постоянный круг - однокашники Клиффорда по Кембриджу.

There was Charles May, an Irishman, who wrote	Томми Дьюкс, он и после войны не оставил армию. Дослужился уже до бригадного
---	--

scientifically about stars.	генерала. - Служба оставляет мне много времени для раздумий и спасает от битв в жизни повседневной, - говаривал он.
There was Hammond, another writer.	Ирландец Чарльз Мей, он очень умно писал о звездах.
All were about the same age as Clifford; the young intellectuals of the day.	Хаммонд - тоже писатель.
They all believed in the life of the mind.	Все они - ровесники Клиффорда, молодые современные интеллигенты.
What you did apart from that was your private affair, and didn't much matter.	Все они верили, что нужно жить высокодуховно.
No one thinks of inquiring of another person at what hour he retires to the privy.	А остальное - личное дело каждого и значения не имеет. Никому же не придет в голову спрашивать, когда вы ходите в уборную.
It isn't interesting to anyone but the person concerned.	Никого это не интересует, кроме вас.
And so with most of the matters of ordinary life...how you make your money, or whether you love your wife, or if you have 'affairs'. All these matters concern only the person concerned, and, like going to the privy, have no interest for anyone else.	И ко всему в повседневной жизни - бедны вы или богаты, любите ли жену или у вас есть любовница - они относились так же: это дело посторонних интересоваться не должно.
'The whole point about the sexual problem,' said Hammond, who was a tall thin fellow with a wife and two children, but much more closely connected with a typewriter, 'is that there is no point to it. Strictly there is no problem.	- Смысл полового вопроса в том, что он бессмыслен, - разглагольствовал тощий, долговязый Хаммонд, супруг, отец двух детей, более породнившийся, однако, с пишущей машинкой, - сам вопрос надуман.
We don't want to follow a man into the w.c., so why should we want to follow him into bed with a woman?	Придет ли кому в голову сопровождать вас в сортир? Так почему же мы должны лезть к вам в постель, когда вы с женщиной?
And therein lie the problem.	Вот и весь вопрос.
If we took no more notice of the one thing than the other, there'd be no problem.	Научиться не замечать половую жизнь, как и прочие естественные отправления, и нет больше никакого вопроса.
It's all utterly senseless and pointless; a matter of misplaced curiosity.'	Все дело в нашем неуместном любопытстве.
'Quite, Hammond, quite!	- Верно, Хаммонд, верно!
But if someone starts making love to Julia, you begin to simmer; and if he goes on, you are soon at boiling point.'...Julia was Hammond's wife.	Представь: кто-то задумал переспать с твоей Джулией, ты небось вскипишь, а перейди он от слов к делу - взорвешься!
'Why, exactly!	- Ну, конечно!
So I should be if he began to urinate in a corner of my drawing-room.	Если кто станет мочиться в углу гостиной -тоже не потерплю.
There's a place for all these things.'	Всему свое место.

'You mean you wouldn't mind if he made love to Julia in some discreet alcove?'	- То есть, соблазни кто Джулию в пристойном будуаре, ты и ухом не поведешь.
Charlie May was slightly satirical, for he had flirted a very little with Julia, and Hammond had cut up very roughly.	Чарли Мей немного язвил - он приударял за женой Хаммонда. Тот грубо отрезал:
Of course I should mind. Sex is a private thing between me and Julia; and of course I should mind anyone else trying to mix in.'	- Наша половая жизнь с Джулией никого не касается. И совать нос я никому не позволю.
'As a matter of fact,' said the lean and freckled Tommy Dukes, who looked much more Irish than May, who was pale and rather fat: 'As a matter of fact, Hammond, you have a strong property instinct, and a strong will to self-assertion, and you want success.	- Вот видишь, Хаммонд, как в тебе развито собственничество, - заметил тщедушный, конопатый Томми Дюкс, куда больше похожий на ирландца, чем дебелий Мей. - А еще ты жаждешь самоутверждения, успеха.
Since I've been in the army definitely, I've got out of the way of the world, and now I see how inordinately strong the craving for self-assertion and success is in men.	Я до мозга костей человек военный, светскую жизнь со стороны наблюдаю и вижу, как чрезмерна в мужчинах тяга к самоутверждению и успеху.
It is enormously overdeveloped.	Она все затмевает.
All our individuality has run that way.	Силы забирает без остатка.
And of course men like you think you'll get through better	Ну, а такие, как ты, считают, что с женщиной

with a woman's backing.	под боком быстрее к цели придешь.
That's why you're so jealous.	Оттого и ревнуешь.
That's what sex is to you...a vital little dynamo between you and Julia, to bring success.	Для тебя и постель - генератор успеха.
If you began to be unsuccessful you'd begin to flirt, like Charlie, who isn't successful.	А пойдет успех на убыль - начнешь и жене изменять. Вон, как Чарли: его успех стороной обошел.
Married people like you and Julia have labels on you, like travellers' trunks.	Но на таких, как вы с Джулией, супругах будто ярлычок висит, знаешь, как на чемоданах: собственность такого-то. Вы уже сами себе не принадлежите.
Julia is labelled Mrs Arnold B. Hammond---just like a trunk on the railway that belongs to somebody. And you are labelled Arnold B. Hammond, c/o Mrs Arnold B. Hammond.	Джулия - "собственность Арнольда Б.Хаммонда", а сам он - "собственность госпожи Хаммонд".
Oh, you're quite right, you're quite right! The life of the mind needs a comfortable house and decent cooking. You're quite right.	Да, конечно, ты возразишь, дескать, высокая духовная жизнь требует материального достатка: и уютного жилья, и вкусной пищи.
It even needs posterity.	Даже потомство - и то неперменное условие.
But it all hinges on the instinct for success.	И зиждется все на подсознательном стремлении к успеху.
That is the pivot on which all things turn.'	Вокруг этой оси вся наша жизнь вертится.
Hammond looked rather piqued.	Хаммонда эти слова задели.

He was rather proud of the integrity of his mind, and of his not being a time-server.	Он гордился тем, что в своей духовной жизни не шел ни на какие компромиссы со временем.
None the less, he did want success.	Уж приспособленцем-то его не назвать! Хотя от этого ничуть не убыло его стремление к успеху.
'It's quite true, you can't live without cash,' said May. 'You've got to have a certain amount of it to be able to live and get along...even to be free to think you must have a certain amount of money, or your stomach stops you.	- Верно, без денег не проживешь, - вздохнул Мей,- нужен достаток, чтоб жить, развиваться... Даже для того, чтоб беззаботно размышлять о том же достатке. На голодный желудок не поразмышляешь.
But it seems to me you might leave the labels off sex.	А вот что касается собственнических ярлыков, я б не стал их навешивать на отношения мужчин и женщин.
We're free to talk to anybody; so why shouldn't we be free to make love to any woman who inclines us that way?'	Мы беседуем, с кем нам хочется, почему б нам не спать с теми женщинами, которые нам милы?
'There speaks the lascivious Celt,' said Clifford.	- Итак, слово похотливому кельту, - вставил Клиффорд.
'Lascivious! well, why not—?	- Похотливому? Впрочем, что ж в этом плохого?
I can't see I do a woman any more harm by sleeping with her than by dancing with her...or even talking to her about the weather.	По-моему, переспав с женщиной, я обижу ее не более, чем станцевав с нею... или даже просто поговорив о погоде.
It's just an interchange of sensations instead of ideas, so why not?'	Только в разговоре мы обмениваемся суждениями, а в постели - чувствами. Так что ж в этом плохого?
Be as promiscuous as the rabbits!' said Hammond.	- И превратимся в кроликов. Они любой самке рады.
'Why not? What's wrong with rabbits?	- А чем, собственно, тебе не нравятся кролики?
Are they any worse than a neurotic, revolutionary humanity, full of nervous hate?'	Неужто они хуже человеческого племени, всех этих неврастеников и революционеров, исходящих зудом ненависти?
'But we're not rabbits, even so,' said Hammond.	- И все же мы не кролики, - бросил Хаммонд.
'Precisely!	- Вот именно!
I have my mind: I have certain calculations to make in certain astronomical matters that concern me almost more than life or death.	Я обладаю разумом. Я могу производить расчеты астрономических величин, и они для меня едва ли не важнее жизни и смерти.
Sometimes indigestion interferes with me.	Порой меня допекает желудок.
Hunger would interfere with me disastrously.	А голод и вовсе действует губительно.
	Так же и изголодавшаяся плоть частенько

In the same way starved sex interferes with me.	напоминает о себе.
What then?'	Что же делать?
'I should have thought sexual indigestion from surfeit would have interfered with you more seriously,' said Hammond satirically.	- Твоя плоть, по-моему, больше бунтует не от голода, а от обжорства, - съязвил Хаммонд.

'Not it!	- Только не от обжорства!
I don't over-eat myself and I don't over-fuck myself.	Не терплю излишеств ни в пище, ни с женщинами.
One has a choice about eating too much.	Во всем нужно знать меру.
But you would absolutely starve me.'	Но ты б меня посадил на голодный паек.
'Not at all! You can marry.'	- Зачем же! Я б и тебе советовал жениться.
How do you know I can? It may not suit the process of my mind.	- А откуда ты знаешь, гожусь я для семейной жизни или нет?
Marriage might...and would...stultify my mental processes.	Семейная жизнь подорвет... да что там - сведет на нет мою жизнь духовную.
I'm not properly pivoted that way...and so must I be chained in a kennel like a monk?	Я не могу ограничивать свой мир семьей, не хочу сидеть на привязи и жить монахом!
All rot and funk, my boy.	Все это чушь и суета!
I must live and do my calculations. I need women sometimes.	Мне суждено жить, заниматься астрономией и иногда спать с женщинами.
I refuse to make a mountain of it, and I refuse anybody's moral condemnation or prohibition.	Я отнюдь не такой уж сердцеед, но ничьих осуждений или запретов не потерплю.
I'd be ashamed to see a woman walking around with my name-label on her, address and railway station, like a wardrobe trunk.'	Мне было бы стыдно видеть женщину с ярлыком, на котором значится мое имя, адрес, -словно чемодан с платьем.
These two men had not forgiven each other about the Julia flirtation.	Хаммонд не мог простить Мею флирта с женой, а тот не упускал случая уязвить соперника.
'It's an amusing idea, Charlie,' said Dukes, 'that sex is just another form of talk, where you act the words instead of saying them.'	- Ты, Чарли, интересно рассуждаешь, - вступил в разговор Дьюкс, - сравнивая половое общение с разговором. Дескать, в первом случае - дела, во втором - слова.
I suppose it's quite true.	По-моему, ты прав.
I suppose we might exchange as many sensations and emotions with women as we do ideas about the weather, and so on.	И надо как можно полнее обмениваться с женщинами чувствами, ощущениями, ведь можем же мы с ними многословно рассуждать о погоде.
Sex might be a sort of normal physical conversation between a man and a woman.	Так и физическая близость: вроде обыкновенного, только на уровне физиологии, разговора между мужчиной и женщиной.
You don't talk to a woman unless you have ideas in common: that is you don't talk with any interest.	Ведь и словесно ты заговариваешь с ней лишь тогда, когда чувствуешь что-то общее, то есть, нет интереса - нет и разговора.
And in the same way, unless you had some emotion or sympathy in common with a woman you wouldn't sleep with her.	То же самое и с близостью: нет у тебя чувства к женщине, не станешь и спать с ней.
But if you had...'	А уж если чувство появится...

'If you have the proper sort of emotion or sympathy with a woman, you ought to sleep with her,' said May. 'It's the only decent thing, to go to bed with her.'	- Если чувство появится, то твой прямой долг - переспать с этой женщиной, - заключил Мей.
Just as, when you are interested talking to someone, the Only decent thing is to have the talk out.	- Поступать иначе просто неприлично.
You don't prudishly put your tongue between your teeth and bite it.	Как и в беседе: если тебе интересно, ты выскажешься, иначе просто неприлично.
You just say out your say.	А что, лучше быть ханжой и помалкивать, прикусив язычок?
And the same the other way.'	Нет уж, лучше, все накопившееся излить.
'No,' said Hammond. 'It's wrong.'	Во всех случаях лучше. - Как ты неправ, Мей, - начал Хаммонд.
You, for example, May, you squander half your force with women.	- На твоём же примере докажу. Вот ты тратишь на женщин половину сил.

You'll never really do what you should do, with a fine mind such as yours.	И не совершишь того, что мог бы, ведь у тебя светлая голова.
Too much of it goes the other way.'	Но ты растрачиваешь себя попусту.
'Maybe it does...and too little of you goes that way, Hammond, my boy, married or not.	- Возможно, но ведь и тебе, дорогой мой, больших свершений не видать, хотя ты и женат, и не "растрачиваешься".
You can keep the purity and integrity of your mind, but it's going damned dry.	Только ум твой, праведный и бескомпромиссный, давно высох.
Your pure mind is going as dry as fiddlesticks, from what I see of it. You're simply talking it down.'	И вся твоя праведность и стойкость, насколько я вижу, ушла в слова.
Tommy Dukes burst into a laugh.	Томми Дьюкс рассмеялся:
'Go it, you two minds!' he said. 'Look at me...I don't do any high and pure mental work, nothing but jot down a few ideas.	- Да хватит вам, умники! Посмотрите на меня. Я не ахти какой философ, просто, случается, кое-какие мыслишки записываю.
And yet I neither marry nor run after women.	Я не женат, но и за женщинами не волочусь.
I think Charlie's quite right; if he wants to run after the women, he's quite free not to run too often.	По-моему, Чарли прав: если ему нравятся женщины, пусть спит с ними, часто ли, редко ли - его дело.
But I wouldn't prohibit him from running.	Во всяком случае, я ему запрещать не буду.
As for Hammond, he's got a property instinct, so naturally the straight road and the narrow gate are right for him.	А у Хаммонда возобладал инстинкт собственника, поэтому для него праведность и смирение плоти - главное.
You'll see he'll be an English Man of Letters before he's done.	Погоди, его еще при жизни нарекут Великим английским писателем.
A.B.C. from top to toe.	Все у него четко, ясно и понятно, от А до Я.
Then there's me. I'm nothing. Just a squib.	А взять меня. Ничтожный человек, пустослов...
And what about you, Clifford? Do you think sex is a dynamo to help a man on to success in the world?'	А ты, Клиффорд, как думаешь: постель и впрямь генератор успеха, движитель мужчины в жизни?

Clifford rarely talked much at these times. He never held forth; his ideas were really not vital enough for it, he was too confused and emotional.	В подобных разговорах Клиффорд участвовал редко, стараясь держаться в тени: в этой области его рассуждения маловажны.
Now he blushed and looked uncomfortable.	Теперь же он покраснел и смутился.
'Well!' he said, 'being myself hors de combat, I don't see I've anything to say on the matter.'	- Я, так сказать, hors de combat, человек увечный, вряд ли смогу что-либо сказать по существу.
'Not at all,' said Dukes; 'the top of you's by no means hors de combat. You've got the life of the mind sound and intact.	- Не наговаривай на себя, - вмешался Дьюкс, - голова-то у тебя отнюдь не увечная, ум твой цел-невредим и по-прежнему глубок.
So let us hear your ideas.'	И нам интересно тебя послушать.
'Well,' stammered Clifford, 'even then I don't suppose I have much idea...I suppose marry-and-have-done-with-it would pretty well stand for what I think. Though of course between a man and woman who care for one another, it is a great thing.'	- Право, не знаю, - Клиффорд запнулся. - Не знаю, что и сказать. "Женись, и дело с концом", вот, пожалуй, суть. Ну, а если мужчина и женщина любят друг друга, их близость - великое чудо.
'What sort of great thing?' said Tommy.	- Ну-ка, расскажи о великом чуде, - попросил Томми.
'Oh...it perfects the intimacy,' said Clifford, uneasy as a woman in such talk.	- Близость таких людей много выше близости плотской, - пробормотал Клиффорд, его, как девушку, смущали такие разговоры.
'Well, Charlie and I believe that sex is a sort of communication like speech.	- Ну, вот, например, мы с Чарли считаем, что секс- это форма общения, как речь.
Let any woman start a sex conversation with me, and it's natural for me to go to bed with her to finish it, all in due season.	Случись женщине заговорить со мной на языке интимности, я, естественно, поддержу этот разговор и пересплю с ней, когда время подойдет.
Unfortunately no woman makes any particular start with me, so I go to bed by myself; and am none the worse for it...I hope so, anyway, for how should I know?	К сожалению, женщины не очень-то балуют меня такими разговорами, так что приходится спать одному, что, впрочем, ничуть не хуже. Хотя откуда мне знать, можно лишь предполагать.

Anyhow I've no starry calculations to be interfered with, and no immortal works to write.	Ведь я не считаю звезды, не пишу бессмертных романов.
I'm merely a fellow skulking in the army...'	Я всего-навсего простой армейский бездельник.
Silence fell.	Беседа прервалась.
The four men smoked.	Мужчины закурили.
And Connie sat there and put another stitch in her sewing...Yes, she sat there!	А Конни все сидела подле них и - стежок за стежком - продолжала вышивать. Да, она присутствовала при этих разговорах!
She had to sit mum. She had to be quiet as a mouse, not to interfere with the immensely important speculations of these highly-mental gentlemen.	Но сидела молча - таков порядок - не вмешивалась в сверхважные рассуждения высокодуховных джентльменов.
But she had to be there. They didn't get on so well without her; their ideas didn't flow so freely.	И уйти ей нельзя - без нее беседа у мужчин не клеилась. Они теряли влечеречивость.

Clifford was much more hedgy and nervous, he got cold feet much quicker in Connie's absence, and the talk didn't run.	А Клиффорд совсем терялся, нервничал, трусил, если Конни не сидела рядом, и беседа заходила в тупик.
Tommy Dukes came off best; he was a little inspired by her presence.	Больше остальных Конни симпатизировала Томми Дьюксу - очевидно, чувствуя это, он старался вовсю.
Hammond she didn't really like; he seemed so selfish in a mental way.	Хаммонд не нравился ей вовсе - в каждом слове, в каждой мысли проглядывал себялюбца.
And Charles May, though she liked something about him, seemed a little distasteful and messy, in spite of his stars.	К Чарльзу Мею она относилась более благосклонно, но что-то в нем претило ей, что-то вульгарно-приземленное, несмотря на высокие устремления к звездам.
How many evenings had Connie sat and listened to the manifestations of these four men! these, and one or two others.	Сколько вечеров провела Конни, слушая откровения четырех мужчин. Редко к ним добавлялся один-другой гость.
That they never seemed to get anywhere didn't trouble her deeply.	Конни нимало не трогало, что мужчины так ни до чего и не договаривались.
She liked to hear what they had to say, especially when Tommy was there.	Она просто с удовольствием слушала, особенно когда говорил Томми.
It was fun.	Лестно!
Instead of men kissing you, and touching you with their bodies, they revealed their minds to you.	Мужчины открывали перед ней свои мысли, а это, право, же, стоило всех их поцелуев и ласк.
It was great fun!	До чего же лестно!
But what cold minds!	Но сколь холоден их разум!
And also it was a little irritating.	Но они ее и раздражали.
She had more respect for Michaelis, on whose name they all poured such withering contempt, as a little mongrel arriviste, and uneducated bounder of the worst sort.	Пожалуй, Микаэлиса она уважала больше, хотя на его голову гости обрушивали столько испепеляющего презрения: шавка, рвущаяся к славе, невежественный нахал, каких свет не видывал.
Mongrel and bounder or not, he jumped to his own conclusions. He didn't merely walk round them with millions of words, in the parade of the life of the mind.	Пусть шавка, пусть нахал, но он мыслил четко и по-своему, а не утопал в пышном многословии, любясь своей высокодуховностью.
Connie quite liked the life of the mind, and got a great thrill out of it.	Конни привечала духовность, ее очень увлекала такая жизнь.
But she did think it overdid itself a little.	Но не слишком ли усердствовали друзья Клиффорда?
She loved being there, amidst the tobacco smoke of those famous evenings of the cronies, as she called them privately to herself.	Да, приятно сидеть в клубах табачного дыма на этих славных вечерах закадычных (как она величала их про себя) друзей.
She was infinitely amused, and proud too, that even their talking they could not do, without her silent presence.	Как забавно и лестно, что им не обойтись без ее присутствия.

She had an immense respect for thought... and these men, at least, tried to think honestly.	Она безгранично уважала мысль, а эти мужчины пытались хотя бы мыслить честно.
But somehow there was a cat, and it wouldn't jump.	Однако мысли мыслями, а дальше-то что?

They all alike talked at something, though what it was, for the life of her she couldn't say.	Никак не могла она взять в толк, в чем суть этих разговоров.
It was something that Mick didn't clear, either.	Не раскрыл эту суть и Микаэлис.
But then Mick wasn't trying to do anything, but just get through his life, and put as much across other people as they tried to put across him.	Впрочем, сам-то он ничего особенного не замышлял, а просто шел к цели, не мытьем, так катаньем добиваясь своего и равно страдая от чужих козней.
He was really anti-social, which was what Clifford and his cronies had against him.	Клиффорд со своими закадычными друзьями считал его врагом общества.
Clifford and his cronies were not anti-social; they were more or less bent on saving mankind, or on instructing it, to say the least.	Сами же они врагами не были, напротив, они радели об обществе, жаждали так или иначе спасти человечество или, по крайней мере, просветить.
There was a gorgeous talk on Sunday evening, when the conversation drifted again to love.	Вечером в воскресенье беседа удалась. Незаметно она снова коснулась любовной темы.
Blest be the tie that binds Our hearts in kindred something-or-other'— said Tommy Dukes. I'd like to know what the tie is...The tie that binds us just now is mental friction on one another.	- Благословенна будет связь, что наши души сочетает, - продекламировал Томми Дьюкс. - А вот знать бы, что это такое. У нас, например, связь, как у разномастных шестеренок, только сцепляемся мы своими воззрениями.
And, apart from that, there's damned little tie between us.	А в остальном нас очень мало что связывает.
We bust apart, and say spiteful things about one another, like all the other damned intellectuals in the world.	Стоит разъять шестеренки, и мы уже порознь, говорим друг о друге гадости - так заведено у интеллигентов во всем мире.
Damned everybodies, as far as that goes, for they all do it.	Впрочем, черт с ними, речь не обо всех, а о нас.
Else we bust apart, and cover up the spiteful things we feel against one another by saying false sugaries.	А зачастую злоба друг к другу у нас не на языке, а в душе, и вот мы ее прячем, прикрываем лживой любезностью.
It's a curious thing that the mental life seems to flourish with its roots in spite, ineffable and fathomless spite.	Удивительно! Жизнь мыслителей цветет прекрасным цветом, а корнями-то уходит в злобу, в бездонную, чудовищную злобу.
Always has been so!	И так испокон веков!
Look at Socrates, in Plato, and his bunch round him!	Вспомните Сократа, его ученика Платона и сравните со всем их окружением.
The sheer spite of it all, just sheer joy in pulling somebody else to bits...Protagoras, or whoever it was!	Сколько в них злобы, как рады они растерзать кого-либо, например Протагора, если мне не изменяет память.
And Alcibiades, and all the other little disciple dogs joining in the fray!	Или взять Алкивиада и всех мелких шавок-учеников [в тексте Лоуренса намеки на отношения этих людей в "Диалогах" Платона]. Как упоенно травят они учителей!

I must say it makes one prefer Buddha, quietly sitting under a bo-tree, or Jesus, telling his disciples little Sunday stories, peacefully, and without any mental fireworks.	Поневоле обратишь взгляд на Будду, смиренно сидящего под священным деревом, или на Христа: в Его притчах ученикам столько любви, покоя и никакой мишурной зауми.
No, there's something wrong with the mental life, radically.	Нет, что-то в корне неверно в том, как живет и развивается мысль.
It's rooted in spite and envy, envy and spite.	Ее питают злоба и зависть, зависть и злоба!
Ye shall know the tree by its fruit.'	Дерево по плодам узнаешь.
'I don't think we're altogether so spiteful,' protested Clifford.	- По-моему, не столь уж мы и злобны, - возразил Клиффорд.
'My dear Clifford, think of the way we talk each other over, all of us.	- Дорогой мой, прислушайся, как мы друг с другом говорим.
I'm rather worse than anybody else, myself.	Я, пожалуй, хуже всех.
Because I infinitely prefer the spontaneous spite to the concocted sugaries; now they are poison; when I begin saying what a fine fellow Clifford is, etc., etc., then poor Clifford is to be pitied.	Да я предпочту самую горькую пилюлю конфете, в которой сокрыт яд. И когда я захожу, какой Клиффорд славный малый, тут его впору пожалеть.
For God's sake, all of you, say spiteful things about me, then I shall know I mean something to you.	Ради Бога, не жалейте меня, говорите самое мерзкое, тогда я, по крайней мере, пойму, что вам на меня не наплевать.
Don't say sugaries, or I'm done.'	А начнете льстить - все, значит, со мной покончено.

'Oh, but I do think we honestly like one another,' said Hammond.	- А мне кажется, мы друг к другу питаем искреннюю приязнь, заметил Хаммонд.
'I tell you we must... we say such spiteful things to one another, about one another, behind our backs!	- И все ж нам надо... да, чего там, мы и в глаза друг другу всякие пакости говорим. А за глаза -и подавно!
I'm the worst.'	Я, пожалуй, больше всех!
'And I do think you confuse the mental life with the critical activity.	- Ты, по-моему, путаешь размышление с критикой.
I agree with you, Socrates gave the critical activity a grand start, but he did more than that,' said Charlie May, rather magisterially.	Согласен: Сократ положил блистательное начало критическому направлению, но ведь он не только в этом преуспел, - важно произнес Чарльз Мей.
The cronies had such a curious pomposity under their assumed modesty.	Сколько тщеславия и напыщенности прятали закадычные друзья под личиной скромности.
It was all so ex cathedra, and it all pretended to be so humble.	Каждое слово рассчитано на публику и вместе с тем сколь смиренно!
Dukes refused to be drawn about Socrates. 'That's quite true, criticism and knowledge are not the same thing,' said Hammond.	Дьюкс не стал спорить относительно Сократа, а Хаммонд заметил: - Совершенно верно - критика и познание далеко не одно и то же.
'They aren't, of course,' chimed in Berry, a brown, shy young man, who had called to see Dukes, and was staying the night.	- Далеко не одно и то же, - эхом откликнулся Берри - молодой застенчивый смугляк. Он приехал на два дня повидать Дьюкса и остался.

They all looked at him as if the ass had spoken.	Присутствующие изумленно воззрились на него, как на Валаамову ослицу.
'I wasn't talking about knowledge...I was talking about the mental life,' laughed Dukes. 'Real knowledge comes out of the whole corpus of the consciousness; out of your belly and your penis as much as out of your brain and mind.	Дьюкс рассмеялся. - Да я вовсе не о познании говорил, а о сознании. Истинное знание приходит к нам посредством всех органов тела: и через желудок, и через половой член, и, в том числе, через сознание, то бишь мозг.
The mind can only analyse and rationalize.	Сознание, мозг, лишь анализирует и логически обосновывает.
Set the mind and the reason to cock it over the rest, and all they can do is to criticize, and make a deadness. I say all they can do. It is vastly important.	Стоит возвысить мозг над остальными органами, и ему останется только критиковать, то есть выхолостится его основное предназначение. Но и критика исключительно важна!
My God, the world needs criticizing today...criticizing to death.	Наш образ жизни нуждается в нелицеприятнейшей критике.
Therefore let's live the mental life, and glory in our spite, and strip the rotten old show. But, mind you, it's like this: while you live your life, you are in some way an Organic whole with all life. But once you start the mental life you pluck the apple. You've severed the connexion between, the apple and the tree: the organic connexion. And if you've got nothing in your life but the mental life, then you yourself are a plucked apple...you've fallen off the tree. And then it is a logical necessity to be spiteful, just as it's a natural necessity for a plucked apple to go bad.'	И давайте жить разумом, и давайте с радостью глотать горькие пилюли, а с былым ханжеством и притворством покончим. Но помните, пока живете как простой смертный, вы - частичка всего сущего и незримо связаны с ним. А как выбрали жить разумом, так в миг прервалась связь, как бы оторгли вы себя от ветки, на которой росли. И если; кроме жизни разума, не будет у вас никакой иной, вы завянете, как палое яблоко. Отсюда и вытекает логически: не уйти нам от злобы, это естественно и неизбежно, как не миновать палому яблоку гниения.
Clifford made big eyes: it was all stuff to him.	Клиффорд не скрывал недоумения; что за чушь несет приятель?!
Connie secretly laughed to herself.	Конни тоже едва сдерживала смех.
'Well then we're all plucked apples,' said Hammond, rather acidly and petulantly.	- Что ж, видно, мы все - палые яблоки, - сердито и не без яда бросил Хаммонд.
'So let's make cider of ourselves,' said Charlie.	- Впору из нас сидр сделать, - обронил Чарли.
'But what do you think of Bolshevism?' put in the brown Berry, as if everything had led up to it.	- А что вы думаете о большевизме? - вдруг спросил смуглый Берри, словно его подвела к вопросу логика разговора.
'Bravo!' roared Charlie. 'What do you think of Bolshevism?'	- Bravo! - воскликнул Чарли. - Так что же вы думаете о большевизме?
Come on!	- Ну-ка, ну-ка!
Let's make hay of Bolshevism!' said Dukes.	Сейчас мы и с большевизмом в два счета разделаемся!

'I'm afraid Bolshevism is a large question,' said Hammond, shaking his head seriously.	- Вопрос, прямо скажем, непростой. Тут не до шуток, - покачал головой Хаммонд.
--	--

'Bolshevism, it seems to me,' said Charlie, 'is just a superlative hatred of the thing they call the bourgeois; and what the bourgeois is, isn't quite defined.	- По-моему, большевизм - это высшая точка ненависти ко всему, что кажется большевикам буржуазным, - начал Чарли. - Ну, а "буржуазное" - понятие очень и очень расплывчатое.
It is Capitalism, among other things.	Оно включает в себя и капитализм.
Feelings and emotions are also so decidedly bourgeois that you have to invent a man without them.	Равно и все чувства - проявления "буржуазные"; и нужно создать человека без этих предрассудков.
'Then the individual, especially the personal man, is bourgeois: so he must be suppressed.	Тогда и сам человек, его личность, его неповторимость - тоже явление буржуазное. К ногтю его!
You must submerge yourselves in the greater thing, the Soviet-social thing.	Личное должно уступить место большему, общественному. Так это понимают Советы.
Even an organism is bourgeois: so the ideal must be mechanical.	Для них даже человеческий организм - проявление буржуазности. Так не лучше ли придумать механическое нутро?
The only thing that is a unit, non-organic, composed of many different, yet equally essential parts, is the machine.	Наделать бездушных, противоестественных, разнозначных, но равноценных винтиков и собирать из них свою машину.
Each man a machine-part, and the driving power of the machine, hate...hate of the bourgeois.	Каждый человек - винтик. Ну, а движет эту машину... ненависть ко всему буржуазному.
That, to me, is Bolshevism.'	Вот так я понимаю большевизм.
'Absolutely!' said Tommy. 'But also, it seems to me a perfect description of the whole of the industrial ideal.	- Очень точная картина! - воскликнул Томми. - Но до чего она близка к идеалу нашего промышленного мира.
It's the factory-owner's ideal in a nut-shell; except that he would deny that the driving power was hate.	Идеал заводчика в общих чертах. Правда, заводчик не согласится избрать ненависть движителем.
Hate it is, all the same; hate of life itself.	Впрочем, ненависть многолика. Можно ненавидеть самое жизнь.
Just look at these Midlands, if it isn't plainly written up...but it's all part of the life of the mind, it's a logical development.'	Достаточно взглянуть на наш край, неприкрытая ненависть во всем... но, как мы уже говорили, если жить разумом, логика неизбежно приведет к ненависти.
'I deny that Bolshevism is logical, it rejects the major part of the premisses,' said Hammond.	- Выходит, большевизм закономерен? Не согласен! Ведь он отрицает основы самой логики! - возмутился Хаммонд.
'My dear man, it allows the material premiss; so does the pure mind...exclusively.'	- Дорогой мой, у большевиков своя логика, материалистическая. Это привилегия... душ неискушенных.
'At least Bolshevism has got down to rock bottom,' said Charlie.	- Как бы там ни было, а большевики потрясли мир.
Rock bottom! The bottom that has no bottom!	- Потрясли-то потрясли, а где этому конец?

The Bolsheviks will have the finest army in the world in a very short time, with the finest mechanical equipment.	Очень скоро у большевиков будет лучшая армия в мире, с лучшим техническим оснащением.
'But this thing can't go on...this hate business.	- Но должен же прийти конец... всей этой ненависти.
There must be a reaction...' said Hammond.	Должно же быть противодействие.
'Well, we've been waiting for years...we wait longer.	- Сколько лет ждали, подождем еще.
Hate's a growing thing like anything else.	Ведь ненависть, как и все на свете, развивается.
It's the inevitable outcome of forcing ideas on to life, of forcing one's deepest instincts; our deepest feelings we force according to certain ideas.	Это неизбежный результат насильственного претворения в жизнь тех или иных замыслов, насильственное извлечение чьих-то глубоко запрятанных чувств. Появляется идея и тянет на свет Божий глубоко сокрытые чувства.
We drive ourselves with a formula, like a machine.	Нас нужно завести, как машину.
The logical mind pretends to rule the roost, and the roost turns into pure hate.	Разум стремится возобладать над чувствами, а чувства-то все - суть ненависть.

We're all Bolsheviks, only we are hypocrites.	Так что мы все большевики. Но лицемерим, не признаемся в этом.
The Russians are Bolsheviks without hypocrisy.'	А русские - большевики без всякого лицемерия.
'But there are many other ways,' said Hammond, 'than the Soviet way. The Bolsheviks aren't really intelligent.'	- Но развитие может идти не только путем Советов. Много и других путей. Ведь большевики, по сути, глупы.
Of course not.	- Верно.
But sometimes it's intelligent to be half-witted: if you want to make your end.	Но порой быть дураком не так уж глупо. Если хочешь добиться своего.
Personally, I consider Bolshevism half-witted; but so do I consider our social life in the west half-witted. So I even consider our far-famed mental life half-witted.	Я лично считаю большевизм - движением полоумных, равно и общественная жизнь на Западе представляется мне полоумной. Даже более того: наша хваленая "жизнь разума" и та, кажется мне, от скудоумия.
We're all as cold as cretins, we're all as passionless as idiots.	Мы - выродки, идиоты. Лишены человеческих чувств.
We're all of us Bolsheviks, only we give it another name.	Чем мы не большевики? Только называем себя по-другому.
We think we're gods...men like gods!	Мы мним себя богами, всесильными и, всемогущими.
It's just the same as Bolshevism.	Точно так же и большевики.
One has to be human, and have a heart and a penis if one is going to escape being either a god or a Bolshevik...for they are the same thing: they're both too good to be true.'	Нужно вернуться к человеческому естеству, вспомнить, зачем нам сердце, половой член, -только тогда мы перестанем уподоблять себя богам и, соответственно, большевикам, что, по сути, одно и то же: добродетельны они лишь на вид.

Out of the disapproving silence came Berry's anxious question:	Наступило молчание. Чувствовалось, что присутствующие не согласны. И тут снова прозвучал вопрос Берри:
'You do believe in love then, Tommy, don't you?'	- Но уж в любовь-то вы верите, Томми?
'You lovely lad!' said Tommy. 'No, my cherub, nine times out of ten, no!'	- Ах, ты мой милый! - усмехнулся Томми. - Нет, мой ангел, нет, нет и еще раз нет!
Love's another of those half-witted performances today.	Любовь в наш век - еще одна забава полоумных.
Fellows with swaying waists fucking little jazz girls with small boy buttocks, like two collar studs!	Вихлявые мальчишки спят с, грубыми девками, у которых бедра под стать мальчишечьим. Посмотришь - как два жеребчика в упряжке.
Do you mean that sort of love?	Ты такую любовь имеешь в виду?
Or the joint-property, make-a-success-of-it, My-husband-my-wife sort of love? No, my fine fellow, I don't believe in it at all!	Или любовную связь, что непременно приведет к успеху? Или, может, унылый брак двух собственников? Нет, в такую любовь я не поверю ни за что!
'But you do believe in something?'	- Но во что-то вы же верите?
'Me?'	- Я-то?
Oh, intellectually I believe in having a good heart, a chirpy penis, a lively intelligence, and the courage to say "shit!" in front of a lady.'	Ну, разумом я верю в доброе сердце, в зазорный пенис, в живой ум, в мужество, если его достанет сказать при даме неприличное слово.
'Well, you've got them all,' said Berry.	- Во всем этом вам не отказать, - согласился Берри.
Tommy Dukes roared with laughter. 'You angel boy!'	Томми Дьюкс захохотал во все горло. - Ах, ты ангел мой!
If only I had! If only I had!	Если бы!
No; my heart's as numb as a potato, my penis droops and never lifts its head up, I dare rather cut him clean off than say "shit!" in front of my mother or my aunt...they are real ladies, mind you; and I'm not really intelligent, I'm only a "mental-lifer".'	Увы, в сердце моем не больше доброты, чем в картофелине, пенис совсем понурился, и я скорее дам его отрезать, чем выругаюсь при матушке или тетушке; они у меня истинные дамы. Да и ума у меня маловато, мой разум - мое вечное узилище!
It would be wonderful to be intelligent: then one would be alive in all the parts mentioned and unmentionable.	А хотелось бы обладать умом. Встрепенулс б тогда, ожил бы каждой клеточкой, каждым органом.
The penis rouses his head and says: How do you do? —to any really intelligent person.	Тогда б мой пенис приосанился бы, поприветствовал бы меня, как всякого умного человека.

Renoir said he painted his pictures with his penis...he did too, lovely pictures!	Ренуар, по его же признанию, рисовал картины пенисом... и как!
I wish I did something with mine.	Вот бы и мой на что толковое употребить!
God! when one can only talk!	Господи! Какая же пытка работать только языком!
Another torture added to Hades!	Мука адская!

And Socrates started it.'	Это все идет от Сократа.
'There are nice women in the world,' said Connie, lifting her head up and speaking at last.	- Но красивые женщины на белом свете еще не перевелись, - подняла голову и, наконец, заговорила Конни.
The men resented it...she should have pretended to hear nothing.	Мужчины оскорбление промолчали. Хозяйке дома не полагалось вслушиваться в беседу.
They hated her admitting she had attended so closely to such talk.	Им претила самая мысль, что Конни могла следить за ходом разговора.
'My God! "If they be not nice to me What care I how nice they be?"	- Нет, и думать нечего! Я просто не могу соответствовать всем колебаниям женской натуры.
'No, it's hopeless! I just simply can't vibrate in unison with a woman. There's no woman I can really want when I'm faced with her, and I'm not going to start forcing myself to it...My God, no!	Нет такой женщины, которая будила бы во мне желание. Это желание мне нужно вызывать в себе силой... Господи! Нет никакой надежды.
I'll remain as I am, and lead the mental life.	Я буду жить, по-прежнему руководствуясь голым разумом.
It's the only honest thing I can do.	И честно в этом признаюсь.
I can be quite happy talking to women; but it's all pure, hopelessly pure. Hopelessly pure!	Я счастлив, разговаривая с женщинами. Но это просто разговор, непорочный, без каких-либо задних мыслей! Не сулящий никаких надежд.
What do you say, Hildebrand, my chicken?' 'It's much less complicated if one stays pure,' said Berry.	Что ты на это скажешь, мой птенчик? - обратился он к Берри. - Если остаться непорочным, жизнь намного проще, - ответил тот.
'Yes, life is all too simple!'	- Да, жизнь вообще предельно проста!
Chapter 5	5
On a frosty morning with a little February sun, Clifford and Connie went for a walk across the park to the wood.	Морозным утром, под тусклым февральским солнцем Клиффорд и Конни отправились парком на прогулку в лес.
That is, Clifford chuffed in his motor-chair, and Connie walked beside him.	Клиффорд ехал на кресле с моторчиком, Конни шла рядом.
The hard air was still sulphurous, but they were both used to it.	В холодном воздухе все же чувствовался запах серы, но и Клиффорд и Конни давно привыкли к нему.
Round the near horizon went the haze, opalescent with frost and smoke, and on the top lay the small blue sky; so that it was like being inside an enclosure, always inside.	Г горизонт скрывала молочно-серая от копоти морозная дымка, а над ней - лоскуток голубого неба. Будто Клиффорд и Конни оказались под смрадным колпаком, откуда и не выбраться.
Life always a dream or a frenzy, inside an enclosure.	И вся жизнь - страшный, дикий сон под этим колпаком.
The sheep coughed in the rough, sere grass of the park, where frost lay bluish in the sockets of the tufts.	Коротко взблеивали овцы, щипля жесткую, жухлую траву в парке, там и сям во впадинках серебрился иней.

Across the park ran a path to the wood-gate, a fine ribbon of pink. Clifford had had it newly gravelled with sifted gravel from the pit-bank.	Через парк к лесу красной лентой вилась тропинка, выложенная наново (по приказу Клиффорда) мелким гравием с шахты.
When the rock and refuse of the underworld had burned and given off its sulphur, it turned bright pink, shrimp-coloured on dry days, darker, crab-coloured on wet.	Выгорая, выделяя серу, порода делалась красноватой, под цвет креветки, в дождливый день темнела - более под стать крабьему панцирю.
Now it was pale shrimp-colour, with a bluish-white hoar of frost.	Сейчас тропинка была нежно-розовой с голубовато-серебристой оторочкой из инея.
It always pleased Connie, this underfoot of sifted, bright pink.	Конни так нравилось хрустеть мелким красным гравием.
	Нет худа без добра: и шахта дарила маленькую

It's an ill wind that brings nobody good.	радость.
Clifford steered cautiously down the slope of the knoll from the hall, and Connie kept her hand on the chair.	Клиффорд, осторожно правя креслом, съехал с пригорка, на котором стояла усадьба. Конни шла следом, придерживая кресло за спинку.
In front lay the wood, the hazel thicket nearest, the purplish density of oaks beyond.	Невдалеке раскинулся лес: спереди плотной кучкой выстроились каштаны, за ними, догорая последним багрянцем, высились дубы.
From the wood's edge rabbits bobbed and nibbled.	На опушке прыгали, вдруг застывая, как вкопанные, зайцы.
Rooks suddenly rose in a black train, and went trailing off over the little sky.	Снялась и устремилась к голубому небесному лоскутку большая стая грачей.
Connie opened the wood-gate, and Clifford puffed slowly through into the broad riding that ran up an incline between the clean-whipped thickets of the hazel.	Конни открыла калитку, выведившую из парка в лес, и Клиффорд медленно выехал на широкую аллею, взбирающуюся на пригорок меж ровно и густо растущих каштанов.
The wood was a remnant of the great forest where Robin Hood hunted, and this riding was an old, old thoroughfare coming across country.	Некогда лес был дремуч, в нем охотился сам Робин Гуд, некогда и нынешняя аллея была основной дорогой меж западными и восточными графствами.
But now, of course, it was only a riding through the private wood. The road from Mansfield swerved round to the north.	Сейчас же по аллее только ездить верхом да оглядывать частные владения, а дорога забирала на север, огибая лес.
In the wood everything was motionless, the old leaves on the ground keeping the frost on their underside.	Лес стоял недвижим. Палые листья иней прилепил к холодной земле.
A jay called harshly, many little birds fluttered.	Вот вскрикнула сойка, разом вспорхнули какие-то мелкие птицы.
But there was no game; no pheasants.	Но поохотиться уже не удастся - даже фазанов нет.
They had been killed off during the war, and the wood had been left unprotected, till now Clifford had got his game-keeper again.	В войну уничтожили всю живность, некому постоять за господский лес. Лишь недавно Клиффорд нанял егеря-лесничего.
Clifford loved the wood; he loved the old oak-trees.	Клиффорд любил лес, любил старые дубы.
He felt they were his own through generations.	Скольким поколениям Чаттерли служили они.

He wanted to protect them.	Их нужно охранять.
He wanted this place inviolate, shut off from the world.	Ему хотелось уберечь лесок от мирской скверны.
The chair chuffed slowly up the incline, rocking and jolting on the frozen clods.	Медленно катило кресло вверх по Уклону, вздрагивая, когда под колесо попадал ком мерзлой земли.
And suddenly, on the left, came a clearing where there was nothing but a ravel of dead bracken, a thin and spindly sapling leaning here and there, big sawn stumps, showing their tops and their grasping roots, lifeless.	Неожиданно слева открылась полянка, - кроме приникших к земле спутанных кустиков папоротника, нескольких чахлах побегов, гололобых пней, уцепившихся мертвыми корнями, - ничего нет.
And patches of blackness where the woodmen had burned the brushwood and rubbish.	Чернели лишь кострища: дровосеки жгли валежник и мусор.
This was one of the places that Sir Geoffrey had cut during the war for trench timber.	Во время войны сэр Джеффри определил этот участок под вырубку.
The whole knoll, which rose softly on the right of the riding, was denuded and strangely forlorn.	И пригорок справа от аллеи облысел и глядел очень сиротливо.
On the crown of the knoll where the oaks had stood, now was bareness; and from there you could look out over the trees to the colliery railway, and the new works at Stacks Gate.	Некогда на макушке его красовались дубы. Сейчас - проплешина. Оттуда виднелась рудничная узкоколейка за лесом, новые шахты у Отвальной.
Connie had stood and looked, it was a breach in the pure seclusion of the wood. It let in the world.	Конни смотрела как зачарованная. Вот как вторгается мирская суeta в покой и уединение леса.
But she didn't tell Clifford.	Но Клиффорду ничего не сказала.
This denuded place always made Clifford curiously angry.	Плешивый пригорок приводил Клиффорда в необъяснимую ярость.
He had been through the war, had seen what it meant. But he didn't get really angry till he saw this bare hill.	Он прошел войну, повидал Всякое, но не ярился так, как при виде этого голого холма.
He was having it replanted.	И тут же велел его засадить.

But it made him hate Sir Geoffrey.	А в сердце засела острая неприязнь к отцу.
Clifford sat with a fixed face as the chair slowly mounted.	Неспешно Клиффорд взбирался на своей каталке все выше, лицо у него напряглось и застыло.
When they came to the top of the rise he stopped; he would not risk the long and very jolty down-slope.	Одолев кручу, остановился, спуск долог и ухабист, нужно отдохнуть.
He sat looking at the greenish sweep of the riding downwards, a clear way through the bracken and oaks.	Засмотрелся на аллею внизу, четко обозначенную меж побурелыми деревьями. Вон там ее окружили заросли папоротника, дальше - красавцы дубы.
It swerved at the bottom of the hill and disappeared; but it had such a lovely easy curve, of knights riding and ladies on palfreys.	У подножья холма дорога заворачивала и терялась из виду. Но сколь изящен и красив этот поворот: вот-вот из-за него появятся рыцари и изящные амазонки.

'I consider this is really the heart of England,' said Clifford to Connie, as he sat there in the dim February sunshine.	- По-моему, вот это и есть подлинное сердце Англии, - сказал Клиффорд жене, оглядывая лес в скупых лучах февральского солнца.
'Do you?' she said, seating herself in her blue knitted dress, on a stump by the path.	- Ты так думаешь? - спросила Конни и села на придорожный пенек, не жалея голубого шерстяного платья.
I do! this is the old England, the heart of it; and I intend to keep it intact.'	- Уверен! Это и есть сердце старой Англии, и я его сберегу в целостности-сохранности.
'Oh yes!' said Connie.	- Правильно! - кивнула Конни.
But, as she said it she heard the eleven-o'clock hooters at Stacks Gate colliery.	С шахты у Отвальной прогудела сирена, - значит, уже одиннадцать часов.
Clifford was too used to the sound to notice.	Клиффорд вообще не обратил внимания - привык.
'I want this wood perfect...untouched.	- Я хочу, чтоб этот лес стоял нетронутым.
I want nobody to trespass in it,' said Clifford.	Чтоб ничья нога не оскверняла его, - продолжал он.
There was a certain pathos.	И впрямь: лес будил воображение.
The wood still had some of the mystery of wild, old England; but Sir Geoffrey's cuttings during the war had given it a blow.	Что-то таинственное и первозданное таил он. Конечно, он пострадал: сэр Джеффри вырубил немало деревьев во время войны.
How still the trees were, with their crinkly, innumerable twigs against the sky, and their grey, obstinate trunks rising from the brown bracken!	Сейчас лес стоял тихий, воздев к небу бесчисленные извилистые ветви. Серые могучие стволы попирали бурно разросшийся папоротник.
How safely the birds flitted among them!	Покойно и уютно птицам порхать с кроны на крону.
And once there had been deer, and archers, and monks padding along on asses.	А когда-то водились здесь и олени, бродили по чащобе лучники, а по дороге ездили на осликах монахи.
The place remembered, still remembered.	И все это лес помнит по сей день.
Clifford sat in the pale sun, with the light on his smooth, rather blond hair, his reddish full face inscrutable.	На светлых прямых волосах Клиффорда играло неяркое солнце, на полном румянном лице - печать непроницаемости.
'I mind more, not having a son, when I come here, than any other time,' he said.	- Здесь мне особо горько. Так недостает сына, - заговорил он.
'But the wood is older than your family,' said Connie gently.	- Но ведь лес много старше рода Чаттерли.
'Quite!' said Clifford. 'But we've preserved it.	- Но сохранили его мы.
Except for us it would go...it would be gone already, like the rest of the forest.	Не будь нас, не было бы уже и леса. Уже сегодня бы ни деревца не осталось. И так от бывшего леса - рожки да ножки.
One must preserve some of the old England!'	Но ведь нужно сохранить хоть что-то от Англии былых времен.
'Must one?' said Connie. 'If it has to be preserved, and preserved against the new England?	- А нужно ли? Ну, сохранишь ты старое, а оно новому помешает.

It's sad, I know.'	Хотя я понимаю тебя - видеть это грустно.
'If some of the old England isn't preserved, there'll be no England at all,' said Clifford. 'And we who have this kind of property, and the feeling for it, must preserve it.'	- Если не сохраним ничего от прежней Англии, новой не будет вообще! И сохранять это нам, тем, кто владеет землей, лесами, тем, кому на это не наплевать!

There was a sad pause. 'Yes, for a little while,' said Connie.	Разговор прервался на грустной ноте. - Что ж, сохранишь на несколько лет, - вздохнула Конни.
'For a little while! It's all we can do. We can only do our bit.	- Пусть на несколько лет! Больше нам не по силам.
I feel every man of my family has done his bit here, since we've had the place.	Но с той поры, как мы здесь поселились, я уверен, каждый из нашего рода внес свою малую лепту.
One may go against convention, but one must keep up tradition.'	Можно противиться условностям, но должно чтить традицию.
Again there was a pause.	И снова Конни откликнулась не сразу.
'What tradition?' asked Connie.	- О какой традиции ты говоришь? - спросила она.
'The tradition of England! of this!'	- О традиции, на которой зиждется Англия! Сохранить все, что нас окружает!
'Yes,' she said slowly.	- Теперь поняла, - протянула Конни.
'That's why having a son helps; one is only a link in a chain,' he said.	- И будь у меня сын - продолжил бы дело. Все мы-точно звенья одной цепи.
Connie was not keen on chains, but she said nothing.	Мысль о звеньях в цепи Конни не понравилась, но она промолчала.
She was thinking of the curious impersonality of his desire for a son.	Ее удивило, насколько обезличена и абстрактна его тоска по сыну.
'I'm sorry we can't have a son,' she said.	- Жаль, что у нас не будет сына, - только и сказала она.
He looked at her steadily, with his full, pale-blue eyes.	Он пристально посмотрел на нее. Большие голубые глаза не мигали.
'It would almost be a good thing if you had a child by another man, he said. 'If we brought it up at Wragby, it would belong to us and to the place.	- Я бы, пожалуй, даже обрадовался, роди ты от другого мужчины, - сказал он. - Воспитаем ребенка в Рагби, и он станет частичкой нас самих, частичкой Рагби.
I don't believe very intensely in fatherhood.	Я вообще-то не очень придаю значению отцовству.
If we had the child to rear, it would be our own, and it would carry on.	Будет ребенок, мы его вырастим, и он продолжит дело.
Don't you think it's worth considering?'	Как ты думаешь, есть в этом смысл?
Connie looked up at him at last.	Конни наконец подняла глаза и встретила с ним взглядом.
The child, her child, was just an 'it' to him. It...it...it!	Ребенок, ее ребенок, был для Клиффорда лишь "продолжателем дела".
'But what about the other man?' she asked.	- А как же... с другим мужчиной?

'Does it matter very much?	- Разве это важно?
Do these things really affect us very deeply?...You had that lover in Germany... what is it now?	Неужто нам обоим не все равно? Был же у тебя любовник в Германии. Ну, и что он значит для тебя сейчас?
Nothing almost.	Почти ничего.
It seems to me that it isn't these little acts and little connexions we make in our lives that matter so very much.	Дело-то, по-моему, не во всяких там интрижках, связях - не они определяют нашу жизнь.
They pass away, and where are they?	Связь кончается, и все, нет ее... нет!
Where...Where are the snows of yesteryear?...It's what endures through one's life that matters; my own life matters to me, in its long continuance and development.	Как прошлогоднего снега! А важно лишь то, что неподвластно времени. Мне важна моя жизнь, и все в протяженности и в развитии.
But what do the occasional connexions matter?	А что эти сиюминутные связи?
And the occasional sexual connexions especially!	Особенно те, которые держатся не духом, а плотью?
If people don't exaggerate them ridiculously, they pass like the mating of birds. And so they should. What does it matter?	Все как у птичек: раз-два и разлетелись, большего связи и не стоят. Правда, люди порой пытаются придать этим связям значительность. Смешно!
It's the life-long companionship that matters.	А важна общность людей на протяжении всей жизни.
It's the living together from day to day, not the sleeping together once or twice.	Важно жить вместе изо дня в день, а не просто раз-другой переспать.
You and I are married, no matter what happens	

to us.	Мы с тобой вместе, что бы с нами ни случилось.
We have the habit of each other.	Мы уже привыкли друг к другу.
And habit, to my thinking, is more vital than any occasional excitement.	А привычка, как я разумею, куда сильнее, нежели всполох страсти.
The long, slow, enduring thing...that's what we live by...not the occasional spasm of any sort.	Жизнь тягуча, тяжка и долга, это отнюдь не фейерверк.
Little by little, living together, two people fall into a sort of unison, they vibrate so intricately to one another.	Постепенно, мало-помалу люди, живя вместе, начинают сочетаться друг с другом, как инструменты, звучащие в унисон, хотя порой это так нелегко.
That's the real secret of marriage, not sex; at least not the simple function of sex.	Вот в чем истинная суть брака, а отнюдь не в половой сфере. Точнее, половой сферой брак далеко не исчерпывается.
You and I are interwoven in a marriage.	Вот мы с тобой буквально вросли друг в друга за время семейной жизни.
If we stick to that we ought to be able to arrange this sex thing, as we arrange going to the dentist; since fate has given us a checkmate physically there.'	И если мы будем из этого исходить, то легко решим и половую проблему, это не сложнее, чем сходить к дантисту и вырвать зуб. Что ж поделать, раз судьба поставила нас в безвыходное положение.

Connie sat and listened in a sort of wonder, and a sort of fear.	Конни сидела и с изумлением слушала мужа.
She did not know if he was right or not.	Она не знала, прав ли он.
There was Michaelis, whom she loved; so she said to herself.	Ведь у нее есть Микаэлис, и она любит его (или внушила себе, что любит).
But her love was somehow only an excursion from her marriage with Clifford; the long, slow habit of intimacy, formed through years of suffering and patience.	Связь с ним - словно развлекательная поездка, бегство из страны унылого супружества, построенного долгим упорным трудом, страданием и долготерпением.
Perhaps the human soul needs excursions, and must not be denied them.	Очевидно, человеческой душе необходимо отвлекаться и развлекаться. И грех в этом отказывать.
But the point of an excursion is that you come home again.	Но беда любой поездки в том, что рано или поздно приходится возвращаться домой.
'And wouldn't you mind what man's child I had?' she asked.	- Неужели тебе все равно, от кого родится ребенок? - полюбопытствовала она.
'Why, Connie, I should trust your natural instinct of decency and selection.	- Отчего же. Я доверяю твоему природному чутью и скромности.
You just wouldn't let the wrong sort of fellow touch you.'	Ты же ничего не позволишь недостойному человеку.
She thought of Michaelis!	Она сразу подумала о Микаэлисе!
He was absolutely Clifford's idea of the wrong sort of fellow.	В глазах Клиффорда - он самый недостойный.
'But men and women may have different feelings about the wrong sort of fellow,' she said.	- Но ведь мужчины и женщины могут по-разному толковать, кто достойный.
'No,' he replied. 'You care for me.	- Вряд ли. Ты очень внимательна ко мне.
I don't believe you would ever care for a man who was purely antipathetic to me. Your rhythm wouldn't let you.'	И мужчина, крайне мне неприятный, и половины бы этого внимания не получил. Не верю. Тебе характер не позволит.
She was silent.	Конни промолчала.
Logic might be unanswerable because it was so absolutely wrong.	Логика - советчик никудышный, какой с нее спрос.
'And should you expect me to tell you?' she asked, glancing up at him almost furtively.	- И как по-твоему: должна ли я потом тебе все рассказать? - спросила она, украдкой взглянув на мужа.
'Not at all, I'd better not know...But you do agree with me, don't you, that the casual sex thing is nothing, compared to the long life lived together?	- Зачем это? Мне лучше ничего не знать... но согласишься, мимолетная связь - ничто по сравнению с долгими годами, прожитыми вместе.
Don't you think one can just subordinate the sex thing to the necessities of a long life?	И не кажется ли тебе, что запросы семейной жизни диктуют и сексуальное поведение?
Just use it, since that's what we're driven to?	Сейчас важно найти мужчину, раз того требуют обстоятельства.

After all, do these temporary excitements matter?	В конце концов, неужели минутный трепет в постели - главное?
Isn't the whole problem of life the slow building up of an integral personality, through the years? living an integrated life?	Может, все-таки главное в жизни - год за годом растить в себе цельную личность? И жить цельной, упорядоченной жизнью.
There's no point in a disintegrated life.	Ибо какой смысл в жизни неупорядоченной?
If lack of sex is going to disintegrate you, then go out and have a love-affair.	Если личность твоя разрушается без плотских утех - съезди куда-нибудь, потешь себя.
If lack of a child is going to disintegrate you, then have a child if you possibly can.	Если личность твоя разрушается, потому что не познала материнство, - заведи ребенка.
But only do these things so that you have an integrated life, that makes a long harmonious thing.	Но и то, и другое - лишь средства, лишь пути к цельной жизни, к вечной гармонии.
And you and I can do that together...don't you think?...if we adapt ourselves to the necessities, and at the same time weave the adaptation together into a piece with our steadily-lived life.	И мы к ней придем... вместе - правда ведь? Нужно только приспособиться к условиям жизни так, чтоб не повредить, а органично обогатить нашу упорядоченную жизнь.
Don't you agree?'	Согласна ты со мной?
Connie was a little overwhelmed by his words.	Слова Клиффорда изрядно озадачили Конни.
She knew he was right theoretically.	Да, конечно, теоретически он прав.
But when she actually touched her steadily-lived life with him she...hesitated.	Но на деле... она задумалась о своей "упорядоченной" жизни с Клиффордом и заколебалась.
Was it actually her destiny to go on weaving herself into his life all the rest of her life?	Неужто ее удел ниточку за ниточкой вплетать всю себя без остатка в жизнь Клиффорда? И так до самой смерти?
Nothing else?	Неужто ничего иного ей не уготовано?
Was it just that?	И так пройдет ее век?
She was to be content to weave a steady life with him, all one fabric, but perhaps brocaded with the occasional flower of an adventure.	Она будет смиренно жить "цельной" жизнью с мужем, сплетая ровный ковер их бытия, лишь изредка вспыхнет ярким цветком какое-либо увлечение или связь.
But how could she know what she would feel next year?	Но откуда ей знать, как изменятся ее чувства через год?
How could one ever know?	Да и вообще, дано ли это знать кому-нибудь?
How could one say Yes? for years and years? The little yes, gone on a breath!	И возможно ли всегда и во всем соглашаться? Всегда произносить короткое, как вдох, "да".
Why should one be pinned down by that butterfly word?	Она словно бабочка на булавке - среди припильенных догм и правил "упорядоченной" жизни.
Of course it had to flutter away and be gone, to be followed by other yes's and no's! Like the straying of butterflies.	Выдернуть все булавки, и пусть летят себе все помехи и препоны стайкой вольных бабочек.
'I think you're right, Clifford.	- Да, Клиффорд, я согласна с тобой.

And as far as I can see I agree with you.	Ты прав, насколько я могу понять.
Only life may turn quite a new face on it all.'	Только ведь жизнь может и иначе все повернуть.
'But until life turns a new face on it all, you do agree?'	- Ну, пока не повернула. Значит, ты согласна?
'Oh yes! I think I do, really.'	- Согласна. Честное слово, согласна.
She was watching a brown spaniel that had run out of a side-path, and was looking towards them with lifted nose, making a soft, fluffy bark.	Откуда-то сбоку вдруг появился коричневый спаниель; подняв морду, принялся, коротко и неуверенно взлаял.
A man with a gun strode swiftly, softly out after the dog, facing their way as if about to attack them; then stopped instead, saluted, and was turning downhill.	Быстро и неслышно выступил вслед за псом человек с ружьем, решительно направился было к супругам, но, узнав, остановился. Молча отдал честь и пошел дальше вниз по склону.
It was only the new game-keeper, but he had frightened Connie, he seemed to emerge with	Это и был новый егерь. Конни даже испугалась, так

such a swift menace.	внезапно и грозно он надвинулся на них с Клиффордом.
That was how she had seen him, like the sudden rush of a threat out of nowhere.	По крайней мере, ей так показалось - вдруг, откуда ни возьмись, ураганом налетела опасность.
He was a man in dark green velveteens and gaiters... the old style, with a red face and red moustache and distant eyes. He was going quickly downhill.	Одет был егерь в темно-зеленый плюсовый костюм, на ногах - гетры - издавна так одевались все егери. Смуглое лицо, рыжеватые усы. Взгляд, устремленный вдаль. Вот он проворно сбегает с холма.
'Mellors!' called Clifford.	- Меллорс! - окликнул его Клиффорд.
The man faced lightly round, and saluted with a quick little gesture, a soldier!	Егерь чуть обернулся, козырнул, сразу видно - из солдат.
'Will you turn the chair round and get it started?	- Поверните, пожалуйста, мне кресло и подтолкните.
That makes it easier,' said Clifford.	Так легче ехать.
The man at once slung his gun over his shoulder, and came forward with the same curious swift, yet soft movements, as if keeping invisible.	Меллорс перекинул ружье через плечо, проворно, но по-кошачьи мягко, без суеты, будто хотел остаться не только неслышным, но и невидимым, взобрался наверх.
He was moderately tall and lean, and was silent.	Чуть выше среднего роста, сухощавый, очевидно, немногословный.
He did not look at Connie at all, only at the chair.	На Конни он даже не взглянул, обратив все внимание на кресло.
'Connie, this is the new game-keeper, Mellors.	- Конни, познакомься, это наш новый егерь -Меллорс.
You haven't spoken to her ladyship yet, Mellors?'	Вам ведь, Меллорс, с госпожой еще не приходилось разговаривать?
'No, Sir!' came the ready, neutral words.	- Никак нет, сэр, - бесстрастно отрезал он и снял шляпу.
The man lifted his hat as he stood, showing his thick, almost fair hair.	Волосы у него оказались густые, темно-русые.

He stared straight into Connie's eyes, with a perfect, fearless, impersonal look, as if he wanted to see what she was like.	Он посмотрел прямо в глаза Конни. Во взгляде не было ни робости, ни любопытства, казалось, он просто оценивал ее внешность.
He made her feel shy. She bent her head to him shyly, and he changed his hat to his left hand and made her a slight bow, like a gentleman; but he said nothing at all.	Конни смутилась, чуть склонила голову, он же переложил шляпу в левую руку и ответил легким поклоном, как настоящий джентльмен, однако не произнес ни слова.
He remained for a moment still, with his hat in his hand.	Так и застыл со шляпой в руке.
'But you've been here some time, haven't you?' Connie said to him.	- Вы ведь не первый день у нас? - спросила Конни.
'Eight months, Madam...your Ladyship!' he corrected himself calmly.	- Восемь месяцев, госпожа... Ваша милость! - с достоинством поправился он.
'And do you like it?'	- И нравится вам здесь?
She looked him in the eyes.	Теперь она посмотрела ему прямо в глаза.
His eyes narrowed a little, with irony, perhaps with impudence.	Он чуть прищурился - насмешливо и дерзко.
'Why, yes, thank you, your Ladyship!	- А как же! Спасибо, ваша милость.
I was reared here...'	Я в этих краях вырос.
He gave another slight bow, turned, put his hat on, and strode to take hold of the chair.	- Он вновь едва заметно поклонился. Надел шляпу и отошел к креслу.
His voice on the last words had fallen into the heavy broad drag of the dialect...perhaps also in mockery, because there had been no trace of dialect before.	Последнее слово он произнес тягуче, подражая местному говору. Может, тоже в насмешку, ведь до этого речь его была чиста.
He might almost be a gentleman.	Почти как у образованного человека.
Anyhow, he was a curious, quick, separate fellow, alone, but sure of himself.	Прелюбопытнейший тип - сноровистый и ловкий, любит самостоятельность и обособленность, уверен в себе.
Clifford started the little engine, the man carefully turned the chair, and set it nose-forwards to the incline that curved gently to the dark hazel thicket.	Клиффорд запустил моторчик, Меллорс осторожно повернул кресло и направил его на тропинку, полого сбегавшую в чащу каштанов.
'Is that all then, Sir Clifford?' asked the man.	- Моя помощь больше не требуется? - спросил егерь.
'No, you'd better come along in case she sticks.	- Вы нас все же немного проводите.

The engine isn't really strong enough for the uphill work.'	Вдруг мотор заглохнет; он не очень мощный, на холмы не рассчитан.
The man glanced round for his dog...a thoughtful glance.	Егерь огляделся - потерял из вида собаку, - взгляд у него был глубокий, раздумчивый.
The spaniel looked at him and faintly moved its tail.	Спаниель, не спуская глаз с хозяина, вильнул хвостом.
A little smile, mocking or teasing her, yet gentle, came into his eyes for a moment, then faded away, and his face was expressionless.	На мгновение в глазах Меллорса появилась озорная, дразнящая и вместе нежная улыбка и потухла. Лицо застыло.

They went fairly quickly down the slope, the man with his hand on the rail of the chair, steadying it.	Они довольно быстро двинулись под гору. Меллорс придерживал кресло за поручни.
He looked like a free soldier rather than a servant. And something about him reminded Connie of Tommy Dukes.	Он, скорее, походил на солдата, нежели на слугу, и чем-то напоминал Томми Дьюкса.
When they came to the hazel grove, Connie suddenly ran forward, and opened the gate into the park.	Миновали каштановую рощицу. Конни вдруг припустила вперед, распахнула калитку в парк, подождала, пока мужчины проедут.
As she stood holding it, the two men looked at her in passing, Clifford critically, the other man with a curious, cool wonder; impersonally wanting to see what she looked like.	Оба взглянули на нее. Клиффорд - неодобрительно, Меллорс - с любопытством и сдержанным удивлением, опять тот же отстраненный, оценивающий взгляд.
And she saw in his blue, impersonal eyes a look of suffering and detachment, yet a certain warmth.	И в голубых глазах увидела она за нарочитой бесстрастностью боль, и неприкаянность, и непонятную нежность.
But why was he so aloof, apart?	Почему ж он такой далекий и одинокий?
Clifford stopped the chair, once through the gate, and the man came quickly, courteously, to close it.	Проехав калитку, Клиффорд остановил кресло. Слуга же быстро и почтительно вернулся ее запереть.
'Why did you run to open?' asked Clifford in his quiet, calm voice, that showed he was displeased. 'Mellors would have done it.'	- Зачем ты бросилась открывать? - спросил Клиффорд; ровный и спокойный тон его выдавал недовольство. - Меллорс сам бы справился.
'I thought you would go straight ahead,' said Connie. 'And leave you to run after us?' said Clifford.	- Я думала, вы сразу, без задержки поедете. - Чтоб ты нас потом бегом догоняла?
'Oh, well, I like to run sometimes!'	- Пустяки! Иногда так хочется побегать.
Mellors took the chair again, looking perfectly unheeding, yet Connie felt he noted everything.	Подошел Меллорс, взялся за кресло, видом своим давая понять, что ничего не слышал. Однако Конни чувствовала: Меллорс все понял.
As he pushed the chair up the steepish rise of the knoll in the park, he breathed rather quickly, through parted lips.	Катить кресло в гору было труднее. Меллорс задышал чаще, приоткрыв рот.
He was rather frail really.	Да, сложен он отнюдь не богатырски.
Curiously full of vitality, but a little frail and quenched.	Но сколько в этом сухопаром теле жизни, скрытой чувственности.
Her woman's instinct sensed it.	Женским нутром своим угадала это Конни.
Connie fell back, let the chair go on.	Она чуть поотстала.
The day had greyed over; the small blue sky that had poised low on its circular rims of haze was closed in again, the lid was down, there was a raw coldness.	День поскучнел: серая дымка напозла, окружила и сокрыла голубой лоскуток неба, точно под крышкой, - и фазу влажным холодом дохнуло на землю.
It was going to snow.	Наверное, пойдет снег.
All grey, all grey! the world looked worn out.	А пока все кругом так уныло, так серо! Одряхлел весь белый свет!
The chair waited at the top of the pink path.	На пригорке в начале красной тропинки ее поджидали мужчины.

Clifford looked round for Connie.	Клиффорд обернулся.
'Not tired, are you?' he said.	- Не устала? - спросил он.
'Oh, no!' she said.	- Нет, что ты!
But she was.	Все-таки она устала.

A strange, weary yearning, a dissatisfaction had started in her.	К тому же в душе пробудилось непонятное досадливое томление и недовольство.
Clifford did not notice: those were not things he was aware of.	Клиффорд ничего не заметил. Он вообще был глух и слеп к движениям души.
But the stranger knew.	А вот чужой мужчина понял все.
To Connie, everything in her world and life seemed worn out, and her dissatisfaction was older than the hills.	Да, вся жизнь, все вокруг представлялось Конни дряхлым, а недовольство ее - древнее окрестных холмов.
They came to the house, and around to the back, where there were no steps.	Вот и дом. Клиффорд подъехал не к крыльцу, а с другой стороны - там был пологий въезд.
Clifford managed to swing himself over on to the low, wheeled house-chair; he was very strong and agile with his arms.	Проворно перебирая сильными руками, Клиффорд перекинул тело в домашнее низкое кресло-коляску.
Then Connie lifted the burden of his dead legs after him.	Конни помогла ему втащить омертвевшие ноги.
The keeper, waiting at attention to be dismissed, watched everything narrowly, missing nothing.	Егерь стоял навьтяжку и ждал, когда его отпустят. Внимательный взгляд его примечал каждую мелочь.
He went pale, with a sort of fear, when he saw Connie lifting the inert legs of the man in her arms, into the other chair, Clifford pivoting round as she did so.	Вот Конни подняла неподвижные ноги мужа, и Меллорс побледнел - ему стало страшно. Клиффорд, опершись на руки, поворачивался всем туловищем вслед за Конни к домашнему креслу.
He was frightened.	Да, Меллорс испугался.
'Thanks, then, for the help, Mellors,' said Clifford casually, as he began to wheel down the passage to the servants' quarters.	- Спасибо за помощь, - небрежно бросил ему Клиффорд и покотил по коридору в сторону людской.
'Nothing else, Sir?' came the neutral voice, like one in a dream.	- Чем еще могу служить? - прозвучал бесстрастный голос егеря, такой иной раз прислышится во сне. - Больше ничего не нужно.
'Nothing, good morning!'	Всего доброго.
'Good morning, Sir.'	- Всего доброго, сэр!
'Good morning! it was kind of you to push the chair up that hill...I hope it wasn't heavy for you,' said Connie, looking back at the keeper outside the door.	- До свидания, Меллорс. Спасибо, что помогли. Надеюсь, было не очень тяжело, - обернувшись, проговорила Конни вслед егерю - тот уже выходил.
His eyes came to hers in an instant, as if wakened up.	На мгновение они встретились взглядами.
He was aware of her.	Казалось, что-то пробудилось в Меллорсе, спала пелена отстраненности.

'Oh no, not heavy!' he said quickly. Then his voice dropped again into the broad sound of the vernacular: 'Good mornin' to your Ladyship!'	- Что вы! Совсем не тяжело! - быстро ответил он и тут же перешел на небрежный тягучий говорок. - Всего доброго, ваша милость!
'Who is your game-keeper?' Connie asked at lunch.	За обедом Конни спросила: - Кто у тебя егерем?
'Mellors!'	- Меллорс!
You saw him,' said Clifford.	Ты же его только что видела.
'Yes, but where did he come from?'	- Я не о том. Откуда он родом?
'Nowhere!'	- Ниоткуда!
He was a Tevershall boy...son of a collier, I believe.'	В Тивершолле и вырос. Кажется, в шахтерской семье.
'And was he a collier himself?'	- И сам в шахте работал?
Blacksmith on the pit-bank, I believe: overhead smith.	- Нет, по-моему, при шахте кузнецом. В забой сам не лазил.
But he was keeper here for two years before the war...before he joined up.	Он еще до войны два года здесь егерем служил, потом армия.
My father always had a good Opinion of him, so when he came back, and went to the pit for a blacksmith's job, I just took him back here as keeper.	Отец о нем всегда хорошо отзывался. Поэтому я и взял его снова егерем - сам-то он после войны пошел было снова кузнецом на шахту.
I was really very glad to get him...its almost impossible to	Я полагаю, мне крупно повезло, найти в здешнем краю хорошего егеря почти

find a good man round here for a gamekeeper...and it needs a man who knows the people.'	невозможно. Ведь он еще и в людях должен толк знать.
And isn't he married?'	- Он не женат?
He was.	- Был раньше.
But his wife went off with...with various men...but finally with a collier at Stacks Gate, and I believe she's living there still.'	Но жена с кем только не гуляла, наконец спуталась с каким-то шахтером из Отвальной, кажется, так по сей день с ним и живет.
'So this man is alone?'	- Значит, он совсем один?
'More or less!'	- Почти что.
He has a mother in the village... and a child, I believe.'	У него в деревне мать... и, помнится, был ребенок.
Clifford looked at Connie, with his pale, slightly prominent blue eyes, in which a certain vagueness was coming.	Клиффорд посмотрел на жену. Большие голубые глаза подернулись дымкой.
He seemed alert in the foreground, but the background was like the Midlands atmosphere, haze, smoky mist.	Взгляд вроде бы и живой, но за ним проступала все ближе и ближе - мертвенно серая дымка, под стать той, что заволакивает небо над шахтами.
And the haze seemed to be creeping forward. So when he stared at Connie in his peculiar way, giving her his peculiar, precise information, she felt all the background of his mind filling up with mist, with nothingness.	Клиффорд смотрел как всегда значительно, как всегда с определенным смыслом, а Конни все виделась эта омертвляющая пелена, обволакивающая сознание мужа.

And it frightened her.	Страшно!
It made him seem impersonal, almost to idiocy.	Пелена эта, казалось, лишала Клиффорда его особенности, даже ума.
And dimly she realized one of the great laws of the human soul: that when the emotional soul receives a wounding shock, which does not kill the body, the soul seems to recover as the body recovers.	Постепенно ей открылся один из величайших законов человеческой природы. Если человеческим душе и телу нанести разящий удар, кажется, что душа - вслед за телом - тоже пойдет на поправку.
But this is only appearance.	Увы, так только кажется.
It is really only the mechanism of the re-assumed habit.	Мы просто переносим привычные понятия о теле на душу.
Slowly, slowly the wound to the soul begins to make itself felt, like a bruise, which Only slowly deepens its terrible ache, till it fills all the psyche.	Но рана душевная постепенно, изо дня в день, будет мучить все больше. На теле от удара остается синяк, лишь потом нестерпимая боль пронизывает тело, заполняет сознание.
And when we think we have recovered and forgotten, it is then that the terrible after-effects have to be encountered at their worst.	И вот когда мы думаем, что поправляемся, что все страшное позади, тогда-то ужасные последствия и напомнят о себе - безжалостно и жестоко.
So it was with Clifford.	Так случилось и с Клиффордом.
Once he was 'well', once he was back at Wragby, and writing his stories, and feeling sure of life, in spite of all, he seemed to forget, and to have recovered all his equanimity.	Вроде бы он "поправился", вернулся в Рагби, начал писать, обрел уверенность. Казалось, прошлое забыто, и к Клиффорду вернулось самообладание.
But now, as the years went by, slowly, slowly, Connie felt the bruise of fear and horror coming up, and spreading in him.	Но шли неспешной чередой годы, и Конни стала замечать, что синяк на зашибленной душе мужа все болезненнее, что он расплзается все шире.
For a time it had been so deep as to be numb, as it were non-existent. Now slowly it began to assert itself in a spread of fear, almost paralysis.	Долгое время он не напоминал о себе - сразу после удара душа сделалась бесчувственной, -а сейчас страх, точно боль, распространился по всей душе и парализовал ее.
Mentally he still was alert. But the paralysis, the bruise of the too-great shock, was gradually spreading in his affective self.	Пока еще жив разум, но мертвящий страх не пощадит и психику.
And as it spread in him, Connie felt it spread in her.	Мертвела душа у Клиффорда, мертвела и у Конни.
An inward dread, an emptiness, an indifference to everything gradually spread in her soul.	И в ее душе поселился страх, и пустота, и равнодушие ко всему на свете.
When Clifford was roused, he could still talk brilliantly and, as it were, command the future: as when, in the wood, he talked about her having a child, and giving an heir to Wragby.	Когда Клиффорд бывал в духе, он все еще блистал великолепием мысли и слова, уверенно строил планы. Как тогда в лесу он предложил ей родить, чтобы у Рагби появился наследник.
But the day after, all the brilliant words seemed like	Но уже на следующий день все его красноречивые

dead leaves, crumpling up and turning to powder, meaning really nothing, blown away on any gust of wind.	доводы увяли, точно палые листья, иссохли, обратились в прах, в ничто, в пустоту, их словно ветром унесло.
They were not the leafy words of an effective life, young with energy and belonging to the tree.	Не питались эти слова соками подлинной жизни, не таилась в них молодая сила, потому и увяли.

They were the hosts of fallen leaves of a life that is ineffectual.	А жизнь, заключенная в сонмищах палых листьев, - бесплодна.
So it seemed to her everywhere.	Омертвелость виделась Конни во всем.
The colliers at Tevershall were talking again of a strike, and it seemed to Connie there again it was not a manifestation of energy, it was the bruise of the war that had been in abeyance, slowly rising to the surface and creating the great ache of unrest, and stupor of discontent.	Шахтеры Тивершолла поговаривали о забастовке, и Конни казалось, что это вовсе не демонстрация силы, а исподволь вызревавшая боль - кровоподтек со времен войны, достигший поверхности и - как следствие - смуты, недовольства.
The bruise was deep, deep, deep...the bruise of the false inhuman war.	Глубоко-глубоко угнездилась боль. Причиненная войной, бесчеловечной и беззаконной.
It would take many years for the living blood of the generations to dissolve the vast black clot of bruised blood, deep inside their souls and bodies.	Сколько лет пройдет, прежде чем сойдет с души и тела человечества этот кровоподтек, разгонит его кровь новых поколений.
And it would need a new hope.	Но не обойтись и без новой надежды.
Poor Connie!	Бедняга Конни!
As the years drew on it was the fear of nothingness In her life that affected her.	За годы в Рагби и ее душу поразил страх: вдруг омертвеет и она.
Clifford's mental life and hers gradually began to feel like nothingness.	Мужнина "жизнь разума" и ее собственная малопомалу теряли содержание и смысл.
Their marriage, their integrated life based on a habit of intimacy, that he talked about: there were days when it all became utterly blank and nothing.	Вся их совместная жизнь, если верить разглагольствованиям Клиффорда, строилась на прочной, проверенной годами близости. Но выпадали дни, когда ничего, кроме беспредельной пустоты, Конни не чувствовала.
It was words, just so many words.	Многословье, одно многословье.
The only reality was nothingness, and over it a hypocrisy of words.	Подлинной в ее жизни была лишь пустота под покровом лживых, неискренних слов.
There was Clifford's success: the bitch-goddess!	Клиффорд преуспевал - уломал-таки Вертихвостку Удачу!
It was true he was almost famous, and his books brought him in a thousand pounds.	Без пяти минут знаменитость. Книги уже приносили немалый доход.
His photograph appeared everywhere.	Повсюду - его фотографии.
There was a bust of him in one of the galleries, and a portrait of him in two galleries.	В одной галерее выставлялся его скульптурный портрет, портреты живописные - в двух других.
He seemed the most modern of modern voices.	Из всех новомодных писательских голосов его голос был самым громким.
With his uncanny lame instinct for publicity, he had become in four or five years one of the best known of the young 'intellectuals'.	С помощью почти сверхъестественного чутья лет за пять он стал самым известным из молодых "блестящих" умов.
Where the intellect came in, Connie did not quite see.	Конни, правда, не очень-то понимала, откуда взялся блеск.

Clifford was really clever at that slightly humorous analysis of people and motives which leaves everything in bits at the end.	В уме, конечно, Клиффорду не откажешь. Чуть насмешливо он начинал раскладывать по полочкам человеческие черты, привычки, побуждения, а в конце концов разносил все в пух и прах.
But it was rather like puppies tearing the sofa cushions to bits; except that it was not young and playful, but curiously old, and rather obstinately conceited.	Так щенок игриво выхватит поначалу клочок диванной обивки, а потом, глядишь - от дивана рожки да ножки. Разница в том, что у щенка все выходит по детскому недомыслию, у Клиффорда - по непонятной, прямо стариковской твердолобой чванливости.
It was weird and it was nothing.	Какая-то роковая мертвящая пустота.
This was the feeling that echoed and re-echoed at the bottom of Connie's soul: it was all flag, a wonderful display of	Мысль эта далеким, но навязчивым эхом прилетела к Конни из глубины души. Все - суть пустота и мертвечина. И Клиффорд еще

nothingness; At the same time a display.	этим щеголяет.
A display! a display! a display!	Да, щеголяет! Именно - щеголяет.
Michaelis had seized upon Clifford as the central figure for a play; already he had sketched in the plot, and written the first act.	Микаэлис задумал пьесу и в главном герое вывел Клиффорда. Он уже набросал сюжет и приступил к первому акту.
For Michaelis was even better than Clifford at making a display of nothingness.	Да, Микаэлис еще больше Клиффорда поднаторел в искусстве щеголять пустотой.
It was the last bit of passion left in these men: the passion for making a display.	У обоих мужчин, лишенных сильных чувств, только и осталась страстишка - щегольнуть, показать себя во всем блеске.
Sexually they were passionless, even dead.	А страстью (даже в постели) обделены оба.
And now it was not money that Michaelis was after.	Микаэлис отнюдь не гнался за деньгами.
Clifford had never been primarily out for money, though he made it where he could, for money is the seal and stamp of success.	Не ставил это во главу угла и Клиффорд. Хотя и не упускал случая заработать, ведь деньги - это знак Удачи!
And success was what they wanted.	А Удача, Успех - цель как одного, так и другого.
They wanted, both of them, to make a real display...a man's own very display of himself that should capture for a time the vast populace.	И оба тщились показать себя, блеснуть, хоть на минуту стать "властителями дум" толпы.
It was strange...the prostitution to the bitch-goddess.	Удивительно... Как продажные девки, завлекали они Удачу!
To Connie, since she was really outside of it, and since she had grown numb to the thrill of it, it was again nothingness.	Но Конни не участвовала в этом, ей неведом был их сладострастный трепет. Ведь даже заигрывание с Удачей пахло мертвечиной.
Even the prostitution to the bitch-goddess was nothingness, though the men prostituted themselves innumerable times. Nothingness even that.	А ведь не сосчитать, сколько раз Микаэлис и Клиффорд бесстыдно предлагали себя Вертихвостке Удаче. И тем не менее, все их потуги - тщета и пустота.
Michaelis wrote to Clifford about the play.	О пьесе Микаэлис сообщил Клиффорду в письме.
Of course she knew about it long ago.	Конни, конечно же, знала о ней намного раньше.

And Clifford was again thrilled. He was going to be displayed again this time, somebody was going to display him, and to advantage.	Ах, как восторжен был Клиффорд. Вот еще раз предстанет он во всем блеске - чьими-то стараниями и к своей выгоде.
He invited Michaelis down to Wragby with Act I.	И он пригласил Микаэлиса в Рагби читать первый акт.
Michaelis came: in summer, in a pale-coloured suit and white suede gloves, with mauve orchids for Connie, very lovely, and Act I was a great success.	Микаэлис не заставил себя ждать. Стояло лето, и он явился в светлом костюме, в белых замшевых перчатках, с очень красивыми лиловыми орхидеями для Конни. Чтение первого акта прошло с большим успехом.
Even Connie was thrilled... thrilled to what bit of marrow she had left.	Даже Конни была глубоко взволнована до глубины своего естества (если от него хоть что-нибудь осталось).
And Michaelis, thrilled by his power to thrill, was really wonderful...and quite beautiful, in Connie's eyes.	А сам Микаэлис был великолепен - он просто трепетал, сознавая, что заставляет трепетать других, - казался Конни даже красивым.
She saw in him that ancient motionlessness of a race that can't be disillusioned any more, an extreme, perhaps, of impurity that is pure.	Она вновь узрела в его чертах извечное смирение древней расы, которую более уже ничем не огорчить, не разочаровать, расы, чье осквернение не нарушило ее целомудрия.
On the far side of his supreme prostitution to the bitch-goddess he seemed pure, pure as an African ivory mask that dreams impurity into purity, in its ivory curves and planes.	Ведь в рьяной, неукротимо-похотливой тяге к своевольной Удаче Микаэлис был искренен и чист. Столь же искренне и чисто запечатлевает африканская маска слоновой кости самые грязные и мерзкие черты.
His moment of sheer thrill with the two Chatterleys, when he simply carried Connie and	И объясним его трепет, когда под его чары подпали и

Clifford away, was one of the supreme moments of Michaelis' life.	Клиффорд и Конни: то был, пожалуй, наивысший триумф в его жизни.
He had succeeded: he had carried them away.	Да, он победил, он влюбил в себя супругов.
Even Clifford was temporarily in love with him...if that is the way one can put it.	Даже Клиффорда, пусть и ненадолго. Именно -влюбил в себя!
So next morning Mick was more uneasy than ever; restless, devoured, with his hands restless in his trousers pockets.	Зато назавтра к утру он просто извелся: дерганный, истерзанный сомнениями, руки и в карманах брюк не находят покоя.
Connie had not visited him in the night...and he had not known where to find her.	Конни не пришла к нему ночью... И где ее сейчас искать, он не знал.
Coquetry!...at his moment of triumph.	Кокетка! Так испортила ему праздник!
He went up to her sitting-room in the morning.	Он поднялся к ней в гостиную.
She knew he would come.	Она знала, что он придет.
And his restlessness was evident.	Не укрылась от нее и его тревога.
He asked her about his play...did she think it good?	Он спросил, что она думает о его пьесе, нравится ли?

He had to hear it praised: that affected him with the last thin thrill of passion beyond any sexual orgasm.	Как воздух нужна ему похвала, она подстегивала его жалкую, слабенькую страсть, которая, однако, неизмеримо сильнее любого плотского удовольствия.
And she praised it rapturously. Yet all the while, at the bottom of her soul, she knew it was nothing.	И Конни не жалела восторженных слов, в глубине души зная, что и ее слова мертвы!
'Look here!' he said suddenly at last. 'Why don't you and I make a clean thing of it?'	- Послушай! - вдруг решил он. - Почему бы нам не зажить честно и чисто?
Why don't we marry?'	Почему б нам не пожениться?
'But I am married,' she said, amazed, and yet feeling nothing.	- Но я замужем! - изумилась Конни, а-омертвелая душа ее даже не встрепенулась.
'Oh that!...he'll divorce you all right...Why don't you and I marry?'	- Пустяки! Он согласится на развод, не сомневайся. Давай поженимся!
I want to marry.	Мне этого так хочется.
I know it would be the best thing for me...marry and lead a regular life.	Самое лучшее для меня - завести семью и остепениться.
I lead the deuce of a life, simply tearing myself to pieces.	Ведь у меня не жизнь, а черт-те что! Я прожигаю жизнь!
Look here, you and I, we're made for one another...hand and glove. Why don't we marry?'	Послушай, мы ведь созданы друг для друга! Просто идеальная пара! Ну, давай поженимся.
Do you see any reason why we shouldn't?'	Скажи, что, ну что тебе мешает?
Connie looked at him amazed: and yet she felt nothing.	Конни все так же изумленно взирала на него, а в душе - пустота.
These men, they were all alike, they left everything out.	Как похожи все мужчины. Витает в облаках.
They just went off from the top of their heads as if they were squibs, and expected you to be carried heavenwards along with their own thin sticks.	Придумают что-нибудь и - раз! - вихрем устремляются ввысь, причем полагают, что и женщины должны следом воспарить.
'But I am married already,' she said. 'I can't leave Clifford, you know.'	- Но я замужем, - повторила она, - и Клиффорда не брошу, сам понимаешь.
'Why not? but why not?' he cried. 'He'll hardly know you've gone, after six months.'	- Но почему? Почему? - воскликнул он. - Через полгода он забудет о тебе, не заметит даже, что тебя нет рядом.
He doesn't know that anybody exists, except himself.	Он вообще никого, кроме собственной персоны, не замечает.
Why the man has no use for you at all, as far as I can see; he's entirely wrapped up in himself.'	Ведь я вижу: тебе от него никакого толка. Он занят только собой.
Connie felt there was truth in this.	Конни понимала, что Мик прав.
But she also felt that Mick was hardly making a display of selflessness.	К тому же она чужа, что он сейчас и не стремится выставить себя благородным.
'Aren't all men wrapped up in themselves?' she asked.	- А разве не все мужчины заняты только собой? - спросила она.
Oh, more or less, I allow.	- Да, пожалуй, в какой-то степени.

A man's got to be, to get through.	Мужчина должен состояться, должен проявить себя.
But that's not the point.	Но это еще не самое главное.
The point is, what sort of a time can a man give a woman?	А главное: будет ли женщине с ним хорошо?
Can he give her a damn good time, or can't he?	Способен ли он ее осчастливить?
If he can't he's no right to the woman...'	Если нет, то нечего такому и думать о женщине...
He paused and gazed at her with his full, hazel eyes, almost hypnotic. 'Now I consider,' he added, 'I can give a woman the darndest good time she can ask for.	- Он замолчал и, как гипнотизер, вперил в нее взгляд больших, чуть навывкате, карих глаз. - Я же не сомневаюсь, что способен дать женщине все, что она ни попросит.
I think I can guarantee myself.'	Я в себе уверен.
'And what sort of a good time?' asked Connie, gazing on him still with a sort of amazement, that looked like thrill; and underneath feeling nothing at all.	- А что именно ты способен дать? - спросила Конни все с тем же изумлением, которое легко принять за восторг. А в душе по-прежнему пусто.
'Every sort of a good time, damn it, every sort!	- Да что угодно, черт побери!
Dress, jewels up to a point, any nightclub you like, know anybody you want to know, live the pace... travel and be somebody wherever you go...Damn it, every sort of good time.'	Что угодно! Завалю платьями, осыплю кольцами, серьгами, ожерельями; любой ночной клуб - к ее услугам! С кем бы ни пожелала познакомиться - пожалуйста! Захочет - пусть прожигает жизнь... или путешествует, и везде ей почет и уважение! Разве этого мало, черт возьми!
He spoke it almost in a brilliancy of triumph, and Connie looked at him as if dazzled, and really feeling nothing at all.	Говорил он вдохновенно, почти ликуя; и Конни зачарованно смотрела и смотрела на него, но душа безмолвствовала.
Hardly even the surface of her mind was tickled at the glowing prospects he offered her.	Даже разум не внял радужным посулам.
Hardly even her most outside self responded, that at any other time would have been thrilled.	Даже в лице ничего не переменилось, ни один мускул не дрогнул, а раньше Конни бы загорелась.
She just got no feeling from it, she couldn't 'go off' ¹ .	Сейчас же ее сковало какое-то бесчувствие, нет, не "воспарить" ей вслед за Миком и его мечтой.
She just sat and stared and looked dazzled, and felt nothing, only somewhere she smelt the extraordinarily unpleasant smell of the bitch-goddess.	Она лишь зачарованно-помертвело уставилась на него; правда, почуяла за барьером слов мерзостный запах Вертихвостки Удачи.
Mick sat on tenterhooks, leaning forward in his chair, glaring at her almost hysterically: and whether he was more anxious out of vanity for her to say Yes! or whether he was more panic-stricken for fear she should say Yes!—who can tell?	А Мик мучился от ее неопределенного молчания. Сидя в кресле, он подался вперед и умоляюще, со слезами на глазах смотрел на Конни. И кто знает, что в нем сейчас преобладало: гордыня ли, требовавшая, чтобы Конни подчинилась, или страх, что она и впрямь уступит его мольбам.
I should have to think about it,' she said. I couldn't say now.	- Мне нужно подумать. Сразу я не могу решить, -сказала она наконец.

It may seem to you Clifford doesn't count, but he does.	- По-твоему, Клиффорда можно сбросить со счетов, а по-моему - нет.
When you think how disabled he is...'	Вспомни только о его увечье...
Oh damn it all!	- Чушь это все!
If a fellow's going to trade on his disabilities, I might begin to say how lonely I am, and always have been, and all the rest of the my-ey e-Betty-Martin sob-stuff!	Если каждый начнет козырять своими невзгодами, я могу козырнуть своим одиночеством. Я всю жизнь одинок! Пожалейте меня, разнесчастного, ну, и далее в том же духе!
Damn it all, if a fellow's got nothing but disabilities to recommend him...' He turned aside, working his hands furiously in his trousers pockets.	Чушь! Если нечем больше похвастать, кроме увечий да невзгод... - он внезапно замолчал, отвернулся, видно было лишь, как сжимаются и разжимаются кулаки в карманах брюк.
That evening he said to her:	Вечером он спросил:
'You're coming round to my room tonight, aren't you?	- Ты придешь сегодня ко мне?
I don't darn know where your room is.'	Я ведь даже не знаю, где твоя спальня.
'All right!' she said.	- Приду! - ответила она.

He was a more excited lover that night, with his strange, small boy's frail nakedness.	В ту ночь этот странный мужчина с худеньким телом подростка ласкал Конни как никогда страстно.
Connie found it impossible to come to her crisis before he had really finished his.	И все же оргазма одновременно с ним она не достигла.
And he roused a certain craving passion in her, with his little boy's nakedness and softness; she had to go on after he had finished, in the wild tumult and heaving of her loins, while he heroically kept himself up, and present in her, with all his will and self-offering, till she brought about her own crisis, with weird little cries.	Только потом в ней вдруг разгорелось желание, ее так потянуло к этому детскому нежному телу. И неистово вверх-вниз заходили бедра, а Мик героически старался сохранить твердость не только духа, но и плоти, отдавшись порыву ее страсти. Наконец, полностью удовлетворившись, постанывая и вскрикивая, она затихла.
When at last he drew away from her, he said, in a bitter, almost sneering little voice:	Но вот тела их разъялись, Мик отстранился и обиженно, даже чуть насмешливо сказал:
You couldn't go off at the same time as a man, could you?	- Ты что же, не умеешь кончить одновременно с мужчиной?
You'd have to bring yourself off!	Придется научиться!
You'd have to run the show!	Придется подчиниться!
This little speech, at the moment, was one of the shocks of her life.	Слова эти поразили Конни безмерно.
Because that passive sort of giving himself was so obviously his only real mode of intercourse.	Ведь совершенно очевидно, что в постели Мик может удовлетворить женщину, лишь уступив ей инициативу.
'What do you mean?' she said.	- Я тебя не понимаю, - пробормотала она.
'You know what I mean.	- Прекрасно ты все понимаешь!

You keep on for hours after I've gone off...and I have to hang on with my teeth till you bring yourself off by your own exertions.'	Мучаешь меня часами после того, как я уже кончил. Терплю, стиснув зубы, пока ты своими стараниями удовольствие получаешь.
She was stunned by this unexpected piece of brutality, at the moment when she was glowing with a sort of pleasure beyond words, and a sort of love for him.	Нежданно жестокие слова ударили больно. Ведь сейчас ей хорошо, ослепительно хорошо, сейчас она любит его - к чему же эти слова!
Because, after all, like so many modern men, he was finished almost before he had begun.	В конце концов, она не виновата: он, как почти все нынешние мужчины, кончал, не успев начать.
And that forced the woman to be active.	Оттого и приходится женщине брать инициативу.
'But you want me to go on, to get my own satisfaction?' she said.	- А разве тебе не хочется, чтобы и я получила удовольствие?- спросила она.
He laughed grimly: 'I want it!' he said. 'That's good!	Он мрачно усмехнулся. - Хочется? Вот это здорово!
I want to hang on with my teeth clenched, while you go for me!'	По-твоему, мне хочется смиренно лежать, стиснув зубы, и чтоб ты мной верховодила?!
'But don't you?' she insisted. He avoided the question. 'All the damned women are like that,' he said. 'Either they don't go off at all, as if they were dead in there...or else they wait till a chap's really done, and then they start in to bring themselves off, and a chap's got to hang on. I never had a woman yet who went off just at the same moment as I did.'	- Ну, а все-таки? - упорствовала Конни, но Мик не ответил. - Все вы, женщины, одинаковы. Либо лежите, не шелохнетесь, будто мертвые, либо, когда мужчина уже устал, вдруг разгораетесь и начинаете наяривать, а наш брат, знай, терпи.
Connie only half heard this piece of novel, masculine information.	Конни, однако, не вслушивалась, хотя точка зрения мужчины ей в новинку.
She was only stunned by his feeling against her...his incomprehensible brutality.	Ее ошеломило отношение Мика, его необъяснимая жестокость.
She felt so innocent.	Разве она в чем виновата?
'But you want me to have my satisfaction too, don't you?' she repeated.	- Но ведь ты же хочешь, чтобы и я получила удовольствие? - вновь спросила она.
'Oh, all right! I'm quite willing.	- Разумеется! О чем речь!
But I'm damned if hanging on waiting for a woman to go off is	Но поверь, любому мужчине не очень-то по вкусу, сделав свое дело, еще ждать,

much of a game for a man...'	пока женщина сама кончит...
This speech was one of the crucial blows of Connie's life. It killed something in her.	Нечасто доставались Конни в жизни столь сокрушительные удары - после таких слов ее чувству не суждено было оправиться.
She had not been so very keen on Michaelis; till he started it, she did not want him.	Нельзя сказать, что до этого она души не чаяла в Микаэлисе. Не разбуди он в ней женщину, она б обошлась без него.
It was as if she never positively wanted him.	И прекрасно бы обошлась!
But once he had started her, it seemed only natural for her to come to her own crisis with him.	Но коль скоро в ней все же проснулась женщина, стоит ли удивляться, что и она хочет получить свое в постели.

Almost she had loved him for it...almost that night she loved him, and wanted to marry him.	А получив, питает самые нежные чувства к мужчине (как в эту ночь), можно сказать, любит его, хочет выйти за него замуж.
Perhaps instinctively he knew it, and that was why he had to bring down the whole show with a smash; the house of cards.	Пожалуй, Микаэлис нутром почувствовал ее готовность и сам же безжалостно разрушил собственные планы - разом, словно карточный домик.
Her whole sexual feeling for him, or for any man, collapsed that night.	А Конни в ту ночь похоронила свое влечение к этому мужчине. Да и не только к этому, а, пожалуй, ко всякому.
Her life fell apart from his as completely as if he had never existed.	Жизни их разъялись, как и тела. Будто и не было никогда Микаэлиса.
And she went through the days drearily.	Безотрадной чередой потянулись дни. Все пусто и мертво.
There was nothing now but this empty treadmill of what Clifford called the integrated life, the long living together of two people, who are in the habit of being in the same house with one another.	Лишь однообразное бесцельное существование, в понятии Клиффорда это и есть "совместная жизнь": двое долго живут бок о бок в одном доме, и объединяет их привычка.
Nothingness!	Пустота!
To accept the great nothingness of life seemed to be the one end of living.	Смириться с тем, что жизнь - это великая пустыня, значит подойти к самому краю бытия.
All the many busy and important little things that make up the grand sum-total of nothingness!	Великое множество дел малых и важных составляет огромное число - но из одних только нулей.
Chapter 6	6
Why don't men and women really like one another nowadays?' Connie asked Tommy Dukes, who was more or less her oracle.	- Почему в наши дни мужчины и женщины по-настоящему не любят друг друга? - спросила Конни у Томми Дьюкса, он был для нее вроде прорицателя.
'Oh, but they do!	- Вы не правы!
I don't think since the human species was invented, there has ever been a time when men and women have liked one another as much as they do today.	С тех пор как придуман род людской, вряд ли мужчины и женщины любили друг друга крепче, чем сейчас.
Genuine liking!	И, добавлю, искреннее.
Take myself.	Вот я, к примеру...
I really like women better than men; they are braver, one can be more frank with them.'	Мне женщины нравятся куда больше мужчин. Они храбрее, им можно больше довериться.
Connie pondered this.	Конни призадумалась.
'Ah, yes, but you never have anything to do with them!' she said.	- Но вы, тем не менее, никаких отношений с ними не поддерживаете.
'I? What am I doing but talking perfectly sincerely to a woman at this moment?'	- Разве? А что я сейчас, по-вашему, делаю? Разговариваю с женщиной о самом сокровенном!
'Yes, talking...'	- Вот именно - разговариваете...

'And what more could I do if you were a man, than talk perfectly sincerely to you?'	- Ну, а будь вы мужчиной, удалось бы мне большее, нежели разговор по душам?
'Nothing perhaps. But a woman...'	- Нет, пожалуй, но ведь женщина...
'A woman wants you to like her and talk to her,	- Женщина хочет, чтобы ее любили, чтобы с ней говорили

and at the same time love her and desire her; and it seems to me the two things are mutually exclusive.'	и чтобы одновременно сгорали от страсти к ней. Сдается мне, что любовь и страсть понятия несовместимые.
'But they shouldn't be!'	- Но это же неправильно!
'No doubt water ought not to be so wet as it is; it overdoes it in wetness. But there it is! I like women and talk to them, and therefore I don't love them and desire them. The two things don't happen at the same time in me.'	- А вам не кажется, что вода чересчур мокра? Что б ей стать посуше, а? Но она с нашими желаниями не считается. Мне нравятся женщины, я с ними охотно беседую, но отнюдь не питаю к ним ни страсти, ни вожделения. Духовное и плотское во мне одновременно не уживутся.
'I think they ought to.'	- А по-моему, никакого противоречия не должно быть.
'All right. The fact that things ought to be something else than what they are, is not my department.'	- Допустим, но зачастую в жизни все не так, как должно быть. Я в такие рассуждения не вдаюсь.
Connie considered this. 'It isn't true,' she said. 'Men can love women and talk to them. I don't see how they can love them without talking, and being friendly and intimate. How can they?'	Конни снова задумалась. - Но ведь мужчины умеют и пылко любить, и говорить с женщинами по душам. Не представляю, как можно пылко любить женщину и по-доброму, по-дружески не разговаривать с ней о сокровенном. Не представляю!
'Well,' he said, 'I don't know. What's the use of my generalizing? I only know my own case.'	- Ну, знаете, - замялся он. - Впрочем, если я начну обобщать, толку будет немного. Я могу ссылаться лишь на собственный опыт.
I like women, but I don't desire them.	Я люблю женщин, но влечения не испытываю.
I like talking to them; but talking to them, though it makes me intimate in one direction, sets me poles apart from them as far as kissing is concerned.	Мне нравится разговаривать с ними. И в разговоре, с одной стороны - достигаю близости, с другой - отдаляюсь, меня совсем не тянет их целовать.
So there you are!	Вот вам и противоречие.
But don't take me as a general example, probably I'm just a special case: one of the men who like women, but don't love women, and even hate them if they force me into a pretence of love, or an entangled appearance.	Но я, возможно, пример не типичный, скорее, исключение из правил. Люблю женщин, но бесстрастно, а тех, кто требует от меня даже жалкого подобия страсти или пытается вовлечь в интрижку, тех ненавижу.
'But doesn't it make you sad?'	- И вы об этом не жалеете?
'Why should it? Not a bit!'	- С чего бы?! Ничуть!
I look at Charlie May, and the rest of the men who have affairs...No, I don't envy them a bit!	Вон, у таких, как Чарли Мей, связей предостаточно. Но я не завидую.
If fate sent me a woman I wanted, well and good.	Пошлет мне Судьба желанную женщину -прекрасно!

Since I don't know any woman I want, and never see one... why, I presume I'm cold, and really like some women very much.'	Раз такой нет или, может, я ее пока не встретил, значит, говорю я себе: "Ты - рыба кровь", - и довольствуюсь очень сильной симпатией к некоторым женщинам.
Do you like me?'	- А я вам симпатична?
'Very much!'	- Весьма!
And you see there's no question of kissing between us, is there?'	Хотя, как видите, нам и в голову не приходит целоваться.
'None at all!' said Connie. 'But oughtn't there to be?'	- Воистину! Хотя что ж в самом желании противоестественного?
'Why, in God's name?'	- Ну, при чем тут это!
I like Clifford, but what would you say if I went and kissed him?'	Я люблю Клиффорда, но что вы скажете, если я брошусь его целовать?
'But isn't there a difference?'	- А разницы вы не видите?
'Where does it lie, as far as we're concerned?'	- Собственно, в чем эта разница, взять хотя бы наш пример.
We're all intelligent human beings, and the male and female business is in abeyance. Just in abeyance.	Мы люди цивилизованные, половое влечение научились держать в узде, и притом в строгой.
How would you like me to start acting up like a continental male at this moment, and parading the sex thing?'	Понравится ли вам, если я начну, подобно разнузданным европейцам, хвастать своими "достоинствами"?
I should hate it.'	- Мне бы стало противно.

'Well then! I tell you, if I'm really a male thing at all, I never run across the female of my species. And I don't miss her, I just like women.	- Вот именно! А я - если вообще меня можно отнести к роду мужскому - пока не вижу соответствующую мне женщину и не ахти как страдаю. Потому-то мне хватает просто добрых чувств к женщине.
Who's going to force me into loving or pretending to love them, working up the sex game?'	И никто никогда не заставит меня являть пылкую страсть или изображать ее в постели!
'No, I'm not. But isn't something wrong?'	- Что верно, то верно. Но нет ли в этом какой-то ущербности?
'You may feel it, I don't.'	- Вы ее чувствуете, я - нет.
'Yes, I feel something is wrong between men and women.	- Да, я чувствую, что между мужчинами и женщинами какой-то разлад.
A woman has no glamour for a man any more.'	Женщина в глазах мужчины потеряла очарование.
Has a man for a woman?' She pondered the other side of the question.	- А мужчина - в глазах женщины?
'Not much,' she said truthfully.	- Почти не потерял, - подумав, честно призналась Конни.
'Then let's leave it all alone, and just be decent and simple, like proper human beings with one another.	- Оставим всю эту заумь, вернемся к простому и естественному общению, как и подобает разумным существам.

Be damned to the artificial sex-compulsion! I refuse it!"	И к чертям собачьим всю эту надуманную постельную повинность! Я ее не признаю!
Connie knew he was right, really.	Конни понимала, что Томми Дьюкс прав.
Yet it left her feeling so forlorn, so forlorn and stray.	Но от его слов почувствовала себя еще более одинокой и беспризорной.
Like a chip on a dreary pond, she felt.	Как щепку, крутит и несет ее по каким-то сумрачным водам.
What was the point, of her or anything?	Для чего живет она и все вокруг?
It was her youth which rebelled.	То восставала ее молодость.
These men seemed so old and cold.	Черствы и мертвы сердца этих мужчин.
Everything seemed old and cold.	Все вокруг черство и мертво.
And Michaelis let one down so; he was no good.	Даже на Микаэлиса нет надежды: продаст и предаст женщину.
The men didn't want one; they just didn't really want a woman, even Michaelis didn't.	А этим женщина и вовсе не нужна. Никому из них не нужна женщина, даже Микаэлису.
And the bounders who pretended they did, and started working the sex game, they were worse than ever.	А подонки, которые притворно клянутся в любви, чтобы переспать с женщиной, и того хуже.
It was just dismal, and one had to put up with it.	Страшно. Но ничего не поделать.
It was quite true, men had no real glamour for a woman: if you could fool yourself into thinking they had, even as she had fooled herself over Michaelis, that was the best you could do.	Прав Томми: потерял мужчина очарование в глазах женщины. И остается обманывать себя, как обманывала она себя, увлекшись Микаэлисом.
Meanwhile you just lived on and there was nothing to it.	Все лучше, чем однообразная, унылая жизнь.
She understood perfectly well why people had cocktail parties, and jazzed, and Charlested till they were ready to drop.	Она отчетливо поняла, почему люди приглашают друг друга на вечеринки, почему до одури слушают джаз, почему до упаду танцуют чарльстон.
You had to take it out some way or other, your youth, or it ate you up.	Просто это молодость по-всякому напоминает о себе, а иначе не жизнь - тоска смертная!
But what a ghastly thing, this youth!	А вообще-то молодость - ужасная пора.
You felt as old as Methuselah, and yet the thing fizzed somehow, and didn't let you be comfortable.	Чувствуешь себя старой, как Мафусаил, но что-то внутри щекочет, лишает покоя.
A mean sort of life!	Что за жизнь ей выпала!
And no prospect!	И никаких надежд!
She almost wished she had gone off with Mick, and made her life one long cocktail party, and jazz evening.	Она почти жалела, что не уехала с Микаэлисом, тогда б вся ее жизнь потянулась нескончаемой вечеринкой или джазовым концертом.
Anyhow that was better than just mooning yourself into the	И то лучше, чем маяться и тешить себя

grave.

|| праздными мечтаниями, дожидаясь смерти.

On one of her bad days she went out alone to walk in the wood, ponderously, heeding nothing, not even noticing where she was.	Однажды, когда на душе было совсем худо, она отправилась одна в лес, ничего не слыша, не видя вокруг.
The report of a gun not far off startled and angered her.	Ахнул выстрел - она вздрогнула, досадливо поморщилась, но пошла дальше.
Then, as she went, she heard voices, and recoiled. People! She didn't want people.	Потом услышала голоса, и ее передернуло: люди сейчас совсем некстати.
But her quick ear caught another sound, and she roused; it was a child sobbing.	Но чуткое ухо поймало и другой звук - Конни насторожилась - плакал ребенок.
At once she attended; someone was ill-treating a child.	Она вслушалась: кто-то обижает малыша.
She strode swinging down the wet drive, her sullen resentment uppermost. She felt just prepared to make a scene.	Еще больше исполнившись мрачной злобой, она решительно зашагала вниз по скользкой тропе - сейчас обидчика в пух и прах разнесет.
Turning the corner, she saw two figures in the drive beyond her: the keeper, and a little girl in a purple coat and moleskin cap, crying.	Чуть поодаль, за поворотом она увидела двоих: егеря и маленькую девочку в бордовом пальто и кротовой шапочке, девочка плакала.
'Ah, shut it up, tha false little bitch!' came the man's angry voice, and the child sobbed louder.	- Ну-ка ты, рева-корова, замолчи сейчас же! - сердито прикрикнул мужчина, и девочка заплакала еще громче.
Constance strode nearer, with blazing eyes. The man turned and looked at her, saluting coolly, but he was pale with anger.	Завидев спешившую к ним разъяренную Констанцию, мужчина спокойно козырнул, лишь побледневшее лицо выдавало гнев.
'What's the matter? Why is she crying?' demanded Constance, peremptory but a little breathless.	- В чем дело, почему девочка плачет? - властно спросила Конни, запыхавшись от быстрого шага.
A faint smile like a sneer came on the man's face. 'Nay, yo mun ax 'er,' he replied callously, in broad vernacular.	На лице у егеря появилась едва заметная глумливая ухмылка. - А поди разбери! Спросите у нее сами! - жестко бросил он, нарочито растягивая слова, подражая местному говору.
Connie felt as if he had hit her in the face, and she changed colour. Then she gathered her defiance, and looked at him, her dark blue eyes blazing rather vaguely.	Конни побледнела - ей словно пощечину вlepили! Ну, нет, она не уступит этому нахалу! И в упор взглянула на егеря - однако решимости в потемневших от гнева синих глазах поубавилось.
'I asked you,' she panted.	- Я спрашиваю у вас! - выпалила она.
He gave a queer little bow, lifting his hat. 'You did, your Ladyship,' he said; then, with a return to the vernacular: 'but I canna tell yer.'	Егерь приподнял шляпу, чуть наклонил голову - не то кивок, не то поклон. - Так никто и не спорит. Только чего мне говорить-то? - закончил он, опять произнося слова по-местному грубовато.
And he became a soldier, inscrutable, only pale with annoyance.	И вновь замкнулось солдатское его лицо, лишь побледнело с досады.
Connie turned to the child, a ruddy, black-haired thing of nine or ten. 'What is it, dear?	Конни повернулась к девочке. Была она румяна и черноволоса, лет десяти от роду. - Ну, что случилось, маленькая?

Tell me why you're crying!' she said, with the conventionalized sweetness suitable. More violent sobs, self-conscious.	Почему плачешь? - тоном "доброй тети" спросила Конни. Девочка испугалась и зарыдала еще пуще.
Still more sweetness on Connie's part.	Конни заговорила еще мягче.
'There, there, don't you cry!	- Ну, ну, не надо, не плачь!
Tell me what they've done to you!'...an intense tenderness of tone. At the same time she felt in the pocket of her knitted jacket, and luckily found a sixpence.	Скажи, кто тебя обидел, - как могла нежно проворковала она и, к счастью, нашарила в кармане вязаной кофты монетку.
'Don't you cry then!' she said, bending in front of the child. 'See what I've got for you!'	- Давай-ка вытрем слезы. - И она присела рядом с девочкой. - Посмотри-ка, что у меня есть, - это тебе!
Sobs, snuffles, a fist taken from a blubbered face, and a black shrewd eye cast for a second on the sixpence.	Девочка перестала всхлипывать, хлюпать носом, отняла кулачок от заревавшего лица и смысленным черным глазом зыркнула на монетку.
Then more sobs, but subduing. 'There, tell me what's the matter, tell me!' said Connie,	Потом раз-другой всхлипнула и примолкла. - Ну, а теперь расскажи, из-за чего такие слезы, - снова спросила

putting the coin into the child's chubby hand, which closed over it.	Конни, положила монетку на пухлую ладошку, девочка сразу зажала ее в кулачок.
'It's the...it's the...pussy!'	- Из-за... из-за киски!
Shudders of subsiding sobs.	И всхлипнула еще раз, но уже тише.
'What pussy, dear?'	- Из-за какой киски, радость моя?
After a silence the shy fist, clenching on sixpence, pointed into the bramble brake.	После некоторой заминки кулачок с монеткой ткнул в сторону кустов куманики.
'There!'	- Вон той!
Connie looked, and there, sure enough, was a big black cat, stretched out grimly, with a bit of blood on it.	Конни пригляделась. Верно: большая черная окровавленная кошка безжизненно распласталась под кустом.
'Oh!' she said in repulsion.	- Ой! - в ужасе воскликнула она.
'A poacher, your Ladyship,' said the man satirically.	- Она, ваша милость, нарушительница границы,- язвительно произнес Меллорс.
She glanced at him angrily. 'No wonder the child cried,' she said, 'if you shot it when she was there. No wonder she cried!'	Конни сердито взглянула на него. - Если вы ее при ребенке пристрелили, неудивительно, что девочка плачет! Совсем неудивительно.
He looked into Connie's eyes, laconic, contemptuous, not hiding his feelings.	Он быстро, но не тая презрения, посмотрел на нее.
And again Connie flushed; she felt she had been making a scene, the man did not respect her.	И опять Конни стыдливо зарделась: никак она снова затеяла скандал, за что ж Меллорсу ее уважать?!
'What is your name?' she said playfully to the child. 'Won't you tell me your name?'	- Как тебя зовут? - игриво обратилась она к девочке. - Неужели не скажешь?
Sniffs; then very affectedly in a piping voice: 'Connie Mellors!'	Девочка засопела, потом жеманно пропищала: -Конни Меллорс!

'Connie Mellors!'	- Конни Меллорс!
Well, that's a nice name!	Какое у тебя красивое имя!
And did you come out with your Daddy, and he shot a pussy?	Значит, ты вышла погулять с папой, а он возьми и застрели киску.
But it was a bad pussy!'	Но это нехорошая киска.
The child looked at her, with bold, dark eyes of scrutiny, sizing her up, and her condolence.	Девочка взглянула на нее смело и изучающе: что за тетя? Вправду ли такая добрая?
'I wanted to stop with my Gran,' said the little girl.	- Я к бабушке приехала.
'Did you?'	- Что ты говоришь?!
But where is your Gran?'	А где же твоя бабушка живет?
The child lifted an arm, pointing down the drive. 'At th' cottidge.'	- В доме, вот где, - и девчушка махнула рукой в сторону аллеи.
'At the cottage!'	- Вон оно что!
And would you like to go back to her?'	И не вернуться ли тебе сейчас к ней, а?
Sudden, shuddering quivers of reminiscent sobs. 'Yes!'	- Вернуться! - отголоски рыданий дрожью пробежали по детскому телу.
'Come then, shall I take you?'	- Хочешь, я провожу тебя?
Shall I take you to your Gran?'	До самого бабушкиного дома.
Then your Daddy can do what he has to do.' She turned to the man. 'It is your little girl, isn't it?'	А папе нужно работать, - и повернулась к Меллорсу. - Это ваша дочка?
He saluted, and made a slight movement of the head in affirmation.	Он чуть кивнул и снова взял под козырек.
'I suppose I can take her to the cottage?' asked Connie.	- Надеюсь, вы мне ее доверите?
'If your Ladyship wishes.'	- Как будет угодно вашей милости.
Again he looked into her eyes, with that calm, searching detached glance.	И снова он посмотрел ей в глаза.
A man very much alone, and on his own.	Спокойно, испытующе и в то же время независимо. Гордый и очень одинокий мужчина.
'Would you like to come with me to the	

cottage, to your Gran, dear?'	- Ты ведь хочешь пойти со мной к бабушке?
The child peeped up again. 'Yes!' she simpered.	- Ага, - девочка еще раз взглянула на Конни.
Connie disliked her; the spoilt, false little female.	Той маленькая тезка не понравилась: еще под стол пешком ходит, а уже набралась дурного: и притворства, и жеманства.
Nevertheless she wiped her face and took her hand.	Все же она утерла ей слезы и взяла за руку.
The keeper saluted in silence.	Меллорс молча козырнул на прощанье.
'Good morning!' said Connie.	- Всего доброго, - попрощалась и Конни.

It was nearly a mile to the cottage, and Connie senior was well red by Connie junior by the time the game-keeper's picturesque little home was in sight.	Путь оказался неблизкий; когда, наконец, они пришли к бабушкиному нарядному домику, Конни младшая изрядно надоела Конни старшей.
The child was already as full to the brim with tricks as a little monkey, and so self-assured.	Девочку, точно дрессированную обезьянку, обучили великому множеству мелких хитростей, и тем она изрядно гордилась.
At the cottage the door stood open, and there was a rattling heard inside.	Дверь в дом была распахнута, там что-то гремело и бряцало.
Connie lingered, the child slipped her hand, and ran indoors.	Конни приостановилась, а девочка отпустила ее руку и вбежала в дом.
'Gran! Gran!'	- Бабуля! Бабуля!
'Why, are yer back a'ready!'	- Никак уже возвратилась?
The grandmother had been blackleading the stove, it was Saturday morning.	Бабушка чистила плиту - обычное занятие субботним утром.
She came to the door in her sacking apron, a blacklead-brush in her hand, and a black smudge on her nose. She was a little, rather dry woman.	Она подошла к двери: маленькая сухонькая женщина в просторном фартуке, со щеткой в руке, на носу - сажа.
'Why, whatever?' she said, hastily wiping her arm across her face as she saw Connie standing outside.	- Батюшки, кто ж это к нам припожаловал! - ахнула она, увидев за порогом Конни, и поспешно отерла лицо рукой.
'Good morning!' said Connie. 'She was crying, so I just brought her home.'	- Доброе утро! Девочка плакала, вот я и привела ее домой, - объяснила Конни.
The grandmother looked around swiftly at the child:	Старушка проворно обернулась к внучке.
'Why, wheer was yer Dad?'	- А где ж папка-то твой?
The little girl clung to her grandmother's skirts and simpered.	Малышка вцепилась в бабушкину юбку и засопела.
'He was there,' said Connie, 'but he'd shot a poaching cat, and the child was upset.'	- Он тоже там был, - ответила вместо нее Конни. - Он пристрелил бездомную кошку, а девочка расстроилась.
'Oh, you'd no right t'ave bothered, Lady Chatterley, I'm sure!'	- Да что же вам такие хлопоты, леди Чаттли!
I'm sure it was very good of you, but you shouldn't 'ave bothered.	Спасибо вам, конечно, за доброту, но, право, не стоило это ваших хлопот!
Why, did ever you see!—and the old woman turned to the child: 'Fancy Lady Chatterley takin' all that trouble over yer!'	Это ж надо! - и старушка снова обратилась к девочке. - Ты ж посмотри! Самой леди Чаттерли с тобой возиться пришлось!
Why, she shouldn't 'ave bothered!'	Ей-Богу, не стоило так хлопотать!
'It was no bother, just a walk,' said Connie smiling.	- Какие хлопоты? Просто я прогулялась, - улыбнулась Конни.
'Why, I'm sure 'twas very kind of you, I must say!'	- Нет, конечно же. Бог воздаст вам за доброту!
So she was crying!	Это ж надо ж - плакала!
I knew there'd be something afore they got far.	Я так и знала: стоит им за порог выйти, что-нибудь да приключится.

She's frightened of 'im, that's wheer it is.	Малышка боится его, вот в чем беда-то.
Seems 'e's almost a stranger to 'er, fair a stranger, and I don't think they're two as'd hit it off very easy.	Он ей ровно чужой, ну, вот как есть - чужой; и, сдается мне, непросто им будет поладить, ох непросто.

He's got funny ways.'	Отец-то большой чудак.
Connie didn't know what to say.	Конни смешалась и промолчала.
'Look, Gran!' simpered the child.	- Ба, посмотри-ка, че у меня есть! - прошептала девочка.
The old woman looked down at the sixpence in the little girl's hand.	- Надо же, тебе еще и монетку дали!
'An' sixpence an' all!	Ой, ваша светлость, балуете вы ее. Ой, балуете!
Oh, your Ladyship, you shouldn't, you shouldn't.	Видишь, внученька, какая леди Чатли добрая!
Why, isn't Lady Chatterley good to yer!	Везет тебе сегодня!
My word, you're a lucky girl this morning!' She pronounced the name, as all the people did: Chat'ley.—Isn't Lady Chat'ley good to you!'—Connie couldn't help looking at the old woman's nose, and the latter again vaguely wiped her face with the back of her wrist, but missed the smudge.	Фамилию Чаттерли старуха выговаривала, как и все местные, проглатывая слог. - Ох, и добра леди Чатли к тебе. Неизвестно почему Конни засмотрелась на старухин испачканный нос, и та снова машинально провела по нему ладонью, однако сажу не вытерла.
Connie was moving away 'Well, thank you ever so much, Lady Chat'ley, I'm sure.	Пора уходить. - Уж не знаю, как вас и благодарить, леди Чатли! - все чистила старуха.
Say thank you to Lady Chat'ley!'—this last to the child.	- Ну-ка, скажи спасибо леди Чатли! - это уже внучке.
'Thank you,' piped the child.	- Спасибо! - пропищала девочка.
'There's a dear!' laughed Connie, and she moved away, saying 'Good morning', heartily relieved to get away from the contact.	- Вот умница! - засмеялась Конни, попрощалась и пошла прочь, с облегчением расставшись с собеседницами.
Curious, she thought, that that thin, proud man should have that little, sharp woman for a mother!	Занятно, думала она: у такого стройного гордого мужчины - и такая мать, осколочек.
And the old woman, as soon as Connie had gone, rushed to the bit of mirror in the scullery, and looked at her face. Seeing it, she stamped her foot with impatience. 'Of course she had to catch me in my coarse apron, and a dirty face!	А старуха, лишь Конни вышла за порог, бросилась к зеркальцу на буфете, взглянула на свое лицо и даже ногой топнула с досады. - Ну, конечно ж! Вся в сажу, в этом страшном фартуке!
Nice idea she'd get of me!	Вот, скажет, неряха!
Connie went slowly home to Wragby. 'Home!'...it was a warm word to use for that great, weary warren.	Конни медленно возвращалась домой в Рагби. Домой... Не подходит это уютное слово к огромной и унылой усадьбе.
But then it was a word that had had its day. It was somehow cancelled. All the great words, it seemed to Connie, were cancelled for her generation: love, joy, happiness, home, mother, father, husband, all these great, dynamic words were half dead now, and dying from day to day.	Когда-то, может, и подходило, да изжило себя, равно измельчали и другие великие слова: любовь, радость, счастье, дом, мать, отец, муж. Поколение Конни просто отказалось от них, и теперь слова эти мертвы, и кладбище их полнится с каждым днем.

Home was a place you lived in, love was a thing you didn't fool yourself about, joy was a word you applied to a good Charleston, happiness was a term of hypocrisy used to bluff other people, a father was an individual who enjoyed his own existence, a husband was a man you lived with and kept going in spirits. As for sex, the last of the great words, it was just a cocktail term for an excitement that bucked you up for a while, then left you more raggy than ever. Frayed! It was as if the very material you were made of was cheap stuff, and was fraying out to nothing.	Ныне дом - это место, где живешь; любовь -сказка для дурачков; радость - лихо отплясанный чарльстон; счастье - слово, придуманное ханжами, чтобы дурачить других; отец - человек, который живет в свое удовольствие; муж - тот, с кем делишь быт и кого поддерживаешь морально; и, наконец, "секс", то бишь радости плоти, - последнее из великих слов - это пузырек в игристом коктейле: поначалу бодрит, а потом - раз! - от хорошего настроения - одни клочки. Сущие лохмотья! Превращаешься в ветхую тряпичную куклу.
All that really remained was a stubborn stoicism: and in that there was a certain pleasure. In the very experience of the nothingness of life, phase after phase, rtape after rtape, there was a certain grisly satisfaction. So that's that!	Оставалось только, упрямо стиснув зубы, терпеть. Даже в этом таилось некое удовольствие. Каждый день, прожитый в этом мертвящем мире, каждый шаг по этой человеческой пустыне приносил странное и страшное упоение. Чему быть, того не миновать!
Always this was the last utterance: home, love, marriage, Michaelis: So that's that!	Все и всегда завершается этими словами: в семейной ли жизни, в любви, замужестве, связи с Микаэлисом - чему быть, того не миновать.
And when one died, the last words to life would be: So that's that!	И умирая, человек произносит те же слова.

Money? Perhaps one couldn't say the same there.	Пожалуй, только с деньгами обстоит иначе.
Money one always wanted.	Тягу к ним не усмирить.
Money, Success, the bitch-goddess, as Tommy Dukes persisted in calling it, after Henry James, that was a permanent necessity.	Деньги, Слава (или Вертихвостка Удача, как ее величает Томми Дьюкс) нужны нам постоянно.
You couldn't spend your last sou, and say finally: So that's that!	Не прикажешь себе: "Смирись!"
No, if you lived even another ten minutes, you wanted a few more sous for something or other.	И десяти минут не проживешь, не имея гроша за душой, - то одно, то другое нужно купить.
Just to keep the business mechanically going, you needed money. You had to have it. Money you have to have.	Вложил деньги в дело - вкладывай еще, иначе дело остановится. Нет денег - шагу не ступишь!
You needn't really have anything else.	Есть деньги - все мечты сбудутся.
So that's that!	Чему быть - того не миновать.
Since, of course, it's not your own fault you are alive. Once you are alive, money is a necessity, and the only absolute necessity.	Конечно, не твоя вина, что живешь на белом свете. Но раз уж родился, привыкай, что самое насущное - это деньги.
All the rest you can get along without, at a pinch. But not money.	Без всего остального можно обойтись, ограничить себя. Но не без денег.
Emphatically, that's that!	Как ни крути, от этого никуда не уйдешь!
She thought of Michaelis, and the money she might have had with him; and even that she didn't want.	Она подумала о Микаэлисе. С ним бы она денег имела предостаточно. Но и это не привлекало.

She preferred the lesser amount which she helped Clifford to make by his writing.	Пусть она не так богата с Клиффордом, но она сама помогает ему зарабатывать деньги.
That she actually helped to make.— Clifford and I together, we make twelve hundred a year out of writing'; so she put it to herself.	Сама причастна к ним. "Мы с Клиффордом зарабатываем литературой тысячу двести фунтов в год", - прикинула она.
Make money!	Зарабатываем!
Make it!	А собственно, на чем?
Out of nowhere. Wring it out of the thin air!	Можно сказать, на ровном месте!
The last feat to be humanly proud of!	Не ахти какой подвиг, чтобы гордиться.
The rest all-my-eye-Betty-Martin.	А остальное - и вовсе суета.
So she plodded home to Clifford, to join forces with him again, to make another story out of nothingness: and a story meant money.	Она брела домой и думала, что вот сейчас она с Клиффордом засядет за новый рассказ. Создадут нечто из ничего. И заработают еще денег.
Clifford seemed to care very much whether his stories were considered first-class literature or not.	Клиффорд ревниво следил, ставятся ли его рассказы в разряд самых лучших.
Strictly, she didn't care.	А Копни было, собственно говоря, наплевать.
Nothing in it! said her father.	"Пустые они" - так оценил рассказы ее отец.
Twelve hundred pounds last year! was the retort simple and final.	"А тысячу фунтов дохода приносят!" - вот самое краткое и бесспорное возражение.
If you were young, you just set your teeth, and bit on and held on, till the money began to flow from the invisible; it was a question of power.	Когда молод, можно, стиснув зубы, терпеть и ждать, пока деньги начнут притекать из невидимых источников. Все зависит от того, насколько ты влиятелен, насколько сильна твоя воля.
It was a question of will; a subtle, subtle, powerful emanation of will out of yourself brought back to you the mysterious nothingness of money a word on a bit of paper.	Умело направишь мощное излучение своей воли, и к тебе приходят деньги - пустой фетиш, волшебным наделенный могуществом, слово, начертанное на клочке бумаги.
It was a sort of magic, certainly it was triumph.	Так ничто, пустота оборачивается успехом.
The bitch-goddess!	Ах, Слава!
Well, if one had to prostitute oneself, let it be to a bitch-goddess!	Уж если и продавать себя, то только ей!
One could always despise her even while one prostituted oneself to her, which was good.	Ее можно презирать, даже продаваясь, однако не так уж это и плохо!
Clifford, of course, had still many childish taboos and fetishes.	У Клиффорда, разумеется, много угнездившихся еще в детском подсознании представлений о "запретном" и о "ценном".

He wanted to be thought 'really good', which was all cock-a-hoopy nonsense.	Ему непременно хотелось прослыть "очень хорошим" писателем.
What was really good was what actually caught on.	А "очень хорош" тот, кто в моде.
It was no good being really good and getting left with it.	Мало быть просто очень хорошим и удовольствоваться этим.

It seemed as if most of the 'really good' men just missed the bus.	Ведь большинство "очень хороших" опоздало к автобусу Удачи.
After all you only lived one life, and if you missed the bus, you were just left on the pavement, along with the rest of the failures.	А ведь живешь, в конце концов, только раз, и уж если опоздал на свой автобус, место тебе на обочине, рядом с остальными неудачниками.
Connie was contemplating a winter in London with Clifford, next winter.	Конни хотелось провести грядущую зиму в Лондоне вместе с Клиффордом.
He and she had caught the bus all right, so they might as well ride on top for a bit, and show it.	Ведь они-то на свой автобус не опоздали, могут теперь и немного покрасоваться, прокатившись на империале.
The worst of it was, Clifford tended to become vague, absent, and to fall into fits of vacant depression.	Беда в том, что Клиффорда все больше и больше сковывал душевный паралич, все чаще он замыкался или впадал в безумную тоску.
It was the wound to his psyche coming out.	Так напоминала о себе в его сознании давняя боль.
But it made Connie want to scream.	Конни хотелось кричать от отчаяния.
Oh God, if the mechanism of the consciousness itself was going to go wrong, then what was one to do?	Что же делать человеку, если у него разлагается что-то в механизме сознания?
Hang it all, one did one's bit!	Пропави все пропадом! Неужто так и нести свой крест!
Was one to be let down absolutely?	Но нельзя во всем бессовестно предавать!
Sometimes she wept bitterly, but even as she wept she was saying to herself: Silly fool, wetting hankies! As if that would get you anywhere!	Порой она сокрушенно плакала, но и в такие минуты говорила себе: дура, что толку слезы лить! Слезами горю не поможешь!
Since Michaelis, she had made up her mind she wanted nothing.	Расставшись с Микаэлисом, она твердо решила: в жизни ей ничего не нужно.
That seemed the simplest solution of the otherwise insoluble.	Вот самое простое решение неразрешимой, в принципе, задачи.
She wanted nothing more than what she'd got; only she wanted to get ahead with what she'd got: Clifford, the stories, Wragby, the Lady-Chatterley business, money and fame, such as it was... she wanted to go ahead with it all.	Что жизнь дает, то и ладно, только бы поскорее, поскорее бежала жизнь: и Клиффорд, и его рассказы, Рагби, дворянство, деньги, слава - пусть все промелькнет поскорее.
Love, sex, all that sort of stuff, just water-ices! Lick it up and forget it.	Любовь, связи, всякие там увлечения - чтоб как мороженое: лизнул раз, другой, и хватит!
If you don't hang on to it in your mind, it's nothing.	С глаз долой, из сердца вон. А раз из сердца вон, значит, все это ерунда.
Sex especially...nothing!	Половая жизнь в особенности. Ерунда!
Make up your mind to it, and you've solved the problem.	Заставишь себя так думать - вот и решена неразрешимая задача.
Sex and a cocktail: they both lasted about as long, had the same effect, and amounted to about the same thing.	И впрямь, секс - что бокал с коктейлем. И то, и другое, как ни смакуешь, а быстро кончается; и то, и другое одинаково возбуждает и пьянит.
But a child, a baby!	То ли дело ребенок!

That was still one of the sensations.	С ним связаны чувства куда более сильные.
She would venture very gingerly on that experiment.	Прежде чем решиться, она тщательно обдумает каждый шаг.
There was the man to consider, and it was curious, there wasn't a man in the world whose children you wanted.	Нужно выбрать мужчину. Удивительно! Но на свете нет мужчины, от кого б она хотела родить.

Mick's children!	От Микаэлиса? Бр-р!
Repulsive thought!	Подумать-то страшно.
As lief have a child to a rabbit!	Скорей она от кролика родит!
Tommy Dukes? he was very nice, but somehow you couldn't associate him with a baby, another generation.	От Томми Дьюкса? Он очень хорош собой, но трудно представить его отцом, продолжателем рода.
He ended in himself.	Томми - словно замкнутый сосуд.
And out of all the rest of Clifford's pretty wide acquaintance, there was not a man who did not rouse her contempt, when she thought of having a child by him.	А из остальных довольно многочисленных знакомцев Клиффорда всякий вызывал отвращение, стоило ей подумать об отцовстве.
There were several who would have been quite possible as lover, even Mick.	Кое-кого она, пожалуй, взяла бы в любовники, даже Мика.
But to let them breed a child on you! Ugh!	Но родить ребенка?! Ни за что!
Humiliation and abomination.	Унизительно и омерзительно!
So that was that!	И от этого никуда не уйдешь!
Nevertheless, Connie had the child at the back of her mind.	Все ж в уголке души Конни лелеяла мысль, о ребенке.
Wait! wait!	Терпение, терпение!
She would sift the generations of men through her sieve, and see if she couldn't find one who would do.—'Go ye into the streets and by ways of Jerusalem, and see if you can find a man.' It had been impossible to find a man in the Jerusalem of the prophet, though there were thousands of male humans. But a man! C'est une autre chose!	Как через сито просеет она мужчин, и старых, и молодых, пока, наконец, найдет подходящего. "Обыдите пути Иерусалимские и воззрите, и познайте, и поищите на стогнах его, аще обрящете мужа..." [Книга пророка Иеремии, 5:1] В Иерусалиме при Иисусе Христе невозможно было найти мужчину среди многих и многих тысяч. Но у нее-то запросы меньше. C'est une autre chose, совсем другое дело!
She had an idea that he would have to be a foreigner: not an Englishman, still less an Irishman. A real foreigner.	Ей подумалось даже, что он непременно будет иностранцем, не англичанином, и уж конечно не ирландцем. Настоящий иностранец!
But wait! wait!	Нужно терпение, и только терпение.
Next winter she would get Clifford to London; the following winter she would get him abroad to the South of France, Italy.	Будущей зимой она увезет Клиффорда в Лондон, а еще через год отправит его на юг Франции или Италии.
Wait!	Главное - терпение!
She was in no hurry about the child.	Торопиться с ребенком не следует.

That was her own private affair, and the one point on which, in her own queer, female way, she was serious to the bottom of her soul.	Дело это ее, и только ее, единственное, что в глубине своей причудливой женской души она считала важным.
She was not going to risk any chance comer, not she!	Уж она-то не польстится на случайного мужчину!
One might take a lover almost at any moment, but a man who should beget a child on one...wait! wait! it's a very different matter.—'Go ye into the streets and byways of Jerusalem...'	Любовника найти можно в любую минуту, а вот отца будущего ребенка... нет, тут нужно терпение и еще раз терпение! Цели столь разнятся! "Обыдите пути Иерусалимские"...
It was not a question of love; it was a question of a man.	Но она ищет не любовь, а всего лишь мужчину.
Why, one might even rather hate him, personally.	И относись она к нему хоть с неприязнью -неважно.
Yet if he was the man, what would one's personal hate matter?	Главное, чтоб это был мужчина, а отношение -дело десятое!
This business concerned another part of oneself.	Оно затрагивает совсем иные струнки души.
It had rained as usual, and the paths were too sodden for Clifford's chair, but Connie would go out.	Накануне прошел уже привычный дождь, и тропинки еще не подсохли - Клиффорду не проехать. А Конни все же пошла погулять.
She went out alone every day now, mostly in the wood, where she was really alone.	Она гуляла в одиночестве каждый день, больше любила лес, там-то ее никто не потревожит.
She saw nobody there.	Кругом - ни души.
This day, however, Clifford wanted to send a message to the keeper, and as the boy was laid up with influenza, somebody always seemed to have influenza at Wragby, Connie said she would call at	Сегодня же Клиффорду вздумалось отправить егерю записку, а мальчонка-посыльный заболел гриппом и не вставал с постели - в Рагби вечно кто-нибудь да

the cottage.	болел гриппом. Конни вызвалась отнести записку.
The air was soft and dead, as if all the world were slowly dying.	Воздух напоен влагой и мертвящей тишиной, будто все кругом умирает.
Grey and clammy and silent, even from the shuffling of the collieries, for the pits were working short time, and today they were stopped altogether.	Серо, сыло, тихо. Молчат и шахты: они работают неполную неделю, и сегодня -выходной.
The end of all things!	Кончилась жизнь.
In the wood all was utterly inert and motionless, only great drops fell from the bare boughs, with a hollow little crash.	Лес стоит молчаливо и недвижно, лишь редкие крупные капли, шурша, падают с голых ветвей.
For the rest, among the old trees was depth within depth of grey, hopeless inertia, silence, nothingness.	Затаилась в лесной чаще меж вековых деревьев унылая, безнадежная, сковывающая пустота.
Connie walked dimly on.	Медленно, как во сне, брела Конни по лесу.
From the old wood came an ancient melancholy, somehow soothing to her, better than the harsh insentience of the outer world.	От него исходила старая-престарая грусть, и душа Конни умиралась, как никогда, - в жестоком и бездушном мире обыденности.

She liked the inwardness of the remnant of forest, the unspeaking reticence of the old trees.	Она любила самую суть старого леса, бессловесно донесенную до нее вековыми деревьями.
They seemed a very power of silence, and yet a vital presence.	И сколько силы, сколько жизни таилось в их молчании.
They, too, were waiting: obstinately, stoically waiting, and giving off a potency of silence.	Деревья тоже терпеливо выжидают: гордые, неукротимые, исполненные молчаливой силы.
Perhaps they were only waiting for the end; to be cut down, cleared away, the end of the forest, for them the end of all things.	Может, они просто ждут, когда наступит конец: их спилят, пни выкорчуют, конец лесу, конец их жизни.
But perhaps their strong and aristocratic silence, the silence of strong trees, meant something else.	А может, их гордое и благородное молчание -так молчат сильные духом - означает нечто иное.
As she came out of the wood on the north side, the keeper's cottage, a rather dark, brown stone cottage, with gables and a handsome chimney, looked uninhabited, it was so silent and alone. But a thread of smoke rose from the chimney, and the little railed-in garden in the front of the house was dug and kept very tidy. The door was shut.	Она вышла к северной оконечности леса, там стоял дом лесничего - мрачноватый, сложенный из темного песчаника - с фронтоном и затейливой печной трубой. В доме, казалось, никто не живет, кругом ни души, тихо, дверь заперта. Но из трубы тонкой струйкой бежал дымок, а палисадник под окнами ухожен, земля взрыхлена.
Now she was here she felt a little shy of the man, with his curious far-seeing eyes.	Оказавшись здесь, Конни слегла оробела, ей вспомнился взгляд егеря - пытливый и зоркий.
She did not like bringing him orders, and felt like going away again.	Захотелось вообще уйти - передавать хозяйское распоряжение - ох как неловко.
She knocked softly, no one came. She knocked again, but still not loudly. There was no answer.	Она тихо постучала. Никто не открыл.
She peeped through the window, and saw the dark little room, with its almost sinister privacy, not wanting to be invaded.	Заглянула в окно: маленькая угрюмая комнатка, стерегущая свое уединение - не подходи!
She stood and listened, and it seemed to her she heard sounds from the back of the cottage.	Конни прислушалась: из-за дома доносился не то шелест, не то плеск.
Having failed to make herself heard, her mettle was roused, she would not be defeated.	Не беда, что не открывают, она не отступится!
So she went round the side of the house. At the back of the cottage the land rose steeply, so the back yard was sunken, and enclosed by a low stone wall.	За домом земля поднималась крутым бугром, так что весь задний двор, окруженный низкой каменной стеной, оказывался как бы в низине.
She turned the corner of the house and stopped.	Завернув за угол, Конни остановилась.
In the little yard two paces beyond her, the man was washing himself, utterly unaware.	В двух шагах от нее мылся егерь, не замечая ничего вокруг.
He was naked to the hips, his velveteen breeches slipping down over his slender loins.	Он был по пояс гол, плисовые штаны чуть съехали, открыв крепкие, но сухие бедра.

And his white slim back was curved over a big bowl of soapy water, in which he ducked his head, shaking his head with a queer, quick little motion, lifting his slender white arms, and pressing the soapy water from his ears,	Он нагнулся над бадьей с мыльной водой, окунул голову, мелко потряс ею, прочистил уши - каждое движение тонких белых рук скупое и точно, так моется бобер. Делал он все
---	---

quick, subtle as a weasel playing with water, and utterly alone.	сосредоточенно, полностью отрешившись от окружающего.
Connie backed away round the corner of the house, and hurried away to the wood.	Конни отпрянула, отошла за угол, а потом и вовсе - в лес.
In spite of herself, she had had a shock.	Она сама не ждала, что увиденное так потрясет ее.
After all, merely a man washing himself, commonplace enough, Heaven knows!	Подумаешь, моется мужчина, какая невидаль!
Yet in some curious way it was a visionary experience: it had hit her in the middle of the body.	Но именно эта картина поразила ее, сотрясла нечто в самой сокровенной ее глубине.
She saw the clumsy breeches slipping down over the pure, delicate, white loins, the bones showing a little, and the sense of aloneness, of a creature purely alone, overwhelmed her.	Она увидела белые нежные ягодички, полускрытые неуклюжими штанами, чуть очерченные ребра и позвонки; почуяла отрешенность и обособленность этого человека, полную обособленность, почуяла и содрогнулась.
Perfect, white, solitary nudity of a creature that lives alone, and inwardly alone.	Ее просто ослепила чистая нагота человека, замкнувшего и свой одинокий дом и свою одинокую душу.
And beyond that, a certain beauty of a pure creature.	Ошеломила ее и красота чистого существа.
Not the stuff of beauty, not even the body of beauty, but a lambency, the warm, white flame of a single life, revealing itself in contours that one might touch: a body!	Нет, не плотская красота привлекла ее, даже не собственно красота тела - прекрасного сосуда, а тот теплый белый свет жизни, горевший в нем. Он-то и выделял очертания сосуда, до которого можно дотронуться.
Connie had received the shock of vision in her womb, and she knew it; it lay inside her.	Да, увиденное потрясло Конни до самых сокровенных глубин и там запечатлелось.
But with her mind she was inclined to ridicule.	А разумом она пыталась отнестись ко всему иронично.
A man washing himself in a back yard!	Надо же, баню устроил во дворе!
No doubt with evil-smelling yellow soap!	И мыло, конечно, самое дешевое - желтое, пахучее.
She was rather annoyed; why should she be made to stumble on these vulgar privacies?	А за издевкой появилась досада: с какой стати должна она лицезреть чей-то немудреный туалет?
So she walked away from herself, but after a while she sat down on a stump.	Пройдя немного по лесу, она присела на пень.
She was too confused to think.	Мысли путались.
But in the coil of her confusion, she was determined to deliver her message to the fellow. She would not he balked.	Очевидно одно: распоряжение Клиффорда нужно передать, и ничто ее не остановит.

She must give him time to dress himself, but not time to go out. He was probably preparing to go out somewhere.	Подождет немного - пусть егерь оденется, только бы не ушел. Судя по всему, он куда-то собирался.
So she sauntered slowly back, listening.	И Конни побрела назад, чутко вслушиваясь.
As she came near, the cottage looked just the same.	Вот и дом, ничто не изменилось.
A dog barked, and she knocked at the door, her heart beating in spite of herself.	Залаяла собака. Конни постучала, сердце, вопреки воле, едва не выпрыгивало из груди.
She heard the man coming lightly downstairs.	Послышались легкие шаги. Очевидно, егерь спускался со второго этажа.
He opened the door quickly, and startled her.	Дверь распахнулась так неожиданно, что Конни вздрогнула.
He looked uneasy himself, but instantly a laugh came on his face.	Егерь и сам, видно, смутился, но тотчас же на губах заиграла усмешка.
'Lady Chatterley!' he said. 'Will you come in?'	- А, леди Чаттерли! Проходите, милости прошу!
His manner was so perfectly easy and good, she stepped over the threshold into the rather dreary little room.	Говорил и держался он естественно и просто. Конни переступила порог маленькой мрачноватой комнаты.
'I only called with a message from Sir Clifford,' she said in her soft, rather breathless voice.	- Мне всего лишь нужно передать вам поручение сэра Клиффорда, - проговорила она по обыкновению тихо,

	чуть с придыханием.
The man was looking at her with those blue, all-seeing eyes of his, which made her turn her face aside a little.	А мужчина стоял рядом и смотрел. Голубые глаза его примечали все, Конни даже пришлось отвернуть лицо.
He thought her comely, almost beautiful, in her shyness, and he took command of the situation himself at once.	"Какая милая женщина, застенчивость красит ее еще больше", - подумал он и с ходу взял инициативу в свои руки.
'Would you care to sit down?' he asked, presuming she would not.	- Может, присядете? - спросил он, не надеясь на согласие.
The door stood open.	Дверь оставалась открытой.
'No thanks!	- Нет, спасибо.
Sir Clifford wondered if you would and she delivered her message, looking unconsciously into his eyes again.	Сэр Клиффорд просил... - и она передала мужнину поручение, безотчетно глядя ему прямо в глаза.
And now his eyes looked warm and kind, particularly to a woman, wonderfully warm, and kind, and at ease.	А в них столько тепла, столько доброты, чудесной, теплой доброты, обращенной к женщине просто и естественно.
'Very good, your Ladyship. I will see to it at once.'	- Понял, ваша милость, сейчас же займусь.
Taking an order, his whole self had changed, glazed over with a sort of hardness and distance.	И враз все в нем переменялось - он посуровел и отдалился, будто сокрылся за стеклянной стеной.
Connie hesitated, she ought to go.	Пора уходить, но Конни мешкала - беспокоен был ее дух.
But she looked round the clean, tidy, rather dreary little sitting-room with something like dismay.	Она оглядела чистую, уютную, хотя и мрачноватую маленькую гостиную.

'Do you live here quite alone?' she asked.	- Вы здесь совсем один живете? - спросила она.
'Quite alone, your Ladyship.'	- Совсем один, ваша милость.
'But your mother...?'	- А матушка...
'She lives in her own cottage in the village.'	- Она - в деревне, у нее там дом.
'With the child?' asked Connie.	- И девочка с ней?
'With the child!'	- И девочка.
And his plain, rather worn face took on an indefinable look of derision.	И простое усталое лицо тронула Непонятная усмешка.
It was a face that changed all the time, baking.	Переменчивое лицо, обманчивое лицо. Увидев, что Конни недоумевает, он пояснил.
'No,' he said, seeing Connie stand at a loss, 'my mother comes and cleans up for me on Saturdays; I do the rest myself.'	- Не думайте, по субботам мать приходит, прибирает в доме. Со всем остальным сам управляюсь.
Again Connie looked at him.	Еще раз Конни взглянула на него.
His eyes were smiling again, a little mockingly, but warm and blue, and somehow kind.	Он улыбался глазами, чуть насмешливо, но в голубых озерцах все же осталась теплая доброта.
She wondered at him.	Конни не переставала ему удивляться.
He was in trousers and flannel shirt and a grey tie, his hair soft and damp, his face rather pale and worn-looking.	Вот он стоит перед ней, в брюках, в шерстяной рубашке, при галстукке, мягкие волосы еще не высохли, лицо бледное и усталое.
When the eyes ceased to laugh they looked as if they had suffered a great deal, still without losing their warmth.	Угасла улыбка в глазах, но теплота осталась, и проглянуло за ней страдание - трудная, видно, выпала этому человеку доля.
But a pallor of isolation came over him, she was not really there for him.	Но вот взгляд подернулся дымкой отчуждения - словно и не беседовал он только что с милой и приятной женщиной.
She wanted to say so many things, and she said nothing.	А Конни хотелось так много ему сказать, но она сдержалась.
Only she looked up at him again, and remarked:	Лишь взглянула на него и обронила:
I hope I didn't disturb you?'	- Надеюсь, я не очень помешала вам?
The faint smile of mockery narrowed his eyes.	Чуть сощурились глаза в едва приметной усмешке.
'Only combing my hair, if you don't mind.	- Разве что причесываться.
I'm sorry I hadn't a coat on, but then I had no idea	Простите, я без пиджака, но я и не предполагал, кто

who was knocking.	ко мне постучит.
Nobody knocks here, and the unexpected sounds ominous.'	Никто никогда вообще не стучит, а любой непривычный звук пугает.
He went in front of her down the garden path to hold the gate.	Он пошел по тропинке впереди, чтобы открыть калитку.
In his shirt, without the clumsy velveteen coat, she saw again how slender he was, thin, stooping a little.	Без неуклюжей плюсовой куртки, в одной рубашке, он, как и получасом раньше, со спины показался ей худым и чуть сутулым.

Yet, as she passed him, there was something young and bright in his fair hair, and his quick eyes.	Но поравнявшись с ним, она почуяла его молодость и задор - и в непокорных светлых вихрах, и в скором взгляде.
He would be a man about thirty-seven or eight.	Лет тридцать семь, тридцать восемь, не больше.
She plodded on into the wood, knowing he was looking after her; he upset her so much, in spite of herself.	Она зашагала к лесу, чувствуя, что он смотрит вслед. Растревожил он ей душу, против ее воли растревожил.
And he, as he went indoors, was thinking: 'She's nice, she's real!	А егерь, закрывая за собой дверь в доме, думал: "Как же она хороша, как безыскусна!
She's nicer than she knows.'	Ей это и самой невдомек".
She wondered very much about him; he seemed so unlike a game-keeper, so unlike a working-man anyhow; although he had something in common with the local people.	Конни надивиться не могла на этого человека: не похож он на егеря; вообще на обычного работника не похож, хотя с местным людом что-то роднило его.
But also something very uncommon.	Но что-то и выделяло.
'The game-keeper, Mellors, is a curious kind of person,' she said to Clifford; 'he might almost be a gentleman.'	- Этот егерь, Меллорс, прелюбопытнейший тип, - сказала она Клиффорду, - прямо как настоящий джентльмен.
'Might he?' said Clifford. 'I hadn't noticed.'	- "Прямо как"? - усмехнулся Клиффорд. - Я до сих пор не замечал.
'But isn't there something special about him?' Connie insisted.	- Нет, что-то в нем есть, - не сдавалась Конни.
'I think he's quite a nice fellow, but I know very little about him.	- Он, конечно, славный малый, но я плохо его знаю.
He only came out of the army last year, less than a year ago.	Он год как из армии, да и года-то нет.
From India, I rather think.	В Индии служил, если не ошибаюсь.
He may have picked up certain tricks out there, perhaps he was an officer's servant, and improved on his position.	Может, там-то и поднабрался манер. Состоял небось при офицере, вот и пообтесался.
Some of the men were like that.	С солдатами такое случается.
But it does them no good, they have to fall back into their old places when they get home again.'	Но пользы никакой. Приезжают домой, и все возвращается на круги своя.
Connie gazed at Clifford contemplatively.	Конни пристально посмотрела на Клиффорда и задумалась.
She saw in him the peculiar tight rebuff against anyone of the lower classes who might be really climbing up, which she knew was characteristic of his breed.	Исконно мужнина черта: острое неприятие любого человека из низших сословий, кто пытается встать на ступеньку выше. Черта, присущая всей нынешней знати.
'But don't you think there is something special about him?' she asked.	- И все-таки что-то в нем есть, - настаивала Конни.
'Frankly, no!	- По правде говоря, не вижу!
Nothing I had noticed.'	Не замечал!

He looked at her curiously, uneasily, half-suspiciously.	- И Клиффорд взглянул на нее с любопытством, тревогой и даже подозрением.
And she felt he wasn't telling her the real truth; he wasn't telling himself the real truth, that was it.	И она почувствовала: нет, не скажет он ей всей правды. Как не скажет и себе.
He disliked any suggestion of a really exceptional human being.	Ненавистен ему даже намек на чью-то особенность, исключительность.
People must be more or less at his level, or below it.	Все должны быть либо на его уровне, либо ниже.

Connie felt again the tightness, niggardliness of the men of her generation.	Да, теперешние мужчины скупы на чувства и жалки.
They were so tight, so scared of life!	Боятся чувств, боятся жизни!
Chapter 7	7
When Connie went up to her bedroom she did what she had not done for a long time: took off all her clothes, and looked at herself naked in the huge mirror.	Конни вошла к себе в спальню, разделась и стала разглядывать себя в огромном зеркале - сколько лет не делала она подобного.
She did not know what she was looking for, or at, very definitely, yet she moved the lamp till it shone full on her.	Она и сама не знала, что пыталась найти или увидеть в своем отражении, только поставила лампу так, чтобы полностью оказаться на свету.
And she thought, as she had thought so often, what a frail, easily hurt, rather pathetic thing a human body is, naked; somehow a little unfinished, incomplete!	И ей подумалось - уже в который раз! - сколь хрупко, незащищено и жалко нагое человеческое тело. Есть в нем какая-то незавершенность.
She had been supposed to have rather a good figure, but now she was out of fashion: a little too female, not enough like an adolescent boy.	Говорили, что у нее неплохая фигура, но не по теперешним меркам - слишком округло-женственная, а не новомодная угловато-мальчишечья.
She was not very tall, a bit Scottish and short; but she had a certain fluent, down-slipping grace that might have been beauty.	Невысокого роста, крепко сбитая, коренастая, как шотландка. Каждое движение исполнено неспешной грации и неги, что часто и принимают за красоту.
Her skin was faintly tawny, her limbs had a certain stillness, her body should have had a full, down-slipping richness; but it lacked something.	Кожа с приятной смуглинкой, плечи и бедра округлы и покойны. Наливаться бы этому телу, точно яблоку, ан нет!
Instead of ripening its firm, down-running curves, her body was flattening and going a little harsh.	Как переспелый плод, теряло оно упругость, кожа - шелковистость.
It was as if it had not had enough sun and warmth; it was a little greyish and sapless.	Недостало этому плоду солнца и тепла, оттого и цветом тускл, и соком скуден.
Disappointed of its real womanhood, it had not succeeded in becoming boyish, and unsubstantial, and transparent; instead it had gone opaque.	Женственность принесла этому телу лишь разочарование, а мальчишески угловатым, легким, почти прозрачным уже не стать. Вот и потускнело ее тело.
Her breasts were rather small, and dropping pear-shaped. But they were unripe, a little bitter, without meaning hanging there.	Маленькие неразвитые грудки печально понурились незрелыми грушами.

And her belly had lost the fresh, round gleam it had had when she was young, in the days of her German boy, who really loved her physically.	Живот утратил девичью упругую округлость и матовый отлив - с тех пор, как рассталась она со своим немецким другом - уж он-то давал ей любовь плотскую.
Then it was young and expectant, with a real look of its own.	В ту пору ее молодая плоть жила ожиданием, и неповторима была каждая черточка в обличье.
Now it was going slack, and a little flat, thinner, but with a slack thinness.	Сейчас же живот сделался плоским, дряблым.
Her thighs, too, they used to look so quick and glimpsy in their female roundness, somehow they too were going flat, slack, meaningless.	Бедра, некогда верткие, отливавшие матовой белизной, тоже начали терять женственную округлость, пропала их крутизна: зачем же они ей? Зачем ей вообще тело?
Her body was going meaningless, going dull and opaque, so much insignificant substance.	И оно хирело, тускнело - ведь роль ему отводилась самая незначительная.
It made her feel immensely depressed and hopeless.	Как горевала, как отчаивалась Конни!
What hope was there? She was old, old at twenty-seven, with no gleam and sparkle in the flesh.	И было отчего: в двадцать семь лет она - старуха, и нет ни проблеска, ни лучика надежды.
Old through neglect and denial, yes, denial.	Плоть, ее женскую суть забыли, просто отвергли, да, отвергли. И она состарилась.
Fashionable women kept their bodies bright like delicate porcelain, by external attention.	Тела светских львиц были изящны и хрупки, словно фарфоровые статуэтки, благодаря вниманию мужчин.
There was nothing inside the porcelain; but she was not even as bright as that.	И неважно, что у этих статуэток пусто внутри. Но ей даже и с ними не сравниться.
The mental life!	"Жизнь разума" умертвила ее плоть!
Suddenly she hated it with a rushing fury, the swindle!	И в душе закипела ярость - ее попросту надули!

She looked in the other mirror's reflection at her back, her waist, her loins.	Она разглядывала в зеркале свою спину, талию, бедра.
She was getting thinner, but to her it was not becoming.	Да, похудела, и это ее не красит.
The crumple of her waist at the back, as she bent back to look, was a little weary; and it used to be so gay-looking.	На поясице набежала складка, когда Конни выгнулась, чтобы увидеть себя со спины. Как от нудной тяжелой работы. А когда-то там играли веселые ямочки.
And the longish slope of her haunches and her buttocks had lost its gleam and its sense of richness.	Ягодицы и долгие выпуклые ляжки утратили шелковистость, отлив и вальяжность.
Gone!	Все в прошлом!
Only the German boy had loved it, and he was ten years dead, very nearly.	Лишь немецкий парень любил ее тело, да и того уж десять лет нет в живых.
How time went by!	Да, летит время!
Ten years dead, and she was only twenty-seven.	Целых десять лет, как его нет, а ей еще всего двадцать семь.

The healthy boy with his fresh, clumsy sensuality that she had then been so scornful of!	Тогда она даже презирала пробуждающуюся грубоватую чувственность здорового мальчишки.
Where would she find it now? It was gone out of men. They had their pathetic, two-seconds spasms like Michaelis; but no healthy human sensuality, that warms the blood and freshens the whole being.	А теперь такой не найти. Нынешние мужчины -как Микаэлис: ласки жалкие, скорые, раз-два, и все. Нет у них здоровой человеческой плоти, что зажигает кровь и молодит душу.
Still she thought the most beautiful part of her was the long-sloping fall of the haunches from the socket of the back, and the slumberous, round stillness of the buttocks.	Все ж она решила, что самое красивое у нее -бедра: от долгих ляжек до округлых, недвижно-спокойных ягодиц.
Like hillocks of sand, the Arabs say, soft and downward-slipping with a long slope.	Как песчаные дюны: зыбко-податливые, круто заворачивающие вниз.
Here the life still lingered hoping.	Меж ними еще теплилась жизнь, надежда.
But here too she was thinner, and going unripe, astringent.	Но и сама плоть ее, казалось, стала гаснуть, увядать, так и не распутившись.
But the front of her body made her miserable.	Зато спереди жалко на себя смотреть.
It was already beginning to slacken, with a slack sort of thinness, almost withered, going old before it had ever really lived.	Грудь и живот начали немного обвисать, так она похудела, усохла телом, состарилась, толком и не пожив.
She thought of the child she might somehow bear.	Она подумала о ребенке, которого ей, быть может, придется выносить.
Was she fit, anyhow?	А может, она уже и для этого не годится.
She slipped into her nightdress, and went to bed, where she sobbed bitterly.	Она накинула ночную рубашку, юкнула в постель и горько расплакалась.
And in her bitterness burned a cold indignation against Clifford, and his writings and his talk: against all the men of his sort who defrauded a woman even of her own body.	Горячими слезами изошла досада на Клиффорда, на его тщеславное писательство, на его чванливые разговоры. Досадовала и на других мужчин, подобных ему, кто обманом отобрал у женщины плотские радости.
Unjust! Unjust!	Это нечестно! Нечестно!
The sense of deep physical injustice burned to her very soul.	Зов обманутой плоти занимался огнем в сердце.
But in the morning, all the same, she was up at seven, and going downstairs to Clifford. She had to help him in all the intimate things, for he had no man, and refused a woman-servant.	А утром... утром все как и прежде: встала в семь часов, спустилась к Клиффорду - ему нужно помочь во всех интимных отправлениях. Мужчины-слуги в доме не было, а от служанки он отказывался.
The housekeeper's husband, who had known him as a boy, helped him, and did any heavy lifting; but Connie did the personal things, and she did them willingly.	Муж экономки, знавший Клиффорда еще ребенком, помогал поднимать и переносить его, все остальное делала Копни, причем делала охотно.
It was a demand on her, but she had wanted to do what she could.	Хоть это и вменялось ей в обязанность, она рада была помочь всем, что в ее силах.

So she hardly ever went away from Wragby, and never for more than a day or two; when Mrs Betts, the housekeeper, attended to Clifford.	Если она и отлучалась из Рагби, то на день - на два. Ее подменяла экономка миссис Беттс.
He, as was inevitable in the course of time, took all the service for granted. It was natural he should.	С течением времени он всякую помощь стал принимать как должное - следствие сколь неизбежное, столь и естественное.
And yet, deep inside herself, a sense of injustice, of being defrauded, had begun to burn in Connie.	И все же глубоко в душе у Копни все ярче разгоралась обида: с ней поступили нечестно, ее обманули!
The physical sense of injustice is a dangerous feeling, once it is awakened.	Обида за свое тело, свою плоть - чувство опасное.
It must have outlet, or it eats away the one in whom it is aroused.	Коль скоро оно пробудилось - ему нужен выход, иначе оно жадным пламенем сожрет душу.
Poor Clifford, he was not to blame.	Бедняга Клиффорд! Он-то ни в чем не виноват.
His was the greater misfortune.	Ему еще горше пришлось в жизни.
It was all part of the general catastrophe.	Участь обоих - лишь частичка всеобщего губительного разлада.
And yet was he not in a way to blame?	Впрочем, так ли уж он ни в чем не виноват?
This lack of warmth, this lack of the simple, warm, physical contact, was he not to blame for that?	Он не давал тепла, не давал простого, душевного человеческого общения. Разве нет и этом его вины?
He was never really warm, nor even kind, only thoughtful, considerate, in a well-bred, cold sort of way!	Теплоты и задушевности в нем не сыскать, лишь холодная, расчетливая и благовоспитанная рассудочность.
But never warm as a man can be warm to a woman, as even Connie's father could be warm to her, with the warmth of a man who did himself well, and intended to, but who still could comfort it woman with a bit of his masculine glow.	Но ведь может мужчина приласкать женщину, даже в родном отце чувствовала Копни мужчину; пусть он эгоист, причем вполне сознательный, по даже он способен утешить женщину, согреть мужским теплом.
But Clifford was not like that.	Нет, Клиффорд не из таких.
His whole race was not like that. They were all inwardly hard and separate, and warmth to them was just bad taste.	Равно и все его друзья - внутренне холодные, каждый сам по себе. Душевное тепло для них признак дурного тона.
You had to get on without it, and hold your own; which was all very well if you were of the same class and race.	Нужно научиться обходиться без этого, главное - держаться на высоте. И все пойдет как по маслу, если жить среди тебе подобных.
Then you could keep yourself cold and be very estimable, and hold your own, and enjoy the satisfaction of holding it.	И можно вести себя холодно и обособленно - вас все равно будут ценить и уважать, и притом держаться на высоте - до чего ж приятно это сознавать!
But if you were of another class and another race it wouldn't do; there was no fun merely holding your own, and feeling you belonged to the ruling class.	Но если вы общественной ступенькой выше или ниже - дело совсем иное. Какой смысл держаться на высоте, зная, что вы принадлежите высшему обществу.

What was the point, when even the smartest aristocrats had really nothing positive of their own to hold, and their rule was really a farce, not rule at all?	Да и есть ли у самых высокородных аристократов эта "высота", и не глупый ли фарс само их кичливое поведение?
What was the point?	Какой в этом смысл?
It was all cold nonsense.	Все это - бездушная чепуха.
A sense of rebellion smouldered in Connie.	В душе у Конни вызревал протест.
What was the good of it all?	Какая польза от ее жизни?
What was the good of her sacrifice, her devoting her life to Clifford?	Какая польза от ее жертвенного служения Клиффорду?
What was she serving, after all?	И чему, собственно, она служит?
A cold spirit of vanity, that had no warm human contacts, and that was as corrupt as any low-born Jew, in craving for prostitution to the bitch-goddess, Success.	Холодной мужниной гордыне, не ведающей теплоты человеческих отношений. Клиффорд не менее алчен, чем самый низкородный ростовщик-еврей, только жаждет он Удачи, мечтает о том, как бы завлечь ее, эту Вертихвостку.
Even Clifford's cool and contactless assurance that he belonged to the ruling	Готов, как гончая, высунув язык, мчаться по пятам Удачи,

class didn't prevent his tongue lolling out of his mouth, as he panted after the bitch-goddess.	нимало не смущаясь, что самоуверенно, лишь по рассудку, причислил себя к высшему обществу.
After all, Michaelis was really more dignified in the matter, and far, far more successful.	Право же, у Микаэлиса больше достоинства и он куда более удачлив.
Really, if you looked closely at Clifford, he was a buffoon, and a buffoon is more humiliating than a bounder.	Если присмотреться, Клиффорд - настоящий шут гороховый, а это унизительнее, чем нахал и наглец.
As between the two men, Michaelis really had far more use for her than Clifford had.	Уж если выбирать меж Клиффордом и Микаэлисом, от последнего куда больше пользы.
He had even more need of her.	Да и она, Конни, нужна ему больше, чем Клиффорду.
Any good nurse can attend to crippled legs!	За обезножевшим калекой любая сиделка сможет присмотреть!
And as for the heroic effort, Michaelis was a heroic rat, and Clifford was very much of a poodle showing off.	Пусть Микаэлис - крыса, но крыса, способная на самоотверженность. Клиффорд же - глупый, кичливый пудель.
There were people staying in the house, among them Clifford's Aunt Eva, Lady Bennerley.	В Рагби порой наведывались гости, и среди них тетка Клиффорда, Ева - леди Беннерли.
She was a thin woman of sixty, with a red nose, a widow, and still something of a grande dame.	Худенькая вдовица лет шестидесяти, с красным носом и повадками светской львицы.
She belonged to one of the best families, and had the character to carry it off.	Она происходила из знатнейшего рода, но держалась скромно.
Connie liked her, she was so perfectly simple and [rank, as far as she intended to be frank, and superficially kind.	Конни полюбила старушку. Та бывала предельно проста, открыта, когда это не противоречило ее намерениям, и внешне добра.

Inside herself she was a past-mistress in holding her own, and holding other people a little lower.	Притом она, как, пожалуй, никто, умела держаться на высоте, да так, что всякий в ее присутствии чувствовал себя чуть ниже.
She was not at all a snob: far too sure of herself.	Но ни малейшего снобизма в ее поведении не было, лишь безграничная уверенность в себе.
She was perfect at the social sport of coolly holding her own, and making other people defer to her.	Она преуспела в светской забаве: держалась спокойно и с достоинством, незаметно подчиняя остальных своей воле.
She was kind to Connie, and tried to worm into her woman's soul with the sharp gimlet of her well-born observations.	К Конни она благоволила и пыталась отомкнуть тайники молодой женской души своим острым, пронизательным великосветским умом.
'You're quite wonderful, in my opinion,' she said to Connie. 'You've done wonders for Clifford.	- По-моему, вы просто кудесница, - восхищенно говорила она Конни. - С Клиффордом вы творите чудеса!
I never saw any budding genius myself, and there he is, all the rage.'	На моих глазах распускается, расцветает его великий талант!
Aunt Eva was quite complacently proud of Clifford's success.	Тетушка, будто своим, гордилась успехом Клиффорда.
Another feather in the family cap!	Еще одна славная строка в летописи рода!
She didn't care a straw about his books, but why should she?	Сами книги ее совершенно не интересовали. К чему они ей?
'Oh, I don't think it's my doing,' said Connie.	- Моей заслуги в этом нет, - ответила Конни.
'It must be! Can't be anybody else's.	- А чья ж еще? Ваша, и только ваша.
And it seems to me you don't get enough out of it.'	Только, сдается мне, вам-то от этого проку мало.
'How?'	- То есть?
'Look at the way you are shut up here.	- Ну, посмотрите, вы живете как затворница.
I said to Clifford: If that child rebels one day you'll have yourself to thank!'	Я Клиффорду говорю: "Если в один прекрасный день девочка взропщет, вини только себя".
'But Clifford never denies me anything,' said Connie.	- Но Клиффорд никогда мне ни в чем не отказывает.
'Look here, my dear child'—and Lady Bennerley laid her thin hand on Connie's arm. 'A woman	- Вот что, девочка моя милая, - и леди Беннерли положила тонкую руку на плечо Конни. - Либо женщина получает от

has to live her life, or live to repent not having lived it. Believe me!	жизни то, что ей положено, либо - запоздалые сожаления об упущенном, поверьте мне!
And she took another sip of brandy, which maybe was her form of repentance.	- И она в очередной раз приложилась к бокалу с вином. Возможно, именно так она выражала свое раскаяние.
'But I do live my life, don't I?'	- Но разве я мало получаю от жизни?
'Not in my idea!	- По-моему, очень!
Clifford should bring you to London, and let you go about.	Клиффорду свозить бы вас в Лондон, развеетесь.

His sort of friends are all right for him, but what are they for you?	Его круг хорош для него, а вам-то что дают его друзья?
If I were you I should think it wasn't good enough.	Я б на вашем месте с такой жизнью не смирилась.
You'll let your youth slip by, and you'll spend your old age, and your middle age too, repenting it.'	Пройдет молодость, наступит зрелость, потом старость, и ничего кроме запоздалых сожалений у вас не останется.
Her ladyship lapsed into contemplative silence, soothed by the brandy.	- И ее изрядно выпившая милость замолчала, углубившись в размышления.
But Connie was not keen on going to London, and being steered into the smart world by Lady Bennerley.	Но Конни не хотелось ехать в Лондон, не хотелось, чтобы леди Беннерли выводила ее в свет.
She didn't feel really smart, it wasn't interesting.	Какая она светская дама! Да и скучно все это!
And she did feel the peculiar, withering coldness under it all; like the soil of Labrador, which his gay little flowers on its surface, and a foot down is frozen.	А еще чуяла она за добрыми словами мертвящий холодок. Как на полуострове Лабрадор: на земле яркие цветы, а копьешь - вечная мерзлота.
Tommy Dukes was at Wragby, and another man, Harry Winterslow, and Jack Strange ways with his wife Olive.	В Рагби приехали Томми Дьюкс и еще один их приятель, Гарри Уинтерслоу, и Джек Стрейнджуэйз с женой Оливией.
The talk was much more desultory than when only the cronies were there, and everybody was a bit bored, for the weather was bad, and there was only billiards, and the pianola to dance to.	Болтали о пустяках (ведь только в кругу "закадычных" шел серьезный разговор), плохая погода лишь усугубляла скуку. Можно было лишь поиграть на бильярде, да потанцевать под механическое пианино.
Olive was reading a book about the future, when babies would be bred in bottles, and women would be immunized'.	Оливия стала рассказывать о книге про будущее, которую читала. Детей будут выращивать в колбах, и женщин "обезопасят" от беременности.
'Jolly good thing too!' she said. 'Then a woman can live her own life.'	- Как это замечательно! - восторгалась она. -Женщина, наконец, сможет жить независимо.
Strangeways wanted children, and she didn't.	Ее муж хотел детей, она же была против.
'How'd you like to be immunized?' Winterslow asked her, with an ugly smile.	- И вы бы захотели "обезопаситься"? - неприятно усмехнувшись, спросил Уинтерслоу.
'I hope I am; naturally,' she said. 'Anyhow the future's going to have more sense, and a woman needn't be dragged down by her functions.'	- Меня, судя по всему, и так природа обезопасила,- ответила Оливия. - Во всяком случае, у грядущих поколений будет побольше здравого смысла и женщине не придется опускаться до своего "природного предназначения".
'Perhaps she'll float off into space altogether,' said Dukes.	- Тогда, может, стоит их всех вообще поднять за облака, пусть себе летят подальше, - предложил Дьюкс.
I do think sufficient civilization ought to eliminate a lot of the physical disabilities,' said Clifford. 'All the love-business for example, it might just as well go'-	- Думается, достаточно развитая цивилизация упразднит многие несовершенства наших организмов, - заговорил Клиффорд. - Взять, к примеру, любовь, это лишь помеха.
I suppose it would if we could breed babies in bottles.'	Думаю, что она отомрет, раз детей в пробирках будут выращивать.

'No!' cried Olive. 'That might leave all the more room for fun.'	- Ну уж нет! - воскликнула Оливия. - Любовь еще больше радости будет приносить.
'I suppose,' said Lady Bennerley, contemplatively, 'if the love-business went, something else would take its place.'	- Случись, любовь отомрет, - раздумчиво сказала леди Беннерли, - непременно будет что-то вместо нее.

Morphia, perhaps.	Может, морфием увлекаться начнут.
A little morphine in all the air.	Представьте: вы дышите воздухом с добавкой морфина.
It would be wonderfully refreshing for everybody.'	Как это взбодрит!
The government releasing ether into the air on Saturdays, for a cheerful weekend!' said Jack. 'Sounds all right, but where should we be by Wednesday?'	- А по субботам по указу правительства в воздух добавят эфир - для всеобщего веселья в выходной, - вставил Джек. - Все бы ничего, да только вообразите, какими мы будем в среду.
'So long as you can forget your body you are happy,' said Lady Bennerley. 'And the moment you begin to be aware of your body, you are wretched.	- Пока способен забыть о теле, ты счастлив, -заявила леди Беннерли. - А напомним оно о себе, и ты несчастнейший из несчастных.
So, if civilization is any good, it has to help us to forget our bodies, and then time passes happily without our knowing it.'	Если в цивилизации вообще есть какой-то смысл, она должна помочь нам забыть о теле. И тогда время пролетит незаметно и счастливо.
Help us to get rid of our bodies altogether,' said Winterslow. 'It's quite time man began to improve on his own nature, especially the physical side of it.'	- Пора нам вообще избавиться от тел, - сказал Уинтерслоу. - Давно уж человеку нужно усовершенствовать себя, особенно физическую оболочку.
'Imagine if we floated like tobacco smoke,' said Connie.	- И превратиться в облако, как дымок от сигареты,- улыбнулась Конни.
'It won't happen,' said Dukes. 'Our old show will come flop; our civilization is going to fall.	- Ничего подобного не случится, - заверил их Дьюкс. - Развалится наш балаганчик, только и всего. Цивилизации нашей грозит упадок.
It's going down the bottomless pit, down the chasm.	И падать ей в бездонную пропасть.
And believe me, the only bridge across the chasm will be the phallus!'	Поверьте мне, лишь крепкий фаллос станет мостом к спасению.
'Oh do! do be impossible, General!' cried Olive.	- Ах, генерал, докажите! Свершите невозможное!- воскликнула Оливия.
'I believe our civilization is going to collapse,' said Aunt Eva.	- Погибнет наш мир, - вздохнула тетушка Ева.
'And what will come after it?' asked Clifford.	- И что же потом? - спросил Клиффорд.
'I haven't the faintest idea, but something, I suppose,' said the elderly lady.	- Понятия не имею, но что-нибудь да будет, -успокоила его старушка.
'Connie says people like wisps of smoke, and Olive says immunized women, and babies in bottles, and Dukes says the phallus is the bridge to what comes next. I wonder what it will really be?' said Clifford.	- Конни предрекает, что люди превратятся в дым, Оливия - что детей станут растить в пробирках, а женщин избавят от тягот, Дьюкс верит, что фаллос станет мостом в будущее. А каким же оно будет на самом деле? - задумчиво проговорил Клиффорд.

'Oh, don't bother! let's get on with today,' said Olive. 'Only hurry up with the breeding bottle, and let us poor women off.'	- Не ломай голову! С сегодняшним бы днем разобраться! - нетерпеливо бросила Оливия. - Побыстрее бы родильную пробирку изобрели да нас, женщин, избавили.
'There might even be real men, in the next phase,' said Tommy. 'Real, intelligent, wholesome men, and wholesome nice women!	- А вдруг в новой цивилизации будут жить настоящие мужчины, умные, здоровые телом и духом, и красивые, под стать мужчинам, женщины? - предположил Томми.
Wouldn't that be a change, an enormous change from us?	- Ведь они как небо от земли будут отличаться от нас!
We're not men, and the women aren't women.	Разве мы мужчины? И что в женщинах женского?
We're only cerebrating make-shifts, mechanical and intellectual experiments.	Мы - лишь примитивные мыслящие устройства, так сказать, механико-интеллектуальные модели.
There may even come a civilization of genuine men and women, instead of our little lot of clever-jacks, all at the intelligence-age of seven.	Но ведь придет время и для подлинных мужчин и женщин, которые сменят нас - кучку болванчиков с умственным развитием дошколят.
It would be even more amazing than men of smoke or babies in bottles.'	Вот это было бы воистину удивительно, похлеще, чем люди-облака или пробирочные дети.
'Oh, when people begin to talk about real women, I give up,' said Olive.	- Когда речь заходит о настоящих женщинах, я умолкаю, - прощebetала Оливия.
'Certainly nothing but the spirit in us is worth	- Да, в нас ничто не может привлекать, разве только

having,' said Winterslow.	крепость души, - обронил Уинтерслоу.
'Spirits!' said Jack, drinking his whisky and soda.	- Верно, крепость привлекает, - пробормотал Джек и допил виски с содовой.
'Think so?	- Только ли души?
Give me the resurrection of the body!' said Dukes.	А я хочу, чтоб вслед за душой обессмертилось и тело! - потребовал Дьюкс.
'But it'll come, in time, when we've shoved the cerebral stone away a bit, the money and the rest.	- Так оно и будет со временем. Когда мы хоть чуточку сдвинем с места нашу рассудочность, откажемся от денег и всякой чепухи.
Then we'll get a democracy of touch, instead of a democracy of pocket.'	И наступит демократия, но не мелкого своекорыстия, а свободного общения.
Something echoed inside Connie: 'Give me the democracy of touch, the resurrection of the body!'	"Хочу, чтоб обессмертилось и тело!"... "Наступит демократия свободного общения", - вновь и вновь звучало в ушах Конни.
She didn't at all know what it meant, but it comforted her, as meaningless things may do.	Она не понимала толком смысл, но слова эти успокаивали ее душу - так успокаивает журчание воды.
Anyhow everything was terribly silly, and she was exasperatedly bored by it all, by Clifford, by Aunt Eva, by Olive and Jack, and Winterslow, and even by Dukes.	Но до чего ж глупый и нескладный разговор! Конни измаялась от скуки, слушая Клиффорда, тетюшку Еву, Оливию и Джека, этого Уинтерслоу. Даже Дьюкс надоел.

Talk, talk, talk!	Слова, слова, слова!
What hell it was, the continual rattle of it!	Бесконечное и бессмысленное сотрясание воздуха.
Then, when all the people went, it was no better.	Однако проводив гостей, она не почувствовала облегчения.
She continued plodding on, but exasperation and irritation had got hold of her lower body, she couldn't escape.	Размеренно и нудно потянулись часы. Но где-то в животе угнездились досада и тоска, и ничем их не вытравить.
The days seemed to grind by, with curious painfulness, yet nothing happened.	Из часов складывались дни, каждый давался ей с необъяснимой тягостью, хотя ничего нового он не приносил.
Only she was getting thinner; even the housekeeper noticed it, and asked her about herself Even Tommy Dukes insisted she was not well, though she said she was all right.	Разве что она все больше и больше худела - это заметила даже экономка и спросила, не больна ли. И Томми Дьюкс уверял, что она нездорова; Конни отнекивалась, говорила, что все в порядке.
Only she began to be afraid of the ghastly white tombstones, that peculiar loathsome whiteness of Carrara marble, detestable as false teeth, which stuck up on the hillside, under Tevershall church, and which she saw with such grim painfulness from the park. The bristling of the hideous false teeth of tombstones on the hill affected her with a grisly kind of horror.	Только вдруг появился страх перед белыми, как привидения, надгробиями. Мраморной отвратительной белизной они напоминали вставные зубы - этими жуткими "зубами" утыкано подножье холма у церкви в Тивершолле. Из парка как на ладони была видна эта пугающая картина. Ощерившийся в жуткой гримасе кладбищенский холм вызывал у Конни суеверный страх.
She felt the time not far off when she would be buried there, added to the ghastly host under the tombstones and the monuments, in these filthy Midlands.	Ей казалось, недалек тот день, когда и ее схоронят там, еще один "зуб" вырастет среди надгробий и памятников в этом прокопченном "сердце Англии".
She needed help, and she knew it: so she wrote a little cri du coeur to her sister, Hilda. 'I'm not well lately, and I don't know what's the matter with me.'	Она понимала: без помощи не обойтись. И послала коротенькую записку сестре Хильде. "Мне в последнее время нездоровится. Сама не пойму, в чем дело".
Down posted Hilda from Scotland, where she had taken up her abode.	Ответ пришел из Шотландии - там теперь "осела" Хильда.
She came in March, alone, driving herself in a nimble two-seater.	А в марте приехала и сама. На юркой двухместной машине.
Up the drive she came, tooting up the incline, then sweeping round the oval of grass, where the two great wild beech-trees stood, on the flat in front of the house.	Одолела подъем, проехала аллеей, обогнула луг, на котором высились два огромных бука, и подкатила к усадьбе.
Connie had run out to the steps.	К машине подбежала Конни.
Hilda pulled up her car, got out, and kissed her sister.	Хильда заглушила мотор, вылезла и расцеловалась с сестрой.

'But Connie!' she cried. 'Whatever is the matter?'	- Но что же все-таки случилось? - тут же спросила она.
--	--

'Nothing!' said Connie, rather shamefacedly; but she knew how she had suffered in contrast to Hilda.	- Да ничего! - пристыженно ответила Конни, но, взглянув на сестру и сравнив с собой, поняла, что та не извела и толики ее страданий.
Both sisters had the same rather golden, glowing skin, and soft brown hair, and naturally strong, warm physique.	Раньше у обеих сестер была золотистая с матовым отливом кожа, шелковистые каштановые волосы, природа наделила обеих крепким и нежным телом.
But now Connie was thin and earthy-looking, with a scraggy, yellowish neck, that stuck out of her jumper.	Но сейчас Конни осунулась, лицо сделалось пепельно-серым, кожа на шее, сиротливо выглядывавшей из ворота кофты, пожелтела и пошла морщинами.
'But you're ill, child!' said Hilda, in the soft, rather breathless voice that both sisters had alike.	- Ты и впрямь нездорова! - Хильда, как и сестра, говорила негромко, чуть с придыханием.
Hilda was nearly, but not quite, two years older than Connie.	Была она почти на два года старше Конни.
'No, not ill. Perhaps I'm bored,' said Connie a little pathetically.	- Да нет, здорова; просто, наверное, надоело мне все.
The light of battle glowed in Hilda's face; she was a woman, soft and still as she seemed, of the old amazon sort, not made to fit with men.	Боевой огонек вспыхнул во взгляде сестры. Она хоть и казалась мягкой и спокойной, в душе была лихой и непокорной мужчинам воительницей.
'This wretched place!' she said softly, looking at poor, old, lumbering Wragby with real hate.	- Проклятая дыра! - бросила она, оглядывая ненавидящим взглядом ни в чем неповинную дремлющую старушку-усадьбу.
She looked soft and warm herself, as a ripe pear, and she was an amazon of the real old breed.	Неистовая душа жила в ее нежном, налитом, точно зрелый плод, теле. Ныне такие воительницы уже перевелись.
She went quietly in to Clifford.	Ничем не выдавая своих чувств, она пошла к Клиффорду.
He thought how handsome she looked, but also he shrank from her.	Тот тоже подивился ее красе, но внутренне напрягся.
His wife's family did not have his sort of manners, or his sort of etiquette.	Родные жены, не в пример ему, не отличались изысканной воспитанностью и лоском.
He considered them rather outsiders, but once they got inside they made him jump through the hoop.	Конечно, они люди иного круга, но, приезжая к нему в гости, они почему-то всегда подчинялись его своей воле.
He sat square and well-groomed in his chair, his hair sleek and blond, and his face fresh, his blue eyes pale, and a little prominent, his expression inscrutable, but well-bred.	Он сидел в кресле прямо, светлые волосы ухожены, голубые, чуть навывкате глаза бесстрастны. На холеном лице не прочтешь ничего, кроме благовоспитанного ожидания.
Hilda thought it sulky and stupid, and he waited.	Хильде вид его показался надутым и глупым.
He had an air of aplomb, but Hilda didn't care what he had an air of; she was up in arms, and if he'd been Pope or Emperor it would have been just the same.	Он старался держаться как можно увереннее, но Хильда на это и внимания не обратила. Она приготовилась к бою, и кто перед ней - папа римский или император - ей неважно.

'Connie's looking awfully unwell,' she said in her soft voice, fixing him with her beautiful, glowering grey eyes. She looked so maidenly, so did Connie; but he well knew the tone of Scottish obstinacy underneath.	- Конни выглядит просто удручающе, - тихо начала она, обожгла его взглядом своих прекрасных серых глаз и скромно потупилась, совсем как Конни. Но Клиффорд увидел сокрытое до поры твердокаменное, истинно шотландское упрямство.
'She's a little thinner,' he said.	- Пожалуй, она немного похудела.
'Haven't you done anything about it?'	- И что же, вы ничего не предприняли?
'Do you think it necessary?' he asked, with his suavest English stiffness, for the two things often go together.	- А так ли уж это необходимо? - парировал он ее вопрос с учтивостью и непреклонностью, - столь разные качества зачастую уживаются в англичанах.
Hilda only glowered at him without replying; repartee was not her forte, nor Connie's; so she glowered, and he was much more uncomfortable than if she had said things.	Хильда не ответила, лишь свирепо зыркнула на него: особой находчивостью в словесной перепалке она не отличалась. Клиффорду же ее взгляд пришелся горше всяких слов.
'I'll take her to a doctor,' said Hilda at length.	- Я покажу ее врачу, - наконец заговорила Хильда. - Вы

Can you suggest a good one round here?'	можете порекомендовать кого-либо из местных?
I'm afraid I can't.'	- Сожалею, но не могу.
'Then I'll take her to London, where we have a doctor we trust.'	- Хорошо. Отвезу ее в Лондон, там у нас есть надежный врач.
Though boiling with rage, Clifford said nothing.	Клиффорд не проронил ни слова, хотя кипел от злости.
'I suppose I may as well stay the night,' said Hilda, pulling off her gloves, 'and I'll drive her to town tomorrow.'	- Надеюсь, мне можно у вас переночевать, - продолжала Хильда, снимая перчатки. - Сестру я увезу завтра утром.
Clifford was yellow at the gills with anger, and at evening the whites of his eyes were a little yellow too. He ran to liver.	От злости Клиффорд пожелтел, и белки глаз тоже пожелтели - пошаливала печень.
But Hilda was consistently modest and maidenly.	Но Хильда по-прежнему являла образец скромности и благочестия.
'You must have a nurse or somebody, to look after you personally.	- Вам нужно завести сиделку, чтоб ухаживала только за вами.
You should really have a manservant,' said Hilda as they sat, with apparent calmness, at coffee after dinner.	А еще лучше мужчину в слуги взять, - сказала Хильда позже, за послеобеденным кофе - к тому времени оба уже успокоились.
She spoke in her soft, seemingly gentle way, but Clifford felt she was hitting him on the head with a bludgeon.	Говорила она как всегда тихо и вроде бы мягко, но Клиффорд чувствовал, что каждое слово -точно удар дубинкой по голове.
'You think so?' he said coldly.	- Вы так полагаете? - сухо спросил он.
'I'm sure! It's necessary.	- Вне всякого сомнения!
Either that, or Father and I must take Connie away for some months.	Иначе нам с отцом придется увезти Конни на месяц-другой.
This can't go on.'	Так дальше продолжаться не может.

'What can't go on?'	- Что - не может?
Haven't you looked at the child!' asked Hilda, gazing at him full stare.	- Да вы посмотрите на бедную девочку! - и сама воззрилась на Клиффорда.
He looked rather like a huge, boiled crayfish at the moment; or so she thought.	Он сидел перед ней, точно огромный вареный рак.
'Connie and I will discuss it,' he said.	- Мы с Конни обсудим ваше предложение.
'I've already discussed it with her,' said Hilda.	- Да я уж с ней все обсудила, - подвела черту Хильда.
Clifford had been long enough in the hands of nurses; he hated them, because they left him no real privacy.	Клиффорду ненавистны были сиделки - они напрочь лишают возможности побыть наедине с собой, у них на виду все его самое сокровенное. Нет, от них он настрадался, хватит.
And a manservant!...he couldn't stand a man hanging round him. Almost better any woman.	А мужчина-прислужник и того хуже, он его в доме не потерпит, на худой конец, возьмет женщину.
But why not Connie?	Но пока ему доставало Конни.
The two sisters drove off in the morning, Connie looking rather like an Easter lamb, rather small beside Hilda, who held the wheel.	Сестры уехали утром. Конни - точно агнец на заклании - съежилась и притихла рядом с сидевшей за рулем Хильдой.
Sir Malcolm was away, but the Kensington house was open.	Хотя их отец, сэр Малькольм, в отъезде, дом в Кенсингтоне ждал сестер...
The doctor examined Connie carefully, and asked her all about her life. 'I see your photograph, and Sir Clifford's, in the illustrated papers sometimes.	Доктор внимательно осмотрел Конни, расспросил о жизни. - Иногда в газетах мне попадаются ваши с сэром Клиффордом фотографии.
Almost notorieties, aren't you?	Вы теперь - знаменитые люди.
That's how the quiet little girls grow up, though you're only a quiet little girl even now, in spite of the illustrated papers. No, no!	Да, вот как вырастают маленькие, тихие девочки! Впрочем, вы и сейчас такая. Не испортила вас слава.
There's nothing organically wrong, but it won't do! It won't do!	Итак, никаких патологических изменений у вас нет, но образ жизни придется изменить.
Tell Sir Clifford he's got to bring you to town, or take you abroad, and amuse you.	Скажите сэру Клиффорду, пусть отвезет вас в город или за границу.
You've got to be amused, got to! Your vitality is much too low; no reserves, no reserves.	Вам нужно развлечься, просто необходимо! Набраться сил - они у вас на исходе.
The nerves of the heart a bit queer already: oh,	

yes!	Сердце начинает пошаливать.
Nothing but nerves; I'd put you right in a month at Cannes or Biarritz.	Но это невроз, всего лишь невроз. Месяц в Каннах или Биаррице - и все как рукой снимает.
But it mustn't go on, mustn't, I tell you, or I won't be answerable for consequences.	Но так дальше жить вам нельзя, просто нельзя! Иначе я не отвечаю за последствия.
You're spending your life without renewing it.	Вы тратите жизненные силы и ничем их не восполняете.
You've got to be amused, properly, healthily amused.	Вам не хватает радости, обычной, здоровой радости.

You're spending your vitality without making any. Can't go on, you know.	Нельзя так расходовать силы. Всему есть предел!
Depression! Avoid depression!"	И всякую грусть-тоску - прочь! Это главное.
Hilda set her jaw, and that meant something.	Хильда лишь стиснула зубы, видно, дело нешуточное.
Michaelis heard they were in town, and came running with roses. 'Why, whatever's wrong?' he cried. 'You're a shadow of yourself.	Микаэлис, прослышав, что они в городе, тотчас примчался с букетом роз. - Что, что случилось? - воскликнул он. - На тебе лица нет!
Why, I never saw such a change!	Ты страшно переменилась, от тебя только тень осталась.
Why ever didn't you let me know?	Что ж ты ничего мне не сообщила?
Come to Nice with me! Come down to Sicily!	Я б увез тебя в Ниццу или на Сицилию.
Go on, come to Sicily with me.	Да, поедem со мной на Сицилию.
It's lovely there just now. You want sun! You want life! Why, you're wasting away! Come away with me! Come to Africa!	Там сейчас чудесно. Тебе нужно солнце! Тебе нужна жизнь! Поедем со мной! Поедем в Африку!
Oh, hang Sir Clifford!	Да брось ты сэра Клиффорда!
Chuck him, and come along with me.	Забудь о нем и поедem со мной.
I'll marry you the minute he divorces you.	Я женюсь на тебе, как только он даст развод.
Come along and try a life!	Поехали. Ты поймешь, что такое жизнь!
God's love!	Благодать!
That place Wragby would kill anybody.	Да Рагби кого угодно в могилу сведет!
Beastly place! Foul place! Kill anybody!	Пропавшее место! Как трясина! Любого засосет!
Come away with me into the sun!	Поедем же со мной к солнцу!
It's the sun you want, of course, and a bit of normal life.'	Тебе так не хватает света, тепла - естественной человеческой жизни.
But Connie's heart simply stood still at the thought of abandoning Clifford there and then.	Но при одной только мысли, что придется оставить Клиффорда, прямо сейчас, все бросить, у Конни занимался дух.
She couldn't do it. No...no! She just couldn't.	Нет, не сможет она! Нет... ни за что! Не сможет, и все!
She had to go back to Wragby.	Она непременно вернется в Рагби.
Michaelis was disgusted.	Микаэлис выслушал ее с раздражением.
Hilda didn't like Michaelis, but she almost preferred him to Clifford.	Хильда отнюдь не благоволила ему, но все же меж Клиффордом и Микаэлисом выбрала бы последнего.
Back went the sisters to the Midlands.	Итак, сестры вернулись в Рагби.
Hilda talked to Clifford, who still had yellow eyeballs when they got back.	Хильда первым делом отправилась к Клиффорду; желтизна, тронувшая белки его глаз, еще не сошла.

He, too, in his way, was overwrought; but he had to listen to all Hilda said, to all the doctor had said, not what Michaelis had said, of course, and he sat mum through the ultimatum.	Конечно же, и он по-своему волновался и томился. Но внимательно выслушал все, что говорила Хильда, что говорил Хильде доктор (о том, что говорил Микаэлис, Хильда, разумеется, не упомянула). Пока она выставляла Клиффорду одно условие за другим, бедняга сидел молча.
'Here is the address of a good manservant, who was with an invalid patient of the doctor's till he died last month.	- Вот адрес хорошего слуги. Он ухаживал за одним инвалидом, тот умер в прошлом месяце.
He is really a good man, and fairly sure to come.'	Слуга этот - человек надежный и, не сомневаюсь, приедет, если позвать.

But I'm not an invalid, and I will not have a manservant,' said Clifford, poor devil.	- Но я не инвалид, и мне не нужен слуга! -отчаянно отбивался Клиффорд.
'And here are the addresses of two women; I saw one of them, she would do very well; a woman of about fifty, quiet, strong, kind, and in her way cultured...'	- Вот еще адреса двух сиделок. Одну я сама видела, она внушает доверие. Лет пятьдесят, спокойная, крепкая, добродушная, для своего уровня даже воспитанная.
Clifford only sulked, and would not answer.	Клиффорд, насупившись, молчал.
'Very well, Clifford.	- Ну что же. Клиффорд.
If we don't settle something by to-morrow, I shall telegraph to Father, and we shall take Connie away.'	Если к завтрашнему дню мы ни о чем не договоримся, я даю отцу телеграмму, и мы забираем Конни.
'Will Connie go?' asked Clifford.	- И Конни готова уехать?
'She doesn't want to, but she knows she must.	- Ей, конечно, не хочется, но она понимает, что иного выхода нет.
Mother died of cancer, brought on by fretting.	Мать у нас умерла от рака, и все на нервной почве.
We're not running any risks.'	Рисковать еще одной жизнью мы не будем.
So next day Clifford suggested Mrs Bolton, Tevershall parish nurse.	Назавтра Клиффорд предложил в сиделки миссис Болтон, приходскую сестру милосердия из Тивершолла.
Apparently Mrs Betts had thought of her.	Очевидно, ее порекомендовала Клиффорду экономка.
Mrs Bolton was just retiring from her parish duties to take up private nursing jobs.	Миссис Болтон собиралась оставить службу и практиковать как частная сестра-сиделка.
Clifford had a queer dread of delivering himself into the hands of a stranger, but this Mrs Bolton had once nursed him through scarlet fever, and he knew her.	Клиффорду просто невольно было бы довериться чужому человеку, но миссис Болтон ухаживала за ним, когда в детстве он болел скарлатиной.
The two sisters at once called on Mrs Bolton, in a newish house in a row, quite select for Tevershall.	Конни и Хильда тут же отправились к миссис Болтон. Жила она в добротном особнячке, на "чистой" половине поселка.

They found a rather good-looking woman of forty-odd, in a nurse's uniform, with a white collar and apron, just making herself tea in a small crowded sitting-room.	Миловидная женщина лет под пятьдесят - в белой наложке и переднике, в подобающем сестре милосердия платье, как раз заваривала чай. Гостиная у нее была маленькая, заставленная мебелью.
Mrs Bolton was most attentive and polite, seemed quite nice, spoke with a bit of a broad slur, but in heavily correct English, and from having bossed the sick colliers for a good many years, had a very good opinion of herself, and a fair amount of assurance.	К гостям она отнеслась с большим вниманием и тактом; в речи лишь изредка проскальзывал местный небрежный говорок, говорила она грамотно, хотя и тяжеломерно. Много лет верховодила она заболевшими шахтерами, исполнилась веры в собственные силы и наилучшего о себе мнения.
In short, in her tiny way, one of the governing class in the village, very much respected.	Одним словом, по деревенским масштабам она тоже представляла высшее местное общество, к тому же весьма уважаемое.
'Yes, Lady Chatterley's not looking at all well!	- Да, конечно, леди Чаттерли выглядит не очень-то хорошо!
Why, she used to be that bonny, didn't she now?	Она, помнится, все время была такой славной пышкой, и - на тебе!
But she's been failing all winter!	За зиму, поди, так ослабела!
Oh, it's hard, it is.	Еще бы, ей нелегко приходится.
Poor Sir Clifford!	Ах, бедный сэра Клиффорд!
Eh, that war, it's a lot to answer for.'	Все война проклятая! Кто-то за все ответит?
And Mrs Bolton would come to Wragby at once, if Dr Shardlow would let her off.	Миссис Болтон готова ехать в Рагби незамедлительно, лишь бы отпустил доктор Шардлоу.
She had another fortnight's parish nursing to do, by rights, but they might get a substitute, you know.	У нее еще полмесяца ночные дежурства, но ведь можно и замену подыскать.
Hilda posted off to Dr Shardlow, and on the following Sunday Mrs Bolton drove up in Leiver's cab to Wragby with two trunks.	Хильда написала доктору Шардлоу письмо, и уже в воскресенье сиделка и два чемодана в придачу прибыли на извозчике в Рагби.
Hilda had talks with her; Mrs Bolton was ready at	Все переговоры вела Хильда. Миссис Болтон и без

any moment to talk.	повода взялась бы переговорить обо всем на свете.
And she seemed so young!	Казалось, молодость еще бьет в ней ключом.
The way the passion would flush in her rather pale cheek.	Так легко вспыхивали ее белые щеки!
She was forty-seven.	А было ей сорок семь.
Her husband, Ted Bolton, had been killed in the pit, twenty-two years ago, twenty-two years last Christmas, just at Christmas time, leaving her with two children, one a baby in arms.	Мужа, Теда Болтона, она потеряла двадцать два года назад, ровно под Рождество - он погиб на шахте, оставив ее с двумя малыми детьми, младшенькая еще и ходить не умела.
Oh, the baby was married now, Edith, to a young man in Boots Cash Chemists in Sheffield.	Сейчас она уже замужем, за очень приличным молодым человеком, работает на солидную фирму в Шеффилде.

The other one was a schoolteacher in Chesterfield; she came home weekends, when she wasn't asked out somewhere.	Старшенькая учительствует в Честерфилде, приезжает на выходные домой, если не смянут куда-нибудь подружки.
Young folks enjoyed themselves nowadays, not like when she, Ivy Bolton, was young.	Теперь ведь у молодых забав хоть отбавляй, не то что в ее, Айви Болтон, пору.
Ted Bolton was twenty-eight when he was killed in an explosion down th' pit.	Тед Болтон погиб при взрыве в забое двадцати восьми лет от роду.
The butty in front shouted to them all to lie down quick, there were four of them.	Их там четверо было. Штейгер им крикнул:
And they all lay down in time, only Ted, and it killed him.	"Ложись!", трое-то успели, а Тед замешкался. Вот и погиб.
Then at the inquiry, on the masters' side they said Ted had been frightened, and trying to run away, and not obeying orders, so it was like his fault really.	На следствии товарищи давай начальство выгораживать, дескать, Тед испугался, хотел убежать, приказа ослушался, так что вроде выходит, будто он сам и виноват.
So the compensation was only three hundred pounds, and they made out as if it was more of a gift than legal compensation, because it was really the man's own fault.	И компенсацию заплатили только три сотни фунтов, да и то будто из милости, а не по закону. Так как Тед, видите ли, по своей вине погиб.
And they wouldn't let her have the money down; she wanted to have a little shop.	Да еще и на руки-то всех денег не дали! Она-то хотела лавку открыть.
But they said she'd no doubt squander it, perhaps in drink!	А ей говорят: промотаешь деньги или пропьешь.
So she had to draw it thirty shillings a week.	Так и платили по тридцать шиллингов в неделю.
Yes, she had to go every Monday morning down to the offices, and stand there a couple of hours waiting her turn; yes, for almost four years she went every Monday.	Приходилось каждый понедельник тащиться в контору и по два часа простаивать в очереди. И так почти четыре года.
And what could she do with two little children on her hands?	А что ей оставалось - с двумя малышками на руках?
But Ted's mother was very good to her.	Хорошо, мать Теда - добрая душа - помогла.
When the baby could toddle she'd keep both the children for the day, while she, Ivy Bolton, went to Sheffield, and attended classes in ambulance, and then the fourth year she even took a nursing course and got qualified.	Как девочки ходить научились, она на день их к себе стала забирать, а Айви ездила в Шеффилд на курсы при "Скорой помощи", а на четвертый год даже выучилась на сестру-сиделку и бумагу соответственную получила.
She was determined to be independent and keep her children.	Она твердо решила ни от кого не зависеть, самостоятельно воспитывать дочерей.
So she was assistant at Uthwaite hospital, just a little place, for a while. But when the Company, the Tevershall Colliery Company, really Sir Geoffrey, saw that she could get on by herself, they were very good to her, gave her the parish nursing, and stood by her, she would say that for them.	Одно время работала в маленькой больнице, потом ее заметили в тивершолльской Угольной компании, приметил-то сам сэр Джеффри, решил, что опыта у нее уже достаточно, и пригласил работать в приходской больнице, что очень любезно с его стороны. И вообще к ней очень по-доброму начальство относилось, ничего дурного сказать нельзя.

And she'd done it ever since, till now it was getting a bit much for her; she needed something a bit lighter, there was such a lot of traipsing around if you were a district nurse.	Так и работала, только сейчас уже трудно все на своих плечах нести, полегче бы занятие подобрать, а то приходится и в дождь, и в слякоть по всему приходу грязь месить, больных навещать.
--	---

'Yes, the Company's been very good to me, I always say it.	- Что верно, то верно, в Компании ко мне по-доброму отнеслись.
But I should never forget what they said about Ted, for he was as steady and fearless a chap as ever set foot on the cage, and it was as good as branding him a coward.	Но вовек не забуду, как они о Теде отзывались. Таких, как он, бесстрашных да хладнокровных, в шахте и не сыскать. А его чуть не трусом выставили.
But there, he was dead, and could say nothing to none of 'em.'	Ну, а мертвый-то что, ведь за себя слова на замолвит.
It was a queer mixture of feelings the woman showed as she talked.	Сколь противоречивые чувства обнаружились в этой женщине, пока она рассказывала.
She liked the colliers, whom she had nursed for so long; but she felt very superior to them.	К шахтерам она привязалась - столько лет лечила их. Но в то же время она ставила себя много выше.
She felt almost upper class; and at the same time a resentment against the ruling class smouldered in her.	Вроде б и "верхушка", ан нет, к тем, кто "наверху", она исходила ненавистью и презрением.
The masters!	Хозяева!
In a dispute between masters and men, she was always for the men.	В столкновениях хозяев с рабочими она всегда стояла за трудовой люд.
But when there was no question of contest, she was pining to be superior, to be one of the upper class.	Но стихала борьба, и Айви Болтон снова пыталась доказать свое превосходство, приобщиться к "верхушке".
The upper classes fascinated her, appealing to her peculiar English passion for superiority.	Эти люди завораживали ее, пробуждая в душе исконно английскую тягу к верховодству.
She was thrilled to come to Wragby; thrilled to talk to Lady Chatterley, my word, different from the common colliers' wives!	Она с трепетом ехала в Рагби, с трепетом беседовала с леди Чаттерли. Ну, о чем речь! С простыми шахтерскими женами ее не сравнить!
She said so in so many words.	Это миссис Болтон старалась подчеркнуть, насколько ей хватало красноречия.
Yet one could see a grudge against the Chatterleys peep out in her; the grudge against the masters.	Однако проглядывало в ней и недовольство высокородным семейством - то было недовольство хозяевами.
'Why, yes, of course, it would wear Lady Chatterley out!	- Конечно же, такая работа леди Чаттерли не под силу!
It's a mercy she had a sister to come and help her.	Слава Богу, что сестра приехала, выручила.
Men don't think, high and low-alike, they take what a woman does for them for granted.	Мужчины, что из благородных, что из простых -все одно, не задумываются, каково женщине, принимают все как должное.
Oh, I've told the colliers off about it many a time.	Уж сколько раз я шахтерам выговаривала.

But it's very hard for Sir Clifford, you know, crippled like that.	Сэру Клиффорду, конечно, трудно, что и говорить, обезножел совсем.
They were always a haughty family, standoffish in a way, as they've a right to be.	У них в семье люд гордый, заносчивый даже -ясное дело, аристократы!
But then to be brought down like that!	И вот как судьба их ниспровергла.
And it's very hard on Lady Chatterley, perhaps harder on her.	Леди Чаттерли, бедняжке, тяжело, поди, тяжелее, чем мужу.
What she misses!	Что у нее в жизни есть?!
I only had Ted three years, but my word, while I had him I had a husband I could never forget. He was one in a thousand, and jolly as the day.	Я хоть три года со своим Тедом прожила, но разрази меня гром, пока при нем была, чувствовала, что такое муж, и той поры мне не забыть.
Who'd ever have thought he'd get killed?	Кто бы подумал, что он так погибнет?
I don't believe it to this day somehow, I've never believed it, though I washed him with my own hands. But he was never dead for me, he never was. I never took it in.'	Мне и сейчас даже не верится. Хоть и своими руками его обмывала, но для меня он и сейчас как живой. Живой, и все тут.
This was a new voice in Wragby, very new for Connie to hear; it roused a new ear in her.	Итак, в Рагби зазвучал новый, непривычный поначалу для Конни, голос. Он обострил ее внутренний слух.
For the first week or so, Mrs Bolton, however, was very quiet at Wragby, her assured, bossy manner left her, and she was nervous.	Правда, первую неделю в Рагби миссис Болтон вела себя очень сдержанно.

With Clifford she was shy, almost frightened, and silent.	Никакой самоуверенности, никакого верховодства, в новой обстановке она робела.
He liked that, and soon recovered his self-possession, letting her do things for him without even noticing her.	С Клиффордом держалась скромно, молчаливо, даже испуганно. Ему такое обращение пришлось по душе, и он вскоре перестал стесняться, полностью доверившись сиделке, даже не замечал ее.
'She's a useful nonentity!' he said.	- Полезный ноль - вот она кто! - сказал он.
Connie opened her eyes in wonder, but she did not contradict him.	Конни воззрилась на мужа, но спорить не стала.
So different are impressions on two different people!	Столь несхожи впечатления двух несхожих людей.
And he soon became rather superb, somewhat lordly with the nurse.	И скоро вернулись его высокомерные, поистине хозяйские замашки с сиделкой.
She had rather expected it, and he played up without knowing.	Она была к этому готова и бессознательно согласилась с отведенной ролью.
So susceptible we are to what is expected of us!	С какой готовностью принимаем мы обличье, которое от нас ждут.
The colliers had been so like children, talking to her, and telling her what hurt them, while she bandaged them, or nursed them.	Ее прежние пациенты, шахтеры, вели себя как дети, жаловались, что и где болит, а она перевязывала их, терпеливо ухаживала.

They had always made her feel so grand, almost super-human in her administrations.	В их окружении она чувствовала себя всемогущей, этаким доброй волшебницей, способной врачевать.
Now Clifford made her feel small, and like a servant, and she accepted it without a word, adjusting herself to the upper classes.	При Клиффорде она умалилась до простой служанки, безропотно смирилась, постаралась приноровиться к людям высшего общества.
She came very mute, with her long, handsome face, and downcast eyes, to administer to him. And she said very humbly: 'Shall I do this now, Sir Clifford? Shall I do that?'	Молчаливо потупив взор, опустив овальное, еще красивое лицо, приступала она к своим обязанностям, всякий раз спрашивая разрешения сделать то или это.
'No, leave it for a time.	- Нет, это подождет.
I'll have it done later.'	С этим повременим.
'Very well, Sir Clifford.'	- Прекрасно, сэр.
Come in again in half an hour.'	- Зайдите через полчаса.
'Very well, Sir Clifford.'	- Прекрасно, сэр.
'And just take those old papers out, will you?'	- И унесите, пожалуйста, старые газеты.
'Very well, Sir Clifford.'	- Прекрасно, сэр.
She went softly, and in half an hour she came softly again.	И тихо она исчезала, а через полчаса появлялась вновь.
She was bullied, but she didn't mind.	Да, к ней относились не очень уважительно, но она и не возражала.
She was experiencing the upper classes.	Она жила новыми ощущениями, вращаясь среди "сильных мира сего".
She neither resented nor disliked Clifford; he was just part of a phenomenon, the phenomenon of the high-class folks, so far unknown to her, but now to be known.	К Клиффорду она не питала ни отвращения, ни неприязни. Он был любопытен ей, как часть доселе непонятого и незнакомого явления - жизни аристократов.
She felt more at home with Lady Chatterley, and after all it's the mistress of the house matters most.	Куда проще ей было с леди Чаттерли, да к тому же за хозяйкой дома первое слово.
Mrs Bolton helped Clifford to bed at night, and slept across the passage from his room, and came if he rang for her in the night.	Миссис Болтон укладывала Клиффорда спать, сама же стелила себе в комнате напротив и по звонку хозяина приходила даже ночью.
She also helped him in the morning, and soon valeted him completely, even shaving him, in her soft, tentative woman's way.	Не обойтись без нее и утром; вскоре миссис Болтон стала просто незаменимой, она даже брила Клиффорда своей легкой женской рукой.
She was very good and competent, and she soon knew how to have him in her power.	Обходительная и толковая, она скоро поняла, как возобладать и над Клиффордом.
He wasn't so very different from the colliers after all, when you lathered his chin, and softly rubbed the bristles.	В конце концов, не столь уж он и отличается от шахтеров - и подбородок ему так же намыливаешь, и щетина у него такая же.
The stand-offishness and the lack of frankness didn't	А его заносчивость и неискренность ее мало

bother her; she was having a new experience.	беспокоили. У новой жизни свои законы.
--	--

Clifford, however, inside himself, never quite forgave Connie for giving up her personal care of him to a strange hired woman.	Клиффорд в глубине души так и не простил Конни: ведь та отказала ему в самой важной заботе, передоверив чужой, платной сиделке.
It killed, he said to himself, the real flower of the intimacy between him and her.	Завял цветок интимности меж ним и женой - так объяснил себе перемену Клиффорд.
But Connie didn't mind that.	Конни, меж тем, нимало не огорчилась.
The fine flower of their intimacy was to her rather like an orchid, a bulb stuck parasitic on her tree of life, and producing, to her eyes, a rather shabby flower.	"Цветок интимности" виделся ей вроде капризной орхидеи, вытягивавшей из нее, Конни, все жизненные соки. Однако, по ее разумению, сам цветок до конца так и не распустился.
Now she had more time to herself she could softly play the piano, up in her room, and sing: Touch not the nettle, for the bonds of love are ill to loose.'	Теперь у нее появилось больше свободного времени, она тихонько наигрывала на фортепьяно у себя в гостиной, напевала: "Не рви крапивы... и пут любовных, - сожжешь всю душу".
She had not realized till lately how ill to loose they were, these bonds of love.	Да, ожогов на душе у нее не счесть, и все - за последнее время, все из-за этих "пут любовных".
But thank Heaven she had loosened them!	Но, слава Богу, она все ж их ослабила.
She was so glad to be alone, not always to have to talk to him.	Как хорошо побыть одной, не нужно все время поддерживать с мужем разговор.
When he was alone he tapped-tapped-tapped on a typewriter, to infinity.	Он же, оставаясь наедине с самим собой, садился за пишущую машинку и печатал, печатал, печатал - до бесконечности.
But when he was not 'working', and she was there, he talked, always talked; infinite small analysis of people and motives, and results, characters and personalities, till now she had had enough.	А случись жена рядом в минуту досуга, он тут же заводил нескончаемо долгий монолог: без устали копался в людских поступках, побуждениях, чертах характера и иных проявлениях личности -у Конни голова шла кругом.
For years she had loved it, until she had enough, and then suddenly it was too much.	Долгие годы она с упоением слушала мужа, и вот наслушалась, хватит. Речи его стали ей невыносимы.
She was thankful to be alone.	Как хорошо, что теперь она может побыть одна.
It was as if thousands and thousands of little roots and threads of consciousness in him and her had grown together into a tangled mass, till they could crowd no more, and the plant was dying.	Они, как два больших дерева, срослись тысячами корешков, сплелись множеством ветвей, да так крепко, что начали душить друг друга.
Now quietly, subtly, she was unravelling the tangle of his consciousness and hers, breaking the threads gently, one by one, with patience and impatience to get clear.	И вот Конни принялась распутывать этот клубок, обрывать узы, ставшие путами, осторожно-осторожно, хотя ей не терпелось поскорее вырваться на свободу.
But the bonds of such love are more ill to loose even than most bonds; though Mrs Bolton's coming had been a great help.	Но у них любовь особая, и путы рвались не так-то легко. Однако появилась миссис Болтон и изрядно помогла.
But he still wanted the old intimate evenings of talk with Connie: talk or reading aloud.	Впрочем, Клиффорд по-прежнему хотел проводить с женой вечера за сокровенными беседами или чтением вслух.

But now she could arrange that Mrs Bolton should come at ten to disturb them.	Но Конни подстраивала так, что в десять часов приходила миссис Болтон, и "посиделки" заканчивались, Конни поднималась к себе в спальню, а Клиффорд оставался на попечении доброй няньки.
At ten o'clock Connie could go upstairs and be alone.	Миссис Болтон столовалась с экономкой в ее комнатах, они прекрасно ладили друг с другом.
Clifford was in good hands with Mrs Bolton.	Занятно, как близко к господским покоям подобрались комнаты прислуги - прямо к дверям хозяйского кабинета - раньше они ютились поодаль.

Mrs Bolton ate with Mrs Betts in the housekeeper's room, since they were all agreeable. And it was curious how much closer the servants' quarters seemed to have come; right up to the doors of Clifford's study, when before they were so remote. For Mrs Betts would sometimes sit in Mrs Bolton's room, and Connie heard their lowered voices, and felt somehow the strong, other vibration of the working people almost invading the sitting-room, when she and Clifford were alone.	А теперь миссис Беттс частенько заглядывала в комнату сиделки, и до Конни доносились их приглушенные голоса. Подчас даже в гостиной, сидя с Клиффордом, она чувствовала всепроникающее дыхание иного, простолюдинного мира.
So changed was Wragby merely by Mrs Bolton's coming. And Connie felt herself released, in another world, she felt she breathed differently.	Да, появление миссис Болтон во многом изменило жизнь усадьбы. У Конни точно гора свалилась с плеч. Началась совсем другая жизнь, она стала чувствовать по-иному, вздохнула полной грудью.
But still she was afraid of how many of her roots, perhaps mortal ones, were tangled with Clifford's.	Но еще пугало, как много корней связывает -причем на всю жизнь - с Клиффордом.
Yet still, she breathed freer, a new phase was going to begin in her life.	Все же она вздохнула свободнее, вот-вот откроется новая страница в ее жизни.
Chapter 8	8
Mrs Bolton also kept a cherishing eye on Connie, feeling she must extend to her her female and professional protection.	Миссис Болтон и на Конни поглядывала покровительственно, и ее хотела взять под свое крыло, видя в ней и дочь и пациентку.
She was always urging her ladyship to walk out, to drive to Uthwaite, to be in the air.	Она выпроваживала ее милость на прогулки, либо пешие, либо на машине.
For Connie had got into the habit of sitting still by the fire, pretending to read; or to sew feebly, and hardly going out at all.	А Конни сделалась вдруг домоседкой: она проводила почти все время у камина, либо с книгой (хотя читала вполглаза), либо с вышивкой (хотя это ее мало увлекало), и очень редко покидала дом.
It was a blowy day soon after Hilda had gone, that Mrs Bolton said: 'Now why don't you go for a walk through the wood, and look at the daffs behind the keeper's cottage?	Как-то в ветреный день, вскоре после отъезда Хильды, миссис Болтон предложила: - Пошли б в лес погулять. Набрали б нарциссов, их у дома лесничего много. Красотища!
They're the prettiest sight you'd see in a day's march.	Ничего лучше в марте не сыскать.
And you could put some in your room; wild daffs are always so cheerful-looking, aren't they?'	Поставите у себя в комнате, любо-дорого смотреть.

Connie took it in good part, even daffs for daffodils.	Конни добродушно выслушала сиделку, улыбнулась ее говорку.
Wild daffodils!	Дикие нарциссы - это и впрямь красота!
After all, one could not stew in one's own juice.	Да и нельзя сидеть и киснуть в четырех стенах, когда на дворе весна.
The spring came back...'Seasons return, but not to me returns Day, or the sweet approach of Ev'n or Morn.'	Ей вспомнились строки Мильтона: "Так, с годом каждым проходит череда времен. Но не сулит мне ничего ни день, ни нежный сумрак Ночи, ни Утро..."
And the keeper, his thin, white body, like a lonely pistil of an invisible flower!	А егерь? Худощавое белое тело его - точно одинокий пестик чудесного невидимого цветка!
She had forgotten him in her unspeakable depression. But now something roused...'Pale beyond porch and portal'...the thing to do was to pass the porches and the portals.	В невыразимой тоске своей она совсем забыла про него, а сейчас будто что-то торкнуло... у двери на крыльце. Значит, надо распахнуть дверь, выйти на крыльцо.
She was stronger, she could walk better, and iii the wood the wind would not be so tiring as it was across the bark, flatten against her.	Она чувствовала себя крепче, прогулка не утомляла, как прежде, ветер, столь необоримый в парке, в лесу присмирел, уже не сбивал с ног.
She wanted to forget, to forget the world, and all the	Ей хотелось забыться, сбросить всю мирскую

dreadful, carrion-bodied people. Ye must be born again!	мерзость, отринуть всех этих людей с мертвой плотью. "Должно вам родиться свыше" [Евангелие от Иоанна, 3:7].
I believe in the resurrection of the body!	Я верю и в воскресение тела.
Except a grain of wheat fall into the earth and die, it shall by no means bring forth. When the crocus cometh forth I too will emerge and see the sun!	"Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода" [Евангелие от Иоанна, 12:24].
In the wind of March endless phrases swept through her consciousness.	Сколько разных высказываний и цитат принесло ей мартовским ветром.
Little gusts of sunshine blew, strangely bright, and lit up the celandines at the wood's edge, under the hazel- rods, they spangled out bright and yellow.	А еще ветром принесло солнечные блики, они разбежались по опушке леса, где рос чистотел, вызолотили голые ветки.
And the wood was still, stiller, but yet gusty with crossing sun.	И притих лес под ласковыми лучами.
The first windflowers were out, and all the wood seemed pale with the pallor of endless little anemones, sprinkling the shaken floor. 'The world has grown pale with thy breath.'	Выглянули первые анемоны, нежным бледно-фиолетовым ковром выстлали продрогшую землю. "И побледнела земля от твоего дыхания".
But it was the breath of Persephone, this time; she was out of hell on a cold morning.	Но на этот раз то было дыхание Персефоны. Конни чувствовала себя так, словно выбралась на чистый молочный воздух из преисподней.
Cold breaths of wind came, and overhead there was an anger of entangled wind caught among the twigs.	И ветер дышал холодом над головой, запутавшись в хитросплетенье голых ветвей.

It, too, was caught and trying to tear itself free, the wind, like Absalom.	И он тоже рвется на свободу, подумалось Конни, - как Авессалом [Авессалом ехал на муле, ветви дуба оплели ему голову, мул пошел дальше, а Авессалом повис в воздухе (Вторая книга Царств, 18:9)].
How cold the anemones looked, bobbing their naked white shoulders over crinoline skirts of green.	Как, должно быть, холодно подснежникам -белый стан, зеленые кринолины листьев.
But they stood it.	Но им все нипочем.
A few first bleached little primroses too, by the path, and yellow buds unfolding themselves.	Появились и первые примулы - у самой тропы: желтые тугие комочки открывались, выпуская лепестки.
The roaring and swaying was overhead, only cold currents came down below.	Ветер ревел и буйствовал высоко над головой, понизу обдавало холодом.
Connie was strangely excited in the wood, and the colour flew in her cheeks, and burned blue in her eyes.	В лесу Конни вдруг разволновалась, покраснелась, в голубых глазах вспыхнул огонек.
She walked ploddingly, picking a few primroses and the first violets, that smelled sweet and cold, sweet and cold.	Шла она неторопливо, нагибалась, срывала примулы, первые фиалки - они тонко пахли свежестью и морозцем. Свежестью и морозцем!
And she drifted on without knowing where she was.	Она брела куда глаза глядят.
Till she came to the clearing, at the end of the wood, and saw the green-stained stone cottage, looking almost rosy, like the flesh underneath a mushroom, its stone warmed in a burst of sun.	Лес кончился. Она вышла на полянку и увидела каменный дом. Камень, кое-где тронутый мхом, был бледно-розовый, точно изнанка гриба, под широкими лучами солнца казался теплым.
And there was a sparkle of yellow jasmine by the door; the closed door.	У крыльца рос куст желтого жасмина. Дверь затворена.
But no sound; no smoke from the chimney; no dog barking.	Тишина. Не курится над трубой дымок. Не лает собака.
She went quietly round to the back, where the bank rose up; she had an excuse, to see the daffodils.	Она осторожно обошла дом - за ним дыбился холм. У нее же есть повод - она хочет полюбоваться нарциссами.
And they were there, the short-stemmed flowers, rustling and fluttering and shivering, so bright and alive, but with nowhere to hide their faces, as they turned them away from the wind.	Да, вот они: дрожат и ежатся от холода, как живые, и некуда спрятать им свои яркие нежные лица, разве что отвернуть от ветра.
They shook their bright, sunny little rags in bouts of distress.	Казалось, их хрупкие приукрашенные солнцем тельца-стебельки сотрясаются от рыданий.
But perhaps they liked it really; perhaps they really liked the tossing.	А может, вовсе и не рыдают, а радуются. Может, им нравится, когда их треплет ветер.

Constance sat down with her back to a young pine-tree, that wayed against her with curious life, elastic, and powerful, rising up.	Констанция села, прислонившись к молодой сосенке - та прогнулась, упруго оттолкнув незваную гостью: сколько в этом могучем и высоком деревце жизни.
The erect, alive thing, with its top in the sun!	Оно живет, растет и тянется-тянется к солнцу.

And she watched the daffodils turn golden, in a burst of sun that was warm on her hands and lap.	Конни смотрела, как солнце золотит макушки цветов, чувствовала, как греет оно руки, колени.
Even she caught the faint, tarry scent of the flowers.	До нее долетел легкий аромат цветов, смешался с запахом смолы.
And then, being so still and alone, she seemed to bet into the current of her own proper destiny.	Она сейчас одна, ей покойно. Но вот уже мысли о собственной судьбе водоворотом захватили и понесли.
She had been fastened by a rope, and jaggng and snarring like a boat at its moorings; now she was loose and adrift.	Раньше ее, точно лодку на приколе, било о причал, бросало из стороны в сторону; теперь она на свободе, и ее несут волны.
The sunshine gave way to chill; the daffodils were in shadow, dipping silently.	Солнце пошло на убыль. Конни стала зябнуть. Понурились и цветы - теперь на них падала тень.
So they would dip through the day and the long cold night. So strong in their frailty!	Так и простоят весь день и всю долгую, холодную ночь - хрупкие и нежные, но сколько в них силы!
She rose, a little stiff, took a few daffodils, and went down. She hated breaking the flowers, but she wanted just one or two to go with her.	Она поднялась, разогнула затекшую спину, сорвала несколько нарциссов - она не любила рвать цветы - и пошла прочь.
She would have to go back to Wragby and its walls, and now she hated it, especially its thick walls.	Ее ждет Рагби, ненавистные стены, толстые непробиваемые стены!
Walls! Always walls!	Стены! Повсюду стены!
Yet one needed them in this wind.	Но в такой ветер и стены кстати.
When she got home Clifford asked her:	Когда она вернулась домой, Клиффорд спросил:
'Where did you go?'	- Куда ты ходила?
'Right across the wood!'	- По лесу гуляла.
Look, aren't the little daffodils adorable?	Взгляни, правда, эти малютки-нарциссы - чудо?
To think they should come out of the earth!'	Не верится, что они вырастают из земли.
'Just as much out of air and sunshine,' he said.	- Равно из воздуха и солнечного тепла, - добавил он.
'But modelled in the earth,' she retorted, with a prompt contradiction, that surprised her a little.	- Но зачаты в земле, - мигом отпарировала Конни и сама удивилась такому своеволию.
The next afternoon she went to the wood again.	И назавтра после обеда она пошла в лес.
She followed the broad riding that swerved round and up through the larches to a spring called John's Well.	Широкая лиственничная аллея, петляя, вывела ее к источнику, называли его Иоаннов колодец.
It was cold on this hillside, and not a flower in the darkness of larches.	На этом склоне холма было холодно, и ни одного цветочка меж сумрачных лиственниц она не нашла.
But the icy little spring softly pressed upwards from its tiny well-bed of pure, reddish-white pebbles.	Из земли бил маленький, обжигающе холодный ключ, выложенный белыми и красными камушками.
How icy and clear it was!	Ледяная, чистейшая вода!
Brilliant!	Капли - что алмазы!

The new keeper had no doubt put in fresh pebbles.	Это новый егерь, несомненно, обложил источник чистыми камнями.
She heard the faint tinkle of water, as the tiny overflow trickled over and downhill.	Чуть слышно журчит вода, тонкой струйкой сбегает по склону.
Even above the hissing boom of the larchwood, that spread its bristling, leafless, wolfish darkness on the down-slope, she heard the tinkle as of tiny water-bells.	А над головой шумят-гудят лиственницы, сейчас они, колючие и по-волчьи ошетилившиеся, смотрят вниз на темную землю, но не заглушить им источника, который звенит-журчит серебряными колокольцами.
This place was a little sinister, cold, damp.	Мрачновато здесь, холодно и сыро.
Yet the well must have been a drinking-place for hundreds of years.	Хотя к источнику напиться ходили люди не одну сотню лет.
Now no more.	Больше не ходят.

Its tiny cleared space was lush and cold and dismal.	Давным-давно зарос вытоптаный подле него пятачок, и сделалось это место холодным и печальным.
She rose and went slowly towards home.	Она встала и медленно пошла домой.
As she went she heard a faint tapping away on the right, and stood still to listen.	Вдруг справа ей послышался ритмичный стук, и она остановилась.
Was it hammering, or a woodpecker?	Может, дятел?
It was surely hammering.	Или кто молотком бьет? Нет, определенно, молоток!
She walked on, listening.	Вслушиваясь, пошла она дальше.
And then she noticed a narrow track between young fir-trees, a track that seemed to lead nowhere.	Меж молодых елочек обозначилась тропа - вроде бы бесцельная, в никуда.
But she felt it had been used.	Но что-то подсказало ей, что по тропе этой ходят.
She turned down it adventurously, between the thick young firs, which gave way soon to the old oak wood.	И она отважно свернула на нее, пробралась меж пушистыми елями и вышла к маленькой дубраве.
She followed the track, and the hammering grew nearer, in the silence of the windy wood, for trees make a silence even in their noise of wind.	Тропа вела дальше, а стук молотка слышался отчетливее; несмотря на то, что по вершинам деревьев гулял шумный ветер, в лесу стояла тишина.
She saw a secret little clearing, and a secret little hot made of rustic poles.	Но вот открылась укромная полянка, на ней - лачужка из нетесаных бревен.
And she had never been here before!	Конни никогда здесь не бывала!
She realized it was the quiet place where the growing pheasants were reared; the keeper in his shirt-sleeves was kneeling, hammering.	Наверное, именно в этом сокрытом от глаз уголке и устроили фазаний питомник. Егерь в одной рубашке стоял на коленях и что-то приколачивал.
The dog trotted forward with a short, sharp bark, and the keeper lifted his face suddenly and saw her.	К Конни с лаем бросилась собака, егерь встrepенулcя, поднял голову.
He had a startled look in his eyes.	В глазах мелькнула тревога.

He straightened himself and saluted, watching her in silence, as she came forward with weakening limbs.	Он поднялся. Молча поклонился, не сводя с Конни выжидательного взгляда. А она, не чуя под собой ног, шагнула навстречу.
He resented the intrusion; he cherished his solitude as his only and last freedom in life.	Его раздосадовало вторжение, ведь уединение он ценил превыше всего - последнее, что осталось у него от свободы.
'I wondered what the hammering was,' she said, feeling weak and breathless, and a little afraid of him, as he looked so straight at her.	- Я никак не могла взять в толк, что за стук, -начала она, враз потеряв дыхание, почти шепотом, испугавшись его прямого взгляда.
'Ah'm gettin' th' coops ready for th' young bods,' he said, in broad vernacular.	- Да вот, клетками для птенцов занимаюсь, -сказал он, нарочито растягивая звуки.
She did not know what to say, and she felt weak. 'I should like to sit down a bit,' she said.	Конни не знала, что ответить, у нее подкашивались ноги. - Вы позволите, я на минутку присяду, - попросила она.
'Come and sit 'ere i' th' 'ut,' he said, going in front of her to the hut, pushing aside some timber and stuff, and drawing out a rustic chair, made of hazel sticks.	- Заходите, - бросил он и первым пошел к хибарке, отшвыривая ногой ветки и всякий мусор. Он подвинул табурет, сколоченный из ореховых полenceв.
'Am Ah t' light yer a little fire?' he asked, with the curious naoveti of the dialect.	- Может, чуток подтопить? - спросил он, непонятно почему снова ударяясь в деревенское просторечие.
'Oh, don't bother,' she replied.	- Не беспокойтесь, пожалуйста, - быстро проговорила Конни.
But he looked at her hands; they were rather blue. So he quickly took some larch twigs to the little brick fire-place in the corner, and in a moment the yellow flame was running up the chimney.	Он взглянул ей на руки - от холода они посинели, - проворно закинул в сложенный из кирпичей камин в углу несколько сучьев, и желтые языки пламени устремились ввысь, к дымоходу.
He made a place by the brick hearth.	Освободив место подле огня, он предложил:
'Sit 'ere then a bit, and warm yer,' he said.	- Сюда садитесь, обогрейтесь малость.
She obeyed him.	Конни послушно пересела.
He had that curious kind of protective authority she obeyed at once.	Удивительно, заботливая властность этого человека сразу подействовала на нее.

So she sat and warmed her hands at the blaze, and dropped logs on the fire, whilst outside he was hammering again.	Она вытянула к огню руки, потом подбросила поленьев, а Меллорс вышел и вновь принялся что-то мастерить.
She did not really want to sit, poked in a corner by the fire; she would rather have watched from the door, but she was being looked after, so she had to submit.	Сидеть в углу подле очага ей вовсе не хотелось, куда приятнее смотреть с порога, как работает егерь, но ничего не поделаешь: придется уступить перед хозяйской заботливостью.
The hut was quite cosy, panelled with unvarnished deal, having a little rustic table and stool beside her chair, and a carpenter's bench, then a big box, tools, new boards, nails; and many things hung from pegs: axe, hatchet, traps, things in sacks, his coat.	Комнатка ей понравилась. Стены обшиты некрашеными досками, посередине стол и табурет, рядом - простой самодельный верстак, ящик с инструментами, доски, кучка гвоздей. На стене развешено самое необходимое: топор, тесак, капканы, дождевик, чем-то набитые мешки.

It had no window, the light came in through the open door.	Окна в хижине не было; свет проникал через открытую дверь.
It was a jumble, but also it was a sort of little sanctuary.	Конечно, здесь грязь и хлам, но для Меллорса хибарка эта - вроде святилища.
She listened to the tapping of the man's hammer; it was not so happy.	Она вслушалась: не очень-то бодро стучит егерский топор.
He was oppressed. Here was a trespass on his privacy, and a dangerous one!	Видать, крепко задет Меллорс, ведь посягнули на его уединение, и кто!
A woman!	Женщина!
He had reached the point where all he wanted on earth was to be alone.	С ними бед не оберешься. А он уже дожил до той поры, когда осталось лишь одно желание - побыть одному.
And yet he was powerless to preserve his privacy; he was a hired man, and these people were his masters.	И все ж не в силах он исполнить даже это, ведь он человек подневольный, а хозяева мешают.
Especially he did not want to come into contact with a woman again.	И особенно не хотелось ему видеть рядом женщину.
He feared it; for he had a big wound from old contacts.	Его наполнил страх, не зажила еще рана с прошлых времен.
He felt if he could not be alone, and if he could not be left alone, he would die.	Нужно, чтоб его оставили в покое, не оставят - он умрет.
His recoil away from the outer world was complete; his last refuge was this wood; to hide himself there!	Он полностью отрешился от мира, найдя последнее пристанище в лесу, где можно надежно спрятаться.
Connie grew warm by the fire, which she had made too big: then she grew hot.	Конни согрелась у камина, огонь она развела побольше, и скоро в комнате стало жарко.
She went and sat on the stool in the doorway, watching the man at work.	Она перебралась к двери и села у порога - оттуда видно, как работает егерь.
He seemed not to notice her, but he knew.	Он будто и не замечал ее, хотя и чувствовал взгляд.
Yet he worked on, as if absorbedly, and his brown dog sat on her tail near him, and surveyed the untrustworthy world.	Но работал как ни в чем не бывало, сосредоточенно и споро, бурая собака сидела, поджав хвост, рядом и бдительно поглядывала по сторонам.
Slender, quiet and quick, the man finished the coop he was making, turned it over, tried the sliding door, then set it aside.	Каждое движение сухопарого тела неспешно, но проворно. Вот клетка готова. Меллорс перевернул ее, проверил раздвижную дверцу, отложил в сторону.
Then he rose, went for an old coop, and took it to the chopping log where he was working. Crouching, he tried the bars; some broke in his hands; he began to draw the nails.	Поднялся, принес старую клетку, поставил на колоду, подле которой работал, присел на корточки, потрогал прутья - некоторые сломались под пальцами.
Then he turned the coop over and deliberated, and he gave absolutely no sign of awareness of the woman's presence.	Он принялся вытаскивать гвозди. Потом перевернул клетку, задумался. Женщины рядом будто бы и вовсе не было - егерь забыл о ней или искусно делал вид, что забыл.

So Connie watched him fixedly.	А Конни не сводила с него глаз.
And the same solitary aloneness she had seen in him naked, she now saw in him clothed: solitary, and intent, like an animal that works alone, but also brooding, like a soul that recoils away, away	Ей виделось то же отчуждение, та же обособленность, что и в первый раз, когда она увидела его полуголым, одежда не скрыла отчужденности зверя-одиночки, томимого воспоминаниями. Душа егеря в ужасе бежала

from all human contact. Silently, patiently, he was recoiling away from her even now.	от любого общения с людьми. Даже сейчас молча и терпеливо он старался отдалиться от нее.
It was the stillness, and the timeless sort of patience, in a man impatient and passionate, that touched Connie's womb.	Но спокойствие и безграничное терпение это исходило от человека нетерпеливого и страстного - вот что угадала Конни всей своей плотью.
She saw it in his bent head, the quick quiet hands, the crouching of his slender, sensitive loins; something patient and withdrawn.	Поворот головы, движения проворных, спокойных рук, чувственный изгиб его тонкого стана - во всем сквозит терпение и отчужденность.
She felt his experience had been deeper and wider than her own; much deeper and wider, and perhaps more deadly.	Глубже и шире, чем она, познал он жизнь, глубже и шире и его раны, жизнью нанесенные.
And this relieved her of herself; she felt almost irresponsible.	Ей сразу стало легче бремя собственных невзгод и забот, убавилось бремя ответственности.
So she sat in the doorway of the hut in a dream, utterly unaware of time and of particular circumstances.	Как в полузабытии сидела она на пороге, не ведая ни времени, ни окружения.
She was so drifted away that he glanced up at her quickly, and saw the utterly still, waiting look on her face.	Так увлекли ее собственные грезы, что она не заметила острого быстрого взгляда Меллорса.
To him it was a look of waiting.	А он увидел застывшую, полную ожидания женщину. Женщина ждет!
And a little thin tongue of fire suddenly flickered in his loins, at the root of his back, and he groaned in spirit.	И в паху, в копчике у него точно ожгло огнем. Вот напасть! - он едва не застонал.
He dreaded with a repulsion almost of death, any further close human contact.	Со смертным страхом и отвращением думал он о любой попытке сблизиться с людьми.
He wished above all things she would go away, and leave him to his own privacy.	Ну почему, почему бы ей не уйти, не оставить его одного!
He dreaded her will, her female will, and her modern female insistency.	Он боялся ее воли, ее новомодной женской настойчивости.
And above all he dreaded her cool, upper-class impudence of having her own way.	Но еще больше страшился ее холодной аристократической наглости, с которой Конни делала все, что хотела.
For after all he was only a hired man.	Ведь он для нее лишь работник.
He hated her presence there.	Он ненавидел Конни за то, что она пришла.
Connie came to herself with sudden uneasiness. She rose.	А она наконец пробудилась от грез и смущенно поднялась с табуретки.

The afternoon was turning to evening, yet she could not go away.	День клонился к вечеру, но уйти она была просто не в силах.
She went over to the man, who stood up at attention, his worn face stiff and blank, his eyes watching her.	Она подошла к егерю. Тот заметил, встал навтыжку, измученное лицо застыло и потускнело, лишь глаза внимательно следили за Конни.
'It is so nice here, so restful,' she said. 'I have never been here before.'	- Здесь у вас хорошо, так покойно, - заметила она.- Я здесь в первый раз.
'No?'	- Неужели?
I think I shall come and sit here sometimes.	- Пожалуй. Я буду сюда иногда наведываться.
'Yes?'	- Как вам угодно.
'Do you lock the hut when you're not here?'	- Вы запираете дверь, когда уходите?
'Yes, your Ladyship.'	- Да, ваша милость.
Do you think I could have a key too, so that I could sit here sometimes?	- А не могли бы вы мне дать ключ, чтоб иной раз я могла зайти, посидеть.
Are there two keys?'	У вас есть второй ключ?
'Not as Ah know on, ther' isna.' He had lapsed into the vernacular.	- Вроде как и нет, чего-то не припомню, - он снова заговорил на деревенский манер.
Connie hesitated; he was putting up an opposition.	Конни смешалась: ведь это он ей в пику делает. Да что ж это в самом деле!
Was it his hut, after all?	Он, что ли, хозяин хибары?!
'Couldn't we get another key?' she asked in her soft voice, that underneath had the ring of a woman determined to get her way.	- И нельзя сделать второй ключ? - вкрадчиво спросила она, но за вкрадчивостью этой сквозило женское своеволие.

'Another!' he said, glancing at her with a flash of anger, touched with derision.	- Ишь, второй! - молнией пронзил ее негодующий и презрительный взгляд егеря.
'Yes, a duplicate,' she said, flushing.	- Да, второй! - покраснев, твердо ответила Конни.
'Appen Sir Clifford 'ud know,' he said, putting her off.	- Вам бы лучше сэра Клиффорда спросить, - как мог, сопротивлялся егерь.
'Yes!' she said, 'he might have another.	- И верно! У него может быть второй ключ.
Otherwise we could have one made from the one you have.	А нет - так мы новый закажем с того, что у вас.
It would only take a day or so, I suppose.	Одного дня на это хватит.
You could spare your key for so long.'	На сутки, надеюсь, вы сможете одолжить ключ?
'Ah canna tell yer, m'Lady!	- Не скажите, сударыня!
Ah know nob'dy as ma'es keys round 'ere.'	Чего-то я не знаю, кто б из местных ключ мог смастерить.
Connie suddenly flushed with anger.	Конни снова вспыхнула. На этот раз от ярости.
'Very well!' she said. 'I'll see to it.'	- Не беспокойтесь! Этим я сама займусь.
'All right, your Ladyship.'	- Как скажете, ваша милость!

Their eyes met.	Взгляды их встретились.
His had a cold, ugly look of dislike and contempt, and indifference to what would happen. Hers were hot with rebuff.	Он смотрел с холодной неприязнью и презрением, что его отнюдь не красило; она - пылко и непримиримо.
But her heart sank, she saw how utterly he disliked her, when she went against him.	Но сердце у нее замерло, она увидела, сколь неприятна егерю, как режет против его воли.
And she saw him in a sort of desperation.	А еще она увидела, как на него накатывает бешенство.
'Good afternoon!'	- До свиданья, Меллорс!
'Afternoon, my Lady!'	- До свидания, ваша милость.
He saluted and turned abruptly away.	Он отдал честь и, круто повернувшись, ушел.
She had wakened the sleeping dogs of old voracious anger in him, anger against the self-willed female.	Конни пробудила в нем злобу, дремавшую до поры, сейчас же злоба эта вскинулась и рыкнула собакой на незваную гостью.
And he was powerless, powerless.	Но на большее сил нет! Нет!
He knew it!	И Меллорс это знал.
And she was angry against the self-willed male. A servant too!	Конни тоже рассердилась, и тоже на своеволие, только на мужское. Слуга, а тоже нос задирает!
She walked sullenly home.	И мрачно побрела домой.
She found Mrs Bolton under the great beech-tree on the knoll, looking for her.	На холме, у большого бука она увидела миссис Болтон - та, очевидно, высматривала хозяйку.
'I just wondered if you'd be coming, my Lady,' the woman said brightly.	- Я уж вас обыскалась, ваша милость! - радостно воскликнула она.
'Am I late?' asked Connie.	- И что, меня ждут какие-то дела? - удивилась Конни.
'Oh only Sir Clifford was waiting for his tea.'	- Да нет, просто сэру Клиффорду давно пора пить чай.
'Why didn't you make it then?'	- А почему ж вы его не напоили, да и сами бы с ним посидели.
'Oh, I don't think it's hardly my place.	- Что вы, разве мне за господским столом место?
I don't think Sir Clifford would like it at all, my Lady.'	Да и сэру Клиффорду такое пришлось бы не по душе.
'I don't see why not,' said Connie.	- Почему? Право, не понимаю.
She went indoors to Clifford's study, where the old brass kettle was simmering on the tray.	Она прошла в кабинет к Клиффорду и увидела на подносе старый латунный чайник.
'Am I late, Clifford?' she said, putting down the few flowers and taking up the tea-caddy, as she stood before the tray in her hat and scarf. 'I'm sorry!	- Клиффорд, я опоздала? - спросила она, положила цветы, взяла чайницу, так и не сняв шляпки и шарфа. - Прости меня!
Why didn't you let Mrs Bolton make the tea?'	Почему ж ты не попросил миссис Болтон заварить чай и напоить тебя?

I didn't think of it,' he said ironically. I don't quite see her presiding at the tea-table.'	- Мне такая мысль и в голову не пришла, -язвительно проговорил он. - Представить миссис Болтон во главе стола мне, право, крайне трудно.
'Oh, there's nothing sacrosanct about a silver tea-pot,' said Connie.	- Ну, чайник-то она б своим прикосновением не осквернила.
He glanced up at her curiously.	Клиффорд с любопытством взглянул на нее.
'What did you do all afternoon?' he said.	- Что ты делала весь день?
'Walked and sat in a sheltered place.	- Гуляла, отдыхала в одном укромном месте.
Do you know there are still berries on the big holly-tree?'	А знаешь, на остролисте еще остались ягоды.
She took off her scarf, but not her hat, and sat down to make tea.	Она развязала и сняла шарф и, забыв о шляпке, принялась готовить чай.
The toast would certainly be leathery.	Поджаренные хлебцы, конечно же, превратились в сухари.
She put the tea-cosy over the tea-pot, and rose to get a little glass for her violets.	Надев чехольчик на чайник, чтоб не остывал, она поднялась и взяла стакан для фиалок.
The poor flowers hung over, limp on their stalks.	Бедняжки понурились, тугие стебельки обмякли.
'They'll revive again!' she said, putting them before him in their glass for him to smell.	- Они еще оживут! - уверила Конни мужа и поставила перед ним цветы, чтоб он порадовался тонкому аромату.
'Sweeter than the lids of Juno's eyes,' he quoted.	- "Нежнее Юоновых век", - вспомнилась Клиффорду стихотворная строка.
I don't see a bit of connexion with the actual violets,' she said. 'The Elizabethans are rather upholstered.'	- Не понимаю, какое может быть сравнение с фиалками! - хмыкнула Конни. - Все поэты-елизаветинцы толстокожи.
She poured him his tea.	Она налила Клиффорду чая.
'Do you think there is a second key to that little hut not far from John's Well, where the pheasants are reared?' she said.	- А не знаешь, есть ли второй ключ от сторожки, что у Иоаннова колодца: там фазанов разводят?
'There may be. Why?'	- Может, и есть.
I happened to find it today—and I'd never seen it before.	- Я случайно набрела на эту сторожку - раньше не доводилось.
I think it's a darling place.	Как там чудно!
I could sit there sometimes, couldn't I?'	Я б не прочь туда иногда заглядывать.
'Was Mellors there?'	- Меллорс там был?
'Yes!'	- Да!
That's how I found it: his hammering.	Он что-то сколачивал. Только по стуку молотка я и нашла сторожку.
He didn't seem to like my intruding at all.	Похоже, Меллорсу мое вторжение не понравилось.

In fact he was almost rude when I asked about a second key.'	Когда я спросила о втором ключе, он не очень-то любезно ответил.
'What did he say?'	- Что именно?
'Oh, nothing: just his manner; and he said he knew nothing about keys.'	- Да ничего особенного, просто вид был недовольный. А про ключи ничего, дескать, не знает.
'There may be one in Father's study. Betts knows them all, they're all there.	- Может, где и лежит у отца в кабинете. Там все ключи. Беттс все наперечет знает.
I'll get him to look.'	Я попрошу его поискать.
'Oh do!' she said.	- Уж пожалуйста!
'So Mellors was almost rude?'	- Значит, Меллорс был нелюбезен!
'Oh, nothing, really!'	- Да ну, пустяки!
But I don't think he wanted me to have the freedom of the castle, quite.'	По-моему, ему не по душе, что я всем распоряжаюсь.
I don't suppose he did.'	- Возможно.
'Still, I don't see why he should mind.	- Но с другой стороны, ему-то что за дело!
It's not his home, after all! It's not his private abode.	Ведь усадьба-то наша, а не его вотчина!
I don't see why I shouldn't sit there if I want to.'	И почему б мне не приходить туда, куда хочется?!

'Quite!' said Clifford. He thinks too much of himself, that man.'	- Ты права! - согласился Клиффорд. - Пожалуй, он слишком высоко себя ставит.
'Do you think he does?'	- Ты думаешь?
'Oh, decidedly!'	- Определенно.
He thinks he's something exceptional.	Он считает себя личностью особенной, не как все.
You know he had a wife he didn't get on with, so he joined up in 1915 and was sent to India, I believe.	Ты знаешь, он не поладил с женой, поступил на военную службу, и, кажется, в 1915 году его отправили в Индию.
Anyhow he was blacksmith to the cavalry in Egypt for a time; always was connected with horses, a clever fellow that way.	Одно время он служил кузнецом при кавалерийской части в Египте, все время состоял при лошадях, он в них толк знал.
Then some Indian colonel took a fancy to him, and he was made a lieutenant.	Потом приглянулся какому-то полковнику из Индии, даже чин лейтенанта получил.
Yes, they gave him a commission.	Да, представили его к офицерскому званию.
I believe he went back to India with his colonel, and up to the north-west frontier.	Потом, кажется, опять в Индию уехал со своим полковником, куда-то к северо-западной границе.
He was ill; he was a pension. He didn't come out of the army till last year, I believe, and then, naturally, it isn't easy for a man like that to get back to his own level.	Заболел, дали ему пенсию по болезни, но с армией распрощался только в прошлом году. Естественно, трудно человеку, вроде бы чего-то достигшему, вновь к прежнему уровню опускаться.
He's bound to flounder.	Отсюда - всякие оплошности, срывы.

But he does his duty all right, as far as I'm concerned.	Но с работой он справляется. Мне его упрекнуть не в чем.
Only I'm not having any of the Lieutenant Mellors touch.'	А всяких там офицерских замашек да претензий я не потерплю.
'How could they make him an officer when he speaks broad Derbyshire?'	- Как ему могли дать чин, если он и говорит-то как простой мужик!
'He doesn't...except by fits and starts.'	- Да нет... Это на него находит временами.
He can speak perfectly well, for him.	Он умеет говорить, и великолепно - для своего круга, разумеется.
I suppose he has an idea if he's come down to the ranks again, he'd better speak as the ranks speak.'	Думаю, он решил так: раз жизнь его в чине понизила, он и разговаривать будет под стать низам.
'Why didn't you tell me about him before?'	- А почему ты мне раньше о его злоключениях не рассказывал?
'Oh, I've no patience with these romances.'	- Такие "злоключения" - замучаешься рассказывать.
They're the ruin of all order.	Они весь жизненный уклад ломают.
It's a thousand pities they ever happened.'	Пожалеет бедняга тысячу раз, что на свет родился.
Connie was inclined to agree.	Конни мысленно согласилась с мужем.
What was the good of discontented people who fitted in nowhere?	Бывают же такие люди, обиженные или обделенные, кто никак не приспособится к жизни, и толку от таких людей никакого.
In the spell of fine weather Clifford, too, decided to go to the wood.	Соблазнился хорошей погодой и Клиффорд - тоже решил поехать в лес.
The wind was cold, but not so tiresome, and the sunshine was like life itself, warm and full.	Дул холодный ветер, но не сильный - с ним не приходилось бороться, - солнце, точно сама жизнь, дарило светом и теплом.
'It's amazing,' said Connie, 'how different one feels when there's a really fresh fine day.'	- Поразительно, - заметила Конни, - в такой чудный день будто оживаешь.
Usually one feels the very air is half dead.	Обычно даже воздух какой-то мертвый.
People are killing the very air.'	Люди умертвили даже воздух.
'Do you think people are doing it?' he asked.	- Ты считаешь - люди виноваты? - спросил Клиффорд.
I do.	- Да
The steam of so much boredom, and discontent and anger out of all the people, just kills the vitality in the air.	Их неизбывная скука, недовольство, злоба губят воздух, жизненные силы в нем.
I'm sure of it.'	Я просто уверена в этом.
Perhaps some condition of the atmosphere lowers the vitality of the people?' he said.	- А может, некие атмосферные условия понижают жизненные силы людей?

'No, it's man that poisons the universe,' she asserted.	- Нет, это человек губит мир, - стояла на своем Конни.
---	--

'Fouls his own nest,' remarked Clifford.	- Рубит сук, на котором сидит, - подытожил Клиффорд.
The chair puffed on.	Моторчик в кресле нутужно похрипывал.
In the hazel copse catkins were hanging pale gold, and in sunny places the wood-anemones were wide open, as if exclaiming with the joy of life, just as good as in past days, when people could exclaim along with them.	На зарослях лещины повисли золотистые сережки, на солнечных проталинах раскрылись ветреницы, ликуя и радуясь жизни, - точно память о прошлом, когда так же радоваться жизни могли и люди.
They had a faint scent of apple-blossom.	А цветы пахли как яблоневый цвет.
Connie gathered a few for Clifford.	Конни собрала Клиффорду букетик.
He took them and looked at them curiously.	Он принялся с любопытством перебирать цветы.
'Thou still unravished bride of quietness,' he quoted. 'It seems to fit flowers so much better than Greek vases.'	- "Покою непорочная невеста, приемыш вечности и тишины", - процитировал он из Китса. - По-моему, это сравнение больше подходит к цветам, нежели к греческим амфорам.
'Ravished is such a horrid word!' she said. 'It's only people who ravish things.'	- Непорочная... порочный - какое ужасное слово! - воскликнула Конни. - Опорочить все на свете могут только люди.
'Oh, I don't know...snails and things,' he said.	- Ну, как сказать... "Все на свете могут эти, как их... слизняки", - перешел он на детскую дразнилку.
'Even snails only eat them, and bees don't ravish.'	- Да нет, слизняки лишь пожирают, никакая иная, кроме человека, живность не порочит природу.
She was angry with him, turning everything into words.	Она рассердилась на Клиффорда, вечно он все обращает в пустые слова, в прибаутки.
Violets were Juno's eyelids, and windflowers were on ravished brides.	Фиалки у него - по Мильтону - "нежнее Юоновых век", ветреницы - по Китсу - "непорочные невесты".
How she hated words, always coming between her and life: they did the ravishing, if anything did: ready-made words and phrases, sucking all the life-sap out of living things.	Как ненавистны ей слова, они заслоняют жизнь, они-то как раз и порочат все на свете, готовые слова и сочетания высасывают соки из всего живого.
The walk with Clifford was not quite a success.	Не удалась эта прогулка.
Between him and Connie there was a tension that each pretended not to notice, but there it was.	Меж Клиффордом и Конни возникла некая натянутость. Оба пытались ее не замечать, но от этого она не пропадала.
Suddenly, with all the force of her female instinct, she was shoving him off.	Вдруг со всей силой женского инстинкта Конни начала рвать узы, связующие ее с Клиффордом.
She wanted to be clear of him, and especially of his consciousness, his words, his obsession with himself, his endless treadmill obsession with himself, and his own words.	Хотелось освободиться от него, от пут его ума, слов, от его одержимости собственной персоной, неизбывной, нескончаемой самовлюбленной болтовни.
The weather came rainy again.	Снова зарядили дожди.

But after a day or two she went out in the rain, and she went to the wood.	Но через день Конни снова пошла в лес, не убоившись погоды.
And once there, she went towards the hut.	И сразу направилась к сторожке.
It was raining, but not so cold, and the wood felt so silent and remote, inaccessible in the dusk of rain.	Дождь был совсем не холодный, лес стоял молчаливый и задумчивый, сокрытый пеленой измороси.
She came to the clearing.	Вот и поляна.
No one there!	Никого!
The hut was locked.	Сторожка заперта.
But she sat on the log doorstep, under the rustic porch, and snuggled into her own warmth.	Конни села на бревенчатое крыльцо под навесом, свернулась калачиком, чтобы подольше сохранить тепло.
So she sat, looking at the rain, listening to the many noiseless noises of it, and to the strange soughings of wind in upper branches, when there seemed to be	Так и сидела, глядя на дождь, слушала, как он едва слышно шуршит по земле, как вздыхает ветер в вершинах деревьев, хотя казалось, что ветра нет

no wind.	вообще.
Old oak-trees stood around, grey, powerful trunks, rain-blackened, round and vital, throwing off reckless limbs.	Вокруг стояли могучие дубы, почерневшие от дождя, полные жизни, дерзко раскинув сильные ветви.
The ground was fairly free of undergrowth, the anemones sprinkled, there was a bush or two, elder, or guelder-rose, and a purplish tangle of bramble: the old russet of bracken almost vanished under green anemone ruffs.	Травы на земле почти не было, там и сям выглянули первоцветы, кое-где виднелись кусты калины и сизо-бурые заросли куманики. Прошлогодний папоротник полег и скрылся за зелеными круглыми листиками анемонов.
Perhaps this was one of the unravished places.	Может, здесь одно из неопороченных мест.
Unravished!	Неопороченное!
The whole world was ravished.	А весь мир погряз в пороке.
Some things can't be ravished.	Но не все можно опорочить.
You can't ravish a tin of sardines.	Банку сардин, например.
And so many women are like that; and men.	А сколько таких, закрытых со всех сторон, женщин на свете! Сколько мужчин!
But the earth...!	Но земля беззащитна, ее всякий опорочит...
The rain was abating.	Дождь стихал.
It was hardly making darkness among the oaks any more.	В дубраве чуть посветлело.
Connie wanted to go; yet she sat on.	Конни хотела идти дальше, однако с места не тронулась.
But she was getting cold; yet the overwhelming inertia of her inner resentment kept her there as if paralysed.	Ее уже пробирал холод. Но обида, снедавшая душу, давила и не пускала, сковала по рукам и ногам.
Ravished!	Опорочена!
How ravished one could be without ever being touched.	Да, она опорочена, хотя ее никто и пальцем не тронул.

Ravished by dead words become obscene, and dead ideas become obsessions.	Опороченность мертвыми словами неприлична, а мертвые идеи - словно навязчивый бред.
A wet brown dog came running and did not bark, lifting a wet feather of a tail.	Подбежала мокрая бурая собака, но не залаяла, завиляла хвостом, слипшимся - точно перо -торчком.
The man followed in a wet black oilskin jacket, like a chauffeur, and face flushed a little.	Следом вышел мужчина в мокрой черной клеенчатой, как у шоферов, куртке; лицо у него тронул румянец.
She felt him recoil in his quick walk, when he saw her. She stood up in the handbreadth of dryness under the rustic porch.	Конни показалось, что он внутренне напрягся, хотя и не замедлил шаг; а она так и стояла на сухом пятачке под навесом.
He saluted without speaking, coming slowly near.	Он молча козырнул и двинулся прямо на нее.
She began to withdraw.	Конни посторонилась.
'I'm just going,' she said.	- Я ухожу, - сказала она.
'Was yer waitin' to get in?' he asked, looking at the hut, not at her.	- Вы ждали, чтоб зайти? - спросил он, глядя мимо Конни на сторожку.
'No, I only sat a few minutes in the shelter,' she said, with quiet dignity.	- Да нет, я всего несколько минут под навесом посидела, - спокойно и с достоинством ответила она.
He looked at her.	Он посмотрел на женщину.
She looked cold.	Похоже, она замерзла.
'Sir Clifford 'adn't got no other key then?' he asked.	- Значит, у сэра Клиффорда второго ключа не нашлось, - вывел он.
'No, but it doesn't matter.	- Нет, и не надо.
I can sit perfectly dry under this porch.	Здесь на крыльце сухо.
Good afternoon!'	До свидания!
She hated the excess of vernacular in his speech.	- Как ей претил его просторечный выговор!
He watched her closely, as she was moving away.	Он внимательно посмотрел на нее.
Then he hitched up his jacket, and put his hand in his breeches pocket, taking out the key of the hut.	Потом поднял полу куртки, сунул руку в карман брюк и вытащил ключ.

'Appen yer'd better 'ave this key, an' Ah min fend for t' bods some other road.'	- Хотите - берите, вот вам ключ, а я птичник в другом месте устрою.
She looked at him.	Конни посмотрела ему в лицо.
'What do you mean?' she asked.	- Не понимаю.
'I mean as 'appen Ah can find anuther pleece as'll du for rearin' th' pheasants.	- Что же не понимать-то? Я найду, где фазанов растить.
If yer want ter be 'ere, yo'll non want me messin' abaht a' th' time.' She looked at him, getting his meaning through the fog of the dialect.	Вам здесь нравится, вот и приходите. И в мои дела вступать не будете, - говорил он очень небрежно, глотая звуки, и Конни не сразу поняла, что он имеет в виду.
'Why don't you speak ordinary English?' she said coldly.	- Зачем вы коверкаете язык? Говорите как положено, - холодно попросила она.

'Me!	- Надо ж!
Ah thowt it wor ordinary.'	А я-то думал, что как положено говорю.
She was silent for a few moments in anger.	Конни замолчала, в душе разгорался гнев.
'So if yer want t' key, yer'd better tacit.	- Так, значит, коли вам ключ надобен, берите.
Or 'appen Ah'd better gi'e 't yer termorrer, an' clear all t' stuff aht fust. Would that du for yer?'	Нет, пожалуй, я завтра вам его дам, а пока тут приберу, чтоб чин-чинарем все было.
She became more angry.	Конни разозлилась не на шутку.
'I didn't want your key,' she said. 'I don't want you to clear anything out at all.	- Мне не нужен ваш ключ! Я не хочу, чтоб вы отсюда уходили!
I don't in the least want to turn you out of your hut, thank you!	Я не собираюсь выгонять вас из собственной сторожки, увольте!
I only wanted to be able to sit here sometimes, like today.	Мне просто хотелось иногда приходить сюда; посидеть, как сегодня.
But I can sit perfectly well under the porch, so please say no more about it.'	Впрочем, и на крыльце неплохо, так что оставим этот разговор.
He looked at her again, with his wicked blue eyes.	В голубых глазах егеря вспыхнул недобрый огонек.
'Why,' he began, in the broad slow dialect. 'Your Ladyship's as welcome as Christmas ter th' hut an' th' key an' iverythink as is.	- Что вы, - заговорил он, снова растягивая звуки и проглатывая окончания. - Вашей милости здесь рады, как солнышку ясному, пожалте вам и ключ, и все что душеньке угодно.
On'y this time O' th' year ther's bods ter set, an' Ah've got ter be potterin' abaht a good bit, seein' after 'em, an' a'.	Только у меня тут работы непочатый край, за птицей глаз да глаз нужен.
Winter time Ah ned 'ardly come nigh th' pleece.	Зимой-то я сюда и не заглядываю, а вот весной для сэра Клиффорда фазанов надобно растить.
But what wi' spring, an' Sir Clifford wantin' ter start th' pheasants... An' your Ladyship'd non want me tinkerin' around an' about when she was 'ere, all the time.'	Разве вашей милости угодно, чтоб я тут мельтешил да стучал-колотил, пока вы тут.
She listened with a dim kind of amazement.	Конни слушала со смутным удивлением.
'Why should I mind your being here?' she asked.	- С чего вы взяли, что мешаете мне? - спросила она.
He looked at her curiously.	Он пытливо посмотрел на нее.
'T'nuisance on me!' he said briefly, but significantly.	- Вот незадача! - бросил он значительно.
She flushed. 'Very well!' she said finally. 'I won't trouble you.	Конни покраснела. - Ну что ж! - наконец решилась она. - Не стану вас беспокоить.
But I don't think I should have minded at all sitting and seeing you look after the birds.	Хотя я не прочь сидеть тут и смотреть, как вы возитесь с птицами.
I should have liked it.	Мне это даже по душе.

But since you think it interferes with you, I won't disturb you, don't be afraid.	Но раз вы считаете, что я вам мешаю, не бойтесь, я не стану вам докучать.
You are Sir Clifford's keeper, not mine.'	Вы же не у меня служите, а у сэра Клиффорда.
The phrase sounded queer, she didn't know why.	Странно прозвучали эти слова даже для самой Конни, с чего бы?
But she let it pass.	Но задумываться она не стала.

'Nay, your Ladyship.	- Что вы, ваша милость.
It's your Ladyship's own 'ut.	Эта сторожка принадлежит вам.
It's as your Ladyship likes an' pleases, every time.	Она к вашим услугам в любое время.
Yer can turn me off at a wik's notice.	А меня можно за неделю отсюда выдворить.
It wor only...'	Стоит только...
'Only what?' she asked, baffled.	- Только что? - опешила Конни.
He pushed back his hat in an odd comic way.	Он по-шутовски заломил шляпу.
'On'y as 'appen yo'd like the place ter yersen, when yer did come, an' not me messin' abaht.'	- Стоит вам только захотеть - и сторожка ваша, приходите, когда хотите. Я не буду под ногами крутиться.
'But why?' she said, angry. 'Aren't you a civilized human being?	- Но почему ж вы так! Вы же культурный человек.
Do you think I ought to be afraid of you?	Вы, может, думаете, я вас боюсь?
Why should I take any notice of you and your being here or not?	Почему я вообще должна на вас внимание обращать? Какое мне дело, там вы или нет?
Why is it important?'	Почему это должно меня волновать?
He looked at her, all his face glimmering with wicked laughter.	Он посмотрел ей в лицо, и губы его тронула недобрая усмешка.
'It's not, your Ladyship.	- Ни в коей мере вас это волновать не должно, ваша милость.
Not in the very least,' he said.	Ни в коей мере.
'Well, why then?' she asked.	- Тогда в чем же дело?
'Shall I get your Ladyship another key then?'	- Прикажете сделать для вас второй ключ?
'No thank you!	- Нет уж, благодарю вас!
I don't want it.'	Не нужно.
'Ah'll get it anyhow.	- Я все ж сделаю.
We'd best 'ave two keys ter th' place.'	Запасной ключ не помешает.
'And I consider you are insolent,' said Connie, with her colour up, panting a little.	- Мне кажется, вы чересчур дерзки. - Конни покраснела, задышала тяжело.
'Nay, nay!' he said quickly. 'Dunna yer say that!	- Что вы, что вы? - торопливо проговорил он.
Nay, nay!	- Не говорите так! Что вы!
I niver meant nuthink.	Ничего такого и в мыслях не держал.

Ah on'y thought as if yo' come 'ere, Ah s'd ave ter clear out, an' it'd mean a lot of work, settin' up somewheres else.	Я только подумал, раз вы сюда пришли, мне убираться надо, другое место искать.
But if your Ladyship isn't going ter take no notice O' me, then...it's Sir Clifford's 'ut, an' everythink is as your Ladyship likes, everythink is as your Ladyship likes an' pleases, barrin' yer take no notice O' me, doin' th' bits of jobs as Ah've got ter do.'	Но раз ваша милость на меня внимания обращать не будет, тогда... это же сэра Клиффорда сторожка, и все будет как ваша милость пожелает. Как вам угодно; только на меня уж вы внимания не обращайтесь, я уж со своей работенкой буду ковыряться.
Connie went away completely bewildered. She was not sure whether she had been insulted and mortally of fended, or not. Perhaps the man really only meant what he said; that he thought she would expect him to keep away.	Конни ушла, так и не решив: то ли над ней посмеялись и нанесли смертельную обиду, то ли егерь и впрямь говорил, что думал: ему показалось, что она хочет выдворить его из сторожки.
As if she would dream of it!	Да у нее и в мыслях такого нет!
And as if he could possibly be so important, he and his stupid presence.	Да и не столь уж он важная персона! Так, какой-то придурковатый мужлан.
She went home in confusion, not knowing what she thought or felt.	Так и пошла она домой, не зная толком, как отнестись к словам егеря.
Chapters 9	9
Connie was surprised at her own feeling of aversion from Clifford.	У Конни проснулась необъяснимая неприязнь к Клиффорду.
What is more, she felt she had always really disliked him.	Более того: ей стало казаться, что она давно, с самого начала невзлюбила его.
	Не то чтоб возненавидела, нет, ее чувство не было

Not hate: there was no passion in it.	столь сильным.
But a profound physical dislike.	Просто неприязнь, глубокое физическое неприятие.
Almost, it seemed to her, she had married him because she disliked him, in a secret, physical sort of way.	Ей пришло в голову, что и замуж за него она вышла по этой неприязни, в ту пору затаившейся и в душе, и во плоти.
But of course, she had married him really because in a mental way he attracted her and excited her.	Хотя она, конечно же, понимала, что в Клиффорде ее привлек и увлек его ум.
He had seemed, in some way, her master, beyond her.	Клиффорд казался ей в чем-то неизмеримо выше ее самой, он подчинил ее своей воле.
Now the mental excitement had worn itself out and collapsed, and she was aware only of the physical aversion.	Но увлечение умственным прошло, лопнуло, как мыльный пузырь, и тогда из глубин ее естества поднялось и заполнило душу физическое отвращение.
It rose up in her from her depths: and she realized how it had been eating her life away.	Только сейчас поняла Конни, сколь сильно жизнь ее источена этим отвращением.
She felt weak and utterly forlorn.	Никому-то она не нужна, ни на что-то она не способна.
She wished some help would come from outside. But in the whole world there was no help.	Кто бы помог, поддержал, но на всем белом свете не сыскать ей помощи.

Society was terrible because it was insane.	Общество ужасно, оно словно обезумело.
Civilized society is insane.	Да, цивилизованное общество обезумело.
Money and so-called love are its two great manias; money a long way first.	Люди, как маньяки, охотятся за деньгами да за любовью. На первом месте с большим отрывом - деньги.
The individual asserts himself in his disconnected insanity in these two modes: money and love.	И каждый тщится преуспеть, замкнувшись в своей одержимости деньгами и любовью.
Look at Michaelis!	Посмотришь хотя бы на Микаэлиса!
His life and activity were just insanity.	Вся его жизнь, все дела - безумие!
His love was a sort of insanity.	И любовь его - тоже безумие!
And Clifford the same. All that talk! All that writing!	Клиффорд не лучше. Со своей болтовней! Со своей писаниной!
All that wild struggling to push himself forwards!	Со своим остервенелым желанием пробиться в число первых!
It was just insanity.	Все это тоже безумие.
And it was getting worse, really maniacal.	И с годами все хуже и хуже - настоящая одержимость!
Connie felt washed-out with fear.	Страх лишал Конни последних сил.
But at least, Clifford was shifting his grip from her on to Mrs Bolton.	Хорошо еще, что сейчас Клиффорд мертвой хваткой вцепился не в нее, а в миссис Болтон.
He did not know it.	И сам этого не сознает.
Like many insane people, his insanity might be measured by the things he was not aware of the great desert tracts in his consciousness.	Как и у многих безумцев, серьезность его болезни можно проверить по тем проявлениям, которых он сам не замечает, которые затерялись в великой пустыне его сознания.
Mrs Bolton was admirable in many ways.	У миссис Болтон много восхитительных черт.
But she had that queer sort of bossiness, endless assertion of her own will, which is one of the signs of insanity in modern woman.	Но и ее не обошло безумие, поразившее современную женщину: она удивительно властолюбива.
She thought she was utterly subservient and living for others.	Каждый час и каждую минуту утверждает она свою волю, хотя ей кажется, что она смиренно живет ради других.
Clifford fascinated her because he always, or so of ten, frustrated her will, as if by a finer instinct. He had a finer, subtler will of self-assertion than herself.	Клиффорд буквально очаровал ее: ему почти всегда удавалось сводить на нет ее попытки командовать, он будто чутьем угадывал, как поступить. Чутьем, равно как и властной волей (только более умной и тонкой), он превосходил миссис Болтон.
This was his charm for her.	Тем ее и очаровал.
Perhaps that had been his charm, too, for Connie.	А не из-за того ли и сама Конни некогда подпала под его чары?..

'It's a lovely day, today!' Mrs Bolton would say in her caressive, persuasive voice. 'I should think you'd enjoy a little run in your chair today, the sun's just lovely.'	- Какой сегодня чудесный день! - ворковала сиделка нежно и внушительно. - Сэр Клиффорд, вам не мешало бы прокатиться, солнышко такое ласковое.
'Yes?	- Неужели?
Will you give me that book—there, that yellow one.	Дайте мне, пожалуйста, ту книгу, вон ту, желтую.
And I think I'll have those hyacinths taken out.'	А гиацинты, по-моему, лучше из комнаты унести.
'Why they're so beautiful!'	- Да что вы! Они прэлэстны!
She pronounced it with the 'y' sound: be-yutiful! 'And the scent is simply gorgeous.'	- Она именно так и произносила - прэлэстны. - А запах, ну просто бесподобный.
'The scent is what I object to,' he said. 'It's a little funereal.'	- Вот запах-то мне и не нравится, кладбищенский какой-то.
'Do you think so!' she exclaimed in surprise, just a little offended, but impressed.	- Вы и вправду так думаете?! - скорее восклицала, нежели вопрошала миссис Болтон, чуть обидевшись и изрядно удивившись.
And she carried the hyacinths out of the room, impressed by his higher fastidiousness.	Цветы она выносила из комнаты, дивясь хозяйской утонченности...
'Shall I shave you this morning, or would you rather do it yourself?'	- Вас побрить или побреетесь сами? - все так же вкрадчиво, ласково-смирненно спрашивала она.
Always the same soft, caressive, subservient, yet managing voice.	Но повелительные нотки в голосе оставались.
'I don't know.'	- Пока не решил.
Do you mind waiting a while.	Будьте любезны, обождите с этим.
I'll ring when I'm ready.'	Я позвоню в колокольчик, если надумаю.
'Very good, Sir Clifford!' she replied, so soft and submissive, withdrawing quietly.	- Прекрасно, сэр Клиффорд! - смирненно шептала она и исчезала.
But every rebuff stored up new energy of will in her.	Но всякий его отпор будил в ней новые силы, и воля ее лишь крепла.
When he rang, after a time, she would appear at once. And then he would say:	Позже он звонил в колокольчик, она тут же появлялась, и он объявлял:
'I think I'd rather you shaved me this morning.'	- Сегодня, пожалуй, побрейте меня.
Her heart gave a little thrill, and she replied with extra softness:	Сердце у нее прыгало от радости, и она отвечала кротчайшим голосом:
'Very good, Sir Clifford!'	- Прекрасно, сэр Клиффорд!
She was very deft, with a soft, lingering touch, a little slow.	Она была очень расторопна, но не суетлива, каждое движение плавно и четко.
At first he had resented the infinitely soft touch of her fingers on his face.	Поначалу Клиффорд терпеть не мог, когда она легкими пальцами едва ощутимо касалась его лица.

But now he liked it, with a growing voluptuousness. He let her shave him nearly every day: her face near his, her eyes so very concentrated, watching that she did it right.	Но постепенно привык, потом даже понравилось - он все больше и больше находил в этом чувственное удовольствие, - и он просил брить его едва ли не каждый день. Она наклонялась к нему совсем близко, взгляд делался сосредоточенным, хотелось выбрить все чисто и ровно.
And gradually her fingertips knew his cheeks and lips, his jaw and chin and throat perfectly.	Мало-помалу, на ощупь она запомнила каждую ямочку, складочку, родинку на щеках, подбородке, шее у хозяина.
He was well-fed and well-liking, his face and throat were handsome enough and he was a gentleman.	Лицо у того было холеное, цветущее и миловидное, сразу ясно - из благородных.
She was handsome too, pale, her face rather long and absolutely still, her eyes bright, but revealing nothing.	Миссис Болтон тоже не откажешь в миловидности: белое, чуть вытянутое, всегда спокойное лицо, глаза с искоркой, но в них ничего не прочитать.
Gradually, with infinite softness, almost with love, she was getting him by the throat, and he was yielding to her.	Так, беспредельной мягкостью, почти что любовной лаской мало-помалу подчиняла она своей воле Клиффорда, и он постепенно сдавал свои позиции.
She now did almost everything for him, and he felt more at home with her, less ashamed of accepting her menial offices, than with Connie. She liked handling	Она помогала ему буквально во всем, он привык к ней, стеснялся ее меньше, чем собственной жены, доверяясь мягкости и предупредительности, а ей

him. She loved having his body in her charge, absolutely, to the last menial offices.	нравилось ухаживать за ним, управлять его телом полностью, помогать в самые интимные минуты.
She said to Connie one day: 'All men are babies, when you come to the bottom of them.	Однажды она сказала Конни: - Мужчины - ровно дети малые, если копнуть поглубже.
Why, I've handled some of the toughest customers as ever went down Tevershall pit.	Уж какие были бедовые мужики с шахт.
But let anything ail them so that you have to do for them, and they're babies, just big babies.	Но что-нибудь заболит - и они враз как дети, большие дети!
Oh, there's not much difference in men!'	В этом все мужчины почти ничем друг от друга не отличаются.
At first Mrs Bolton had thought there really was something different in a gentleman, a real gentleman, like Sir Clifford.	На первых порах миссис Болтон все ж думала, что в истинном джентльмене вроде сэра Клиффорда есть какое-то отличие.
So Clifford had got a good start of her.	И Клиффорд произвел на нее весьма благоприятное впечатление.
But gradually, as she came to the bottom of him, to use her own term, she found he was like the rest, a baby grown to man's proportions: but a baby with a queer temper and a fine manner and power in its control, and all sorts of odd knowledge that she had never dreamed of, with which he could still bully her.	Но потом, как она говорила, "копнув поглубже", она поняла, что он такой же, как и все, дитя с телом взрослого. Правда, дитя своеобычное, наделенное изысканными манерами, немалой властью и знаниями в таких областях, какие миссис Болтон и не снились (чем ему и удавалось застрашивать ее).
Connie was sometimes tempted to say to him:	Иногда Конни так и подмывало сказать мужу:

'For God's sake, don't sink so horribly into the hands of that woman!'	"Ради Бога, не доверяйся ты так этой женщине!"
But she found she didn't care for him enough to say it, in the long run.	А потом она понимала, что в конечном счете ей это не так уж и важно.
It was still their habit to spend the evening together, till ten o'clock. Then they would talk, or read together, or go over his manuscript.	Как и прежде вечерами - до десяти часов -они сидели вместе: разговаривали, читали, разбирали его рукописи.
But the thrill had gone out of it.	Но работала Конни уже без былой трепетности.
She was bored by his manuscripts.	Ей прискучила мужнина писанина.
But she still dutifully typed them out for him.	Однако она добросовестно перепечатывала его рассказы.
But in time Mrs Bolton would do even that.	Со временем миссис Болтон сможет помогать ему и в этом.
For Connie had suggested to Mrs Bolton that she should learn to use a typewriter.	Конни посоветовала ей научиться печатать.
And Mrs Bolton, always ready, had begun at once, and practised assiduously.	Миссис Болтон упрашивать не приходилось, она тут же рьяно взялась за дело.
So now Clifford would sometimes dictate a letter to her, and she would take it down rather slowly, but correctly.	Клиффорд уже иногда диктовал ей письма, а она медленно, зато без ошибок отстукивала на машинке.
And he was very patient, spelling for her the difficult words, or the occasional phrases in French.	Трудные слова он терпеливо произносил по буквам, равно и вставки на французском.
She was so thrilled, it was almost a pleasure to instruct her.	А миссис Болтон трепетно внимала ему - такую и учить приятно.
Now Connie would sometimes plead a headache as an excuse for going up to her room after dinner.	Теперь уже, сославшись на головную боль, Конни могла после ужина удалиться к себе.
'Perhaps Mrs Bolton will play piquet with you,' she said to Clifford.	- Может, миссис Болтон составит тебе компанию, поиграет с тобой в карты, -говорила она Клиффорду.
'Oh, I shall be perfectly all right. You go to your own room and rest, darling.'	- Не беспокойся, дорогая. Иди к себе, отдыхай.
But no sooner had she gone, than he rang for Mrs Bolton, and asked her to take a hand at piquet or bezique, or even chess.	Но стоило ей выйти за порог, он звонил в колокольчик, звал миссис Болтон и предлагал сыграть в карты или даже шахматы.
He had taught her all these games.	Он и этому научил сиделку.
And Connie found it curiously objectionable to see Mrs Bolton, flushed and tremulous like a little girl, touching her queen or her knight with uncertain fingers, then drawing away again.	Конни было и забавно, и в то же время неприятно смотреть, как раскрасневшаяся и взволнованная, словно девочка, миссис Болтон неуверенно берет за ферзя или коня и тут же отдергивает руку.

And Clifford, faintly smiling with a half-teasing superiority, saying to her:	Клиффорд улыбался с чуть вызывающим превосходством и говорил:
'You must say j'adoubé!'	- Если только поправяете фигуру, надо произнести по-французски "j'adoubé".

She looked up at him with bright, startled eyes, then murmured shyly, obediently:	Она испуганно поднимала голову, глаза у нее блеснули, и она смущенно и покорно повторяла:
'J'adoubé!'	- J'adoubé.
Yes, he was educating her.	Да, он поучал миссис Болтон.
And he enjoyed it, it gave him a sense of power.	И поучал с удовольствием, ибо чувствовал свою силу.
And she was thrilled. She was coming bit by bit into possession of all that the gentry knew, all that made them upper class: apart from the money.	А ее это необычайно волновало: ведь шаг за шагом она постигала премудрости дворянской жизни. Ведь чтобы попасть в высшее общество, кроме денег нужны и знания.
That thrilled her.	Было от чего разволноваться.
And at the same time, she was making him want to have her there with him.	И в то же время она старалась стать для Клиффорда незаменимой, выходило, что и ее искренняя взволнованность обращалась в тонкую и неочевидную лсть.
It was a subtle deep flattery to him, her genuine thrill. To Connie, Clifford seemed to be coming out in his true colours: a little vulgar, a little common, and uninspired; rather fat.	А перед Конни муж начинал предстать в истинном обличье: довольно пошлый, довольно заурядный, бесталанный, пустой сердцем, но полный телом.
Ivy Bolton's tricks and humble bossiness were also only too transparent.	Уловки Айви Болтон, этой смиренной верховодки, уж слишком очевидны.
But Connie did wonder at the genuine thrill which the woman got out of Clifford.	Но Конни не могла взять в толк, что эта женщина нашла в Клиффорде, почему он приводит ее в трепет?
To say she was in love with him would be putting it wrongly.	Влюбилась? - нет, совсем не то.
She was thrilled by her contact with a man of the upper class, this titled gentleman, this author who could write books and poems, and whose photograph appeared in the illustrated newspapers.	Трепетала она от общения с благородным господином, дворянином, писателем - вон книги его рассказов и стихов, вон его фотографии в газетах.
She was thrilled to a weird passion.	Знакомство с таким человеком волновало ее, вызывало странное, почти страстное влечение.
And his 'educating' her roused in her a passion of excitement and response much deeper than any love affair could have done. In truth, the very fact that there could be no love affair left her free to thrill to her very marrow with this other passion, the peculiar passion of knowing, knowing as he knew.	А "обучение" пробудило в ней другую страсть, пылкую готовность внимать - никакая любовная связь такого не пробудит, скорее наоборот: сознание того, что любовная связь невозможна, до сладострастия обострило связь просветительскую, миссис Болтон нестерпимо хотелось разбираться во всем так же, как Клиффорд.
There was no mistake that the woman was in some way in love with him: whatever force we give to the word love.	Безусловно, в некотором смысле она была влюблена в Клиффорда - смотря что под этим подразумевать.
She looked so handsome and so young, and her grey eyes were sometimes marvellous.	Привлекательная, моложавая, серые глаза порой просто восхитительны.

At the same time, there was a lurking soft satisfaction about her, even of triumph, and private satisfaction. Ugh, that private satisfaction.	В то же время таилась в ее мягких манерах некая удовлетворенность, даже торжество, торжество победившей женщины. Да, именно женщины!
How Connie loathed it!	Сколь ненавистно было это чувство для Конни!
But no wonder Clifford was caught by the woman!	Неудивительно, что Клиффорда "заловила" именно эта женщина.
She absolutely adored him, in her persistent fashion, and put herself absolutely at his service, for him to use as he liked.	Айви Болтон буквально обожала своего хозяина, хотя и с присущей ей навязчивостью; она полностью отдала себя ему в услужение.
No wonder he was flattered!	Неудивительно, это льстило самолюбию Клиффорда.
Connie heard long conversations going	

on between the two.	Конни слышала их бесконечно долго беседы.
Or rather, it has mostly Mrs Bolton talking.	Точнее, монологи миссис Болтон.
She had unloosed to him the stream of gossip about Tevershall village.	Та выкладывала Клиффорду целый ворох деревенских слухов и сплетен.
It was more than gossip.	Нет, она не просто передавала сплетни.
It was Mrs Gaskell and George Eliot and Miss Mitford all rolled in one, with a great deal more, that these women left out.'	Она их живописала: ее рассказам позавидовали бы и госпожа Гаскелл, и Джордж Элиот, и мисс Митфорд.
Once started, Mrs Bolton was better than any book, about the lives of the people. She knew them all so intimately, and had such a peculiar, flamey zest in all their affairs, it was wonderful, if just a trifle humiliating to listen to her.	Взяв от них все лучшее, миссис Болтон добавила много своего, о чем вышеупомянутые искусные литературные дамы постеснялись бы написать. Миссис Болтон стоило только начать -увлекательнее и подробнее любой книги рассказывала она обстоятельства того или иного соседа. Даже в самом обыденном находила она "изюминку", так что слушать ее было хоть и занимательно, но чуточку стыдно.
At first she had not ventured to 'talk Tevershall', as she called it, to Clifford.	Поначалу она не отваживалась доносить до Клиффорда "деревенские суды-пересуды".
But once started, it went on.	Но стоило ей однажды отважиться, и пошло-поехало.
Clifford was listening for 'material', and he found it in plenty.	Клиффорду нужен был литературный "материал", и от миссис Болтон он получал его в избытке.
Connie realized that his so-called genius was just this: a perspicuous talent for personal gossip, clever and apparently detached.	Конни поняла, в чем заключался истинный "талант" мужа: он умел ясно и умно, как бы со стороны, представить любой малозначительный разговор.
Mrs Bolton, of course, was very warm when she 'talked Tevershall'. Carried away, in fact.	Миссис Болтон, конечно же, горячилась и кипятилась, передавая "суды-пересуды", одним словом, увлекалась.
And it was marvellous, the things that happened and that she knew about.	Поразительно - чего только не случалось в деревне; поразительно - ничто не ускользало от внимания миссис Болтон.

She would have run to dozens of volumes.	Ее историй-хватило бы на многие и многие тома.
Connie was fascinated, listening to her. But afterwards always a little ashamed. She ought not to listen with this queer rabid curiosity.	Конни слушала ее зачарованно, но потом всякий раз ей делалось стыдно: нельзя давать волю нездоровому любопытству.
After all, one may hear the most private affairs of other people, but only in a spirit of respect for the struggling, battered thing which any human soul is, and in a spirit of fine, discriminative sympathy.	О сокровенном можно слушать либо из уважения к человеческой душе, измученной бесконечной внутренней борьбой, либо из разумного сочувствия.
For even satire is a form of sympathy.	Ибо даже сатира - одно из проявлений сочувствия.
It is the way our sympathy flows and recoils that really determines our lives.	И жизнь наша течет по тому руслу, куда устремляется наше сочувствие и неприятие.
And here lies the vast importance of the novel, properly handled. It can inform and lead into new places the flow of our sympathetic consciousness, and it can lead our sympathy away in recoil from things gone dead.	Отсюда и важность искусно написанного романа: он направляет нашу сочувствующую мысль на нечто новое и незнакомое или отвращает наше сочувствие от безнадежного и губительного.
Therefore, the novel, properly handled, can reveal the most secret places of life: for it is in the passional secret places of life, above all, that the tide of sensitive awareness needs to ebb and flow, cleansing and freshening.	Искусно написанный роман откроет нам самые потаенные уголки жизни. Потому что прежде всего потаенные уголки нашей чувственной жизни должны омыться и очиститься волной чужого понимания и сочувствия.
But the novel, like gossip, can also excite spurious sympathies and recoils, mechanical and deadening to the psyche.	Но роман, подобно сплетне, может всколыхнуть такое сострадание или неприятие, которое разрушающе и умертвляюще подействует на наше сознание.
The novel can glorify the most corrupt feelings, so long as they are conventionally 'pure'.	Роман ведь может прославлять и самые низменные чувства, коль скоро они почитаются обществом "чистыми".
Then the novel, like gossip, becomes at last vicious, and, like gossip, all the more vicious because it is	Тогда роман, подобно сплетне, становится злонамеренным, даже более злонамеренным, чем

always ostensibly on the side of the angels.	клеветническая сплетня, ибо роман, предположительно, всегда защищает добро.
Mrs Bolton's gossip was always on the side of the angels. 'And he was such a bad fellow, and she was such a nice woman.'	Миссис Болтон в своих рассказах всегда защищала добро. "Он оказался недостойным человеком, ведь она такая славная".
Whereas, as Connie could see even from Mrs Bolton's gossip, the woman had been merely a mealy-mouthed sort, and the man angrily honest.	Хотя даже со слов миссис Болтон Конни поняла: женщина, о которой идет речь, из тех, кто мягко стелет, да потом жестко спать, а мужчина пусть и гневлив, но прямодушен.
But angry honesty made a 'bad man' of him, and mealy-mouthedness made a 'nice woman' of her, in the vicious, conventional channelling of sympathy by Mrs Bolton.	Но за гневное прямодушие он прослыл "недостойным", а лицемерная женщина объявлена "славной". Вот по какому злонамеренному, но обывательски привычному руслу направилось сочувствие миссис Болтон.
For this reason, the gossip was humiliating.	Оттого-то и стыдно слушать сплетни.
And for the same reason, most novels, especially popular ones, are humiliating too.	Оттого-то и стыдно читать едва ли не все романы, в особенности самые популярные.

The public responds now only to an appeal to its vices.	Читатель в наши дни откликается, лишь когда взывают к его порокам.
Nevertheless, one got a new vision of Tevershall village from Mrs Bolton's talk. A terrible, seething welter of ugly life it seemed: not at all the flat drabness it looked from outside.	Тем не менее в рассказах миссис Болтон деревня Тивершолл представала совсем в ином свете: отнюдь не скучная, сонная заводь, как казалось со стороны, а страшный водоворот роковых страстей.
Clifford of course knew by sight most of the people mentioned, Connie knew only one or two.	Клиффорд знал многих селян в лицо, Конни - лишь двоих-троих.
But it sounded really more like a Central African jungle than an English village.	Рассказы миссис Болтон, казалось, живописали не английский поселок, а африканские дебри.
'I suppose you heard as Miss Allsopp was married last week!	- Вы, конечно, уж слышали о свадьбе мисс Олсоп!
Would you ever! Miss Allsopp, old James' daughter, the boot-and-shoe Allsopp.	Надо ж! На прошлой неделе-замуж вышла. Ну, да знаете вы мисс Олсоп, дочь старика Джеймса, сапожника.
You know they built a house up at Pye Croft.	У них еще дом на Диком Поле.
The old man died last year from a fall; eighty-three, he was, an' nimble as a lad.	Так вот старик прошлой осенью помер. Восемьдесят три года, а все крутился, как молодой.
An' then he slipped on Bestwood Hill, on a slide as the lads 'ad made last winter, an' broke his thigh, and that finished him, poor old man, it did seem a shame.	А тут, надо ж, поскользнулся на бугре, что в Добролесье, - там ребятня с горки каталась - сломал ногу. Тут бедняге и конец пришел. Надо ж - такая смерть!
Well, he left all his money to Tattie: didn't leave the boys a penny.	Ну так вот, деньги он все оставил дочери, Тэтти, а сыновьям - ни гроша.
An' Tattie, I know, is five years—yes, she's fifty-three last autumn.	А Тэтти-то уж в годах, на пять лет старше... Да, ей осенью пятьдесят три стукнуло.
And you know they were such Chapel people, my word!	Они хоть все веры и сектантской, но страсть как богомольны.
She taught Sunday school for thirty years, till her father died.	Тэтти лет тридцать в воскресной школе занятия вела, покуда отец не умер.
And then she started carrying on with a fellow from Kinbrook, I don't know if you know him, an oldish fellow with a red nose, rather dandified, Willcock, as works in Harrison's woodyard.	А потом закрутила с одним мужиком из Кинбрука, может, вы и видели его: немолодой, нос такой сизый, одевается щегольски. Уилкок ему фамилия, на дровяном складе у Гаррисона работает.
Well he's sixty-five, if he's a day, yet you'd have thought they were a pair of young turtle-doves, to see them, arm in arm, and kissing at the gate: yes, an' she sitting on his knee right in the bay window on Pye Croft Road, for anybody to see.	Ему лет шестьдесят пять, не меньше, а посмотреть на них с Тэтти, ну прямо как голубки воркуют, идут под руку, расцеловываются у ворот. А то еще: она к нему на колени сядет и выставится из окна на всеобщее обозрение, а окно большое, выступом таким - это в ее доме на Диком Поле.
And he's got sons over forty: only lost his wife two years ago.	У Уилкока уж сыновьям за сорок. Сам всего два года как овдовел.

If old James Allsopp hasn't risen from his grave, it's because	Кабы мертвые могли из могил восставать, старый Джеймс Олсоп непременно б к дочери
--	---

there is no rising: for he kept her that strict!	заявился да приструнил ее - при жизни-то в строгости держал!
Now they're married and gone to live down at Kinbrook, and they say she goes round in a dressing-gown from morning to night, a veritable sight.	А вот теперь поженились. Уехали жить в Кинбрук, говорят, она с утра до ночи чуть не в ночной рубашке по дому разгуливает - вот уж пугало так пугало!
I'm sure it's awful, the way the old ones go on!	Смотреть противно, когда на старости лет такое непотребство творят.
Why they're a lot worse than the young, and a sight more disgusting.	Ей-Богу, хуже молодых!
I lay it down to the pictures, myself.	Это все кино, по-моему, виновато.
But you can't keep them away.	Но разве людей удержишь!
I was always saying: go to a good instructive film, but do for goodness sake keep away from these melodramas and love films.	Я все время говорю: надо смотреть фильмы для души полезные, и упаси Господь от всяких там мелодрам да любовных картин!
Anyhow keep the children away!	Хоть бы детей уберегли!
But there you are, grown-ups are worse than the children: and the old ones beat the band.	А вон как все оборачивается: старые хуже малых. Уму непостижимо!
Talk about morality!	Вот и говори после этого о морали!
Nobody cares a thing.	Всем наплевать.
Folks does as they like, and much better off they are for it, I must say.	Всяк живет, как вздумается. И не очень-то страдают, прямо скажу.
But they're having to draw their horns in nowadays, now th' pits are working so bad, and they haven't got the money.	Правда, сейчас безобразят меньше, на шахтах работы мало, значит, и денег в обрез.
And the grumbling they do, it's awful, especially the women.	Зато роптать стали, вот беда, причем особо стараются бабы!
The men are so good and patient! What can they do, poor chaps!	Мужики-то знай работают да терпят, что им еще, беднягам, остается!
But the women, oh, they do carry on!	А вот бабы прямо из кожи лезут вон.
They go and show off, giving contributions for a wedding present for Princess Mary, and then when they see all the grand things that's been given, they simply rave: who's she, any better than anybody else! Why doesn't Swan & Edgar give me one fur coat, instead of giving her six.	Сначала пускают пыль в глаза, жертвуют деньги на свадебный подарок принцессы Марии, а потом видят, что ей досталось, и с зависти чуть не бесятся: "Ишь, ей меховщики шесть шуб отвалили! Лучше б мне одну!
I wish I'd kept my ten shillings!	И зачем я только десять шиллингов отдала!
What's she going to give me, I should like to know?	Небось от принцессы и гроша не дождешься!
Here I can't get a new spring coat, my dad's working that bad, and she gets van-loads.	Я плаща купить не в состоянии, мой старик крохи домой приносит, а этой крале, вишь, вагонами добро отгружают.

It's time as poor folks had some money to spend, rich ones 'as 'ad it long enough.	Пора б и нам, беднякам, денжатки иметь, хватит богачам роскошествовать.
I want a new spring coat, I do, an' wheer am I going to get it?	Стыдоба - мне на плащ денег не скопить!" "Будет вам! - говорю.
I say to them, be thankful you're well fed and well clothed, without all the new finery you want!	- Скажите спасибо, что сыты и одеты, и без обновки проживете!"
And they fly back at me: "Why isn't Princess Mary thankful to go about in her old rags, then, an' have nothing!	Тут уж все разом - на меня. "А-а! Небось принцесса Мария в обносках ходить, да при этом еще и судьбу благодарить не станет, а нам, значит, шиш?
Folks like her get van-loads, an' I can't have a new spring coat.	Таким, как она, вагоны шмоток, а мне и плаща купить не на что!
It's a damned shame.	Стыд и срам!
Princess!	Подумаешь, принцесса!
Bloomin' rot about Princess!	Цветет и пахнет!
It's munney as matters, an' cos she's got lots, they give her more!	Дело все в ее деньгах. А их у нее куры не клюют: а деньги, как известно, к деньгам идут.
Nobody's givin' me any, an' I've as much right as anybody else.	Вот мне почему-то никто и гроша не подаст, а чем я хуже!
Don't talk to me about education.	Только про образованность не заводите!
It's munney as matters.	Не в этом дело, а в деньгах.

I want a new spring coat, I do, an' I shan't get it, cos there's no munney..."	Мне вот позарез плащ нужен, а не купить - денег нет".
That's all they care about, clothes.	Только о тряпках и думают.
They think nothing of giving seven or eight guineas for a winter coat—colliers' daughters, mind you—and two guineas for a child's summer hat.	Не задумываясь, за зимнее пальто семь, а то и восемь гиней выложат, - это шахтерские-то дочери, прошу не забывать. За летнюю детскую шляпку - двух гиней не пожалеют!
And then they go to the Primitive Chapel in their two-guinea hat, girls as would have been proud of a three-and-sixpenny one in my day.	Нарядятся и идут в церковь. В мое-то время девчонки и дешевым шляпкам были рады-радешеньки.
I heard that at the Primitive Methodist anniversary this year, when they have a built-up platform for the Sunday School children, like a grandstand going almost up to th' ceiling, I heard Miss Thompson, who has the first class of girls in the Sunday School, say there'd be over a thousand pounds in new Sunday clothes sitting on that platform!	Они там в своей методистской церкви праздник какой-то справляли, так для ребятишек, что в воскресную школу ходят, помост поставили, огромный, чуть не до потолка. И я собственными ушами слышала, как мисс Томпсон - она занимается с девочками-первогодками - сказала, что там нарядов на детишках не меньше, чем на тысячу фунтов!
And times are what they are!	Такое уж наше время!
But you can't stop them.	Его вспять не повернешь.
They're mad for clothes.	У всех на уме - одни только тряпки.
And boys the same.	Что у девчонок, что у мальчишек.

The lads spend every penny on themselves, clothes, smoking, drinking in the Miners' Welfare, jaunting off to Sheffield two or three times a week.	Парни тоже каждый грош на себя тратят: одежда, курево, выпивка в шахтерском клубе, поездки в Шеффилд по два раза в неделю.
Why, it's another world.	Нет, жизнь стала совсем иной.
And they fear nothing, and they respect nothing, the young don't.	Молодые ничего не боятся, никого не почитают.
The older men are that patient and good, really, they let the women take everything.	Кто постарше, те поспокойнее, подобрее, умеют женщине уступить, лучшее отдать.
And this is what it leads to.	До добра это, правда, тоже не доводит.
The women are positive demons.	Женщины - сущие ангелы с рожками!
But the lads aren't like their dads.	А молодые парни в отцов своих не пошли.
They're sacrificing nothing, they aren't: they're all for self.	Ничем не поступятся, не пожертвуют, ни-ни. Все только для себя.
If you tell them they ought to be putting a bit by, for a home, they say: That'll keep, that will, I'm goin' t' enjoy myself while I can.	Скажешь им: "Не трать все деньги, подумай о доме!" А они: "Успеется! А пока молод, нужно веселиться!"
Owt else'll keep!	Остальное подождет!"
Oh, they're rough an' selfish, if you like.	Да, молодежь нынешняя и груба, и себялюбива, знаете ли.
Everything falls on the older men, an' it's a bad outlook all round.'	Все заботы на старших перекадывают. Куда ни посмотри - срамота одна.
Clifford began to get a new idea of his own village.	И Клиффорду совершенно по-новому представился шахтерский поселок.
The place had always frightened him, but he had thought it more or less stable.	Он всегда побаивался тамошнего люда, но полагал, что живут они тихо и спокойно.
Now—? 'Is there much Socialism, Bolshevism, among the people?' he asked.	- И что же, расхожи ли среди них социалистические или большевистские веяния?- спросил он.
'Oh!' said Mrs Bolton, 'you hear a few loud-mouthed ones.	- Не без этого! Послушали б вы местных горлодеров.
But they're mostly women who've got into debt.	Правда, больше всего опять-таки бабы надрываются, из тех, кто по уши в долгах.
The men take no notice.	Мужики их и не слушают.
I don't believe you'll ever turn our Tevershall men into reds.	Нет, наш Тивершолл красным никогда не станет.
They're too decent for that.	Тихий у нас народ, скромный.
But the young ones blether sometimes.	Иной раз какой смутьян из молодых высунется.
Not that they care for it really. They only want a bit of money in their pocket, to spend at the	Да и то, не из-за политики, а ради собственного кармана, чтоб заработать побольше да тут же спустить на выпивку,

Welfare, or go gadding to Sheffield. That's all they care.	да чтоб в Шеффилд лишний раз съездить. Больше им и не нужно ничего.
When they've got no money, they'll listen to the reds spouting.	Как в карманах пусто, тут и начинают слушать красных пустобрехов.

But nobody believes in it, really.'	Но всерьез им никто не верит.
'So you think there's no danger?'	- Значит, вы полагаете, опасности нет?
Oh no!	- Никакой!
Not if trade was good, there wouldn't be.	Если жизнь хорошая, смуты не будет.
But if things were bad for a long spell, the young ones might go funny.	А уж если надолго черная полоса затянется, молодежь может и взбрыкнуть.
I tell you, they're a selfish, spoilt lot.	Говорю вам, эти баловни только себя любят.
But I don't see how they'd ever do anything. They aren't ever serious about anything, except showing off on motor-bikes and dancing at the Palais-de-danse in Sheffield. You can't make them serious.	Но, право, даже не представляю, способны ли они на что-нибудь, разве что гонять на мотоциклах да с девицами в Шеффилде на танцульки ходить. Они всерьез ни к чему не относятся. И не заставишь их никак.
The serious ones dress up in evening clothes and go off to the Pally to show off before a lot of girls and dance these new Charlestons and what not.	Те, кто посолиднее, надевают вечерние костюмы и едут в Шеффилд, покрасоваться перед девушками в танцзале, потанцевать всякие там новомодные чарльстоны.
I'm sure sometimes the bus'll be full of young fellows in evening suits, collier lads, off to the Pally: let alone those that have gone with their girls in motors or on motor-bikes.	Иной раз автобус полнехонек: парни все приодеты, наши, шахтерские парни, в танцзал торопятся. А сколько с девицами в своих машинах да на мотоциклах в Шеффилд катят!
They don't give a serious thought to a thing—save Doncaster races, and the Derby: for they all of them bet on every race.	И ничто в жизни их больше не волнует. Разве что скачки в Донкастере и Дерби, ведь они делают ставки на каждый заезд.
And football!	Ах да, еще футбол забыла!
But even football's not what it was, not by a long chalk.	Хотя нынче и футбол не тот, что раньше, не сравнить!
It's too much like hard work, they say.	Теперь на поле не играют, а словно в забое трудятся.
No, they'd rather be off on motor-bikes to Sheffield or Nottingham, Saturday afternoons.'	Нет, молодежь скорее в Шеффилд или Ноттингем на мотоциклах рванет в субботу вечером.
'But what do they do when they get there?'	- Но что они там делают?
Oh, hang around—and have tea in some fine tea-place like the Mikado—and go to the Pally or the pictures or the Empire, with some girl.	- Так, слоняются по городу, чаи распивают в модных кафе, вроде "Микадо", в танцзале торчат или в кино.
The girls are as free as the lads. They do just what they like.'	А уж девчонки-то нынешние похлеще парней, ничего не стесняются, что хотят, то и воротят.
'And what do they do when they haven't the money for these things?'	- Ну, хорошо, а что им делать, если денег нет?
'They seem to get it, somehow.	- Деньжонки-то у них водятся.
And they begin talking nasty then.	Это уж когда все спустят, тогда роптать начинают.

But I don't see how you're going to get bolshevism, when all the lads want is just money to enjoy themselves, and the girls the same, with fine clothes: and they don't care about another thing.	Но куда им до большевиков! Нашим-то ребятам только деньги на развлечения подавай, девчонкам тоже - деньги да тряпки. А больше ни о чем и заботы нет.
They haven't the brains to be socialists.	Мозгов маловато, чтоб в социалисты податься.
They haven't enough seriousness to take anything really serious, and they never will have.'	Да и всерьез они ничего на свете не принимают и вовек не примут.
Connie thought, how extremely like all the rest of the classes the lower classes sounded.	Конни мысленно подивилась: до чего ж люд неимущий похож на "сильных мира сего".
Just the same thing over again, Tevershall or Mayfair or Kensington.	Одно и то же. И в Тивершолле, и в Мейфэре, и в Кенсингтоне люди одинаковы.
There was only one class nowadays: moneyboys.	Все сословия слились, объединились в погоне за деньгами.
The moneyboy and the moneygirl, the only difference was how much you'd got, and how much you wanted.	И в гонке этой и девушки, и юноши. Отличают их лишь достаток и аппетиты.

Under Mrs Bolton's influence, Clifford began to take a new interest in the mines.	Под влиянием миссис Болтон у Клиффорда вновь проснулся интерес к собственным шахтам.
He began to feel he belonged.	Он, наконец, почувствовал свою причастность.
A new sort of self-assertion came into him.	Более того - свою необходимость и важность.
After all, he was the real boss in Tevershall, he was really the pits.	Ведь, в конце концов, кто, как не он, хозяин в Тивершолле, и шахты - его плоть и кровь.
It was a new sense of power, something he had till now shrunk from with dread.	Сознание своего могущества было внове, до сих пор Клиффорд страшился этого чувства.
Tevershall pits were running thin.	Тивершолльские рудники почти что выработаны.
There were only two collieries: Tevershall itself, and New London.	Шахт, по сути, оставалось две: собственно "Тивершолл" и "Новый Лондон".
Tevershall had once been a famous mine, and had made famous money.	Некогда "Тивершолльская" славилась и углем, и прибылью.
But its best days were over.	Но золотые деньки миновали.
New London was never very rich, and in ordinary times just got along decently.	"Ново-Лондонская" изначально была скромнее, ни обычно убытка не приносила.
But now times were bad, and it was pits like New London that got left.	Сейчас настали времена необычные, худые, и с "Ново-Лондонской" народ начал уходить.
There's a lot of Tevershall men left and gone to Stacks Gate and Whiteover,' said Mrs Bolton. 'You've not seen the new works at Stacks Gate, opened after the war, have you, Sir Clifford?	Миссис Болтон оказалась в курсе и этих дел. - С "Тивершолла" народ на соседние шахты бежит. Вы ведь, сэр Клиффорд, не видели "Отвальную", после войны ее заново открыли.
Oh, you must go one day, they're something quite new: great big chemical works at the pit-head, doesn't look a bit like a colliery.	Непременно съездите, посмотрите. Не узнать, все переделали: прямо у копра химический завод построили. "Отвальная" теперь и на шахту-то не похожа.

They say they get more money out of the chemical by-products than out of the coal—I forget what it is.	Говорят, не столько уголь приносит прибыль, сколько отходы, что на химическом заводе перерабатывают... как их? Ой, забыла.
And the grand new houses for the men, fair mansions! of course it's brought a lot of riff-raff from all over the country.	А какие рабочим дома построили! Ну, ровно городские. Не мудрено, что со всей страны туда всякий сброд потянулся.
But a lot of Tevershall men got on there, and doin' well, a lot better than our own men.	И от нас с "Тивершолла" кое-кто к ним перешел, теперь лучше наших живут.
They say Tevershall's done, finished: only a question of a few more years, and it'll have to shut down.	Говорят, "Тивершолл" последние деньки доживает, год-другой, и закроют.
And New London'll go first.	А "Новый Лондон" и того не протянет.
My word, won't it be funny when there's no Tevershall pit working.	Господи, в голове не укладывается, что наша шахта работать перестанет.
It's bad enough during a strike, but my word, if it closes for good, it'll be like the end of the world.	Даже когда в забастовки работа стала, и то не по себе. А если уж навсегда закроют - считай, конец света.
Even when I was a girl it was the best pit in the country, and a man counted himself lucky if he could on here. Oh, there's been some money made in Tevershall.	Я еще под стол пешком ходила, а "Тивершолльская" уже лучшей шахтой в стране считалась, счастливицам, кто там работает, завидовали.
And now the men say it's a sinking ship, and it's time they all got out.	А теперь шахтеры говорят, это-де тонущий корабль, пора деру давать.
Doesn't it sound awful!	Уши б мои не слышали!
But of course there's a lot as'll never go till they have to.	Большинство, правда, останется на шахте, покуда есть работа.
They don't like these new fangled mines, such a depth, and all machinery to work them. Some of them simply dreads those iron men, as they call them, those machines for hewing the coal, where men always did it before. And they say it's wasteful as well.	Новые-то шахты людям не очень по душе: больно глубоки, да и машин всяких слишком много, шахтеры их "железными забойщиками" называют и даже побаиваются: всю жизнь люди уголек рубили, а теперь нате вам - машины! Да и ворчат шахтеры, дескать, в отход больше угля идет.
But what goes in waste is saved in wages, and a lot more.	А платят только за то, что на-гора выдают, в общем, многие недовольны.
It seems soon there'll be no use for men on the face of the earth, it'll be all machines.	Говорят, скоро людям и работы-то не останется, все машины заполнят.

But they say that's what folks said when they had to give up the old stocking frames.	Но ведь и раньше такое говорили, еще когда со старыми ткацкими станками расставались.
I can remember one or two.	Я их еще застала.
But my word, the more machines, the more people, that's what it looks like!	Но по мне, так чем больше машин, тем больше людей занято.
They say you can't get the same chemicals out of Tevershall coal as you can out of Stacks Gate, and that's funny, they're not three miles apart.	Говорят еще, вроде и отходы нашего угля не те, что в "Отвальонной", для химии не годятся. Непонятно, ведь шахты в трех милях друг от друга, и того не будет.

But they say so.	Однако ж так говорят.
But everybody says it's a shame something can't be started, to keep the men going a bit better, and employ the girls.	И почти все возмущаются, почему шахтерам условия не улучшают, почему девушек на работу не берут.
All the girls traipsing off to Sheffield every day!	А то приходится бедняжкам в Шеффилд каждый день мотаться.
My word, it would be something to talk about if Tevershall Collieries took a new lease of life, after everybody saying they're finished, and a sinking ship, and the men ought to leave them like rats leave a sinking ship.	Вот бы разговоров было, случись "Тивершоллу" возродиться! Прикусили б язычки те, кто каркал, что шахту закроют, что это тонущий корабль, с которого людям, как крысам, пора бежать.
But folks talk so much, of course there was a boom during the war.	Да мало ли разговоров всяких. Понятно, во время войны дело процветало.
When Sir Geoffrey made a trust of himself and got the money safe for ever, somehow.	Сэр Джеффри стал жить на проценты со своего капитала - доход верный и риска нет. Умно поступил.
So they say!	Так всем казалось.
But they say even the masters and the owners don't get much out of it now.	Но сейчас люди видят: не очень-то большой доход хозяева получают.
You can hardly believe it, can you!	Это надо ж!
Why I always thought the pits would go on for ever and ever.	Ведь и я думала раньше, что наши шахты - на века, на долгие-долгие века.
Who'd have thought, when I was a girl!	Я тогда девчонкой была. Кто бы подумал, что все так обернется!
But New England's shut down, so is Colwick Wood: yes, it's fair haunting to go through that coppy and see Colwick Wood standing there deserted among the trees, and bushes growing up all over the pit-head, and the lines red rusty.	Но вот закрыли и "Новую Англию", и "Лесную". Страшно смотреть: стоит запустелая шахта среди леса, копер зарос бурьяном, подъездные пути заржавели.
It's like death itself, a dead colliery.	Мертвая шахта, сама словно смерть.
Why, whatever should we do if Tevershall shut down—?	Что же делать, коли закроют "Тивершолльскую"?
It doesn't bear thinking of.	Даже подумать страшно.
Always that throng it's been, except at strikes, and even then the fan-wheels didn't stand, except when they fetched the ponies up.	Тут всегда шум, суета, полно людей, если, конечно, не забастовка. Да и в забастовку вентиляторы работали - пони в забое ходили по кругу, крутили колесо, их не всякий раз наверх поднимали.
I'm sure it's a funny world, you don't know where you are from year to year, you really don't.'	Господи, до чего ж чудная жизнь, катимся, катимся, а куда - сами не знаем.
It was Mrs Bolton's talk that really put a new fight into Clifford.	Именно миссис Болтон своими рассказами и заронила семя новой борьбы в душу Клиффорда.
His income, as she pointed out to him, was secure, from his father's trust, even though it was not large.	Доход его, стараниями отца, и впрямь был верный, хоть и небольшой.
The pits did not really concern him.	А шахтами Клиффорд не интересовался.

It was the other world he wanted to capture, the world of literature and fame; the popular world, not the working world.	Ведь он тшился покорить иной мир: мир литературы и славы. Его манил мир маститых, а не мир мастеровых.
Now he realized the distinction between popular success and working success: the populace of pleasure and the populace of work.	И в том, и в другом мире можно достичь успеха, но разница очевидна: в одном - люд праздный, в другом - рабочий.

He, as a private individual, had been catering with his stories for the populace of pleasure.	Клиффорд, как кустарь-одиночка, рассказами своими потрафлял люду праздному.
And he had caught on.	И пришелся ко двору.
But beneath the populace of pleasure lay the populace of work, grim, grimy, and rather terrible.	Но за тонкой прослойкой праздного люда лежал другой слой - люда рабочего - грязный, мрачный, даже пугающий.
They too had to have their providers. And it was a much grimmer business, providing for the populace of work, than for the populace of pleasure.	Должны же быть и желающие позаботиться и о них, хотя делать это еще отвратительнее, чем ублажать избранных.
While he was doing his stories, and 'getting on' in the world, Tevershall was going to the wall.	Пока Клиффорд писал рассказы и благоденствовал, Тивершолл медленно умирал.
He realized now that the bitch-goddess of Success had two main appetites: one for flattery, adulation, stroking and tickling such as writers and artists gave her; but the other a grimmer appetite for meat and bones.	Удаче - этой прожорливой Вертихвостке - мало лести, обожания, игривой ласки, расточаемой писателями и художниками. Ей подавай что посущественней - плоть и кровь.
And the meat and bones for the bitch-goddess were provided by the men who made money in industry.	И поставщики находились среди тех, кто делал деньги в промышленности.
Yes, there were two great groups of dogs wrangling for the bitch-goddess: the group of the flatterers, those who offered her amusement, stories, films, plays: and the other, much less showy, much more savage breed, those who gave her meat, the real substance of money.	Да, паскудницы-Вертихвостки домогались две большие стаи псов: одни виляли хвостами, заискивали, предлагая развлечения, рассказы, фильмы, пьесы; другие - не столь бесстыжие на вид, но куда более страшные по сути -поставляли ей плоть и кровь - из этого "сырья" и делаются деньги.
The well-groomed showy dogs of amusement wrangled and snarled among themselves for the favours of the bitch-goddess.	Благовоспитанные псы-затейники отчаянно грызлись меж собой за расположение царственной Удачи.
But it was nothing to the silent fight-to-the-death that went on among the indispensables, the bone-bringers.	Но что их грызня по сравнению с тихой, смертельной схваткой меж теми, кто потчевал Великую Вертихвостку насущным, то бишь плотью и кровью.
But under Mrs Bolton's influence, Clifford was tempted to enter this other fight, to capture the bitch-goddess by brute means of industrial production.	Под влиянием миссис Болтон Клиффорд поддался искушению и сам ввязался в эту борьбу, пытаясь овладеть Удачей грубой силой (то бишь силой промышленной).
Somehow, he got his pecker up.	Даже настроение поднялось.
In one way, Mrs Bolton made a man of him, as Connie never did.	В каком-то смысле миссис Болтон сделала из него мужчину - жене это так и не удалось.

Connie kept him apart, and made him sensitive and conscious of himself and his own states.	Конни по-прежнему держалась в отдалении, тем самым задевая тончайшие струнки его души. Напоминая о его неполноценности.
Mrs Bolton made hint aware only of outside things.	Миссис Болтон же напоминала ему лишь о заботах телесных.
Inwardly he began to go soft as pulp.	И душа его обмякла и раскиселилась.
But outwardly he began to be effective.	Зато разум и тело изготавились действовать.
He even roused himself to go to the mines once more: and when he was there, he went down in a tub, and in a tub he was hauled out into the workings.	Он даже заставил себя еще раз посетить шахты. Его посадили в вагонетку и опустили. Так и провезли по всему забою.
Things he had learned before the war, and seemed utterly to have forgotten, now came back to him.	Ему стало вспоминаться выученное еще до войны и, казалось, безвозвратно забытое горное дело.
He sat there, crippled, in a tub, with the underground manager showing him the seam with a powerful torch.	Недвижно сидел он в забое, и управляющий ярким лучом электрического фонаря высвечивал пласт за пластом.
And he said little. But his mind began to work.	Хозяин говорил мало, но мысль работала напряженно.
He began to read again his technical works on the coal-mining industry, he studied the government reports, and he read with care the latest things on mining and the chemistry of coal and of shale which were written in German.	Он снова взялся за книги по угледобыче, изучал министерские сводки, знакомился с новейшими методами добычи угля и сланцев - в основном по немецким источникам.
Of course the most valuable discoveries were kept secret as far as possible.	Разумеется, самые ценные новшества, покуда можно, держали в секрете.

But once you started a sort of research in the field of coal-mining, a study of methods and means, a study of by-products and the chemical possibilities of coal, it was astounding the ingenuity and the almost uncanny cleverness of the modern technical mind, as if really the devil himself had lent fiend's wits to the technical scientists of industry.	Стоит заняться изучением горного дела, изучением самого угля, его отходов, их применения в химической промышленности, как диву даешься: до чего ж преуспела современная техническая мысль, сколь, нечеловечески она изощрилась, словно дьявол наделил ученых и инженеров сверхъестественным разумом.
It was far more interesting than art, than literature, poor emotional half-witted stuff, was this technical science of industry.	Куда там искусству или литературе, где все зиждется на убогих, глупых чувствах, - техническая промышленная наука несравнимо интереснее.
In this field, men were like gods, or demons, inspired to discoveries, and fighting to carry them out.	В этой сфере мужчины точно боги (или демоны!), они подвигаются на открытия, они отстаивают их в борьбе.
In this activity, men were beyond any mental age calculable.	И на этом поприще мудрость мужчин не измерить и веками.
But Clifford knew that when it did come to the emotional and human life, these self-made men were of a mental age of about thirteen, feeble boys.	Но Клиффорд знал, что стоит таким "мудрецам" окунуться в мир человеческих чувств, и мудрости у них окажется не больше, чем у подростка.
The discrepancy was enormous and appalling. But let that be.	Какое великое и чудовищное противоречие! Но так устроена жизнь.

Let man slide down to general idiocy in the emotional and human mind, Clifford did not care.	Видно, суждено человеку скатиться до полного идиотизма в чувственном, "человеческом" восприятии. Впрочем, Клиффорда это не волновало.
Let all that go hang.	Пусть себе катится.
He was interested in the technicalities of modern coal-mining, and in pulling Tevershall out of the hole.	Его занимала технология современной угледобычи - необходимо вытащить Тивершолл из беды.
He went down to the pit day after day, he studied, he put the general manager, and the overhead manager, and the underground manager, and the engineers through a mill they had never dreamed of.	День за днем он ездил на шахту и изучал положение дел: У управляющих - как наземными, так и подземными работами, - у инженеров забот прибавилось стократ. Такого они и вообразить не могли.
Power!	Власть!
He felt a new sense of power flowing through him: power over all these men, over the hundreds and hundreds of colliers.	Клиффорд упивался ее живительными соками: все эти люди, сотни и сотни шахтеров в его власти!
He was finding out: and he was getting things into his grip.	Интересуясь делами, он мало-помалу брал бразды правления в свои руки.
And he seemed verily to be re-born.	Воистину, он словно заново родился.
Now life came into him!	Только сейчас почувствовал он жизнь!
He had been gradually dying, with Connie, in the isolated private life of the artist and the conscious being.	Раньше, уединившись с Конни в маленьком мирке своего таланта и своего разума, он медленно умирал.
Now let all that go. Let it sleep.	Теперь с этим покончено! Хватит!
He simply felt life rush into him out of the coal, out of the pit.	Из глубин забоя, от угольных пластов на него повеяло жизнью.
The very stale air of the colliery was better than oxygen to him. It gave him a sense of power, power.	Спертый воздух подземелья оказался для него живительнее кислорода, ибо принес ощущение власти! Власти!
He was doing something: and he was going to do something.	Значит, он еще на что-то способен. А сколько ждет впереди!
He was going to win, to win: not as he had won with his stories, mere publicity, amid a whole sapping of energy and malice.	Сколько побед, да, побед! Их не сравнить с победами литературными; те принесли лишь известность среди людей, увядших от собственной несостоятельности и злобы.
But a man's victory.	Его ждет победа, достойная настоящего мужчины!
At first he thought the solution lay in electricity: convert the coal into electric power.	Поначалу он искал панацею в электричестве: хотел всю энергию угля преобразовать в электрическую.
Then a new idea came.	Потом пришла новая мысль.
The Germans invented a new locomotive engine with a self feeder, that did not need a fireman.	Немцы изобрели новый паровоз, в котором топливо, подавалось автоматически и кочегар был не нужен.

And it was to be fed with a new fuel, that burnt in small quantities at a great heat, under peculiar conditions.	Требовалось и новое топливо: малыми порциями оно сгорало при высокой температуре с соблюдением особых условий.
The idea of a new concentrated fuel that burnt with a hard slowness at a fierce heat was what first attracted Clifford.	Клиффорда привлекла мысль о новом, концентрированном топливе, которое бы сгорало медленно, несмотря на ужасающую температуру.
There must be some sort of external stimulus of the burning of such fuel, not merely air supply.	Кроме воздушного поддува нужно еще какое-то внешнее условие, способствующее горению.
He began to experiment, and got a clever young fellow, who had proved brilliant in chemistry, to help him.	И Клиффорд решил провести опыты, нанял себе в помощь толкового молодого химика.
And he felt triumphant.	В душе Клиффорд ликовал.
He had at last got out of himself.	Наконец-то ему удалось вырваться за пределы своих весьма ограниченных возможностей.
He had fulfilled his life-long secret yearning to get out of himself.	Всю жизнь он втайне мечтал об этом.
Art had not done it for him.	Искусство ему не помогло.
Art had only made it worse.	Скорее, напротив, усугубило его состояние.
But now, now he had done it.	И вот теперь, только теперь его мечта сбылась.
He was not aware how much Mrs Bolton was behind him.	Он не понимал, что за его решением стоит миссис Болтон.
He did not know how much he depended on her.	Он не задумывался, насколько зависит от нее.
But for all that, it was evident that when he was with her his voice dropped to an easy rhythm of intimacy, almost a trifle vulgar.	И тем не менее было заметно, что в ее присутствии менялась даже его речь, делалась легкой и задушевной, даже чуточку запанибрата.
With Connie, he was a little stiff.	С Конни он держался суховато.
He felt he owed her everything, and he showed her the utmost respect and consideration, so long as she gave him mere outward respect.	Он понимал, что обязан ей в жизни всем, всем, и выказывал величайшее уважение и предупредительность, получая взамен лишь ни к чему не обязывающее внимание.
But it was obvious he had a secret dread of her.	Но было ясно: в глубине души он боится ее.
The new Achilles in hint had a heel, and in this heel the woman, the woman like Connie, his wife, could lame him fatally.	Он хоть и почувствовал в себе ахилловы силы, все ж ахиллесова пята оказалась и у него. И сразить его могла женщина - собственная жена, Конни.
He went in a certain half-subservient dread of her, and was extremely nice to her.	У него зародился какой-то почти рабский страх перед ней, и он вел себя предельно учтиво.
But his voice was a little tense when he spoke to her, and he began to be silent whenever she was present.	Но голос у него чуть напрягался, когда он заговаривал с женой, а часто он и вовсе молчал в ее присутствии.
Only when he was alone with Mrs Bolton did he really feel a lord and a master, and his voice ran on with her almost as easily and garrulously as her own could run.	Только оставаясь наедине с миссис Болтон, чувствовал он себя властителем и хозяином, речь лилась легко и охотно, как и у самой миссис Болтон.

And he let her shave him or sponge all his body as if he were a child, really as if he were a child.	Он позволял ей и брить-себя, и точно малому дитяти обтирать тело мокрой губкой.
Chapter 10	10
Connie was a good deal alone now, fewer people came to Wragby.	Теперь Конни часто оставалась одна, гости заезжали в Урагби реже.
Clifford no longer wanted them.	Клиффорду они больше не нужны.
He had turned against even the cronies. He was queer. He preferred the radio, which he had installed at some expense, with a good deal of success at last. He could sometimes get Madrid or Frankfurt, even there in the uneasy Midlands.	Даже своих закадычных друзей он не жаловал вниманием - сделался странным, предпочитая общество радиоприемника - дорогой забавы по тем временам, - и не без успеха: даже здесь, в беспокойном сердце Англии, ему порой удавалось слушать Мадрид или Франкфурт.
And he would sit alone for hours listening to the loudspeaker bellowing forth.	Часами просиживал он в одиночестве перед истошным громкоговорителем.
It amazed and stunned Connie. But there he	

would sit, with a blank entranced expression on his face, like a person losing his mind, and listen, or seem to listen, to the unspeakable thing.	Конни лишь ошеломленно взирала, как муж с отрешенным и зачарованным лицом маньяка сидит перед приемником и вожаденно приемлет.
Was he really listening?	Впрочем, вслушивался ли?
Or was it a sort of soporific he took, whilst something else worked on underneath in him?	Или, может, сидел в трансе, а в голове свершалась напряженная работа.
Connie did now know.	Конни не знала наверное.
She fled up to her room, or out of doors to the wood.	В такие часы она затворялась у себя в комнате или убегала в лес.
A kind of terror filled her sometimes, a terror of the incipient insanity of the whole civilized species.	Порой ее охватывал ужас: все разумные существа на белом свете мало-помалу впадают в безумие.
But now that Clifford was drifting off to this other weirdness of industrial activity, becoming almost a creature, with a hard, efficient shell of an exterior and a pulpy interior, one of the amazing crabs and lobsters of the modern, industrial and financial world, invertebrates of the crustacean order, with shells of steel, like machines, and inner bodies of soft pulp, Connie herself was really completely stranded.	Да, Клиффорд отдалялся все больше, поглощенный новой причудой - он вознамерился стать промышленником. И из существа разумного превращался едва ли не в тварь, с твердым панцирем и железным нутром, в этакого рака или краба, коих наплодил современный промышленный и финансовый мир, удивительнейших представителей семейства беспозвоночных. Прочные, будто из стали, панцири - как кожухи станков - и студенистое тело. Конни не видела для себя никакого выхода.
She was not even free, for Clifford must have her there.	Клиффорд отказывал ей даже в свободе, требуя, чтоб она постоянно была рядом.
He seemed to have a nervous terror that she should leave him.	От страшной мысли, что жена может уйти, его била дрожь.

The curious pulpy part of him, the emotional and humanly-individual part, depended on her with terror, like a child, almost like an idiot.	Все его на удивление рыхлое бесхребетное естество, все чувственное начало, вся его человеческая суть целиком и полностью зависела от Конни - так чудовищно беспомощен бывает ребенок или умственно неполноценный.
She must be there, there at Wragby, a Lady Chatterley, his wife.	И потому ее место только в Рагби; в усадьбе должна быть хозяйка, а у Клиффорда - жена.
Otherwise he would be lost like an idiot on a moor.	Иначе он пропадет, как недоумок в болоте.
This amazing dependence Connie realized with a sort of horror.	Конни почуяла эту удивительную зависимость и исполнилась ужаса.
She heard him with his pit managers, with the members of his Board, with young scientists, and she was amazed at his shrewd insight into things, his power, his uncanny material power over what is called practical men.	Она слышала, как он разговаривал с управляющими на шахтах, в совете директоров, с молодыми учеными; поразительно, как вникал Клиффорд в суть дела, как пользовался властью, а власть у него над деловыми людьми была прямо колдовская.
He had become a practical man himself and an amazingly astute and powerful one, a master.	Он и сам превратился в делового человека, точнее в хитроумного дельца, в могущественного хозяина.
Connie attributed it to Mrs Bolton's influence upon him, just at the crisis in his life.	Конни считала, что превращением этим он обязан миссис Болтон - она оказалась рядом с Клиффордом в очень трудное для него переломное время.
But this astute and practical man was almost an idiot when left alone to his own emotional life. He worshipped Connie. She was his wife, a higher being, and he worshipped her with a queer, craven idolatry, like a savage, a worship based on enormous fear, and even hate of the power of the idol, the dread idol.	Но куда исчезала его хитрость, его практичный ум, когда он оставался наедине со своими чувствами? Клиффорд делался недоумком, боготворившим жену, почитавшим ее за высшее существо - так поклоняется божеству дикарь-язычник, поклоняется, трепеща от страха, ненавидя своего идола за всемогущество. Идолище страха.
All he wanted was for Connie to swear, to swear not to leave him, not to give him away.	И от Конни он хотел лишь одного -клятвенного обещания не оставлять его, не предавать.
'Clifford,' she said to him—but this was after she had the key to the hut—'Would you really like me to have a child one day?'	- Послушай, Клиффорд, - обратилась она к нему как-то (в то время у нее уже был ключ от сторожки), - а ты и впрямь хочешь, чтоб я в один прекрасный день родила?
He looked at her with a furtive apprehension in his rather prominent pale eyes.	Он пристально посмотрел на нее: в голубых, навывкате глазах мелькнула затаенная тревога.
'I shouldn't mind, if it made no difference between us,' he said.	- Я был бы не против, коль скоро это вреда не принесет.

'No difference to what?' she asked.	- Какого вреда?
To you and me; to our love for one another.	- Вреда нашим отношениям, вреда нашей любви.
If it's going to affect that, then I'm all against it.	А если ребенок принесет раздор, то буду решительно возражать!

Why, I might even one day have a child of my own!	И потом, не исключено, что со временем у нас и свой ребенок появится.
She looked at him in amazement.	Конни ошеломленно воззрилась на него.
'I mean, it might come back to me one of these days.'	- То есть, - поправился он, - возможно, скоро ко мне вернутся силы.
She still stared in amazement, and he was uncomfortable.	Конни все смотрела на мужа, тому даже стало неловко.
'So you would not like it if I had a child?' she said.	- Значит, ты все-таки не хочешь, чтобы я родила?- проговорила она наконец.
'I tell you,' he replied quickly, like a cornered dog, 'I am quite willing, provided it doesn't touch your love for me.'	- Повторяю, - тут же отозвался он (так сразу взлаивает собака, чуя беду). - Я очень хочу ребенка, лишь бы не пострадала наша любовь.
If it would touch that, I am dead against it.'	А если пострадает, то убей меня, я против.
Connie could only be silent in cold fear and contempt.	Что возразить? У Конни стыла душа от страха и презрения.
Such talk was really the gabbling of an idiot.	Мужнины слова - ровно лепет идиота.
He no longer knew what he was talking about.	Он сам не понимает, что говорит.
'Oh, it wouldn't make any difference to my feeling for you,' she said, with a certain sarcasm.	- Не беспокойся, мои чувства к тебе не изменятся,- сказала она не без яда.
'There!' he said. 'That is the point!'	- Ну, вот и ладно! Это самое главное! -воскликнул он.
In that case I don't mind in the least.	- В таком случае я не возражаю.
I mean it would be awfully nice to have a child running about the house, and feel one was building up a future for it.	Наоборот: очень даже мило слышать, как по дому топчет малыш, сознавать ответственность за его будущее.
I should have something to strive for then, and I should know it was your child, shouldn't I, dear?	Родишь ребенка, дорогая, и, согласишься, у меня появится цель в жизни.
And it would seem just the same as my own.	А твой ребенок - все равно что мой собственный.
Because it is you who count in these matters.	Ибо кто, как не мать, дает жизнь?!
You know that, don't you, dear?	Ты-то, я надеюсь, это понимаешь.
I don't enter, I am a cypher.	А меня вообще можно сбросить со счетов. Я -ноль.
You are the great I-am! as far as life goes.	Вся моя значимость - в тебе! Так устроена жизнь.
You know that, don't you?	Ведь ты же это и сама знаешь!
I mean, as far as I am concerned.	Видишь, каково мое положение.
I mean, but for you I am absolutely nothing.	Без тебя я - ничто!
I live for your sake and your future.	Я живу ради тебя, ради твоего будущего.
I am nothing to myself	Сам по себе я - ноль.
Connie heard it all with deepening dismay and repulsion.	Конни слушала, а в душе нарастали отвращение и ужас.

It was one of the ghastly half-truths that poison human existence.	Такая вот полуправда и отравляет человеческую жизнь.
What man in his senses would say such things to a woman!	Найдется ли мужчина в здравом рассудке, чтобы говорить такое женщине!
But men aren't in their senses.	Но нынешние мужчины потеряли здравый рассудок.
What man with a spark of honour would put this ghastly burden of life-responsibility upon a woman, and leave her there, in the void?	Останься у мужчины хоть капелька чести, неужели он возложит на женщину страшную ношу - ответственность за жизнь - и оставит ее в пустоте, без опоры и поддержки?
Moreover, in half an hour's time, Connie heard Clifford talking to Mrs Bolton, in a hot, impulsive voice, revealing himself in a sort of passionless passion to the	Дальше - больше. Через полчаса Конни услышала, как Клиффорд горячо - насколько хватало запала в его холодной натуре - изливал душу миссис

woman, as if she were half mistress, half foster-mother to him.	Болтон, точно она была ему и любовницей и матерью.
And Mrs Bolton was carefully dressing him in evening clothes, for there were important business guests in the house.	А та заботливо облачала его в вечерний костюм - в усадьбе ждали важных деловых гостей.
Connie really sometimes felt she would die at this time. She felt she was being crushed to death by weird lies, and by the amazing cruelty of idiocy.	В такие минуты Конни казалось, что она вот-вот умрет, ее раздавит непосильное бремя изощренного мужнина притворства и поразительных по жестокости и недомыслию признаний.
Clifford's strange business efficiency in a way over-awed her, and his declaration of private worship put her into a panic.	Она благоговела и удивлялась его необъяснимой деловой хватке и страшилась его преклонения перед ней, слабой женщиной.
There was nothing between them.	Их ничто не связывало.
She never even touched him nowadays, and he never touched her.	В последнее время ни она, ни он даже не коснулись друг друга.
He never even took her hand and held it kindly.	Он больше не брал ее ласково за руку, не держал ее ладонь в своей.
No, and because they were so utterly out of touch, he tortured her with his declaration of idolatry.	Но когда порвалась даже эта тонкая ниточка, он вдруг начал истязать ее своим поклонением.
It was the cruelty of utter impotence.	Жестокость эта исходила от его полного бессилия.
And she felt her reason would give way, or she would die.	И Конни чувствовала: либо она тронется умом, либо умрет.
She fled as much as possible to the wood.	Как только выпадала возможность, она убегала в лес.
One afternoon, as she sat brooding, watching the water bubbling coldly in John's Well, the keeper had strode up to her.	Однажды за полдень она сидела у Иоаннова ключа и задумчиво смотрела, как, пузырясь, бьет холодная струя. Вдруг к ней подошел егерь.
'I got you a key made, my Lady!' he said, saluting, and he offered her the key.	- Ваша милость, я выполнил заказ, - сказал он и козырнул.
'Thank you so much!' she said, startled.	- Большое вам спасибо! - смешавшись от неожиданности, поблагодарила Конни.

'The hut's not very tidy, if you don't mind,' he said. I cleared it what I could.'	- Простите, в сторожке не очень-то чисто. Я прибрал там, как мог.
'But I didn't want you to trouble!' she said.	- Право, я не хотела вас беспокоить.
'Oh, it wasn't any trouble.	- Какое там беспокойство.
I am setting the hens in about a week.	Через неделю посажу квочек яйца высидывать.
But they won't be scared of you.	Вас они не испугаются.
I s'll have to see to them morning and night, but I shan't bother you any more than I can help.'	Правда, мне придется по утрам и вечерам за ними присматривать, но я уж постараюсь вам не докучать.
'But you wouldn't bother me,' she pleaded. 'I'd rather not go to the hut at all, if I am going to be in the way.'	- Да не будете вы мне докучать! - взмолилась она. - Скорее я вам работать помешаю, так что, может, мне в сторожке лучше и не появляться.
He looked at her with his keen blue eyes.	Он с любопытством взглянул на нее.
He seemed kindly, but distant.	Голубые глаза приветливы, но, как прежде, отчужденны.
But at least he was sane, and wholesome, if even he looked thin and ill.	Но зато перед ней здравомыслящий, нормальный человек, хотя и исхудалый, и нездоровый на вид.
A cough troubled him.	Его бил кашель.
'You have a cough,' she said.	- Вы больны! - заметила Конни.
'Nothing—a cold!	- Пустяки! Чуток простыл.
The last pneumonia left me with a cough, but it's nothing.'	Как-то воспаление легких схватил, с тех пор, чуть что, - кашляю. Но это пустяки!
He kept distant from her, and would not come any nearer.	По-прежнему он держался отчужденно и никак не шел на сближение.
She went fairly often to the hut, in the morning or in the afternoon, but he was never there.	Конни часто навещала сторожку, когда утром, когда после обеда, но ни разу не заставала егеря.
No doubt he avoided her on purpose. He wanted to keep his own privacy.	Очевидно, он сознательно избегал ее, старался уберечь свое уединение.

He had made the hut tidy, put the little table and chair near the fireplace, left a little pile of kindling and small logs, and put the tools and traps away as far as possible, effacing himself.	Он прибрал в сторожке, поставил у камина маленький стол и стул, сложил кучкой щепу для растопки и охапку дров. Убрал подальше инструменты и капканы, чтобы ничто не напоминало о нем.
Outside, by the clearing, he had built a low little roof of boughs and straw, a shelter for the birds, and under it stood the live coops.	На поляне перед сторожкой устроил навес из веток и соломы, под ним устроил пять клеток с гнездами.
And, one day when she came, she found two brown hens sitting alert and fierce in the coops, sitting on pheasants' eggs, and fluffed out so proud and deep in all the heat of the pondering female blood.	А однажды, придя в сторожку, Конни увидела двух рыжих куриц - они ревниво и бдительно высидывали фазаны яйца, важно распушив перья, утвердившись в исполненности своего материнства.
This almost broke Connie's heart.	Конни едва не заплакала.

She, herself was so forlorn and unused, not a female at all, just a mere thing of terrors.	Никому-то она не нужна, ни как мать, ни как женщина. Какая она женщина, - так, средоточие страхов.
Then all the live coops were occupied by hens, three brown and a grey and a black.	Скоро занятыми оказались вся пять гнезд, в них восседали три рыжие, пестрая и черная курицы.
All alike, they clustered themselves down on the eggs in the soft nestling ponderosity of the female urge, the female nature, fluffing out their feathers.	Нахохлились, нежно и бережно распушили перья, укрывая яйца, - инстинкт материнства, присущий любой самке.
And with brilliant eyes they watched Connie, as she crouched before them, and they gave short sharp clucks of anger and alarm, but chiefly of female anger at being approached.	Блестящие глаза-бусинки внимательно следили за Конни - она примостилась подле гнезд. Квочки сердито и резко кудахтали - самку, ждущую детеныша, лучше не сердить.
Connie found corn in the corn-bin in the hut. She offered it to the hens in her hand. They would not eat it.	В сторожке Конни нашла банку с зерном, насыпала на ладонь, протянула курам.
Only one hen pecked at her hand with a fierce little jab, so Connie was frightened.	Лишь одна злобно клюнула ладонь - Конни даже испугалась.
But she was pining to give them something, the brooding mothers who neither fed themselves nor drank.	Но ей так хотелось угостить чем-нибудь наседок, ведь они не отлучались от гнезд ни поесть, ни попить.
She brought water in a little tin, and was delighted when one of the hens drank.	Она принесла воды в жестянке, одна наседка попила, и Конни обрадовалась.
Now she came every day to the hens, they were the only things in the world that warmed her heart.	Она стала заглядывать в сторожку каждый день. Наседки - единственные существа на свете, согревавшие ей душу.
Clifford's protestations made her go cold from head to foot.	От мужниных клятвенных признаний она холодела с головы до пят.
Mrs Bolton's voice made her go cold, and the sound of the business men who came.	И от голоса миссис Болтон по спине бежали мурашки, и от разговоров "деловых" гостей.
An occasional letter from Michaelis affected her with the same sense of chill.	Даже редкие письма от Микаэлиса пронизывали ее холодом.
She felt she would surely die if it lasted much longer.	Она чувствовала, что долго такой жизни не выдержит.
Yet it was spring, and the bluebells were coming in the wood, and the leaf-buds on the hazels were opening like the spatter of green rain.	А весна, меж тем, брала свое. В лесу появились колокольчики, зелеными дождевыми капельками проклюнулись молодые листья на орешнике.
How terrible it was that it should be spring, and everything cold-hearted, cold-hearted.	Ужасно: наступает весна, а согреть душу нечем.
Only the hens, fluffed so wonderfully on the eggs, were warm with their hot, brooding female bodies!	Разве что куры, важно восседающие в гнездах, теплые, живые, исполняющие природное назначение.
Connie felt herself living on the brink of fainting all the time.	Конни казалось, что ее разум вот-вот померкнет.

Then, one day, a lovely sunny day with great tufts of primroses under the hazels, and many violets dotting the paths, she came in the afternoon to the coops and there was one tiny, tiny perky chicken tinily	Однажды чудесным солнечным днем - в лесу под лещиной всюду цвели примулы, а вдоль тропок выглянули фиалки - Конни пришла в сторожку и увидела, что у одного из гнезд вышагивает на
--	--

prancing round in front of a coop, and the mother hen clucking in terror.	тоненьких ножках крохотный фазаненок, а мама-клушка в ужасе зовет его обратно.
The slim little chick was greyish brown with dark markings, and it was the most alive little spark of a creature in seven kingdoms at that moment.	В этом буром крапчатом комочке таилось столько жизни! Она играла, сверкала, как самый драгоценный алмаз.
Connie crouched to watch in a sort of ecstasy.	Конни присела и восторженно засмотрелась на птенца.
Life, life! pure, sparky, fearless new life!	Жизнь! Жизнь! У нее на глазах начиналась новая, чистая, не ведающая страха жизнь.
New life!	Новая жизнь!
So tiny and so utterly without fear!	Такое крохотное и такое бесстрашное существо!
Even when it scampered a little, scrambling into the coop again, and disappeared under the hen's feathers in answer to the mother hen's wild alarm-cries, it was not really frightened, it took it as a game, the game of living.	Даже когда, внимая тревожным призывам наседки, он неуклюже взобрался в гнездо и скрылся под материнским крылом, он не ведал страха. Для него это игра. Игра в жизнь.
For in a moment a tiny sharp head was poking through the gold-brown feathers of the hen, and eyeing the Cosmos.	Вскоре маленькая остроконечная головенка высунулась из пышного золотисто-рыжего оперенья и уставилась на Конни.
Connie was fascinated. And at the same time, never had she felt so acutely the agony of her own female forlornness.	Конни любовалась малышом и в то же время, как никогда мучительно остро, ощущала свою ненужность, - ненужность женщины!
It was becoming unbearable.	Невыносимо!..
She had only one desire now, to go to the clearing in the wood.	Лишь одно желание было у нее в те дни: поскорее уйти в лес, к сторожке.
The rest was a kind of painful dream.	А все остальное в жизни - мучительный сон.
But sometimes she was kept all day at Wragby, by her duties as hostess.	Иногда, правда, ей приходилось целый день проводить в Рагби, исполнять роль гостеприимной хозяйки.
And then she felt as if she too were going blank, just blank and insane.	В такие дни она чувствовала, как пуста ее душа, пуста и ущербна.
One evening, guests or no guests, she escaped after tea.	А однажды она сбежала из дома в пять часов, после чая, даже не узнав, ожидают ли вечером гостей.
It was late, and she fled across the park like one who fears to be called back.	Она едва не бегом бежала через парк, словно боялась: вот-вот окликнут, вернут.
The sun was setting rosy as she entered the wood, but she pressed on among the flowers. The light would last long overhead.	Когда она дошла до леса, солнце уже садилось. Но закатный румянец будет еще долго играть в небе, поэтому Конни решительно пошла дальше, не замечая цветов под ногами.

She arrived at the clearing flushed and semi-conscious.	К сторожке она прибежала раскрасневшись, запыхавшись, едва помня себя.
The keeper was there, in his shirt-sleeves, just closing up the coops for the night, so the little occupants would be safe.	Егерь, в одной рубашке, как раз закрывал клетки с выводком на ночь, чтоб их маленьким обитателям покойно спалось.
But still one little trio was pattering about on tiny feet, alert drab mites, under the straw shelter, refusing to be called in by the anxious mother.	Лишь три тонконогих птенчика бегали под навесом, не внимая призывному кудахтанью заботливых матерей.
'I had to come and see the chickens!' she said, panting, glancing shyly at the keeper, almost unaware of him. 'Are there any more?'	- Мне непременно нужно увидеть малышей! -еще не отдышавшись, проговорила она и смущенно взглянула на егеря, хотя в эту минуту он для нее почти не существовал. - Сколько их уже?
'Thurty-six so far!' he said. 'Not bad!'	- Пока тридцать шесть! Совсем неплохо! -ответил егерь.
He too took a curious pleasure in watching the young things come out.	Он тоже с необъяснимой радостью смотрел на новорожденных.
Connie crouched in front of the last coop.	Конни присела перед крайней клеткой.
The three chicks had run in. But still their cheeky heads came poking sharply through the yellow feathers, then withdrawing, then only one beady little head eyeing forth from the vast mother-body.	Трое малышей тут же спрятались, выставив любопытные головки из-под золотистых материнских крыльев. Вот двое скрылись совсем, остался лишь один - на фоне пышного тела наседки темная головка его казалась маленькой бусинкой.

'I'd love to touch them,' she said, putting her fingers gingerly through the bars of the coop.	- Так хочется их потрогать! - Она робко просунула ладонь меж прутьями клетки.
But the mother-hen pecked at her hand fiercely, and Connie drew back startled and frightened.	Наседка тут же яростно клюнула ладонь, и Конни, вздрогнув, испуганна отдернула руку.
'How she pecks at me!	- Как больно!
She hates me!' she said in a wondering voice. 'But I wouldn't hurt them!'	За что ж она меня так не любит? Ведь я их не обижу! - изумленно воскликнула она.
The man standing above her laughed, and crouched down beside her, knees apart, and put his hand with quiet confidence slowly into the coop.	Егерь, стоявший подле нее, рассмеялся, присел, спокойно и уверенно, не торопясь, сунул руку в клетку.
The old hen pecked at him, but not so savagely.	Старая курица клюнула и его, но не так злобно.
And slowly, softly, with sure gentle fingers, he felt among the old bird's feathers and drew out a faintly-peeping chick in his closed hand.	А он спокойно, осторожно, зарывшись пальцами в оперенье квочки, вытащил в пригоршне слабо попискивающего птенца.
'There!' he said, holding out his hand to her.	- Вот, пожалуйста! - раскрыл ладонь и протянул его Конни.
She took the little drab thing between her hands, and there it stood, on its impossible little stalks of legs, its atom of balancing life trembling through its almost weightless feet into Connie's hands.	Она взяла щуплое, нежное существо обеими руками. Цыпленок попытался встать на тоненькие ножки, Конни чувствовала, как бьется сердце в этом почти невесомом тельце.

But it lifted its handsome, clean-shaped little head boldly, and looked sharply round, and gave a little 'peep'. 'So adorable! So cheeky!' she said softly.	Но вот малыш поднял красиво очерченную головку, смело, зорко огляделся и слабо пискнул. - Какой прелестный! Какой отважный! - тихо проговорила Конни.
The keeper, squatting beside her, was also watching with an amused face the bold little bird in her hands.	Егерь, присев на корточки рядом, тоже с улыбкой смотрел на маленького смельчака в руках Конни.
Suddenly he saw a tear fall on to her wrist.	Вдруг он заметил, как ей на запястье капнула слеза.
And he stood up, and stood away, moving to the other coop.	Он сразу же поднялся, отошел к другой клетке.
For suddenly he was aware of the old flame shooting and leaping up in his loins, that he had hoped was quiescent for ever.	Внезапно внутри вспыхнуло и ударило в чресла пламя. Как он надеялся, что пламя это потухло навеки.
He fought against it, turning his back to her.	Он постарался справиться с искушением, отвернувшись от Конни.
But it leapt, and leapt downwards, circling in his knees.	Но пламя не унималось, оно опускалось все ниже, кружа у колен.
He turned again to look at her.	Он вновь повернулся, взглянул на Конни.
She was kneeling and holding her two hands slowly forward, blindly, so that the chicken should run in to the mother-hen again.	Та по-прежнему стояла у клетки, вытянув руки, очевидно, чтобы птенчикам было удобнее бежать к матери-наседке.
And there was something so mute and forlorn in her, compassion flamed in his bowels for her.	И столько во всем ее облике невысказанной тоскливой неприкаянности, что все внутри у него перевернулось от жалости.
Without knowing, he came quickly towards her and crouched beside her again, taking the chick from her hands, because she was afraid of the hen, and putting it back in the coop.	Не сознавая, что делает, он быстро подошел, присел рядом, взял из ее рук птенца - она по-прежнему боялась наседкиного клюва - и посадил его в клетку.
At the back of his loins the fire suddenly darted stronger.	А пламя в паху все разгоралось и разгоралось.
He glanced apprehensively at her.	Он с опаской поглядел на Конни.
Her face was averted, and she was crying blindly, in all the anguish of her generation's forlornness.	Она сидела, отвернувшись, закрыв глаза, горько оплакивая свое поколение одиноких и неприкаянных.
His heart melted suddenly, like a drop of fire, and he put out his hand and laid his fingers on her knee.	Сердце у него дрогнуло, наполнилось теплом, словно кто заронил искру, он протянул руку, положил ей на колено и тихо проговорил:
'You shouldn't cry,' he said softly.	- Не нужно плакать.
But then she put her hands over her face and felt that	

really her heart was broken and nothing mattered any more.	Она закрыла лицо руками - надломилось что-то в душе, а все остальное не столь важно.
--	--

He laid his hand on her shoulder, and softly, gently, it began to travel down the curve of her back, blindly, with a blind stroking motion, to the curve of her crouching loins. And there his hand softly, softly, stroked the curve of her flank, in the blind instinctive caress.	Он положил руку ей на плечо и начал нежно-нежно гладить по спине, не понимая, что делает. Рука бессознательно двинулась вниз, дошла до ложбинки меж ягодицами и стала тихонечко, как в полусне, ласкать округлое бедро.
She had found her scrap of handkerchief and was blindly trying to dry her face.	Конни отыскала скомканный носовой платок и принялась вытирать слезы. Она тоже ничего не видела вокруг.
'Shall you come to the hut?' he said, in a quiet, neutral voice.	- Может, зайдете в сторожку? - донесся до нее спокойный, бесстрастный голос егеря.
And closing his hand softly on her upper arm, he drew her up and led her slowly to the hut, not letting go of her till she was inside. Then he cleared aside the chair and table, and took a brown, soldier's blanket from the tool chest, spreading it slowly.	Обняв ее за плечо, он помог ей подняться и неспешно повел в сторожку. Только там снял руку с плеча, отодвинул в сторону стулья, стол, достал из шкафчика с инструментами бурое солдатское одеяло, аккуратно расстелил на полу.
She glanced at his face, as she stood motionless. His face was pale and without expression, like that of a man submitting to fate.	Конни стояла как вкопанная и не сводила глаз с его лица - бледного и застывшего, как у человека, который смирился перед судьбой.
'You lie there,' he said softly, and he shut the door, so that it was dark, quite dark.	- Ложитесь, - тихо произнес он и закрыл дверь - в сторожке сразу стало темным-темно.
With a queer obedience, she lay down on the blanket.	С необъяснимой покорностью легла она на одеяло.
Then she felt the soft, groping, helplessly desirous hand touching her body, feeling for her face.	Почувствовала, как нежные руки, не в силах унять страстную дрожь, касаются ее тела.
The hand stroked her face softly, softly, with infinite soothing and assurance, and at last there was the soft touch of a kiss on her cheek.	Вот рука на ощупь нашла ее лицо, стала осторожно поглаживать, с беспредельным, уверенным спокойствием. Вот щекой она почувствовала прикосновение губ.
She lay quite still, in a sort of sleep, in a sort of dream.	Она лежала не шевелясь, словно в забытьи, словно в волшебном сне.
Then she quivered as she felt his hand groping softly, yet with queer thwarted clumsiness, among her 'clothing.	Дрожь пробежала по телу - его рука, путаясь в складках ее одежды, неуклюже тянулась к застежкам.
Yet the hand knew, too, how to undrobe her where it wanted.	Но, найдя их, стала действовать умело и сноровисто.
He drew down the thin silk sheath, slowly, carefully, right down and over her feet.	Медленно и осторожно освободил он ее от узкого шелкового платья, сложил его в ногах.
Then with a quiver of exquisite pleasure he touched the warm soft body, and touched her navel for a moment in a kiss.	Затем, не скрывая сладостного трепета, коснулся ее теплого тела, поцеловал в самый пупок.
And he had to come in to her at once, to enter the peace on earth of her soft, quiescent body.	И, не в силах сдерживаться дольше, овладел ею. Вторгшись в ее нежную, словно спящую плоть, он исполнился почти неземным покоем.
It was the moment of pure peace for him, the entry into the body of the woman.	Да, в близости с этой женщиной он испытал наивысший покой.

She lay still, in a kind of sleep, always in a kind of sleep. The activity, the orgasm was his, all his; she could strive for herself no more.	Она по-прежнему лежала недвижно, все в том же полузабытьи; отдала ему полностью власть над своей плотью, и собственных сил уже не было.
Even the tightness of his arms round her, even the intense movement of his body, and the springing of his seed in her, was a kind of sleep, from which she did not begin to rouse till he had finished and lay softly panting against her breast.	Его крепкие объятия, ритмичное движение тела и, наконец, его семя, упругой струей ударившее внутри, - все это согрело и убаюкало Конни. Она стала приходить в себя, лишь когда он, устало дыша, прильнул к ее груди.
Then she wondered, just dimly wondered, why? Why was this necessary?	Только сейчас у нее в сознании тускло промелькнула мысль: а зачем это все? Почему так вышло? Нужно ли?
Why had it lifted a great cloud from her and given her peace?	Почему близость с этим человеком всколыхнула ее, точно ветер - облако, и принесла покой?

Was it real? Was it real?	Настоящее ли это чувство?
Her tormented modern-woman's brain still had no rest.	Современная женщина не в силах отключить разум, и бесконечные мысли - хуже всяких пыток.
Was it real? And she knew, if she gave herself to the man, it was real. But if she kept herself for herself it was nothing.	Так что ж это за чувство? Если отдаешь себя мужчине всю, без остатка - значит, чувство настоящее, а если душа твоя точно замкнутый сосуд - любая связь пуста и ничтожна.
She was old; millions of years old, she felt.	Конни чувствовала себя такой старой, словно прожиты миллионы лет.
And at last, she could bear the burden of herself no more.	И душа ее будто свинцом налилась - нет больше сил выносить самое себя.
She was to be had for the taking. To be had for the taking.	Нужно, чтоб кто-то разделил с ней эту ношу. Да, разделил ношу.
The man lay in a mysterious stillness.	Мужчина рядом лежит молча. Загадка.
What was he feeling? What was he thinking?	Что он сейчас чувствует? О чем думает?
She did not know.	Ей неизвестно.
He was a strange man to her, she did not know him.	Он чужой, она его пока не знает.
She must only wait, for she did not dare to break his mysterious stillness.	И нужно лишь терпеливо дожидаться -нарушить столь загадочную тишину у нее не хватает духа.
He lay there with his arms round her, his body on hers, his wet body touching hers, so close. And completely unknown.	Он по-прежнему обнимал ее, она чувствовала тяжесть его потного тела, такого близкого и такого незнакомого.
Yet not unpeaceful.	Но рядом с ним так покойно.
His very stillness was peaceful.	Покойно лежать в его объятиях.
She knew that, when at last he roused and drew away from her. It was like an abandonment.	Она поняла это, когда он пошевелился и отстранился, точно покидал навсегда.
He drew her dress in the darkness down over her knees and stood a few moments, apparently adjusting his own clothing.	Нашел в темноте ее платье, натянул ей до колен, встал, застегнулся и оправил одежду на себе.

Then he quietly opened the door and went out.	Потом тихо открыл дверь и вышел.
She saw a very brilliant little moon shining above the afterglow over the oaks.	Конни увидела, что на верхушках дубов догорали закатные блики, а в небе уже поднялся молодой серебряный месяц.
Quickly she got up and arranged herself she was tidy. Then she went to the door of the hut.	Она вскочила, застегнула платье, проверила, все ли опрятно, и направилась к двери.
All the lower wood was in shadow, almost darkness.	Кустарник подле дома уже сокрылся в сумеречных тенях.
Yet the sky overhead was crystal. But it shed hardly any light.	Но небо еще светло и прозрачно, хотя солнце и зашло.
He came through the lower shadow towards her, his face lifted like a pale blotch.	Егерь вынырнул из темных кустов, белое лицо выделялось в густеющих сумерках, но черты не разобрать.
'Shall we go then?' he said.	- Ну что, пойдём? - спросил он.
'Where?'	- Куда?
'I'll go with you to the gate.'	- Провожу до ворот усадьбы.
He arranged things his own way. He locked the door of the hut and came after her.	Наскоро управившись кое с какими делами, он запер дверь и пошел вслед за Конни.
'You aren't sorry, are you?' he asked, as he went at her side.	- Вы не жалеете, что так вышло? - спросил он, поравнявшись с ней.
'No! No! Are you?' she said.	- Нет! Нет! А вы?
'For that! No!' he said. Then after a while he added: 'But there's the rest of things.'	- Нисколько! - и, чуть погода, прибавил: - Хотя много всяких "но".
'What rest of things?' she said.	- Каких "но"? - не поняла Конни.
Sir Clifford. Other folks. All the complications.'	- Сэр Клиффорд. Все прочее. Да мало ли нервотрепки.
'Why complications?' she said, disappointed.	- Почему нервотрепки? - огорчилась Конни.
'It's always so. For you as well as for me. There's always complications.' He walked on steadily in the dark.	- Так уж испокон веков. И вам нервы помотают тоже. Испокон веков так, - и размеренно зашагал дальше.
'And are you sorry?' she said.	- Значит, вы все-таки жалеете? - переспросила она.

'In a way!' he replied, looking up at the sky. 'I thought I'd done with it all. Now I've begun again.'	- Отчасти, - взглянув на небо, ответил он. - Думал, что уж навсегда с этим разделался. И на тебе - все сначала!
'Begun what?'	- Что - все сначала?
'Life.'	- Жизнь.
'Life!' she re-echoed, with a queer thrill.	- Жизнь?! - повторила она почему-то трепетно.
'It's life,' he said. 'There's no keeping clear.'	- Да, жизнь, - сказал он. - От нее не спрячешься.
And if you do keep clear you might almost as well die.	А если и удастся тихую заводь найти, почитай, что уж и не живешь, а похоронил себя заживо.

So if I've got to be broken open again, I have.'	Что ж, если суждено кому снова мне душу всю разворотить, значит, так тому и быть.
She did not quite see it that way, but still 'It's just love,' she said cheerfully.	Конни все представлялось по-иному, и все же... - Даже если это любовь? - улыбнулась она.
'Whatever that may be,' he replied.	- Что бы там ни было, - ответил он.
They went on through the darkening wood in silence, till they were almost at the gate.	Почти до самых ворот они шли по темному лесу молча.
'But you don't hate me, do you?' she said wistfully.	- Разве вы и меня ненавидите? - спросила она задумчиво.
'Nay, nay,' he replied.	- Нет, конечно же нет!
And suddenly he held her fast against his breast again, with the old connecting passion. 'Nay, for me it was good, it was good. Was it for you?'	- И он вдруг крепко прижал ее к груди, страсть снова потянула его к этой женщине. - Нет, мне было очень-очень хорошо. А вам?
'Yes, for me too,' she answered, a little untruthfully, for she had not been conscious of much.	- И мне было хорошо, - немного лукавила она, ибо тогда почти ничего не чувствовала.
He kissed her softly, softly, with the kisses of warmth.	Он нежно-нежно поцеловал ее, нежно и страстно.
'If only there weren't so many other people in the world,' he said lugubriously.	- Как жаль, что на свете так много других людей, - грустно заметил он.
She laughed.	Конни рассмеялась.
They were at the gate to the park.	Они подошли к усадебным воротам.
He opened it for her.	Меллорс открыл их, впустил Конни.
'I won't come any further,' he said.	- Дальше я не пойду, - сказал он.
'No!'	- Хорошо!
And she held out her hand, as if to shake hands.	- Она протянула руку, наверное, попрощаться.
But he took it in both his.	Но он взял ее за обе руки.
'Shall I come again?' she asked wistfully.	- Прийти ли мне еще? - неуверенно спросила она.
'Yes! Yes!'	- Конечно! Конечно!
She left him and went across the park.	И Конни направилась через парк к дому.
He stood back and watched her going into the dark, against the pallor of the horizon.	Он отошел за ворота и долго смотрел ей вслед. Серые сумерки на горизонте сгущались подле дома, и в этой мгле все больше растворялась Конни.
Almost with bitterness he watched her go. She had connected him up again, when he had wanted to be alone.	Она пробудила в нем едва ли не досаду: он, казалось бы, совсем отгородился от жизни, а Конни снова вовлекает его в мир.
She had cost him that bitter privacy of a man who at last wants only to be alone.	Дорого придется ему заплатить - свободой, горькой свободой отчаявшегося человека. И нужно-то ему лишь одно: оставаться в покое.
He turned into the dark of the wood.	Он повернулся и пошел темным лесом.
All was still, the moon had set.	Кругом спокойно, безлюдно, на небе уже властвует луна.

But he was aware of the noises of the night, the engines at Stacks Gate, the traffic on the main road.	И все-таки чуткое ухо улавливало ночные звуки: далеко-далеко на шахте чухают маленькие составы с вагонетками, шуршат по дороге машины.
Slowly he climbed the denuded knoll.	Не спеша влез он на плешивый пригорок.
And from the top he could see the country, bright rows of lights at Stacks Gate, smaller lights at	Оттуда видна долина: рядами бежали огоньки на "Отвальной", чуть поменьше - на "Тивершолльской".

Tevershall pit, the yellow lights of Tevershall and lights everywhere, here and there, on the dark country, with the distant blush of furnaces, faint and rosy, since the night was clear, the rosiness of the outpouring of white-hot metal.	Кучка желтых огней - в самой деревне. Повсюду рассыпались огни по долине. Совсем издали прилетали слабые розоватые сполохи сталеплавильных печей. Значит, в эти минуты по желобу устремляется огненно-белая струя металла.
Sharp, wicked electric lights at Stacks Gate!	"Отвальная" светит резкими, недобрыми электрическими огнями.
An undefinable quick of evil in them!	В них - средоточие зла, хотя словами это не объяснить.
And all the unease, the ever-shifting dread of the industrial night in the Midlands.	В них - напряженная и суетливая рабочая ночь.
He could hear the winding-engines at Stacks Gate turning down the seven-o'clock miners. The pit worked three shifts.	Вот в подъемники на "Отвальной" загрузилась очередная партия углекопов - шахта работает в три смены.
He went down again into the darkness and seclusion of the wood.	Он снова нырнул во мрак леса: там уединение и покой.
But he knew that the seclusion of the wood was illusory.	Нет, нет ему покоя, он просто пытается себя обмануть.
The industrial noises broke the solitude, the sharp lights, though unseen, mocked it.	Уединение его нарушается шумом шахт и заводов, злые огни вот-вот прорежут тьму, выставят его на посмешище.
A man could no longer be private and withdrawn.	Нет, нигде не сыскать человеку покоя, нигде не спрятаться от суеты.
The world allows no hermits.	Жизнь не терпит отшельников.
And now he had taken the woman, and brought on himself a new cycle of pain and doom.	А теперь, сблизившись с этой женщиной, он вовлек себя в новую круговерть мучений и губительства.
For he knew by experience what it meant.	Он знал по опыту, к чему это приводит.
It was not woman's fault, nor even love's fault, nor the fault of sex.	И виновата не женщина, не любовь, даже не влечение плоти.
The fault lay there, out there, in those evil electric lights and diabolical rattlings of engines.	Виновата жизнь, что вокруг: злобные электрические огни, адский шум и лязг машин.
There, in the world of the mechanical greedy, greedy mechanism and mechanized greed, sparkling with lights and gushing hot metal and roaring with traffic, there lay the vast evil thing, ready to destroy whatever did not conform.	В царстве жадных механизмов и механической жадности, там, где слепит свет, льется раскаленный металл, оглушает шум улиц, и живет страшное чудовище, виновное во всех бедах, уничтожающее всех и вся, кто смеет не подчиниться.

Soon it would destroy the wood, and the bluebells would spring no more.	Скоро уничтожится и этот лес, и не взойдут больше по весне колокольчики.
All vulnerable things must perish under the rolling and running of iron.	Все хрупкие, нежные создания природы обратятся в пепел под огненной струей металла.
He thought with infinite tenderness of the woman.	С какой нежностью вдруг вспомнилась ему женщина!
Poor forlorn thing, she was nicer than she knew, and oh! so much too nice for the tough lot she was in contact with.	Бедняжка. До чего ж обделена она вниманием, а ведь красива, хоть и сама этого не понимает.
Poor thing, she too had some of the vulnerability of the wild hyacinths, she wasn't all tough rubber-goods and platinum, like the modern girl.	И уж конечно, не место такой красоте в окружении бесчувственных людей; бедняжка, душа у нее хрупка, как лесной гиацинт, не в пример нынешним женщинам: у тех души бесчувственные, точно из резины или металла.
And they would do her in! As sure as life, they would do her in, as they do in all naturally tender life.	И современный мир погубит ее, непременно погубит, как и все, что по природе своей нежно.
Tender!	Да, нежно!
Somewhere she was tender, tender with a tenderness of the growing hyacinths, something that has gone out of the celluloid women of today.	В душе этой женщины жила нежность, сродни той, что открывается в распустившемся гиацинте; нежность, неведомая теперешним пластмассовым женщинам-куклам.
But he would protect her with his heart for a little while.	И вот ему выпало ненадолго согреть эту душу теплом своего сердца.
For a little while, before the insentient iron world and the Mammon of mechanized	Ненадолго, ибо скоро ненасытный бездушный мир машин и

greed did them both in, her as well as him.	мошны сожрет и их обоих.
He went home with his gun and his dog, to the dark cottage, lit the lamp, started the fire, and ate his supper of bread and cheese, young onions and beer.	Он пошел домой, ружье за спиной да собака - вот и все его спутники. В доме темно. Он зажег свет, затопил камин, собрал ужин, хлеб, сыр, молодой лук да пиво.
He was alone, in a silence he loved.	Он любил посидеть один, в тишине.
His room was clean and tidy, but rather stark.	В комнатке чистота и порядок, только уюта недостает.
Yet the fire was bright, the hearth white, the petroleum lamp hung bright over the table, with its white oil-cloth.	Впрочем, ярко горит огонь в камине, светит керосиновая лампа над столом, застеленным белой клеенкой.
He tried to read a book about India, but tonight he could not read.	Он взялся было за книгу об Индии, но сегодня что-то не читалось.
He sat by the fire in his shirt-sleeves, not smoking, but with a mug of beer in reach.	Сняв куртку, присел к камину, однако, изменив привычке, не закурил, а поставил рядом кружку пива.
And he thought about Connie.	И задумался о Конни.
To tell the truth, he was sorry for what had happened, perhaps most for her sake.	По правде говоря, он жалел о случившемся. Ему было страшно за нее.

He had a sense of foreboding.	Бередили душу дурные предчувствия.
No sense of wrong or sin; he was troubled by no conscience in that respect.	Нет, отнюдь не сознание содеянного зла или греха.
He knew that conscience was chiefly tear of society, or fear of oneself.	Из-за этого совесть его не мучила.
He was not afraid of himself. But he was quite consciously afraid of society, which he knew by instinct to be a malevolent, partly-insane beast.	Ибо что такое совесть, как не страх перед обществом или страх перед самим собой. Себя он не боялся. А вот общества - и это он сознавал отчетливо - нужно бояться. Чутье подсказывало, что общество - чудовище злонамеренное и безрассудное.
The woman! If she could be there with him, and there were nobody else in the world!	Вот если б на всем белом свете остались только двое: он и эта женщина!
The desire rose again, his penis began to stir like a live bird.	Снова всколыхнулась страсть, птицей встрепенулось его естество.
At the same time an oppression, a dread of exposing himself and her to that outside Thing that sparkled viciously in the electric lights, weighed down his shoulders.	Но вместе с этим давил, гнул к земле страх -нельзя показываться Чудищу, что злобно таращится электрическим глазом.
She, poor young thing, was just a young female creature to him; but a young female creature whom he had gone into and whom he desired again.	Молодая страдальца виделась ему лишь молодой женщиной, которой он овладел и которую возжелал снова.
Stretching with the curious yawn of desire, for he had been alone and apart from man or woman for four years, he rose and took his coat again, and his gun, lowered the lamp and went out into the starry night, with the dog.	Он потянулся, зевнул (неужели зевают и от страсти?). Вот уже четыре года живет отшельником - ни мужчины, ни женщины рядом. Он встал, снова надел куртку, взял ружье, прикрутил фитиль в лампе и вышел; на темном небе горели россыпи звезд. Собака увязалась следом.
Driven by desire and by dread of the malevolent Thing outside, he made his round in the wood, slowly, softly.	Страсть и страх перед злокозненным Чудищем погнали его из дома. Медленно, неслышно обошел он лес.
He loved the darkness and folded himself into it.	Так приятно укрываться в ночи, прятать переполняющую его страсть, прятать, точно сокровище.
It fitted the turgidity of his desire which, in spite of all, was like a riches; the stirring restlessness of his penis, the stirring fire in his loins!	И тело его чутко внимало чувству, в паху вновь занимался огонь!
Oh, if only there were other men to be with, to fight that sparkling electric Thing outside there, to preserve the tenderness of life, the tenderness of women, and the natural riches of desire.	Эх, если б у него нашлись соратники, чтоб одолеть сверкающее электрическое Чудище, чтоб сохранить нежность жизни, нежность женщин и дарованные природой богатства - чувства.
If only there were men to fight side by side with!	Если б только у него нашлись соратники!
But the men were all outside there, glorying in	Увы, все мужчины там, в мире суеты, они гордятся

the Thing, triumphing or being trodden down in the rush of mechanized greed or of greedy mechanism.	Чудищем, ликуют, жадные механизмы и механическая жадность сокрушают людей.
---	--

Constance, for her part, had hurried across the park, home, almost without thinking.	Констанция же спешила тем временем через парк домой и ни о чем не задумывалась.
As yet she had no afterthought.	Пока не задумывалась.
She would be in time for dinner.	Успеть бы к ужину.
She was annoyed to find the doors fastened, however, so that she had to ring.	У входа она досадливо поморщилась: дверь заперта, придется звонить.
Mrs Bolton opened.	Открыла ей миссис Болтон.
'Why there you are, your Ladyship!	- Наконец-то, ваша милость!
I was beginning to wonder if you'd gone lost!' she said a little roguishly. 'Sir Clifford hasn't asked for you, though; he's got Mr Linley in with him, talking over something.	Я уже подумала, не заблудились ли вы? - игриво зашебетала она. - Сэр Клиффорд, правда, еще о вас не справлялся. У него в гостях мистер Линли, они сейчас беседуют.
It looks as if he'd stay to dinner, doesn't it, my Lady?'	Вероятно, гость останется на ужин?
'It does rather,' said Connie.	- Вероятно, - отозвалась Конни.
Shall I put dinner back a quarter of an hour?	- Прикажете задержать ужин минут на пятнадцать?
That would give you time to dress in comfort.'	Чтоб вы успели не торопясь переодеться.
'Perhaps you'd better.'	- Да, пожалуйста.
Mr Linley was the general manager of the collieries, an elderly man from the north, with not quite enough punch to suit Clifford; not up to post-war conditions, nor post-war colliers either, with their 'ca' canny' creed.	Мистер Линли - главный управляющий шахтами - пожилой северянин, по мнению Клиффорда, недостаточно напорист. Во всяком случае по теперешним, послевоенным Меркам и для работы с теперешними шахтерами, которым главное "не особенно надрываться".
But Connie liked Mr Linley, though she was glad to be spared the toadying of his wife.	Самой Конни мистер Линли нравился, хорошо, что приехал без лыстивой жены.
Linley stayed to dinner, and Connie was the hostess men liked so much, so modest, yet so attentive and aware, with big, wide blue eyes and a soft repose that sufficiently hid what she was really thinking.	Линли остался отужинать, и Конни разыграла столь любимую мужчинами хозяйку: скромную, предупредительную и любезную, в больших голубых глазах - смирение и покой, надежно скрывающие ее истинное состояние.
Connie had played this woman so much, it was almost second nature to her; but still, decidedly second.	Так часто приходилось играть эту роль, что она стала второй натурой Конни, ничуть не ущемляя натуру истинную.
Yet it was curious how everything disappeared from her consciousness while she played it.	Очень странно: во время "игры" из сознания Конни все остальное улетучивалось.
She waited patiently till she could go upstairs and think her own thoughts.	Она терпеливо дожидалась, пока сможет подняться к себе и предаться, наконец, своим мыслям.
She was always waiting, it seemed to be her forte.	Похоже, долготерпение - самая сильная ее сторона.
Once in her room, however, she felt still vague and confused.	Но и у себя в комнате она не смогла сосредоточиться, мысли путались.

She didn't know what to think.	Что решить, как ей быть?
What sort of a man was he, really?	Что это за мужчина?
Did he really like her?	Впрямь ли она ему понравилась?
Not much, she felt.	Не очень, подсказывало сердце.
Yet he was kind.	Да, он добр.
There was something, a sort of warm naive kindness, curious and sudden, that almost opened her womb to him.	Теплая, простодушная доброта, нежданная и внезапная, подкупила не столько ее душу, сколько плоть.
But she felt he might be kind like that to any woman.	Но как знать, может, и с другими женщинами он добр, как и с ней?
Though even so, it was curiously soothing, comforting.	Пусть, все равно, ласка его чудесным образом успокоила, утешила.
And he was a passionate man, wholesome and passionate.	И сколько в нем страсти, крепкого здоровья!

But perhaps he wasn't quite individual enough; he might be the same with any woman as he had been with her. It really wasn't personal.	Может, не хватает ему самобытности, ведь к каждой женщине нужен свой ключ. А он, похоже, одинаков со всеми.
She was only really a female to him. But perhaps that was better.	Для него она всего лишь женщина. Может, это и к лучшему.
And after all, he was kind to the female in her, which no man had ever been.	В конце концов, он, в отличие от других мужчин, увидел в Конни женщину и приласкал.
Men were very kind to the person she was, but rather cruel to the female, despising her or ignoring her altogether.	Прежде мужчины видели в ней лишь человека, а женского начала попросту не замечали или того хуже - презирали.
Men were awfully kind to Constance Reid or to Lady Chatterley; but not to her womb they weren't kind.	С Констанцией Рид или леди Чаттерли мужчины были чрезвычайно любезны, а вот на ее плоть любезности не хватало.
And he took no notice of Constance or of Lady Chatterley; he just softly stroked her loins or her breasts.	Этот же мужчина увидел в ней не Констанцию или леди Чаттерли, а женщину - он гладил ее бедра, грудь.
She went to the wood next day.	Назавтра она снова пошла в лес.
It was a grey, still afternoon, with the dark-green dogs-mercury spreading under the hazel copse, and all the trees making a silent effort to open their buds.	День выдался тихий, но пасмурный. У зарослей лещины на земле уже показался сочно-зеленый пушок, деревья молча тужились, выпуская листья из почек.
Today she could almost feel it in her own body, the huge heave of the sap in the massive trees, upwards, up, up to the bud-a, there to push into little flamey oak-leaves, bronze as blood.	Она чувствовала это всем телом: накопившиеся соки ринулись вверх по могучим стволам к почкам и напитали силой крохотные листочки, огненно-бронзовые капельки.
It was like a ride running turgid upward, and spreading on the sky.	Словно полноводный поток устремился вверх, к небу и напитал кроны деревьев.
She came to the clearing, but he was not there.	Она вышла на поляну, но егеря там не было.
She had only half expected him.	Да она и не очень-то надеялась встретить его.

The pheasant chicks were running lightly abroad, light as insects, from the coops where the fellow hens clucked anxiously.	Фазанята уже выбирались из гнезд и носились, легкие как пушинки, по поляне, а рыжие куры в гнездах тревожно кудахтали.
Connie sat and watched them, and waited.	Конни села и принялась ждать.
She only waited.	Просто ждать.
Even the chicks she hardly saw.	Она смотрела на фазанят, но вряд ли видела их.
She waited.	Она ждала.
The time passed with dream-like slowness, and he did not come.	Время едва ползло, как в дурном сне. Егеря все не было.
She had only half expected him.	Да она и не очень-то надеялась встретить его.
He never came in the afternoon.	После обеда он обычно не приходил.
She must go home to tea.	А ей пора домой, к чаю.
But she had to force herself to leave.	Как ни тяжело, нужно идти.
As she went home, a fine drizzle of rain fell.	По дороге ее захватило дождем.
'Is it raining again?' said Clifford, seeing her shake her hat.	- Что, снова льет? - спросил Клиффорд, увидев, что жена отряхивает шляпу.
Just drizzle.'	- Да нет, чуть моросит.
She poured tea in silence, absorbed in a sort of obstinacy.	Чай она пила молча, поглощенная своими мыслями.
She did want to see the keeper today, to see if it were really real. If it were really real.	Как хотелось ей увидеть сегодня егеря, убедиться, что все - самая взаправдашняя правда.
'Shall I read a little to you afterwards?' said Clifford.	- Хочешь, я прочитаю тебе? - спросил Клиффорд.
She looked at him.	Она взглянула на мужа.
Had he sensed something?	Неужели что-то почуял?
The spring makes me feel queer—I thought I might rest a little,' she said.	- Весной со мной всегда непонятное творится. Пожалуй, я немного полежу.
'Just as you like.	- Как хочешь.
Not feeling really unwell, are you?'	Надеюсь, ты не заболела?
'No!	- Ну что ты.

Only rather tired—with the spring.	Просто сил нет - так всегда по весне.
Will you have Mrs Bolton to play something with you?'	Ты позовешь миссис Болтон поиграть в карты?
'No!	- Нет.
I think I'll listen in.'	Лучше я послушаю радио.
She heard the curious satisfaction in his voice.	И в его голосе ей послышалось довольство.
She went upstairs to her bedroom.	Она поднялась в спальню.

There she heard the loudspeaker begin to bellow, in an idiotically velveteen-genteel sort of voice, something about a series of street-cries, the very cream of genteel affectation imitating old criers.	Услышала, как муж включил приемник. Диктор дурацким бархатно-въедливым голосом, распространялся об уличных зазывалах и сам весьма усердствовал: любой глашатай стародавних времен позавидует.
She pulled on her old violet coloured mackintosh, and slipped out of the house at the side door.	Конни натянула старый лиловый плащ и вышмыгнула из дома через боковую дверь.
The drizzle of rain was like a veil over the world, mysterious, hushed, not cold.	Изморось кисеей накрыла все вокруг -таинственно, тихо и совсем не холодно.
She got very warm as she hurried across the park. She had to open her light waterproof.	Она быстро шла парком, ей даже стало жарко - пришлось распахнуть легкий дождевик.
The wood was silent, still and secret in the evening drizzle of rain, full of the mystery of eggs and half-open buds, half unsheathed flowers.	Лес стоял под теплым вечерним дождем, молчаливый, спокойный, загадочный, зарождается жизнь и в птичьих яйцах, и в набухающих почках, и в распускающихся цветах.
In the dimness of it all trees glistened naked and dark as if they had unclothed themselves, and the green things on earth seemed to hum with greenness.	Деревья голые, черные, словно сбросили одежды, зато на земле уже выстлался зеленый-зеленый ковер.
There was still no one at the clearing.	На поляне по-прежнему никого.
The chicks had nearly all gone under the mother-hens, only one or two last adventurous ones still dived about in the dryness under the straw roof shelter.	Птенцы укрылись под крыльями квочек, лишь два-три самых отчаянных бродили по сухому пятачку под соломенным навесом.
And they were doubtful of themselves.	На ножках держались они еще неуверенно.
So! He still had not been.	Итак, егеря не приходил.
He was staying away on purpose.	Видно, нарочно обходил сторожку стороной.
Or perhaps something was wrong.	А может, что случилось?
Perhaps she should go to the cottage and see.	Может, навеститься к нему домой?
But she was born to wait.	Наверное, ей на роду написано ждать.
She opened the hut with her key.	Своим ключом она отперла дверь.
It was all tidy, the corn put in the bin, the blankets folded on the shelf, the straw neat in a corner; a new bundle of straw.	В сторожке чисто. В банке - зерно, в углу -аккуратно сложена свежая солома.
The hurricane lamp hung on a nail.	На гвозде висит фонарь-"молния".
The table and chair had been put back where she had lain.	Стол и стул на том месте, где вчера лежала она.
She sat down on a stool in the doorway.	Конни села на табурет у двери.
How still everything was!	Как все покойно!
The fine rain blew very softly, filmily, but the wind made no noise.	По крыше шуршит дождь, на окне - паутина мелких капель, ни ветерка.
Nothing made any sound.	В сторожке и в лесу тихо.

The trees stood like powerful beings, dim, twilit, silent and alive.	Богатырями высятся деревья, темные в сумеречных тенях, молчаливые, полные жизни.
How alive everything was!	Все вокруг живет!
Night was drawing near again; she would have to go-	Скоро ночь, значит, пора уходить.
He was avoiding her.	Егеря, видно, избегает ее.
But suddenly he came striding into the clearing, in his black oilskin jacket like a chauffeur, shining with wet.	И тут он неожиданно появился на поляне, в черной клеенчатой куртке, какие носят шоферы, блестящей от дождя.

He glanced quickly at the hut, half-saluted, then veered aside and went on to the coops.	Взглянул на сторожку, приветственно поднял руку и круто повернул к клеткам.
There he crouched in silence, looking carefully at everything, then carefully shutting the hens and chicks up safe against the night.	Молча присел подле них, внимательно оглядел, тщательно запер на ночь.
At last he came slowly towards her.	И только потом подошел к Конни.
She still sat on her stool.	Она все сидела на табурете у порога.
He stood before her under the porch.	Он остановился у крыльца.
'You come then,' he said, using the intonation of the dialect.	- Значит, пришли! - по-местному тягуче проговорил он.
'Yes,' she said, looking up at him. 'You're late!'	- Пришла! - Она посмотрела ему в лицо. - А вы что-то припоздали.
'Ay!' he replied, looking away into the wood.	- Да уж, - и он отвел взгляд в сторону леса.
She rose slowly, drawing aside her stool.	Она медленно встала, отодвинула табурет и спросила:
'Did you want to come in?' she asked.	- А вы хотели прийти?
He looked down at her shrewdly.	Он пытливо посмотрел на нее.
Won't folks be thinkin' somethink, you comin' here every night?' he said.	- А что люди подумают? Дескать, чего это она наладилась сюда по вечерам?
'Why?'	- Кто, что подумает?
She looked up at him, at a loss. I said I'd come. Nobody knows.'	- Конни растерянно уставилась на егеря. - Я ж вам сказала, что приду. А больше никто не знает.
'They soon will, though,' he replied. 'An' what then?'	- Значит, скоро узнают. И что тогда?
She was at a loss for an answer.	Она снова растерялась и ответила не сразу.
'Why should they know?' she said.	- С чего бы им узнать?
'Folks always does,' he said fatally.	- А о таком всегда узнают, - обреченно ответил он.
Her lip quivered a little.	Губы у нее дрогнули.
'Well I can't help it,' she faltered.	- Что ж поделать, - запинаясь, пробормотала она.
'Nay,' he said. 'You can help it by not comin'—if yer want to,' he added, in a lower tone.	- Да ничего. Разве что не приходиться сюда... если будет на то ваша воля, - прибавил он негромко.

But I don't want to,' she murmured.	- Не будет! - еще тише ответила она.
He looked away into the wood, and was silent.	Он снова отвел взгляд, помолчал.
'But what when folks finds out?' he asked at last. 'Think about it! Think how lowered you'll feel, one of your husband's servants.'	- Ну, а когда все-таки узнают? - наконец спросил он. - Подумайте хорошенько. Вас с грязью смешают: надо ж, с мужниным слугой спуталась.
She looked up at his averted face.	Она взглянула на него, но он по-прежнему смотрел на деревья.
'Is it,' she stammered, 'is it that you don't want me?'	- Значит ли это... - она запнулась, - значит ли это, что я вам неприятна?
'Think!' he said. 'Think what if folks find out Sir Clifford an' a'—an' everybody talkin'—'	- Подумайте! - повторил он. - Прознают люди, сэр Клиффорд, пойдут суды-пересуды.
'Well, I can go away.'	- Я могу и уехать.
'Where to?'	- Куда?
'Anywhere!'	- Куда угодно.
I've got money of my own.	У меня есть свои деньги.
My mother left me twenty thousand pounds in trust, and I know Clifford can't touch it.	От мамы мне осталось двадцать тысяч, я уверена, Клиффорд к ним не притронется.
I can go away.'	Так что я могу и уехать.
'But 'appen you don't want to go away.'	- А если вам не захочется?
'Yes, yes! I don't care what happens to me.'	- Мне все равно, что со мной будет.
'Ay, you think that! But you'll care! You'll have to care, everybody has.'	- Это так кажется! Совсем не все равно! Безразличных к своей судьбе нет, и вы не исключение.
You've got to remember your Ladyship is carrying on with a game-keeper.	Не забудете вы, ваша милость, что связались с егерем.
It's not as if I was a gentleman. Yes, you'd care. You'd care.'	Будь я из благородных - дело совсем иное. А так - как бы вам жалеть не пришлось.

I shouldn't.	- Не придется.
What do I care about my ladyship! I hate it really.	На что мне всякие титулы! Терпеть их не могу!
I feel people are jeering every time they say it. And they are, they are! Even you jeer when you say it.'	Мне кажется, люди всякий раз насмеются, обращаясь ко мне "ваша милость". И впрямь, ведь насмеются! Даже у вас и то с насмешкой выходит.
'Me!'	- У меня?!
For the first time he looked straight at her, and into her eyes. 'I don't jeer at you,' he said.	Впервые за вечер он посмотрел ей прямо в лицо. -Я над вами не насмеюсь.
As he looked into her eyes she saw his own eyes go dark, quite dark, the pupils dilating.	И она увидела, как потемнели у него глаза, расширились зрачки.

'Don't you care about a' the risk?' he asked in a husky voice. 'You should care.	- Неужто вам все равно, даже когда вы так рискуете? - Голос у него вдруг сделался хриплым. - Подумайте.
Don't care when it's too late!'	Подумайте, пока не поздно.
There was a curious warning pleading in his voice.	В словах его удивительно сочетались угроза и мольба.
'But I've nothing to lose,' she said fretfully. 'If you knew what it is, you'd think I'd be glad to lose it. But are you afraid for yourself?'	- Ах, да что мне терять, - досадливо бросила Конни. - Знали б вы, чем полнится моя жизнь, поняли б, что я рада со всем этим расстаться, но, быть может, вы боитесь за себя?
'Ay!' he said briefly. 'I am. I'm afraid. I'm afraid.	- Да, боюсь! - резко заговорил он. - Боюсь!
I'm afraid O' things.'	Всего боюсь.
'What things?' she asked.	- Например?
He gave a curious backward jerk of his head, indicating the outer world.	Он лишь дернул головой назад - дескать, вон, кругом все страхи.
'Things! Everybody!	- Всего боюсь!
The lot of 'em.'	И всех! Людей!
Then he bent down and suddenly kissed her unhappy face.	И вдруг нагнулся, поцеловал ее печальное лицо.
'Nay, I don't care,' he said. 'Let's have it, an' damn the rest.	- Не верьте. Мне тоже наплевать. Будем вместе, и пусть все катятся к чертовой бабушке.
But if you was to feel sorry you'd ever done it —!'	Только б вам потом жалеть не пришлось!
'Don't put me off,' she pleaded.	- Не отказывайтесь от меня, - истово попросила она.
He put his fingers to her cheek and kissed her again suddenly. 'Let me come in then,' he said softly. 'An' take off your mackintosh.'	Он погладил ее по щеке и снова поцеловал - опять так неожиданно - и тихо сказал: - Тогда хоть пустите меня в дом. И снимайте-ка плащ.
He hung up his gun, slipped out of his wet leather jacket, and reached for the blankets.	Он повесил ружье, стащил с себя мокрую куртку, полез за одеялами.
'I brought another blanket,' he said, 'so we can put one over us if you like.'	- Я еще одно принес. Так что теперь есть чем укрыться.
'I can't stay long,' she said. 'Dinner is half-past seven.'	- Я совсем ненадолго, - предупредила Конни. - В половине восьмого ужин.
He looked at her swiftly, then at his watch.	Он взглянул на нее, тут же перевел взгляд на часы.
'All right,' he said.	- Будь по-вашему.
He shut the door, and lit a tiny light in the hanging hurricane lamp. 'One time we'll have a long time,' he said.	- Запер дверь, зажег маленький огонек в фонаре. -Ничего. Мы свое еще возьмем, успеется.
He put the blankets down carefully, one folded for her head.	Он аккуратно расстелил одеяла, одно скатал валиком ей под голову.

Then he sat down a moment on the stool, and drew her to him, holding her close with one arm, feeling for her body with his free hand.	Потом присел на табурет, привлек Конни к себе, обнял одной рукой, а другой принялся гладить ее тело.
She heard the catch of his intaken breath as he found her.	Она почувствовала, как у него перехватило дыхание.
Under her frail petticoat she was naked.	Под плащом на Конни были лишь нижняя юбка да сорочка.

'Eh! what it is to touch thee!' he said, as his finger caressed the delicate, warm, secret skin of her waist and hips.	- Да такого тела и коснуться - уже счастье! - прошептал он, нежно оглаживая ее торс - кожа у Конни была шелковистая, теплая, загадочная.
He put his face down and rubbed his cheek against her belly and against her thighs again and again.	Он приник лицом к ее животу, потерся щекой, стал целовать бедра.
And again she wondered a little over the sort of rapture it was to him. She did not understand the beauty he found in her, through touch upon her living secret body, almost the ecstasy of beauty.	Она не могла взять в толк, что приводит его в такой восторг, не понимала красоты, таившейся в ней, красоты живого тела, красоты, что сама -восторг!
For passion alone is awake to it.	И откликается на нее лишь страсть.
And when passion is dead, or absent, then the magnificent throb of beauty is incomprehensible and even a little despicable; warm, live beauty of contact, so much deeper than the beauty of vision.	А если страсть спит или ее нет вообще, то не понять величия и великолепия тела, оно видится едва ли не чем-то постыдным.
She felt the glide of his cheek on her thighs and belly and buttocks, and the close brushing of his moustache and his soft thick hair, and her knees began to quiver.	Она ощущала, как льнет его щека то к ее бедрам, то к животу, то к ягодицам. Чуть щекотали усы и короткие мягкие волосы. У Конни задрожали колени.
Far down in her she felt a new stirring, a new nakedness emerging.	Внутри все сжалось - будто с нее сняли последний покров.
And she was half afraid. Half she wished he would not caress her so.	"Зачем, зачем он так ласкает, - в страхе думала она, - не надо бы".
He was encompassing her somehow.	Его ласки заполняли ее, обволакивали со всех сторон.
Yet she was waiting, waiting.	И она напряженно выжидала.
And when he came into her, with an intensification of relief and consummation that was pure peace to him, still she was waiting. She felt herself a little left out.	Но вот он вторгся в ее плоть, неистово, жадно, словно торопился сбросить тяжкое бремя, и сразу исполнился совершенным покоем, она все выжидала, чувствуя себя обойденной.
And she knew, partly it was her own fault.	Отчасти сама виновата: внушила себе эту отстраненность.
She willed herself into this separateness. Now perhaps she was condemned to it.	Теперь, возможно, всю жизнь страдать придется.
She lay still, feeling his motion within her, his deep-sunk intentness, the sudden quiver of him at the springing of his seed, then the slow-sub si ding thrust.	Она лежала не шевелясь, чувствуя глубоко внутри биение его сильной плоти. Вот его пронзила дрожь, струей ударило семя, и мало-помалу напряжение стало спадать.
That thrust of the buttocks, surely it was a little ridiculous.	Как смешно напрягал он ягодицы, стараясь глубже внедриться в ее плоть.

If you were a woman, and a part in all the business, surely that thrusting of the man's buttocks was supremely ridiculous.	Да, для женщины, да еще причастной ко всему этому, сокращение ягодиц, да и все телодвижения мужчины кажутся в высшей степени смешными.
Surely the man was intensely ridiculous in this posture and this act!	Да и сама поза мужчины, и все его действия так смешны!
But she lay still, without recoil.	Однако Конни лежала не шевелясь, и душа ее не корчилась от омерзения.
Even when he had finished, she did not rouse herself to get a grip on her own satisfaction, as she had done with Michaelis; she lay still, and the tears slowly filled and ran from her eyes.	И когда он кончил, она даже не попыталась возобладать над ним, чтобы самой достичь удовлетворения (как некогда с Микаэлисом). Она лежала не шевелясь, и по щекам у нее катились слезы.
He lay still, too. But he held her close and tried to cover her poor naked legs with his legs, to keep them warm.	Он тоже лежал тихо, но по-прежнему крепко обнимал ее, старался согреть ее худые голые ноги меж своими.
He lay on her with a close, undoubting warmth.	Тесно прижавшись к ней, он отдавал ей свое тепло.
'Are yer cold?' he asked, in a soft, small voice, as if she were close, so close.	- Замерзла? - прошептал он нежно, как самой близкой душе.
Whereas she was left out, distant.	А душа эта, меж тем, была далеко, чувствуя себя обойденной.
'No!	- Нет.
But I must go,' she said gently.	Мне пора, - тихо отозвалась она.

He sighed, held her closer, then relaxed to rest again.	Он вздохнул, еще крепче обнял и отпустил.
He had not guessed her tears.	О том, что она плакала, он и не догадывался.
He thought she was there with him.	Он думал, что она здесь, рядом, не только телом, но и душой.
'I must go,' she repeated.	- Мне пора, - повторила она.
He lifted himself kneeled beside her a moment, kissed the inner side of her thighs, then drew down her skirts, buttoning his own clothes unthinking, not even turning aside, in the faint, faint light from the lantern.	Он приподнялся и, стоя на коленях, поцеловал ей ноги. Потом оправил на ней юбку, застегнул одежду на себе. Делал он все механически, даже не глядя по сторонам, - его слабо освещал фонарь на стене.
'Tha mun come ter th' cottage one time,' he said, looking down at her with a warm, sure, easy face.	- Заглядывай ко мне, когда захочется, - сказал он, глядя на нее сверху вниз, и лицо у него было ласковое, покойное и уверенное.
But she lay there inert, and was gazing up at him thinking: Stranger! Stranger!	Конни недвижно лежала на полу, смотрела на егеря и думала: нет, этот мужчина чужой, чужой!
She even resented him a little.	В душе даже шевельнулась неприязнь.
He put on his coat and looked for his hat, which had fallen, then he slung on his gun.	Он надел куртку, поднял упавшую шляпу, повесил на ружье.
'Come then!' he said, looking down at her with those warm, peaceful sort of eyes.	- Ну же, вставай! - И взгляд его был все так же ласков и покоен.

She rose slowly.	Она медленно поднялась.
She didn't want to go.	Ей не хотелось уходить.
She also rather resented staying.	Но и оставаться тошно.
He helped her with her thin waterproof and saw she was tidy.	Он накинул ей на плечи тонкий плащ, оправил его.
Then he opened the door.	Потом открыл дверь.
The outside was quite dark.	За порогом уже стемнело.
The faithful dog under the porch stood up with pleasure seeing him.	Собака у крыльца вскочила и преданно уставилась на хозяина.
The drizzle of rain drifted greyly past upon the darkness.	С мглистого неба сыпал унылый дождь.
It was quite dark.	Близилась ночь.
'Ah mun ta'e th' lantern,' he said. 'The'll be nob'dy.'	- Может, мне фонарь засветить? - спросил егерь.- Все равно в лесу никого нет.
He walked just before her in the narrow path, swinging the hurricane lamp low, revealing the wet grass, the black shiny tree-roots like snakes, wan flowers.	Он шагал впереди, освещая узкую тропу фонарем, держа его низко, над блестящей от дождя травой, над свитыми в змеиный клубок корневищами, над поникшими цветами.
For the rest, all was grey rain-mist and complete darkness.	А все вокруг за кисеей измороси тонуло в кромешной тьме.
'Tha mun come to the cottage one time,' he said, 'shall ta?	- Заглядывай в сторожку, когда захочется, -повторил он. - Хорошо?
We might as well be hung for a sheep as for a lamb.'	Все одно: семь бед - один ответ.
It puzzled her, his queer, persistent wanting her, when there was nothing between them, when he never really spoke to her, and in spite of herself she resented the dialect.	Ей была удивительна и непонятна его ненасытная тяга к ней. Ведь их же, по сути, ничто не связывало. Он толком ни разу с ней не поговорил. А то, что она слышала, резало слух Конни, хоть в душе она и сопротивлялась, - грубостью, просторечием.
His tha mun come' seemed not addressed to her, but some common woman.	Это его "заглядывай ко мне", казалось, обращено не к ней, Конни, - а к простой бабе.
She recognized the foxglove leaves of the riding and knew, more or less, where they were.	Вот под лучом фонаря мелькнули листья наперстянки, и Конни сообразила, где они находятся.
'It's quarter past seven,' he said, 'you'll do it.'	- Сейчас четверть восьмого, - успокоил он, - ты успеешь.
He had changed his voice, seemed to feel her distance.	Почувствовав, что его речь отвращает ее, он заговорил по-иному.
As they turned the last bend in the riding towards the hazel wall and the gate, he	Вот и последний поворот аллеи, сейчас покажутся заросли орешника, а за ними -ворота. Он потушил фонарь. - Здесь уже

blew out the light. 'We'll see from here,' he said, taking her gently by the arm.	не заплутаемся, - сказал он и ласково взял ее подруку.
---	--

But it was difficult, the earth under their feet was a mystery, but he felt his way by tread: he was used to it.	Идти в темноте трудно, не угадать, что под ногами - кочка или рытвина. Егерь шел едва ли не на ощупь, ему не привыкать, и вел ее за собой.
At the gate he gave her his electric torch. 'It's a bit lighter in the park,' he said; 'but take it for fear you get off th' path.'	У ворот он дал ей свой электрический фонарик. -В парке-то хоть и не так темно, все ж возьми, вдруг с тропинки собьешься.
It was true, there seemed a ghost-glimmer of greyness in the open space of the park.	И верно, деревья в парке росли реже, и меж ними курилась серебристо-серая призрачная дымка.
He suddenly drew her to him and whipped his hand under her dress again, feeling her warm body with his wet, chill hand.	Вдруг егерь привлек Конни к себе, сунул холодную, мокрую руку ей под плащ и принялся гладить ее теплое тело.
I could die for the touch of a woman like thee,' he said in his throat. If tha' would stop another minute.'	- За то, чтоб такой женщины, как ты, коснуться, жизни не пожалею. - Голос у него сорвался. -Подожди, ну хоть минутку подожди.
She felt the sudden force of his wanting her again.	И вновь она почувствовала его неумную страсть.
'No, I must run,' she said, a little wildly.	- Нет-нет, мне и так бегом придется бежать. -Конни даже слегка испугалась.
'Ay,' he replied, suddenly changed, letting her go.	- Понимаю, - кивнул он, понурился и отпустил ее.
She turned away, and on the instant she turned back to him saying: 'Kiss me.'	Она уже на ходу вдруг задержалась на мгновение и обернулась. - Поцелуй меня.
He bent over her indistinguishable and kissed her on the left eye.	Во тьме его было уже не различить, она лишь почувствовала, как его губы коснулись левого глаза.
She held her mouth and he softly kissed it, but at once drew away. He hated mouth kisses.	Чуть отвела голову, нашла его губы своими, и он скоро и нежно поцеловал ее. Раньше он терпеть не мог целоваться в губы.
'I'll come tomorrow,' she said, drawing away; 'if I can,' she added.	- Я приду завтра, - пообещала она, отходя, - если смогу.
'Ay! not so late,' he replied out of the darkness. Already she could not see him at all.	- Хорошо! Только не так поздно, - донеслось до нее из тьмы. Мглистая ночь поглотила егеря.
'Goodnight,' she said.	- Спокойной ночи! - попрощалась она.
'Goodnight, your Ladyship,' his voice.	- Спокойной ночи, ваша милость! - откликнулась мгла.
She stopped and looked back into the wet dark.	Конни остановилась, пристально вглядываясь в дождливую ночь.
She could just see the bulk of him. 'Why did you say that?' she said.	Но разглядела лишь темный силуэт егеря. -Почему ты так сказал? - спросила она.
'Nay,' he replied. 'Goodnight then, run!'	- Да так, - донеслось до нее. - Покойной ночи. Тебе нужно спешить.
She plunged on in the dark-grey tangible night.	И она нырнула в крошечную мглу.
She found the side-door open, and slipped into her room unseen.	Боковая дверь усадьбы оказалась открытой, и ей удалось незаметно прошмыгнуть наверх.

As she closed the door the gong sounded, but she would take her bath all the same—she must take her bath. 'But I won't be late any more,' she said to herself; 'it's too annoying.'	Не успела она закрыть за собой дверь, как прозвучал гонг - пора ужинать. Нет, сперва она примет ванну, нужно непременно принять ванну. "Ни за что больше не буду опаздывать! - пообещала она самой себе. - Только нервы трепать".
The next day she did not go to the wood. She went instead with Clifford to Uthwaite.	На следующий день она не пошла в лес, а поехала с Клиффордом в Атуэйт.
He could occasionally go out now in the car, and had got a strong young man as chauffeur, who could help him out of the car if need be.	Изредка он позволял себе выезжать из усадьбы. Шофером у него служил крепкий парень, способный, в случае надобности, вынести хозяина из машины.
He particularly wanted to see his godfather, Leslie Winter, who lived at Shipley Hall, not far from Uthwaite.	Клиффорду вдруг захотелось повидать своего крестного отца, Лесли Уинтера. Он жил в усадьбе Шипли неподалеку от Атуэйта.
Winter was an elderly gentleman now, wealthy, one of the wealthy coal-owners who had had their	Был он уже немолод, богат - из тех шахтовладельцев, кто процветал при короле Эдуарде.

hey-day in King Edward's time.	
King Edward had stayed more than once at Shipley, for the shooting.	Его Величество и сам наведывался в Шипли поохотиться.
It was a handsome old stucco hall, very elegantly appointed, for Winter was a bachelor and prided himself on his style; but the place was beset by collieries.	Сердце усадьбы - старинный дом, изукрашенный лепниной, со вкусом обставленный: мистер Уинтер жил холостяком и весьма гордился убранством дома. Впечатление портили только бесчисленные шахты окрест.
Leslie Winter was attached to Clifford, but personally did not entertain a great respect for him, because of the photographs in illustrated papers and the literature.	Клиффорда он любил, но особого уважения как к писателю не питал - уж слишком часто мелькали в газетах и журналах имя и фотографии крестника.
The old man was a buck of the King Edward school, who thought life was life and the scribbling fellows were something else.	Старик, как неколебимый эдвардианец, считал, что жизнь есть жизнь и всякие щелкоперы к ней касательства не имеют.
Towards Connie the Squire was always rather gallant; he thought her an attractive demure maiden and rather wasted on Clifford, and it was a thousand pities she stood no chance of bringing forth an heir to Wragby.	С Конни старый дворянин держался неизменно любезно. Он считал ее красивой, скромной женщиной, и жизнь ее с Клиффордом, конечно же, лишена смысла. Весьма прискорбно, что ей не доведется дать жизнь наследнику Рагби.
He himself had no heir.	У самого Уинтера наследника не было.
Connie wondered what he would say if he knew that Clifford's game-keeper had been having intercourse with her, and saying to her 'tha mun come to th' cottage one time.'	Интересно, думала Конни, что старик скажет, узнай он о ее связи с мужниным егерем, который предлагает "заглянуть в сторожку, когда захочется".
He would detest and despise her, for he had come almost to hate the shoving forward of the working classes.	Старый джентльмен, наверное, поморщится от презрения и отвращения. Он не выносил, когда чернь тщилась попасть "из грязи в князи".

A man of her own class he would not mind, for Connie was gifted from nature with this appearance of demure, submissive maidenliness, and perhaps it was part of her nature.	Будь у нее любовник ее круга, он бы и словом не попрекнул: ведь у Конни такой дар -женственность в сочетании со скромностью и смирением, именно в этом ее суть.
Winter called her ' dear child' and gave her a rather lovely miniature of an eighteenth-century lady, rather against her will.	Уинтер звал ее "милая девочка" и буквально навязал ей в подарок красивую миниатюру, портрет дамы в костюме восемнадцатого века.
But Connie was preoccupied with her affair with the keeper.	Конни невольно сравнивала каждого с егерем.
After all, Mr Winter, who was really a gentleman and a man of the world, treated her as a person and a discriminating individual; he did not lump her together with all the rest of his female womanhood in his 'thee' and 'tha'.	Вот мистер Уинтер - настоящий джентльмен, светский, воспитанный человек, относится к ней как к личности, выделяет ее среди прочих, для него она не просто одна из тысячи обыкновенных женщин, он не позволит себе обратиться к ней на "ты".
She did not go to the wood that day nor the next, nor the day following.	Не пошла она в лес и через день, и через два.
She did not go so long as she felt, or imagined she felt, the man waiting for her, wanting her.	Пока он ждет ее, пока вожделеет (как ей представлялось), она не пойдет.
But the fourth day she was terribly unsettled and uneasy.	Однако на четвертый день она уже не находила себе места, ее охватила тревога.
She still refused to go to the wood and open her thighs once more to the man.	Нет, все равно не пойдет в лес, не отдаст свое тело этому мужчине.
She thought of all the things she might do—drive to Sheffield, pay visits, and the thought of all these things was repellent.	Надо себя чем-то занять: поехать ли в Шеффилд, навестить ли кого. Однако даже думать об этом невыносимо.
At last she decided to take a walk, not towards the wood, but in the opposite direction; she would go to Marehay, through the little iron gate in the other side of the park fence.	Наконец, она решила прогуляться, но пошла не к лесу, а в противоположную сторону - через железные ворота в другом конце парка.
It was a quiet grey day of spring, almost warm.	Тихий, пасмурный весенний денек, совсем не холодно.
She walked on unheeding, absorbed in thoughts she was not even conscious of She was not really aware of anything outside her, till she was startled by the loud barking of the dog at Marehay Farm. Marehay Farm!	Она шла, погрузившись в раздумья, ненарочные, неосознанные. Она шла, ничего не замечая вокруг. Но вот залаяли собаки, и Конни от неожиданности вздрогнула - она забрела во владения соседей, на ферму Мэрхей.

Its pastures ran up to Wragby park fence, so they were neighbours, but it was some time since Connie had called.	Их пастбища примыкали к парку Рагби. Давненько Конни здесь не бывала.
'Bell!' she said to the big white bull-terrier. 'Bell! have you forgotten me? Don't you know me?'	- Милка! - позвала она большого белого бультерьера. - Милка! Ты меня не узнала? Неужели забыла?
She was afraid of dogs, and Bell stood back and bellowed, and she wanted to pass through the farmyard on to the warren path.	Конни боялась собак. Милка чуть отступила и продолжала неистово лаять. Не пройти Конни к охотничьему заповеднику.

Mrs Flint appeared. She was a woman of Constance's own age, had been a school-teacher, but Connie suspected her of being rather a false little thing.	Вышла миссис Флинт, ровесница Констанции, в прошлом - учительница. Конни она не нравилась, чувствовалась в ней неискренность.
'Why, it's Lady Chatterley! Why!'	- Никак леди Чаттерли! Надо ж!
And Mrs Flint's eyes glowed again, and she flushed like a young girl. 'Bell, Bell.	- Глаза у миссис Флинт заблестели, она смущенно, по-девичьи зарделась. - Эх, Милка!
Why! barking at Lady Chatterley! Bell! Be quiet!'	Как не стыдно лаять на леди Чаттерли! Ну-ка, замолчи!
She darted forward and slashed at the dog with a white cloth she held in her hand, then came forward to Connie.	- Она подбежала к собаке и огрела ее тряпкой. Только потом подошла к Конни.
'She used to know me,' said Connie, shaking hands.	- Раньше она меня признавала, - заметила Конни, пожимая руку соседке.
The Flints were Chatterley tenants.	Семья Флинтов арендовала у Чаттерли землю.
'Of course she knows your Ladyship!'	- Да она и сейчас вас помнит.
She's just showing off,' said Mrs Flint, glowing and looking up with a sort of flushed confusion, 'but it's so long since she's seen you.	Просто норов показывает, - расплывшись в улыбке, сияя, не сводя с Конни чуть смущенного взгляда, сказала миссис Флинт. - Да и впрямь, давненько она вас не видела.
I do hope you are better.'	Надеюсь, вы себя лучше чувствуете?
'Yes thanks, I'm all right.'	- Благодарю вас. Я здорова.
'We've hardly seen you all winter.	- Мы ведь всю зиму вас, можно сказать, и не видели.
Will you come in and look at the baby?'	Не соизволите ли в дом, я вам свою малышку покажу.
'Well!' Connie hesitated. 'Just for a minute.'	- Хорошо, зайду. Но только на минутку.
Mrs Flint flew wildly in to tidy up, and Connie came slowly after her, hesitating in the rather dark kitchen where the kettle was boiling by the fire. Back came Mrs Flint.	Миссис Флинт ринулась вперед - наводить порядок, Конни медленно пошла следом, войдя на кухню, нерешительно остановилась. На плите в чайнике кипела вода. Подоспела миссис Флинт.
'I do hope you'll excuse me,' she said. 'Will you come in here?'	- Вы уж меня простите, ради Бога. Заходите, пожалуйста.
They went into the living-room, where a baby was sitting on the rag hearth rug, and the table was roughly set for tea.	Они вошли в комнату. Перед камином на коврике сидела маленькая девочка. Стол на скорую руку накрыт к чаю.
A young servant-girl backed down the passage, shy and awkward.	Неуклюжая и робкая молодая служанка спряталась в коридоре.
The baby was a perky little thing of about a year, with red hair like its father, and cheeky pale-blue eyes. It was a girl, and not to be daunted.	Малышка была бойкой, рыжеволосой - в отца, с голубыми пытливыми глазами и явно не из пугливых.
It sat among cushions and was surrounded with rag dolls and other toys in modern excess.	Она сидела меж подушек, на полу валялись тряпичные куклы и, как теперь принято в семьях, множество игрушек.

'Why, what a dear she is!' said Connie, 'and how she's grown! A big girl! A big girl!'	- Ой, какая славная девочка! И как выросла! Совсем большая!
She had given it a shawl when it was born, and celluloid ducks for Christmas.	Когда малышка появилась на свет, Конни подарила ей шаль, а к Рождеству - целлулоидных утят.
'There, Josephine! Who's that come to see you?'	- Ну-ка, Джозефина, посмотри, кто к нам пришел!
Who's this, Josephine?	Кто это, а?
Lady Chatterley—you know Lady Chatterley, don't you?'	Это - леди Чаттерли, ты ее узнала?

The queer pert little mite gazed cheekily at Connie. Ladyships were still all the same to her.	Отважная кроха беззастенчиво уставилась на Конни - в дворянских титулах она пока не разбиралась.
'Come! Will you come to me?' said Connie to the baby.	- Иди ко мне, маленькая! Ну? - И Конни протянула руки.
The baby didn't care one way or another, so Connie picked her up and held her in her lap.	Девочке, очевидно, было все равно. Конни подхватила ее с пола и усадила к себе на колени.
How warm and lovely it was to hold a child in one's lap, and the soft little arms, the unconscious cheeky little legs.	До чего ж приятно чувствовать теплое, нежное тельце, трогать мягкие ручонки, безотчетно сучащие ножки!
'I was just having a rough cup of tea all by myself.	- Я только что села чаю попить.
Luke's gone to market, so I can have it when I like.	Лук уехал на рынок, вот я свободой и пользуюсь.
Would you care for a cup, Lady Chatterley?	Выпьете со мной чашечку, а?
I don't suppose it's what you're used to, but if you would...'	Вы, конечно, не к такому чаю привыкли, но все ж не откажите.
Connie would, though she didn't want to be reminded of what she was used to.	Конни не отказала, хотя ее и укололо замечание хозяйки - мало ли, какой чай она пьет.
There was a great relaying of the table, and the best cups brought and the best tea-pot.	Миссис Флинт принялась накрывать на стол заново, выставила лучшие чашки, самый нарядный чайник.
'If only you wouldn't take any trouble,' said Connie.	- Только вы. Бога ради, не хлопочите, - попросила Конни.
But if Mrs Flint took no trouble, where was the fun!	Но для миссис Флинт в этих хлопотах - самая радость.
So Connie played with the child and was amused by its little female dauntlessness, and got a deep voluptuous pleasure out of its soft young warmth.	Конни забавлялась с малышкой. Поразительно: такая кроха, а уже проснулось женское своеволие. Конни доставляло поистине чувственное наслаждение это маленькое, теплое тельце.
Young life! And so fearless! So fearless, because so defenceless.	Новая жизнь! Такая беззащитная, а потому и не ведающая страха!
All the other people, so narrow with fear!	А взрослых страх держит в узилище!
She had a cup of tea, which was rather strong, and very good bread and butter, and bottled damsons.	Она выпила чашку крепкого чая, съела ломоть вкусного хлеба с маслом и вареньем из тернослива.

Mrs Flint flushed and glowed and bridled with excitement, as if Connie were some gallant knight.	Миссис Флинт и стыдливо краснела, и сияла от счастья, и волновалась, точно перед ней не Конни, а храбрый рыцарь.
And they had a real female chat, and both of them enjoyed it.	Они разговорились, разговор получился душевный, истинно женский, и обе остались довольны.
'It's a poor little tea, though,' said Mrs Flint.	- Вы уж простите за плохой чай, - вздохнула миссис Флинт.
'It's much nicer than at home,' said Connie truthfully.	- Что вы! Он много вкуснее, чем дома! - ответила Конни и не слукавила.
'Oh-h!' said Mrs Flint, not believing, of course.	- Ну уж! - Миссис Флинт, конечно, не поверила.
But at last Connie rose.	Но вот Конни поднялась.
'I must go,' she said. 'My husband has no idea where I am. He'll be wondering all kinds of things.'	- Мне пора, - сказала она. - Муж знать не знает, где меня искать. Еще подумает что-нибудь.
'He'll never think you're here,' laughed Mrs Flint excitedly. 'He'll be sending the crier round.'	- Ему и в голову не придет, что вы у нас. Миссис Флинт возбужденно хохотнула. - Придется ему по всей округе гонцов рассылать.
'Goodbye, Josephine,' said Connie, kissing the baby and ruffling its red, wispy hair.	- До свидания, Джозефина. - Конни поцеловала малышку и взъерошила рыжие жесткие кудерки.
Mrs Flint insisted on opening the locked and barred front door. Connie emerged in the farm's little front garden, shut in by a privet hedge.	Миссис Флинт по столь торжественному случаю бросилась открывать наглухо запертую и заставленную вещами парадную дверь, что выводила в палисадник, огороженный кустами бирючины.
There were two rows of auriculas by the path, very velvety and rich.	По обеим сторонам тропинки рядами выстроились пышные бархатные примулы.

'Lovely auriculas,' said Connie.	- Какие красивые! - похвалила Конни.
'Recklesses, as Luke calls them,' laughed Mrs Flint. Have some.'	- Мой Люк их примусы называет, - рассмеялась миссис Флинт. - Возьмите-ка с собой.
And eagerly she picked the velvet and primrose flowers.	И принялась с готовностью срывать лимонно-желтые, с пушком цветы.
'Enough! Enough!' said Connie.	- Хватит! Хватит! - остановила ее Конни.
They came to the little garden gate.	Они подошли к садовой калитке.
'Which way were you going?' asked Mrs Flint.	- Вы каким путем пойдете? - поинтересовалась миссис Флинт.
By the Warren.'	- Через заповедник.
'Let me see! Oh yes, the cows are in the gin close.	- Подождите, посмотрю, загнали коров или нет.
But they're not up yet.	Нет еще.
But the gate's locked, you'll have to climb.'	Ворота заперты, придется вам через ограду перелезть.
'I can climb,' said Connie.	- Ничего, перелезу.
'Perhaps I can just go down the close with you.'	- Давайте-ка я вас хоть до загона провожу.

They went down the poor, rabbit-bitten pasture.	Они пошли по скудной - после кроличьих набегов - лужайке.
Birds were whistling in wild evening triumph in the wood.	В лесу птицы уже завели радостные вечерние песни.
A man was calling up the last cows, which trailed slowly over the path-worn pasture.	Пастух скликал отбившихся коров, и они медленно возвращались по исхоженной, с проплешинами луговине.
'They're late, milking, tonight,' said Mrs Flint severely. 'They know Luke won't be back till after dark.'	- Припоздали они сегодня с доением, - с упреком заметила миссис Флинт, - пользуются тем, что Люк Затемно вернется.
They came to the fence, beyond which the young fir-wood bristled dense.	Они подошли к ограде, за которой топорщил иголки молодой густой ельник.
There was a little gate, but it was locked.	Калитка оказалась запертой.
In the grass on the inside stood a bottle, empty.	С другой стороны на траве стояла пустая бутылка.
'There's the keeper's empty bottle for his milk,' explained Mrs Flint. 'We bring it as far as here for him, and then he fetches it himself ¹	- Это егерь оставил, для молока, - пояснила миссис Флинт. - Мы ему сюда молоко носим, а он потом забирает.
'When?' said Connie.	- Когда?
'Oh, any time he's around.	- Да когда ему случится мимо идти.
Often in the morning.	Чаще по утрам.
Well, goodbye Lady Chatterley!	Ну, что ж! До свидания, леди Чаттерли!
And do come again.	Приходите, не забывайте.
It was so lovely having you.'	Мы вам всегда рады.
Connie climbed the fence into the narrow path between the dense, bristling young firs.	Конни перелезла через ограду и оказалась на тропе меж густых молодых елей.
Mrs Flint went running back across the pasture, in a sun-bonnet, because she was really a schoolteacher.	А миссис Флинт бегом поспешила через пастбище домой. На голове у нее была смешная, старомодная шляпка, одно слово - учительница.
Constance didn't like this dense new part of the wood; it seemed gruesome and choking.	Конни не понравился молодой ельник: очень мрачно, и дышать тяжело.
She hurried on with her head down, thinking of the Flints' baby.	Она ускорила шаг и опустила голову. Вспомнилась дочурка миссис Флинт.
It was a dear little thing, but it would be a bit bow-legged like its father.	До чего ж милое дитя. Правда, ноги кривоваты, как у отца.
It showed already, but perhaps it would grow out of it.	Уже сейчас заметно, хотя, может, вырастет девочка - выправится.
How warm and fulfilling somehow to have a baby, and how Mrs Flint had showed it off!	Как греет сердце ребенок! Как полноценна жизнь матери! И как бесстыдно миссис Флинт хвастала своим материнством!
She had something anyhow that Connie hadn't got, and apparently couldn't have.	У нее есть то, чего нет и, скорее всего, никогда не будет у Конни.

Yes, Mrs Flint had flaunted her motherhood.

Да, миссис Флинт гордилась, и еще как!

And Connie had been just a bit, just a little bit jealous. She couldn't help it.	И Конни - совсем против воли - позавидовала ей, пусть чуть-чуть, но позавидовала.
She started out of her muse, and gave a little cry of fear.	Вдруг она вздрогнула и даже вскрикнула от страха.
A man was there.	На тропе стоял мужчина!
It was the keeper. He stood in the path like Balaam's ass, barring her way.	Стоял недвижно, упрямо, точно Валаамова ослица, и преграждал ей путь. Это был егерь.
'How's this?' he said in surprise.	- Ты как здесь очутилась? - изумленно спросил он.
'How did you come?' she panted.	- А ты как? - еще не отдышавшись, прошептала Конни.
'How did you? Have you been to the hut?'	- Ты откуда? Из сторожки?
'No! No! I went to Marehay.'	- Нет. Я была на ферме Мэрхей.
He looked at her curiously, searchingly, and she hung her head a little guiltily.	Он внимательно, испытующе посмотрел на нее, и она виновато потупилась.
'And were you going to the hut now?' he asked rather sternly. 'No! I mustn't.'	- А сейчас куда? В сторожку? - сурово спросил он. - Нет. Уже некогда.
I stayed at Marehay. No one knows where I am.	Я просидела у соседей, а дома не знают, где я.
I'm late.	И так опаздываю.
I've got to run.'	Впору бегом бежать.
'Giving me the slip, like?' he said, with a faint ironic smile. 'No! No. Not that.'	- Ты меня избегаешь, что ли? - насмешливо спросил он. - Нет, что ты! Мне только...
Only—' 'Why, what else?' he said.	- Только что? - оборвал ее егерь.
And he stepped up to her and put his arms around her.	Подступил к ней, обнял.
She felt the front of his body terribly near to her, and alive.	Она почувствовала, как он прижимается животом к ее телу, как шевелится, пробуждается его ненасытная плоть.
'Oh, not now, not now,' she cried, trying to push him away.	- Нет, не надо! Не сейчас! - выкрикнула она, отталкивая его.
'Why not?'	- Почему ж не сейчас?
It's only six o'clock.	Только шесть!
You've got half an hour.	Еще есть полчаса.
Nay! Nay! I want you.'	Не уходи! Не уходи! Мне без тебя плохо.
He held her fast and she felt his urgency. Her old instinct was to fight for her freedom.	Он еще крепче обнял ее, и она почувствовала, сколь велико его желание. Первое побуждение Конни, укоренившееся с юности, - бороться. Вырваться на свободу.
But something else in her was strange and inert and heavy.	Но странное дело: что-то удерживало, не пускало, точно внутри тяжелые гири.
His body was urgent against her, and she hadn't the heart any more to fight.	Она чувствовала нетерпение его плоти, и сил бороться уже не осталось.

He looked around.	Егерь оглянулся.
Come—come here!	- Пойдем! Пойдем вон туда!
Through here,' he said, looking penetratingly into the dense fir-trees, that were young and not more than half-grown. He looked back at her.	- Он углядел в чаще ельника прогалину с совсем юными деревцами. И позвал взглядом Конни.
She saw his eyes, tense and brilliant, fierce, not loving.	Но во взгляде его, неистовом и горящем, она не нашла любви.
But her will had left her. A strange weight was on her limbs. She was giving way. She was giving up.	Впрочем, силы уже покинули ее. Ни шагу ступить. Ни руки поднять. Она подчинилась мужчине.
He led her through the wall of prickly trees, that were	Меллорс потащил ее сквозь колючий, стеной

difficult to come through, to a place where was a little space and a pile of dead boughs.	стоявший ельник. С трудом пробрались они к прогалине, нашли кучу валежника.
He threw one or two dry ones down, put his coat and waistcoat over them, and she had to lie down there under the boughs of the tree, like an animal, while he waited, standing there in his shirt and breeches, watching her with haunted eyes. But still he was provident—he made her lie properly, properly.	Егерь разворошил ее, расстелил куртку и жилет, сам остался в рубашке и брюках. Затравленно посмотрел на Конни и застыл, точно зверь перед прыжком. Но звериную страсть свою смирил: бережно-бережно помог ей лечь.
Yet he broke the band of her underclothes, for she did not help him, only lay inert.	Конни словно окаменела, и, раздевая ее в нетерпении, Меллорс порвал застешки.
He too had bared the front part of his body and she felt his naked flesh against her as he came into her.	Он распахнул рубашку, и Конни почувствовала прикосновение его голой груди.
For a moment he was still inside her, turgid there and quivering.	С минуту он лежал на женщине не шевелясь, тело его напряглось и подрагивало.
Then as he began to move, in the sudden helpless orgasm, there awoke in her new strange thrills rippling inside her.	Потом неистово заходило вверх-вниз. И не в силах сдержать накопившееся сладострастие, он почти тут же разрядил себя.
Rippling, rippling, rippling, like a flapping overlapping of soft flames, soft as feathers, running to points of brilliance, exquisite, exquisite and melting her all molten inside. It was like bells rippling up and up to a culmination.	Как чутко вняла этому Конни: во чреве одна за другой покатались огненные волны. Нежные и легкие, ослепительно сверкающие; они не жгли, а плавили внутри - ни с чем не сравнимое ощущение. И еще: будто звенят-звенят колокольчики, все тоньше, все нежнее - так что вынести не вмоготу.
She lay unconscious of the wild little cries she uttered at the last.	Конни даже не слышала, как вскрикнула в самом конце.
But it was over too soon, too soon, and she could no longer force her own conclusion with her own activity. This was different, different.	Но до чего ж быстро - слишком быстро! - все разрешилось. Раньше она попыталась бы своими силами достичь удовлетворения, однако сейчас все совсем-совсем по-другому.
She could do nothing. She could no longer harden and grip for her own satisfaction upon him.	Непослушны руки, неподвластно тело - не получится у нее больше использовать мужчину как орудие.

She could only wait, wait and moan in spirit as she felt him withdrawing, withdrawing and contracting, coming to the terrible moment when he would slip out of her and be gone. Whilst all her womb was open and soft, and softly clamouring, like a sea-anemone under the tide, clamouring for him to come in again and make a fulfilment for her.	Ей остается лишь ждать, ждать и, чувствуя, как внутри убывает и слабеет его плоть, лишь горестно стенать про себя. И вот настает ужасный миг - тела уже разъяты, - а все ее естество еще нежно внемлет чудесному гостю, взывает ему вслед - так актиния, эта морская хризантема, каждым лепестком тянется за убывающей в отлив водой: вернись, вернись, напои меня и насыть.
She clung to him unconscious in passion, and he never quite slipped from her, and she felt the soft bud of him within her stirring, and strange rhythms flushing up into her with a strange rhythmic growing motion, swelling and swelling till it filled all her cleaving consciousness, and then began again the unspeakable motion that was not really motion, but pure deepening whirlpools of sensation swirling deeper and deeper through all her tissue and consciousness, till she was one perfect concentric fluid of feeling, and she lay there crying in unconscious inarticulate cries.	Конни бессознательно подалась вперед, снова прильнув к телу мужчины, и он застыл, долее не отстраняясь! Конни вновь почувствовала в себе его плоть. словно внутри постепенно распускается прекрасный цветок, - наливается силой и растет в глубь ее чрева, все дальше и дальше, все больше и больше, заполняя все вокруг. И она уже не чувствует, как ритмично движется тело мужчины, опять волна за волной накатывает блаженство, все полнее и мощнее; оно достает до сокровеннейших уголков плоти и души, и вот уже волны эти захлестнули, поглотили без остатка, и крики, безотчетные и бессловесные, рвутся из груди Конни.
The voice out of the uttermost night, the life!	Из чрева самой ночи рвется наружу жизнь!
The man heard it beneath him with a kind of awe, as his life sprang out into her.	И мужчина, благоговей и робей, внял ей и выплеснул свои животворящие соки. И с ними выплеснулась вся его страсть.
And as it subsided, he subsided too and lay utterly still, unknowing, while her grip on him slowly relaxed, and she lay inert. And they lay and knew nothing, not even of each other, both lost.	Он затих, приходя в себя, разомкнулись и ее объятия, она тоже лежала неподвижно. Вряд ли они сейчас чувствовали друг друга рядом. Страсть ослепила и оглушила обоих.
Till at last he began to rouse and become aware of his defenceless nakedness, and she was aware that his body was loosening its clasp on her. He	Вот он пошевелился, видно, вспомнил, что лежит голый, беззащитный - в лесу. И Конни почувствовала, как

was coming apart; but in her breast she felt she could not bear him to leave her uncovered. He must cover her now for ever. But he drew away at last, and kissed her and covered her over, and began to cover himself She lay looking up to the boughs of the tree, unable as yet to move.	разделяются их тела, как вновь она остается одна. Нет, нет, не смирится душа с этим! Он должен ее согреть и защищать всегда! Но он поднялся, прикрыл Конни, оделся сам. А она засмотрелась на еловые лапы, не находя еще сил подняться.
He stood and fastened up his breeches, looking round.	Он застегнул брюки, огляделся.
All was dense and silent, save for the awed dog that lay with its paws against its nose.	Пусто, тихо в ельнике - ни звука, даже собака недоуменно и испуганно замерла, положив морду на лапы.
He sat down again on the brushwood and took Connie's hand in silence.	Он присел на кучу валежника и молча взял Конни за руку.
She turned and looked at him. 'We came off together that time,' he said.	Она повернулась, взглянула на него. - Сегодня мы кончили одновременно, - сказал он.
She did not answer.	Она промолчала.

'It's good when it's like that.	- Какое счастье, - продолжал он.
Most folks live their lives through and they never know it,' he said, speaking rather dreamily.	- Сколько мужей с женами всю жизнь проживут, а такого не изведуют, - говорил он протяжно, как в полусне, и вид у него был блаженный.
She looked into his brooding face.	Конни не спускала с него глаз.
'Do they?' she said. 'Are you glad?' He looked back into her eyes. 'Glad,' he said, 'Ay, but never mind.'	- Как же они живут? - удивилась она. - А ты рад, что у нас так получилось? Он взглянул ей в глаза. - Рад...
He did not want her to talk.	Впрочем, что об этом говорить.
And he bent over her and kissed her, and she felt, so he must kiss her for ever.	- Ему не хотелось, чтобы она продолжала. Нагнувшись, он поцеловал ее. Конни почувствовала: вот как нужно целовать. Пусть целует ее так всю жизнь.
At last she sat up.	Конечно, пора и ей подниматься.
'Don't people often come off together?' she asked with naive curiosity.	- А что, разве мужчины и женщины редко кончают в одно время? - с простодушным любопытством спросила она.
'A good many of them never. You can see by the raw look of them.'	- Многие и знать не знают, что это такое.
He spoke unwittingly, regretting he had begun.	- Он уже жалел, что затеял такой разговор.
'Have you come off like that with other women?'	- А тебе это со многими женщинами удавалось?
He looked at her amused.	Он с улыбкой поглядел на нее.
'I don't know,' he said, 'I don't know.'	- Откуда мне знать?
And she knew he would never tell her anything he didn't want to tell her.	И она поняла: он никогда не расскажет того, чего не захочет.
She watched his face, and the passion for him moved in her bowels.	Она вгляделась в его лицо, и вновь внутри все зашлось - и вновь от страсти.
She resisted it as far as she could, for it was the loss of herself to herself.	Изо всех сил воспротивилась она вновь нахлынувшему чувству, ибо поддаться - значит потерять к себе всякое уважение.
He put on his waistcoat and his coat, and pushed a way through to the path again. The last level rays of the sun touched the wood. 'I won't come with you,' he said; 'better not.'	Он надел жилет, куртку и пошел торить путь сквозь ельник, пронизанный косыми закатными лучами. - Я, пожалуй, не пойду тебя провожать, - решил он.
She looked at him wistfully before she turned.	Перед тем как уйти, она долго смотрела на него.
His dog was waiting so anxiously for him to go, and he seemed to have nothing whatever to say.	Собаке уже не терпелось домой, да и хозяину, вроде бы, прибавить больше нечего.
Nothing left.	Ничего не осталось.
Connie went slowly home, realizing the depth of the other thing in her.	Медленно брела Конни к усадьбе; она поняла, что перемена в ней произошла глубокая.

Another self was alive in her, burning molten and soft in her womb and bowels, and with this self she adored	В недрах плоти появилась иная женщина - страстная, мягкая, податливая, души не чающая
--	---

him.	в егере.
She adored him till her knees were weak as she walked.	Настолько он ей люб, что ноги подгибаются, не хотят нести прочь.
In her womb and bowels she was flowing and alive now and vulnerable, and helpless in adoration of him as the most naive woman.	Все ее женское естество ожило, пришло в движение, открылось, не опасаясь своей уязвимости и незащищенности. В слепом обожании мужчины - любовь всякой простой души.
It feels like a child, she said to herself it feels like a child in me.	Будто у меня во чреве дитя, казалось ей, и оно уже шевелится!
And so it did, as if her womb, that had always been shut, had opened and filled with new life, almost a burden, yet lovely.	Так все и было. Только понесла она не во чреве, а в душе, до сей поры запертой и тоже, как и чрево, ненужной. А сейчас она наполнилась новой жизнью; Конни почти ощущала ее бремя, но бремя любимое и дорогое.
If I had a child!' she thought to herself; if I had him inside me as a child!'—and her limbs turned molten at the thought, and she realized the immense difference between having a child to oneself and having a child to a man whom one's bowels yearned towards.	"Вот был бы у меня ребенок, - мечтала она, - или был бы этот мужчина моим ребенком!" И жарче бежала кровь в жилах. Поняла она и другое: родить ребенка вообще и родить от мужчины, о котором тоскует плоть, - далеко не одно и то же.
The former seemed in a sense ordinary: but to have a child to a man whom one adored in one's bowels and one's womb, it made her feel she was very different from her old self and as if she was sinking deep, deep to the centre of all womanhood and the sleep of creation.	В одном случае - она обычная женщина, в другом - совершенно иная, не похожая на бывшую Конни. Словно она прикоснулась к самой сути женского естества; к самому началу жизни.
It was not the passion that was new to her, it was the yearning adoration.	Отнюдь не страсть была ей внове, а какое-то неутолимое обожание.
She knew she had always feared it, for it left her helpless; she feared it still, lest if she adored him too much, then she would lose herself become effaced, and she did not want to be effaced, a slave, like a savage woman.	Конни всю жизнь страшилась этого чувства, ибо оно лишало сил. Спасалась она и сейчас: если ее обожание слишком велико, она просто потеряет себя, исчезнет как личность, станет рабыней, как самая последняя дикарка.
She must not become a slave.	Но рабыней становиться нельзя.
She feared her adoration, yet she would not at once fight against it.	И она страшилась своего чувства к Меллорсу, однако бороться с этим чувством пока нет сил.
She knew she could fight it.	Но побороть его можно.
She had a devil of self-will in her breast that could have fought the full soft heaving adoration of her womb and crushed it.	В сердце у Конни закалилась железная воля, которая в два счета справится с очевидным плотским влечением.
She could even now do it, or she thought so, and she could then take up her passion with her own will.	Уже сейчас можно бы ополчиться на него - во всяком случае, Конни так казалось, - подчинить страсть своей воле.

Ah yes, to be passionate like a Bacchante, like a Bacchanal fleeing through the woods, to call on Iacchos, the bright phallos that had no independent personality behind it, but was pure god-servant to the woman!	Да, можно уподобиться вакханке и стремглав нестись по лесу навстречу с блистательным божеством - олицетворением фаллоса без какого-либо намека на чувства человеческие. Кто он? Так, услужливый божок. Потеха женской плоти!
The man, the individual, let him not dare intrude.	И незачем подпускать какие-то высокие мотивы.
He was but a temple-servant, the bearer and keeper of the bright phallos, her own.	Он всего лишь служитель храма, где царит Фаллос, - он его хранитель и носитель, а она -Жрица.
So, in the flux of new awakening, the old hard passion flamed in her for a time, and the man dwindled to a contemptible object, the mere phallos-bearer, to be torn to pieces when his service was performed.	Очередное откровение вновь разожгло бывшую страсть, только теперь мужчина сократился до своего презренного естества, стал лишь обладателем фаллоса. Ну, а когда он свою службу сослужит, его можно хоть в клочья разорвать.
She felt the force of the Bacchae in her limbs and her body, the woman gleaming and rapid, beating down the male; but while she felt this, her heart was heavy.	И она почувствовала в руках, во всем теле силу настоящей вакханки, быстрой, как ртуть, самки, способной одолеть самца. Но на сердце было тяжело.
She did not want it, it was known and barren, birthless; the adoration was her treasure.	Не хочется больше повелевать и верховодить. Все это бессмысленно и мертво. А обожание дает ей несметные богатства.
It was so fathomless, so soft, so deep and so unknown.	Чувство это беспредельно, несказанно нежно, глубоко и... незнакомо.

No, no, she would give up her hard bright female power; she was weary of it, stiffened with it; she would sink in the new bath of life, in the depths of her womb and her bowels that sang the voiceless song of adoration.	Нет, нет, прочь железная, негибкая воля. Устала Конни быть сильной, тесно душе в этих сверкающих доспехах. Сбросить их и окунуться в жизнь, чтобы снова во чреве заиграла радостная, бессловесная песня: обожаю и преклоняюсь!
It was early yet to begin to fear the man.	А бояться этого мужчины еще не время...
'I walked over by Marehay, and I had tea with Mrs Flint,' she said to Clifford. 'I wanted to see the baby. It's so adorable, with hair like red cobwebs. Such a dear!	- Я к соседям на ферму Мэрхей заглянула, -объяснила она Клиффорду. - И миссис Флинт меня чаем напоила. А какая у нее дочка! Такая прелесть! Волосы - как рыжая паутинка.
Mr Flint had gone to market, so she and I and the baby had tea together.	Мистер Флинт уехал на рынок, а мы чаевничали втроем - миссис Флинт, я и малышка.
Did you wonder where I was?'	Ты небось не знал, что и подумать.
'Well, I wondered, but I guessed you had dropped in somewhere to tea,' said Clifford jealously.	- Конечно, я волновался. Но потом понял, что ты к кому-то на чай заглянула, - не без ревности ответил Клиффорд.
With a sort of second sight he sensed something new in her, something to him quite incomprehensible, but he ascribed it to the baby.	Он не увидел, а, скорее, почувствовал какую-то перемену в жене, какую - он пока не знал, но решил, что это из-за малышки.
He thought that all that ailed Connie was that she did not have a baby, automatically bring one forth, so to speak.	И все горести и хворобы жены потому, что у нее у самой нет ребенка, подумал Клиффорд, нет чтобы этак - раз! - и произвела на свет божий в одночасье.

'I saw you go across the park to the iron gate, my Lady,' said Mrs Bolton; 'so I thought perhaps you'd called at the Rectory.'	- Я видела, ваша милость, как вы парком шли к выходу, думала, вы решили к нашему приходскому священнику наведаться, - сказала миссис Болтон.
'I nearly did, then I turned towards Marehay instead.'	- Верно, я собиралась, но потом свернула к ферме.
The eyes of the two women met: Mrs Bolton's grey and bright and searching; Connie's blue and veiled and strangely beautiful.	Женщины встретились взглядом. Серые, блестящие, пытливые глаза миссис Болтон и голубые, с поволокой, неброско красивые -Конни.
Mrs Bolton was almost sure she had a lover, yet how could it be, and who could it be?	Миссис Болтон почти не сомневалась, что у Конни есть любовник. Но вот как она его нашла и где?
Where was there a man?	И кто он?
'Oh, it's so good for you, if you go out and see a bit of company sometimes,' said Mrs Bolton. 'I was saying to Sir Clifford, it would do her ladyship a world of good if she'd go out among people more.'	- Вам только на пользу сходить в гости, поболтать с людьми, - не замедлила ответить миссис Болтон. - Я уже говорила сэру Клиффорду, что ее милости полезно на людях бывать.
'Yes, I'm glad I went, and such a quaint dear cheeky baby, Clifford,' said Connie. 'It's got hair just like spider-webs, and bright orange, and the oddest, cheekiest, pale-blue china eyes.'	- Да, я и сама очень рада, - подхватила Конни. -Ой, Клиффорд, до чего ж славная девчушка, уже с норовом. Волоски пушистые, легкие, словно паутина. И рыжие-прерыжие. Смотрит смело, не стесняется, глаза голубые, как у куклы.
Of course it's a girl, or it wouldn't be so bold, bolder than any little Sir Francis Drake.'	Не девочка, а прямо пират маленький.
'You're right, my Lady—a regular little Flint. They were always a forward sandy-headed family,' said Mrs Bolton.	- Точно, ваша милость, - у Флинтов в семье все такие: настырные и блондины, - поддакнула миссис Болтон.
'Wouldn't you like to see it, Clifford?	- А ты, Клиффорд, не хочешь на нее взглянуть?
I've asked them to tea for you to see it.'	Я пригласила их к нам на чай.
'Who?' he asked, looking at Connie in great uneasiness. 'Mrs Flint and the baby, next Monday.'	- Кого? - с беспокойством воззрился на жену Клиффорд. - Миссис Флинт с малышкой. На понедельник.
'You can have them to tea up in your room,' he said.	- Ты сможешь их принять у себя в комнате, -решил муж.
'Why, don't you want to see the baby?' she cried.	- Разве тебе не хочется взглянуть на девочку?! - воскликнула Конни.
' Oh, I'll see it, but I don't want to sit through a tea-time with them.'	- Отчего ж, взгляну, только чаи распивать с ними не собираюсь.
'Oh,' cried Connie, looking at him with wide veiled eyes. She did not really see him, he was somebody else.	- Ну что ж, - вздохнула Конни, голубые, словно дымкой подернутые глаза неотрывно смотрели на мужа, но видела она не его, а кого-то другого.

'You can have a nice cosy tea up in your room, my Lady, and Mrs Flint will be more comfortable than if Sir Clifford was there,' said Mrs Bolton.	- У вас в комнате еще уютнее, - встряла миссис Болтон, - а миссис Флинт даже свободнее себя будет чувствовать без сэра Клиффорда.
--	---

She was sure Connie had a lover, and something in her soul exulted.	Да, у нее, конечно же, есть любовник, обрадовавшись душой, подумала миссис Болтон.
But who was he?	Но кто он?
Who was he?	Кто?
Perhaps Mrs Flint would provide a clue.	Может, миссис флинт принесет и отгадку.
Connie would not take her bath this evening.	В тот вечер Конни не стала принимать ванну.
The sense of his flesh touching her, his very stickiness upon her, was dear to her, and in a sense holy.	Его запах, его пот, оставшийся у нее на теле, -как самые дорогие реликвии, почти что святыни.
Clifford was very uneasy.	Неспокойно было на сердце у Клиффорда.
He would not let her go after dinner, and she had wanted so much to be alone.	Он не отпустил Конни после ужина, а ей так хотелось побыть одной.
She looked at him, but was curiously submissive.	Но она лишь пылливо взглянула на мужа и подчинилась.
' Shall we play a game, or shall I read to you, or what shall it be?' he asked uneasily.	- Чего бы тебе хотелось? - натянуто спросил он. - Поиграть в карты? Или чтобы я почитал вслух? Или еще чего-нибудь?
'You read to me,' said Connie.	- Вслух почитай.
'What shall I read—verse or prose?	- Что хочешь: стихи или прозу?
Or drama?'	Может, пьесу?
Read Racine,' she said.	- Почитай из Расина, - попросила Конни.
It had been one of his stunts in the past, to read Racine in the real French grand manner, but he was rusty now, and a little self-conscious; he really preferred the loudspeaker.	Когда-то это было его коньком, он читал Расина с истинно французским шиком, сейчас же блеску поубавилось, он это чувствовал и досадовал. С куда большим удовольствием он послушал бы радио.
But Connie was sewing, sewing a little frock silk of primrose silk, cut out of one of her dresses, for Mrs Flint's baby.	А Конни шила крохотное шелковое платьице -из своего старого желтого - для дочки миссис Флинт.
Between coming home and dinner she had cut it out, and she sat in the soft quiescent rapture of herself sewing, while the noise of the reading went on. Inside herself she could feel the humming of passion, like the after-humming of deep bells.	Она успела выкроить его еще до ужина и сейчас, не слушая громогласного чтеца, безмолвно сидела, а в душе ее разливалось тихое благоговение. Изредка его нарушали редкие всполохи страсти - точно отголоски малинового звона.
Clifford said something to her about the Racine. She caught the sense after the words had gone.	Клиффорд что-то спросил ее о Расине, и смысл едва не упорхнул от нее вслед за словами.
'Yes!	- О да!
Yes!' she said, looking up at him. 'It is splendid.'	Конечно! - кивнула она и посмотрела мужу в лицо. - Это и впрямь великолепно!

Again he was frightened at the deep blue blaze of her eyes, and of her soft stillness, sitting there. She had never been so utterly soft and still.	И снова его пронзил страх перед этим горящим взором ярко-синих глаз, перед этим внешним тихим спокойствием жены. Никогда не видел он жену такой.
She fascinated him helplessly, as if some perfume about her intoxicated him.	Теперьшняя Конни буквально завораживала, не было сил противиться ее чарам, ее колдовской аромат одурманил и сковал Клиффорда.
So he went on helplessly with his reading, and the throaty sound of the French was like the wind in the chimneys to her.	Он продолжал читать (а что еще ему оставалось!), гнусая и грассируя, а ей казалось, что это ветер гудит в дымоходах.
Of the Racine she heard not one syllable.	Ни одного слова из Расина она так и не поняла.
She was gone in her own soft rapture, like a forest sighing with the dim, glad moan of spring, moving into bud.	Тихое благоговение поглотило ее, точно весенний лес, с радостным вздохом тянущий ветви с набухшими почками навстречу солнцу, теплу.
She could feel in the same world with her the man, the nameless man, moving on beautiful feet, beautiful in the phallic mystery.	И рядом с ней, в этом лесу мужчина, даже имени которого она не знает. Его несут вперед чудесные сильные ноги, меж ними - чудесная тайна мужского естества.

And in herself in all her veins, she felt him and his child. His child was in all her veins, like a twilight.	В каждой клеточке своего тела ощущала Она этого мужчину, в каждой капельке крови - его дитя. Мысль об этом нежила и согревала, как лучи закатного солнца.
'For hands she hath none, nor eyes, nor feet, nor golden Treasure of hair...'	Ни рук своих, ни ног, ни глаз не помня. Ни золота волос...
She was like a forest, like the dark interlacing of the oakwood, humming inaudibly with myriad unfolding buds.	Она - дубрава, темная и густая, и на каждой ветке бесшумно лопаются тысячи и тысячи почек.
Meanwhile the birds of desire were asleep in the vast interlaced intricacy of her body.	И в сплетенье ветвей, что суть ее тело, притихли, заснули до поры птицы желания.
But Clifford's voice went on, clapping and gurgling with unusual sounds.	А Клиффорд все читал, булькали и рокотали непривычные звуки.
How extraordinary it was!	До чего ж он чудной!
How extraordinary he was, bent there over the book, queer and rapacious and civilized, with broad shoulders and no real legs!	До чего ж он чудной: склонился над книгой, хищник, но образован и культурен; инвалид, но широк в плечах.
What a strange creature, with the sharp, cold inflexible will of some bird, and no warmth, no warmth at all!	Какое странное существо! Все словно у ястреба, подчинено сильной, несгибаемой воле. Но ни искорки тепла: ни единой искорки!
One of those creatures of the afterwards, that have no soul, but an extra-alert will, cold will.	Он из тех грядущих страшилищ, у которых вместо души лишь тугая пружина воли, холодной и хищной.
She shuddered a little, afraid of him.	Конни стало страшно, она даже поежилась.
But then, the soft warm flame of life was stronger than he, and the real things were hidden from him.	Но в конце концов лучик жизни, слабый, но такой теплый, пересилил страх в душе: Клиффорд и не догадывается пока, что к чему.

The reading finished.	Чтение оборвалось.
She was startled. She looked up, and was more startled still to see Clifford watching her with pale, uncanny eyes, like hate.	Конни испуганно вздрогнула, подняла голову и испугалась пуще прежнего: Клиффорд неотрывно смотрел на нее; в белесых глазах затаилось что-то жуткое и ненавидящее.
'Thank you so much!	- Спасибо тебе большое!
You do read Racine beautifully!' she said softly.	Ты прекрасно читаешь Расина, - тихо проговорила она.
'Almost as beautifully as you listen to him,' he said cruelly. 'What are you making?' he asked.	- А ты почти так же прекрасно слушаешь, -безжалостно укорил он и, помолчав, спросил. -А что это ты шьешь?
'I'm making a child's dress, for Mrs Flint's baby.'	- Платице для дочки миссис Флинт.
He turned away.	Он отвернулся.
A child! A child! That was all her obsession.	Ребенок! Все мысли у нее только о ребенке! Одержимая!
'After all,' he said in a declamatory voice, 'one gets all one wants out of Racine.	- Ну что ж, - значительно произнес он, - каждый находит в Расине то, что ищет.
Emotions that are ordered and given shape are more important than disorderly emotions.	Чувства упорядоченные, заключенные в красивую форму, значительнее чувств стихийных.
She watched him with wide, vague, veiled eyes. 'Yes, I'm sure they are,' she said.	Конни смотрела на него во все глаза, но взгляд был отсутствующий, он что-то скрывал. - Ты, безусловно, прав, - только и сказала она.
'The modern world has only vulgarized emotion by letting it loose.	- Современный мир лишь опошил чувства, выпустив их за определенные рамки.
What we need is classic control.'	Во все времена существовали ограничения, их-то нам сейчас и не хватает.
'Yes,' she said slowly, thinking of him listening with vacant face to the emotional idiocy of the radio. 'People pretend to have emotions, and they really feel nothing. I suppose that is being romantic.' 'Exactly!' he said.	- Верно, - кивнула Конни, думая о самом Клиффорде. Как зачарованно слушает он радио, и у диктора чувств не больше, чем у истукана, -люди только притворяются, на самом же деле ничего-то они не чувствуют. Одни лишь выдумки.
As a matter of fact, he was tired.	Он, видно, изрядно устал.
This evening had tired him.	Вечернее бдение над книгой так утомительно.
He would rather have been with his technical books, or his pit-manager, or listening-in to the radio.	С большим бы удовольствием он полистал работы по рудничному делу, или поболтал бы с управляющим, или послушал бы радио.
Mrs Bolton came in with two glasses of malted	Вошла миссис Болтон, принесла два бокала молока с

milk: for Clifford, to make him sleep, and for Connie, to fatten her again.	солодом: Клиффорду - чтобы лучше спал, Конни - чтобы избавиться от худобы.
It was a regular night-cap she had introduced.	Таково было ее нововведение.
Connie was glad to go, when she had drunk her glass, and thankful she needn't help Clifford to bed.	Конни выпила молока, слава Богу, можно теперь уйти. Хорошо, что не приходится ей укладывать Клиффорда в постель.

She took his glass and put it on the tray, then took the tray, to leave it outside.	Она поставила мужнин пустой стакан на поднос, взяла его и пошла к двери.
Goodnight Clifford! Do sleep well! The Racine gets into one like a dream. Goodnight!	- Спокойной ночи, Клиффорд! Приятных снов! Расин навевает сладкие грезы. Спокойной ночи!
She had drifted to the door. She was going without kissing him goodnight. He watched her with sharp, cold eyes. So!	И ушла. Ушла, даже не поцеловав мужа на ночь! Клиффорд с холодной яростью поглядел ей вслед. Вот как!
She did not even kiss him goodnight, after he had spent an evening reading to her.	Даже не поцеловала! А он читал ей вслух весь вечер!
Such depths of callousness in her!	Как она жестокосердна!
Even if the kiss was but a formality, it was on such formalities that life depends.	Пусть поцелуй - лишь дань обычаю, однако на таких обычаях стоит жизнь.
She was a Bolshevik, really. Her instincts were Bolshevistic!	Просто большевичка какая-то! Прирожденная большевичка!
He gazed coldly and angrily at the door whence she had gone. Anger!	С холодной злобой смотрел он на дверь, за которой скрылась жена. Он злобился!
And again the dread of the night came on him.	А потом, как всегда под вечер, нахлынул страх.
He was a network of nerves, and he was not braced up to work, and so full of energy: or when he was not listening-in, and so utterly neuter: then he was haunted by anxiety and a sense of dangerous impending void. He was afraid.	Казалось, Клиффорд был соткан из одних нервов. Однако днем его поглощала работа, и он полнился силой; потом - покоем, ибо все внимание поглощал радиоприемник. А к концу дня подкрадывались тревога и страх - словно под ногами разверзалась бездонная пропасть, вселенская пустота. И он пугался.
And Connie could keep the fear off him, if she would. But it was obvious she wouldn't, she wouldn't.	Конни могла бы прогнать эти страхи, если б только захотела. Но ясно, что она не хочет, не хочет!
She was callous, cold and callous to all that he did for her. He gave up his life for her, and she was callous to him.	Черствая и холодная, равнодушная ко всему, что бы он для нее ни делал. Жизнь положил ради нее, но ее каменное сердце не дрогнуло.
She only wanted her own way. 'The lady loves her will.'	Ей бы только вершить свою волю. "Любит госпожа по-своему повернуть".
Now it was a baby she was obsessed by. Just so that it should be her own, all her own, and not his!	И теперь вот все мысли у нее только о ребенке. Чтоб непременно и всецело был ее и только ее, чтобы он, Клиффорд, к нему никакого касательства не имел!
Clifford was so healthy, considering. He looked so well and ruddy in the face, his shoulders were broad and strong, his chest deep, he had put on flesh. And yet, at the same time, he was afraid of death. A terrible hollow seemed to menace him somewhere, somehow, a void, and into this void his energy would collapse. Energyless, he felt at times he was dead, really dead.	Клиффорд отличался крепким здоровьем (если не считать его у вечности): румяный, широкоплечий, широкогрудый, сильный, что называется, в теле. И все же он боялся умереть, маячила перед ним бездонная пропасть, куда канут все его силы. Порой, обессилев и притомившись, он чувствовал себя мертвецом, истинно - мертвецом.

So his rather prominent pale eyes had a queer look, furtive, and yet a little cruel, so cold: and at the same time, almost impudent.	И престранный взгляд появлялся у него в чуть навывкате голубых глазах. Хитрый, с жесточинкой, холодный. И в то же время до бесстыдства дерзкий.
It was a very odd look, this look of impudence: as if he were triumphing over life in spite of life. Who knoweth the mysteries of the will—for it can triumph even against the angels—'	Трудно объяснить эту дерзость во взгляде: вот, дескать, я живу, живу вопреки всем законам жизни, я восстал против этих законов и победил. "Не познать тайн воли человеческой, Она и против ангелов восстает..."
But his dread was the nights when he could not sleep.	Он страшился ночей - сон бежал прочь.
Then it was awful indeed, when annihilation pressed	Виделось ему, как со всех сторон надвигается,

in on him on every side.	пожирает его пустота - страшно!
Then it was ghastly, to exist without having any life: lifeless, in the night, to exist.	Страшно и то, что он все видит, ощущает - и не живет, ночь оставляла ему сознание, но краля жизнь.
But now he could ring for Mrs Bolton. And she would always come. That was a great comfort.	Правда, теперь он в любую минуту может позвонить в колокольчик и придет миссис Болтон, а с ней - великое утешение.
She would come in her dressing gown, with her hair in a plait down her back, curiously girlish and dim, though the brown plait was streaked with grey.	Она являлась в халате, с распущенной по спине косой - проглядывало в ней что-то девичье, хотя в темно-русой косе уже заметны серебряные нити.
And she would make him coffee or camomile tea, and she would play chess or piquet with him.	Сиделка заваривала Клиффорду либо кофе, либо ромашковый чай, играла с ним в шахматы или в карты.
She had a woman's queer faculty of playing even chess well enough, when she was three parts asleep, well enough to make her worth beating.	Подобно многим женщинам, она была великая умелица, все-то у нее выходило хорошо, даже в шахматы она удивительнейшим образом научилась играть сносно и достойно сопротивлялась даже тогда, когда у нее уже слипались глаза.
So, in the silent intimacy of the night, they sat, or she sat and he lay on the bed, with the reading-lamp shedding its solitary light on them, she almost gone in sleep, he almost gone in a sort of fear, and they played, played together—then they had a cup of coffee and a biscuit together, hardly speaking, in the silence of night, but being a reassurance to one another.	Так и сидели они в ночной тиши, связанные узами крепче любовных, - точнее, сидела она, а он лежал в постели - и при скудном свете настольной лампы играли, играли друг с другом, она - отгоняя сон, он - страх. Время от времени они выпивали по чашке кофе с печеньем - и все молча, не нарушая ночной тиши, без слов понимая, что нужны друг другу.
And this night she was wondering who Lady Chatterley's lover was.	В ту ночь миссис Болтон гадала, кто же у леди Чаттерли в любовниках.
And she was thinking of her own Ted, so long dead, yet for her never quite dead.	Еще она вспомнила своего Теда, давным-давно нет его на белом свете, а для нее он все как живой.
And when she thought of him, the old, old grudge against the world rose up, but especially against the masters, that they had killed him.	И вместе с воспоминаниями в душе поднимался стародавний ропот; она роптала на жизнь, на людей, по чьей хозяйской воле погиб муж.

They had not really killed him. Yet, to her, emotionally, they had.	Конечно, они не помышляли убить его, но в чувствах своих она все равно считала их убийцами.
And somewhere deep in herself because of it, she was a nihilist, and really anarchic.	А потому в самых потаенных уголках души она во всем разуверилась, и порядки для нее больше не существовали.
In her half-sleep, thoughts of her Ted and thoughts of Lady Chatterley's unknown lover commingled, and then she felt she shared with the other woman a great grudge against Sir Clifford and all he stood for.	Полу дремотные воспоминания о Тедэ и мысли о неизвестном любовнике леди Чаттерли слились воедино, и она вдруг прониклась чувствами этой женщины к сэру Клиффорду, ко всему, что он представляет, чувствами недобрыми и бунтливими.
At the same time she was playing piquet with him, and they were gambling sixpences.	И в то же время она играет с ним в карты, даже на ставку в шесть пенсов.
And it was a source of satisfaction to be playing piquet with a baronet, and even losing sixpences to him.	И ей льстило: как же, она за одним столом с дворянином, и неважно, что проигрывает ему.
When they played cards, they always gambled.	В карты оба играли азартно.
It made him forget himself.	Клиффорд забывал о своих страхах.
And he usually won.	Выигрывал обычно он.
Tonight too he was winning.	И сегодня ночью ему везло.
So he would not go to sleep till the first dawn appeared.	Значит, заиграется до зари.
Luckily it began to appear at half past four or thereabouts.	К счастью, светать стало рано, часов около пяти.
Connie was in bed, and fast asleep all this time.	Конни в то время крепко спала.
But the keeper, too, could not rest.	А вот егерю не спалось.
He had closed the coops and made his round of the wood, then gone home and eaten supper.	Он запер клетки, обошел лес, вернулся домой, поужинал.
But he did not go to bed. Instead he sat by the	

fire and thought.	Но спать не лег, а присел у камина и задумался.
He thought of his boyhood in Tevershall, and of his five or six years of married life.	Вспоминал он свое детство в Тивершолле, недолгое - лет шесть - супружество.
He thought of his wife, and always bitterly.	О жене он всегда вспоминал с обидой.
She had seemed so brutal.	Она представлялась ему грубой, жестокой.
But he had not seen her now since 1915, in the spring when he joined up.	Правда, он не видел ее с весны 1915 года, когда ушел в армию.
Yet there she was, not three miles away, and more brutal than ever.	А она осталась и поныне живет рядом, в трех милях, и характер сделался еще сквернее.
He hoped never to see her again while he lived.	Дай Бог, чтоб больше никогда ее не видеть.
He thought of his life abroad, as a soldier.	Вспомнились ему и армейские годы.

India, Egypt, then India again: the blind, thoughtless life with the horses: the colonel who had loved him and whom he had loved: the several years that he had been an officer, a lieutenant with a very fair chance of being a captain. Then the death of the colonel from pneumonia, and his own narrow escape from death: his damaged health: his deep restlessness: his leaving the army and coming back to England to be a working man again.	Индия, Египет, снова Индия. Безумная, глупая жизнь, служба при конюшне; потом его заметил и приветил полковник, и ему, Меллорсу, он полюбился; потом его произвели в лейтенанты, дослужился б и до капитана, но тут умер от воспаления легких полковник, сам едва не отправился на тот свет; здоровье, однако, пошатнулось, прибавилось забот и хлопот; он демобилизовался, вернулся в Англию, начал работать.
He was temporizing with life.	Он хотел приспособиться к жизни.
He had thought he would be safe, at least for a time, in this wood.	Думал, что хоть на время нашел покой в господском лесу.
There was no shooting as yet: he had to rear the pheasants. He would have no guns to serve. He would be alone, and apart from life, which was all he wanted.	На охоту ездить некому, всех дел - лишь растить фазанов. (Людам с ружьями он бы не стал служить.) Он хотел уединиться, отгородиться от жизни - и всего лишь.
He had to have some sort of a background.	Но прошлого не отринуть.
And this was his native place. There was even his mother, though she had never meant very much to him.	Рядом и родная деревня, и мать, к которой он особой любви не питал.
And he could go on in life, existing from day to day, without connexion and without hope.	Так бы и жил себе, день да ночь - сутки прочь, без людей, без надежды.
For he did not know what to do with himself.	Он просто не знал, как распорядиться собою.
He did not know what to do with himself.	Да, он не знал, как распорядиться собою.
Since he had been an officer for some years, and had mixed among the other officers and civil servants, with their wives and families, he had lost all ambition to 'get on'.	За годы, проведенные в офицерской среде, он повидал и офицерских жен, и их семьи, и чиновников и потерял всякую надежду близко сойтись с ними.
There was a toughness, a curious rubbernecked toughness and unlivingness about the middle and upper classes, as he had known them, which just left him feeling cold and different from them.	Люди среднего или высшего сословия отличались удивительной способностью: встречать чужака мертвящим холодом и отталкивать, давая понять, что он не их поля ягода.
So, he had come back to his own class.	Вот и вернулся он к людям своего круга - к рабочим.
To find there, what he had forgotten during his absence of years, a pettiness and a vulgarity of manner extremely distasteful.	Но нашел лишь то, что с годами, пока его не было дома, забылось: мелочность, грубость - как все это претило ему.
He admitted now at last, how important manner was. He admitted, also, how important it was even to pretend not to care about the halfpence and the small things of life.	Да, и впрямь очень важно хотя бы делать вид, что не трясешься над каждым грошом, что стоишь выше всех мелочей жизни.
But among the common people there was no pretence.	Но простой люд даже не удосуживался делать вид.

A penny more or less on the bacon was worse than a change in the Gospel.	Каждый пенс - потерянный или выгаданный, скажем, на покупке мяса, значил для них больше, чем пропущенное или добавленное слово в Евангелии.
He could not stand it.	Видеть такое Меллорсу было невыносимо.
And again, there was the wage-squabble.	А еще невыносимы распри из-за денег.

Having lived among the owning classes, he knew the utter futility of expecting any solution of the wage-squabble. There was no solution, short of death. The only thing was not to care, not to care about the wages.	Пожив среди людей имущих, он понял, сколь тщетны все надежды разрешить споры о заработной плате. (Лишь смерть способна разрубить этот гордиев узел.) А в жизни оставалось лишь махнуть рукой на деньги.
Yet, if you were poor and wretched you had to care.	Да, но, если очень беден и несчастен, хочешь - не хочешь, к деньгам по-иному станешь относиться.
Anyhow, it was becoming the only thing they did care about.	Такие люди мало-помалу все свои интересы сосредотачивали на деньгах.
The care about money was like a great cancer, eating away the individuals of all classes.	Их тяга к деньгам раковой опухолью заполняла ум и душу, пожирая без разбора как имущих, так и бедняков!
He refused to care about money.	А он отказался подчиниться этой тяге.
And what then?	Ну и что же?
What did life offer apart from the care of money? Nothing.	Разве жизнь предложила ему что-либо кроме сребролюбия? Увы.
Yet he could live alone, in the wan satisfaction of being alone, and raise pheasants to be shot ultimately by fat men after breakfast.	Правда, он мог еще радоваться уединению (хотя и слабое это утешение), растить фазанов, чтобы в одно прекрасное утро после завтрака их перестреляли толстопузые люди.
It was futility, futility to the nth power.	И прахом, прахом идет труд...
But why care, why bother?	Но зачем об этом думать, зачем волноваться?
And he had not cared nor bothered till now, when this woman had come into his life.	По сию пору он и не думал, и не волновался; но вот вошла в его жизнь эта женщина.
He was nearly ten years older than she.	Он почти на десять лет старше.
And he was a thousand years older in experience, starting from the bottom.	И на тысячу лет опытнее. Ведь начинал он с самых низов.
The connexion between them was growing closer.	Связь меж ними становилась все теснее.
He could see the day when it would clinch up and they would have to make a life together. 'For the bonds of love are ill to loose!'	Он уже предвидел, что близость их станет настолько прочной, что придется начинать жизнь вместе. А рвать потом любовные узы больно - "сожжешь всю душу".
And what then?	Ну, а дальше?
What then?	Дальше что?
Must he start again, with nothing to start on?	Нужно ли ему начинать все заново, можно сказать, на пепелище?

Must he entangle this woman?	Нужно ли привязывать к себе эту женщину?
Must he have the horrible broil with her lame husband?	Нужно ли затевать ужасную схватку с ее увечным мужем?
And also some sort of horrible broil with his own brutal wife, who hated him?	И не менее ужасная схватка предстоит с собственной жестокосердной ненавистницей-женой.
Misery!	Горе!
Lots of misery!	Горе горькое!
And he was no longer young and merely buoyant.	Ведь он уже не молод, некогда он полнился лишь задором и весельем.
Neither was he the insouciant sort.	Ныне чувства его обострились.
Every bitterness and every ugliness would hurt him: and the woman!	Всякая обида, всякая пакость глубоко ранили. И вот - эта женщина.
But even if they got clear of Sir Clifford and of his own wife, even if they got clear, what were they going to do? What was he, himself going to do?	Ну, хорошо, избавятся они от сэра Клиффорда, от бывшей жены, ну а дальше как жить, что он сам будет делать?
What was he going to do with his life?	Как распорядится своей жизнью?
For he must do something.	Непременно нужно найти какое-то дело.
He couldn't be a mere hanger-on, on her money and his own very small pension.	Не приживала ведь он: что его маленькая пенсия по сравнению с ее богатствами?
It was the insoluble.	Вот это препятствие неодолимое.
He could only think of going to America, to try a new air.	Не в Америку же ехать, удачи искать?
He disbelieved in the dollar utterly.	В магию доллара ему совсем не верилось.

But perhaps, perhaps there was something else.	Быть может, есть иной выход?
He could not rest nor even go to bed.	Покоя он не находил, сон тоже не шел.
After sitting in a stupor of bitter thoughts until midnight, he got suddenly from his chair and reached for his coat and gun.	Оцепенело просидев в неутешительном раздумье до полуночи, он вдруг поднялся, снял со стены плащ и ружье.
'Come on, lass,' he said to the dog. 'We're best outside.'	- Пойдем-ка прогуляемся, - сказал он собаке. - На свежем воздухе лучше думается.
It was a starry night, but moonless. He went on a slow, scrupulous, soft-stepping and stealthy round.	Ночь выдалась звездная, но безлунная; Он обходил лес не спеша, приглядываясь и прислушиваясь, будто крадучись.
The only thing he had to contend with was the colliers setting snares for rabbits, particularly the Stacks Gate colliers, on the Marehay side.	Воевать ему не с кем и не с чем, разве что с капканами. Их ставили в основном шахтеры с "Отвальной", на зайцев, со стороны фермы Мэрхей.
But it was breeding season, and even colliers respected it a little.	Но сейчас у косых пошли детеныши, и даже шахтеры отнеслись к этому уважительно.
Nevertheless the stealthy beating of the round in search of poachers soothed his nerves and took his mind off his thoughts.	Неслышно шагая по ночному лесу, выискивая мнимых браконьеров, он успокоился и отвлекся.

But when he had done his slow, cautious beating of his bounds—it was nearly a five-mile walk—he was tired.	Прошагал он (все так же неспешно и крадучись) миль пять и к концу обхода устал.
He went to the top of the knoll and looked out.	Взобрался на пригорок, осмотрелся.
There was no sound save the noise, the faint shuffling noise from Stacks Gate colliery, that never ceased working: and there were hardly any lights, save the brilliant electric rows at the works.	Тишину нарушало лишь едва слышное шуршанье - то без перерыва, день и ночь работала шахта "Отвальная". А во тьме ярко светились лишь ряды электрических огоньков на руднике.
The world lay darkly and fumily sleeping.	Мир спал, погрузившись во мрак и дым.
It was half past two.	Половина третьего.
But even in its sleep it was an uneasy, cruel world, stirring with the noise of a train or some great lorry on the road, and flashing with some rosy lightning flash from the fumaces.	Беспокойно спит жестокий мир, то всхрипнет - проедет поезд или грузовик, то полохнет красноватым отблеском из доменных печей.
It was a world of iron and coal, the cruelty of iron and the smoke of coal, and the endless, endless greed that drove it all.	Это мир угля и стали, жестокой стали и дымного угля. А порождено это все бесконечной, неумной человеческой жадностью.
Only greed, greed stirring in its sleep.	И сейчас это чудище ворочается во сне.
It was cold, and he was coughing. A fine cold draught blew over the knoll.	Ворохнул холодный ветерок по пригорку, и егерь закашлялся.
He thought of the woman.	Ему снова вспомнилась женщина.
Now he would have given all he had or ever might have to hold her warm in his arms, both of them wrapped in one blanket, and sleep.	Все бы отдал - и то, что имел, и то, что будет иметь, - чтобы только ощутить тепло ее тела, крепче обнять, закутавшись одним одеялом, и так уснуть.
All hopes of eternity and all gain from the past he would have given to have her there, to be wrapped warm with him in one blanket, and sleep, only sleep.	Все радости, что уготованы ему в вечности, и все радости былые отдал бы за то, чтобы она оказалась рядом с ним под одним одеялом и чтоб можно было спать рядом с ней, просто спать.
It seemed the sleep with the woman in his arms was the only necessity.	Казалось, единственная потребность в жизни -спать, держа в объятиях эту женщину.
He went to the hut, and wrapped himself in the blanket and lay on the floor to sleep.	Он вернулся в сторожку, закутался в одеяло и лег спать на полу.
But he could not, he was cold. And besides, he felt cruelly his own unfinished nature. He felt his own unfinished condition of aloneness cruelly.	Но ему не спалось, было холодно, и мучила мысль: чего-то недостает ему в характере, чего-то недостает ему в отшельничьей жизни.
He wanted her, to touch her, to hold her fast against him in one moment of completeness and sleep.	Была б рядом эта женщина, он бы ее обнял, прижал к груди крепко-крепко, испытал хоть на миг полное счастье и уснул.
He got up again and went out, towards the park gates this time: then slowly along the path towards the house.	Снова поднялся и вышел. Но на этот раз ноги, словно нехотя, понесли его к воротам в парк, а потом по аллее к господскому дому.
It was nearly four o'clock, still clear and cold, but no sign of dawn.	Ночь стояла ясная и холодная. Уже почти четыре часа, но еще не светало.

He was used to the dark, he could see well.	Впрочем, и в темноте егерь видел хорошо - сказывалась привычка.
Slowly, slowly the great house drew him, as a magnet.	Медленно-медленно, шаг за шагом огромная усадьба притягивала, точно магнит.
He wanted to be near her.	Как хотелось ему быть рядом с этой женщиной!
It was not desire, not that.	Нет, отнюдь не страсть влекла его.
It was the cruel sense of unfinished aloneness, that needed a silent woman folded in his arms.	А все то же до боли острое ощущение, что в его одинокой жизни чего-то не хватает.
Perhaps he could find her.	А именно: женщины, тихо прильнувшей к его груди.
Perhaps he could even call her out to him: or find some way in to her.	Может, он найдет ее. Может, даже позовет или сам проберется к ней.
For the need was imperious.	Без нее не прожить!
He slowly, silently climbed the incline to the hall.	Медленно взобрался он на холм к самой усадьбе.
Then he came round the great trees at the top of the knoll, on to the drive, which made a grand sweep round a lozenge of grass in front of the entrance.	Миновал рожицу высоких деревьев, вышел на дорожку, она огибала ромбовидную большую лужайку перед крыльцом.
He could already see the two magnificent beeches which stood in this big level lozenge in front of the house, detaching themselves darkly in the dark air.	На ней, перед самым домом высились два величественных бука, егерь уже различал их силуэты на фоне темного неба.
There was the house, low and long and obscure, with one light burning downstairs, in Sir Clifford's room.	Вот и дом: приземистый, длинный, мрачный. На первом этаже одинокий огонек в комнате сэра Клиффорда.
But which room she was in, the woman who held the other end of the frail thread which drew him so mercilessly, that he did not know.	Но где ее комната? Где искать женщину, в руках которой тонкая нить, повязавшая его душу? И женщина безжалостно тянет за нить.
He went a little nearer, gun in hand, and stood motionless on the drive, watching the house.	Он подошел ближе и так, не выпуская ружья из рук, остановился на дорожке и оглядел дом.
Perhaps even now he could find her, come at her in some way.	Может, все же удастся найти ее, добраться до нее каким-то образом?
The house was not impregnable: he was as clever as burglars are.	Препятствие не столь уж неприступно, а сам егерь находчив, как вор-домушник.
Why not come to her?	Так почему бы и не навестить к этой женщине?
He stood motionless, waiting, while the dawn faintly and imperceptibly paled behind him.	Он стоял недвижно, словно выжидая. Позади небо уже чуть тронул рассвет.
He saw the light in the house go out.	Погас огонек на первом этаже.
But he did not see Mrs Bolton come to the window and draw back the old curtain of dark-blue silk, and stand herself in the dark room, looking out on the half-dark of the approaching day, looking for the longed-for dawn, waiting, waiting for Clifford to be really reassured that it was daybreak.	Меллорс, конечно, не подозревал, что в эту минуту к окну подошла миссис Болтон, чуть отвела штору синего шелка, служившую уже много лет, и взглянула на посветлевшее небо - скорее бы рассвет. Тогда и Клиффорд убедится, что пришел новый день.
For when he was sure of daybreak, he would sleep almost at once.	А убедившись, тут же уснет.

She stood blind with sleep at the window, waiting. And as she stood, she started, and almost cried out.	Глаза у миссис Болтон слипались. Она стояла у окна и терпеливо дожидалась зари. Вдруг она вздрогнула и едва не вскрикнула.
For there was a man out there on the drive, a black figure in the twilight.	На дорожке темнела мужская фигура.
She woke up greyly, and watched, but without making a sound to disturb Sir Clifford.	С неохотой прогнала она сон и стала вглядываться, не проронив ни слова, чтобы не потревожить сэра Клиффорда.
The daylight began to rustle into the world, and the dark figure seemed to go smaller and more defined.	Заря быстро убирала ночные тени, фигура на дорожке как бы уменьшилась, зато обрисовалась отчетливее.
She made out the gun and gaiters and baggy jacket—it would be Oliver Mellors, the keeper. 'Yes, for there was the dog nosing around like a shadow, and waiting for him'!	Вот и ружье в руках, краги на ногах, мешковатая куртка - да никак это Оливер Меллорс, господский егерь! Да, и собака его рядом, выжидающей тенью прилепилась к хозяину.

And what did the man want?	Что ж ему здесь нужно?
Did he want to rouse the house?	Он что, вздумал весь дом на ноги поднять?
What was he standing there for, transfixed, looking up at the house like a love-sick male dog outside the house where the bitch is?	Стоит как вкопанный, глаз с дома не сводит, точно ошавевший от страсти кобель поджидает суку.
Goodness!	Не может быть!
The knowledge went through Mrs Bolton like a shot.	Догадка молнией пронзила миссис Болтон.
He was Lady Chatterley's lover!	Вот кто любовник леди Чаттерли!
He! He! To think of it!	Он! Конечно он! Подумать только!
Why, she, Ivy Bolton, had once been a tiny bit in love with him herself.	Впрочем, ничего удивительного: когда-то и она, Айви Болтон, была увлечена им.
When he was a lad of sixteen and she a woman of twenty-six.	Ему тогда минуло лишь шестнадцать, мальчишка совсем, а она - взрослая женщина двадцати шести лет.
It was when she was studying, and he had helped her a lot with the anatomy and things she had had to learn.	Она в ту пору училась, и он помогал ей разбираться в анатомии и других премудростях.
He'd been a clever boy, had a scholarship for Sheffield Grammar School, and learned French and things: and then after all had become an overhead blacksmith shoeing horses, because he was fond of horses, he said: but really because he was frightened to go out and face the world, only he'd never admit it.	Сам-то он паренек смысленный, первый ученик в шеффилдской школе, французский знал и еще много всякой всячины. А потом вдруг подался на шахту, устроился кузнецом, лошадей подковывать. Он убеждал всех, что любит лошадей. А на самом-то деле просто испугался куда-то ехать, жизни испугался. Но сознаться в этом ни за что б не сознался.
But he'd been a nice lad, a nice lad, had helped her a lot, so clever at making things clear to you.	Славный парнишка, помог ей изрядно, умница, все, бывало, объяснит, растолкует.
He was quite as clever as Sir Clifford: and always one for the women.	Не глупее сэра Клиффорда, пожалуй. И до женщин охоч.

More with women than men, they said.	Его чаще с женщинами, чем с друзьями, видели.
Till he'd gone and married that Bertha Coutts, as if to spite himself.	Все, однако, до поры. Женился он на Берте Куттс, назло самому себе женился.
Some people do marry to spite themselves, because they're disappointed of something.	Так женятся нередко, когда что-то в жизни не ладится.
And no wonder it had been a failure.—For years he was gone, all the time of the war: and a lieutenant and all: quite the gentleman, really quite the gentleman!—Then to come back to Tevershall and go as a game-keeper!	Конечно, ничего путного не вышло: началась война, он на несколько лет уехал. В офицеры выбился, из грязи да в князи, можно сказать, одно слово джентльмен. Но пришлось-таки в Тивершолл возвращаться и наниматься егерем.
Really, some people can't take their chances when they've got them!	Вот уж поистине: не умеют люди подвернувшейся удачей пользоваться.
And talking broad Derbyshire again like the worst, when she, Ivy Bolton, knew he spoke like any gentleman, really.	И снова у него речь, как у простолюдина, а ведь она, Айви Болтон, своими ушами слышала, как он изъяснялся по-благородному, ей-Богу.
Well, well! So her ladyship had fallen for him!	Вот, значит, как все обернулось! Значит, и ее милость егерские чары сразили.
Well her ladyship wasn't the first: there was something about him.	Что ж, не она первая. Есть в этом парне изюминка.
But fancy! A Tevershall lad born and bred, and she her ladyship in Wragby Hall!	И все равно в голове не укладывается: он -простой деревенский мужик, а ее милость - из благородных, хозяйка Рагби!
My word, that was a slap back at the high-and-mighty Chatterleys!	Вот уж оплеуха всем этим аристократам Чаттерли!
But he, the keeper, as the day grew, had realized: it's no good!	Все светлело и светлело небо, и все очевиднее понимал егерь: ничего не выйдет!
It's no good trying to get rid of your own aloneness.	Не избавиться ему от одиночества.
You've got to stick to it all your life.	Всю жизнь оно неотступно рядом!
Only at times, at times, the gap will be filled in. At times!	Лишь изредка и ненадолго будет заполняться пустота в душе. Лишь изредка!
But you have to wait for the times.	И этих мгновений нужно терпеливо дожидаться.
Accept your own aloneness and stick to it, all your	А с одиночеством придется смириться, жить с ним бок

life.	о бок.
And then accept the times when the gap is filled in, when they come.	Как придется смиренно дожидаться и счастливых минут.
But they've got to come.	Будут и они.
You can't force them.	Только не нужно торопить.
With a sudden snap the bleeding desire that had drawn him after her broke.	И мучившее его желание, погнавшее к усадьбе, к женщине, вдруг разом спало.
He had broken it, because it must be so.	Он сам уничтожил его, так нужно.
There must be a coming together on both sides.	Нужна взаимность, чтобы тебе шли навстречу.
And if she wasn't coming to him, he wouldn't track her down.	А вот женщина-то навстречу и не торопится, так стоит ли ее преследовать?

He mustn't.	Ни в коем случае!
He must go away, till she came.	Нужно уйти и дожидаться, пока она придет сама.
He turned slowly, ponderingly, accepting again the isolation.	Он медленно, раздумчиво повернулся - видно, жить ему отшельником.
He knew it was better so.	Что ж, наверное, это и к лучшему.
She must come to him: it was no use his trailing after her. No use!	Негоже ему по пятам ходить за ней. Она сама должна прийти к нему, а ему негоже!
Mrs Bolton saw him disappear, saw his dog run after him.	Миссис Болтон увидела, как он пошел прочь. Собака - следом.
'Well, well!' she said. 'He's the one man I never thought of; and the one man I might have thought of. He was nice to me when he was a lad, after I lost Ted.'	Вот уж о ком ни за что бы не подумала! И напрасно! Ведь он еще мальчишкой к ней внимателен был. И уже тогда она потеряла Теда.
Well, well! Whatever would he say if he knew! And she glanced triumphantly at the already sleeping Clifford, as she stepped softly from the room.	И она тихо вышла из комнаты, напоследок победно взглянув на спящего Клиффорда. Что-то бы он сказал, узнай он всю правду!
Chapter 11	11
Connie was sorting out one of the Wragby lumber rooms.	Конни разбирала один из чуланов.
There were several: the house was a warren, and the family never sold anything.	В Рагби их было несколько - не дом, а кунсткамера; ни один из Чаттерли не продал за всю жизнь ни одной вещи.
Sir Geoffery's father had liked pictures and Sir Geoffery's mother had liked cinquecento furniture.	Отец сэра Джеффри любил картины; мать - мебель чинквеченто.
Sir Geoffery himself had liked old carved oak chests, vestry chests.	Сам сэр Джеффри обожал резные дубовые шкафы.
So it went on through the generations.	И так из поколения в поколение.
Clifford collected very modern pictures, at very moderate prices.	Клиффорд покупал картины, самый что ни на есть модерн, по самым умеренным ценам.
So in the lumber room there were bad Sir Edwin Landseers and pathetic William Henry Hunt birds' nests: and other Academy stuff, enough to frighten the daughter of an R.A.	В чулане пылились птичьи гнезда из коллекций "скверного" сэра Эдвина Лэндсирса и "несчастливого" Уильяма Генри Ханта и всякий другой ученый хлам, способный привести в ужас дочь члена Королевской академии.
She determined to look through it one day, and clear it all.	И она решила в один прекрасный день все это перебрать и выбросить.
And the grotesque furniture interested her.	А вот допотопная резная мебель ее заинтересовала.
Wrapped up carefully to preserve it from damage and dry-rot was the old family cradle, of rosewood.	Среди прочего оказалась старинная розового дерева колыбель, тщательно завернутая во избежание сухой гнили и другой порчи.
She had to unwrap it, to look at it.	Как было не развернуть ее, не полюбоваться.
It had a certain charm: she looked at it a longtime.	Такая прелесть! Конни долго ее рассматривала.

'It's thousand pities it won't be called for,' sighed Mrs Bolton, who was helping. 'Though cradles like that are out of date	- Жаль, что не понадобится, - вздохнула помогавшая ей миссис Болтон. - Впрочем, эти люльки давно вышли из моды.
---	---

nowadays.'	
It might be called for.	- Еще может понадобится.
I might have a child,' said Connie casually, as if saying she might have a new hat.	Вдруг у меня будет ребенок, - вскользь заметила Конни, как будто речь шла о новой шляпке.
'You mean if anything happened to Sir Clifford!' stammered Mrs Bolton.	- Вы хотите сказать, что сэр Клиффорд не вечен? - запинаясь, проговорила миссис Болтон.
'No! I mean as things are. It's only muscular paralysis with Sir Clifford—it doesn't affect him,' said Connie, lying as naturally as breathing.	- Нет, конечно! Ведь у сэра Клиффорда парализованы только ноги, а так он здоров и крепок, - не моргнув глазом, сочинила Конни.
Clifford had put the idea into her head.	Эту мысль подал ей сам Клиффорд.
He had said: Of course I may have a child yet. I'm not really mutilated at all.	Он как-то заметил: "Без сомнения, я еще могу стать отцом. В этом смысле я не калека.
The potency may easily come back, even if the muscles of the hips and legs are paralysed.	Потенция еще может вернуться, пусть даже мышцы ног останутся парализованы.
And then the seed may be transferred.'	А сперму можно внести искусственно".
He really felt, when he had his periods of energy and worked so hard at the question of the mines, as if his sexual potency were returning.	Ему действительно казалось - особенно в те дни, когда он с утроенной энергией занимался шахматами, - что его мужская способность возвращается.
Connie had looked at him in terror.	Услыхав эти слова, Конни взглянула на него с ужасом.
But she was quite quick-witted enough to use his suggestion for her own preservation.	Но приняла их к сведению, хватило здравого смысла.
For she would have a child if she could: but not his.	Ведь она и правда могла родить, разумеется, не от Клиффорда.
Mrs Bolton was for a moment breathless, flabbergasted.	Миссис Болтон на секунду потеряла дар речи.
Then she didn't believe it: she saw in it a ruse.	И не поверила - почуяла в этом какой-то подвох.
Yet doctors could do such things nowadays. They might sort of graft seed.	Хотя это все равно, что привить почку к яблоне, врачи теперь и не на такое способны.
'Well, my Lady, I only hope and pray you may.	- Я могу только надеяться и молить Бога, ваша милость, - сказала она.
It would be lovely for you: and for everybody.	- Это будет так славно и для вас, и для всех ваших близких.
My word, a child in Wragby, what a difference it would make!	Господи! Младенец в Рагби! Как все изменится!
'Wouldn't it!' said Connie. And she chose three R. A. pictures of sixty years ago, to send to the Duchess of Shortlands for that lady's next charitable bazaar.	- Конечно, изменится, - согласилась Конни и отложила в сторону три полотна, писанных лет шестьдесят назад по академическим канонам. Картины отправятся на благотворительный базар герцогини Шортлендской.

She was called 'the bazaar duchess', and she always asked all the county to send things for her to sell.	Г ерцогиня обложила этой повинностью все графство, ее так и звали "базарная герцогиня".
She would be delighted with three framed R. A.s.	Она будет в восторге от этих трех академиков.
She might even call, on the strength of them.	Пожалуй, даже позвонит от полноты чувств.
How furious Clifford was when she called!	В какую ярость приводят Клиффорда ее звонки!
But oh my dear! Mrs Bolton was thinking to herself.	"Боже правый! - думала про себя миссис Болтон.
Is it Oliver Mellors' child you're preparing us for?	- Уж не от Оливера ли Меллорса вы собираетесь подарить нам младенца?
Oh my dear, that would be a Tevershall baby in the Wragby cradle, my word! Wouldn't shame it, neither!	Господи, тивершолльский ребенок в покоех Рагби! Светопреставление!"
Among other monstrosities in this lumber room was a largish blackjapanned box, excellently and ingeniously made some sixty or seventy years ago, and fitted with every imaginable object.	Среди диковин, хранившихся в чулане, была довольно большая черная лакированная шкатулка, сделанная лет шестьдесят-семьдесят назад с поразительным искусством и содержащая отделения для мелочей на все случаи жизни.

On top was a concentrated toilet set: brushes, bottles, mirrors, combs, boxes, even three beautiful little razors in safety sheaths, shaving-bowl and all. Underneath came a sort of escritoire outfit: blotters, pens, ink-bottles, paper, envelopes, memorandum books: and then a perfect sewing-outfit, with three different sized scissors, thimbles, needles, silks and cottons, darning egg, all of the very best quality and perfectly finished.	Верх занимал туалетный несессер: всевозможные пузырьки, зеркальца, расчески, щетки, коробочки, были там и три маленьких изящных бритвы в безопасных чехлах, стаканчик для бритья и многое другое; ниже - письменные принадлежности: бумага, конверты, ручки, пузырьки с чернилами, пресс-папье, блокноты; затем рукодельный набор: три пары больших и маленьких ножниц, наперстки, иглы, катушки простых и шелковых ниток, деревянные яйца для штопки - все наилучшего качества.
Then there was a little medicine store, with bottles labelled Laudanum, Tincture of Myrrh, Ess. Cloves and so on: but empty.	А еще ниже аптечный ящик: целая батарея пузырьков с наклейками: опиумные капли, настойка мирры, гвоздичное масло и пр., пузырьки, однако, все пустые.
Everything was perfectly new, and the whole thing, when shut up, was as big as a small, but fat weekend bag. And inside, it fitted together like a puzzle. The bottles could not possibly have spilled: there wasn't room.	Шкатулка была совершенно новая, в собранном виде не больше дорожного саквояжа. Для непосвященного она являла собой настоящую головоломку.
The thing was wonderfully made and contrived, excellent craftsmanship of the Victorian order. But somehow it was monstrous.	И все же шкатулка была произведение искусства, удивительная выдумка викторианских ценителей комфорта, хотя и было в ней что-то чудовищное.
Some Chatterley must even have felt it, for the thing had never been used.	Чаттерли, во всяком случае некоторые, сознавали это: шкатулкой никто никогда не пользовался.
It had a peculiar soullessness.	В ней отсутствовала душа.
Yet Mrs Bolton was thrilled.	Миссис Болтон тут же пришла от нее в восторг.

'Look what beautiful brushes, so expensive, even the shaving brushes, three perfect ones! No! and those scissors! They're the best that money could buy. Oh, I call it lovely!'	- Ах, какие щеточки! Только взгляните! Они стоят, наверное, уйму денег. Боже мой, тут и кисточки для бритья, целых три! А ноженки! Никогда в жизни не видела такой красоты!
'Do you?' said Connie. 'Then you have it.'	- Правда? - сказала Конни. - Ну и возьмите себе эту красоту.
'Oh no, my Lady!'	- Нет, ваша милость, не возьму, - покачала головой миссис Болтон.
'Of course! It will only lie here till Doomsday. If you won't have it, I'll send it to the Duchess as well as the pictures, and she doesn't deserve so much. Do have it!'	- Да возьмите! Она ведь здесь пролежит до второго пришествия. Не возьмете, отправлю вместе с картинами герцогине для ее базара. А она этого не заслуживает. Так что берите!
'Oh, your Ladyship! Why, I shall never be able to thank you.'	- О, ваша милость! - лепетала миссис Болтон. - Век не забуду вашей доброты. Да мне-то чем вас отблагодарить?
'You needn't try,' laughed Connie.	- А ничем, - рассмеялась Конни.
And Mrs Bolton sailed down with the huge and very black box in her arms, flushing bright pink in her excitement.	И миссис Болтон выплыла из кладовой, красная от волнения, прижимая к груди черного блестящего монстра.
Mr Betts drove her in the trap to her house in the village, with the box.	Мистер Беттс отвез ее в двуколке домой.
And she had to have a few friends in, to show it: the school-mistress, the chemist's wife, Mrs Weedon the undercashier's wife.	И конечно, она позвала приятельниц полюбоваться подарком: учительницу, жену аптекаря и миссис Уидон, жену помощника кассира.
They thought it marvellous.	Все трое по достоинству оценили великолепие шкатулки.
And then started the whisper of Lady Chatterley's child.	И тут же принялись взахлеб обсуждать ошеломляющую новость: у леди Чаттерли может родиться ребенок!
'Wonders'll never cease!' said Mrs Weedon.	- Чудеса, да и только, - с сомнением покачала головой миссис Уидон.
But Mrs Bolton was convinced, if it did come, it would be Sir Clifford's child. So there!	На что миссис Болтон категорически заявила: если ребенок родится, в жилах его будет течь кровь Чаттерли. Вот так-то.
Not long after, the rector said gently to Clifford:	Не прошло и недели, священник деликатно обратился к Клиффорду:
'And may we really hope for an heir to Wragby? Ah,	- Неужели есть надежда, что в Рагби появится

that would be the hand of God in mercy, indeed!'	наследник? Поистине, милость Господня безгранична.
'Well! We may hope,' said Clifford, with a faint irony, and at the same time, a certain conviction.	- Да, надежда есть, - ответил Клиффорд с твердостью в голосе, но и с ноткой иронии.
He had begun to believe it really possible it might even be his child.	Он уже сам начал верить, что у Конни может родиться его ребенок.

Then one afternoon came Leslie Winter, Squire Winter, as everybody called him: lean, immaculate, and seventy: and every inch a gentleman, as Mrs Bolton said to Mrs Betts.	Вскоре с дневным визитом в Рагби заехал Лесли Уинтер, сквайр Уинтер, как его называли: сухощавый, безупречного вида джентльмен семидесяти лет. "Джентльмен с головы до пят", - как сказала про него миссис Болтон своей приятельнице миссис Беттс.
Every millimetre indeed! And with his old-fashioned, rather haw-haw! manner of speaking, he seemed more out of date than bag wigs.	Весь его облик, старомодная с расстановкой речь напоминали о старинных буклях и прочей древности.
Time, in her flight, drops these fine old feathers.	Да, быстрое время теряет иной раз вот такие перья из своего плюмажа.
They discussed the collieries.	Речь зашла о состоянии дел на угольном рынке.
Clifford's idea was, that his coal, even the poor sort, could be made into hard concentrated fuel that would burn at great heat if fed with certain damp, acidulated air at a fairly strong pressure.	Клиффорд утверждал, что даже самый бедный уголь можно превратить в отличное топливо, если в горящую печь нагнетать под большим давлением насыщенный парами кислоты воздух.
It had long been observed that in a particularly strong, wet wind the pit-bank burned very vivid, gave off hardly any fumes, and left a fine powder of ash, instead of the slow pink gravel.	Давно замечено, что уголь, горящий при сильном влажном ветре в устье шахты, дает особенно сильный жар, почти не коптит, а сгорая, оставляет тонкую золу вместо пунцовых, долго тлеющих угольев.
'But where will you find the proper engines for burning your fuel?' asked Winter.	- А где будет применяться это топливо, мой мальчик?
'I'll make them myself. And I'll use my fuel myself. And I'll sell electric power. I'm certain I could do it.'	- Изобрету электрический генератор, который будет работать на моем угле. Я уверен, это у меня получится.
'If you can do it, then splendid, splendid, my dear boy. Haw! Splendid!	- Раз так, это просто чудесно! Да, чудесно!
If I can be of any help, I shall be delighted.	Ах, если бы я мог тебе помочь.
I'm afraid I am a little out of date, and my collieries are like me.	Но боюсь, мое время ушло. И копи мои так же ветхи, как я.
But who knows, when I'm gone, there may be men like you.	Впрочем, как знать, как знать! Мне на смену могут прийти такие же дельные люди, как ты.
Splendid!	Это будет чудесно!
It will employ all the men again, and you won't have to sell your coal, or fail to sell it.	Углекопы опять получают работу. Ты не будешь искать рынка для своего угля.
A splendid idea, and I hope it will be a success.	Славная мысль! Тебя, я уверен, ожидает огромный успех!
If I had sons of my own, no doubt they would have up-to-date ideas for Shipley: no doubt!	Будь у меня сын, и ему в голову могла бы прийти столь же плодотворная мысль. И усадьба Шипли возродилась бы.
By the way, dear boy, is there any foundation to the rumour that we may entertain hopes of an heir to Wragby?'	Между прочим, мой мальчик, можно ли верить слухам, что в Рагби ожидают наследника?
'Is there a rumour?' asked Clifford.	- А разве такие слухи ходят?

'Well, my dear boy, Marshall from Fillingwood asked me, that's all I can say about a rumour.	- Меня спросил об этом Маршалл из Филлингвуда, вот и все, что я знаю, мой мальчик.
Of course I wouldn't repeat it for the world, if there were no foundation.'	И разумеется, я никому не скажу ни слова, если слухи неосновательны.
'Well, Sir,' said Clifford uneasily, but with strange bright eyes. 'There is a hope. There is a hope.'	- Что мне ответить вам, сэр? - произнес Клиффорд немного натянуто, глядя на гостя странным, горящим взглядом. - Надежда есть. Да, есть.
Winter came across the room and wrung Clifford's hand.	Уинтер встал, прошелся по комнате и крепко пожал руку Клиффорду.

'My dear boy, my dear lad, can you believe what it means to me, to hear that!	- Мой мальчик, мой дорогой мальчик. Ты не представляешь себе, как я счастлив слышать эти слова.
And to hear you are working in the hopes of a son: and that you may again employ every man at Tevershall. Ah, my boy! to keep up the level of the race, and to have work waiting for any man who cares to work!—'	Значит, не зря все твои труды, раз есть надежда, что будет сын. Нет, Англия не оскудеет, мой мальчик. И все тивершолльские шахтеры будут с работой.
The old man was really moved.	Старый джентльмен был очевидно растроган.
Next day Connie was arranging tall yellow tulips in a glass vase.	На другой день Конни ставила в хрустальную вазу золотисто-желтые тюльпаны.
'Connie,' said Clifford, 'did you know there was a rumour that you are going to supply Wragby with a son and heir?'	- Конни, - обратился к ней Клиффорд, - ходят слухи, ты собираешься подарить мне сына и наследника.
Connie felt dim with terror, yet she stood quite still, touching the flowers.	У Конни потемнело в глазах, но она продолжала спокойно поправлять цветы.
'No!' she said. 'Is it a joke? Or malice?'	- Не может быть! Что это, чья-то злая шутка? -спросила она.
He paused before he answered: 'Neither, I hope. I hope it may be a prophecy.'	- Не думаю, - секунду помедлив, ответил Клиффорд. - По-моему, это судьба.
Connie went on with her flowers. 'I had a letter from Father this morning,' She said. 'He wants to know if I am aware he has accepted Sir Alexander Cooper's Invitation for me for July and August, to the Villa Esmeralda in Venice.'	- Я получила утром письмо от отца, - сказала она, не отрываясь от цветов. - Он спрашивает, знаю ли я, что он принял приглашение сэра Александра Купера. Сэр Александр приглашает меня на июль и август пожить в Венеции на вилле Эсмеральда.
'July and August?' said Clifford.	- Июль и август? - переспросил Клиффорд.
'Oh, I wouldn't stay all that time.	- Два месяца там нечего делать.
Are you sure you wouldn't come?'	Ты бы не поехал со мной?
'I won't travel abroad,' said Clifford promptly.	- Я за границу не езжу, - отрезал Клиффорд. - Ты знаешь.
She took her flowers to the window.	Конни поставила вазу с цветами на окно.
'Do you mind if I go?' she said. You know it was promised, for this summer.	- А я бы поехала. Ты не возражаешь? - спросила она. - Отец уже дал согласие...

'For how long would you go?'	- Сколько ты там пробудешь?
'Perhaps three weeks.'	- Недели три, не больше.
There was silence for a time.	Клиффорд не отвечал.
'Well,' said Clifford slowly, and a little gloomily. 'I suppose I could stand it for three weeks: if I were absolutely sure you'd want to come back.'	- Ладно, - наконец проговорил он, нахмурившись.- Думаю, что три недели я выдержу. Если буду абсолютно уверен, что ты вернешься.
'I should want to come back,' she said, with a quiet simplicity, heavy with conviction.	- Да я буду рваться обратно, - сказала она просто и искренно.
She was thinking of the other man.	Она думала о другом человеке.
Clifford felt her conviction, and somehow he believed her, he believed it was for him.	Клиффорд уловил отсутствие фальши у нее в голосе: он все-таки верил ей, верил, что ее потянет домой.
He felt immensely relieved, joyful at once. 'In that case,' he said,	И у него отлегло от сердца. - В таком случае, - улыбнулся он, - можешь ехать.
'I think it would be all right, don't you?'	Все будет в порядке, верно?
'I think so,' she said.	- Не сомневаюсь, - ответила Конни.
'You'd enjoy the change?'	- Перемена обстановки развлечет тебя.
She looked up at him with strange blue eyes. 'I should like to see Venice again,' she said, 'and to bathe from one of the shingle islands across the lagoon.	- Конечно, - согласилась она. - Как будет славно поехать на пустынный островок в лагуне, купаться, загорать на горячей гальке.
But you know I loathe the Lido!	Только я терпеть не могу Лидо.
And I don't fancy I shall like Sir Alexander Cooper and Lady Cooper.	Да и общество сэра Александра и леди Купер не очень-то интересно.
But if Hilda is there, and we have a gondola of our own: yes, it will be rather lovely.	Но если поедет Хильда и у нас будет своя гондола, мы чудесно проведем время.
I do wish you'd come.'	Мне бы так хотелось, чтобы и ты поехал!

She said it sincerely.	Конни не лукавила.
She would so love to make him happy, in these ways.	Ей и правда эти дни хотелось, чтобы Клиффорд был счастлив.
'Ah, but think of me, though, at the Gare du Nord: at Calais quay!'	- Да ты вообрази себе меня на Gare du Nord [Северный вокзал (фр.)], на набережной Кале!
'But why not?	- А что тут такого?
I see other men carried in litter-chairs, who have been wounded in the war.	Я сколько раз видела, как носят раненых на носилках вроде стула.
Besides, we'd motor all the way.'	К тому же мы будем всюду ездить в автомобиле.
'We should need to take two men.'	- И все же без двоих мужчин - чтобы они всегда были под рукой - не обойтись.
'Oh no! We'd manage with Field. There would always be another man there.'	- Зачем? Взяли бы с собой Филда. А второго нашли бы на месте.
But Clifford shook his head.	Но Клиффорд покачал головой.

'Not this year, dear!	- Не в этом году, дорогая.
Not this year!	Разве что в будущем. В будущем?
Next year probably I'll try.'	Что им сулит будущий год?
She went away gloomily. Next year! What would next year bring?	Конни пошла из комнаты с тяжелым сердцем.
She herself did not really want to go to Venice: not now, now there was the other man.	Она не хотела ехать в Венецию, ее держал здесь другой мужчина.
But she was going as a sort of discipline: and also because, if she had a child, Clifford could think she had a lover in Venice.	Но она поедет, нужно соблюдать не тобой заведенный этикет. А будет ребенок, Клиффорд решит, что связь у нее была в Венеции.
It was already May, and in June they were supposed to start.	Разговор был в мае, а в июне уже предстоял отъезд.
Always these arrangements! Always one's life arranged for one!	Всегда все расписано наперед, вся жизнь.
Wheels that worked one and drove one, and over which one had no real control!	Какие-то силы правят ею, а она над ними не властна.
It was May, but cold and wet again.	Был май, опять сырой и холодный.
A cold wet May, good for corn and hay! Much the corn and hay matter nowadays!	Дожди в мае - к урожаю, а урожай залог благополучия.
Connie had to go into Uthwaite, which was their little town, where the Chatterleys were still the Chatterleys.	Конни собралась ехать в Атуэйт, соседний городишко, где Чаттерли все еще "те самые" Чаттерли.
She went alone, Field driving her.	Она ехала одна, машину вел Филд.
In spite of May and a new greenness, the country was dismal.	Несмотря на май, на свежую зеленую листву, вид окрестностей наводил уныние.
It was rather chilly, and there was smoke on the rain, and a certain sense of exhaust vapour in the air.	Было холодно, моросил дождь, пропитанный дымом; в воздухе отчетливо ощущался привкус отработанного пара.
One just had to live from one's resistance.	Человек здесь жив постоянным натужным преодолением.
No wonder these people were ugly and tough.	Неудивительно, что люди в этом краю так некрасивы, грубы.
The car ploughed uphill through the long squalid straggle of Tevershall, the blackened brick dwellings, the black slate roofs glistening their sharp edges, the mud black with coal-dust, the pavements wet and black.	Автомобиль взбирался вверх по холму, по грязным беспорядочным улочкам Тивершолла с раскисшими, припорошенными угольной пылью обочинами, мокрыми черными тротуарами, мимо закопченных кирпичных домов под черной, тускло блестящей глянью черепицей.
It was as if dismalness had soaked through and through everything.	Все смотрит исподлобья, угрюмо.
The utter negation of natural beauty, the utter negation of the gladness of life, the utter absence of the instinct for shapely beauty which every bird and beast has, the utter death of the human intuitive faculty was appalling.	Отрицание природы, отрицание радости жизни, отсутствие инстинкта прекрасного, свойственного любой земной твари, отсутствие интуитивного чувства гармонии - все это повергало в ужас.

The stacks of soap in the grocers' shops, the rhubarb and lemons in the greengrocers! the awful hats in the milliners! all went by ugly, ugly, ugly, followed by the plaster-and-gilt horror of the cinema with its wet picture announcements, 'A Woman's Love!', and the new big Primitive chapel, primitive enough in its stark brick and big panes of greenish and raspberry glass in the windows.	Мимо проплыли столбики мыла в окнах бакалейной лавки; груды лимонов и пучки ревеня в витрине зеленщика. Чудовищные шляпки за стеклами шляпной мастерской, все до единой жалкие, убогие, страшные, сменились аляповатой позолотой кинотеатра, чьи промокшие афиши зазывали посмотреть "Любовь женщины". Затем появилась церковь Ранних христиан, кирпично-красное убожество с огромными малиново-зелеными витражами вместо окон.
The Wesleyan chapel, higher up, was of blackened brick and stood behind iron railings and blackened shrubs.	Ее сменила церковь методистов, строение повыше из закопченного кирпича, отделенное от улицы почерневшей живой изгородью и чугунной оградой.
The Congregational chapel, which thought itself superior, was built of rusticated sandstone and had a steeple, but not a very high one.	Завершала парад Конгрегационалистская церковь, почитающая себя высокородной дамой, - сооружение из грубо обтесанного песчаника, увенчанное шпилем, правда, не очень длинным.
Just beyond were the new school buildings, expensivink brick, and gravelled playground inside iron railings, all very imposing, and fixing the suggestion of a chapel and a prison.	Затем пошли школьные здания - дорогой розовый кирпич, чугунная ограда, посыпанная гравием спортивная площадка, все очень добротно - не то монастырь, не то тюрьма.
Standard Five girls were having a singing lesson, just finishing the la-me-doh-la exercises and beginning a 'sweet children's song'.	Как раз в этот миг вездесущие пять учениц, как видно, на уроке пения, кончили упражнение "ля - ми - до - ля" и стали голосить "премиленькую детскую песенку".
Anything more unlike song, spontaneous song, would be impossible to imagine: a strange bawling yell that followed the outlines of a tune. It was not like savages: savages have subtle rhythms. It was not like animals: animals mean something when they yell. It was like nothing on earth, and it was called singing.	Этот странный ор, следующий извивам мелодии, не походил на звериный вой, всегда полный смысла, ни на пение дикарей, подчиненное изощренным ритмам.
Connie sat and listened with her heart in her boots, as Field was filling petrol.	Филд заправлялся бензином, а Конни сидела в машине и слушала с содроганием в сердце.
What could possibly become of such a people, a people in whom the living intuitive faculty was dead as nails, and only queer mechanical yells and uncanny will-power remained?	Что будет дальше с этой нацией, у которой начисто отсутствует инстинкт красоты и осталась только вот эта способность механического завывания и несокрушимая сила воли.
A coal-cart was coming downhill, clanking in the rain.	Вниз прошлепала по лужам телега с углем.

Field started upwards, past the big but weary-looking drapers and clothing shops, the post-office, into the little market-place of forlorn space, where Sam Black was peering out of the door of the Sun, that called itself an inn, not a pub, and where the commercial travellers stayed, and was bowing to Lady Chatterley's car.	Филд дал газ, и автомобиль опять полез вверх -мимо большого унылого магазина одежды и тканей, мимо почты и наконец выехал на крошечную базарную площадь, которой заканчивался подъем; из окна "Солнца", претендующего на титул гостиницы - Боже упаси назвать его постоялым двором, -выглянула физиономия Сэма Блэка и поклонилась автомобилю леди Чаттерли.
The church was away to the left among black trees.	Слева осталась церковь, окольцованная черными деревьями.
The car slid on downhill, past the Miners' Arms.	Автомобиль покатил вниз мимо гостиницы "Герб Углекопов".
It had already passed the Wellington, the Nelson, the Three Tuns, and the Sun, now it passed the Miners' Arms, then the Mechanics' Hall, then the new and almost gaudy Miners' Welfare and so, past a few new 'villas', out into the blackened road between dark hedges and dark green fields, towards Stacks Gate.	Далеко позади остались "Веллингтон", "Нельсон", "Три тунца", "Солнце". Вот уж исчез и "Герб Углекопов", и "Холл механиков", и почти роскошное "Шахтерское счастье"; затем пошла вереница новых "вилл", и автомобиль выехал на почерневший большак, по обеим сторонам которого тянулся бесконечный темный кустарник, отделявший от дороги такие же темные поля. Большак этот вел к Отвальной.
Tevershall!	Тивершолл!
That was Tevershall!	Вот он, Тивершолл!
Merrie England! Shakespeare's England!	Веселая шекспировская Англия!
No, but the England of today, as Connie had realized since she had come to live in it.	Нет, современная Англия. Конни поняла это давно, как только поселилась здесь.
It was producing a new race of mankind, over-	В Тивершолле зародилась новая раса, новый человек;

conscious in the money and social and political side, on the spontaneous, intuitive side dead, but dead.	одна половина души у него суетливо поглощена деньгами, политикой, социальным устройством, другая же, хранительница инстинктов, - мертва.
Half-corpses, all of them: but with a terrible insistent consciousness in the other half.	Все живущие здесь - полутрупы, причем чудовищно самонадеянные.
There was something uncanny and underground about it all. It was an under-world. And quite incalculable.	Есть в этом какая-то дьявольская мистика. Что-то потустороннее. Непредсказуемое.
How shall we understand the reactions in half-corpses?	В самом деле, можно ли постичь логику полутрупа?
When Connie saw the great lorries full of steel-workers from Sheffield, weird, distorted smallish beings like men, off for an excursion to Matlock, her bowels fainting and she thought: Ah God, what has man done to man?	Мимо проехали грузовики, битком набитые рабочими со сталелитейных заводов Шеффилда, фантастическими, скрюченными не то гномами, не то людьми, которых везли на экскурсию в Мэтлок; у Конни все заныло внутри.
What have the leaders of men been doing to their fellow men?	"Господи, - думала она, - что же человек делает с себе подобными? На что правители обрекают своих собратьев?

They have reduced them to less than humanness; and now there can be no fellowship any more!	В этих несчастных вытравлено все человеческое. Вот вам и всеобщее братство!
It is just a nightmare.	Какой-то кошмар!"
She felt again in a wave of terror the grey, gritty hopelessness of it all.	И Конни в который раз ощутила серую сосущую безысходность.
With such creatures for the industrial masses, and the upper classes as she knew them, there was no hope, no hope any more.	Эти потерявшие человеческий облик рабочие, этот знакомый правящий класс - какая уж тут надежда на будущее!
Yet she was wanting a baby, and an heir to Wragby! An heir to Wragby! She shuddered with dread.	А она-то мечтает о сыне, наследнике Рагби! Наследнике поместья Чаттерли! Конни от омерзения содрогнулась.
Yet Mellors had come out of all this!—Yes, but he was as apart from it all as she was.	Но ведь Меллорс плоть от плоти простых людей. Правда, он среди них - белая ворона, так же как и она в Рагби.
Even in him there was no fellowship left. It was dead. The fellowship was dead. There was only apartness and hopelessness, as far as all this was concerned. And this was England, the vast bulk of England: as Connie knew, since she had motored from the centre of it.	Но и он не верит во всеобщее братство, этой иллюзии в нем нет. Кругом - отчужденность и ни проблеска надежды. И это твердыня Англии, ее оплот. Конни живет в самом сердце шахтерского края и знает все не понаслышке.
The car was rising towards Stacks Gate.	Автомобиль взбирался все выше, до Отвальной было уже рукой подать.
The rain was holding off, and in the air came a queer pellucid gleam of May.	Дождь кончился, и воздух засиял прозрачной майской дымкой.
The country rolled away in long undulations, south towards the Peak, east towards Mansfield and Nottingham.	Окрест тянулись плавные очертания холмов - на юге до Пика, на востоке - до Мэнсфилда и Ноттингема.
Connie was travelling South.	Конни ехала к югу.
As she rose on to the high country, she could see on her left, on a height above the rolling land, the shadowy, powerful bulk of Warsop Castle, dark grey, with below it the reddish plastering of miners' dwellings, newish, and below those the plumes of dark smoke and white steam from the great colliery which put so many thousand pounds per annum into the pockets of the Duke and the other shareholders.	Дорога забирала круче; слева на высокой скале, господствующей над холмами, замаячила в небе мрачная темная громада Уорсопского замка; ниже краснели свежей еще штукатуркой новые шахтерские домики, а под ними набухали в воздухе сизые и снежно-белые облака - дым с паром, выдыхаемый огромной угольной шахтой, приносявшей ежегодно тысячи фунтов стерлингов герцогу и другим держателям акций.
The powerful old castle was a ruin, yet it hung its bulk on the low sky-line, over the black plumes and the white that waved on the damp air below.	Средневековый замок, высившийся на скале, давно уже был руинами, и все же его башни и стены грозно высились над серо-белыми хвостами, колышущимися в холодном, промозглом воздухе.
A turn, and they ran on the high level to Stacks Gate.	Поворот, и машина покатила по ровной дороге прямо к Отвальной.

Stacks Gate, as seen from the highroad, was just a huge and gorgeous new hotel, the Coningsby Arms, standing red and white and gilt in barbarous isolation off the road.	Если смотреть из окошка автомобиля, вся Отвальная, казалось, состоит единственно из новой огромной гостиницы "Герб Конингсби" -варварского красно-белого с позолотой сооружения, стоящего на отшибе у дороги.
But if you looked, you saw on the left rows of handsome 'modern' dwellings, set down like a game of dominoes, with spaces and gardens, a queer game of dominoes that some weird 'masters' were playing on the surprised earth.	Левее видны ряды красивых особнячков "модерн", обрамленных газонами и садами: они расставлены так, точно некие великаны затеяли игру в домино на захваченной врасплох земле и куда-то отлучились.
And beyond these blocks of dwellings, at the back, rose all the astonishing and frightening overhead erections of a really modern mine, chemical works and long galleries, enormous, and of shapes not before known to man.	Ниже устрашающе громоздятся марсианские конструкции современной шахты, корпуса химического завода, бесконечные галереи и переходы - картина, прежде неведомая человечеству.
The head-stock and pit-bank of the mine itself were insignificant among the huge new installations.	Самое устье шахты затерялось среди этого столпотворения.
And in front of this, the game of dominoes stood forever in a sort of surprise, waiting to be played.	А замершие в изумлении костяшки домино, казалось, ждут не дождутся продолжения игры.
This was Stacks Gate, new on the face of the earth, since the war.	Это была Отвальная, родившаяся на свет вскоре после окончания войны.
But as a matter of fact, though even Connie did not know it, downhill half a mile below the 'hotel' was old Stacks Gate, with a little old colliery and blackish old brick dwellings, and a chapel or two and a shop or two and a little pub or two.	Но была еще одна Отвальная, расположенная еще ниже по склону в полумиле от новой гостиницы, но Конни даже и не слыхала о ней. В этой старой Отвальной была собственная маленькая шахтенка, ветхие, закопченные кирпичные домики, пара церквушек, две-три лавки.
But that didn't count any more.	Но теперь уже старой Отвальной как бы и не существовало.
The vast plumes of smoke and vapour rose from the new works up above, and this was now Stacks Gate: no chapels, no pubs, even no shops. Only the great works', which are the modern Olympia with temples to all the gods; then the model dwellings: then the hotel.	В новой Отвальной ни церкви, ни таверны, ни лавок, только огромная машина завода -современная Олимпия, в храмах которой молятся всем богам; выше "показательные" особнячки и, наконец, гостиница.
The hotel in actuality was nothing but a miners' pub though it looked first-classy.	В сущности она и была таверной для рабочего люда, только выглядела чересчур шикарно.
Even since Connie's arrival at Wragby this new place had arisen on the face of the earth, and the model dwellings had filled with riff-raff drifting in from anywhere, to poach Clifford's rabbits among other occupations.	Этот новый поселок вырос уже после того, как Конни поселилась в Рагби; в "показательные" особнячки понаехал отовсюду всякий сброд, не гнушавшийся и браконьерством: немало кроликов Клиффорда нашли упокоение в желудках пришельцев.
The car ran on along the uplands, seeing the rolling county spread out. The county!	Автомобиль ехал дальше, сколько хватало глаз - кругом плавно бежали, обгоняя друг друга, невысокие холмы. Древняя земля!
It had once been a proud and lordly county.	В свое время гордая, феодальная земля.

In front, looming again and hanging on the brow of the sky-line, was the huge and splendid bulk of Chadwick Hall, more window than wall, one of the most famous Elizabethan houses.	Впереди, оседлав гребень холма, неясно замаячил огромный, великолепный Чадвик-холл -вместо стен легкие переплеты окон - один из самых замечательных елизаветинских дворцов.
Noble it stood alone above a great park, but out of date, passed over.	Исполненный благородства, он горделиво высился над огромным парком.
It was still kept up, but as a show place. 'Look how our ancestors lorded it!'	Старомодный, отживший свой век, он не сдавался: его показывали как достопримечательность: "Полюбуйтесь, в каких дворцах обитали наши прадеды".
That was the past.	Это прошлое.
The present lay below.	Настоящее прозябало внизу.
God alone knows where the future lies.	И только Богу известно, где обреталось будущее.
The car was already turning, between little old blackened miners' cottages, to descend to Uthwaite.	Автомобиль свернул в улочку, стиснутую закопченными шахтерскими домиками, и покатил под гору в Атуэйт.
And Uthwaite, on a damp day, was sending up a whole array of smoke plumes and steam, to	В сырой, промозглый день Атуэйт исходил дымом и паром,

whatever gods there be.	куря фимиам невесть каким идолам.
Uthwaite down in the valley, with all the steel threads of the railways to Sheffield drawn through it, and the coal-mines and the steel-works sending up smoke and glare from long tubes, and the pathetic little corkscrew spire of the church, that is going to tumble down, still pricking the fumes, always affected Connie strangely.	Конни всегда как-то странно трогал этот Атуэйт, расположенный в долине, разрезанный пополам стальными нитями железной дороги, ведущей в Шеффилд; его угольные копи и сталелитейные заводы, выбрасывающие сквозь длинные дыхальца дым, подсвеченный языками пламени; завитый штопором шпиль церквушки, грозящий вот-вот упасть и все же бросающий вызов языческому курению.
It was an old market-town, centre of the dales.	В этот старинный городок съезжались на ярмарки жители всех окрестных селений.
One of the chief inns was the Chatterley Arms.	Одна из лучших гостиниц звалась "Герб Чаттерли".
There, in Uthwaite, Wragby was known as Wragby, as if it were a whole place, not just a house, as it was to outsiders: Wragby Hall, near Tevershall: Wragby, a 'seat'.	Здесь, в Атуэйте название "Рагби" означало поместье Рагби, а не просто дом. Для пришлых - Рагби-холл, тот, что возле Тивершолла, для местных Рагби - родовое гнездо.
The miners' cottages, blackened, stood flush on the pavement, with that intimacy and smallness of colliers' dwellings over a hundred years old.	Закопченные домики шахтеров стоят, краснея, вдоль большака - маленькие, уютные, замкнутые, как сто лет назад.
They lined all the way. The road had become a street, and as you sank, you forgot instantly the open, rolling country where the castles and big houses still dominated, but like ghosts.	Большак переходит в улицу, и вот вы уже в центре Атуэйта, точно и не было приволья, волнистых холмов, старинных замков и особняков - этих величавых призраков прошлого.

Now you were just above the tangle of naked railway-lines, and foundries and other 'works' rose about you, so big you were only aware of walls.	Пересекаете переплетенье стальных путей; вокруг литейные и какие-то другие цеха, скрытые за высоченными стенами.
And iron clanked with a huge reverberating clank, and huge lorries shook the earth, and whistles screamed.	Оглушительно лязгает металл, сотрясают землю тяжелые тягачи, залиvisto свистят паровозы.
Yet again, once you had got right down and into the twisted and crooked heart of the town, behind the church, you were in the world of two centuries ago, in the crooked streets where the Chatterley Arms stood, and the old pharmacy, streets which used to lead out to the wild open world of the castles and stately couchant houses.	Вы в самом сердце Атуэйта, среди его скрюченных, извилистых улочек; время здесь остановилось два столетия назад. За спиной церковь, впереди гостиница "Герб Чаттерли", старинная аптека; когда-то эти кривоколенные улочки выводили путника на открытые просторы замков и осанистых особняков.
But at the corner a policeman held up his hand as three lorries loaded with iron rolled past, shaking the poor old church. And not till the lorries were past could he salute her ladyship.	Стоявший на развилке полицейский поднял руку, пропуская три груженных чугунами болванками грузовика, от которых бедная, старенькая церковь сотряслась до основания, и только потом козырнул, приветствуя ее милость.
So it was. Upon the old crooked burgess streets hordes of oldish blackened miners' dwellings crowded, lining the roads out.	Вот как оно теперь; старинные кривые улочки вливаются в шоссе, вдоль которого шахтерские коттеджи поновее.
And immediately after these came the newer, pinker rows of rather larger houses, plastering the valley: the homes of more modern workmen. And beyond that again, in the wide rolling regions of the castles, smoke waved against steam, and patch after patch of raw reddish brick showed the newer mining settlements, sometimes in the hollows, sometimes gruesomely ugly along the sky-line of the slopes.	А дальше знакомая картина: над холмами и старинными замками реют сизо-серые плюмажи дыма и пара, и уже совсем далеко новые шахтерские поселки - то краснеют кирпичными заплатами в чашах долины, то взбираются на самый гребень холмов, уродуя их плавные очертания.
And between, in between, were the tattered remnants of the old coaching and cottage England, even the England of Robin Hood, where the miners prowled with the dismalness of suppressed sporting instincts, when they were not at work.	Все остальное пространство - клочки старой веселой Англии, Англии дилижансов и сельских хижин, а может, и Робина Гуда, где шахтеры в свободную минуту бродят, исходя угрюмой тоской, рожденной подавленным охотничьим инстинктом.
England, my England!	Англия, моя Англия!
But which is my England?	Но которая же моя?
The stately homes of England make good photographs, and	Элегантные особняки старой Англии, которые прекрасно выходят на фотографиях,

create the illusion of a connexion with the Elizabethans.	создавая иллюзию причастности к жизни елизаветинцев?
The handsome old halls are there, from the days of Good Queen Anne and Tom Jones.	Или изящные дома времен королевы Анны и Тома Джонса?
But smuts fall and blacken on the drab stucco, that has long ceased to be golden.	Но сажа закоптила их скучную серую лепнину, с которой уже давно стерлась позолота.
And one by one, like the stately homes, they were abandoned.	Они пустеют один за другим, вслед за елизаветинскими особняками.
Now they are being pulled down.	А теперь их и вовсе стали сносить.

As for the cottages of England—there they are—great plasterings of brick dwellings on the hopeless countryside.	Что же до деревенских хижин - вместо них эти кирпичные заплаты на безысходно унылой земле.
'Now they are pulling down the stately homes, the Georgian halls are going.	И вот уже гибнут дома, уходят в небытие последние георгианские особняки.
Fritchley, a perfect old Georgian mansion, was even now, as Connie passed in the car, being demolished.	Фричли-холл, великолепный образчик георгианской эпохи, сносится прямо сейчас, на глазах у Конни.
It was in perfect repair: till the war the Weatherleys had lived in style there.	Он был до войны в отличном состоянии, в нем счастливо и весело жило семейство Уэзерли.
But now it was too big, too expensive, and the country had become too uncongenial.	Но теперь он оказался слишком велик, разорителен, да и край потерял былую привлекательность для жилья.
The gentry were departing to pleasanter places, where they could spend their money without having to see how it was made.'	Дворянство бежит в другие места, где можно тратить деньги, не видя, как они зарабатываются.
This is history.	Это история.
One England blots out another.	Одна Англия вытесняет другую.
The mines had made the halls wealthy. Now they were blotting them out, as they had already blotted out the cottages.	Шахты обогатили дворянство, теперь они же и разоряют его, как уже разорили крестьян.
The industrial England blots out the agricultural England. One meaning blots out another.	Промышленная Англия сменила сельскую. Одно историческое содержание приходит на смену другому.
The new England blots out the old England. And the continuity is not Organic, but mechanical.	Новая Англия вытесняет старую. И развитие идет не работой подспудных жизненных сил, а механически привносится извне.
Connie, belonging to the leisured classes, had clung to the remnants of the old England.	Конни, принадлежа к классу бездельников, цеплялась за эти клочки уходящей Англии, как за якорь спасения.
It had taken her years to realize that it was really blotted out by this terrifying new and gruesome England, and that the blotting out would go on till it was complete.	Она не сразу поняла, что старая веселая Англия действительно исчезает и скоро от нее не останется и следа.
Fritchley was gone, Eastwood was gone, Shipley was going: Squire Winter's beloved Shipley. Connie called for a moment at Shipley.	С Фричли покончено, с Иствудом тоже; дышит на ладан Шипли, так щемяще любимый сквайром Уинтером. Конни заглянула к нему по пути.
The park gates, at the back, opened just near the level crossing of the colliery railway; the Shipley colliery itself stood just beyond the trees.	Дальние ворота были у самого переезда через железнодорожную колею, идущую к шахтам. Шахты высились как раз за парком.
The gates stood open, because through the park was a right-of-way that the colliers used.	Ворота стояли открытые настежь: шахтерам позволено было ходить через парк.
They hung around the park.	Вечерами и по воскресеньям они любили погулять среди вековых деревьев.

The car passed the ornamental ponds, in which the colliers threw their newspapers, and took the private drive to the house.	Автомобиль миновал декоративные пруды (шахтеры бросали в них прочитанные газеты) и покати́л по аллее к дому.
It stood above, aside, a very pleasant stucco building from the middle of the eighteenth century.	Дом стоял чуть в стороне, на возвышении - красивый, с лепниной, осколок восемнадцатого века.

It had a beautiful alley of yew trees, that had approached an older house, and the hall stood serenely spread out, winking its Georgian panes as if cheerfully.	Поодаль шла тисовая аллея, ведущая еще к его предшественнику, от которого не осталось и следа. Шипли-холл наслаждался покоем блаженного неведения.
Behind, there were really beautiful gardens.	За домом тянулись прекрасные сады.
Connie liked the interior much better than Wragby.	Конни нравился дом сквайра Уинтера гораздо больше, чем Рагби-холл.
It was much lighter, more alive, shapen and elegant.	В нем было столько света, изящества, вкуса.
The rooms were panelled with creamy painted panelling, the ceilings were touched with gilt, and everything was kept in exquisite order, all the appointments were perfect, regardless of expense. Even the corridors managed to be ample and lovely, softly curved and full of life.	Стены обшиты кремовыми панелями, потолки поблескивают позолотой, мебель радует глаз элегантностью: хозяева за ценой не стояли. Дом содержался в образцовом порядке; даже коридоры, закруглявшиеся на поворотах, были светлые, просторные, полные цветов.
But Leslie Winter was alone.	Лесли Уинтер жил один.
He had adored his house.	Он обожал свой дом.
But his park was bordered by three of his own collieries.	Но-к парку примыкали три его собственные шахты.
He had been a generous man in his ideas. He had almost welcomed the colliers in his park.	А Уинтер был натурой щедрой и справедливой, и он чуть ли не сам пригласил шахтеров ходить через парк.
Had the miners not made him rich!	Разве не им он обязан своим благосостоянием?
So, when he saw the gangs of unshapely men lounging by his ornamental waters—not in the private part of the park, no, he drew the line there—he would say: 'the miners are perhaps not so ornamental as deer, but they are far more profitable.'	А увидев, как чумазные орды ринулись к его драгоценным прудам (у него хватило здравого смысла оставить заповедной примыкавшую к дому часть парка), он сказал себе в утешение: "Шахтеры, конечно, не столь живописны, как олени, но не в пример выгоднее".
But that was in the golden—monetarily—latter half of Queen Victoria's reign.	Это произошло еще в правление королевы Виктории во вторую, золотую ("золото" в смысле "капитал") его половину.
Miners were then 'good working men'.	Шахтеры тогда еще были славными рабочими парнями.
Winter had made this speech, half apologetic, to his guest, the then Prince of Wales.	Уинтер рассказал эту историю не то в шутку, не то в оправдание гостившему у него тогдашнему принцу Уэльскому.
And the Prince had replied, in his rather guttural English:	На что принц ответил ему своим гортанным голосом:
'You are quite right.	- Вы совершенно правы.

If there were coal under Sandringham, I would open a mine on the lawns, and think it first-rate landscape gardening.	Найдись уголь у меня в Сандринкеме, я велел бы вырыть на газонах шахту и почитал бы ее самым лучшим парковым украшением.
Oh, I am quite willing to exchange roe-deer for colliers, at the price. Your men are good men too, I hear.'	Я с удовольствием обменял бы своих косуль на шахтеров при нынешних ценах на уголь. К тому же я слышал, ваши шахтеры - добрый народ.
But then, the Prince had perhaps an exaggerated idea of the beauty of money, and the blessings of industrialism.	Наверное, все-таки у принца было в ту пору несколько преувеличенное понятие о значимости денег и прелестях индустриального общества.
However, the Prince had been a King, and the King had died, and now there was another King, whose chief function seemed to be to open soup-kitchens.	Как бы то ни было, принц стал королем, король умер, вместо него стал править новый король, чьей главной заботой были, кажется, бесплатные столовые для бедняков.
And the good working men were somehow hemming Shipley in.	И вот теперь этот "добрый народ" повел наступление на усадьбу Шипли.
New mining villages crowded on the park, and the squire felt somehow that the population was alien.	Новые шахтерские поселки налезали на парк, и сквайр вдруг начал ощущать враждебность своих соседей.
He used to feel, in a good-natured but quite grand way, lord of his own domain and of his own colliers.	Он всегда чувствовал себя хозяином своей вотчины и своих углекопов - высокородным и добросердечным, но хозяином.
Now, by a subtle pervasion of the new spirit, he	Последнее время, однако, его шахты, его углекопы - вследствие какого-то неуловимого, новомодного

had somehow been pushed out.	поветрия - стали как бы выталкивать его с родовых земель.
It was he who did not belong any more. There was no mistaking it.	Теперь он становился здесь чужаком, в этом сомневаться не приходилось.
The mines, the industry, had a will of its own, and this will was against the gentleman-owner.	Шахты, производство стали проявлять своеволие, нацелив его острие на хозяина-джентльмена.
All the colliers took part in the will, and it was hard to live up against it.	Было не очень приятно жить, то и дело натываясь на него.
It either shoved you out of the place, or out of life altogether.	И посыл был всегда один - уйди из этих мест или совсем из жизни, но уйди.
Squire Winter, a soldier, had stood it out.	Сквайр Уинтер держался стойко, как подобает солдату.
But he no longer cared to walk in the park after dinner.	Перестал только гулять в парке после обеда.
He almost hid, indoors.	Отсиживался, так сказать, в стенах дома.
Once he had walked, bare-headed, and in his patent-leather shoes and purple silk socks, with Connie down to the gate, talking to her in his well-bred rather haw-haw fashion.	Как-то вышел проводить до ворот Конни - с непокрытой головой, в туфлях из дорогой кожи, в шелковых бордо носках; говорил с ней со старомодной учтивостью, чуть растягивая слова.

But when it came to passing the little gangs of colliers who stood and stared without either salute or anything else, Connie felt how the lean, well-bred old man winced, winced as an elegant antelope stag in a cage winces from the vulgar stare.	Вдоль аллеи стояли кучки шахтеров, глядевших на сквайра пустым взглядом - ни приветствия, ни улыбки, и Конни почувствовала, как этот высокий, сухопарый джентльмен, дойдя до них, весь подобрался, точно запертый в вольере красавец-олень под взглядами досужей публики.
The colliers were not personally hostile: not at all.	Личной к нему вражды у шахтеров не было.
But their spirit was cold, and shoving him out.	Но от них веяло таким холодом, что хотелось бежать отсюда куда глаза глядят.
And, deep down, there was a profound grudge. They worked for him'.	Подоплекой всего была зависть. Они работали на него.
And in their ugliness, they resented his elegant, well-groomed, well-bred existence. 'Who's he!'	И сознавая свое безобразие, ненавидели его эlegantное, холеное, хорошо воспитанное существование. "Да кто в сущности он такой!"
It was the difference they resented.	Они ненавидели не его, а эту вопиющую разницу между ними.
And somewhere, in his secret English heart, being a good deal of a soldier, he believed they were right to resent the difference.	И все же в глубине души этот старый солдат признавал - а ведь, пожалуй, они и правы.
He felt himself a little in the wrong, for having all the advantages.	Есть что-то постыдное в его привилегиях.
Nevertheless he represented a system, and he would not be shoved out.	Но он был частью системы, а стало быть, никто не смел посягнуть на его права.
Except by death.	Разве что смерть.
Which came on him soon after Connie's call, suddenly.	И она не заставила себя ждать. Уинтер умер внезапно, вскоре после этого визита Конни к нему.
And he remembered Clifford handsomely in his will.	И в завещании щедро помянул Клиффорда.
The heirs at once gave out the order for the demolishing of Shipley. It cost too much to keep up. No one would live there. So it was broken up.	Его наследники тотчас распорядились пустить Шипли на слом. Слишком обременительно содержать такой особняк. Не нашлось охотника жить в нем, и дом разобрали.
The avenue of yews was cut down. The park was denuded of its timber, and divided into lots. It was near enough to Uthwaite. In the strange, bald desert of this still-one-more no-man's-land, new little streets of semi-detacheds were run up, very desirable! The Shipley Hall Estate!	Спилили вековые тисы. Вырубили парк, поделили его на участки и застроили. На странной, голой, ничейной земле выросли новые улицы новых кирпичных домов. Какая прелесть этот Шипли-холл! И до Атуэйта рукой подать.
Within a year of Connie's last call, it had happened.	И все это произошло в течение одного года, после ее последнего посещения Шипли.
There stood Shipley Hall Estate, an array of red-brick semi-detached 'villas' in new streets.	Так и вырос тут новый городок Шипли-холл, стройные ряды красно-кирпичных вилл, уличные перекрестки.

No one would have dreamed that the stucco hall had stood there twelve months before.	Кто бы сказал, что еще год назад здесь, на этой земле, величаво дремал осененный тисами особняк.
--	--

But this is a later stage of King Edward's landscape gardening, the sort that has an ornamental coal-mine on the lawn.	Логическое завершение архитектурной мечты принца Эдуарда: угольная шахта - лучшее украшение газона.
One England blots out another.	Одна Англия вытесняет другую.
The England of the Squire Winters and the Wragby Halls was gone, dead.	Нет больше Англии сквайра Уинтера, Рагби-холла, она умерла.
The blotting out was only not yet complete.	Но процесс вытеснения еще не кончен.
What would come after?	А что будет после?
Connie could not imagine.	Конни не представляла себе.
She could only see the new brick streets spreading into the fields, the new erections rising at the collieries, the new girls in their silk stockings, the new collier lads lounging into the Pally or the Welfare.	Она видела только, как все новые улочки выползают в поля, как рядом с шахтами растут заводские здания; видела молодых девушек в шелковых чулках, парней-шахтеров, все интересы которых вращались от танцзала до шахтерского благотворительного клуба.
The younger generation were utterly unconscious of the old England.	Молодое поколение понятия не имеет о старой Англии.
There was a gap in the continuity of consciousness, almost American: but industrial really.	Разрыв культурной традиции, почти по-американски. Действительно индустриальная революция.
What next?	А что дальше?
Connie always felt there was no next.	Конни чувствовала: дальше - ничего.
She wanted to hide her head in the sand: or, at least, in the bosom of a living man.	Ей хотелось, как страусу, зарыться головой в песок или хотя бы прижаться к груди любимого.
The world was so complicated and weird and gruesome!	Мир так сложен, непонятен, чудовищен.
The common people were so many, and really so terrible.	Простой люд так многочислен и невыносим, думала Конни на обратном пути, глядя на возвращавшихся из забоя шахтеров: черные, скрюченные, скособоленные, они тяжело топали коваными сапогами.
So she bought as she was going home, and saw the colliers trailing from the pits, grey-black, distorted, one shoulder higher than the other, slurring their heavy ironshod boots.	На пепельно-серых лицах вращаются яркие белки глаз; шеи согнуты, плечи согнуты низкой кровлей забоя.
Underground grey faces, whites of eyes rolling, necks cringing from the pit roof, shoulders Out of shape.	Господи, и это мужчины!
Men! Men! Alas, in some ways patient and good men.	Возможно, они добры, терпеливы, зато главное, увы, в них не существует.
In other ways, non-existent.	В них убито мужество, вытравлено из поколения в поколение.
Something that men should have was bred and killed out of them. Yet they were men.	И все же они мужчины.
They begot children. One might bear a child to them. Terrible, terrible thought!	Женщины рожают от них. Страшно даже подумать об этом.

They were good and kindly.	Наверное, они хорошие, добрые.
But they were only half, Only the grey half of a human being.	Но ведь они только полулюди. Серо-черные половинки человеческого существа.
As yet, they were 'good'. But even that was the goodness of their halfness. Supposing the dead in them ever rose up!	Пока они добрые. Но и доброта половинчатая. А что, если та, мертвая половина проснется!
But no, it was too terrible to think of.	Нет, об этом лучше не думать.
Connie was absolutely afraid of the industrial masses.	Конни панически боялась индустриальных рабочих.
They seemed so weird to her.	Они ей казались такими странными.
A life with utterly no beauty in it, no intuition, always 'in the pit'.	Их жизнь, навечно прикованная к шахте, была начисто лишена красоты, интуиции, гармонии.

Children from such men!	Рожать дитя от такого мужчины?
Oh God, oh God!	О Господи!
Yet Mellors had come from such a father.	Но ведь и Меллорс был зачат таким отцом.
Not quite. Forty years had made a difference, an appalling difference in manhood. The iron and the coal had eaten deep into the bodies and souls of the men.	И все-таки Меллорс - другое дело. Сорок лет - немалый срок. За этот срок можно преобразиться, как бы глубоко ни въелся уголь в тело и душу твоих дедов и прадедов.
Incarinate ugliness, and yet alive!	Воплощенное уродство и все-таки живые души!
What would become of them all?	Что с ними станет в конце концов?
Perhaps with the passing of the coal they would disappear again, off the face of the earth.	Иссякнет под землей уголь, и они сами собой исчезнут?
They had appeared out of nowhere in their thousands, when the coal had called for them.	Эти тысячи гномов взялись ниоткуда, когда шахты призвали их.
Perhaps they were only weird fauna of the coal-seams.	Может, они какое-то кошмарное порождение угля?
Creatures of another reality, they were elementals, serving the elements of coal, as the metal-workers were elementals, serving the element of iron.	Существа иного мира, частицы горючей угольной пыли, так же как литейщики - частицы руды.
Men not men, but animas of coal and iron and clay.	Люди и не люди, плоть от плоти угля, руды, кремнезема.
Fauna of the elements, carbon, iron, silicon: elementals.	Фауна, рожденная углеродом, железом, кремнием.
They had perhaps some of the weird, inhuman beauty of minerals, the lustre of coal, the weight and blueness and resistance of iron, the transparency of glass.	И возможно, они обладают их странной нечеловеческой красотой: антрацитовым блеском угля, синеватой твердостью стали, чистейшей прозрачностью стекла.
Elemental creatures, weird and distorted, of the mineral world!	Порождения минералов, фантастические, искореженные. Дети подземных кладовых.
They belonged to the coal, the iron, the clay, as fish belong to the sea and worms to dead wood. The anima of mineral disintegration!	Уголь, железо, кремнезем для них все равно, что вода для рыб, трухлявое дерево для личинок.

Connie was glad to be home, to bury her head in the sand. She was glad even to babble to Clifford.	Конни вернулась домой, как под сень райских кущ, где можно зарыть голову в песок - поболтать с Клиффордом.
For her fear of the mining and iron Midlands affected her with a queer feeling that went all over her, like influenza.	Угольный и сталелитейный Мидленд нагнал на нее такого страха, что ее била лихорадка.
'Of course I had to have tea in Miss Bentley's shop,' she said.	- Я, конечно, заехала в лавку мисс Бентли, выпила чашку чая, - сказала она Клиффорду.
'Really! Winter would have given you tea.' 'Oh yes, but I daren't disappoint Miss Bentley.'	- Что за фантазия! Разве ты не могла выпить чашку чая в Шипли у Уинтера? - А я и там выпила. Но мне не хотелось огорчать мисс Бентли.
Miss Bentley was a shallow old maid with a rather large nose and romantic disposition who served tea with a careful intensity worthy of a sacrament.	Мисс Бентли, скучная старая дева с длинным носом и романтическим складом характера, угощала чаем, точно священнодействовала.
'Did she ask after me?' said Clifford.	- Она обо мне справлялась? - спросил Клиффорд.
'Of course!—.	- Разумеется!
May I ask your Ladyship how Sir Clifford is!—I believe she ranks you even higher than Nurse Cavell!	"Позвольте осведомиться у вашей милости, как себя чувствует сэр Клиффорд?" Веришь ли, она превозносит тебя до небес. Заткнула за пояс даже сестру Кейвел!
'And I suppose you said I was blooming.'	- И ты, конечно, ей ответила: "Великолепно!"?
'Yes!	- Ну да.
And she looked as rapt as if I had said the heavens had opened to you.	Она пришла в такой восторг, как будто над ней небеса разверзлись.
I said if she ever came to Tevershall she was to come to see you.'	Я пригласила ее к нам, сказала, если она будет в Тивершолле, пусть непременно навестит тебя.
'Me! Whatever for! See me!'	- Меня? Зачем?
'Why yes, Clifford. You can't be so adored without making some slight return.	- Ах, Клиффорд, я же говорю, она боготворит тебя. Ты ведь должен быть хоть немного признателен ей за это.
Saint George of Cappadocia was nothing to you, in	В ее глазах Святой Георгий - ничто по сравнению с

her eyes.'	тобой.
And do you think she'll come?'	- И что же, ты думаешь, она придет?
Oh, she blushed! and looked quite beautiful for a moment, poor thing!	- Ты бы видел, она так и вспыхнула. И даже на миг стала, бедняжка, хорошенькой.
Why don't men marry the women who would really adore them?'	И почему это мужчины не женятся на женщинах, которые их обожают?
'The women start adoring too late. But did she say she'd come?'	- В женщине просыпается дар обожания несколько поздно. А она и правда может нагрянуть к нам?
'Oh!' Connie imitated the breathless Miss Bentley, 'your Ladyship, if ever I should dare to presume!'	- "Ах, ваша милость, - передразнила Конни мисс Бентли, - я не могла и мечтать о таком счастье".
'Dare to presume! how absurd!'	- Не могла и мечтать! Что за чушь!

But I hope to God she won't turn up.	Надеюсь, все-таки у нее хватит ума забыть о твоём приглашении.
And how was her tea?'	А как у нее чай?
'Oh, Lipton's and very strong.	- Липтон и очень крепкий!
But Clifford, do you realize you are the Roman de la rose of Miss Bentley and lots like her?'	Но, Клиффорд, неужели ты не понимаешь, что для женщин, таких, как мисс Бентли, ты - Roman de la rose ["Роман о розе" (фр.) - средневековый роман (XIII в.) Гильома де Лерриса и Жана де Мена, отличающийся светским мировоззрением, пытливостью мысли, энциклопедичностью].
'I'm not flattered, even then.'	- Меня и это не растрогало.
'They treasure up every one of your pictures in the illustrated papers, and probably pray for you every night.	- Они дрожат над каждой твоей фотографией из журналов. И наверное, каждый вечер молятся за тебя.
It's rather wonderful.'	Как хочешь, но это прекрасно!
She went upstairs to change.	И Конни пошла вверх переодеться.
That evening he said to her:	А вечером Клиффорд сказал ей:
'You do think, don't you, that there is something eternal in marriage?'	- Ты ведь веришь, что браки заключаются на небесах?
She looked at him.	Конни удивленно взглянула на него.
'But Clifford, you make eternity sound like a lid or a long, long chain that trailed after one, no matter how far one went.'	- В этих словах я слышу бряцание длинной, длинной цепи, которая будет волочиться всюду, как бы далеко ни уехать.
He looked at her, annoyed. What I mean,' he said, 'is that if you go to Venice, you won't go in the hopes of some love affair that you can take au grand sérieux, will you?' 'A love affair in Venice au grand sérieux?'	- Я вот что имею в виду, - не без раздражения проговорил он. - Вот ты собралась в Венецию. Ты ведь едешь туда не для того, чтобы завести любовь au grand sérieux? [очень серьезную (фр.)]
No. I assure you!	- Завести в Венеции любовь au grand sérieux? Разумеется, нет, уверяю тебя.
No, I'd never take a love affair in Venice more than au tres petit sérieux.' She spoke with a queer kind of contempt. He knitted his brows, looking at her.	В Венеции я могла бы завести разве что любовь au tres petit sérieux [не очень серьезную (фр.)]. Конни произнесла эти слова с легким презрением.
Coming downstairs in the morning, she found the keeper's dog Flossie sitting in the corridor outside Clifford's room, and whimpering very faintly.	Утром, спустившись вниз, она увидела в коридоре Флосси. Собака Меллорса сидела под дверью и тихонько поскуливала.
'Why, Flossie!' she said softly. 'What are you doing here?'	- Флосси, - тихонько позвала Конни. - Что ты здесь делаешь?
And she quietly opened Clifford's door.	- И с этими словами она спокойно отворила дверь.
Clifford was sitting up in bed, with the bed-table and typewriter pushed aside, and the keeper was standing at attention at the foot of the bed.	Клиффорд сидел в постели, прикроватный столик с машинкой был сдвинут в сторону; в ногах кровати стоял навытяжку егерь.
Flossie ran in.	Флосси в один миг проскочила в комнату.

With a faint gesture of head and eyes, Mellors ordered her to the door again, and she slunk out.	Легким движением головы и глаз Меллорс послал ее вон, и Флосси тотчас повиновалась.
--	---

'Oh, good morning, Clifford!'	- Доброе утро, Клиффорд, - сказала Конни.
Connie said. 'I didn't know you were busy.'	- Я не знала, что ты занят.
Then she looked at the keeper, saying good morning to him.	- Взглянув на егеря, она поздоровалась и с ним.
He murmured his reply, looking at her as if vaguely.	Меллорс ответил вполголоса, почти не глядя на нее.
But she felt a whiff of passion touch her, from his mere presence.	Но у Конни подкосились ноги, так подействовало на нее его присутствие.
'Did I interrupt you, Clifford? I'm sorry.'	- Я помешала тебе, Клиффорд? Прости.
'No, it's nothing of any importance.'	- Нисколько. Я ничем серьезным не занят.
She slipped out of the room again, and up to the blue boudoir on the first floor.	Конни вышла из комнаты и поднялась в голубую гостиную.
She sat in the window, and saw him go down the drive, with his curious, silent motion, effaced.	Села там у окна и долго смотрела, как он уходил по аллее - легко, изящно и как бы крадучись.
He had a natural sort of quiet distinction, an aloof pride, and also a certain look of frailty.	Его отличало природное достоинство, гордость и какая-то необъяснимая хрупкость.
A hireling!	Прислуга!
One of Clifford's hirelings! 'The fault, dear Brutus, is not in our stars, but in ourselves, that we are underlings.'	Прислуга Клиффорда! Не звезды, милый Брут, а сами мы Виновны в том, что сделались рабами [В.Шекспир, "Юлий Цезарь"].
Was he an underling? Was he?	А он правда прислуга? Правда?
What did he think of her?	А что он все-таки думает о ней?
It was a sunny day, and Connie was working in the garden, and Mrs Bolton was helping her.	День был солнечный, и Конни пошла поработать в сад. Миссис Болтон помогала ей.
For some reason, the two women had drawn together, in one of the unaccountable flows and ebbs of sympathy that exist between people.	Эти две женщины, повинувшись неведомой силе, управляющей симпатиями и антипатиями, питали друг к другу душевную приязнь.
They were pegging down carnations, and putting in small plants for the summer.	Подвывая к колышкам высокую гвоздику, они принялись за рассадку. Обе любили возиться с землей.
It was work they both liked.	Конни с нежностью расправляла тоненькие корешки и, осторожно погрузив крошечное растение в мягкую почву, придавливала ее пальцами.
Connie especially felt a delight in putting the soft roots of young plants into a soft black puddle, and cradling them down.	Этим весенним утром она почувствовала в своем чреве легкую приятную дрожь, как будто и ее нутра коснулся живительный солнечный луч.
On this spring morning she felt a quiver in her womb too, as if the sunshine had touched it and made it happy.	- Вы давно потеряли мужа? - спросила она миссис Болтон, беря очередной цветок и опуская его в ямку.

'It is many years since you lost your husband?' she said to Mrs Bolton as she took up another little plant and laid it in its hole. 'Twenty-three!' said Mrs Bolton, as she carefully separated the young columbines into single plants. 'Twenty-three years since they brought him home.'	- Двадцать три года назад, - ответила миссис Болтон, осторожно разделяя рассадку на отдельные ростки. - Его принесли домой... Да, уже двадцать три года назад.
Connie's heart gave a lurch, at the terrible finality of it. Brought him home!	К горлу Конни подкатил комок. Как все просто и страшно: "Двадцать три года назад"!
'Why did he get killed, do you think?' she asked. 'He was happy with you?'	- Почему он погиб? - спросила она. - Он был с вами счастлив?
It was a woman's question to a woman.	Естественный вопрос одной женщины к другой.
Mrs Bolton put aside a strand of hair from her face, with the back of her hand.	Миссис Болтон тыльной стороной ладони откинула со лба волосы.
'I don't know, my Lady!	- Не знаю, ваша милость.
He sort of wouldn't give in to things: he wouldn't really go with the rest.	Он не любил подчиняться; я даже скажу, он мало с кем и дружбу водил.
And then he hated ducking his head for anything on earth. A sort of obstinacy, that gets itself killed.	С норовом был. Не любил кланяться. Это его и сгубило.
You see he didn't really care.	Не очень он и берегся.
I lay it down to the pit.	Шахта во всем виновата.
He ought never to have been down pit.	Ему никак нельзя было там работать.

But his dad made him go down, as a lad; and then, when you're over twenty, it's not very easy to come out.'	Отец отвел его в шахту - он еще был мальчишкой. А уж как перевалит за двадцать, уйти трудновато. Куда уйдешь-то?
'Did he say he hated it?'	- А он говорил, что ненавидит шахту?
Oh no!	- Нет, никогда не говорил.
Never! He never said he hated anything.	Чтобы он сказал "ненавижу"? Нет, не припомню.
He just made a funny face.	Только, бывало, сморщится.
He was one of those who wouldn't take care: like some of the first lads as went off so blithe to the war and got killed right away.	Он ничего не боялся, как-то не думал о плохом. Знаете, как весело шли на войну первые новобранцы? И сразу все полегли там. Вот и он был такой же.
He wasn't really wezzle-brained.	А вообще-то он парень был с головой.
But he wouldn't care.	Только не берегся.
I used to say to him:	Я ему сколько говорила:
"You care for nought nor nobody!"	"Никого не жалеешь, ни себя, ни других".
But he did!	А он жалел.
The way he sat when my first baby was born, motionless, and the sort of fatal eyes he looked at me with, when it was over!	Помню, как он сидел рядом со мной - я тогда первенького рожала. Молчит и такими глазами смотрит, точно это не он, а сама судьба на меня глаза вытращила.

I had a bad time, but I had to comfort him.	Тяжело мне пришлось, и я же еще его и успокаивала.
"It's all right, lad, it's all right!" I said to him.	"Ничего, - говорю, - все обойдется".
And he gave me a look, and that funny sort of smile. He never said anything.	А он как зыркнет на меня и улыбнется, так-то странно... И все молчал.
But I don't believe he had any right pleasure with me at nights after; he'd never really let himself go. I used to say to him: Oh, let thysen go, lad!—I'd talk broad to him sometimes. And he said nothing. But he wouldn't let himself go, or he couldn't.	Только потом, думаю, ему уже никогда не было со мной хорошо... ночью, в постели. Я ему, бывало, говорю: "Да что это с тобой!" Даже сержусь, а он молчит... Не хотел, что ли, или не мог.
He didn't want me to have any more children.	Боялся, вдруг буду опять рожать.
I always blamed his mother, for letting him in th' room.	Я на его мать сердилась - зачем пустила его ко мне.
He'd no right t'ave been there.	Нельзя было пускать.
Men makes so much more of things than they should, once they start brooding.'	Мужчине что вошло в ум, то и засело. Хоть караул кричи.
'Did he mind so much?' said Connie in wonder.	- Это так на него повлияло? - изумилась Конни.
'Yes, he sort of couldn't take it for natural, all that pain.	- Да. Не мог он взять в толк, что все это от природы - боль и все такое.
And it spoilt his pleasure in his bit of married love.	Это-то и отравляло ему удовольствие.
I said to him: If I don't care, why should you?	Я ему говорю, раз я не боюсь, так тебе-то чего бояться.
It's my look-out!—But all he'd ever say was: It's not right!'	А он мне - неладно все это.
'Perhaps he was too sensitive,' said Connie.	- Он, наверное, был очень чувствительный, - заметила Конни.
'That's it!	- Вот-вот, чувствительный.
When you come to know men, that's how they are: too sensitive in the wrong place.	С мужчинами всегда так, больно чувствительны, где не надо.
And I believe, unbeknown to himself he hated the pit, just hated it.	И я думаю, хотя он сам и не признавал, он эту шахту ненавидел, ненавидел, и все.
He looked so quiet when he was dead, as if he'd got free.	Когда он лежал в гробу, у него было такое лицо... Как будто он наконец-то освободился.
He was such a nice-looking lad.	Парень он был видный, красивый.

It just broke my heart to see him, so still and pure looking, as if he'd wanted to die.	У меня сердце так и разрывалось. Лежит такой спокойный, такой светлый, как будто рад, что умер.
Oh, it broke my heart, that did.	Он разбил мне сердце.
But it was the pit.'	А виновата во всем шахта.
She wept a few bitter tears, and Connie wept more.	Несколько все еще горьких слезинок скатились по ее щекам. А Конни просто облилась слезами.

It was a warm spring day, with a perfume of earth and of yellow flowers, many things rising to bud, and the garden still with the very sap of sunshine.	День был такой теплый, пахло свежей землей, желтой сурепкой; весь сад набух бутонами, впитывая потоки солнечного света.
'It must have been terrible for you!' said Connie.	- Как же вы это пережили? - сказала Конни.
'Oh, my Lady! I never realized at first.	- Сама не знаю. Сначала я даже не очень и поняла, какая беда стряслась.
I could only say: Oh my lad, what did you want to leave me for!—That was all my cry. But somehow I felt he'd come back.'	И только все повторяла: "Мальчик мой, как ты мог уйти от меня". И не плакала. У меня было такое чувство, что это понарошке, что он вот-вот вернется.
'But he didn't want to leave you,' said Connie.	- А у него когда-нибудь было в мыслях уйти от вас?
'Oh no, my Lady!	- Конечно нет, ваша милость.
That was only my silly cry.	Это я так, по глупости говорила.
And I kept expecting him back.	И все ждала, ждала его.
Especially at nights.	Особенно по ночам.
I kept waking up thinking: Why he's not in bed with me!—It was as if my feelings wouldn't believe he'd gone.	Проснусь и тоскую, ну почему, почему его нету рядом, в постели. Это не я сама, это мои чувства не верили, что его никогда уже не будет со мной.
I just felt he'd have to come back and lie against me, so I could feel him with me.	Мое тело ждало его: вот придет он и ляжет под бочок. И мы опять будем вместе.
That was all I wanted, to feel him there with me, warm.	Умирала, так хотела почувствовать его тепло.
And it took me a thousand shocks before I knew he wouldn't come back, it took me years.'	А он все не шел. Я ждала его сто, тысячу ночей, много лет. Пока вдруг не поняла, никогда его со мной не будет, никогда.
The touch of him,' said Connie.	- Вам не хватало его близости? - спросила Конни.
'That's it, my Lady, the touch of him!	- Да, ваша милость, вот именно. Его близости.
I've never got over it to this day, and never shall.	И сколько я жива, я никогда не смирюсь с этим.
And if there's a heaven above, he'll be there, and will lie up against me so I can sleep.'	И если есть Бог, мы встретимся с ним на небе. И тогда опять ляжем вместе в обнимку.
Connie glanced at the handsome, brooding face in fear.	Конни со страхом посмотрела на все еще красивое, искаженное горем лицо.
Another passionate one out of Tevershall!	Еще одна страдалница в Тивершолле.
The touch of him!	"Опять ляжем вместе в обнимку".
For the bonds of love are ill to loose!	Да, любовных уз без крови не порвать.
'It's terrible, once you've got a man into your blood!' she said. 'Oh, my Lady!	- Не приведи Бог, чтобы мужчина вошел тебе в кровь и плоть, - сказала она. - Ах, ваша милость.
And that's what makes you feel so bitter.	Это и есть самое страшное.

You feel folks wanted him killed. You feel the pit fair wanted to kill him.	Я думаю иногда, люди хотели, чтобы его убило. Шахта хотела.
Oh, I felt, if it hadn't been for the pit, an' them as runs the pit, there'd have been no leaving me. But they all want to separate a woman and a man, if they're together.'	Если бы не шахта, если бы не они, нас бы ничто никогда не разлучило. Если мужчина и женщина любят друг друга, все-все стремится их разлучить, все против.
'If they're physically together,' said Connie.	- Если любовь настоящая.
'That's right, my Lady!	- Да, ваша милость.
There's a lot of hard-hearted folks in the world.	В мире столько жестокосердных людей.
And every morning when he got up and went to th' pit, I felt it was wrong, wrong.	Он уйдет утром на шахту, а я думаю: нельзя, нельзя ему туда ходить.

But what else could he do? What can a man do?'	А чем бы еще он мог зарабатывать? Чем?
A queer hate flared in the woman.	В последних словах миссис Болтон Конни уловила до сих пор тлевшую ненависть.
But can a touch last so long?' Connie asked suddenly. 'That you could feel him so long?'	- Неужели близость с мужчиной помнится так долго? - вдруг спросила Конни. - Прошло столько лет, а для вас это было как вчера.
'Oh my Lady, what else is there to last?	- Да, ваша милость. А что еще помнить-то?
Children grows away from you.	Дети подрастут, и до свидания.
But the man, well! But even that they'd like to kill in you, the very thought of the touch of him.	А муж, муж - он твой, навсегда. Но люди и память о нем хотели бы убить во мне.
Even your own children! Ah well!	Даже собственные дети. Да что тут сказать!
We might have drifted apart, who knows. But the feeling's something different.	Может, когда-нибудь мы с ним и расстались бы. Но чувства - с ними ничего не поделаешь.
It's 'appen better never to care.	Уж лучше совсем бы не знать любви.
But there, when I look at women who's never really been warmed through by a man, well, they seem to me poor doolowls after all, no matter how they may dress up and gad.	Да только гляжу я на этих бедняжек, не знавших мужниной ласки, такие они несчастные, обделенные, как бы ни наряжались, как бы ни задирали носа.
No, I'll abide by my own.	Нет уж, моя судьба все-таки лучше.
I've not much respect for people.'	А людей я не очень-то уважаю. Нет, не очень.
Chapter 12	12
Connie went to the wood directly after lunch.	Конни пошла в лес сразу после второго завтрака.
It was really a lovely day, the first dandelions making suns, the first daisies so white.	День был поистине прекрасен, в траве пестрели солнечные головки одуванчиков, белые, как снег, маргаритки.
The hazel thicket was a lace-work, of half-open leaves, and the last dusty perpendicular of the catkins.	Орешник стоял окутанный зеленым кружевом мелких жатых листочков, прошитый сухими прошлогодними сережками.

Yellow celandines now were in crowds, flat open, pressed back in urgency, and the yellow glitter of themselves. It was the yellow, the powerful yellow of early summer. And primroses were broad, and full of pale abandon, thick-clustered primroses no longer shy.	Росли, теснясь, вверх и вширь ярко-желтые бальзамины. И примулы, невидные, застенчивые примулы, уже цвели тяжелыми розоватыми гроздьями.
The lush, dark green of hyacinths was a sea, with buds rising like pale corn, while in the riding the forget-me-nots were fluffing up, and columbines were unfolding their ink-purple ruches, and there were bits of blue bird's eggshell under a bush.	Сочно-зеленый ковер гиацинтов ощетинился бледными пиками бутонов; там и здесь раскрывал свои коробочки водосбор; верховая тропа вспенилась незабудками; под кустами белеют хрупкие скорлупки яиц - только что покинутых птенцами.
Everywhere the bud-knots and the leap of life!	На кустах, на деревьях - набухшие бутоны, всюду опять занималась жизнь.
The keeper was not at the hut.	Егеря не было в охотничьей сторожке.
Everything was serene, brown chickens running lustily.	Все было исполнено миром, в загоне бегали крепкие коричневые цыплята.
Connie walked on towards the cottage, because she wanted to find him.	Конни очень хотелось повидать его, и она свернула на тропинку, ведущую к его дому.
The cottage stood in the sun, off the wood's edge.	Дом стоял на опушке леса, залитый солнцем.
In the little garden the double daffodils rose in tufts, near the wide-open door, and red double daisies made a border to the path.	Двери распахнуты настежь, по обе стороны цветут пучки махровых нарциссов; вдоль дорожки, слева и справа розовые и красные маргаритки.
There was the bark of a dog, and Flossie came running.	Залаяла собака, и навстречу выбежала Флосси.
The wide-open door! so he was at home.	Дверь распахнута настежь! Значит, он дома.
And the sunlight falling on the red-brick floor!	Солнце ярко освещало сквозь дверь красный кирпичный пол.
As she went up the path, she saw him through the window, sitting at the table in his shirt-sleeves, eating.	Подойдя ближе, она увидела Меллорса в окно: он сидел за столом в легкой рубашке и ел.
The dog wuffed softly, slowly wagging her tail.	Собака твякнула раз-другой и слабо завиляла хвостом.
He rose, and came to the door, wiping his mouth with a red handkerchief still chewing.	Он встал, подошел к двери, вытирая рот красным платком и дожевывая кусок.

'May I come in?' she said.	- Можно войти? - спросила она.
'Come in!'	- Входите.
The sun shone into the bare room, which still smelled of a mutton chop, done in a dutch oven before the fire, because the dutch oven still stood on the fender, with the black potato-saucepan on a piece of paper, beside it on the white hearth. The fire was red, rather low, the bar dropped, the kettle singing.	Половина комнаты была залита солнцем, пахло бараньей отбивной, зажаренной в духовке; духовка все еще стояла на выступе очага, рядом на листке бумаги - сковородка. В очаге потрескивает небольшой огонь, решетка опущена: чайник на ней уже завел свою песенку.

On the table was his plate, with potatoes and the remains of the chop; also bread in a basket, salt, and a blue mug with beer.	На столе - тарелка с картошкой и остатками отбивной, хлеб в плетеной хлебнице, соль, синий кувшин с пивом.
The table-cloth was white oil-cloth, he stood in the shade.	Вместо скатерти - белая клеенка. Егерь встал, лицо его было в тени, солнце в дальний угол не доставало.
'You are very late,' she said. 'Do go on eating!'	- Вы опоздали с завтраком, - сказала она. - Садитесь и ешьте!
She sat down on a wooden chair, in the sunlight by the door.	Она села на простой стул у двери на самое солнце.
'I had to go to Uthwaite,' he said, sitting down at the table but not eating.	- Я ездил в Атуэйт, - сказал он и тоже сел, но к еде не притронулся.
'Do eat,' she said.	- Пожалуйста, ешьте, - сказала она.
But he did not touch the food.	Он не шевельнулся.
'Shall y'ave something?' he asked her. 'Shall y'ave a cup of tea? t' kettle's on t' boil'—he half rose again from his chair.	- Кушать будете? - спросил он. - Может, чашку, чая? Чайник кипит, - привстал он со стула.
'If you'll let me make it myself,' she said, rising.	- Сидите, я сама налью, - сказала Конни, поднявшись.
He seemed sad, and she felt she was bothering him.	Вид у него был невеселый, она явно мешала ему.
'Well, tea-pot's in there'—he pointed to a little, drab corner cupboard; 'an' cups. An' tea's on t' mantel ower yer 'ead,'	- Заварной чайник и чашки там, - указал он на старый угловой буфетик, - а чай на каминной доске над вами.
She got the black tea-pot, and the tin of tea from the mantel-shelf. She rinsed the tea-pot with hot water, and stood a moment wondering where to empty it.	Она взяла черного цвета чайник, сняла с полки жестяную банку с чаем, ополоснула чайник кипятком и секунду помешкала, не зная, куда выплеснуть воду.
'Throw it out,' he said, aware of her. 'It's clean.'	- Вылейте за дверь, - сказал он, видя ее нерешительность. - Вода чистая.
She went to the door and threw the drop of water down the path.	Подойдя к двери, Конни выплеснула воду на дорожку.
How lovely it was here, so still, so really woodland.	Как здесь было славно, покойно, настоящий лесной край.
The oaks were putting out ochre yellow leaves: in the garden the red daisies were like red plush buttons.	Дубы опушились охряными листочками; красные маргаритки - точно красные бархатные пуговицы, рассыпанные на зеленом ковре.
She glanced at the big, hollow sandstone slab of the threshold, now crossed by so few feet.	Она глянула на сточенный временем каменный порог - теперь его мало кто переступает.
'But it's lovely here,' she said. 'Such a beautiful stillness, everything alive and still.'	- Как здесь хорошо! - сказала она. - Так красиво и тихо. Все полно и покоя и жизни.
He was eating again, rather slowly and unwillingly, and she could feel he was discouraged.	Он наконец принялся за еду, но ел медленно, безо всякой охоты: Конни чувствовала, он выбит из колеи.

She made the tea in silence, and set the tea-pot on the hob, as she knew the people did.	Она молча заварила чай и поставила чайник на боковую полочку в очаге, как делают местные хозяйки.
He pushed his plate aside and went to the back place; she heard a latch click, then he came back with cheese on a plate, and butter.	Он отодвинул тарелку и пошел в глубь дома. Послышался звук защелки, скоро он вернулся, неся масло и тарелку с сыром.
She set the two cups on the table; there were only two. 'Will you have a cup of tea?' she said.	Конни поставила на стол две чашки - их и было всего две. - А вы выпьете чашку чая?

'If you like.	- С вашего позволения.
Sugar's in th' cupboard, an' there's a little cream jug. Milk's in a jug in th' pantry.'	Сахар в буфете, и сливки там же. Молоко в кладовке.
'Shall I take your plate away?' she asked him.	- Можно я уберу вашу тарелку? - спросила Конни.
He looked up at her with a faint ironical smile. 'Why...if you like,' he said, slowly eating bread and cheese.	- Как хотите, - сказал он, глянув на нее с легкой усмешкой, медленно жуя хлеб с сыром.
She went to the back, into the pent-house scullery, where the pump was.	Конни пошла в моечную, куда воду подавал насос.
On the left was a door, no doubt the pantry door.	Дверь слева вела, очевидно, в кладовую.
She unlatched it, and almost smiled at the place he called a pantry; a long narrow white-washed slip of a cupboard.	Открыв задвижку, она улыбнулась: вот что он называет кладовкой - длинный, узкий, побеленный внутри шкаф.
But it managed to contain a little barrel of beer, as well as a few dishes and bits of food.	Но там все-таки умещались бочка пива, посуда и кое-какая еда.
She took a little milk from the yellow jug.	Конни отлила немного молока из желтого кувшина и вернулась в комнату.
'How do you get your milk?' she asked him, when she came back to the table.	- Где вы берете молоко? - спросила она.
'Flints! They leave me a bottle at the warren end. You know, where I met you!'	- У Флинтов. Они оставляют для меня в конце парка бутылку. Там, где мы встретились в прошлый раз.
But he was discouraged.	Но он явно был выбит из колеи.
She poured out the tea, poisoning the cream-jug.	Конни разлила чай и взяла из буфета молочник со сливками.
'No milk,' he said; then he seemed to hear a noise, and looked keenly through the doorway.	- Мне без молока, - сказал он; и в тот же миг насторожился, взглянув на дверь, ему послышался снаружи какой-то шорох.
'Appen we'd better shut,' he said.	- По мне, лучше бы затворить дверь.
'It seems a pity,' she replied. 'Nobody will come, will they?'	- Может, не надо? Вряд ли кто-нибудь придет.
'Not unless it's one time in a thousand, but you never know.'	- Шанс один из тысячи, но ручаться все же нельзя.
'And even then it's no matter,' she said. 'It's only a cup of tea.'	- Ну и пусть, - сказала она. - Мы ведь только пьем чай.

'Where are the spoons?'	А где ложки?
He reached over, and pulled open the table drawer.	Он протянул руку, выдвинул ящик в столе.
Connie sat at the table in the sunshine of the doorway.	Конни села за стол в конус льющегося из двери света.
'Flossie!' he said to the dog, who was lying on a little mat at the stair foot. Go an' hark, hark!' He lifted his finger, and his 'hark!' was very vivid.	- Флосси! - позвал он собаку, лежавшую на нижней ступеньке. - Ступай, послушай! - приказал он, подняв вверх палец. "Послушай" прозвучало очень выразительно.
The dog trotted out to reconnoitre.	И Флосси потрусила на разведку.
'Are you sad today?' she asked him.	- Вы чем-то расстроены сегодня? - спросила Конни.
He turned his blue eyes quickly, and gazed direct on her.	Он метнул в ее сторону взгляд своих синих глаз и в упор посмотрел ей в лицо.
'Sad! no, bored!	- Расстроен? Просто досада берет.
I had to go getting summonses for two poachers I caught, and, oh well, I don't like people.'	Я ездил сегодня в суд за повестками, поймал на днях в парке двух браконьеров. Ну и... а, не люблю я людей.
He spoke cold, good English, and there was anger in his voice. 'Do you hate being a game-keeper?' she asked.	- Вам неприятно работать егерем?
'Being a game-keeper, no!	- Неприятно? Отнюдь.
So long as I'm left alone.	При условии, что я сижу здесь в лесу и до меня никому нет дела.
But when I have to go messing around at the police-station, and various other places, and waiting for a lot of fools to attend to me...oh well, I get mad...' and he smiled, with a certain faint humour.	А вот ежели приходится торчать в присутственных местах и ждать, когда тебя одарит своим вниманием всякая сволочь, тогда я... Тогда я бешусь, - сказал он, усмехнувшись, как ей показалось, с вызовом.

'Couldn't you be really independent?' she asked.	- А вы могли бы жить, ни от кого не завися?
'Me? I suppose I could, if you mean manage to exist on my pension. I could!	- Жить только на пенсию? Думаю, что мог бы. Да, конечно, мог бы.
But I've got to work, or I should die. That is, I've got to have something that keeps me occupied.	Но мне надо работать, иначе я с тоски подохну. Я должен быть занят с утра до вечера.
And I'm not in a good enough temper to work for myself.	Делать что-то свое я сейчас не расположен.
It's got to be a sort of job for somebody else, or I should throw it up in a month, out of bad temper.	Вот и приходится работать на хозяина. Иначе через месяц-другой все заброшу, просто из-за чудовищного сплина.
So altogether I'm very well off here, especially lately...' He laughed at her again, with mocking humour.	Так что в общем мне здесь неплохо, особенно последнее время, - и опять та же усмешка, граничащая с вызовом.
'But why are you in a bad temper?' she asked. 'Do you mean you are always in a bad temper?'	- Отчего у вас этот сплин? - спросила Конни. - Вы всегда в таком настроении?

'Pretty well,' he said, laughing. 'I don't quite digest my bile.'	- Почти всегда, - рассмеялся он. - Желчь разливается.
'But what bile?' she said.	- Какая желчь? - спросила она.
'Bile!' he said. 'Don't you know what that is?'	- Желчь? - повторил он. - Вы не знаете, что такое желчь?
She was silent, and disappointed.	Конни молчала, явно разочарованная.
He was taking no notice of her.	Он просто не замечает ее.
'I'm going away for a while next month,' she said.	- Я через месяц уезжаю на, какое-то время, - сказала она.
'You are! Where to?'	- Уезжаете? Куда? - В Венецию.
'Venice! With Sir Clifford?'	- В Венецию? С сэром Клиффордом?
For how long?'	Надолго?
'For a month or so,' she replied. 'Clifford won't go.'	- Наверное, на месяц, - ответила она. - Клиффорд со мной не едет.
'He'll stay here?' he asked.	- Он останется здесь? - спросил он.
'Yes! He hates to travel as he is.'	- Да. Клиффорд не любит ездить из-за своего состояния.
'Ay, poor devil!' he said, with sympathy.	- Бедняга! - искренне посочувствовал он.
There was a pause.	Немного помолчали.
'You won't forget me when I'm gone, will you?' she asked.	- Вы не забудете меня за этот месяц? - спросила она.
Again he lifted his eyes and looked full at her.	Он опять поднял глаза и посмотрел на нее в упор.
'Forget?' he said. 'You know nobody forgets.'	- Забуду? - переспросил он. - Вы же знаете, человек ничего никогда не забывает.
It's not a question of memory;'	Так что память здесь ни при чем.
She wanted to say: 'When then?' but she didn't. Instead, she said in a mute kind of voice: I told Clifford I might have a child.'	Конни хотела спросить: "А что же при чем?", но вместо этого глухо произнесла: - Я сказала Клиффорду, возможно, у меня будет ребенок.
Now he really looked at her, intense and searching.	На этот раз он посмотрел на нее долгим напряженным взглядом.
'You did?' he said at last. 'And what did he say?'	- Вот как! - сказал он наконец. - И что же он ответил?
'Oh, he wouldn't mind.'	- Он не возражает.
He'd be glad, really, so long as it seemed to be his.'	Если все будут думать, что ребенок его, он будет даже рад. Правда, рад.
She dared not look up at him.	Конни не смела поднять на него глаза.
He was silent a long time, then he gazed again on her face. 'No mention of me, of course?' he said.	Он долго молчал. - Обо мне, разумеется, разговора не было?
'No. No mention of you,' she said.	- Нет. О вас разговора не было.

'No, he'd hardly swallow me as a substitute breeder.'	- Еще бы! Ему вряд ли пришлась бы по вкусу такая замена.
Then where are you supposed to be getting the	Ну а откуда бы взялся этот ребенок?

child?'	
'I might have a love-affair in Venice,' she said. 'You might,' he replied slowly. 'So that's why you're going?' 'Not to have the love-affair,' she said, looking up at him, pleading.	- У меня в Венеции может быть роман, - сказала она, взглядом умоляя его о пощаде. - Может, - произнес он медленно, - вы потому и едете? -Нет, конечно. Я не собираюсь заводить там никаких романов.
'Just the appearance of one,' he said.	- Значит, потом намекнете, что роман был в Венеции.
There was silence.	Опять замолчали.
He sat staring out the window, with a faint grin, half mockery, half bitterness, on his face.	Он смотрел в окно, улыбаясь не то с горечью, не то с насмешкой.
She hated his grin.	Ее задевала эта его усмешка.
'You've not taken any precautions against having a child then?' he asked her suddenly. 'Because I haven't.'	- Вы что, не предостерегались? - вдруг сказал он.- Так же как и я?
'No,' she said faintly. 'I should hate that.'	- Я это ненавижу, - пролепетала она.
He looked at her, then again with the peculiar subtle grin out of the window.	Он посмотрел на нее, затем устремил взгляд в окно, по-прежнему чуть заметно улыбаясь.
There was a tense silence.	Молчание становилось невыносимым.
At last he turned his head and said satirically:	Наконец он повернулся к ней и сказал, не скрывая иронии.
'That was why you wanted me, then, to get a child?'	- Так вот зачем я вам понадобился - для ребенка.
She hung her head.	Конни опустила голову.
'No. Not really,' she said. 'What then, really?' he asked rather bitingly.	- Нет, не совсем, - прошептала она. - Не совсем? Как это не совсем? - сказал он с явным желанием уколоть ее.
She looked up at him reproachfully, saying: 'I don't know.'	- Не знаю, - Конни с укором взглянула на него.
He broke into a laugh.	Он рассмеялся.
Then I'm damned if I do,' he said.	- И я не знаю.
There was a long pause of silence, a cold silence.	Опять воцарилось молчание.
'Well,' he said at last. 'It's as your Ladyship likes.	- Ну, что ж, - начал он. - Как вашей милости будет угодно.
If you get the baby, Sir Clifford's welcome to it.	Ну, вы родите. Сэр Клиффорд будет доволен.
I shan't have lost anything.	Я тоже ничего не потеряю.

On the contrary, I've had a very nice experience, very nice indeed!—and he stretched in a half-suppressed sort of yawn. 'If you've made use of me,' he said, 'it's not the first time I've been made use of; and I don't suppose it's ever been as pleasant as this time; though of course one can't feel tremendously dignified about it.'—He stretched again, curiously, his muscles quivering, and his jaw oddly set.	Напротив, судьба послала мне несколько прекрасных мгновений, действительно прекрасных, - с этими словами он, чуть не зевая, потянулся на стуле. - Вы воспользовались мной, - продолжал он. - Что ж, не вы первая, не вы последняя. Но хоть унижение в этот раз скрашено удовольствием. Он опять потянулся, по телу у него пробежала мелкая дрожь, подбородок как-то странно выпятился.
'But I didn't make use of you,' she said, pleading.	- Это не так. У меня и в мыслях не было воспользоваться вами, - сказала Конни.
'At your Ladyship's service,' he replied.	- Всегда готов к услугам вашей милости.
'No,' she said. 'I liked your body.'	- Но вы мне очень нравитесь.
'Did you?' he replied, and he laughed. 'Well, then, we're quits, because I liked yours.'	- Да? - рассмеялся он. - Вы мне тоже очень нравитесь, так что мы квиты.
He looked at her with queer darkened eyes.	И он посмотрел на нее изменившимся, потемневшим взглядом.
'Would you like to go upstairs now?' he asked her, in a strangled sort of voice.	- Может, пойдем сейчас наверх? - спросил он дрогнувшим голосом.
'No, not here.	- Нет, только не здесь.
Not now!' she said heavily, though if he had used any power over her, she would have gone, for she had no strength against him.	Не сейчас! - поспешно возразила она. Начни он настаивать, она бы покорилась - так сильно ее тянуло к нему.
He turned his face away again, and seemed to forget her. 'I want to touch you like you touch me,' she said. 'I've never really touched your body.'	Он отвернулся и, казалось, забыл о ней. - Мне бы хотелось ощущать ваше тело. Так же, как ощущаете вы мое, - сказала она. - Я ведь еще ни разу не прикоснулась к вашему телу.

He looked at her, and smiled again. 'Now?' he said. 'No! No! Not here!	Он взглянул на нее и улыбнулся. - Ну, так идем! - Нет, нет!
At the hut. Would you mind?'	Лучше в сторожке. Хорошо?
How do I touch you?' he asked.	- А как я ощущаю? - спросил он.
'When you feel me.'	- Когда ласкаете.
He looked at her, and met her heavy, anxious eyes.	Взглянув на нее, он перехватил ее отяжелевший, беспокойный взгляд.
'And do you like it when I feel you?' he asked, laughing at her still.	- Вам это нравится? - спросил он, все еще улыбаясь.
'Yes, do you?' she said.	- Да, а вам?
'Oh, me!' Then he changed his tone. 'Yes,' he said. 'You know without asking.'	- Мне? - и прибавил изменившимся тоном: - Нравится. И вы это знаете.
Which was true.	Да, она знала.
She rose and picked up her hat. 'I must go,' she said.	Конни встала, взяла шляпку. - Мне пора идти, - сказала она.
'Will you go?' he replied politely.	- Идите, конечно.

She wanted him to touch her, to say something to her, but he said nothing, only waited politely.	Ей хотелось, чтобы он протянул руку, коснулся ее, сказал что-нибудь, но он молчал в почтительном ожидании.
'Thank you for the tea,' she said.	- Спасибо за чай, - сказала она.
'I haven't thanked your Ladyship for doing me the honours of my tea-pot,' he said.	- Не смею благодарить вашу милость за оказанную честь мне и моему очагу.
She went down the path, and he stood in the doorway, faintly grinning.	Конни пошла по дорожке, ведущей в лес, а он стоял в дверях, и легкая усмешка чуть кривила его губы.
Flossie came running with her tail lifted.	Флосси, задрав хвост, бросилась было вдогонку.
And Connie had to plod dumbly across into the wood, knowing he was standing there watching her, with that incomprehensible grin on his face.	Конни шла медленно, не шла, а тащилась, чувствуя, что он смотрит ей вслед, улыбаясь непонятной улыбкой.
She walked home very much downcast and annoyed.	Она вернулась домой расстроенная.
She didn't at all like his saying he had been made use of because, in a sense, it was true.	Ее задела его слова, что она пользуется им в своих целях, потому что ведь, в сущности, это была правда.
But he oughtn't to have said it. Therefore, again, she was divided between two feelings: resentment against him, and a desire to make it up with him.	И в ней опять заговорили противоречивые чувства - возмущение и потребность скорее помириться с ним.
She passed a very uneasy and irritated tea-time, and at once went up to her room.	За чаем Конни была молчалива и рано удалилась вверх.
But when she was there it was no good; she could neither sit nor stand.	Она себе места не находила.
She would have to do something about it.	Надо, не мешкая, на что-то решиться.
She would have to go back to the hut; if he was not there, well and good.	Вот возьмет и пойдет прямо сейчас в сторожку. А если его там нет? Что ж, может, оно и к лучшему.
She slipped out of the side door, and took her way direct and a little sullen.	Конни незаметно выскользнула из дома через заднюю дверь и пошла в лес, все еще пребывая в унынии.
When she came to the clearing she was terribly uneasy.	У самой сторожки она вдруг почувствовала сильнейшее смущение.
But there he was again, in his shirt-sleeves, stooping, letting the hens out of the coops, among the chicks that were now growing a little gawky, but were much more trim than hen-chickens.	Его она увидела сразу; он стоял нагнувшись в рубашке и выгонял из загоня кур, вокруг которых путались фазанята, крепенькие, еще немного неуклюжие, но поизящнее обыкновенных цыплят.
She went straight across to him. 'You see I've come!' she said.	Конни пошла прямо к нему. - Видите, я пришла, - сказала она просто.
'Ay, I see it!' he said, straightening his back, and looking at her with a faint amusement.	- Вижу, - ответил он, выпрямляясь и глядя на нее с заметным удивлением.
'Do you let the hens out now?' she asked.	- Вы выпускаете кур? - спросила она.

'Yes, they've sat themselves to skin and bone,' he said. 'An' now they're not all that anxious to come out an'	- Выгоняю. Не выгонишь, сами не пойдут.
--	---

feed.	
There's no self in a sitting hen; she's all in the eggs or the chicks.'	Им холод нипочем, у несушек, вишь, одно на уме - как бы чего с птенцами не приключилось.
The poor mother-hens; such blind devotion! even to eggs not their own!	Бедняжки куры, вот он, инстинкт продолжения рода. Слепая материнская привязанность! И ведь им все равно, чьи яйца высиживать.
Connie looked at them in compassion.	Конни поглядела на них с жалостью.
A helpless silence fell between the man and the woman.	Оба беспомощно молчали.
'Shall us go i' th' 'ut?' he asked.	- Пойдем, что ли, в сторожку, - сказал он наконец.
'Do you want me?' she asked, in a sort of mistrust.	- А вы этого хотите? - спросила она неуверенно.
'Ay, if you want to come.' She was silent. 'Come then!' he said.	- Ну так что, идем, нет?
And she went with him to the hut.	И она пошла с ним.
It was quite dark when he had shut the door, so he made a small light in the lantern, as before.	Он затворил дверь, и стало совсем темно; как в те разы засветил несильно фонарь.
'Have you left your underthings off?' he asked her.	- У вас ничего нет под платьем? - спросил он.
'Yes!'	- Ничего.
'Ay, well, then I'll take my things off too.'	- Ну, так и я буду нагишом.
He spread the blankets, putting one at the side for a coverlet.	Он постелил одеяла, одно оставил сбоку, чтобы накрыться.
She took off her hat, and shook her hair.	Конни сняла шляпу, потрянула волосами.
He sat down, taking off his shoes and gaiters, and undoing his cord breeches.	Он сел, разулся, снял носки, стянул вельветовые брюки.
'Lie down then!' he said, when he stood in his shirt.	- Ложитесь! - велел он, стоя в одной рубашке.
She obeyed in silence, and he lay beside her, and pulled the blanket over them both.	Она молча повиновалась, он лег рядом и натянул на обоих одеяло.
'There!' he said.	- Ну вот, - проговорил он.
And he lifted her dress right back, till he came even to her breasts. He kissed them softly, taking the nipples in his lips in tiny caresses.	Закатал вверх ее платье до самой груди и стал нежно целовать соски, лаская их губами.
'Eh, but tha'rt nice, tha'rt nice!' he said, suddenly rubbing his face with a snuggling movement against her warm belly.	- Вот славно-то! - сказал он, потерявшись щекой о ее теплый живот.
And she put her arms round him under his shirt, but she was afraid, afraid of his thin, smooth, naked body, that seemed so powerful, afraid of the violent muscles.	Конни тоже обняла его; но ей вдруг стало страшно; она испугалась его гладкого, худого тела, которое оказалось таким сильным и яростным.
She shrank, afraid.	Все внутри у нее сжалось от страха.

And when he said, with a sort of little sigh: 'Eh, tha'rt nice!' something in her quivered, and something in her spirit stiffened in resistance: stiffened from the terribly physical intimacy, and from the peculiar haste of his possession.	- Славно-то как! - повторил он, вздохнув. От этих слов что-то в ней дрогнуло, ум в сопротивлении напрягся, ей неприятна была близость чужого тела, стремительность его движений.
And this time the sharp ecstasy of her own passion did not overcome her; she lay with her ends inert on his striving body, and do what she might, her spirit seemed to look on from the top of her head, and the butting of his haunches seemed ridiculous to her, and the sort of anxiety of his penis to come to its little evacuating crisis seemed farcical. Yes, this was love, this ridiculous bouncing of the buttocks, and the wilting of the poor, insignificant, moist little penis. This was the divine love!	И страсть на этот раз не проснулась в ней. Ее руки безучастно обнимали его размеренно движущееся тело, она отвечала ему против воли: ей казалось, у нее открылся третий глаз и отрешенно следит за происходящим: его прыгающие бедра казались ей смешными, убыстряющиеся толчки - просто фарсом. Подскоки ягодиц, сокращение бедного маленького влажного пениса - и это любовь!
After all, the moderns were right when they felt contempt for the performance; for it was a performance.	В конце концов нынешнее поколение право, чувствуя презрение к этому спектаклю.
It was quite true, as some poets said, that the God who created man must have had a sinister sense of humour, creating him a reasonable being, yet forcing him to take this ridiculous posture, and driving him with blind craving for this ridiculous performance.	Поэты говорят, и с ними нельзя не согласиться, что Бог, создавший человека, обладал, по-видимому, несколько странным, если не сказать злобным, чувством юмора. Наделив человека разумом, он безысходно навязал ему эту смешную позу, вселил слепую,

	неуправляемую тягу к участию в этом спектакле.
Even a Maupassant found it a humiliating anti-climax.	Даже Мопассан назвал его "унизительным".
Men despised the intercourse act, and yet did it.	Мужчина презирает половой акт, а обойтись без него не может.
Cold and derisive her queer female mind stood apart, and though she lay perfectly still, her impulse was to heave her loins, and throw the man out, escape his ugly grip, and the butting over-riding of his absurd haunches.	Холодный, насмешливый, непостижимый женский ум оценивал происходящее со стороны; и хотя она лежала податливо, ее так и подмывало рвануться и сбросить с себя мужчину, освободиться от его жестких объятий, от этой абсурдной пляски его бедер, ягодиц.
His body was a foolish, impudent, imperfect thing, a little disgusting in its unfinished clumsiness.	Его тело представлялось ей глупым, непристойным, отталкивающим в своей незавершенности.
For surely a complete evolution would eliminate this performance, this 'function'.	Ведь нет сомнения, что дальнейшая эволюция отменит этот спектакль.
And yet when he had finished, soon over, and lay very very still, receding into silence, and a strange motionless distance, far, farther than the horizon of her awareness, her heart began to weep.	Тем не менее, когда все скоро кончилось и Он лежал, замерев, очень далекий, канувший за пределы ее разума, сердце ее заныло.
She could feel him ebbing away, ebbing away, leaving her there like a stone on a shore.	Он уходил от нее, отступал, как отливная волна, кинувшая на берег ненужный ей камешек.

He was withdrawing, his spirit was leaving her. He knew. And in real grief, tormented by her own double consciousness and reaction, she began to weep. He took no notice, or did not even know. The storm of weeping swelled and shook her, and shook him.	Рыдание вдруг сотрясло ее, и он очнулся.
'Ay!' he said. 'It was no good that time. You wasn't there.'—So he knew!	- Ты чего? - сказал он. - Ну, не сладило в этот раз, бывает. Значит, он понял!
Her sobs became violent. 'But what's amiss?' he said. 'It's once in a while that way.' 'I...I can't love you,' she sobbed, suddenly feeling her heart breaking.	Рыдания ее стали безудержны. - Чего убиваться-то! - продолжал он. - Раз на раз не приходится. - Я... я не могу тебя любить, - захлебывалась она слезами.
'Canna ter? Well, dunna fret! There's no law says as tha's got to. Ta'e it for what it is.'	- Ну и ладно. Реветь-то чего! Никто тебя не понуждает любить.
He still lay with his hand on her breast.	Он все еще держал руку на ее груди.
But she had drawn both her hands from him.	Конни не сразу разомкнула руки.
His words were small comfort. She sobbed aloud.	Его слова не утешили ее: она плакала навзрыд.
'Nay, nay!' he said. 'Ta'e the thick wi' th' thin.'	- Ну, ну, - говорил он.
This wor a bit o' thin for once.'	- Вишь как бывает: то густо, то пусто.
She wept bitterly, sobbing. 'But I want to love you, and I can't.	- Я хочу... хочу тебя любить, - причитала сквозь слезы Конни. - Но почему-то не могу.
It only seems horrid.'	Все мне кажется таким ужасным.
He laughed a little, half bitter, half amused.	Он засмеялся, удивленно и с оттенком горечи.
'It isna horrid,' he said, 'even if tha thinks it is.	- Чего ужасно-то? Кажется - перекрестись.
An' tha canna ma'e it horrid.	Эка невидаль - не любишь.
Dunna fret thysen about lovin' me. Tha'lt niver force thysen to 't.	А коли не любишь, неволишь себя - грех.
There's sure to be a bad nut in a basketful.	Да только ведь орех с червоточинной - один на сотню.
Tha mun ta'e th' rough wi' th' smooth.'	Что же теперь, из-за одного ореха вешаться?
He took his hand away from her breast, not touching her.	Он убрал руку с ее груди, не приласкав.
And now she was untouched she took an almost perverse	И она почувствовала какое-то

satisfaction in it.	надсадное удовольствие.
She hated the dialect: the thee and the tha and the thysen.	Конни не выносила эту его народную манеру говорить - вишь, понужать, эка невидаль.
He could get up if he liked, and stand there, above her, buttoning down those absurd corduroy breeches, straight in front of her. After all, Michaelis had had the decency to turn away.	Еще встанет сейчас и начнет прямо над ней застегивать эти нелепые вельветовые брюки, Микаэлис из приличия хоть отворачивался.
This man was so assured in himself he didn't know what a clown other people found him, a half-bred fellow.	Такая самоуверенность, ему и в голову не придет, что в глазах людей он просто клоун, дурно воспитанный клоун.

Yet, as he was drawing away, to rise silently and leave her, she clung to him in terror.	И все же, когда он отстранился от нее и стал молча вставать, она вцепилась в него как в бреду.
'Don't! Don't go! Don't leave me!	- Не уходи! Не уходи от меня!
Don't be cross with me!	Не сердись!
Hold me!	Обними лучше.
Hold me fast!' she whispered in blind frenzy, not even knowing what she said, and clinging to him with uncanny force.	Крепко обними, - шептала она в исступлении, не понимая, что говорит, удерживая с невестой откуда взявшейся силой.
It was from herself she wanted to be saved, from her own inward anger and resistance. Yet how powerful was that inward resistance that possessed her! He took her in his arms again and drew her to him, and suddenly she became small in his arms, small and nestling.	Она искала спасения от самой себя, своего внутреннего неприятия, сопротивления, которое было так сильно. И он внял ей, обнял, привлек к себе, взял на руки, и она вдруг ощутила себя крошечным комочком.
It was gone, the resistance was gone, and she began to melt in a marvellous peace.	Сопротивление исчезло, в душе воцарился ни с чем не сравнимый покой.
And as she melted small and wonderful in his arms, she became infinitely desirable to him, all his blood-vessels seemed to scald with intense yet tender desire, for her, for her softness, for the penetrating beauty of her in his arms, passing into his blood.	И тогда эта нежная, доверчиво прильнувшая к нему женщина стала для него бесконечно желанна. Он жаждал обладать этой мягкой женственной красотой, волнующей в нем каждую жилку.
And softly, with that marvellous swoon-like caress of his hand in pure soft desire, softly he stroked the silky slope of her loins, down, down between her soft warm buttocks, coming nearer and nearer to the very quick of her.	И он стал, как в тумане, ласкать ее ладонью, воплощавшей чистую живую страсть. Ладонь его плыла по шелковистым округлым бедрам, теплым холмикам ягодиц, все ниже, ниже, пока не коснулась самых чувствительных ее клеточек.
And she felt him like a flame of desire, yet tender, and she felt herself melting in the flame. She let herself go.	Она отогревалась, оттаивала в его пламени.
She felt his penis risen against her with silent amazing force and assertion and she let herself go to him She yielded with a quiver that was like death, she went all open to him.	Мужская его плоть напряглась сильно, уверенно. И она покорилась ему. Точно электрический разряд пробежал по ее телу, это было как смерть, и она вся ему раскрылась.
And oh, if he were not tender to her now, how cruel, for she was all open to him and helpless! She quivered again at the potent inexorable entry inside her, so strange and terrible. It might come with the thrust of a sword in her softly-opened body, and that would be death.	Он не посмеет сейчас быть резким, разящим, ведь она беззащитна, вся открыта ему. И если бы он вонзился в ее тело кинжалом, это была бы смерть.
She clung in a sudden anguish of terror. But it came with a strange slow thrust of peace, the dark thrust of peace and a ponderous, primordial tenderness, such as made the world in the beginning.	На нее нахлынул мгновенный ужас. Но движение его было странным, замедленным, несущим мир - темное, тяжелое и вместе медленное колыхание космоса, сотворившее Землю.
And her terror subsided in her breast, her breast dared to be gone in peace, she held nothing.	Ужас унялся у нее в груди, ее объял покой, ничего затаенного не осталось.

She dared to let go everything, all herself and be gone in the flood.	Она отреклась от всего, от себя и предалась несущейся стремнине.
And it seemed she was like the sea, nothing but dark waves rising and heaving, heaving with a great swell, so that slowly her whole darkness was in motion, and she was Ocean rolling its dark, dumb mass. Oh, and far down inside her the deeps parted and rolled asunder, in long, fair-travelling billows, and ever, at the quick of her, the depths parted	Она сама была теперь океан; его тяжелая зыбь, раскачивающая свою темную немую бездну; где-то в глуби бездна расступалась, посылая в стороны длинные,

and rolled asunder, from the centre of soft plunging, as the plunger went deeper and deeper, touching lower, and she was deeper and deeper and deeper disclosed, the heavier the billows of her rolled away to some shore, uncovering her, and closer and closer plunged the palpable unknown, and further and further rolled the waves of herself away from herself leaving her, till suddenly, in a soft, shuddering convulsion, the quick of all her plasm was touched, she knew herself touched, the consummation was upon her, and she was gone.	тягучие валы, - расступалась от нежных и сильных толчков; толчки уходили все глубже; валы, которые были она сама, колыхались сильнее, обнажая ее, порывая с ней... Внезапно нежное и сильное содрогание коснулось святая святых ее плоти. Крещендо разрешилось, и она исчезла.
She was gone, she was not, and she was born: a woman.	Исчезла и родилась заново - женщиной!
Ah, too lovely, too lovely!	Как это было прекрасно!
In the ebbing she realized all the loveliness.	Возвращение к жизни не стерло в памяти только что пережитого чуда.
Now all her body clung with tender love to the unknown man, and blindly to the wilting penis, as it so tenderly, frailly, unknowingly withdrew, after the fierce thrust of its potency.	Исходя любовью к чужому мужчине, она не замечала, как таинственный гость уходит от нее. После столь мощно явленной силы он уходил кротко, неосяземо.
As it drew out and left her body, the secret, sensitive thing, she gave an unconscious cry of pure loss, and she tried to put it back.	А когда совсем исчез, из груди ее вырвался горестный крик утраты.
It had been so perfect!	Он был само совершенство!
And she loved it so!	Она так любила его!
And only now she became aware of the small, bud-like reticence and tenderness of the penis, and a little cry of wonder and poignancy escaped her again, her woman's heart crying out over the tender frailty of that which had been the power.	Только сейчас она осознала, что он похож на бутон, маленький, нежный, безгласный бутон; и она опять вскрикнула, на этот раз с недоуменной болью: ее женское сердце оплакивало мощь, обернувшуюся немощью.
'It was so lovely!' she moaned. 'It was so lovely!'	- Он был так прекрасен! - всхлипнула она. - Так прекрасен.
But he said nothing, only softly kissed her, lying still above her.	А Меллорс молчал, все еще обнимая ее тело и тихо целуя.
And she moaned with a sort Of bliss, as a sacrifice, and a newborn thing.	Она всхлипывала от избытка чувства - сожженная в пепел жертва и вновь родившееся существо.
And now in her heart the queer wonder of him was awakened.	И тогда в сердце у нее пробудилось странное восхищение.
A man!	Мужчина!

The strange potency of manhood upon her!	Непостижимая для нее мужская природа.
Her hands strayed over him, still a little afraid.	Руки ее блуждали по его телу, а в душе все еще тлел страх.
Afraid of that strange, hostile, slightly repulsive thing that he had been to her, a man.	Страх, который вызывало в ней это непонятное, совсем недавно враждебное, даже отталкивающее существо - мужчина.
And now she touched him, and it was the sons of god with the daughters of men.	А теперь она с нежностью касается его. Сыны Божий и дочери человеческие.
How beautiful he felt, how pure in tissue!	Как он красив, как гладка его кожа.
How lovely, how lovely, strong, and yet pure and delicate, such stillness of the sensitive body!	Как прекрасен, могуч, чист и нежен покой его тела, заряженного страстью.
Such utter stillness of potency and delicate flesh.	Покой, присущий сильной и нежной плоти!
How beautiful!	Как он прекрасен!
How beautiful!	Как прекрасен!
Her hands came timorously down his back, to the soft, smallish globes of the buttocks.	Ее ладони робко скользнули ниже, коснулись мягких ягодиц.
Beauty! What beauty! a sudden little flame of new awareness went through her.	Совершенная красота! Новое, неведомое знание, как пламенем, опалило ее.
How was it possible, this beauty here, where she had	Нет, это невероятно - ведь только что эта красота представлялась ей чуть не

previously only been repelled?	безобразием.
The unspeakable beauty to the touch of the warm, living buttocks!	Несказанная красота этих круглых тугих ягодиц.
The life within life, the sheer warm, potent loveliness.	Непостижимо сложный механизм жизни; полная скрытой энергии красота.
And the strange weight of the balls between his legs!	А эта странная загадочная тяжесть мошонки?
What a mystery!	Великая тайна!
What a strange heavy weight of mystery, that could lie soft and heavy in one's hand! The roots, root of all that is lovely, the primeval root of all full beauty. She clung to him, with a hiss of wonder that was almost awe, terror.	Начало начал всего, девственный источник прекрасного... Она прижалась к нему, шумно вздохнув, и в этом вздохе слились изумление, благоговейный восторг, граничащий с ужасом.
He held her close, but he said nothing. He would never say anything.	Он молча притянул ее к себе, все это время он так и не сказал ни слова.
She crept nearer to him, nearer, only to be near to the sensual wonder of him.	Она прижималась к нему все плотнее, стараясь быть как можно ближе к этому чуду.
And out of his utter, incomprehensible stillness, she felt again the slow momentous, surging rise of the phallus again, the other power.	И вот опять полный, непостижимый покой точно подернуло рябью: медленно, угрожающе заворочался фаллос.
And her heart melted out with a kind of awe.	И сердце ее объял священный трепет.
And this time his being within her was all soft and iridescent, purely soft and iridescent, such as no consciousness could seize.	Близость на этот раз была нежной и переливчатой, ускользающей от восприятия.

Her whole self quivered unconscious and alive, like plasm.	Все ее существо трепетало живым, неуправляемым трепетом плазмы.
She could not know what it was. She could not remember what it had been. Only that it had been more lovely than anything ever could be. Only that.	Она не понимала, что происходит. Не помнила, что с ней было. Она знала одно - ничего сластнее она никогда прежде не испытывала.
And afterwards she was utterly still, utterly unknowing, she was not aware for how long.	И уже после всего на нее снизошел полный, блаженный покой отрешенности, и она пребывала в нем Бог весть сколько времени.
And he was still with her, in an unfathomable silence along with her. And of this, they would never speak.	Он все еще был с ней, погруженный, как и она, в океан молчания. И на поверхность не вырвалось ни одного слова.
When awareness of the outside began to come back, she clung to his breast, murmuring 'My love! My love!'	Когда внешний мир стал проступать в сознании, Конни прошептала: "Любовь моя! Любовь!"
And he held her silently. And she curled on his breast, perfect.	Он молча прижал ее к себе, она свернулась калачиком у него на груди, упиваясь совершенной гармонией...
But his silence was fathomless.	Молчание его начинало тревожить.
His hands held her like flowers, so still and strange. 'Where are you?' she whispered to him.	Его руки Ласкали ее, как лепестки цветка, такие покойные и такие странные. - Ты где? -шептала она ему.
'Where are you? Speak to me! Say something to me!'	- Где? Ну скажи что-нибудь! Хоть словечко!
He kissed her softly, murmuring: 'Ay, my lass!'	- Моя девонька, - он нежно поцеловал ее.
But she did not know what he meant, she did not know where he was.	Но она как не слышала, не понимала, где он.
In his silence he seemed lost to her.	Его молчание, казалось, отчуждает его.
'You love me, don't you?' she murmured.	- Ты ведь любишь меня? - спросила она.
'Ay, tha knows!' he said. 'But tell me!' she pleaded.	- Ты это знаешь, миленькая. - А ты все равно скажи.
'Ay! Ay! 'asn't ter felt it?' he said dimly, but softly and surely.	- Люблю. Ты ведь чувствуешь это. - Он едва шевелил губами, но говорил твердо и с нежностью.
And she clung close to him, closer.	Она еще теснее прижалась к нему.
He was so much more peaceful in love than she was, and she wanted him to reassure her.	Он был скуп на слова, а ей хотелось, чтобы он снова и снова повторял, что любит.
'You do love me!' she whispered, assertive.	- Ты меня любишь, да, любишь! - истово прошептала она.
And his hands stroked her softly, as if she were a flower, without the quiver of desire, but with delicate	Он опять стал поглаживать ее, как гладил бы цветок. В ладонях теперь уже не было ни искорки

nearness.	страсти, а только бережное любование.
And still there haunted her a restless necessity to get a grip on love.	А ей хотелось слышать уверения в любви.

'Say you'll always love me!' she pleaded.	- Скажи, что всегда будешь меня любить, - требовала она.
'Ay!' he said, abstractedly.	- У-гу, - промычал он отрешенно.
And she felt her questions driving him away from her.	И она поняла, что ее настойчивость только отдаляет его от нее.
'Mustn't we get up?' he said at last.	- Тебе, наверное, пора идти, - сказал он наконец.
'No!' she said.	- Нет, нет, - запротестовала она.
But she could feel his consciousness straying, listening to the noises outside.	Но он уже краем уха прислушивался к звукам наружного мира.
'It'll be nearly dark,' he said.	- Начинает темнеть, - беспокоился он.
And she heard the pressure of circumstances in his voice.	И она уловила в этом голосе нотки отрезвления.
She kissed him, with a woman's grief at yielding up her hour.	Она поцеловала его, по-женски печалась, что час ее миновал.
He rose, and turned up the lantern, then began to pull on his clothes, quickly disappearing inside them.	Он встал, подкрутил ярче фонарь и начал быстро одеваться.
Then he stood there, above her, fastening his breeches and looking down at her with dark, wide-eyes, his face a little flushed and his hair ruffled, curiously warm and still and beautiful in the dim light of the lantern, so beautiful, she would never tell him how beautiful.	Он стоял над ней, застегивая брюки, глядя на нее вниз темными, расширенными глазами, лицо слегка порозовело, волосы растрепались - и такой он был естественный, спокойный, уютный в неярком свете фонаря, такой красивый, не найти слов.
It made her want to cling fast to him, to hold him, for there was a warm, half-sleepy remoteness in his beauty that made her want to cry out and clutch him, to have him.	И ей опять захотелось крепко прижаться к нему, обнять; в его красивом лице она подметила полусонную отдаленность и опять чуть не расплакалась - так бы схватить его и никуда не пускать.
She would never have him.	Нет, этого никогда не будет, не может быть.
So she lay on the blanket with curved, soft naked haunches, and he had no idea what she was thinking, but to him too she was beautiful, the soft, marvellous thing he could go into, beyond everything.	Она все не вставала, нежно белел округлый холмик ее бедра. Он не знал, о чем она думает, но и он любовался ею - живым, ласковым, удивительным созданием, которое принадлежало ему.
I love thee that I call go into thee,' he said.	- Я люблю тебя, потому что ты моя баба, - сказал он.
'Do you like me?' she said, her heart beating.	- Я тебе нравлюсь? - У Конни забилося сердце.
It heals it all up, that I can go into thee. I love thee that tha opened to me. I love thee that I came into thee like that.'	- Ты моя баба, этим сказано все. Я люблю тебя, потому что сегодня ты вся совсем отдалась мне.
He bent down and kissed her soft flank, rubbed his cheek against it, then covered it up.	Он нагнулся, поцеловал ее и натянул на нее одеяло.
'And will you never leave me?' she said.	- Ты никогда от меня не уйдешь? - спросила она.
'Dunna ask them things,' he said.	- Чего спрашивать-то?
'But you do believe I love you?' she said.	- Но ты теперь веришь, что я тебя люблю?

'Tha loved me just now, wider than iver tha thout tha would.	- Сейчас ты любишь. Но ведь у тебя и в мыслях не было, что полюбишь.
But who knows what'll 'appen, once tha starts thinkin' about it!'	Чего о будущем-то гадать. Начнешь думать, сомневаться...
'No, don't say those things!—And you don't really think that I wanted to make use of you, do you?'	- Никогда не говори мне таких вещей. Но теперь-то ты не считаешь, что я хотела тобой воспользоваться?
'How?'	- Как воспользоваться?
'To have a child—?'	- Родить от тебя ребенка.
'Now anybody can 'ave any childt i' th' world,' he said, as he sat down fastening on his leggings.	- Сейчас бабе понести - плевое дело, только пальчиков помани, - проговорил он и, сев на

	стул, начал пристегивать носки.
'Ah no!' she cried. You don't mean it?'	- Неправда. Неужели ты и сам этому веришь?
'Eh well!' he said, looking at her under his brows. 'This wor t' best.'	- Верю - не верю... - сказал он, поглядев на нее исподлобья. - А сегодня было наилучше всего.
She lay still.	Она лежала спокойно.
He softly opened the door.	Он тихо отворил дверь.
The sky was dark blue, with crystalline, turquoise rim.	Небо было темно-синее, к низу переходящее в бирюзу.
He went out, to shut up the hens, speaking softly to his dog.	Он вышел запереть кур, что-то тихонько сказал Флосси.
And she lay and wondered at the wonder of life, and of being.	А она лежала и не могла надивиться этому диву - жизни, живым тварям.
When he came back she was still lying there, glowing like a gipsy.	Когда он вернулся, она все еще лежала, сияя радостным возбуждением.
He sat on the stool by her.	Он сел рядом на скамейку, опустив руки между колен.
Tha mun come one naight ter th' cottage, afore tha goos; sholl ter?' he asked, lifting his eyebrows as he looked at her, his hands dangling between his knees.	- Приходи до отъезда ко мне домой, на всю ночь,- сказал он, подняв брови и не отрывая от нее взгляда.
'Sholl ter?' she echoed, teasing.	- На всю ночь? - улыбнулась она.
He smiled. 'Ay, sholl ter?' he repeated.	- Придешь?
'Ay!' she said, imitating the dialect sound.	- Приду.
'Yi!' he said.	- Вот и лады, - ответил он на своем кошмарном наречии.
'Yi!' she repeated.	- Лады, - передразнила она его. Он улыбнулся.
'An' slaip wi' me,' he said. 'It needs that. When sholt come?' 'When sholl I?' she said.	- Когда? - Наверное, в воскресенье. - В воскресенье?
'Nay,' he said, 'tha canna do't.	Ха! В воскресенье негоже, - возразил он.

When sholt come then?'	- Почему негоже? - спросила она. Он опять рассмеялся - смешно это у нее получается: лады, негоже.
"Appen Sunday,' she said.	- Ты не сможешь.
"Appen a' Sunday! Ay!' He laughed at her quickly. 'Nay, tha canna,' he protested.	- Смогу. - Ладно, вставай. Пора и честь знать. -Он наклонился и нежно погладил ладонью ее лицо. - Кралечка моя. Лучшей кралечки на всем свете нет. - Что такое кралечка? - Не знаешь разве? Кралечка - значит любимая баба. -Кралечка, - опять поддразнила она его. - Это когда спариваются? - Спариваются животные. А кралечка - это ты. Смекаешь? Ты ведь не скотина какая-нибудь. Даже когда спариваешься. Краля! Любота, одно слово. Она встала и поцеловала его а переносицу. Глаза его смотрели глубоко, бархатисто, и с таким теплом. - Я правда тебе нравлюсь? Он молча поцеловал ее. Его рука скользила по знакомым округлостям ее тела уверенно, нежно, без похоти. Смеркалось; она быстро шла домой, и окружающий мир казался ей сном: деревья качались, точно корабли на волнах, ставшие на якорь; крутой склон, ведущий к, дому, горбатился, как огромный медведь.
Chapter 13	13
On Sunday Clifford wanted to go into the wood. It was a lovely morning, the pear-blossom and plum had suddenly appeared in the world in a wonder of white here and there.	В воскресенье Клиффорду захотелось покататься по лесу. Было чудесное утро. Сад пенился кипенно-белыми грушами и сливами - извечное весеннее чудо.
It was cruel for Clifford, while the world bloomed, to have to be helped	

from chair to bath-chair. But he had forgotten, and even seemed to have a certain conceit of himself in his lameness.	Это буйное цветение мира и бедный Клиффорд, не способный без чужой помощи пересест с кресла на свой "банный" стул, являли собой жестокий контраст, но Клиффорд не замечал его; он даже, казалось, гордился своим увечьем.
Connie still suffered, having to lift his inert legs into place. Mrs Bolton did it now, or Field.	А Конни не могла без дрожи в сердце перекладывать с кресла на стул его безжизненные ноги; и теперь вместо нее Клиффорду помогала миссис Болтон или Филд.
She waited for him at the top of the drive, at the edge of the screen of beeches.	Она ждала его в конце аллеи, под буками.
His chair came puffing along with a sort of valetudinarian slow importance.	Наконец показалось его кресло; оно двигалось медленно, пытаясь, вызывая жалость хилостью и самодовольством.
As he joined his wife he said:	Подъехав к жене, Клиффорд изрек:
'Sir Clifford on his roaming steed!'	- Сэр Клиффорд на своем лихом скакуне.
'Snorting, at least!' she laughed.	- Скажи лучше - на Росинанте, - рассмеялась Конни.

He stopped and looked round at the facade of the long, low old brown house.	Клиффорд нажал на тормоз и оглянулся на дом - невысокое, растянутое, потемневшее от времени строение.
'Wragby doesn't wink an eyelid!' he said. 'But then why should it!'	- А Рагби-холл и глазом не моргнет, - сказал он. - Впрочем, чему удивляться.
I ride upon the achievements of the mind of man, and that beats a horse.'	Хозяина везет самоновейшее изобретение человеческого гения. Никакому скакуну с ним не тягаться.
I suppose it does.	- Пожалуй, что не тягаться.
And the souls in Plato riding up to heaven in a two-horse chariot would go in a Ford car now,' she said.	Души Платона отправились на небо в колеснице, запряженной двумя рысаками. Теперь бы их отвозил туда фордик.
Or a Rolls-Royce: Plato was an aristocrat!'	- Скорее роллс-ройс. Платон-то был аристократ.
'Quite!'	- Вот именно.
No more black horse to thrash and maltreat.	Нет больше вороных, некого стегать и мучать.
Plato never thought we'd go one better than his black steed and his white steed, and have no steeds at all, only an engine!'	Платон и помыслить не мог, что придет время и не станет ни белых, ни вороных. Водить будут одни моторы.
'Only an engine and gas!' said Clifford. 'I hope I can have some repairs done to the old place next year.'	- Моторы и бензин, - подхватил Клиффорд и, указав рукой на дом, прибавил: - Надеюсь, через год сделать небольшой ремонт.
I think I shall have about a thousand to spare for that: but work costs so much!' he added.	Возможно, буду располагать лишней тысячей фунтов. Работа очень дорогая.
'Oh, good!' said Connie. 'If only there aren't more strikes!'	- Хорошо бы. Только бы не было забастовок.
'What would be the use of their striking again!'	- Какой им прок бастовать?
Merely ruin the industry, what's left of it: and surely the owls are beginning to see it!'	Погубят производство, и все. Вернее, то, что от него осталось. Теперь это и дураку ясно.
'Perhaps they don't mind ruining the industry,' said Connie.	- А может, они этого и добиваются.
'Ah, don't talk like a woman!'	- Пожалуйста, оставь эти женские глупости!

The industry fills their bellies, even if it can't keep their pockets quite so flush,' he said, using turns of speech that oddly had a twang of Mrs Bolton.	Если не производство, чем они будут набивать брюхо? Хотя, конечно, кошельков оно им не набьет, - сказал Клиффорд, употребив оборот, напомнивший ей миссис Болтон.
'But didn't you say the other day that you were a conservative-anarchist,' she asked innocently.	- Не ты ли на днях заявил, что ты анархист-консерватор? - невинно заметила Конни.
'And did you understand what I meant?' he retorted. 'All I meant is, people can be what they like and feel what they like and do what they like, strictly privately, so long as they keep the form of life intact, and the apparatus.'	- А ты не поняла, что я хотел этим сказать? Тогда я тебе объясню: человек может делать что хочет, чувствовать что хочет, быть кем хочет, но только в рамках частной жизни, не посягая на устои.
Connie walked on in silence a few paces.	Конни несколько шагов шла молча.

Then she said, obstinately:	Потом сказала упрямо:
'It sounds like saying an egg may go as addled as it likes, so long as it keeps its shell on whole.	- Другими словами, яйцо может тухнуть, как ему вздумается, лишь бы скорлупа не лопнула?
But addled eggs do break of themselves.'	Да ведь как раз тухлые яйца и лопаются.
'I don't think people are eggs,' he said. 'Not even angels' eggs, my dear little evangelist.'	- Но люди не куриные яйца и даже не ангельские, моя дорогая проповедница.
He was in rather high feather this bright morning.	Этим ярким весенним утром Клиффорд был в бодром, даже приподнятом настроении.
The larks were trilling away over the park, the distant pit in the hollow was fuming silent steam.	Высоко в небе заливались жаворонки, шахта в долине пыхтела паром почти неслышно.
It was almost like old days, before the war.	Все кругом было точь-в-точь как до войны.
Connie didn't really want to argue.	В общем-то Конни не хотелось спорить.
But then she did not really want to go to the wood with Clifford either.	Но и углубляться в лес с Клиффордом тоже не было желания.
So she walked beside his chair in a certain obstinacy of spirit.	Вот в ней и говорил дух противоречия.
'No,' he said. 'There will be no more strikes, it. The thing is properly managed.'	- Не бойся, - сказал Клиффорд, - забастовок больше не будет. Все зависит от того, как управлять народом.
'Why not?'	- Почему не будет?
'Because strikes will be made as good as impossible.'	- Я так сделаю, что они потеряют всякий смысл.
'But will the men let you?' she asked.	- А рабочие тебе позволят?
'We shan't ask them. We shall do it while they aren't looking: for their own good, to save the industry.'	- Мы их не спросим. Будем действовать так, что они ничего не заметят. Для их же пользы, чтобы не погибло производство.
'For your own good too,' she said.	- Но, конечно, и для вашей пользы?
'Naturally! For the good of everybody.	- Естественно! Для общей пользы.
But for their good even more than mine.	Но для них это важнее, чем для меня.
I can live without the pits. They can't.	Я могу без шахты прожить, они не могут.
They'll starve if there are no pits.	Умрут с голоду, если шахты закроются.
I've got other provision.'	У меня же есть другие источники пропитания.
They looked up the shallow valley at the mine, and beyond it, at the black-lidded houses of Tevershall crawling like some serpent up the hill.	Они стали смотреть на шахту, господствующую над неглубокой долиной, на домики Тивершолла под черными крышами, на улицу, змеей ползущую по склону холма.
From the old brown church the bells were ringing: Sunday, Sunday, Sunday!	Колокола на старой пожелтевшей церкви вызванивали: "Вос-кре-сень-е, вос-кре-сень-е".
'But will the men let you dictate terms?' she said. 'My dear, they will have to: if one does it gently.'	- Неужели рабочие позволят вам диктовать условия? - Милочка моя, да им ничего не останется делать. Надо только знать к ним подход.

'But mightn't there be a mutual understanding?'	- Но неужели невозможно достичь какого-то взаимопонимания?
'Absolutely: when they realize that the industry comes before the individual.'	- Конечно, возможно. Для этого они должны усвоить одно: главное - производство, человек - дело второстепенное.

'But must you own the industry?' she said.	- А хозяин производства, конечно, ты?
'I don't. But to the extent I do own it, yes, most decidedly. The ownership of property has now become a religious question: as it has been since Jesus and St Francis.	- Разумеется. Вопросу собственности придается сейчас чуть ли не религиозное значение. Впрочем, это повелось еще со времен Христа. Вспомни хотя бы святого Франциска.
The point is not: take all thou hast and give to the poor, but use all thou hast to encourage the industry and give work to the poor.	Только теперь мы говорим немного иначе: вместо "раздай имущество бедным", "вложи, что имеешь, в производство". Чтобы у бедных была работа.
It's the only way to feed all the mouths and clothe all the bodies.	Это единственный способ накормить все рты.
Giving away all we have to the poor spells starvation for the poor just as much as for us.	Попробуй раздай имущество - умрешь от голода вместе с бедняками.
And universal starvation is no high aim.	Планировать всеобщий голод - глупо.
Even general poverty is no lovely thing. Poverty is ugly.'	Равенство в нищете - не очень веселая вещь. Нищета уродлива.
'But the disparity?'	- А неравенство?
That is fate.	- Неравенство - это судьба.
Why is the star Jupiter bigger than the star Neptune?	Почему планета Юпитер больше планеты Нептун?
You can't start altering the make-up of things!'	Неразумно стремиться исправить мировой порядок.
'But when this envy and jealousy and discontent has once started,' she began.	- Но раз уж в человечестве завелись ревность, зависть, недовольство...
'Do, your best to stop it.	- Надо безжалостно искоренять эти чувства.
Somebody's got to be boss of the show.'	Кто-то должен командовать парадом.
'But who is boss of the show?' she asked.	- Кто же им сейчас командует?
'The men who own and run the industries.'	- Те, кому принадлежит производство, кто им управляет.
There was a long silence.	Воцарилось долгое молчание.
'It seems to me they're a bad boss,' she said.	- Мне кажется, эти люди - дурные правители.
'Then you suggest what they should do.'	- А что бы ты делала на их месте?
'They don't take their boss-ship seriously enough,' she said.	- Они несерьезно относятся к своим обязанностям.
'They take it far more seriously than you take your ladyship,' he said.	- Уверяю тебя, гораздо серьезнее, чем ты к своему положению "леди".

'That's thrust upon me. I don't really want it,' she blurted out.	- Камень в мой огород? Я могу и обидеться.
He stopped the chair and looked at her.	Он остановил кресло и взглянул на нее.
'Who's shirking their responsibility now!' he said. 'Who is trying to get away now from the responsibility of their own boss-ship, as you call it?'	- Кто может сейчас позволить себе уклоняться от своих обязанностей? Приведи хоть один пример! Среди дурных правителей, как ты изволила выразиться, таких нет.
'But I don't want any boss-ship,' she protested.	- Но я не хочу командовать никаким парадом.
'Ah! But that is funk.	- Это, милая моя, трусость.
You've got it: fated to it. And you should live up to it.	Ты - хозяйка, тебе выпал такой жребий. И ты должна нести свою ношу.
Who has given the colliers all they have that's worth having: all their political liberty, and their education, such as it is, their sanitation, their health-conditions, their books, their music, everything.	Кто дает углекопам все, что составляет смысл и радость жизни: политические свободы, образование, какое бы оно ни было; здоровые санитарные условия, здравоохранение, книги, музыку?
Who has given it them? Have colliers given it to colliers? No!	Кто дает им все это? Может, какие-то другие рабочие? Нет.
All the Wragbys and Shipleys in England have given their part, and must go on giving.	Все это дали им мы. Те, кто живет в Рагби, Шипли и других таких же поместьях, разбросанных по всей Англии. Дают и будут давать впредь.
There's your responsibility.'	Вот в чем наш долг.
Connie listened, and flushed very red.	Конни слушала, покраснев до корней волос.
'I'd like to give something,' she said. 'But I'm not allowed.	- Я бы хотела давать, - сказала она. - Да нельзя.

Everything is to be sold and paid for now; and all the things you mention now, Wragby and Shipley sells them to the people, at a good profit.	Все теперь продается, и за все надо платить. Все, что ты сейчас перечислил, Урагби и Шипли продают народу, получая солидные барыши.
Everything is sold.	Все продается.
You don't give one heart-beat of real sympathy.	Твое сердце не сделало бесплатно ни одного сострадательного удара.
And besides, who has taken away from the people their natural life and manhood, and given them this industrial horror?	А скажи: кто отнял у людей возможность жить естественной жизнью; кто лишил рудокопов мужественности, доблести, красоты, да просто осанки? Кто, наконец, навязал им это чудовище - промышленное производство?
Who has done that?	Кто виноват во всем этом?
'And what must I do?' he asked, green. 'Ask them to come and pillage me?'	- Что же мне теперь делать? - побледнев спросил Клиффорд. - Просить их прийти и грабить меня?
'Why is Tevershall so ugly, so hideous?'	- Почему, ну почему Тивершолл так отвратительно безобразен?
Why are their lives so hopeless?	Почему их жизнь так безысходна?

'They built their own Tevershall, that's part of their display of freedom.	- Они сами построили этот Тивершолл, их никто не неволил.
They built themselves their pretty Tevershall, and they live their own pretty lives. I can't live their lives for them.	На их вкус Тивершолл красив и жизнь их прекрасна. Они сами ее создали.
Every beetle must live its own life.'	По пословице: всяк сверчок знай свой шесток.
'But you make them work for you.'	- Но ты ведь принуждаешь их работать на себя.
They live the life of your coal-mine.'	Их шесток - твоя шахта.
'Not at all. Every beetle finds its own food. Not one man is forced to work for me.'	- Никого я не принуждаю. Каждый сам ищет свою кормушку.
'Their lives are industrialized and hopeless, and so are ours,' she cried.	- Производство поработило их, жизнь их безнадежна. Так же, впрочем, как и наша, - Конни почти кричала.
I don't think they are.	- Заблуждаешься.
That's just a romantic figure of speech, a relic of the swooning and die-away romanticism.	Все, что ты говоришь, - дань дышащему на ладан романтизму.
You don't look at all a hopeless figure standing there, Connie my dear.' Which was true.	Вот ты стоишь здесь, и в твоем лице, во всей фигуре не заметно никакой безнадежности, милая моя женушка. И Клиффорд был прав.
For her dark-blue eyes were flashing, her colour was hot in her cheeks, she looked full of a rebellious passion far from the dejection of hopelessness.	Синие глаза Конни горели, щеки заливал румянец; она была живым воплощением бунтарства, антиподом безнадежности.
She noticed, in the tussocky places of the grass, cottony young cowslips standing up still bleared in their down.	Среди травы она заметила только что распутившиеся первоцветы, которые весело топорщили свои ватные головки.
And she wondered with rage, why it was she felt Clifford was so wrong, yet she couldn't say it to him, she could not say exactly where he was wrong.	И вдруг подумала, ведь не прав же Клиффорд, ясно, что не прав, так почему она не может вразумительно сказать ему это, объяснить его неправоту?
'No wonder the men hate you,' she said.	- Не удивительно, что эти люди не любят тебя, - единственное, что она нашлась сказать.
They don't!' he replied. And don't fall into errors: in your sense of the word, they are not men.	- Это не так, - возразил он. - И, пожалуйста, не путай понятий. Они не люди в твоём понимании этого слова.
They are animals you don't understand, and never could.	Это вид млекопитающих, которых ты никогда не понимала и не поймешь.
Don't thrust your illusions on other people.	И не надо распространять на других собственные иллюзии.
The masses were always the same, and will always be the same.	Простолудин всегда остается простолудином.
Nero's slaves were extremely little different from our colliers or the Ford motor-car workmen.	Рабы Нерона лишь самую малость отличаются от английских шахтеров и рабочих Форда.
I mean Nero's mine slaves and his field slaves.	Я имею в виду тех древних рабов, что корежились в копиях и гнули спины на полях.

It is the masses: they are the unchangeable.	Рабы есть рабы, они не меняются от поколения к поколению.
An individual may emerge from the masses.	И среди них были и будут отдельные яркие личности.
But the emergence doesn't alter the mass.	Но на общей массе это не сказывается.
The masses are unalterable. It is one of the most momentous facts of social science. Panem et circenses! Only today education is one of the bad substitutes for a circus.	Народ не становится лучше - вот один из главных постулатов социологии panem et circenses! [хлеба и зрелищ (лат.)] Но только сегодня вместо зрелищ мы дали ему просвещение - вредная подмена.
What is wrong today is that we've made a profound hash of the circuses part of the programme, and poisoned our masses with a little education.'	Беда нашего времени заключается в том, что мы извратили идею зрелищ, отравив народ грамотой.
When Clifford became really roused in his feelings about the common people, Connie was frightened.	Конни пугалась, когда Клиффорд заводил речь о народе.
There was something devastatingly true in what he said. But it was a truth that killed.	В том, что он говорил, была своя, убийственная логика. Но именно это и удручало.
Seeing her pale and silent, Clifford started the chair again, and no more was said till he halted again at the wood gate, which she opened.	Заметив, что Конни побледнела и сжала губы, Клиффорд покатил дальше, и оба не сказали больше ни слова, пока кресло не остановилось у калитки, ведущей в лес. Конни открыла калитку.
'And what we need to take up now,' he said, 'is whips, not swords.	- И нужны нам сейчас не мечи, а розги.
The masses have been ruled since time began, and till time ends, ruled they will have to be.	Народ испокон веков нуждался в жестокой розге правителя и будет нуждаться до конца дней.
It is sheer hypocrisy and farce to say they can rule themselves.'	Когда говорят, что народ может сам управлять жизнью, это лицемерие и фарс.
'But can you rule them?' she asked.	- И ты мог бы управлять народом?
'I? Oh yes!	- Конечно!
Neither my mind nor my will is crippled, and I don't rule with my legs.	Ни разум, ни воля у меня не изувечены войной. А ноги... Что ж, ноги правителям не так и нужны.
I can do my share of ruling: absolutely, my share; and give me a son, and he will be able to rule his portion after me.'	Да, я могу управлять народом в каких-то пределах. У меня нет ни грамма сомнения. Подари мне сына, и он будет править после меня.
'But he wouldn't be your own son, of your own ruling class; or perhaps not,' she stammered.	- Но он не будет твоим кровным сыном, -проговорила она, запинаясь. - Может статься, он будет принадлежать не твоему классу.
'I don't care who his father may be, so long as he is a healthy man not below normal intelligence.	- А мне все равно, кто будет его природный отец, при условии, что им будет физически крепкий мужчина с нормальными умственными способностями.
Give me the child of any healthy, normally intelligent man, and I will make a perfectly competent Chatterley of him.	Отдай мне ребенка от здорового, умственно полноценного мужчины, и я сделаю из него совершенный образец Чаттерли.

It is not who begets us, that matters, but where fate places us.	Неважно, кем мы зачаты, важно, куда судьбе заблагорассудится поместить нас.
Place any child among the ruling classes, and he will grow up, to his own extent, a ruler.	Поместите любого ребенка среди правящего класса, и он вырастет прекрасным его представителем.
Put kings' and dukes' children among the masses, and they'll be little plebeians, mass products.	А поместите в простонародную среду, и он вырастет плебеем, продуктом своего класса.
It is the overwhelming pressure of environment.'	Влияние окружающей среды на ребенка -главнейший фактор воспитания.
Then the common people aren't a race, and the aristocrats aren't blood,' she said.	- Так, значит, простые люди не составляют особого класса, и не кровь делает аристократа аристократом?
'No, my child! All that is romantic illusion.	- Отнюдь, дитя мое! Все это романтические бредни.
Aristocracy is a function, a part of fate.	Аристократия - это судьба.
And the masses are a functioning of another part of fate.	Так же как и народ.
The individual hardly matters.	Индивидуальные свойства не играют роли.

It is a question of which function you are brought up to and adapted to.	Весь фокус заключается в том, в какой, среде ребенок вырос, сформировалась его личность.
It is not the individuals that make an aristocracy: it is the functioning of the aristocratic whole.	Аристократия - это не отдельные люди, это образ жизни.
And it is the functioning of the whole mass that makes the common man what he is.'	И наоборот, образ жизни раба делает его тем, что он есть.
'Then there is no common humanity between us all!'	- Значит, такой вещи, как всеобщее равенство, не существует?
'Just as you like. We all need to fill our bellies.	- Это как смотреть. Желудок, который требует пищи, есть у всех.
But when it comes to expressive or executive functioning, I believe there is a gulf and an absolute one, between the ruling and the serving classes.	Но ежели взглянуть с другой стороны - я говорю о двух видах деятельности: творческой и исполнительской, - между правящим и подчиненным классом пролегает пропасть.
The two functions are opposed.	Эти две социальные функции -диаметрально противоположны.
And the function determines the individual.'	Но ведь именно они определяют индивидуальные свойства личности.
Connie looked at him with dazed eyes.	Конни слушала разглагольствования мужа, не переставая изумляться.
'Won't you come on?' she said.	- Может, двинемся дальше? - предложила она.
And he started his chair.	И Клиффорд опять запустил мотор.
He had said his say. Now he lapsed into his peculiar and rather vacant apathy, that Connie found so trying.	Он высказался, и на него опять нашла странная тупая апатия, которая так действовала ей на нервы.

In the wood, anyhow, she was determined not to argue.	"Въедем в лес, - решила она, - и я постараюсь больше не спорить".
In front of them ran the open cleft of the riding, between the hazel walls and the gay grey trees.	Впереди, точно по дну ущелья, бежала верховая тропа, зажатая с двух сторон сплошным орешником, над которым высились голые еще, серые кроны деревьев.
The chair puffed slowly on, slowly surging into the forget-me-nots that rose up in the drive like milk froth, beyond the hazel shadows.	Кресло, отдуваясь, въехало в море белопенных незабудок, светлеющих в тени кустов.
Clifford steered the middle course, where feet passing had kept a channel through the flowers.	Клиффорд старался держаться середины, где незабудки были кем-то уже примяты. И все-таки позади оставался проложенный в цветах след.
But Connie, walking behind, had watched the wheels jolt over the wood-ruff and the bugle, and squash the little yellow cups of the creeping-jenny. Now they made a wake through the forget-me-nots. All the flowers were there, the first bluebells in blue pools, like standing water.	Идя за креслом, Конни видела, как колеса, подпрыгивая на неровностях, давили голубые пики дубровок, белые зонтики лесного чая и крошечные желтые головки бальзамова яблока. Каких только цветов тут не было, уже синели озерца и первых колокольчиков.
'You are quite right about its being beautiful,' said Clifford. 'It is so amazingly.	- Да, ты права, сейчас в лесу очень красиво, - сказал Клиффорд, - просто поразительно!
What is quite so lovely as an English spring!'	Нет ничего прекрасней английской весны!
Connie thought it sounded as if even the spring bloomed by act of Parliament.	Слова прозвучали так, будто это весеннее буйство было вызвано к жизни парламентским актом.
An English spring!	Английская весна!
Why not an Irish one? or Jewish?	А почему не ирландская, не еврейская?
The chair moved slowly ahead, past tufts of sturdy bluebells that stood up like wheat and over grey burdock leaves.	Кресло медленно подвигалось вперед, мимо высоких литых колокольчиков, стоявших навтыяжку, как пшеница в поле, прямо по серым разлапистым лопухам.
When they came to the open place where the trees had been felled, the light flooded in rather stark.	Доехали до старой вырубки, залитой ослепительно ярким солнцем.
And the bluebells made sheets of bright blue colour, here and there, sheering off into lilac and purple.	В его лучах ярко-голубые колокольчики переливались то сиреневым, то лиловым.
And between, the bracken was lifting its brown curled heads, like legions of young snakes with a new secret	Папоротники тянули вверх коричневые изогнутые головки, точно легион молодых змеек, спешащих

to whisper to Eve.	шепнуть на ухо Еве новый коварный замысел.
Clifford kept the chair going till he came to the brow of the hill; Connie followed slowly behind.	Клиффорд катил в сторону спуска, Конни медленно шла следом.
The oak-buds were opening soft and brown.	На дубах уже лопались мягкие коричневатые почки.
Everything came tenderly out of the old hardness.	Всюду из корявой плоти деревьев выползали первые нежные почки.

Even the snaggy craggy oak-trees put out the softest young leaves, spreading thin, brown little wings like young bat-wings in the light.	Старые дремучие дубы опушались нежно-зелеными мятыми листочками, парящими на коричневатых створках, которые топырились совсем как крылья летучей мыши.
Why had men never any newness in them, any freshness to come forth with! Stale men!	Почему человеку не дано обновляться, выбрасывая свежие молодые побеги? Бедный безвозвратно дряхлеющий человек!
Clifford stopped the chair at the top of the rise and looked down.	Клиффорд остановил кресло у спуска и посмотрел вниз.
The bluebells washed blue like flood-water over the broad riding, and lit up the downhill with a warm blueness.	Колокольчики затопили весь склон, источая теплое голубое сияние.
'It's a very fine colour in itself,' said Clifford, 'but useless for making a painting.'	- Цвет сам по себе очень красивый, - заметил Клиффорд, - но на холст его не перенесешь. Не годится.
'Quite!' said Connie, completely uninterested.	- Само собой, - рассеянно ответила Конни: мысли ее витали далеко отсюда.
'Shall I venture as far as the spring?' said Clifford.	- Рискнуть разве проехаться до источника? - сказал Клиффорд.
'Will the chair get up again?' she said.	- А кресло обратно поднимется?
'We'll try; nothing venture, nothing win!'	- Надо попробовать. Кто не дерзает, тот не выигрывает.
And the chair began to advance slowly, joltingly down the beautiful broad riding washed over with blue encroaching hyacinths.	И кресло начало медленно двигаться вниз по широкой верховой тропе, синевшей дикими гиацинтами.
O last of all ships, through the hyacinthian shallows!	О, самый утлый из всех мыслимых кораблей, бороздящий гиацинтовые отмели!
O pinnacle on the last wild waters, sailing in the last voyage of our civilization!	О, жалкая скорлупка среди последних неукротенных волн, участник последнего плавания нашей цивилизации!
Whither, O weird wheeled ship, your slow course steering.	Куда ты правишь свой парус, чудо-юдо, корабль на колесах?
Quiet and complacent, Clifford sat at the wheel of adventure: in his old black hat and tweed jacket, motionless and cautious.	Клиффорд, спокойный, довольный собой, в старой черной шляпе, твидовом пиджаке, неподвижный, внимательный, не выпускал штурвала.
O Captain, my Captain, our splendid trip is done!	О, капитан, мой капитан, закончен наш поход!
Not yet though!	Хотя, может, и не совсем!
Downhill, in the wake, came Constance in her grey dress, watching the chair jolt downwards.	Конни в сером домашнем платье двигалась в кильватере, не спуская глаз с подпрыгивающего на спуске кресла.
They passed the narrow track to the hut.	Миновали узкую стезжку, ведущую к егерской сторожке.
Thank heaven it was not wide enough for the chair: hardly wide enough for one person.	Слава Богу, тропинка уже кресла - двоим не разойтись.

The chair reached the bottom of the slope, and swerved round, to disappear.	Наконец, спуск окончен, кресло повернуло и скрылось за кустами.
And Connie heard a low whistle behind her.	Конни услышала позади легкий свист.
She glanced sharply round: the keeper was striding downhill towards her, his dog keeping behind him.	Она резко обернулась: следом за ней спускался егерь, позади бежала его собака.
'Is Sir Clifford going to the cottage?' he asked, looking into her eyes.	- Сэр Клиффорд хочет посетить сторожку? - спросил он, глядя ей прямо в глаза.
'No, only to the well.'	- Нет, он доедет только до источника.
'Ah! Good!	- А-а, хорошо!
Then I can keep out of sight. But I shall see you tonight.	Тогда я могу отлучиться. До вечера!

I shall wait for you at the park-gate about ten.'	Буду ждать около десяти у калитки в парк.
He looked again direct into her eyes.	- И он опять поглядел ей прямо в глаза.
'Yes,' she faltered.	- Да, - выдохнула она.
They heard the Papp! Papp! of Clifford's horn, tooting for Connie.	Из-за поворота донесся звук рожка - Клиффорд сигнализировал Конни.
She 'Coo-eeed!' in reply.	"А-у!" - откликнулась она.
The keeper's face flickered with a little grimace, and with his hand he softly brushed her breast upwards, from underneath.	По лицу егеря пробежала не то мысль, не то воспоминание, он легко провел ладонью по ее груди.
She looked at him, frightened, and started running down the hill, calling Coo-ee! again to Clifford.	Она испуганно глянула на него и побежала вниз, еще раз крикнув Клиффорду.
The man above watched her, then turned, grinning faintly, back into his path.	Егерь смотрел сверху, как она бежит, потом повернулся, едва заметная усмешка коснулась его губ, и он пошел дальше своей дорогой.
She found Clifford slowly mounting to the spring, which was halfway up the slope of the dark larch-wood.	Клиффорд тем временем медленно взбирался по склону соседнего холма, где на полдороге вверх среди темных лиственниц бил ключ.
He was there by the time she caught him up.	Конни догнала его у самой воды.
'She did that all right,' he said, referring to the chair.	- А скакун у меня лихой, - сказал Клиффорд, погладив подлокотник кресла.
Connie looked at the great grey leaves of burdock that grew out ghostly from the edge of the larch-wood. The people call it Robin Hood's Rhubarb.	Конни смотрела на огромные серые лопухи, которые торчали, как привидения, под первыми лиственницами, их называют здесь "ревень Робина Гуда".
How silent and gloomy it seemed by the well! Yet the water bubbled so bright, wonderful!	Тихо и мрачно было вокруг, зато в самом источнике весело булькала вода.
And there were bits of eye-bright and strong blue bugle...And there, under the bank, the yellow earth was moving.	Цвели очанки, вверх тянулись крепкие острия голубых дубровок. Вдруг у самой воды зашевелился желтоватый песок.
A mole!	Крот!

It emerged, rowing its pink hands, and waving its blind gimlet of a face, with the tiny pink nose-tip uplifted.	Он выползал, разгребая землю розовыми лапками и смешно мотая слепым рыльцем с задранной сверху розовым пятчком.
'It seems to see with the end of its nose,' said Connie.	- Можно подумать, он видит кончиком носа, - заметила Конни.
'Better than with its eyes!' he said. 'Will you drink?'	- Во всяком случае, он служит ему не хуже, чем глаза. Ты будешь пить?
'Will you?'	- А ты?
She took an enamel mug from a twig on a tree, and stooped to fill it for him.	Она сняла с ветки эмалированную кружку; наклонившись над источником, зачерпнула воды и протянула Клиффорду.
He drank in sips.	Он стал пить маленькими глотками.
Then she stooped again, and drank a little herself.	Потом Конни зачерпнула еще раз и тоже сделала глоток.
'So icy!' she said gasping.	- Холодная! - задохнулась она.
'Good, isn't it!'	- Хороша!
Did you wish?'	Ты хотела пить?
'Did you?'	- А ты?
'Yes, I wished. But I won't tell.'	- Хотел, но не стал говорить.
She was aware of the rapping of a woodpecker, then of the wind, soft and eerie through the larches.	Конни слышала, как стучит по дереву дятел, как шумит мягко, таинственно ветер в ветвях лиственниц.
She looked up.	Она взглянула вверх.
White clouds were crossing the blue.	По небесной сини плыли белые пухлые облака.
'Clouds!' she said.	- Облака! - сказала она.
'White lambs only,' he replied.	- Не тучи же! - возразил он.
A shadow crossed the little clearing. The mole had swum out on to the soft yellow earth.	По песку у источника мелькнула тень: крот вылез наружу и заторопился куда-то.
'Unpleasant little beast, we ought to kill him,'	- Какая мерзкая тварь, надо бы его убить, - проговорил

said Clifford.	Клиффорд.
'Look! he's like a parson in a pulpit,' she said.	- Да ты глянь на него, вылитый пастор за кафедрой!
She gathered some sprigs of woodruff and brought them to him.	Конни сорвала цветок лесного чая и протянула Клиффорду.
'New-mown hay!' he said. 'Doesn't it smell like the romantic ladies of the last century, who had their heads screwed on the right way after all!'	- Аромат свежего сена! Такими духами душились в прошлом веке особы романтического склада. Надо, однако, отдать им должное, головы у них при этом работали отлично.
She was looking at the white clouds.	Конни опять посмотрела на небо.
'I wonder if it will rain,' she said.	- Боюсь, будет дождь, - сказала она.
'Rain!'	- Дождь?

Why! Do you want it to?'	С чего бы это? Тебе хочется, чтобы пошел дождь?
They started on the return journey, Clifford jolting cautiously downhill.	Двинулись в обратный путь. Клиффорд ехал вниз осторожно.
They came to the dark bottom of the hollow, turned to the right, and after a hundred yards swerved up the foot of the long slope, where bluebells stood in the light.	Спустились в затененную ложину, повернули вправо и шагов через сто оказались у подножья длинного склона, залитого синевой колокольчиков.
'Now, old girl!' said Clifford, putting the chair to it.	- Ну, старина, вперед! - сказал Клиффорд, свернув на уходящую вверх тропу.
It was a steep and jolty climb.	Подъем был крутой и ухабистый.
The chair pugged slowly, in a struggling unwilling fashion.	Кресло ехало вперед неохотно, с трудом.
Still, she nosed her way up unevenly, till she came to where the hyacinths were all around her, then she balked, struggled, jerked a little way out of the flowers, then stopped	Но все-таки ехало - то быстрее, то со скоростью черепахи; когда добрались до лужайки гиацинтов, кресло чихнуло, дернулось, еще немного протасилось, оставив позади гиацинты, и встало.
'We'd better sound the horn and see if the keeper will come,' said Connie. He could push her a bit.	- Погуди, может, егерь услышит, - предложила Конни, - и подтолкнет тебя.
For that matter, I will push. It helps.'	Впрочем, это я и сама могу.
'We'll let her breathe,' said Clifford. 'Do you mind putting a scotch under the wheel?'	- Пусть оно лучше передохнет, - предложил Клиффорд. - Подложи, пожалуйста, под колесо камень.
Connie found a stone, and they waited.	Конни нашла камень, и стали ждать.
After a while Clifford started his motor again, then set the chair in motion.	Спустя немного, Клиффорд опять включил мотор.
It struggled and faltered like a sick thing, with curious noises.	Кресло вздрагивало, дергалось, как паралитик, издавая непонятные звуки.
'Let me push!' said Connie, coming up behind.	- Давай я толкну, - предложила Конни, встав сзади кресла.
'No! Don't push!' he said angrily. 'What's the good of the damned thing, if it has to be pushed!'	- Ни в коем случае, - запретил Клиффорд. - Его изобрели не затем, чтобы толкать.
Put the stone under!'	Подвинь опять камень.
There was another pause, then another start; but more ineffectual than before.	И снова молчание, снова попытка сдвинуться с места, еще более неудачная.
'You must let me push,' said she. 'Or sound the horn for the keeper.'	- Не упрямясь, позволь мне толкнуть, - настаивала Конни, - или посигналь, чтобы пришел егерь.
'Wait!'	- Подожди!
She waited; and he had another try, doing more harm than good.	Конни ничего не оставалось, как ждать. Клиффорд еще раз попытался тронуться с места и только совсем испортил дело.

'Sound the horn then, if you won't let me push,' she said. Hell!	- Если не хочешь, чтобы я толкала, посигналь егерю, - сказала Конни. - Дьявол!
Be quiet a moment!'	Можешь ты помолчать хоть секунду!
She was quiet a moment: he made shattering efforts with the little motor.	Конни замолчала. Клиффорд нещадно терзал слабосильный моторчик кресла.
'You'll only break the thing down altogether, Clifford,' she remonstrated; 'besides wasting	- Ты в конце концов его доконаешь, - не выдержала

your nervous energy.'	Конни. - Пожалей хоть свои нервы.
If I could only get out and look at the damned thing!' he said, exasperated.	- Если бы я мог сойти с этого проклятого кресла и взглянуть, что там такое, - в отчаянии проговорил он.
And he sounded the horn stridently. 'Perhaps Mellors can see what's wrong.'	И нажал на клаксон. - Может, Меллорс скажет, что случилось.
They waited, among the mashed flowers under a sky softly curdling with cloud.	Они ждали среди раздавленных гиацинтов, Конни взглянула на небо: облака приметно сгущались.
In the silence a wood-pigeon began to coo roo-hoo hoo! roo-hoo hoo! Clifford shut her up with a blast on the horn.	Громко заворковал голубь: его заглушил резкий сигнал клаксона.
The keeper appeared directly, striding inquiringly round the corner. He saluted.	Тут же из-за поворота появился Меллорс. И вопросительно взглянув на хозяина, откозырял.
'Do you know anything about motors?' asked Clifford sharply.	- Вы что-нибудь понимаете в моторах? - спросил Клиффорд.
I am afraid I don't.	- Боюсь, что нет.
Has she gone wrong?'	Что-нибудь сломалось?
'Apparently!' snapped Clifford.	- Наверное, - коротко бросил Клиффорд.
The man crouched solicitously by the wheel, and peered at the little engine.	Егерь наклонился к колесу и осмотрел маленький моторчик.
I'm afraid I know nothing at all about these mechanical things, Sir Clifford,' he said calmly. 'If she has enough petrol and oil—'	- Боюсь, я ничего не смыслю в механизмах, сэр Клиффорд, - произнес он спокойно. - Бензин есть, масло есть...
'Just look carefully and see if you can see anything broken,' snapped Clifford.	- Тогда посмотрите еще раз, нет ли какой-нибудь поломки.
The man laid his gun against a tree, took oil his coat, and threw it beside it.	Егерь поставил ружье к дереву, снял куртку, бросил рядом с ружьем.
The brown dog sat guard.	Рыжеватая собака села подле караулить.
Then he sat down on his heels and peered under the chair, poking with his finger at the greasy little engine, and resenting the grease-marks on his clean Sunday shirt.	Затем он присел на корточки, заглянул под кресло и поковырял пальцем в замасленном моторчике, заметив с раздражением, что вымазал в масле чистейшую рубашку, которую носил по воскресеньям.
'Doesn't seem anything broken,' he said.	- На первый взгляд все в порядке, - сказал он.
And he stood up, pushing back his hat from his forehead, rubbing his brow and apparently studying.	Встал, передвинул шляпу на затылок и потер лоб, по-видимому, соображая, что могло приключиться с этой механической штуковиной.

Have you looked at the rods underneath?' asked Clifford. 'See if they are all right!'	- Вы не заметили, рама цела? Посмотрите, все ли с ней в порядке?
The man lay flat on his stomach on the floor, his neck pressed back, wriggling under the engine and poking with his finger.	Егерь лег на живот головой под кресло и, неудобно изогнувшись, стал ковырять что-то пальцем.
Connie thought what a pathetic sort of thing a man was, feeble and small-looking, when he was lying on his belly on the big earth.	Как жалок лежащий на животе мужчина, подумала Конни. Такой слабый, тонкий посреди бескрайней земли.
'Seems all right as far as I can see,' came his muffled voice.	- Все в порядке, насколько я могу судить, - чуть сдавленно проговорил он.
'I don't suppose you can do anything,' said Clifford.	- Вы, я вижу, помочь не можете, - подытожил сэр Клиффорд.
'Seems as if I can't!'	- Думаю, что нет, - сказал егерь.
And he scrambled up and sat on his heels, collier fashion. 'There's certainly nothing obviously broken.'	Он выбрался из-под кресла, сел на корточки - характерная поза шахтера - и прибавил: - Во всяком случае, снаружи никаких поломок не видно.
Clifford started his engine, then put her in gear.	Клиффорд завел мотор, включил передачу.
She would not move.	Кресло ни с места.
'Run her a bit hard, like,' suggested the keeper.	- Прибавьте еще газу, - посоветовал егерь.
Clifford resented the interference: but he made his engine buzz like a blue-bottle.	Клиффорд как будто не слышал, но газ прибавил, и кресло загудело, как навозная муха.
Then she coughed and snarled and seemed to go better.	Моторчик чихнул, фыркнул, проявляя признаки жизни.
'Sounds as if she'd come clear,' said Mellors.	- Кажется, поедет, - заметил Меллорс.

But Clifford had already jerked her into gear.	Клиффорд включил первую скорость.
She gave a sick lurch and ebbed weakly forwards.	Кресло лихорадочно дернулось и медленно, скрипя, поехало.
'If I give her a push, she'll do it,' said the keeper, going behind.	- Я буду толкать сзади, - предложил Меллорс. -И эта штука возьмет подъем.
'Keep off!' snapped Clifford. 'She'll do it by herself.'	- Не смейте! - прикрикнул Клиффорд. - Машина сама справится.
'But Clifford!' put in Connie from the bank, 'you know it's too much for her.'	- Но, Клиффорд, - вмешалась сидевшая на скамейке Конни. - Ты и сам знаешь: для нее этот подъем слишком крут.
Why are you so obstinate!'	Почему ты упрямисься?
Clifford was pale with anger.	Клиффорд побелел от ярости.
He jabbed at his levers.	Изо всех сил дернул рукоятку.
The chair gave a sort of scurry, reeled on a few more yards, and came to her end amid a particularly promising patch of bluebells.	Кресло пустилось было рысцей, метра два-три проехало и встало посреди полянки колокольчиков, сияющих какой-то особенной голубизной.

'She's done!' said the keeper. 'Not power enough.'	- На этот раз село, кажется, прочно, - сказал егерь. - Не хватает мощности.
'She's been up here before,' said Clifford coldly.	- Мы берем этот подъем не первый раз, - холодно возразил Клиффорд.
'She won't do it this time,' said the keeper.	- В этот раз не взять.
Clifford did not reply.	Клиффорд не ответил.
He began doing things with his engine, running her fast and slow as if to get some sort of tune out of her.	И начал дергать и нажимать что попало: включил газ, убавил, прибавил, точно настраивал мотор на определенную волну.
The wood re-echoed with weird noises. Then he put her in gear with a jerk, having jerked off his brake.	Затем вдруг рывком включил первую скорость. И лес огласился душераздирающим скрежетом.
'You'll rip her inside out,' murmured the keeper.	- Смотрите не поломайте, - тихо проговорил егерь.
The chair charged in a sick lurch sideways at the ditch.	Кресло судорожно дернулось и свернуло в канаву.
'Clifford!' cried Connie, rushing forward.	- Клиффорд! - крикнула, подбегая, Конни.
But the keeper had got the chair by the rail.	Но Меллорс успел схватить кресло за поручень.
Clifford, however, putting on all his pressure, managed to steer into the riding, and with a strange noise the chair was fighting the hill.	Клиффорд налег на рычаги всем телом, сумел вырулить на тропу, и кресло, фыркая и треща, опять двинулось вверх.
Mellors pushed steadily behind, and up she went, as if to retrieve herself.	Меллорс толкал его сзади, и кресло хоть и медленно, но ползло, точно хотело спасти свою честь.
'You see, she's doing it!' said Clifford, victorious, glancing over his shoulder.	- Видите, движемся, - торжествующе проговорил Клиффорд, обернувшись.
There he saw the keeper's face.	И вдруг увидел за спиной лицо егеря.
'Are you pushing her?'	- Вы толкаете кресло?
'She won't do it without.'	- Оно бы иначе не шло.
Leave her alone.	- Отпустите сейчас же!
I asked you not.	Я ведь просил не помогать.
'She won't do it.'	- Оно не поедет!
'Let her try!' snarled Clifford, with all his emphasis.	- Посмотрим! - чуть не сорвав голос, рявкнул Клиффорд.
The keeper stood back: then turned to fetch his coat and gun.	Егерь отпустил поручень, повернулся и пошел вниз за ружьем и курткой.
The chair seemed to strange immediately. She stood inert.	Мотор в тот же миг заглох, и кресло остановилось как вкопанное.
Clifford, seated a prisoner, was white with vexation.	Клиффорд, раб своего изобретения, чуть не скрипел зубами от бессилия.
He jerked at the levers with his hand, his feet were no good.	Он двигал рычаги рукой - ноги-то бездействовали.

He got queer noises out of her. In savage	Крутил туда-сюда маленькие рукоятки, отчего мотор
---	---

impatience he moved little handles and got more noises out of her.	прямо-таки орал дурным голосом.
But she would not budge.	Но кресло не двигалось.
No, she would not budge.	Не двигалось, и все тут.
He stopped the engine and sat rigid with anger.	Наконец Клиффорд выключил мотор и застыл без движения, не зная, на ком сорвать гнев.
Constance sat on the bank and looked at the wretched and trampled bluebells. 'Nothing quite so lovely as an English spring.' 'I can do my share of ruling.' 'What we need to take up now is whips, not swords.' 'The ruling classes!'	Констанция сидела в сторонке и с жалостью глядела на порушенные, растоптанные колокольчики: "Нет ничего прекрасней английской весны". "Да, я могу управлять народом". "И нужны нам сейчас не мечи, а розги". "Правящий класс!"
The keeper strode up with his coat and gun, Flossie cautiously at his heels.	Егерь шел вверх, держа в руке ружье и перекинув через плечо куртку, верная Флосси трусила по пятам.
Clifford asked the man to do something or other to the engine.	Клиффорд опять попросил хоть что-нибудь сделать с мотором.
Connie, who understood nothing at all of the technicalities of motors, and who had had experience of breakdowns, sat patiently on the bank as if she were a cipher.	Конни, ничего не смыслившая в моторах, скоростях, передачах, но бывшая неоднократно свидетельницей подобных срывов, сидела на скамейке молча, как бессловесная кукла.
The keeper lay on his stomach again. The ruling classes and the serving classes!	Егерь вернулся, опять лег на живот: правящий класс и его обслуга!
He got to his feet and said patiently: 'Try her again, then.'	- Ну-ка, попробуйте еще раз! - сказал он, вставая на ноги.
He spoke in a quiet voice, almost as if to a child.	Он говорил спокойно, как говорят с детьми.
Clifford tried her, and Mellors stepped quickly behind and began to push.	Клиффорд попробовал, Меллорс быстро пристроился сзади и начал опять толкать.
She was going, the engine doing about half the work, the man the rest.	Кресло пошло за счет сложения двух сил - механической и мускульной.
Clifford glanced round, yellow with anger.	Клиффорд обернулся, позеленев от злости.
'Will you get off there!'	- Да говорят же вам, уберите руки.
The keeper dropped his hold at once, and Clifford added: 'How shall I know what she is doing!'	Егерь тотчас отпустил кресло, и Клиффорд, как бы принося извинения, прибавил: - Я должен знать, на что эта машина способна.
The man put his gun down and began to pull on his coat. He'd done.	Положив на землю ружье, егерь стал натягивать куртку - умыл руки.
The chair began slowly to run backwards.	И кресло медленно покатилося вниз.
'Clifford, your brake!' cried Connie.	- Клиффорд! - крикнула Конни. - Тормози.
She, Mellors, and Clifford moved at once, Connie and the keeper jostling lightly. The chair stood.	Все трое - Конни, Меллорс и Клиффорд - двинулись одновременно. Конни с Меллорсом налетели друг на друга, кресло остановилось.
There was a moment of dead silence.	На мгновение воцарилась мертвая тишина.

'It's obvious I'm at everybody's mercy!' said Clifford. He was yellow with anger.	- Я, очевидно, полностью в вашей власти, - сдаваясь, проговорил Клиффорд.
No one answered.	Никто не ответил.
Mellors was slinging his gun over his shoulder, his face queer and expressionless, save for an abstracted look of patience.	Меллорс перекинул ружье на плечо, лицо у него до странности утратило всякое выражение, разве в глазах - тень вынужденной покорности.
The dog Flossie, standing on guard almost between her master's legs, moved uneasily, eyeing the chair with great suspicion and dislike, and very much perplexed between the three human beings. The tableau vivant remained set among the squashed bluebells, nobody proffering a word.	Его собака, Флосси, стоя на страже у ног хозяина, нервно пошевеливала хвостом, глядя на кресло с подозрением и неприязнью; действия этих трех существ человеческой породы были выше ее собачьего разума, tableau vivant [живая картина (фр.)] была обрамлена потоптанными, помятыми колокольчиками. Все трое молчали.
'I expect she'll have to be pushed,' said Clifford at last, with an affectation of sang froid.	- Полагаю, что придется ее толкать, - наконец высказался Клиффорд с напускным sang froid [хладнокровием (фр.)].
No answer.	Никакого ответа.
Mellors' abstracted face looked as if he had heard nothing.	На отрешенном лице Меллорса не дрогнул ни один мускул, точно он и не слышал.

Connie glanced anxiously at him.	Конни с беспокойством взглянула на него.
Clifford too glanced round.	Клиффорд тоже обернулся.
'Do you mind pushing her home, Mellors!' he said in a cool superior tone. I hope I have said nothing to offend you,' he added, in a tone of dislike.	- Вы не согласитесь, Меллорс, потолкать нас до дома? - высокомерно произнес он. - Надеюсь, я не сказал вам ничего, обидного, - прибавил с явной неприязнью.
'Nothing at all, Sir Clifford!	- Разумеется, сэр Клиффорд!
Do you want me to push that chair?'	Вы хотите, чтобы я толкал ваше кресло?
'If you please.'	- Если вас это не затруднит.
The man stepped up to it: but this time it was without effect.	Егерь подошел, взялся за поручень, толкнул. На этот раз кресло не поддавалось.
The brake was jammed.	Заело тормоза.
They poked and pulled, and the keeper took off his gun and his coat once more.	Начали дергать, нажимать, егерь опять снял ружье и куртку.
And now Clifford said never a word.	Теперь уже Клиффорд молчал.
At last the keeper heaved the back of the chair off the ground and, with an instantaneous push of his foot, tried to loosen the wheels.	Приподняв задок кресла, егерь сильным ударом ноги попытался освободить колесо. Но и это не помогло.
He failed, the chair sank.	И он опустил кресло.
Clifford was clutching the sides.	Клиффорд сидел, вцепившись в подлокотники.
The man gasped with the weight.	У егеря от тяжести перехватило дух.
Don't do it!' cried Connie to him.	- Не смейте этого делать! - воскликнула Конни.

'If you'll pull the wheel that way, so!' he said to her, showing her how.	- Пожалуйста, помогите мне, дерните колесо, -попросил он ее.
'No! You mustn't lift it!	- Ни за что! Не смейте больше поднимать кресло.
You'll strain yourself,' she said, flushed now with anger.	Вы надорветесь, - сказала она, краснея.
But he looked into her eyes and nodded.	Но он, посмотрев ей в глаза, повелительно кивнул.
And she had to go and take hold of the wheel, ready.	И она подчинилась.
He heaved and she tugged, and the chair reeled.	Егерь поднял кресло, она с силой дернула и кресло сильно качнулось.
'For God's sake!' cried Clifford in terror.	- Ради Бога, осторожнее! - испугался Клиффорд.
But it was all right, and the brake was off.	Но ничего страшного не произошло, а тормоз отпустило.
The keeper put a stone under the wheel, and went to sit on the bank, his heart beat and his face white with the effort, semi-conscious.	Егерь подложил камень под колесо и сел на скамейку передохнуть; сердце у него бешено колотилось, от лица отлила кровь, он был на грани обморока.
Connie looked at him, and almost cried with anger.	Конни поглядела на него и чуть не заплакала от возмущения.
There was a pause and a dead silence.	Опять воцарилось молчание.
She saw his hands trembling on his thighs.	Она видела, как дрожат его руки, лежащие на коленях.
'Have you hurt yourself?' she asked, going to him.	- Вам плохо? - спросила она, подходя к нему.
'No. No!' He turned away almost angrily.	- Нет, конечно! - почти сердито ответил он.
There was dead silence.	Тишина стала мертвой.
The back of Clifford's fair head did not move.	Белокурый затылок Клиффорда не двигался.
Even the dog stood motionless.	Даже Флосси стояла, точно окаменев.
The sky had clouded over.	Небо все сильнее заволакивало тучами.
At last he sighed, and blew his nose on his red handkerchief.	Наконец он вздохнул и высморкался в большой красный платок.
That pneumonia took a lot out of me,' he said.	- Никак силы не вернутся после воспаления легких, - сказал он.
No one answered.	И опять никто не отозвался.
Connie calculated the amount of strength it must have taken to heave up that chair and the bulky Clifford: too much, far too much!	Конни подумала, сколько же сил съело воспаление легких, если он надеялся без труда поднять это кресло с весьма увесистым Клиффордом.
If it hadn't killed him!	Только бы его здоровье не подорвалось совсем.
He rose, and again picked up his coat, slinging it	Егерь поднялся, взял куртку, перекинул через поручень

through the handle of the chair.	кресла.
'Are you ready, then, Sir Clifford?'	- Вы готовы, сэр Клиффорд?

'When you are!'	- Я жду вас.
He stooped and took out the scotch, then put his weight against the chair.	Он нагнулся, убрал из-под колеса камень и налег всем телом на поручень.
He was paler than Connie had ever seen him: and more absent.	Таким бледным Конни никогда не видела его. И таким отрешенным.
Clifford was a heavy man: and the hill was steep.	Клиффорд был довольно плотный мужчина; а подъем довольно крутой.
Connie stepped to the keeper's side.	Конни стала рядом с егерем.
'I'm going to push too!' she said.	- Я тоже буду толкать! - сказала она.
And she began to shove with a woman's turbulent energy of anger.	И принялась толкать с силой, какую женщине придают злость и негодование.
The chair went faster.	Коляска пошла быстрее.
Clifford looked round.	Клиффорд обернулся.
'Is that necessary?' he said.	- Это так уж необходимо? - спросил он.
'Very!'	- Да!
Do you want to kill the man!	Ты что, хочешь убить человека?
If you'd let the motor work while it would—'	Если бы ты не упрямился и сразу позволил толкать...
But she did not finish. She was already panting.	Но она не окончила фразы - стала задыхаться.
She slackened off a little, for it was surprisingly hard work.	Толкать коляску оказалось не так-то легко.
'Ay! slower!' said the man at her side, with a faint smile of his eyes.	- Потихе, потихе, - проговорил идущий рядом Меллорс, чуть улыбнувшись глазами.
'Are you sure you've not hurt yourself?' she said fiercely.	- А вы уверены, что не надорвались? - спросила она: внутри у нее все клокотало от ярости.
He shook his head.	Он помотал головой.
She looked at his smallish, short, alive hand, browned by the weather.	Конни взглянула на его узкую, подвижную, загорелую руку.
It was the hand that caressed her.	Эта рука ласкала ее.
She had never even looked at it before.	Она никогда раньше не приглядывалась к его рукам.
It seemed so still, like him, with a curious inward stillness that made her want to clutch it, as if she could not reach it.	В них был тот же странный внутренний покой, который исходил от всего его существа. И ей так захотелось взять сейчас его руку и крепко сжать.
All her soul suddenly swept towards him: he was so silent, and out of reach!	Душа ее рванулась к нему: он был так молчалив, так недостижим.
And he felt his limbs revive.	А он вдруг ощутил, как ожила, напряглась в нем плоть.
Shoving with his left hand, he laid his right on her round white wrist, softly enfolding her wrist, with a caress.	Толкая коляску левой рукой, правую он опустил на ее белое, округлое запястье и стал ласкать.

And the flame of strength went down his back and his loins, reviving him.	И точно огненный язык лизнул его сверху вниз вдоль спины.
And she bent suddenly and kissed his hand.	Конни быстро нагнулась и поцеловала его руку.
Meanwhile the back of Clifford's head was held sleek and motionless, just in front of them.	И все это в присутствии холеного недвижимого затылка Клиффорда.
At the top of the hill they rested, and Connie was glad to let go.	Добравшись до верху, остановились, к радости Конни, передохнуть.
She had had fugitive dreams of friendship between these two men: one her husband, the other the father of her child.	У нее нет-нет и мелькала мысль: хорошо бы эти два мужчины стали друзьями - один ее муж, другой - отец ребенка, чего бы не поладить.
Now she saw the screaming absurdity of her dreams.	Но теперь она убедилась в полной несбыточности этой надежды.
The two males were as hostile as fire and water.	Эти мужчины были противопоказаны один другому, несовместимы, как огонь и вода.
They mutually exterminated one another.	Они готовы были стереть друг друга с лица земли.
And she realized for the first time what a queer	И Конни первый раз в жизни осознала, какое тонкое и

subtle thing hate is.	сложное чувство ненависть.
For the first time, she had consciously and definitely hated Clifford, with vivid hate: as if he ought to be obliterated from the face of the earth.	Первый раз она отчетливо поняла, что ненавидит Клиффорда, ненавидит лютой ненавистью. Она бы хотела, чтобы он просто перестал существовать.
And it was strange, how free and full of life it made her feel, to hate him and to admit it fully to herself.—'Now I've hated him, I shall never be able to go on living with him,' came the thought into her mind.	И что странно: ненавидя его, честно признаваясь себе в этом, она чувствовала освобождение и жажду жить. "Да, я ненавижу его и жить с ним не буду", - пронеслось у нее в голове.
On the level the keeper could push the chair alone.	На ровной дороге егерю было нетрудно одному толкать кресло.
Clifford made a little conversation with her, to show his complete composure: about Aunt Eva, who was at Dieppe, and about Sir Malcolm, who had written to ask would Connie drive with him in his small car, to Venice, or would she and Hilda go by train.	Чтобы продемонстрировать полнейшее душевное равновесие, Клиффорд завел разговор о семейных делах - тетушке Еве, живущей в Дьеппе, сэре Малькольме, который спрашивал в письме, как Конни поедет в Венецию: с ним в поезде или с Хильдой в ее маленьком авто.
'I'd much rather go by train,' said Connie. 'I don't like long motor drives, especially when there's dust.	- Я, конечно, предпочитаю поезд, - сказала Конни.- Не люблю длинные поездки в автомобиле, летом такая пылица.
But I shall see what Hilda wants.'	Но мне бы хотелось знать и мнение Хильды.
'She will want to drive her own car, and take you with her,' he said. 'Probably!—I must help up here. You've no idea how heavy this chair is.'	- А она, наверное, захочет ехать с тобой. - Скорее всего! Подожди, я помогу, опять начинается подъем. Знаешь, какое тяжелое кресло!
She went to the back of the chair, and plodded side by side with the keeper, shoving up the pink path.	Она опять пошла рядом с егерем, толкая кресло по усыпанной розоватым гравием тропе.

She did not care who saw.	Ее нисколько не волновало, что их могут увидеть вместе.
'Why not let me wait, and fetch Field? He is strong enough for the job,' said Clifford.	- Почему бы не оставить меня здесь и не позвать Филда? Эта работа ему по силам, - сказал Клиффорд.
'It's so near,' she panted.	- Да тут уж близко, - ответила Конни, тяжело дыша.
But both she and Mellors wiped the sweat from their faces when they came to the top.	Но преодолев подъем, опять остановились на отдых, и у нее и у Меллорса пот лил по лицу градом.
It was curious, but this bit of work together had brought them much closer than they had been before.	И странная вещь - поначалу они чувствовали холодную отчужденность, но совместное старание опять сблизило их.
'Thanks so much, Mellors,' said Clifford, when they were at the house door. 'I must get a different sort of motor, that's all.	- Большое спасибо, Меллорс, - проговорил у дверей дома Клиффорд. - Просто надо сменить мотор, вот и все.
Won't you go to the kitchen and have a meal?	Зайдите на кухню, там вас покормят.
It must be about time.'	Время обеденное.
'Thank you, Sir Clifford.	- Благодарю вас, сэр Клиффорд.
I was going to my mother for dinner today, Sunday.'	По воскресеньям я обедаю у матушки.
'As you like.'	- Ну, как знаете.
Mellors slung into his coat, looked at Connie, saluted, and was gone.	Меллорс надел куртку, бросил взгляд на Конни и козырнул.
Connie, furious, went upstairs.	Конни поднялась наверх разъяренная.
At lunch she could not contain her feeling.	За обедом она дала волю чувствам.
'Why are you so abominably inconsiderate, Clifford?' she said to him.	- Почему ты с таким пренебрежением относишься к другим людям?
'Of whom?'	- К кому, например?
'Of the keeper!	- К нашему лесничему.
If that is what you call ruling classes, I'm sorry for you.'	Если это привилегия правящего класса, мне тебя жалко.
'Why?'	- А в чем, собственно, дело?
'A man who's been ill, and isn't strong!	- Человек был тяжело болен. И все еще физически не окреп.
My word, if I were the serving classes, I'd let you	Поверь мне, будь я у тебя в услужении, ты бы

wait for service. I'd let you whistle.'	насиделся сегодня в лесу в этом идиотском кресле.
'I quite believe it.'	- Охотно верю.
'If he'd been sitting in a chair with paralysed legs, and behaved as you behaved, what would you have done for him?'	- Вообрази, это он сидит в кресле с парализованными ногами и ведет себя как ты сегодня, интересно, что бы ты сделал на его месте?

'My dear evangelist, this confusing of persons and personalities is in bad taste.'	- Моя дорогая христианочка, это смешение людей и личностей отдает дурным тоном.
'And your nasty, sterile want of common sympathy is in the worst taste imaginable.'	- А твое гнусное чистоплюйское презрение к людям отдает, отдает...
Noblesse oblige! You and your ruling class!'	Даже слов не нахожу. Ты и твой правящий класс с этим вечным noblesse oblige [положение обязывает (фр.)].
'And to what should it oblige me?'	- К чему же мое положение обязывает меня?
To have a lot of unnecessary emotions about my game-keeper?	Питать никому не нужное сострадание к моему лесничему?
I refuse.	Нет уж, увольте.
I leave it all to my evangelist.'	Уступаю это моей жене - воинствующей христианке.
'As if he weren't a man as much as you are, my word!'	- Господи, он ведь такой же человек, как и ты.
'My game-keeper to boot, and I pay him two pounds a week and give him a house.'	- Мой лесничий мне служит, я плачу ему два фунта в неделю и даю кров. Что еще надо?
Pay him!	- Плачу!
What do you think you pay for, with two pounds a week and a house?'	За что ты ему платишь эти два фунта плюс кров?
'His services.'	- За его службу.
Bah!	- Служба!
I would tell you to keep your two pounds a week and your house.'	Я бы на его месте сказала тебе, не нужны мне ни ваши фунты, ни ваш кров.
'Probably he would like to: but can't afford the luxury!'	- Вероятно, и он бы не прочь это сказать. Да не может позволить себе такой роскоши.
'You, and rule!' she said. 'You don't rule, don't flatter yourself.'	- И это значит управлять людьми! Нет, тебе это не дано, не обольщайся!
You have only got more than your share of the money, and make people work for you for two pounds a week, or threaten them with starvation.	Просто слепая судьба послала тебе больше денег, чем другим. Вот ты и нанимаешь людей работать на себя за два фунта в неделю пол угрозой голодной смерти.
Rule! What do you give forth of rule?	И это называется управление. Никому от тебя никакой пользы.
Why, you re dried up!	Ты - бесчувственный сухарь.
You only bully with your money, like any Jew or any Schieber!'	Носишься со своими деньгами, как обыкновенный жид.
'You are very elegant in your speech, Lady Chatterley!'	- Очень элегантно изволите выражаться, леди Чаттерли.
'I assure you, you were very elegant altogether out there in the wood. I was utterly ashamed of you.'	- У веряю тебя, ты был не менее элегантен сегодня в лесу. Мне стыдно, безумно стыдно за тебя.
Why, my father is ten times the human being you are: you gentleman!'	Мой отец во сто раз человечнее тебя, прирожденного аристократа.

He reached and rang the bell for Mrs Bolton.	Он потянулся к звонку пригласить миссис Болтон.
But he was yellow at the gills.	Вид у него был явно обиженный.
She went up to her room, furious, saying to herself: 'Him and buying people!'	Конни пошла наверх, шепча про себя в ярости: "Покупать людей!"
Well, he doesn't buy me, and therefore there's no need for me to stay with him.	Дудки, меня-то он не купил. И я не обязана жить с ним под одной крышей.
Dead fish of a gentleman, with his celluloid soul!	Дохлый джентльменишко с гуттаперчевой душой.
And how they take one in, with their manners and their mock wistfulness and gentleness.	А как они умеют пускать пыль в глаза своими манерами, ученостью, благородством.
They've got about as much feeling as celluloid	

has.'	На самом-то деле душа у них пустая, как мыльный пузырь!"
She made her plans for the night, and determined to get Clifford off her mind.	Наверху ее мысли переключились на более приятный предмет - как уйти вечером из дому, чтобы никто не заметил. И постепенно злость ее на Клиффорда прошла.
She didn't want to hate him.	Глупо тратить на него нервы, глупо ненавидеть его.
She didn't want to be mixed up very intimately with him in any sort of feeling.	Самое разумное - не питать к нему никаких чувств.
She wanted him not to know anything at all about herself: and especially, not to know anything about her feeling for the keeper.	И, конечно, не посвящать его в их с Меллорсом любовь.
This squabble of her attitude to the servants was an old one.	Сегодняшняя ссора имела долгую историю.
He found her too familiar, she found him stupidly insentient, tough and indiarubbery where other people were concerned.	Он всегда корил ее тем, что она слишком фамильярна со слугами, она же считала его высокомерное отношение к простым людям глупым, черствым и бессмысленным.
She went downstairs calmly, with her old demure bearing, at dinner-time.	И Конни сошла вниз в своем обычном, покойном и серьезном, настроении.
He was still yellow at the gills: in for one of his liver bouts, when he was really very queer. —He was reading a French book.	У Клиффорда же не на шутку разыгралась желчь. И чтобы успокоиться, он взялся за чтение. Конни заметила, что в руках у него французская книга.
'Have you ever read Proust?' he asked her.	- Ты читала Пруста? - спросил Клиффорд, подымая глаза от страницы.
'I've tried, but he bores me.'	- Пыталась, но он навевает на меня сон.
'He's really very extraordinary.'	- И все-таки это замечательный писатель.
'Possibly! But he bores me: all that sophistication! He doesn't have feelings, he only has streams of words about feelings.'	- Возможно, но скучен невероятно. Сплошное умствование; никаких эмоций. Только поток слов, описывающих эмоции.
'I'm tired of self-important mentalities.'	Я так устала от этих самодовлеющих умников.
'Would you prefer self-important animalities?'	- Ты предпочитаешь самодовлеющих дураков?

'Perhaps!	- Не знаю.
But one might possibly get something that wasn't self-important.'	Но ведь в жизни имеется, наверное, что-то среднее.
'Well, I like Proust's subtlety and his well-bred anarchy.'	- Может, и имеется. А я люблю Пруста за его утонченный, с хорошими манерами анархизм.
'It makes you very dead, really.'	- Что и превращает тебя в мумию.
'There speaks my evangelical little wife.'	- Слова, достойные доброй христианки.
They were at it again, at it again!	Опять ссора!
But she couldn't help fighting him.	Она просто не может не вступить с ним в пререкания.
He seemed to sit there like a skeleton, sending out a skeleton's cold grizzly will against her.	Вот он сидит перед ней, полуживой мертвец, и хочет подчинить ее своей воле.
Almost she could feel the skeleton clutching her and pressing her to its cage of ribs.	Она почти физически ощутила ледяные объятия скелета, прижимающего ее к своим ребрам.
He too was really up in arms: and she was a little afraid of him.	Но если говорить честно, он всегда с ней во всеоружии, и она его немного побаивается.
She went upstairs as soon as possible, and went to bed quite early.	При первой возможности Конни поднялась наверх и рано легла спать.
But at half past nine she got up, and went outside to listen.	В половине десятого она встала и вышла из спальни, прислушалась.
There was no sound.	В доме ни звука.
She slipped on a dressing-gown and went downstairs.	Накинув халат, спустилась вниз.
Clifford and Mrs Bolton were playing cards, gambling.	Клиффорд с миссис Болтон играли в карты на деньги.
They would probably go on until midnight.	Они наверное, засидятся до глубокой ночи.
Connie returned to her room, threw her pyjamas on the tossed bed, put on a thin tennis-dress and over that a woollen day-dress, put on rubber tennis-shoes, and then a light coat.	Конни вернулась к себе в комнату, бросила пижаму на смятую постель. Надела тонкую ночную сорочку, поверх - шерстяное платье, всунула ноги в легкие туфли и накинула пальто.
And she was ready. If she met anybody, she was	Она готова идти, если кто Встретится, она вышла

just going out for a few minutes.	подышать воздухом перед сном.
And in the morning, when she came in again, she would just have been for a little walk in the dew, as she fairly often did before breakfast.	Если попадется кто-нибудь утром на обратном пути, она гуляет по росе до завтрака, по обыкновению.
For the rest, the only danger was that someone should go into her room during the night.	Единственная опасность - вдруг кто-нибудь зайдет ночью к ней в спальню.
But that was most unlikely: not one chance in a hundred.	Но это вряд ли случится - один шанс из ста.
Betts had not locked up.	Беттс еще не запер двери.
He fastened up the house at ten o'clock, and unfastened it again at seven in the morning.	Он запирает дом в десять вечера, а отпирает в семь утра.

She slipped out silently and unseen.	Конни выскользнула из дому неслышно, никем не замеченная.
There was a half-moon shining, enough to make a little light in the world, not enough to show her up in her dark-grey coat.	В свете полумесяца виднелись очертания кустов, деревьев, но ее серое платье сливалось с ночными тенями.
She walked quickly across the park, not really in the thrill of the assignation, but with a certain anger and rebellion burning in her heart. It was not the right sort of heart to take to a love-meeting.	Она быстро шла по парку, занятая не предстоящим свиданием, а той бурей, что кипела в ее груди. С такой бурей на любовные свидания не ходят.
But ю la guerre comme ю la guerre!	Но а la guerre comme а la guerre! [на войне, как на войне (фр.)]
Chapter 14	14
When she got near the park-gate, she heard the click of the latch.	Не доходя до калитки, она услышала звук щеколды.
He was there, then, in the darkness of the wood, and had seen her!	Значит, он стоял там под покровом ночной тьмы, среди деревьев, и видел, как она шла.
'You are good and early,' he said out of the dark. 'Was everything all right?'	- Ты пришла рано, как обещала, - раздался из темноты голос. - Все в порядке?
'Perfectly easy.'	- Все.
He shut the gate quietly after her, and made a spot of light on the dark ground, showing the pallid flowers still standing there open in the night.	Он тихонько затворил калитку и направил луч фонарика на темную землю, высвечивая лепестки цветов, которые еще не закрыли на ночь свои чашечки.
They went on apart, in silence.	Они шли молча, поодаль друг от друга.
'Are you sure you didn't hurt yourself this morning with that chair?' she asked.	- Ты ничего не повредил себе утром, когда толкал это кресло?
'No, no!'	- Нет, конечно!
'When you had that pneumonia, what did it do to you?'	- А воспаление легких оставило какие-нибудь последствия?
'Oh nothing! it left my heart not so strong and the lungs not so elastic.	- Ничего страшного. Сердце стало пошаливать, и легкие не такие эластичные.
But it always does that.'	Но это дело обыкновенное.
'And you ought not to make violent physical efforts?'	- Значит, тебе нельзя делать тяжелой работы?
'Not often.'	- Изредка можно.
She plodded on in an angry silence.	Конни опять погрузилась в сердитое молчание.
'Did you hate Clifford?' she said at last.	- Ты ненавидишь Клиффорда? - наконец проговорила она.
Hate him, no!	- Ненавижу? Нет, конечно.
I've met too many like him to upset myself hating him.	С какой стати питать такие вредные чувства?
I know beforehand I don't care for his sort, and I let it go at that.'	Я хорошо знаю этот тип. На таких людей не надо обращать внимания.

'What is his sort?'	- А что это за тип?
'Nay, you know better than I do.	- Тебе он лучше известен, чем мне.
The sort of youngish gentleman a bit like a lady, and no balls.'	Это - молодежавый, немного женственный мужчина, начисто лишенный мужского естества.

'What balls?'	- А что это значит?
'Balls! A man's balls!'	- То и значит. Секса для них не существует.
She pondered this.	Конни задумалась.
'But is it a question of that?' she said, a little annoyed.	- По-твоему, все дело в этом? - спросила она с легким раздражением.
'You say a man's got no brain, when he's a fool: and no heart, when he's mean; and no stomach when he's a funkier.'	- Если у мужчины нет мозгов, он дурак, если нет сердца - злодей, если нет желчи - тряпка.
And when he's got none of that spunky wild bit of a man in him, you say he's got no balls.	Если же мужчина не способен взорваться, как туго закрученная пружина, мы говорим - в нем нет мужского естества.
When he's a sort of tame.'	Это не мужчина, а пай-мальчик.
She pondered this.	Конни опять задумалась.
'And is Clifford tame?' she asked.	- Выходит, Клиффорд - пай-мальчик?
'Tame, and nasty with it: like most such fellows, when you come up against 'em.'	- Да, и к тому же несносен, как-все мужчины этого типа.
'And do you think you're not tame?'	- А ты, конечно, не пай-мальчик?
'Maybe not quite!'	- Не совсем.
At length she saw in the distance a yellow light.	Наконец вдали засветился огонек.
She stood still.	Конни остановилась.
'There is a light!' she said.	- У тебя огонь? - спросила она.
'I always leave a light in the house,' he said.	- Я всегда оставляю свет, когда уйду.
She went on again at his side, but not touching him, wondering why she was going with him at all.	Дальше пошли рядом, не касаясь друг друга. Чего ради она идет к нему, не переставала спрашивать себя Конни.
He unlocked, and they went in, he bolting the door behind them.	Он открыл дверь, они вошли, и он сейчас же запер дверь на задвижку.
As if it were a prison, she thought!	"Как в тюрьме", - мелькнуло в голове у Конни.
The kettle was singing by the red fire, there were cups on the table.	Чайник на огне выводил свою песню, стол был уже накрыт.
She sat in the wooden arm-chair by the fire. It was warm after the chill outside.	Она села в жесткое кресло у очага, наслаждаясь теплом после ночной прохлады.
'I'll take off my shoes, they are wet,' she said. She sat with her stockinged feet on the bright steel fender.	- Я сниму туфли, они насквозь мокрые, - сказала она и поставила ноги в чулках на решетку, начищенную до блеска.
He went to the pantry, bringing food: bread and butter and pressed tongue.	Меллорс принес из кладовки хлеб; масло и копченые языки.

She was warm: she took off her coat. He hung it on the door.	Конни скоро согрелась, сняла пальто, он повесил его на дверь.
' Shall you have cocoa or tea or coffee to drink?' he asked.	- Что будешь пить: какао, кофе или чай? - спросил он.
'I don't think I want anything,' she said, looking at the table. 'But you eat.'	- Ничего не буду, - ответила она, взглянув на чашки, стоявшие на столе. - А ты что-нибудь съешь.
'Nay, I don't care about it. I'll just feed the dog.'	- Я тоже не хочу. Вот собаку пора кормить.
He tramped with a quiet inevitability over the brick floor, putting food for the dog in a brown bowl. The spaniel looked up at him anxiously.	Он без смущения затопал по кирпичному полу и положил в миску еды. Собака тревожно взглянула на него и отвернулась.
'Ay, this is thy supper, tha nedna look as if tha wouldna get it!' he said.	- Что морду воротишь? Это твоя еда. Ни с чем, матушка, права будешь, съешь.
He set the bowl on the stairfoot mat, and sat himself on a chair by the wall, to take off his leggings and boots.	Он поставил миску на коврик у лестницы, а сам сел на стул, стоявший у стенки, и стал снимать гетры с ботинками.
The dog instead of eating, came to him again, and sat looking up at him, troubled.	Но собака не стала есть, подошла к нему, села и, задрав морду, жалобно уставилась на него.
He slowly unbuckled his leggings.	Он медленно расстегивал пряжки на гетрах.
The dog edged a little nearer.	Собака еще ближе подвинулась к нему.
'What's amiss wi' thee then? Art upset because there's somebody else here? Tha'rt a female, tha art! Go an' eat thy supper.'	- Что с тобой? Ты нервничаешь, потому что в доме чужой? Но это просто женщина. Так что иди и трескай, что дали.

He put his hand on her head, and the bitch leaned her head sideways against him.	Он погладил собаку по голове, и она потерлась мордой о его колено.
He slowly, softly pulled the long silky ear. 'There!' he said. 'There! Go an' eat thy supper! Go!'	Он медленно, мягко подергал длинное шелковистое ухо. - Иди! - приказал он. - Иди и ешь свой ужин. Иди!
He tilted his chair towards the pot on the mat, and the dog meekly went, and fell to eating.	Он придвинул стул, на котором сидел, к коврику, где стояла миска; собака не спеша подошла к ней и стала есть.
'Do you like dogs?' Connie asked him.	- Ты любишь собак? - спросила Конни.
'No, not really.	- Не сказал бы.
They're too tame and clinging.'	Слишком они ручные, слишком привязчивы.
He had taken off his leggings and was unlacing his heavy boots.	Наконец он стянул гетры и стал расшнуровывать тяжелые ботинки.
Connie had turned from the fire.	Конни отвернулась от огня.
How bare the little room was!	Как убого обставлена комната!
Yet over his head on the wall hung a hideous enlarged photograph of a young married couple, apparently him and a bold-faced young woman, no doubt his wife.	И только одно украшение - увеличенная фотография молодой четы на стене; по-видимому, он с женой, лицо у молодой-женщины вздорное и самоуверенное.
'Is that you?' Connie asked him.	- Это ты? - спросила Конни.

He twisted and looked at the enlargement above his head.	Он повернулся чуть не на девяносто градусов и взглянул на фотографию, висевшую у него над головой.
'Ay! Taken just afore we was married, when I was twenty-one.'	- Да! Это мы перед свадьбой. Мне здесь двадцать один год.
He looked at it impassively.	Он смотрел на фотографию пустыми глазами.
Do you like it?' Connie asked him.	- Тебе она нравится? - спросила Конни.
'Like it? No! I never liked the thing.	- Нравится? Конечно нет! Мне она никогда не нравилась.
But she fixed it all up to have it done, like.'	Жена настояла, чтобы мы сфотографировались вот так, вместе.
He returned to pulling off his boots.	И он принялся опять за свои ботинки.
'If you don't like it, why do you keep it hanging there? Perhaps your wife would like to have it,' she said.	- Если она тебе не нравится, зачем ты ее здесь держишь? Отдал бы жене.
He looked up at her with a sudden grin. ' She carted off iverything as was worth taking from th' ouse,' he said. 'But she left that!'	- Она взяла из дома все, что хотела, - сказал он, неожиданно улыбнувшись. - А это оставила.
'Then why do you keep it? for sentimental reasons?'	- Тогда почему ты ее не снимаешь? Как воспоминание?
'Nay, I niver look at it.	- Нет. Я никогда на нее не гляжу.
I hardly knowed it wor theer.	Я даже забыл, что она здесь висит.
It's bin theer sin' we come to this place.'	Она здесь с первого дня, как мы сюда въехали.
'Why don't you burn it?' she said.	- А почему бы ее не сжечь?
He twisted round again and looked at the enlarged photograph.	Он опять повернулся и взглянул на фотографию.
It was framed in a brown-and-gilt frame, hideous.	Она была в чудовищной коричневой с золотом рамке.
It showed a clean-shaven, alert, very young-looking man in a rather high collar, and a somewhat plump, bold young woman with hair fluffed out and crimped, and wearing a dark satin blouse.	С нее смотрел гладко выбритый, напряженный, очень молодой парень в довольно высоком воротнике, а рядом - пухлая, с задиристым лицом девушка, с взбитыми завитыми волосами, в темной атласной блузке.
'It wouldn't be a bad idea, would it?' he said.	- Неплохая мысль, - сказал он.
He had pulled off his boots, and put on a pair of slippers. He stood up on the chair, and lifted down the photograph.	Ставив, наконец, ботинки, он надел шлепанцы, затем встал на стул и снял фотографию.
It left a big pale place on the greenish wall-paper.	Под ней на бледно-зеленых обоях осталось более яркое пятно.
'No use dusting it now,' he said, setting the thing	- Пыль можно не вытирать, - сказал он, поставив

against the wall.	фотографию к стене.
He went to the scullery, and returned with hammer and pincers.	Принес из моечной молоток с клещами.

Sitting where he had sat before, he started to tear off the back-paper from the big frame, and to pull out the sprigs that held the backboard in position, working with the immediate quiet absorption that was characteristic of him.	И, сев на тот же стул, принялся отдира́ть бумагу с другой стороны рамки, вынул гвоздики, удерживающие заднюю планку; работал он аккуратно, со спокойной сосредоточенностью, так характерной для него.
He soon had the nails out: then he pulled out the backboards, then the enlargement itself, in its solid white mount.	И наконец-то, сняв планку, извлек самое фотогра́фию.
He looked at the photograph with amusement. 'Shows me for what I was, a young curate, and her for what she was, a bully,' he said. 'The prig and the bully!'	- Вот каким я тогда был, - проговорил он, вглядываясь с изумлением в забытый снимок. - Молодой пастор-тихоня и бой-баба.
'Let me look!' said Connie.	- Дай, я посмотрю.
He did look indeed very clean-shaven and very clean altogether, one of the clean young men of twenty years ago.	На фотографии он был весь чистенький, гладко выбритый, опрятный. Один из тех чистеньких молодых людей, каких было много лет двадцать назад.
But even in the photograph his eyes were alert and dauntless.	Но и тогда, свидетельствовала фотография, глаза у него смотрели живо и бесстрашно.
And the woman was not altogether a bully, though her jowl was heavy. There was a touch of appeal in her.	А женщина была не просто "бой-баба"; несмотря на тяжелый подбородок, в ней была своя женская привлекательность.
'One never should keep these things,' said Connie. That one shouldn't! One should never have them made!'	- Такие вещи нельзя хранить, - сказала Конни. - Так вообще сниматься нельзя.
He broke the cardboard photograph and mount over his knee, and when it was small enough, put it on the fire.	Поломав о колено паспарту вместе с фотографией на мелкие кусочки, он аккуратно положил их на огонь, проговорив при этом:
'It'll spoil the fire though,' he said.	"Как бы не загасить".
The glass and the backboard he carefully took upstairs.	Стекло с задней планкой по-хозяйски отнес наверх.
The frame he knocked asunder with a few blows of the hammer, making the stucco fly.	Затем несколькими ударами молотка разбил раму, усеяв пол осколками гипса.
Then he took the pieces into the scullery.	Все не спеша собрал и отнес в моечную.
'We'll burn that tomorrow,' he said. 'There's too much plaster-moulding on it.'	- Завтра сожгу, - сказал он, вернувшись. - А то сейчас задохнемся.
Having cleared away, he sat down.	Наведя порядок, он опять сел.
'Did you love your wife?' she asked him. 'Love?' he said. 'Did you love Sir Clifford?'	- Ты любил жену? - спросила Конни. - Любил? А ты любила сэра Клиффорда?
But she was not going to be put off.	Но Конни не дала себя сбить.
'But you cared for her?' she insisted.	- Она тебе нравилась?
'Cared?' He grinned.	- Нравилась? - усмехнулся он.
'Perhaps you care for her now,' she said.	- Может, она тебе и сейчас нравится?

'Me!' His eyes widened. 'Ah no, I can't think of her,' he said quietly.	- И сейчас? - он посмотрел на нее, подняв брови. - Я даже подумать о ней не могу, - тихо проговорил он.
'Why?'	- Почему?
But he shook his head.	Но он только помотал головой.
'Then why don't you get a divorce? She'll come back to you one day,' said Connie.	- Тогда почему вы не разведетесь? Она ведь может в один прекрасный день вернуться.
He looked up at her sharply.	Он остро взглянул на нее.
'She wouldn't come within a mile of me. She hates me a lot worse than I hate her.'	- Она обходит меня за тысячу миль. Она ненавидит меня сильнее, чем я ее.
'You'll see she'll come back to you.'	- Вот увидишь, она еще вернется к тебе.
'That she never will. That's done! It would make me sick to see her.'	- Никогда. С этим кончено. Меня от одного ее вида с души воротит.

'You will see her. And you're not even legally separated, are you?'	- Ты еще с ней столкнешься! По закону вы муж и жена, да?
'No.'	- Да.
'Ah well, then she'll come back, and you'll have to take her in.'	- Ну вот. Значит, она вернется. И тебе придется взять ее обратно.
He gazed at Connie fixedly. Then he gave the queer toss of his head.	Он пристально поглядел на нее. Потом как-то странно тряхнул головой.
'You might be right.'	- Ты, наверное, права.
I was a fool ever to come back here.	Даже возвращаться сюда было глупо.
But I felt stranded and had to go somewhere. A man's a poor bit of a wastrel blown about.	Но тогда все ополчилось против меня. И деваться мне было некуда. Нашему брату порой лихо приходится.
But you're right. I'll get a divorce and get clear.	Да, ты права. Надо было давно развестись. Вот разведусь и буду опять свободен.
I hate those things like death, officials and courts and judges. But I've got to get through with it. I'll get a divorce.'	Но как я ненавижу все эти суды, судейских крючков. А без них развода не получить.
And she saw his jaw set.	Он стиснул зубы так, что заходили желваки.
Inwardly she exulted. 'I think I will have a cup of tea now,' she said.	А Конни слушала и радовалась в душе. - Я, пожалуй, выпью чашку чая, - сказала она.
He rose to make it. But his face was set.	Он встал заварить чай. Но лицо его не смягчилось.
As they sat at table she asked him:	Уже сидя за столом, она спросила его:
'Why did you marry her? She was commoner than yourself.'	- Почему ты на ней женился? Она совсем простолюдинка.
Mrs Bolton told me about her. She could never understand why you married her.'	Миссис Болтон рассказывала мне про нее. Она никогда не могла понять, что ты в ней нашел.
He looked at her fixedly.	Он опять пристально посмотрел на нее и сказал:

'I'll tell you,' he said. 'The first girl I had, I began with when I was sixteen.'	- Я тебе объясню. Первая любовь у меня была в шестнадцать лет.
She was a school-master's daughter over at Ollerton, pretty, beautiful really.	Она была дочкой учителя из Оллертона, очень хорошенькая, даже красивая.
I was supposed to be a clever sort of young fellow from Sheffield Grammar School, with a bit of French and German, very much up aloft.	Я кончил в Шеффилде среднюю школу и был подающим надежды юношей. Знал немного немецкий, французский. И, разумеется, витал в небесах.
She was the romantic sort that hated commonness.	А эта, романтическая душа, терпеть не могла обыденности.
She egged me on to poetry and reading: in a way, she made a man of me.	Она читала мне стихи, учила любить их, любить книги, словом, старалась сделать из меня человека.
I read and I thought like a house on fire, for her.	Я читал, размышлял с большим рвением, и все благодаря ей.
And I was a clerk in Butterley offices, thin, white-faced fellow fuming with all the things I read.	Я тогда служил клерком в одной из контор Баттерли. Худой, бледный юноша, в голове которого постоянно бродил хмель прочитанного.
And about everything I talked to her: but everything. We talked ourselves into Persepolis and Timbuctoo.	О чем только мы с ней не говорили. В какие дебри не забирались. Только и слышалось -Персеполь, Тимбукту.
We were the most literary-cultured couple in ten counties.	Другую такую литературную пару не сыскать было во всех десяти графствах.
I held forth with rapture to her, positively with rapture. I simply went up in smoke.	Я боготворил ее, курил ей фимиам.
And she adored me.	И она обожала меня.
The serpent in the grass was sex. She somehow didn't have any; at least, not where it's supposed to be.	Но был у нас и камень преткновения - как ты можешь догадаться, это был секс. Вернее, секса совсем не было.
I got thinner and crazier.	Я тощал все сильнее и все сильнее кипятился.
Then I said we'd got to be lovers. I talked her into it, as usual. So she let me.	Наконец, я сказал, что мы должны стать любовниками. И я ее, по обыкновению, уговорил. Мы стали любовниками.

I was excited, and she never wanted it. She just didn't want it.	Я был на седьмом небе, а ей это было не надо. Она просто ничего не хотела.
She adored me, she loved me to talk to her and kiss her: in that way she had a passion for me.	Она обожала меня, восхищалась мной, любила разговаривать со мной, целоваться; и это все.
But the other, she just didn't want. And there are lots of women like her. And it was just the other that I did want.	Остальное ей было не нужно. И таких женщин, как она, много. А мне как раз нужно было остальное.
So there we split. I was cruel, and left her.	Начались ссоры. Я был неумолим и покинул ее.
Then I took on with another girl, a teacher, who had made a scandal by carrying on with a married man and driving him nearly out of his mind.	После этого у меня была другая женщина, учительница; о ней злословили, что она путалась с женатым мужчиной и довела его почти до безумия.

She was a soft, white-skinned, soft sort of a woman, older than me, and played the fiddle.	Это была пухлая белокожая красotka, старше меня, и к тому же недурно играла на скрипке.
And she was a demon. She loved everything about love, except the sex.	И скажу тебе, эта женщина была сам дьявол. Она любила в любви все, кроме секса.
Clinging, caressing, creeping into you in every way: but if you forced her to the sex itself, she just ground her teeth and sent out hate.	Она лънула ко мне, нежничала, осыпала всевозможными ласками, но стоило делу дойти до главного, она стискивала зубы и от нее шли волны ненависти.
I forced her to it, and she could simply numb me with hate because of it.	Я старался перебороть ее, но чувствовал, что ее ненависть буквально замораживает меня.
So I was balked again. I loathed all that.	Так что все опять кончилось плачевно. Мне было очень скверно.
I wanted a woman who wanted me, and wanted it.	Я хотел, чтобы со мной была женщина, которая любила бы меня и все остальное.
Then came Bertha Coutts. They'd lived next door to us when I was a little lad, so I knew 'em all right. And they were common.	И тут появилась Берта Куттс. Когда я был маленьким, Куттсы жили рядом с нами, так что я хорошо их знал. Люди они были совсем простые.
Well, Bertha went away to some place or other in Birmingham; she said, as a lady's companion; everybody else said, as a waitress or something in a hotel.	Ну вот. Берта выросла и уехала в Бирмингем, нашла себе какое-то место. Она утверждала, что компаньонки, но у нас шушукались, что Берта поступила служанкой или еще кем-то в номера.
Anyhow just when I was more than fed up with that other girl, when I was twenty-one, back comes Bertha, with airs and graces and smart clothes and a sort of bloom on her: a sort of sensual bloom that you'd see sometimes on a woman, or on a trolly.	Как бы то ни было, как раз в то время, когда я был по уши сыт учительницей - мне шел тогда двадцать второй год, - Берта вернулась из Бирмингема, вся расфуфыренная, жеманная и довольно-таки соблазнительная.
Well, I was in a state of murder.	А я был к этому времени на грани самоубийства.
I chucked up my job at Butterley because I thought I was a weed, clerking there: and I got on as overhead blacksmith at Tevershall: shoeing horses mostly.	Бросил свою работу в Баттерли: я считал, что своим тщедушным сложением я обязан сидячей работе клерка. Вернулся в Тивершолл и нанялся старшим кузнецом, подковывал шахтных лошадей.
It had been my dad's job, and I'd always been with him. It was a job I liked: handling horses: and it came natural to me.	Мой отец был коваль, и я часто помогал ему. Я любил эту работу, любил лошадей, и все кое-как наладилось.
So I stopped talking "fine", as they call it, talking proper English, and went back to talking broad.	Я как бы забыл правильный литературный язык. И опять заговорил языком простого народа.
I still read books, at home: but I blacksmithed and had a pony-trap of my own, and was My Lord Duckfoot.	Правда, книги я по-прежнему любил. Так я и кузнечил. У меня была своя двуколка, запряженная пони, и я был сам себе хозяин.
My dad left me three hundred pounds when he died.	Отец после смерти оставил мне триста фунтов.
So I took on with Bertha, and I was glad she was common. I wanted her to be common. I wanted to be common myself.	И я стал гулять с Бертой. Я был рад, что она из низов. Я хотел жить с простой женщиной. И сам хотел опроститься.

Well, I married her, and she wasn't bad.	Ну вот, так она и стала моей женой, и сначала все шло хорошо.
Those other "pure" women had nearly taken all the balls out of me, but she was all right that way.	Мои прежние "чистые" женщины делали все, чтобы истребить во мне "мужское естество". С Бертой же в этом отношении все было в

	порядке.
She wanted me, and made no bones about it. And I was as pleased as punch. That was what I wanted: a woman who wanted me to fuck her.	Она хотела быть со мной и не выпендривалась. Я был очень доволен. Наконец-то я получил женщину, которая хотела со мной спать.
So I fucked her like a good un.	И я с ней не помнил себя.
And I think she despised me a bit, for being so pleased about it, and bringin' her her breakfast in bed sometimes.	Мне кажется, что она немного презирала меня за это и еще за то, что иногда я даже приносил ей в постель завтрак.
She sort of let things go, didn't get me a proper dinner when I came home from work, and if I said anything, flew out at me. And I flew back, hammer and tongs.	Она-то не очень утруждала себя заботами обо мне: когда я приходил с работы, обеда не было, а если я бывал недоволен, она налетала на меня, как фурия, - я отвечал ей тем же.
She flung a cup at me and I took her by the scruff of the neck and squeezed the life out of her.	Однажды она запустила в меня чашкой, я схватил ее за шиворот и чуть не вытряхнул из нее душу.
That sort of thing!	Дальше - хуже.
But she treated me with insolence.	Скоро она перестала подпускать меня к себе. Скандалила, ругалась.
And she got so's she'd never have me when I wanted her: never. Always put me off, brutal as you like. And then when she'd put me right off, and I didn't want her, she'd come all lovey-dovey, and get me.	А как почувствует, что страсть моя улетучилась, начнет подъезжать ко мне со всякими нежностями, пока не получит свое.
And I always went.	Я никогда не мог устоять.
But when I had her, she'd never come off when I did. Never! She'd just wait.	И она никогда не кончала вместе со мной. Никогда. Выжидала.
If I kept back for half an hour, she'd keep back longer.	Если я оттягивал дело на полчаса, она тянула еще дольше.
And when I'd come and really finished, then she'd start on her own account, and I had to stop inside her till she brought herself off, wriggling and shouting, she'd clutch clutch with herself down there, an' then she'd come off, fair in ecstasy.	А когда я кончал, тут она начинала разводить пары, вопила, извивалась и буквально кусала меня своим телом, пока наконец и сама не подходила к финишу в состоянии чуть не беспамятства.
And then she'd say: That was lovely!	А потом говорила: "Ох, как хорошо!"
Gradually I got sick of it: and she got worse.	Постепенно я стал уставать от этого, а она становилась все упрямее.
She sort of got harder and harder to bring off, and she'd sort of tear at me down there, as if it was a beak tearing at me.	Конец у нее наступал все позже, и к тому же тело ее становилось все жестче, грубее; мне порой казалось, что меня терзает клювом какая-то свирепая птица.

By God, you think a woman's soft down there, like a fig.	Г осподи, считается, что женщина внутри нежная, как цветок.
But I tell you the old rampers have beaks between their legs, and they tear at you with it till you're sick.	Но поверь, у некоторых мерзавок между ногами костяной клюв, и они рвут тебя на куски, так что становится тошно.
Self! Self! Self! all self! tearing and shouting!	И думают только, как ублажить самое себя! Только себя.
They talk about men's selfishness, but I doubt if it can ever touch a woman's blind beakishness, once she's gone that way. Like an old trull!	Вот говорят о мужском эгоизме. Но поверь, мужскому эгоизму далеко до слепого женского эгоизма.
And she couldn't help it.	Берта ничего не могла с собой поделать.
I told her about it, I told her how I hated it.	Я говорил с ней об этом, объяснял, что для меня это невыносимо.
And she'd even try. She'd try to lie still and let me work the business. She'd try.	И она даже пыталась исправиться. Пыталась лежать тихо, предоставив мне самому завершить дело.
But it was no good.	Но из этого ничего не выходило.
She got no feeling off it, from my working.	Мои старания никогда не достигали цели, она ничего не чувствовала.
She had to work the thing herself, grind her own coffee.	Она должна была действовать сама, сама молоть свои кофе.
And it came back on her like a raving necessity, she had to let	С ней как бы случалось буйное

herself go, and tear, tear, tear, as if she had no sensation in her except in the top of her beak, the very outside top tip, that rubbed and tore.	помешательство, она должна была спустить всех собак и рвать мою плоть.
That's how old whores used to be, so men used to say.	Говорят, так бывает со старыми проститутками.
It was a low kind of self-will in her, a raving sort of self-will: like in a woman who drinks.	Это был эгоизм самого низкого пошиба, своеволие безумца или женщины-алкоголички.
Well in the end I couldn't stand it.	В конце концов я просто не мог больше ее выносить.
We slept apart. She herself had started it, in her bouts when she wanted to be clear of me, when she said I bossed her.	Мы стали спать врозь, она сама это предложила во время одной из вспышек ненависти. Ей все мерещилось, что я подчиняю ее себе.
She had started having a room for herself.	Вот она и решила завести себе отдельную спальню.
But the time came when I wouldn't have her coming to my room.	А скоро и я перестал пускать ее к себе.
I wouldn't. 'I hated it. And she hated me.	Я просто не мог больше выносить ее. Я ненавидел ее, а она ненавидела меня.
My God, how she hated me before that child was born!	Господи, как она ненавидела, особенно когда носила этого бедного ребенка.
I often think she conceived it out of hate. Anyhow, after the child was born I left her alone.	Я часто думаю, она и зачала-то его из ненависти ко мне. Словом, когда ребенок родился, мы с ней расстались.

And then came the war, and I joined up.	Тут началась война, меня призвали.
And I didn't come back till I knew she was with that fellow at Stacks Gate.	А вернувшись домой, я узнал, что она живет с каким-то парнем из "Отвальной".
He broke off, pale in the face.	Он замолчал, в лице его не было ни кровинки.
'And what is the man at Stacks Gate like?' asked Connie.	- А что представляет собой этот парень из "Отвальной"? - спросила Конни.
'A big baby sort of fellow, very low-mouthed. She bullies him, and they both drink.'	- Амбал, килограммов девяносто. Он все больше молчит, а она его честит на чем свет стоит. И оба пьют.
'My word, if she came back!'	- Боже мой! Что будет, если она вернется!
'My God, yes! I should just go, disappear again.'	- В самом деле. Выходит, надо бежать отсюда, исчезнуть.
There was a silence. The pasteboard in the fire had turned to grey ash.	Оба замолчали, фотография в очаге стала серым пеплом.
'So when you did get a woman who wanted you,' said Connie, 'you got a bit too much of a good thing.'	- Значит, когда ты получил, чего хотел, тебе это показалось слишком много? - заключила Конни.
'Ay! Seems so!'	- Значит, так...
Yet even then I'd rather have her than the never-never ones: the white love of my youth, and that other poison-smelling lily, and the rest.'	И все-таки, если выбирать, я бы предпочел ее фригидным разновидностям - моей первой чистой любви и второй - лилии с ядовитым ароматом, да и прочим тоже.
'What about the rest?' said Connie.	- А что собой представляют прочие?
'The rest? There is no rest.	- Прочие? А прочих не было.
Only to my experience the mass of women are like this: most of them want a man, but don't want the sex, but they put up with it, as part of the bargain.	Мой опыт говорит мне: женщины в большинстве своем любят мужчин, но не любят секс. Они вынуждены мириться с сексом как с одним из неперемennых условий любви.
The more old-fashioned sort just lie there like nothing and let you go ahead.	Предпочитают старомодный вариант: женщина лежит и не шелохнется, а ты делаешь свое дело.
They don't mind afterwards: then they like you.	В конце концов они ничего не имеют против этого, ведь они любят своего партнера.
But the actual thing itself is nothing to them, a bit distasteful. Add most men like it that way.	Но плотская любовь для них не существует, она оскорбляет их добродетель. И многие мужчины на это согласны.
I hate it.	Я же этого не выношу.
But the sly sort of women who are like that	

pretend they're not.	Женщины похитрее стараются скрыть безразличие.
They pretend they're passionate and have thrills.	Они притворяются, что умирают от страсти, что они испытывают неземное блаженство.
But it's all cockaloopy. They make it up.	Но это чистый обман. Они просто делают вид.

Then there's the ones that love everything, every kind of feeling and cuddling and going off, every kind except the natural one.	Есть и еще один сорт женщин, те любят все - объятия, поцелуи, последнее содрогание, но чувственность у них разлита по всему телу. Такие женщины предпочитают все способы любви естественному.
They always make you go off when you're not in the only place you should be, when you go off.—Then there's the hard sort, that are the devil to bring off at all, and bring themselves off, like my wife. They want to be the active party.—Then there's the sort that's just dead inside: but dead: and they know it. Then there's the sort that puts you out before you really "come", and go on writhing their loins till they bring themselves off against your thighs.	Они умеют вызвать заключительный аккорд, когда мужчина находится совсем не там, где ему в этот миг положено быть. Бывают очень тугие женщины, их дьявольски трудно довести до финиша. Иной раз они сами себя доводят, как моя жена. И еще есть женщины, у которых внутри мертво, и они знают это. Каких только женщин нет!
But they're mostly the Lesbian sort. It's astonishing how Lesbian women are, consciously or unconsciously. Seems to me they're nearly all Lesbian.'	Или вот женщины-лесбиянки. Выбрасывают мужчину перед самым концом и начинают елозить бедрами до завершения. Удивительно, как много в женщинах лесбиянского, хотя они сами этого и не сознают.
'And do you mind?' asked Connie.	- Тебя это раздражает?
I could kill them. When I'm with a woman who's really Lesbian, I fairly howl in my soul, wanting to kill her.'	- Я бы всех лесбиянок убил. Когда я с женщиной, которая в сущности лесбиянка, я вою в душе и готов убить ее.
'And what do you do?'	- И что же ты делаешь?
'Just go away as fast as I can.'	- Бегу от нее со скоростью света.
'But do you think Lesbian women any worse than homosexual men?'	- Ты полагаешь, что женщины-лесбиянки хуже, чем мужчины-педерасты?
I do! Because I've suffered more from them. In the abstract, I've no idea.	- Разумеется, хуже. Потому что они причиняют более сильные страдания. Впрочем, если говорить честно, не знаю, кто лучше, кто хуже.
When I get with a Lesbian woman, whether she knows she's one or not, I see red. No, no!	Но когда я имею дело с лесбиянкой, неважно, сознающей свой дефект или не сознающей, я прихожу в бешенство и не хочу больше видеть ни одной женщины.
But I wanted to have nothing to do with any woman any more. I wanted to keep to myself: keep my privacy and my decency.'	Я готов всю жизнь довольствоваться собственным обществом, только бы не ронять своего мужского достоинства.
He looked pale, and his brows were sombre.	Он сидел хмурый, бледный как полотно.
'And were you sorry when I came along?' she asked.	- И ты очень огорчился, когда появилась я?
'I was sorry and I was glad.'	- И огорчился и обрадовался.
'And what are you now?'	- И что ты чувствуешь сейчас?
'I'm sorry, from the outside: all the complications and the ugliness and recrimination that's bound to come, sooner or later.	- Меня страшат всякие осложнения: ссоры, взаимные обвинения, нелепые ситуации. Все это непременно будет.
That's when my blood sinks, and I'm low. But when my blood comes up, I'm glad. I'm even triumphant.	Кровь у меня в такие минуты холодеет, накатывает тоска. Когда же кровь играет, я чувствую, что счастлив, даже на седьмом небе.

I was really getting bitter.	Но боюсь, я уже начал становиться мизантропом. Я изверился в любви.
I thought there was no real sex left: never a woman who'd really "come" naturally with a man: except black women, and somehow, well, we're white men: and they're a bit like mud.'	Мне казалось, что нет больше на земле женщин, кроме негритянок, с которыми возможен естественный половой акт. Но мы все-таки белые люди, и негритянки для нас точно вымазаны смолой.
'And now, are you glad of me?' she asked.	- Ну, а теперь? Ты рад, что у тебя есть я?

'Yes! When I can forget the rest.	- Конечно рад. Когда забываю обо всех остальных женщинах.
When I can't forget the rest, I want to get under the table and die.'	А забыть их очень трудно. Поэтому мне хочется залезть под стол и там умереть.
'Why under the table?'	- Почему под стол?
'Why?' he laughed. 'Hide, I suppose. Baby!'	- Почему? - Он рассмеялся. - Чтобы спрятаться ото всех, наверное. Знаешь, как делают дети.
'You do seem to have had awful experiences of women,' she said.	- Какой же у тебя тяжелый опыт отношений с женщинами!
'You see, I couldn't fool myself. That's where most men manage.	- Видишь ли, я не умею тешить себя самообманом. Многие мужчины умеют.
They take an attitude, and accept a lie. I could never fool myself.	Они согласны мириться с ложью, с любым маскарадом. Меня же самообман никогда не спасал.
I knew what I wanted with a woman, and I could never say I'd got it when I hadn't.'	Я всегда знал, чего хочу от женщины, и, если не получал этого, никогда не говорил, что получаю.
'But have you got it now?'	- А теперь ты это получаешь?
'Looks as if I might have.'	- Похоже, что да.
'Then why are you so pale and gloomy?'	- Тогда почему ты такой бледный и злой?
'Bellyful of remembering: and perhaps afraid of myself.'	- По маковку полон воспоминаниями. И, возможно, боюсь самого себя.
She sat in silence.	Конни сидела молча.
It was growing late.	Время уже близилось к полуночи.
'And do you think it's important, a man and a woman?' she asked him.	- А ты правда считаешь, что это очень важно -мужчина и женщина?
For me it is.	- Да, для меня очень.
For me it's the core of my life: if I have a right relation with a woman.'	Для меня в этом смысл жизни. В любви к женщине, в естественных с ней отношениях.
'And if you didn't get it?'	- Ну, а когда у тебя их нет, что ты делаешь?
Then I'd have to do without.'	- Обхожусь без них.
Again she pondered, before she asked: 'And do you think you've always been right with women?'	Конни опять подумала и спросила: - А ты считаешь, что сам ты всегда правильно ведешь себя с женщинами?

'God, no! I let my wife get to what she was: my fault a good deal. I spoilt her. And I'm very mistrustful. You'll have to expect it.	- Нет, конечно! В том, что случилось с моей женой, виноват я. В значительной степени виноват: это я испортил ее.
It takes a lot to make me trust anybody, inwardly. So perhaps I'm a fraud too.	И еще я очень недоверчив. Ты должна это помнить.
I mistrust. And tenderness is not to be mistaken.'	Чтобы я до конца поверил женщине - даже не знаю, что нужно. Так что, может, я и сам не стою доверия.
She looked at him.	Я просто не верю женщинам, и все. Боюсь притворства.
'You don't mistrust with your body, when your blood comes up,' she said. 'You don't mistrust then, do you?'	Конни искоса посмотрела на него.
'No, alas! That's how I've got into all the trouble. And that's why my mind mistrusts so thoroughly.'	- Но ты ведь доверяешь своему телу, своей плоти? - сказала она.
'Let your mind mistrust. What does it matter!'	- Увы, доверяю. От этого все мои беды. Именно поэтому мой ум так недоверчив.
The dog sighed with discomfort on the mat.	- Ну и пусть недоверчив. Какое это имеет значение?
The ash-clogged fire sank.	Укладываясь поудобнее на подстилке, Флосси тяжело вздохнула.
'We are a couple of battered warriors,' said Connie.	Огонь в очаге догорел, оставив тлеть подернутые золой угли.
'Are you battered too?' he laughed. 'And here we are returning to the fray!'	- Мы с тобой два израненных воина, - сказала Конни.
'Yes! I feel really frightened.'	- Ты тоже изранена? - рассмеялся он. - И вот мы опять лезем в драку.
'Ay!'	- Да! И мне по-настоящему страшно.

He got up, and put her shoes to dry, and wiped his own and set them near the fire. In the morning he would grease them.	- Еще бы!
He poked the ash of pasteboard as much as possible out of the fire. 'Even burnt, it's filthy,' he said.	Он встал, поставил ее туфли сушиться, вытер свои и подвинул их ближе к очагу, утром он смажет их жиром.
Then he brought sticks and put them on the hob for the morning.	Взял кочергу и выгреб обгоревшие остатки рамки. - Мне даже угли от этой рамки противны, - сказал он.
Then he went out awhile with the dog.	Затем принес хворосту, положил на пол к завтрашнему утру.
When he came back, Connie said: 'I want to go out too, for a minute.'	И вышел прогулять собаку. - Я бы тоже хотела выйти ненадолго, - сказала Конни, когда он вернулся.
She went alone into the darkness. There were stars overhead. She could smell flowers on the night air.	Она вышла одна в темноту. Высоко в небе горели звезды. В ночном воздухе сильно пахло цветами.

And she could feel her wet shoes getting wetter again.	Ее мокрые туфли промокли еще сильнее.
But she felt like going away, right away from him and everybody.	Но она чувствовала отъединенность от всех - и от него.
It was chilly. She shuddered, and returned to the house. He was sitting in front of the low fire.	Ночь была свежая. Она зябко поежилась и вернулась в дом.
'Ugh! Cold!' she shuddered.	- Холодно, - сказала она, дернув плечами.
He put the sticks on the fire, and fetched more, till they had a good crackling chimneyful of blaze.	Он подбросил на угли хворосту, принес еще, и в очаге, весело треща, занялось пламя.
The rippling running yellow flame made them both happy, warmed their faces and their souls.	Его желтые пляшущие языки, согрели не только их щеки, но и души.
'Never mind!' she said, taking his hand as he sat silent and remote. 'One does one's best.'	- Выбрось все из головы, - сказала Конни. Егерь сидел молча, неподвижно. Взяв в ладони его руку, она прибавила: - Постарайся.
'Ay!' He sighed, with a twist of a smile.	- У-гу, - вздохнул он, чуть скривив рот в улыбке.
She slipped over to him, and into his arms, as he sat there before the fire.	Конни тихо подошла и скользнула ему на колени, поближе к огню.
'Forget then!' she whispered. 'Forget!'	- Забудь все, - шепнула она ему. - Забудь.
He held her close, in the running warmth of the fire.	Он крепко прижал ее к себе; так они сидели молча, чувствуя наплывающее из очага тепло.
The flame itself was like a forgetting.	Лепестки пламени казались Конни цветком забвения.
And her soft, warm, ripe weight!	Легкая сладостная тяжесть ее теплого тела кружила ему голову.
Slowly his blood turned, and began to ebb back into strength and reckless vigour again.	Кровь снова начала бурлить, пробуждая безрассудные, неуправляемые силы.
'And perhaps the women really wanted to be there and love you properly, only perhaps they couldn't. Perhaps it wasn't all their fault,' she said.	- А может, эти женщины и хотели быть с тобой, любить тебя по-настоящему, да просто у них не получалось. Может, их вины-то и нет, - сказала Конни.
'I know it.	- Да, это верно. Я знаю.
Do you think I don't know what a broken-backed snake that's been trodden on I was myself!'	Я и сам был тогда как змея с перебитым хребтом.
She clung to him suddenly.	Конни вдруг крепко прижалась к нему.
She had not wanted to start all this again. Yet some perversity had made her.	Ей не хотелось начинать все сначала, но что-то все время подзуживало ее.
'But you're not now,' she said. 'You're not that now: a broken-backed snake that's been trodden on.'	- Теперь все по-другому, - проговорила она. - Ты ведь больше не чувствуешь себя как змея с перебитым хребтом?
I don't know what I am.	- Я не знаю, что чувствую.
There's black days ahead.'	Знаю только, впереди у нас черные дни.
'No!' she protested, clinging to him. 'Why? Why?'	- Нет, нет! Что ты говоришь! - запротестовала она.

'There's black days coming for us all and for everybody,' he repeated with a prophetic gloom.	- Близятся черные дни - для нас и вообще для всех, - повторил он свое мрачное пророчество.
---	--

'No! You're not to say it!'	- Ничего подобного! Как ты смеешь это говорить!
He was silent. But she could feel the black void of despair inside him.	Егерь молчал. Но она чужала в его душе черную пустоту отчаяния.
That was the death of all desire, the death of all love: this despair that was like the dark cave inside the men, in which their spirit was lost.	Оно было смертью для всех желаний, смертью для самой любви. Это отчаяние подобно бездонной воронке, которая затягивает в себя душевные силы, всего человека.
'And you talk so coldly about sex,' she said. 'You talk as if you had only wanted your own pleasure and satisfaction.'	- Ты так холодно говоришь о любви, - посетовала она. - Так, словно для тебя важно только свое удовольствие, свое удовлетворение.
She was protesting nervously against him.	Конни очень разволновалась.
'Nay!' he said. 'I wanted to have my pleasure and satisfaction of a woman, and I never got it: because I could never get my pleasure and satisfaction of her unless she got hers of me at the same time.'	- Ничего подобного, - ответил он. - Я всегда думал и о женщине. Я не получал ни удовольствия, ни удовлетворения, если женщина не получала того же вместе со мной.
And it never happened. It takes two.'	А этого ни разу не было. Для полного счастья нужно одновременное удовлетворение двоих.
'But you never believed in your women. You don't even believe really in me,' she said.	- Но ты никогда не верил своим женщинам. Ты даже мне не веришь.
'I don't know what believing in a woman means.'	- Я не знаю, что значит верить женщине.
'That's it, you see!'	- В этом твоя беда.
She still was curled on his lap.	Она все еще сидела, свернувшись калачиком у него на коленях.
But his spirit was grey and absent, he was not there for her. And everything she said drove him further.	Но настроение у него было тяжелое, отсутствующее, ее как бы здесь и не было. И все, что она говорила, лишь отталкивало его от нее.
'But what do you believe in?' she insisted.	- Но все-таки во что же ты веришь? - настаивала Конни.
'I don't know.'	- Не знаю.
'Nothing, like all the men I've ever known,' she said.	- Значит, ни во что, как и все другие мужчины - мои знакомые, - сказала Конни.
They were both silent. Then he roused himself and said:	Опять оба замолчали. Сделав над собой усилие, он все-таки решился открыть ей душу.
'Yes, I do believe in something. I believe in being warmhearted.'	- Нет, я, конечно, во что-то верю. Я верю в сердечное тепло.
I believe especially in being warm-hearted in love, in fucking with a warm heart.	Верю, что нет настоящей любви без сердечного тепла.
I believe if men could fuck with warm hearts, and the women take it warm-heartedly, everything would come all right.	Я уверен, если мужчина обладает женщиной и в душе обоих нежность, все будет хорошо.

It's all this cold-hearted fucking that is death and idiocy.'	А вот если любить с холодным сердцем - это идиотизм, это смерть.
'But you don't fuck me cold-heartedly,' she protested.	- Но ты ведь чувствуешь ко мне нежность? Ты не просто так меня любишь?
'I don't want to fuck you at all. My heart's as cold as cold potatoes just now.'	- Я не хочу больше любить. Мое сердце холоднее остывшей картошки.
'Oh!' she said, kissing him mockingly. 'Let's have them sautees.'	- Ах, ах, - поцеловала она его и шутливо прибавила: - sautees? [поджарим (фр.)]
He laughed, and sat erect. 'It's a fact!' he said. 'Anything for a bit of warm-heartedness.'	Он рассмеялся. - Я не преувеличиваю, - сказал он, выпрямившись на стуле. - Полцарства за нежность!
But the women don't like it.	А женщинам надо не это.
Even you don't really like it. You like good, sharp, piercing cold-hearted fucking, and then pretending it's all sugar.	Даже тебе - чего уж греха таить. Ты любишь острую любовную игру, но сердце у тебя остается холодным, хоть ты и делаешь вид, что на седьмом небе от счастья.
Where's your tenderness for me?	Где твоя нежность ко мне?
You're as suspicious of me as a cat is of a dog.	Ты относишься ко мне с опаской. Как кошка к собаке.
I tell you it takes two even to be tender and	Повторяю, любви нужна нежность.

warm-hearted.	
You love fucking all right: but you want it to be called something grand and mysterious, just to flatter your own self-importance.	Тебе нравится близость с мужчиной, не спорю. Но ты возводишь эту близость во что-то мистическое, сверхценное. Только затем, чтобы польстить своему тщеславию.
Your own self-importance is more to you, fifty times more, than any man, or being together with a man.'	Собственное тщеславие важнее для тебя во сто крат любого мужчины, твоей близости с ним.
'But that's what I'd say of you. Your own self-importance is everything to you.'	- Но я то же самое могу сказать о тебе. Твой эгоизм безграничен.
'Ay! Very well then!' he said, moving as if he wanted to rise. 'Let's keep apart then.'	- Да? Ты так думаешь? - сказал он, заерзав на стуле, будто хотел встать. - Давай тогда расстанемся.
I'd rather die than do any more cold-hearted fucking.'	Я скорее умру, чем буду еще раз обладать женщиной, у которой вместо сердца ледышка.
She slid away from him, and he stood up.	Она соскользнула с его колен, и он встал.
'And do you think I want it?' she said.	- А ты думаешь, мне это очень приятно?
'I hope you don't,' he replied. 'But anyhow, you go to bed an' I'll sleep down here.'	- Думаю, что нет, - ответил он. - Посему иди-ка ты спать наверх. А я буду спать здесь.
She looked at him.	Конни посмотрела на него.
He was pale, his brows were sullen, he was as distant in recoil as the cold pole. Men were all alike.	Он был не просто бледным, он был белый как снег, брови нахмурены, далекий, как северный полюс: мужчины все одинаковы.

'I can't go home till morning,' she said.	- Но я не могу вернуться домой раньше утра, - сказала она.
'No! Go to bed. It's a quarter to one.'	- И не надо. Иди наверх. Уже четверть первого.
'I certainly won't,' she said.	- Не пойду, - сказала она.
He went across and picked up his boots. Then I'll go out!' he said. He began to put on his boots.	- Тогда мне придется уйти из дома, - сказал он и начал натягивать ботинок.
She stared at him.	Конни оторопело глядела на него.
'Wait!' she faltered. 'Wait! What's come between us?'	- Подожди, - едва выговорила она. - Скажи, что с нами происходит?
He was bent over, lacing his boot, and did not reply.	Он продолжал нагнувшись зашнуровывать ботинок.
The moments passed.	Бежали секунды.
A dimness came over her, like a swoon. All her consciousness died, and she stood there wide-eyed, looking at him from the unknown, knowing nothing any more.	У Конни потемнело в глазах, она стояла как в беспамятстве, глядя на него невидящими глазами. Затянувшееся молчание становилось невыносимым.
He looked up, because of the silence, and saw her wide-eyed and lost.	Он поднял голову. Конни стояла, как потерянная, с широко открытыми глазами.
And as if a wind tossed him he got up and hobbled over to her, one shoe off and one shoe on, and took her in his arms, pressing her against his body, which somehow felt hurt right through.	И его точно ветром подхватило: он вскочил, хромая, подбежал к ней, как был, в одном ботинке, схватил на руки и крепко прижал к себе, хотя все внутри у него исходило болью.
And there he held her, and there she remained.	Он держал ее на руках, а она все смотрела на него...
Till his hands reached blindly down and felt for her, and felt under the clothing to where she was smooth and warm.	Рука его скользнула ей под платье и ощутила гладкую теплую кожу.
'Ma lass!' he murmured. 'Ma little lass! Dunna let's light! Dunna let's niver light!'	- Ласонька моя, - шептал он, - ласонька. Зачем нам ругаться?
I love thee an' th' touch on thee. Dunna argue wi' me! Dunna! Dunna! Dunna! Let's be together.'	Я люблю тебя, такую гладенькую, шелковую. Только не перечь мне больше. Мы всегда будем вместе.
She lifted her face and looked at him.	Конни подняла голову и посмотрела на него.
'Don't be upset,' she said steadily. 'It's no good being upset.'	- Не расстраивайся, - сказала она тихо. - Какой от этого толк?
Do you really want to be together with me?' She looked with wide, steady eyes into his face.	Ты правда хочешь быть со мной? - Она взглянула ему в глаза открыто и твердо.
He stopped, and went suddenly still, turning his face aside. All his body went perfectly still, but did not	Он перестал гладить ее, отвернулся. И замер, как будто окаменел.

withdraw.	
Then he lifted his head and looked into her eyes, with his odd, faintly mocking grin, saying: 'Ay-ay! Let's be together on oath.'	Потом заглянул ей в самые зрачки и, чуть насмешливо улыбнувшись, сказал: - Давай скрепим нашу любовь клятвой!

'But really?' she said, her eyes filling with tears. 'Ay really! Heart an' belly an' cock.'	- Скрепим, - ответила она, и глаза ее вдруг увлажнились. - Знаешь старинную клятву: гроб, могила, три креста, не разлюбим никогда.
He still smiled faintly down at her, with the flicker of irony in his eyes, and a touch of bitterness.	Он опять улыбнулся, в глазах у него плясали шуточные искорки, от недавнего уныния не осталось и следа.
She was silently weeping, and he lay with her and went into her there on the hearthrug, and so they gained a measure of equanimity.	Она тихо плакала, он опустил ее на коврик у очага и прямо на полу овладел ею. И сразу у обоих растопилось сердце.
And then they went quickly to bed, for it was growing chill, and they had tired each other out.	Тут же заторопились наверх в спальню: становилось прохладно, да и они изрядно помучили друг друга.
And she nestled up to him, feeling small and enfolded, and they both went to sleep at once, fast in one sleep.	Конни легла и всем телом прильнула к нему, чувствуя себя маленькой, защищенной, и оба сейчас же заснули добрым, покойным сном.
And so they lay and never moved, till the sun rose over the wood and day was beginning.	Они спали не шелохнувшись до первого луча, вспыхнувшего над лесом.
Then he woke up and looked at the light. The curtains were drawn.	Он проснулся первым, в комнате мягкий полусвет, занавески задернуты.
He listened to the loud wild calling of blackbirds and thrushes in the wood.	В лесу оголтело щебечут дрозды.
It would be a brilliant morning, about half past five, his hour for rising.	Утро обещает быть прекрасным. Пора вставать -уже половина шестого.
He had slept so fast!	Как крепко ему спалось!
It was such a new day!	Занимается новый день.
The woman was still curled asleep and tender.	Его женщина, нежная, любящая, - спит, свернувшись калачиком.
His hand moved on her, and she opened her blue wondering eyes, smiling unconsciously into his face.	Он коснулся ее рукой, и она раскрыла синие, изумленные глаза, улыбаясь еще в полусне его лицу.
'Are you awake?' she said to him.	- Ты уже встал? - спросила она.
He was looking into her eyes. He smiled, and kissed her.	Он глядел ей в глаза. Улыбался и целовал ее.
And suddenly she roused and sat up.	Вдруг она быстро поднялась и села.
'Fancy that I am here!' she said.	- Только подумать, что я у тебя, - сказала она.
She looked round the whitewashed little bedroom with its sloping ceiling and gable window where the white curtains were closed.	Оглядела чисто побеленную крошечную спальню, скошенный потолок, слуховое окно, занавешенное белыми шторами.
The room was bare save for a little yellow-painted chest of drawers, and a chair: and the smallish white bed in which she lay with him.	Комната была совсем пустая, если не считать маленького покрашенного желтым комода, стула и не очень широкой белой кровати, в которой она спала с ним эту ночь.
'Fancy that we are here!' she said, looking down at him.	- Только подумать, мы с тобой здесь вместе, -сказала она, глядя на него сверху.

He was lying watching her, stroking her breasts with his fingers, under the thin nightdress.	Он лежал, любясь ею, поглаживая ее груди сквозь тонкую ткань сорочки.
When he was warm and smoothed out, he looked young and handsome. His eyes could look so warm.	Когда он спокоен и ласков, лицо у него такое красивое, совсем мальчишеское. И глаза такие теплые.
And she was fresh and young like a flower.	А уж Конни радовала юностью и свежестью распустившегося цветка.
'I want to take this off!' she said, gathering the thin batiste nightdress and pulling it over her head.	- Я разденусь, - сказала она, схватив в горсть тонкую батистовую ткань и потянув через голову.
She sat there with bare shoulders and longish breasts faintly golden.	Она сидела в постели, обнажив удлиненные золотистые груди.

He loved to make her breasts swing softly, like bells.	Ему доставляло удовольствие покачивать их, как колокольчики.
'You must take off your pyjamas too,' she said.	- И тыними свою пижаму, - сказала она.
'Eh, nay!'	- Э-э, нет.
'Yes! Yes!' she commanded.	- Да! Да! Сними, - приказала она.
And he took off his old cotton pyjama-jacket, and pushed down the trousers.	И он снял старенькую ситцевую пижамную куртку, штаны.
Save for his hands and wrists and face and neck he was white as milk, with fine slender muscular flesh.	За исключением ладоней, запястий, лица и шеи кожа его везде была молочно-белой; сильное, мускулистое тело изящно.
To Connie he was suddenly piercingly beautiful again, as when she had seen him that afternoon washing himself.	Он опять показался ей ошеломляюще красивым, как в тот день, когда она нечаянно подглядела его умывание.
Gold of sunshine touched the closed white curtain.	Золотые лучи ударили в задернутую занавеску.
She felt it wanted to come in.	Конни подумала - солнце спешит приветствовать их.
'Oh, do let's draw the curtains! The birds are singing so! Do let the sun in,' she said.	- Отдерни, пожалуйста, шторы, - попросила она.- Слышишь, как поют птицы. Впусти скорее к нам солнышко.
He slipped out of bed with his back to her, naked and white and thin, and went to the window, stooping a little, drawing the curtains and looking out for a moment.	Он соскочил с постели, нагой, тонкий, белотелый, и пошел к окну, немного нагнулся, отдернул шторы и выглянул наружу.
The back was white and fine, the small buttocks beautiful with an exquisite, delicate manliness, the back of the neck ruddy and delicate and yet strong.	Спина была изящная, белая, маленькие ягодички красивы скупой мужской красотой, шея, тонкая и сильная, загорела до красноты.
There was an inward, not an outward strength in the delicate fine body.	В этом изящном мальчишеском теле скрыта была внутренняя сила, не нуждавшаяся во внешнем проявлении.
'But you are beautiful!' she said. 'So pure and fine! Come!' She held her arms out.	- Но ты очень красив! - сказала Конни. - Такая чистота, изящество! Иди ко мне, - протянула она к нему руки.

He was ashamed to turn to her, because of his aroused nakedness.	Он стыдился повернуться к ней.
He caught his shirt off the floor, and held it to him, coming to her.	Поднял с пола рубашку и, прикрыв наготу, пошел к ней.
'No!' she said still holding out her beautiful slim arms from her dropping breasts. 'Let me see you!'	- Нет! - потребовала Конни, все еще протягивая к нему тонкие красивые руки. - Я хочу тебя видеть!
He dropped the shirt and stood still looking towards her.	Рубашка упала на пол, он стоял спокойно, устремив на нее взгляд.
The sun through the low window sent in a beam that lit up his thighs and slim belly and the erect phallos rising darkish and hot-looking from the little cloud of vivid gold-red hair.	Солнце, ворвавшееся в низкое оконце, озарило его бедра, поджатый живот и темный, налитый горячей кровью фаллос, торчащий из облачка рыжих вьющихся волос.
She was startled and afraid.	Она испуганно содрогнулась.
'How strange!' she said slowly. 'How strange he stands there!'	- Как странно, - проговорила она медленно. - Как странно он торчит там.
So big! and so dark and cock-sure!	Такой большой! Такой темный и самоуверенный.
Is he like that?'	Значит, вот он какой.
The man looked down the front of his slender white body, and laughed.	Мужчина скользнул взглядом вдоль своего тонкого белокожего тела и засмеялся.
Between the slim breasts the hair was dark, almost black. But at the root of the belly, where the phallos rose thick and arching, it was gold-red, vivid in a little cloud.	Волосы на груди у него были темные, почти черные. В низу живота ярко рыжели.
'So proud!' she murmured, uneasy. 'And so lordly!'	- И такой гордый, - шептала она смятенно. -Такой высокомерный.
Now I know why men are so overbearing! But he's lovely, really. Like another being! A bit terrifying! But lovely really!	Неудивительно, что мужчины всегда держатся свысока! Но он красив. И независим. Немного жутко, но очень красиво!
And he comes to me!—' She caught her lower lip	И он стремится ко мне! - Конни прикусила нижнюю

between her teeth, in fear and excitement.	губу в волнении и страхе.
The man looked down in silence at the tense phallos, that did not change.—'Ay!' he said at last, in a little voice. 'Ay ma lad! tha're theer right enough.	Мужчина молча глядел на свою тяжелую неподвижную плоть. - Эй, парень, - сказал он наконец тихо. - Ты в своем праве.
Yi, tha mun rear thy head! Theer on thy own, eh? an' ta'es no count O' nob'dy! Tha ma'es nowt O' me, John Thomas. Art boss? of me? Eh well, tha're more cocky than me, an' tha says less.	Можешь задирать голову, сколько хочешь. Ты сам по себе, я сам по себе, верно, Джон Томас? Вишь, выискался господин. Больно норовист, похлеще меня, и лишнего не лалакает.
John Thomas! Dost want her? Dost want my lady Jane?	Ну что, Джон Томас? Хочешь ее? Хочешь свою леди Джейн?
Tha's dipped me in again, tha hast. Ay, an' tha comes up smilin'.—Ax 'er then! Ax lady Jane! Say: Lift up your heads, O ye gates, that the king of glory may come in.	Опять ты меня задумал угробить. И еще улыбается! Ну, скажи ей: "Отворяйте ворота, к вам едет - государь!"

Ay, th' cheek on thee! Cunt, that's what tha're after. Tell lady Jane tha wants cunt.	Ах, скромник, ах, негодник. Ласоньку он захотел. Ну, скажи леди Джейн: хочу твою ласоньку.
John Thomas, an' th' cunt O' lady Jane!—'	Джон Томас и леди Джейн - чем не пара!
'Oh, don't tease him,' said Connie, crawling on her knees on the bed towards him and putting her arms round his white slender loins, and drawing him to her so that her hanging, swinging breasts touched the tip of the stirring, erect phallos, and caught the drop of moisture. She held the man fast.	- Не дразни его, - сказала Конни, подползла к краю кровати, обняла его стройные, матовые бедра и притянула их к себе, так что груди коснулись его напрягшейся плоти, и слизнула появившуюся каплю.
'Lie down!' he said. 'Lie down! Let me come!'	- Ложись, - велел он. - Ложись и пусти меня к себе.
He was in a hurry now. And afterwards, when they had been quite still, the woman had to uncover the man again, to look at the mystery of the phallos.	Он торопился, а когда все кончилось, женщина опять обнажила мужчину - еще раз взглянуть на загадку фаллоса.
'And now he's tiny, and soft like a little bud of life!' she said, taking the soft small penis in her hand. 'Isn't he somehow lovely! so on his own, so strange! And so innocent!'	- Смотри, какой он маленький и мягкий, Маленький, нераспустившийся бутон жизни. И все равно он красив. Такой независимый, такой странный! И такой невинный.
And he comes so far into me! You must never insult him, you know.	А ведь он был так глубоко во мне. Ты не должен обижать его, ни в коем случае.
He's mine too. He's not only yours. He's mine! And so lovely and innocent!'	Он ведь и мой тоже. Не только твой. Он мой, да! Такой невинный, такой красивый, - шептала Конни.
And she held the penis soft in her hand. He laughed.	Мужчина засмеялся.
'Blest be the tie that binds our hearts in kindred love,' he said.	- Блаженны узы, связавшие сердца родством любви.
'Of course!' she said. 'Even when he's soft and little I feel my heart simply tied to him.	- Да, конечно, - кивнула Конни. - Даже когда он такой мягкий, маленький, я чувствую, что до конца жизни привязана к нему.
And how lovely your hair is here! quite, quite different!'	И такие славные у тебя тут волосы! Совсем, совсем другие.
That's John Thomas's hair, not mine!' he said. John Thomas! John Thomas!' and she quickly kissed the soft penis, that was beginning to stir again.	- Это шевелюра Джона Томаса, не Моя. Эге! -воскликнул мужчина, потянувшись чуть не до боли во всем теле. - Да ты никак опять за свое?
'Ay!' said the man, stretching his body almost painfully. 'He's got his root in my soul, has that gentleman!'	А ведь корнями-то ты врос в мою душу.
An' sometimes I don' know what ter do wi' him.	Другой раз просто не знаю, что с тобой и делать.
Ay, he's got a will of his own, an' it's hard to suit him.	Он ведь себе на уме, никак ему не потрафишь.
Yet I wouldn't have him killed.'	Вместе тесно, а врозь скучно.
'No wonder men have always been afraid of him!' she said. 'He's rather terrible.'	- Теперь понятно, почему мужчины его боятся! -сказала Конни. - В нем явно есть что-то грозное.

The quiver was going through the man's body, as the stream of consciousness again changed its direction, turning downwards.	По телу мужчины пробежала дрожь: сознание опять раздвоилось.
And he was helpless, as the penis in slow soft undulations filled and surged and rose up, and grew hard, standing there hard and overweening, in its curious towering fashion.	Он был бессилен противиться неизбежному; а мышца его стала набухать, твердеть, расти, согласно извечному странному обыкновению.
The woman too trembled a little as she watched.	Женщина, наблюдая его, затрепетала.
There! Take him then! He's thine,' said the man.	- Бери его! Бери! Он твой! - велел мужчина.
And she quivered, and her own mind melted out.	Ее забила дрожь, сознание отключилось.
Sharp soft waves of unspeakable pleasure washed over her as he entered her, and started the curious molten thrilling that spread and spread till she was carried away with the last, blind flush of extremity.	Он вошел в нее, и ее затопили нежные волны острого, неопишуемого наслаждения, разлившегося по всему телу. Блаженство все росло и, наконец, завершилось последней ослепляющей вспышкой.
He heard the distant hooters of Stacks Gate for seven o'clock. It was Monday morning.	Он услышал далекие гудки "Отвальной": семь часов утра, понедельник.
He shivered a little, and with his face between her breasts pressed her soft breasts up over his ears, to deafen him.	Поежившись, зарылся головой в ее грудь, чтобы не слышать гудков.
She had not even heard the hooters.	А она даже не слышала гудка.
She lay perfectly still, her soul washed transparent.	Она лежала тихо, душа ее этим светлым утром отмылась до прозрачности.
'You must get up, mustn't you?' he muttered.	- Тебе, наверное, пора вставать? - спросил он.
'What time?' came her colourless voice.	- Сколько времени?
'Seven-o'clock blowers a bit sin'.'	- Только что прогудело семь.
'I suppose I must.' She was resenting as she always did, the compulsion from outside.	- Да, наверное, пора, - сказала она недовольно: терпеть не могла внешнего принуждения.
He sat up and looked blankly out of the window. 'You do love me, don't you?' she asked calmly.	Он сел и тупо уставился в окно. - Ты ведь меня любишь? - спросила она спокойно.
He looked down at her.	Он поглядел на нее.
'Tha knows what tha knows. What dost ax for!' he said, a little fretfully.	- Не знаешь, что ли? Чего же спрашивать, - с легким раздражением ответил он.
'I want you to keep me, not to let me go,' she said.	- Я хочу, чтоб ты не отпускал меня, - сказала она. - Оставил меня.
His eyes seemed full of a warm, soft darkness that could not think.	Глаза его застило теплой мягкой мглой, отогнавшей мысли.
'When? Now?'	- Прямо сейчас?
'Now in your heart.	- Сейчас, в своем сердце.
Then I want to come and live with you, always, soon.'	А потом я приду к тебе насовсем, и это будет скоро.
He sat naked on the bed, with his head dropped, unable to think.	Он сидел обнаженный на постели, повесив голову; не способный соображать.

'Don't you want it?' she asked.	- Ты что, не хочешь этого? - спросила она.
'Ay!' he said.	- Хочу.
Then with the same eyes darkened with another flame of consciousness, almost like sleep, he looked at her.	Он посмотрел на нее тем же затуманенным взглядом, в котором горело пламя иного сознания, почти сна.
'Dunna ax me nowt now,' he said. 'Let me be.	- Не лезь сейчас ко мне с вопросами. Дай мне опаматоваться.
I like thee.	Ты очень нравишься мне.
I luv thee when tha lies theer.	Ты вот тут лежишь, и я тебя люблю.
A woman's a lovely thing when 'er's deep ter fuck, and cunt's good.	Как не любить бабу с такой хорошей ласонькой.
Ah luv thee, thy legs, an' th' shape on thee, an' th' womanness on thee.	Я люблю тебя, твои ноги, фигуру. Твою женственность.
Ah luv th' womanness on thee.	Люблю всеми своими потрохами.
Ah luv thee wi' my bas an' wi' my heart.	Но не бери мне пока душу.

But dunna ax me nowt. Dunna ma'e me say nowt. Let me stop as I am while I can. Tha can ax me iverything after. Now let me be, let me be!	Не спрашивай ни о чем. Пусть пока все есть, как есть. Спрашивать будешь после. Дай мне прийти в себя.
And softly, he laid his hand over her mound of Venus, on the soft brown maiden-hair, and himself-sat still and naked on the bed, his face motionless in physical abstraction, almost like the face of Buddha.	С этими словами он стал нежно поглаживать ее мягкие каштановые волосы, под животом, а сам сидел на постели - нагой, полный покоя, лицо неподвижно - некая материальная абстракция, наподобие лица Будды.
Motionless, and in the invisible flame of another consciousness, he sat with his hand on her, and waited for the turn.	Он сидел, замерев, ослепленный пламенем иного сознания, держа ладонь на ее теле и ожидая возвращения сознания будничного.
After a while, he reached for his shirt and put it on, dressed himself swiftly in silence, looked at her once as she still lay naked and faintly golden like a Gloire de Dijon rose on the bed, and was gone.	Немного спустя он встал, натянул рубаху, быстро оделся, не произнеся ни слова, еще раз взглянул на нее - она лежала на постели, золотистая в лучах солнца, как роза Gloire de Dijon [слава Дижона (фр.)], - и быстро ушел.
She heard him downstairs opening the door.	Она слышала, как он внизу отпирает дверь.
And still she lay musing, musing. It was very hard to go: to go out of his arms.	А она все лежала, размышляя, что же с ней происходит: ей очень очень трудно уйти, оторваться от него.
He called from the foot of the stairs: Half past seven!	Снизу донесся голос: "Половина восьмого!"
She sighed, and got out of bed.	Она вздохнула и встала с постели.
The bare little room! Nothing in it at all but the small chest of drawers and the smallish bed.	Маленькая-голая комнатка, ничего в ней нет, кроме комода и не очень широкой кровати.
But the board floor was scrubbed clean.	Но половицы отмыты дочиستا.
And in the corner by the window gable was a shelf with some books, and some from a circulating library.	А в углу у окна полка с книгами, некоторые взяты из библиотеки.

She looked. There were books about Bolshevik Russia, books of travel, a volume about the atom and the electron, another about the composition of the earth's core, and the causes of earthquakes: then a few novels: then three books on India.	Она посмотрела, что он читает: книги о большевистской России, путешествия, книга об атоме и электронах, еще одна о составе земного ядра и причинах землетрясения, несколько романов и три книги об Индии.
So! He was a reader after all.	Так, значит, он все-таки читает.
The sun fell on her naked limbs through the gable window.	Солнце озаряло ее обнаженное тело.
Outside she saw the dog Flossie roaming round.	Она подошла к окну, возле дома бесцельно слонялась Флосси.
The hazel-brake was misted with green, and dark-green dogs-mercury under.	Куст орешника окутан зеленой дымкой, под ним темно-зеленые пролески.
It was a clear clean morning with birds flying and triumphantly singing. If only she could stay!	Утро было чистое, ясное, с ветки на ветку порхали птицы, оглашая воздух торжественным пением. Если бы она могла здесь остаться!
If only there weren't the other ghastly world of smoke and iron!	Если бы только не было того ужасного мира дыма и стали!
If only he would make her a world.	Если бы он мог подарить ей какой-то новый, особый мир.
She came downstairs, down the steep, narrow wooden stairs.	Она спустилась вниз по узкой, крутой деревянной лестнице.
Still she would be content with this little house, if only it were in a world of its own.	И все равно было бы славно жить в этом маленьком домике - только бы он был в другом особом мире.
He was washed and fresh, and the fire was burning. 'Will you eat anything?' he said.	Он уже умылся, от него веяло чистотой и свежестью, в очаге потрескивал огонь. - Ты будешь есть? - спросил он.
'No! Only lend me a comb.'	- Нет. Вот если бы ты одолжил мне расческу?
She followed him into the scullery, and combed her hair before the handbreadth of mirror by the back door.	Она пошла за ним в моечную и причесалась, глядясь в зеркало величиной в ладонь.
Then she was ready to go.	Пора идти назад, в Рагби.
	Она стояла в маленьком палисаднике, глядя на

She stood in the little front garden, looking at the dewy flowers, the grey bed of pinks in bud already.	подернутые росой цветы, на серую клумбу гвоздик, уже набравших бутоны.
'I would like to have all the rest of the world disappear,' she said, 'and live with you here.'	- Хорошо бы весь остальной мир исчез, - сказала Конни, - и мы бы с тобой жили здесь вдвоем.
'It won't disappear,' he said.	- Не исчезнет, - ответил он.
They went almost in silence through the lovely dewy wood. But they were together in a world of their own.	Они шли молча по веселому росистому лесу, отрешенные от всего и вся.
It was bitter to her to go on to Wragby.	Ей было тяжело возвращаться в Рагби-холл.
'I want soon to come and live with you altogether,' she said as she left him.	- Я хочу как можно скорее прийти к тебе насовсем. И мы будем жить вместе, - сказала она на прощание.

He smiled, unanswering.	Он улыбнулся, ничего не ответил.
She got home quietly and unremarked, and went up to her room.	Она вернулась домой тихо, никем не замеченная, и поднялась к себе в комнату.
Chapter 15	15
There was a letter from Hilda on the breakfast-tray. 'Father is going to London this week, and I shall call for you on Thursday week, June 17th.	На подносе лежало письмо от Хильды. "Отец будет в Лондоне на этой неделе, - писала она. - Я за тобой заеду в четверг 17 июня.
You must be ready so that we can go at once.	Будь готова к этому дню. И мы тут же отправимся.
I don't want to waste time at Wragby, it's an awful place.	Я не хочу задерживаться в Рагби. Это ужасное место.
I shall probably stay the night at Retford with the Colemans, so I should be with you for lunch, Thursday.	Скорее всего, я переночую в Ретфорде у Колменов. В четверг жди меня к обеду.
Then we could start at teatime, and sleep perhaps in Grantham.	Выедем сразу после чая и переночуем, наверное, в Грэнтеме.
It is no use our spending an evening with Clifford.	Нет смысла сидеть весь вечер с Клиффордом.
If he hates your going, it would be no pleasure to him.'	Вряд ли он доволен твоим отъездом, так что мой визит не доставит ему удовольствия".
So! She was being pushed round on the chess-board again.	Ну вот! Опять она пешка на шахматной доске.
Clifford hated her going, but it was only because he didn't feel safe in her absence.	Клиффорд был действительно недоволен ее предстоящим отъездом, и только по одной причине: ему будет без нее не так покойно.
Her presence, for some reason, made him feel safe, and free to do the things he was occupied with.	Конни была для него неким символом: она дома, и Он мог с легкой душой заниматься делами.
He was a great deal at the pits, and wrestling in spirit with the almost hopeless problems of getting out his coal in the most economical fashion and then selling it when he'd got it out.	Клиффорд много времени уделял сейчас своим шахтам и боролся с почти безнадежными проблемами: как экономнее добывать уголь и кому его продавать.
He knew he ought to find some way of using it, or converting it, so that he needn't sell it, or needn't have the chagrin of failing to sell it.	Конечно, лучше всего перерабатывать его дома, чтобы избавиться, наконец, от мучительных поисков покупателя.
But if he made electric power, could he sell that or use it? And to convert into oil was as yet too costly and too elaborate.	Можно производить электрическую энергию, для нее, наверное, легче найти рынок сбыта, но превращать уголь в другой вид топлива оказалось делом сложным и дорогостоящим.
To keep industry alive there must be more industry, like a madness.	Чтобы поддерживать производство, нужно развивать все новые виды производства. Какое-то сумасшествие!
It was a madness, and it required a madman to succeed in it.	Да, сумасшествие, и только сумасшедшие могут преуспевать в этой индустриальной гонке.

Well, he was a little mad. Connie thought so.	Но ведь он тоже был немного сумасшедшим. Во всяком случае так думала Конни.
His very intensity and acumen in the affairs of the pits seemed like a manifestation of madness to her, his very inspirations were the inspirations of insanity.	Его одержимость угольными проблемами, его нескончаемые прожекты представлялись ей явным свидетельством его безумия; именно безумие она считала источником его изобретательского вдохновения.

He talked to her of all his serious schemes, and she listened in a kind of wonder, and let him talk.	Он делился с ней обширными планами, а она слушала его в изумлении, не прерывая.
Then the flow ceased, and he turned on the loudspeaker, and became a blank, while apparently his schemes coiled on inside him like a kind of dream.	Когда поток слов иссякал, он включал радио и превращался в глухонемого, но было очевидно, что все его проекты сидят в нем, точно туго закрученная пружина, и ждут своего часа.
And every night now he played pontoon, that game of the Tommies, with Mrs Bolton, gambling with sixpences. And again, in the gambling he was gone in a kind of unconsciousness, or blank intoxication, or intoxication of blankness, whatever it was.	По вечерам они с миссис Болтон пристрастились играть в двадцать одно по шести пенсов. Эта армейская азартная игра была для него еще одним способом ухода от действительности -интоксикацией безумия или безумием интоксикации, как угодно.
Connie could not bear to see him. But when she had gone to bed, he and Mrs Bolton would gamble on till two and three in the morning, safely, and with strange lust.	Конни не могла этого видеть и уходила спать, а Клиффорд и миссис Болтон с необъяснимым азартом резались в карты до двух или даже до трех утра.
Mrs Bolton was caught in the lust as much as Clifford: the more so, as she nearly always lost.	Миссис Болтон оказалась на редкость азартным игроком: подстегивали ее постоянные проигрыши.
She told Connie one day: 'I lost twenty-three shillings to Sir Clifford last night.'	Как-то она сказала Конни: - Этой ночью я проиграла сэру Клиффорду двадцать три шиллинга.
'And did he take the money from you?' asked Connie aghast.	- И он у вас взял эти деньги? - спросила, не веря своим ушам, Конни.
'Why of course, my Lady! Debt of honour!'	- Конечно, взял, ваша милость. Долг чести!
Connie expostulated roundly, and was angry with both of them.	Конни дала обоим хорошую выволочку.
The upshot was, Sir Clifford raised Mrs Bolton's wages a hundred a year, and she could gamble on that.	В результате Клиффорд пожаловал своей неизменной партнерше еще сто фунтов в год, и она теперь могла проигрывать с легкой душой.
Meanwhile, it seemed to Connie, Clifford was really going deader.	А Конни пришла к выводу - в Клиффорде человек отмирает не по дням, а по часам.
She told him at length she was leaving on the seventeenth.	Наконец она решилась сообщить ему о дне отъезда, который назначила в письме Хильда.
'Seventeenth!' he said. 'And when will you be back?'	- Семнадцатого! - воскликнул он. - А когда ты будешь обратно?
'By the twentieth of July at the latest.'	- Самое позднее - двадцатого июля.
'Yes! the twentieth of July.'	- Значит, двадцатого июля. Хорошо.

Strangely and blankly he looked at her, with the vagueness of a child, but with the queer blank cunning of an old man.	Он смотрел на нее странным пустым взглядом, не то с доверчивостью ребенка, не то с бесплодной хитростью старика.
'You won't let me down, now, will you?' he said.	- Ты меня не обманешь? - спросил он.
'How?' 'While you're away, I mean, you're sure to come back?'	- Что? - Ну вот ты сейчас уедешь. А обратно вернешься?
I'm as sure as I can be of anything, that I shall come back.'	- Конечно. Без всякого сомнения, вернусь.
'Yes! Well!	- Ну и прекрасно.
Twentieth of July!' He looked at her so strangely.	Значит, двадцатого июля! - И опять туманно посмотрел на нее.
Yet he really wanted her to go. That was so curious. He wanted her to go, positively, to have her little adventures and perhaps come home pregnant, and all that.	Как ни странно, он хотел, чтобы она уехала, завела там короткую интрижку, пусть и забеременела.
At the same time, he was afraid of her going.	Но он и опасался этой поездки.
She was quivering, watching her real opportunity for leaving him altogether, waiting till the time, herself himself should be ripe.	А Конни помышляла лишь об одном - как бы совсем уйти от него. Решительный шаг будет сделан, когда все для того созреет -обстоятельства, Клиффорд, она сама.
She sat and talked to the keeper of her going abroad.	Конни сидела в сторожке егеря и говорила с ним о поездке в Венецию.
'And then when I come back,' she said, 'I can tell Clifford I must leave him. And you and I can go away.'	- Вернусь и скажу Клиффорду, что ухожу. И мы с тобой уедем.
They never need even know it is you. We can go to	Им совсем не обязательно знать, что я ушла к тебе.

another country, shall we? To Africa or Australia. Shall we?'	Мы можем уехать в другую страну, ведь правда? В Африку или Австралию, да?
She was quite thrilled by her plan.	Ей очень нравился ее план.
'You've never been to the Colonies, have you?' he asked her.	- Ты когда-нибудь жила в колониях? - спросил он.
'No! Have you?'	- Нет, а ты?
'I've been in India, and South Africa, and Egypt.'	- Я жил в Индии, Южной Африке, Египте.
'Why shouldn't we go to South Africa?'	- А почему бы нам не поехать в Южную Африку?
'We might!' he said slowly.	- Можно и туда.
'Or don't you want to?' she asked.	- Ты не хочешь туда?
I don't care. I don't much care what I do.'	- Мне безразлично. Безразлично, куда ехать, что делать.
'Doesn't it make you happy?	- Но ты там не будешь счастлив?
Why not?	Почему?
We shan't be poor. I have about six hundred a year, I wrote and asked. It's not much, but it's enough, isn't it?'	Мы не будем жить бедно. У меня есть своих шестьсот фунтов в год. Я уже выяснила. Это немного, но нам ведь хватит?

'It's riches to me.'	- Для меня это целый капитал.
'Oh, how lovely it will be!'	- Ах, как будет чудесно!
'But I ought to get divorced, and so ought you, unless we're going to have complications.'	- Но я должен сперва развестись и ты тоже. Иначе будут осложнения.
There was plenty to think about.	Да, им было о чем подумать.
Another day she asked him about himself.	В другой раз Конни расспрашивала его о прошлом.
They were in the hut, and there was a thunderstorm.	Они были в егерской, за окном шел дождь, гроыхало.
'And weren't you happy, when you were a lieutenant and an officer and a gentleman?'	- А когда ты был офицером и джентльменом, ты был счастлив?
Happy? All right. I liked my Colonel.'	- Счастлив? Конечно. Я обожал моего полковника.
Did you love him?'	- Ты его очень любил?
Yes! I loved him.'	- Да.
'And did he love you?'	- И он любил тебя?
'Yes! In a way, he loved me.'	- Да. По-своему любил.
Tell me about him.'	- Расскажи мне о нем побольше.
'What is there to tell?'	- Что о нем рассказывать?
He had risen from the ranks. He loved the army.	Он прошел в армии все ступеньки от рядового до полковника. Он любил армию.
And he had never married.	Не женился.
He was twenty years older than me.	Был старше меня на двадцать лет.
He was a very intelligent man: and alone in the army, as such a man is: a passionate man in his way: and a very clever officer.	Таких умных, образованных людей в армии единицы. Нрав у него был горячий, верно. Но офицер он был толковый.
I lived under his spell while I was with him. I sort of let him run my life. And I never regret it.'	Сколько я помню, для меня он всегда был непререкаемым авторитетом. Я подчинялся ему во всем. И никогда не жалел об этом.
'And did you mind very much when he died?'	- Ты очень тяжело пережил его смерть?
'I was as near death myself.	- Я и сам тогда был на грани жизни и смерти.
But when I came to, I knew another part of me was finished.	А когда очнулся и узнал, что полковника нет в живых, почувствовал, что какая-то часть моей души умерла.
But then I had always known it would finish in death. All things do, as far as that goes.'	Но в общем-то я всегда знал, что дело кончится смертью. Все кончается смертью, если на то пошло.
She sat and ruminated.	Конни слушала в раздумье.
The thunder crashed outside. It was like being in a little ark in the Flood.	Снаружи ударил гром; поистине, разверзлись хляби небесные, а у них в утлом ковчеге тепло и уютно.

'You seem to have such a lot behind you,' she	- Ты столько всего пережил в прошлом, - вздохнула
---	---

said.	Конни.
Do I? It seems to me I've died once or twice already.	- Да. Мне порой кажется, что я уже раз-другой умирал.
Yet here I am, pegging on, and in for more trouble.'	Ан нет, сижу сейчас здесь в предвкушении новых несчастий.
She was thinking hard, yet listening to the storm.	Конни напряженно вслушивалась и в его слова, и в звуки бушующей за окном грозы.
'And weren't you happy as an officer and a gentleman, when your Colonel was dead?'	- А когда твой полковник умер, тебе и дальше нравилось быть офицером и джентльменом?
'No! They were a mingy lot.'	- Нет! Военные в общем мелкий народишко.
He laughed suddenly. 'The Colonel used to say: Lad, the English middle classes have to chew every mouthful thirty times because their guts are so narrow, a bit as big as a pea would give them a stoppage.	- Он вдруг рассмеялся и продолжал: -Полковник говорил мне: "Знаешь, парень, англичане среднего класса, прежде чем проглотить кусок, тридцать три раза его разжуют - слишком деликатная у них глотка, в ней и горошина застрянет.
They're the mingiest set of ladylike snipe ever invented: full of conceit of themselves, frightened even if their boot-laces aren't correct, rotten as high game, and always in the right.	Барахло, каких мало. Трясутся от страха, если ботинок у них не так завязан. С душком товар, и всегда они во всем правы.
That's what finishes me up.	Это меня больше всего убивает.
Kow-tow, kow-tow, arse-licking till their tongues are tough: yet they're always in the right.	Раболепны, задницы лижут до мозоли на языке. А все равно лучше их нет.
Prigs on top of everything. Prigs! A generation of ladylike prigs with half a ball each—'	Жеманные филистеры, недоделанные мужики".
Connie laughed.	Конни засмеялась.
The rain was rushing down.	Дождь за окном еще припустил.
He hated them!'	- Он их ненавидел?
'No,' said he. 'He didn't bother. He just disliked them. There's a difference.	- Да нет. Они ему были противны, а это большая разница. И он махнул на них всех рукой.
Because, as he said, the Tommies are getting just as priggish and half-balled and narrow-gutted. It's the fate of mankind, to go that way.'	Он говорил: "В наши дни и армия туда же. Военные тоже становятся филистерами с деликатной глоткой". Но таков, видно, путь всего человечества.
'The common people too, the working people?'	- А простой народ, рабочие?
'All the lot. Their spunk is gone dead.	- И эти не исключение. Мужского естества в них нет.
Motor-cars and cinemas and aeroplanes suck that last bit out of them.	Оно уничтожено кинематографом и аэропланами.
I tell you, every generation breeds a more rabby generation, with india rubber tubing for guts and tin legs and tin faces.	Каждое новое поколение рождается все более жалким: вместо кишок у них резиновые трубки, а ноги руки, лица - жестяные.
Tin people!	Люди из жести!

It's all a steady sort of bolshevism just killing off the human thing, and worshipping the mechanical thing.	Это ведь разновидность большевизма, умертвляющего живую плоть и поклоняющегося механическому прогрессу.
Money, money, money!	Деньги, деньги, деньги!
All the modern lot get their real kick out of killing the old human feeling out of man, making mincemeat of the old Adam and the old Eve.	Все нынешние народы с наслаждением убивают в человеке старые добрые чувства, распиная ветхого Адама и Еву.
They're all alike.	Все они одинаковы.
The world is all alike: kill off the human reality, a quid for every foreskin, two quid for each pair of balls.	Во всем мире одно и то же: убить человеческое, фунт стерлингов за каждую крайнюю плоть, два фунта за детородный орган.
What is cunt but machine-fucking!—It's all alike.	А посмотри, что стало с любовью! Бессмысленные, механические телодвижения. И так везде.
Pay 'em money to cut off the world's cock. Pay money, money, money to them that will take spunk out of mankind, and leave 'em all little twiddling machines.'	Платите им - они лишают человека силы, мужества и красоты. Скоро на земле останутся только жалкие дергающиеся марионетки.
He sat there in the hut, his face pulled to mocking irony.	Они сидели в сторожке, лицо его кривила ироническая усмешка.

Yet even then, he had one ear set backwards, listening to the storm over the wood.	Но и он одним ухом прислушивался к шумящей в лесу грозе.
It made him feel so alone.	И было ему от этого еще более одиноко.
'But won't it ever come to an end?' she said.	- Чем же все это кончится? - спросила Конни.
'Ay, it will. It'll achieve its own salvation.	- Все разрешится само собой.
When the last real man is killed, and they're all tame: white, black, yellow, all colours of tame ones: then they'll all be insane.	Когда всех настоящих мужчин перебьют, останутся одни пай-мальчики, белые, черные, желтые. И скоро они все, как один, сойдут с ума.
Because the root of sanity is in the balls. Then they'll all be insane, and they'll make their grand ~auto da fe. You know auto da fe means act of faith?	В здоровом теле - здоровый дух. А здоровья без мужского естества не бывает. Сойдут они, значит, с ума и произведут над собой великое аутодафе, - ты ведь знаешь, как это переводится: акт веры.
Ay, well, they'll make their own grand little act of faith.	Вот они и совершат вселенский акт веры.
They'll offer one another up.'	Одним словом, прикончат друг дружку.
You mean kill one another?'	- Убьют?
'I do, duckie!	- Да, радость моя.
If we go on at our present rate then in a hundred years' time there won't be ten thousand people in this island: there may not be ten.	Если мы будем развиваться в этом направлении такими же темпами, у нас очень скоро на острове не останется и десяти тысяч людей.
They'll have lovingly wiped each other out.	Ты бы видела, с каким сладострастием они истребляют себе подобных.

The thunder was rolling further away.	Раскаты грома постепенно становились тише.
'How nice!' she said.	- Как хорошо! - сказала она.
'Quite nice!	- Великолепно!
To contemplate the extermination of the human species and the long pause that follows before some other species crops up, it calms you more than anything else.	Предвидеть гибель человечества и появление на земле после долгой ночи нового homo sapiens -что может быть великолепнее.
And if we go on in this way, with everybody, intellectuals, artists, government, industrialists and workers all frantically killing off the last human feeling, the last bit of their intuition, the last healthy instinct; if it goes on in algebraical progression, as it is going on: then ta-tah! to the human species!	Если мы пойдем этим путем, если абсолютно все - интеллектуалы, художники, политики, промышленники, рабочие будут и дальше с тем же пылом убивать в себе здоровые человеческие чувства, истреблять последние крохи интуиции, последние инстинкты, если все это будет нарастать, как сейчас, в геометрической прогрессии, тогда конец, прощай, человечество!
Goodbye! darling! the serpent swallows itself and leaves a void, considerably messed up, but not hopeless.	Земля тебе пухом! Змей заглотит себя, оставив вселенский хаос, великий, но не безнадежный.
Very nice!	Великолепно!
When savage wild dogs bark in Wragby, and savage wild pit-ponies stamp on Tevershall pit-bank! te deum laudamus!	Когда в Рагби-холле завоют одичалые псы, а по улицам Тивершолла поскачут одичалые шахтные лошаденки, вот тогда ты и воскликнешь: "Как хорошо!" "Te Deum laudamus" ["Тебя, Бога, хвалим" - название и начало благодарственной католической молитвы (лат.)].
Connie laughed, but not very happily.	Конни рассмеялась, на этот раз не очень весело.
'Then you ought to be pleased that they are all bolshevists,' she said. 'You ought to be pleased that they hurry on towards the end.'	- Тогда ты должен радоваться, ведь все они большевики, - сказала она. - Что их жалеть, пусть на всех парах мчатся к своей гибели.
So I am. I don't stop 'em.	- А я и радуюсь. И не хочу им препятствовать.
Because I couldn't if I would.'	Ведь если бы и захотел, то не смог бы.
'Then why are you so bitter?'	- А почему тогда ты такой злой?
'I'm not! If my cock gives its last crow, I don't mind.'	- Я не злой. Если мой петушок и я сам кукарекаем в последний раз, так тому, значит, и быть.
'But if you have a child?' she said.	- Но у тебя может родиться ребенок!
He dropped his head.	Он опустил голову.
'Why,' he said at last. 'It seems to me a wrong and bitter thing to do, to bring a child into this world.'	- О-хо-хо! Родить на свет дитя в наши дни -неправильно и жестоко.

'No! Don't say it!	- Нет! Не говори так, не смей! - взмолилась она.
Don't say it!' she pleaded. 'I think I'm going to have one.	- Я почти уверена, что у меня будет маленький.
Say you'll be pleased.' She laid her hand on his.	Скажи, что ты очень рад, - сказала Конни, положив на его руку свою.

'I'm pleased for you to be pleased,' he said. 'But for me it seems a ghastly treachery to the unborn creature.	- Меня радует твоя радость, - сказал он. - Но я считаю это предательством по отношению к неродившемуся существу.
'Ah no!' she said, shocked. 'Then you can't ever really want me!	- Что ты говоришь! - задыхнулась она от возмущения. - Тогда, выходит, ты и не любишь меня по-настоящему.
You can't want me, if you feel that!	Если так думать, какая тут может быть страсть!
Again he was silent, his face sullen.	Он опять замолчал, помрачнел.
Outside there was only the thrashing of the rain.	Было слышно только, как за окном хлещет дождь.
'It's not quite true!' she whispered. 'It's not quite true! There's another truth.'	- Ты не совсем искренен, - прошептала она. - Не совсем. Тебя мучает что-то еще.
She felt he was bitter now partly because she was leaving him, deliberately going away to Venice.	Конни вдруг поняла, что его злит ее близкий отъезд, что она едет в Венецию по своей охоте.
And this half pleased her.	И эта мысль немного примирила ее с ним.
She pulled open his clothing and uncovered his belly, and kissed his navel.	Она подняла его рубашку и поцеловала пупок.
Then she laid her cheek on his belly and pressed her arm round his warm, silent loins.	Потом прижалась щекой к его животу и обняла одной рукой его теплые чресла.
They were alone in the flood.	Они были одни посреди потопа.
'Tell me you want a child, in hope!' she murmured, pressing her face against his belly. 'Tell me you do!'	- Ну скажи, что ты хочешь маленького, что ты ждешь его, - тихонько приговаривала она, сильнее прижимаясь к нему. - Ну, скажи, что хочешь!
'Why!' he said at last: and she felt the curious quiver of changing consciousness and relaxation going through his body. 'Why I've thought sometimes if one but tried, here among th' colliers even!	- Да, наверное, - произнес он наконец. По телу его пробежала дрожь, он весь расслабился, и Конни поняла - верх берет его второе сознание. - Знаешь, я иногда думаю, - продолжал он, - а что, если обратиться к шахтерам?
They're workin' bad now, an' not earnin' much.	Они плохо работают, мало получают.
If a man could say to 'em: Dunna think o' nowt but th' money.	Пойду я к ним и скажу: "Что вы все бредите деньгами?"
When it comes ter wants, we want but little.	Если подумать - человеку ведь нужно совсем немного.
Let's not live for money—'	Не гробите вы себя ради денег".
She softly rubbed her cheek on his belly, and gathered his balls in her hand.	Она мягко потерлась щекой о его живот, и ладонь ее скользнула ниже.
The penis stirred softly, with strange life, but did not rise up.	Мужская плоть его подала признаки своей странной жизни.
The rain beat bruisingly outside.	А дождь за окном не просто лил, а бесновался.
'Let's live for summat else. Let's not live ter make money, neither for us-selves nor for anybody else.	- Я бы им сказал, - продолжал егерь, - давайте перестанем горбить спины ради презренного металла. Вы ведь кормите не только себя, но и целую армию нахлебников.

Now we're forced to.	Вас обрекли на этот тяжкий труд.
We're forced to make a bit for us-selves, an' a fair lot for th' bosses. Let's stop it! Bit by bit, let's stop it.	Вы получаете за него гроши, хозяева - тыщи. Давайте прекратим это.
We needn't rant an' rave.	Не будем шуметь, изрыгать проклятия.
Bit by bit, let's drop the whole industrial life an' go back. The least little bit o' money'll do.	Потихоньку, помаленьку укротим этого зверя - промышленность и вернемся к естественной жизни, Денег ведь нужно совсем мало.
For everybody, me an' you, bosses an' masters, even th' king.	Мне, вам, хозяину - всем. И даже королю.
The least little bit o' money'll really do.	Поверьте, совсем, совсем пустяки. Надо только решиться.

Just make up your mind to it, an' you've got out o' th' mess.'	И сбросить с себя эти путы.
He paused, then went on: 'An' I'd tell 'em: Look! Look at Joe!	- Он подумал немного и продолжал: - И еще бы я им сказал: посмотрите на Джо.
He moves lovely!	Как легко он движется.
Look how he moves, alive and aware. He's beautiful!	Смотрите, как легок его шаг, как он весел, общителен, умен! И как он красив!
An' look at Jonah!	Теперь взгляните на Джона.
He's clumsy, he's ugly, because he's niver willin' to rouse himself I'd tell 'em: Look! look at yourselves! one shoulder higher than t'other, legs twisted, feet all lumps!	Он неуклюж, безобразен, потому что он никогда не думал о свободе. А потом обратите взгляд на самих себя: одно плечо выше, ноги скрючены, ступни как колоды!
What have yer done ter yerselves, wi' the blasted work?	Что же вы сами с собой творите, что творит с вами эта дьявольская работа!
Spoilt yerselves.	Вы же губите себя. Пустить на ветер свою жизнь?
No need to work that much.	Было бы ради чего.
Take yer clothes off an' look at yourselves.	Разденьтесь и посмотрите на себя.
Yer ought ter be alive an' beautiful, an' yer ugly an' half dead.	Вы должны быть здоровы и прекрасны. А вы наполовину мертвы, уродливы.
So I'd tell 'em.	Вот что я бы сказал им.
An' I'd get my men to wear different clothes: appen close red trousers, bright red, an' little short white jackets.	И я бы одел их в совсем другие одежды: ярко-красные штаны в обтяжку и узкие, короткие белые камзолы.
Why, if men had red, fine legs, that alone would change them in a month.	Человек, у которого стройные, обтянутые красным ноги, через месяц станет другим.
They'd begin to be men again, to be men!	Он снова станет мужчиной, настоящим мужчиной.
An' the women could dress as they liked.	Женщины пусть одеваются как хотят.

Because if once the men walked with legs close bright scarlet, and buttocks nice and showing scarlet under a little white jacket: then the women 'ud begin to be women. It's because th' men aren't men, that th' women have to be.— An' in time pull down Tevershall and build a few beautiful buildings, that would hold us all.	Потому что - вообрази себе: все мужчины щеголяют в белых камзолах, алые панталоны обтягивают красивые бедра и стройные ноги. Какая женщина не задумается тут о своей привлекательности? И опять они станут прекрасным полом. А что сейчас? Мужчины-то почти выродились. Хорошо бы года через два все кругом снести и построить для тивершолльцев прекрасные светлые здания.
An' clean the country up again.	Край снова станет привольный и чистый.
An' not have many children, because the world is overcrowded.	И детей будет меньше, потому что мир уже и так перенаселен.
'But I wouldn't preach to the men: only strip 'em an' say: Look at yourselves!	Я вовсе не стремлюсь в проповедники: я просто бы их раздел донага и сказал: "Да полюбуйтесь же вы на себя!"
That's workin' for money!—Hark at yourselves! That's working for money. You've been working for money!	Вот что значит гробить себя ради денег. Вы ведь лезете в забой только ради них.
Look at Tevershall!	Взгляните на Тивершолл!
It's horrible.	Как он уродлив.
That's because it was built while you was working for money.	Ничего удивительного: его строили для тех, кому все застят деньги.
Look at your girls!	Поглядите на своих девушек!
They don't care about you, you don't care about them.	Они не замечают вас, вы не видите их.
It's because you've spent your time working an' caring for money.	И все потому, что вы все променяли досуг на каторжный труд.
You can't talk nor move nor live, you can't properly be with a woman.	Вы не умеете говорить, не умеете двигаться, есть, не знаете толком, как обходиться с женщинами.
You're not alive. Look at yourselves!	Вы просто нежить, вот что вы такое..."
There fell a complete silence.	Воцарилось долгое молчание.
Connie was half listening, and threading in the hair at the root of his belly a few forget-me-nots that she had gathered on the way to the	Конни слушала его вполуха занятая своим делом. Она втыкала в его волосы на лобке собранные по дороге

hut.	незабудки.
Outside, the world had gone still, and a little icy.	Гроза за окном поутихла, стало прохладнее.
'You've got four kinds of hair,' she said to him. 'On your chest it's nearly black, and your hair isn't dark on your head: but your moustache is hard and dark red, and your hair here, your love-hair, is like a little brush of bright red-gold mistletoe.	- А знаешь, - прервала Конни молчание, - на тебе растут четыре вида волос. На груди - почти совсем черные, на голове гораздо светлее, усы у тебя жесткие, темно-рыжие, а волосы любви внизу - как маленький кустик золотистой омелы.
It's the loveliest of all!	Они самые красивые.
He looked down and saw the milky bits of forget-me-nots in the hair on his groin.	Он посмотрел вниз - среди ярко-рыжих волос голубели звездочки незабудок.

'Ay! That's where to put forget-me-nots, in the man-hair, or the maiden-hair. But don't you care about the future?'	- Да! Вот, оказывается, где место незабудкам! Тебя что, совсем не беспокоит будущее?
She looked up at him.	Конни взглянула на него.
'Oh, I do, terribly!' she said.	- Очень беспокоит.
Because when I feel the human world is doomed, has doomed itself by its own mingy beastliness, then I feel the Colonies aren't far enough.	- Видишь ли, когда я думаю, что весь мир обречен на гибель благодаря собственному идиотизму, то колонии не кажутся мне такими уж далекими.
The moon wouldn't be far enough, because even there you could look back and see the earth, dirty, beastly, unsavoury among all the stars: made foul by men.	И Луна не кажется. С нее, наверное, хорошо видна наша бедная Земля - грязная, запакощенная человеком, самое несчастное из всех небесных тел.
Then I feel I've swallowed gall, and it's eating my inside out, and nowhere's far enough away to get away.	У меня от этих мыслей такое чувство, будто я наелся желчи и она разъедает мне внутренности... И ведь никуда не денешься, всюду лезет в глаза этот кошмар.
But when I get a turn, I forget it all again.	К своему стыду должен сказать, что, когда во мне оживает второе сознание, все это куда-то уходит, забывается.
Though it's a shame, what's been done to people these last hundred years: men turned into nothing but labour-insects, and all their manhood taken away, and all their real life.	Ладно, это так, к слову. Позор, что сделали с людьми в это последнее столетие; их превратили в муравьев, у них отняли мужское достоинство, отняли право на счастливую жизнь.
I'd wipe the machines off the face of the earth again, and end the industrial epoch absolutely, like a black mistake.	Я бы стер с лица земли все машины и механизмы; раз и навсегда покончил с индустриальной эрой, с этой роковой ошибкой человечества.
But since I can't, an' nobody can, I'd better hold my peace, an' try an' live my own life: if I've got one to live, which I rather doubt.'	Но поскольку я не в силах с этим покончить, да и ни в чьих это силах, я хочу отрясти прах со своих ног, удалиться от мира и зажечь своей жизнью, если это возможно. В чем я очень сомневаюсь.
The thunder had ceased outside, but the rain which had abated, suddenly came striking down, with a last blench of lightning and mutter of departing storm.	Гром больше не гремел, но дождь, утихнувший было, полил с новой силой, сопровождаемый последними далекими вспышками и отдаленным рокотанием.
Connie was uneasy.	Конни не сиделось на месте.
He had talked so long now, and he was really talking to himself not to her.	Он говорил так долго и явно себе, а не ей.
Despair seemed to come down on him completely, and she was feeling happy, she hated despair.	Он весь отдался отчаянию, а она ненавидела отчаяние. Она была счастлива.
She knew her leaving him, which he had only just realized inside himself had plunged him back into this mood.	Конни понимала - он только сейчас до конца осознал ее отъезд и потому впал в меланхолию.
And she triumphed a little.	И она немножко гордилась этим.

She opened the door and looked at the straight heavy rain, like a steel curtain, and had a sudden desire to rush out into it, to rush away.	Конни встала, открыла дверь и посмотрела на тяжелую, как стальную, стену дождя. И в ней вдруг проснулось желание выскочить в дождь, прочь из этой лачуги.
She got up, and began swiftly pulling off her stockings, then her dress and underclothing, and he	От стала быстро стягивать чулки, платье, он глядел на нее, раскрыв рот.

held his breath.	
Her pointed keen animal breasts tipped and stirred as she moved.	Ее небольшие острые груди, как у звериной самки, шевелились и вздрагивали в такт ее движениям.
She was ivory-coloured in the greenish light.	В зеленоватом свете комнаты тело ее казалось цвета слоновой кости.
She slipped on her rubber shoes again and ran out with a wild little laugh, holding up her breasts to the heavy rain and spreading her arms, and running blurred in the rain with the eurhythmic dance movements she had learned so long ago in Dresden.	Надев боты, она выбежала в дождь, по-дикому хохотнув и выбросив вперед руки. Она бежала, белея сквозь потоки дождя, танцуя ритмический танец, которому выучилась много лет назад в Дрездене.
It was a strange pallid figure lifting and falling, bending so the rain beat and glistened on the full haunches, swaying up again and coming belly-forward through the rain, then stooping again so that only the full loins and buttocks were offered in a kind of homage towards him, repeating a wild obeisance.	Странная мертвенно-бледная фигура падала, поднималась, гнулась, подставляя дождю то полные блестящие бедра, то белый живот, то крутые ягодичы, снова и снова повторяя дикий, неописуемый реверанс.
He laughed wryly, and threw off his clothes.	Он натянуто засмеялся и тоже сбросил с себя одежду.
It was too much.	Нет, это уж, пожалуй, слишком.
He jumped out, naked and white, with a little shiver, into the hard slanting rain.	Вздвогнув нагим телом, он выскочил под секущий косой, дождь.
Flossie sprang before him with a frantic little bark.	Флосси бежала впереди, заливаясь громким лаем.
Connie, her hair all wet and sticking to her head, turned her hot face and saw him. Her blue eyes blazed with excitement as she turned and ran fast, with a strange charging movement, out of the clearing and down the path, the wet boughs whipping her.	Конни обернулась, намокшие волосы облепили ей голову, лицо пылало, синие глаза возбужденно сияли. И она побежала дальше, делая странные резкие движения; свернула на тропу, подстегиваемая мокрыми ветками; и сквозь кусты замелькала чудесная женская трепещущая нагота.
She ran, and he saw nothing but the round wet head, the wet back leaning forward in flight, the rounded buttocks twinkling: a wonderful cowering female nakedness in flight. She was nearly at the wide riding when he came up and flung his naked arm round her soft, naked-wet middle.	Она почти добежала до верховой тропы, когда он догнал ее и обхватил обнаженной рукой ее мягкое, мокрое тело.
She gave a shriek and straightened herself and the heap of her soft, chill flesh came up against his body. He pressed it all up against him, madly, the heap of soft, chilled female flesh that became quickly warm as flame, in contact.	Она вскрикнула, остановилась и как впечаталась в его тело. Он крепко прижимал ее к себе, и всю ее тотчас охватило огнем.

The rain streamed on them till they smoked.	Ливень не унимался, и скоро от них повалил пар.
He gathered her lovely, heavy posteriors one in each hand and pressed them in towards him in a frenzy, quivering motionless in the rain.	Он взял в пригоршни обе ее тяжелые ягодичы и еще сильнее прижал к себе - дрожащий, неподвижный под струями дождя.
Then suddenly he tipped her up and fell with her on the path, in the roaring silence of the rain, and short and sharp, he took her, short and sharp and finished, like an animal.	Затем вдруг запрокинул ее и опустился вместе с ней наземь. Он овладел ею в шумящей тишине дождя - быстро и бешено, как дикий зверь.
He got up in an instant, wiping the rain from his eyes.	Вскочил на ноги, вытер залитые дождем глаза.
'Come in,' he said, and they started running back to the hut.	Приказал: "Скорее домой!" - и оба побежали обратно в сторожку.
He ran straight and swift: he didn't like the rain.	Он бежал легко, резво, не любил мокнуть под дождем.
But she came slower, gathering forget-me-nots and campion and bluebells, running a few steps and watching him fleeing away from her.	А она не спешила, собирала незабудки, смолевки, колокольчики - пробежит немного, остановится и смотрит, как он убегает от нее.
When she came with her flowers, panting to the hut, he had already started a fire, and the twigs were crackling.	Задыхаясь, с букетом цветов, она вошла в сторожку; в очаге уже весело потрескивал хворост.
Her sharp breasts rose and fell, her hair was plastered down with rain, her face was flushed ruddy and her body glistened and trickled.	Ее острые груди поднимались и опадали; пряди волос прилипли ко лбу, шее; лицо стало пунцовым, по телу катились, поблескивая, струйки воды.
Wide-eyed and breathless, with a small wet head	Запахавшаяся, с облепленной волосами неожиданно

and full, trickling, naove haunches, she looked another creature.	маленькой головкой, широко раскрытыми глазами, мокрыми наивными ягодицами - она казалась ему смешным незнакомым существом.
He took the old sheet and rubbed her down, she standing like a child.	Он взял старую простыню, вытер ее всю, а она стояла, подчиняясь ему, как малое дитя.
Then he rubbed himself having shut the door of the hut.	Затем, заперев дверь, вытерся сам.
The fire was blazing up.	Огонь в очаге разгорался.
She ducked her head in the other end of the sheet, and rubbed her wet hair.	Она взяла другой конец простыни и стала вытирать голову.
'We're drying ourselves together on the same towel, we shall quarrel!' he said.	- Мы вытираемся одним полотенцем, - сказал он, - плохая примета, поссоримся.
She looked up for a moment, her hair all odds and ends.	Она секунду смотрела на него, растрепанные волосы торчали у нее во все стороны.
'No!' she said, her eyes wide. 'It's not a towel, it's a sheet.'	- Нет, - возразила она. - Не поссоримся. Это не полотенце, а простыня.
And she went on busily rubbing her head, while he busily rubbed his.	И оба продолжали вытирать каждый свои волосы.

Still panting with their exertions, each wrapped in an army blanket, but the front of the body open to the fire, they sat on a log side by side before the blaze, to get quiet.	Все еще тяжело дыша от хорошей пробежки, завернутые до пояса в солдатские одеяла, они сидели рядышком на полене перед огнем и отдыхали.
Connie hated the feel of the blanket against her skin.	Конни было неприятно прикосновение к телу грубой шерсти.
But now the sheet was all wet.	Но простыня была вся мокрая.
She dropped her blanket and kneeled on the clay hearth, holding her head to the fire, and shaking her hair to dry it.	Она сбросила одеяло и опустилась на колени перед очагом, держа голову поближе к огню и встряхивая волосами, чтобы скорее просушились.
He watched the beautiful curving drop of her haunches. That fascinated him today.	А он смотрел, как красиво закругляются у нее бедра - их вид весь день завораживал его.
How it sloped with a rich down-slope to the heavy roundness of her buttocks!	Как плавно, роскошно переходят они в тяжелые ягодицы.
And in between, folded in the secret warmth, the secret entrances!	А между ними сокрытые в интимном тепле самые сокровенные ее отверстия.
He stroked her tail with his hand, long and subtly taking in the curves and the globe-fullness.	Он погладил ладонью ее задик, погладил медленно, с толком, ощущая каждый изгиб, каждую округлость.
'Tha's got such a nice tail on thee,' he said, in the throaty caressive dialect. 'Tha's got the nicest arse of anybody. It's the nicest, nicest woman's arse as is!	- Какой добрый у тебя задик, - сказал он на своем ласковом диалекте. - У тебя он самый красивый.
An' ivery bit of it is woman, woman sure as nuts. Tha'rt not one o' them button-arsed lasses as should be lads, are ter!	Вот баба какой должна быть. Не то что нынешние плоскожопые девки, смотришь и не отличишь - девка это или парень.
Tha's got a real soft sloping bottom on thee, as a man loves in 'is guts.	А у тебя не попка, а печка - ладная, круглая, теплая. Мужик от такой балдеет.
It's a bottom as could hold the world up, it is!' All the while he spoke he exquisitely stroked the rounded tail, till it seemed as if a slippery sort of fire came from it into his hands.	Он говорил это, а сам гладил ее круглые ягодицы, пока не побежал от них к его ладоням горячий ток.
And his finger-tips touched the two secret openings to her body, time after time, with a soft little brush of fire.	Один раз, другой коснулся он пальцами двух самых интимных отверстий ее тела, точно полоснул огненной кисточкой.
'An' if tha shits an' if tha pisses, I'm glad. I don't want a woman as couldna shit nor piss.'	- Как хорошо, что ты и писаешь и какаешь. Мне не нужна баба, которая ни о чем таком и слыхом не слыхала.
Connie could not help a sudden snort of astonished laughter, but he went on unmoved.	Конни не могла удержаться и прыснула, а он невозмутимо продолжал:
'Tha'rt real, tha art! Tha'art real, even a bit of a bitch.	- Да, ты всамделишная, хотя и немножко сучка.
Here tha shits an' here tha pisses: an' I lay my hand on	Вот чем ты писаешь, вот чем какаешь; я трогаю и то и другое и очень тебя за это люблю.

'em both an' like thee for it. I like thee for it.

Понимаешь, почему люблю?

Tha's got a proper, woman's arse, proud of itself. It's none ashamed of itself this isna.'	У тебя настоящая, ладная бабская попа. Такой весь мир держится. Ей нечего стыдиться, вот так.
He laid his hand close and firm over her secret places, in a kind of close greeting.	Он крепче прижал ладонь к ее секретным местечкам, точно дружески приветствовал их.
'I like it,' he said. 'I like it!'	- Мне очень нравится, - сказал он. - Очень.
An' if I only lived ten minutes, an' stroked thy arse an' got to know it, I should reckon I'd lived one life, see ter!	Если бы я прожил всего пять минут и все это время гладил тебя вот так, я бы считал, что прожил целую жизнь!
Industrial system or not!	К черту весь этот индустриальный бред.
Here's one o' my lifetimes.'	Вот она - моя жизнь.
She turned round and climbed into his lap, clinging to him. 'Kiss me!' she whispered.	Она повернулась, забралась к нему на колени, прижалась и шепнула: - Поцелуй меня!
And she knew the thought of their separation was latent in both their minds, and at last she was sad.	Она знала: их обоих не отпускает мысль, что они скоро расстанутся, и загрустила.
She sat on his thighs, her head against his breast, and her ivory-gleaming legs loosely apart, the fire glowing unequally upon them.	Конни сидела у него на коленях, головой прижавшись к его груди, свободно раскинув матово-блестящие ноги; танцующее в очаге пламя высвечивало то ее руку, то его лицо.
Sitting with his head dropped, he looked at the folds of her body in the fire-glow, and at the fleece of soft brown hair that hung down to a point between her open thighs.	Опустив голову, он любовался складками ее тела, неровно освещенного огнем, руном ее мягких каштановых волос, темнеющих внизу живота.
He reached to the table behind, and took up her bunch of flowers, still so wet that drops of rain fell on to her.	Он протянул к столу руку, взял принесенный ею букетик, с которого на нее посыпались капли дождя.
'Flowers stops out of doors all weathers,' he said. 'They have no houses.'	- Цветам приходится терпеть любую погоду, -сказал он. - У них ведь нет дома.
'Not even a hut!' she murmured.	- Даже хижины, - прошептала она.
With quiet fingers he threaded a few forget-me-not flowers in the fine brown fleece of the mound of Venus.	Уверенными пальцами он воткнул несколько незабудок в треугольник каштановых волос.
'There!' he said. 'There's forget-me-nots in the right place!'	- Ну вот, - сказал он. - Незабудки на месте.
She looked down at the milky odd little flowers among the brown maiden-hair at the lower tip of her body.	Она взглянула на мелкие голубоватые цветочки внизу живота.
'Doesn't it look pretty!' she said.	- Какая прелесть, - вырвалось у нее.
'Pretty as life,' he replied.	- Как сама жизнь, - отозвался он.
And he stuck a pink campion-bud among the hair.	И воткнул рядом розовый бутон смолевки.
'There! That's me where you won't forget me! That's Moses in the bull-rushes.'	- А это я. Как Моисей в камышах. И ты теперь меня не забудешь.
'You don't mind, do you, that I'm going away?' she asked wistfully, looking up into his face.	- Ты ведь не сердишься, что я уезжаю? - грустно проговорила она, глядя ему в лицо.

But his face was inscrutable, under the heavy brows. He kept it quite blank.	Оно было непроницаемо, тяжелые брови насуплены. Ничего-то в нем не прочитаешь.
'You do as you wish,' he said.	- Охота пуще неволи, - сказал он.
And he spoke in good English. 'But I won't go if you don't wish it,' she said, clinging to him.	- Я не поеду, если ты не хочешь, - прижалась она к нему.
There was silence. He leaned and put another piece of wood on the fire.	Оба замолчали, он протянул руку и бросил еще полено в огонь.
The flame glowed on his silent, abstracted face.	Вспыхнувшее пламя озарило его хмурое, за семью печатями лицо.
She waited, but he said nothing.	Она ждала его ответа, но он так и не раскрыл рта.
'Only I thought it would be a good way to begin a break with Clifford.'	- Знаешь, я думаю, что это начало разрыва с Клиффордом.
I do want a child.	Я правда хочу ребенка.

And it would give me a chance to, to—,' she resumed.	И это даст мне возможность, понимаешь... - она запнулась.
'To let them think a few lies,' he said.	- Навязать им некий обман, - закончил он.
'Yes, that among other things.	- Да, помимо всего прочего.
Do you want them to think the truth?'	А ты хочешь, чтобы они знали правду?
'I don't care what they think.'	- Мне все равно, что они будут думать.
I do!	- А мне не все равно!
I don't want them handling me with their unpleasant cold minds, not while I'm still at Wragby.	Я не хочу, чтобы они меня мучили своей холодной иронией. Это так ужасно. Во всяком случае, пока я буду еще жить в Рагби-холле.
They can think what they like when I'm finally gone.'	Когда я совсем уеду, пусть думают что хотят.
He was silent.	Он опять замолчал.
'But Sir Clifford expects you to come back to him?'	- Сэр Клиффорд ожидает, что ты вернешься к нему из Венеции?
'Oh, I must come back,' she said: and there was silence.	- Да, поэтому я должна вернуться, - сказала она.
'And would you have a child in Wragby?' he asked.	- А рожать ты будешь тоже в Рагби?
She closed her arm round his neck.	Конни обняла его за шею.
'If you wouldn't take me away, I should have to,' she said.	- Придется, если ты не увезешь меня оттуда, - сказала она.
'Take you where to?'	- Куда увезу?
'Anywhere! away!'	- Куда-нибудь.
But right away from Wragby.'	Куда хочешь. Только подальше от Рагби.
'When?'	- Когда?
'Why, when I come back.'	- Когда я вернусь.

'But what's the good of coming back, doing the thing twice, if you're once gone?' he said.	- Какой тогда смысл возвращаться? Зачем делать дважды одно и то же? - сказал он.
Oh, I must come back. I've promised! I've promised so faithfully.	- Я должна вернуться. Я обещала. Дала слово.
Besides, I come back to you, really.'	Да к тому же, я ведь вернусь сюда, к тебе.
'To your husband's game-keeper?'	- К егерю твоего мужа?
'I don't see that that matters,' she said.	- Это для меня не имеет значения.
'No?'	- Не имеет?
He mused a while. 'And when would you think of going away again, then; finally?'	- Он немного подумал. - А когда же ты все-таки решишь совсем уйти?
When exactly?'	Когда точно?
Oh, I don't know.	- Пока не знаю.
I'd come back from Venice.	Вот вернусь из Венеции.
And then we'd prepare everything.'	И вместе решим.
'How prepare?'	- Что решим?
Oh, I'd tell Clifford.	- Я все скажу Клиффорду.
I'd have to tell him.'	Я должна ему сказать.
'Would you!'	- Скажешь?
He remained silent.	И опять он как набрал в рот воды.
She put her arms round his neck.	Конни крепко обняла его.
'Don't make it difficult for me,' she pleaded.	- Не осложняй мне все дело, - попросила она.
'Make what difficult?'	- Что не осложнять?
'For me to go to Venice and arrange things.'	- Мою поездку в Венецию и все дальнейшее.
A little smile, half a grin, flickered on his face.	Легкая, чуть насмешливая улыбка скользнула по его лицу.
'I don't make it difficult,' he said. 'I only want to find out just what you are after.'	- Я ничего не осложняю, - сказал он. - Я просто хочу понять, что действительно тобой движет.
But you don't really know yourself.	По-видимому, ты сама не понимаешь себя.
	Ты хотела бы потянуть время, уехать и все еще раз

You want to take time: get away and look at it.	обдумать на стороне.
I don't blame you.	Я не виню тебя.
I think you're wise.	Думаю, что ты поступаешь мудро.
You may prefer to stay mistress of Wragby.	Возможно, ты предпочтешь остаться хозяйкой Рагби.
I don't blame you.	Нет, я не виню тебя.
I've no Wragbys to offer.	Мне нечего тебе предложить. У меня нет Рагби.
In fact, you know what you'll get out of me.	Ты знаешь, что я могу тебе дать.
No, no, I think you're right! I really do!	Я думаю, ты права!

And I'm not keen on coming to live on you, being kept by you. There's that too.'	И я вовсе не горю желанием навязать тебе свою жизнь. Не хочу быть у тебя на содержании. Есть ведь еще эта сторона.
She felt somehow as if he were giving her tit for tat.	"Он мучает меня, - подумала Конни, - чтобы поквитаться".
'But you want me, don't you?' she asked.	- Но ты ведь любишь меня? - спросила она.
'Do you want me?'	- А ты?
You know I do.	- Ты же знаешь, что люблю.
That's evident.'	Это очевидно.
'Quite!'	- Что верно, то верно.
And when do you want me?'	Так когда ты хочешь соединиться со мной?
'You know we can arrange it all when I come back.	- Я же сказала - вернусь, и мы все, все устроим. Ну что ты меня терзаешь!
Now I'm out of breath with you. I must get calm and clear.'	Вот теперь мне надо успокоиться и привести в порядок мысли.
'Quite!'	- Прекрасно!
Get calm and clear!'	Успокаивайся и приводи что там у тебя в порядок.
She was a little offended.	Конни немножко обиделась.
'But you trust me, don't you?' she said.	- Но ты веришь мне? - спросила она.
'Oh, absolutely!'	- Безусловно!
She heard the mockery in his tone.	Ей послышалась в его голосе явная насмешка.
'Tell me then,' she said flatly; 'do you think it would be better if I don't go to Venice?'	- Тогда ответь мне, только честно, - твердо сказала она. - Ты считаешь, что мне лучше не ездить в Венецию?
'I'm sure it's better if you do go to Venice,' he replied in the cool, slightly mocking voice.	- Я считаю, что тебе надо ехать в Венецию, - ответил он своим холодным, чуть насмешливым тоном.
'You know it's next Thursday?' she said.	- Ты знаешь, что я еду в тот четверг?
'Yes!'	- Знаю.
She now began to muse.	Конни опять задумалась.
At last she said: 'And we shall know better where we are when I come back, shan't we?'	Потом сказала: - Когда я вернусь, нам будут яснее наши отношения, верно?
'Oh surely!'	- Разумеется.
The curious gulf of silence between them!	И опять непонятное молчание.
'I've been to the lawyer about my divorce,' he said, a little constrainedly.	- Я советовался с юристом о разводе, - на этот раз начал он явно через силу.
She gave a slight shudder. 'Have you!' she said. 'And what did he say?'	- Правда? И что он сказал? - встрепенулась Конни.

He said I ought to have done it before; that may be a difficulty.	- Он сказал, что надо было гораздо раньше возбудить дело. А теперь могут возникнуть трудности.
But since I was in the army, he thinks it will go through all right.	Но поскольку я служил в армии, он думает, что я получу развод.
If only it doesn't bring her down on my head!'	Если только, конечно, узнав о начатых шагах, она опять не свалится мне на голову.
'Will she have to know?'	- А она должна об этом знать?
'Yes! she is served with a notice: so is the man she lives with, the co-respondent.'	- А как же. Ей пошлют официальное уведомление.
'Isn't it hateful, all the performances!'	- Какая тоска - все эти формальности!
I suppose I'd have to go through it with Clifford.'	Меня то же ждет с Клиффордом.

There was a silence.	Опять молчание.
'And of course,' he said, 'I have to live an exemplary life for the next six or eight months.'	- И конечно, - сказал он, - мне придется месяцев шесть-восемь вести высоконравственную жизнь.
So if you go to Venice, there's temptation removed for a week or two, at least.'	Пока ты в Венеции, соблазн будет недели две-три отсутствовать.
'Am I temptation!' she said, stroking his face. 'I'm so glad I'm temptation to you!'	- А я для тебя соблазн? - сказала она, глядя его лицо. - Я так рада, что я для тебя соблазн.
Don't let's think about it!	Давай больше не будем думать о неприятном.
You frighten me when you start thinking: you roll me out flat.	Когда ты начинаешь думать, мне становится страшно: ты просто кладешь меня на обе лопатки.
Don't let's think about it.	Давай не будем ни о чем думать.
We can think so much when we are apart.	В разлуке у нас будет много времени для думания.
That's the whole point!	В этом смысл моей поездки.
I've been thinking, I must come to you for another night before I go.	Между прочим, мне знаешь что пришло в голову - до отъезда провести с тобой еще одну ночь.
I must come once more to the cottage. Shall I come on Thursday night?'	У тебя в доме. Можно я приду к тебе в четверг вечером?
'Isn't that when your sister will be there?'	- В тот день, когда за тобой приедет сестра?
'Yes! But she said we would start at tea-time. So we could start at tea-time.'	- Да. Она сказала, мы должны выехать часов в пять. Ну, мы и выедем.
But she could sleep somewhere else and I could sleep with you.	Она переночует ту ночь в какой-нибудь гостинице, а я с тобой.
'But then she'd have to know.'	- Тогда придется ей все сказать?
Oh, I shall tell her. I've more or less told her already.	- Конечно. Да я уже почти призналась ей.
I must talk it all over with Hilda.	Мне надо все хорошенько обсудить с Хильдой.
She's a great help, so sensible.'	Она мне всегда во всем помогала. Она очень умная.

He was thinking of her plan. 'So you'd start off from Wragby at tea-time, as if you were going to London?'	- Значит, вы выедете из Рагби в Лондон часов в пять.
Which way were you going?'	Каким путем вы поедете?
'By Nottingham and Grantham.'	- Через Ноттингем и Грэнтем.
'And then your sister would drop you somewhere and you'd walk or drive back here?'	- Сестра где-нибудь высадит тебя, и ты пойдешь обратно? Или подъедешь на чем-нибудь?
Sounds very risky, to me.'	Мне кажется, это большой риск.
'Does it?'	- Почему?
Well, then, Hilda could bring me back.	Хильда и подвезет меня обратно.
She could sleep at Mansfield, and bring me back here in the evening, and fetch me again in the morning. It's quite easy.'	Мы остановимся в Мэнсфилде, и вечером она привезет меня сюда. А утром заберет. Все очень просто.
'And the people who see you?'	- А если кто из людей тебя увидит?
'I'll wear goggles and a veil.'	- Я надену темные очки и вуалетку.
He pondered for some time.	Он опять немного подумал.
'Well,' he said. 'You please yourself as usual.'	- Ну что ж, - сказал он, - хочешь, как всегда, себя побаловать.
'But wouldn't it please you?'	- Но разве тебе от этого будет плохо?
'Oh yes! It'd please me all right,' he said a little grimly. 'I might as well smite while the iron's hot.'	- Не будет, конечно, - сказал он нахмурившись.- Куй железо, пока горячо, как говорится.
'Do you know what I thought?' she said suddenly. 'It suddenly came to me.'	- А знаешь, что я еще придумала? - вдруг выпалила она. - Меня осенило сию минуту.
You are the "Knight of the Burning Pestle"!	Ты возведен в рыцарское достоинство. И теперь ты "Рыцарь пламенеющего пестика" [название пьесы Флетчера, драматурга и поэта, младшего современника Шекспира].
'Ay! And you? Are you the Lady of the Red-Hot Mortar?'	- Ха! Ну а ты? Леди пламенеющей ступки.
'Yes!' she said. 'Yes!'	- Вот здорово! - воскликнула она.

'You're Sir Pestle and I'm Lady Mortar.' 'All right, then I'm knighted. John Thomas is Sir John, to your Lady Jane.'	- Выходит, Джон Томас теперь сэр Джон. Под стать своей леди Джейн.
'Yes! John Thomas is knighted!'	- Ура! Джон Томас посвящен в рыцари.
I'm my-lady-maiden-hair, and you must have flowers too. Yes!' She threaded two pink campions in the bush of red-gold hair above his penis.	Я вся в цветах, и сэра Джона тоже надо осыпать цветами! И Конни воткнула две розовые смолевки в облако золотистых волос внизу его живота.
'There!' she said. Charming! Charming! Sir John!'	- Вот! - сказала она. - Очаровательно. Просто очаровательно, сэр Джон. Будешь помнить свою леди Джейн.

And she pushed a bit of forget-me-not in the dark hair of his breast. 'And you won't forget me there, will you?' She kissed him on the breast, and made two bits of forget-me-not lodge one over each nipple, kissing him again. 'Make a calendar of me!' he said. He laughed, and the flowers shook from his breast.	Затем украсила незабудками темные волосы над сосками и поцеловала его соски. - Ишь, сделала из меня алтарь, - рассмеялся он, и цветы с его груди так и посыпались.
Wait a bit!' he said. He rose, and opened the door of the hut.	- Подожди, - сказал он и пошел открыть дверь.
Flossie, lying in the porch, got up and looked at him.	Флосси, лежавшая на пороге, поднялась и посмотрела на него.
'Ay, it's me!' he said.	- Лежи, лежи, это я! - сказал он.
The rain had ceased.	Дождь перестал.
There was a wet, heavy, perfumed stillness.	Всюду был разлит влажный, тяжелый, полный весенних ароматов покой.
Evening was approaching.	Заметно вечерело.
He went out and down the little path in the opposite direction from the riding.	Он вышел и двинулся в сторону, противоположную верховой тропе.
Connie watched his thin, white figure, and it looked to her like a ghost, an apparition moving away from her.	Конни провожала взглядом его тонкую белую фигуру, и он показался ей призраком, привидением, уходящим от нее, готовым раствориться в воздухе.
When she could see it no more, her heart sank.	Вот его фигуру поглотил лес, и сердце у нее екнуло.
She stood in the door of the hut, with a blanket round her, looking into the drenched, motionless silence.	Она стояла в двери сторожки, завернувшись в одеяло, вглядываясь во влажную, неподвижную тишину.
But he was coming back, trotting strangely, and carrying flowers.	А он уже возвращался легкой пружинистой походкой.
She was a little afraid of him, as if he were not quite human.	Она немного побаивалась его, он представлялся ей неким мифическим существом.
And when he came near, his eyes looked into hers, but she could not understand the meaning.	Подойдя ближе, он взглянул ей прямо в глаза, но она еще не умела читать его взгляд.
He had brought columbines and campions, and new-mown hay, and oak-tufts and honeysuckle in small bud.	Чего только он не набрал в лесу: водосбор, смолевки, пучок свежескошенной травы, еще нераспустившуюся жимолость, дубовую ветку в нежных листочках.
He fastened fluffy young oak-sprays round her breasts, sticking in tufts of bluebells and campion: and in her navel he poised a pink campion flower, and in her maiden-hair were forget-me-nots and woodruff.	Веткой он убрал ей грудь, в волосы воткнул несколько колокольчиков, в пупок розовую смолевку, а темный треугольник под животом украсил незабудками и ясенником.
'That's you in all your glory!' he said. 'Lady Jane, at her wedding with John Thomas.'	- Царица во всей своей славе! - рассмеялся он. - Леди Джейн празднует свадьбу с Джоном Томасом.

And he stuck flowers in the hair of his own body, and	
---	--

wound a bit of creeping-jenny round his penis, and stuck a single bell of a hyacinth in his navel.	И принялся украшать себя. Обвил вьюнком свою мышцу, сунул в пупок колокольчик гиацинта.
She watched him with amusement, his odd intentness.	Конни, затаив дыхание, следила за его странной игрой.
And she pushed a campion flower in his moustache, where it stuck, dangling under his nose.	Но потом и сама включилась в нее, воткнула ему в усы смолевку, и она смешно закачалась под носом.
This is John Thomas marryin' Lady Jane,' he said. 'An' we mun let Constance an' Oliver go their ways.	- Джон Томас женится на леди Джейн, - сказал он. - А Оливер с Констанцией пусть делают что хотят.
Maybe—'	Может, все-таки...
He spread out his hand with a gesture, and then he sneezed, sneezing away the flowers from his nose and his navel.	Он сделал торжественный жест и вдруг чихнул, стряхнув цветы из-под носа и из пупка.
He sneezed again.	И снова чихнул.
'Maybe what?' she said, waiting for him to go on.	- Может, что? - спросила Конни.
He looked at her a little bewildered. Eh?' he said.	- Что? - он удивленно взглянул на нее.
'Maybe what?	- Может - что? Ну, говори же, что?
Go on with what you were going to say,' she insisted.	Что ты хотел сказать?
'Ay, what was I going to say?'	- А что я хотел сказать?
He had forgotten.	Он начисто забыл конец оборванной фразы.
And it was one of the disappointments of her life, that he never finished.	И это осталось для Конни одним из самых больших разочарований в жизни.
A yellow ray of sun shone over the trees.	Над деревьями вспыхнул последний солнечный луч.
'Sun!' he said. 'And time you went. Time, my Lady, time!	- Солнце! - сказал он. - Помнишь, когда ты пришла? Время, ваша милость, время!
What's that as flies without wings, your Ladyship?	Что без крыльев, а летит - не догонишь?
Time! Time!'	Неуловимое время!
He reached for his shirt.	Он потянулся за своей рубашкой.
'Say goodnight! to John Thomas,' he said, looking down at his penis. 'He's safe in the arms of creeping Jenny! Not much burning pestle about him just now.'	- Скажи до свидания Джону Томасу. Он в крепких путах вьюнков. Сейчас его вряд ли назовешь: "Рыцарь пламенеющего пестика".
And he put his flannel shirt over his head.	И он стал натягивать через голову фланелевую рубашку.
'A man's most dangerous moment,' he said, when his head had emerged, 'is when he's getting into his shirt.	- Самый опасный миг для мужчины, - сказал он, высунув из ворота голову, - когда он натягивает рубашку.
Then he puts his head in a bag.	Это все равно, что лезть головой в мешок.

That's why I prefer those American shirts, that you put on like a jacket.'	Вот почему я люблю американские рубашки. Их надеваешь как пиджак.
She still stood watching him.	Конни все стояла и смотрела на него.
He stepped into his short drawers, and buttoned them round the waist.	Затем он натянул короткие кальсоны и застегнул на животе.
Look at Jane!' he said. In all her blossoms!	- Поглядите на Джейн! - воскликнул он. - Осыпана цветами!
Who'll put blossoms on you next year, Jinny? Me, or somebody else? "Good-bye, my bluebell, farewell to you!"	А кто будет осыпать ее цветами через год? Я или кто другой? "Прощай, мой колокольчик, и помни обо мне!"
I hate that song, it's early war days.'	Терпеть не могу эту песню. Напоминает мне начало войны.
He then sat down, and was pulling on his stockings.	Он сел и стал натягивать носки.
She still stood unmoving.	Конни все еще не двигалась места.
He laid his hand on the slope of her buttocks. 'Pretty little Lady Jane!' he said. 'Perhaps in Venice you'll find a man who'll put jasmine in your maiden-hair, and a pomegranate flower in your navel.	Он положил ладонь ей на бедро. - Милая маленькая леди Джейн! - сказал он. - Может, в Венеции ты встретишь мужчину, который украсит тебя жасмином и гранатовым цветом!
Poor little lady Jane!'	Бедная маленькая леди Джейн.

'Don't say those things!' she said. 'You only say them to hurt me.'	- Не говори глупости, - сказала Конни. - Ты говоришь это, чтобы сделать мне больно.
He dropped his head. Then he said, in dialect:	Он опустил голову. Потом сказал на своем диалекте:
'Ay, maybe I do, maybe I do!	- Может, и так...
Well then, I'll say nowt, an' ha' done wi't.	Ну да ладно. Сказано и забыто.
But tha mun dress thysen, all' go back to thy stately homes of England, how beautiful they stand.	А ты давай одевайся и ступай в свои хоромы, богатые да просторные.
Time's up! Time's up for Sir John, an' for little Lady Jane!	Вышел срок сэру Джону и маленькой Джейн.
Put thy shimmy on, Lady Chatterley!	Надевайте свой пеньюар, леди Чаттерли!
Tha might be anybody, standin' there be-out even a shimmy, an' a few rags o' flowers.	А то ведь поди без пеньюара-то в одних цветочках не сразу и признают.
There then, there then, I'll undress thee, tha bob-tailed young throstle.'	Вот я сейчас возьму и раздену тебя, бесхвостая трясогузка.
And he took the leaves from her hair, kissing her damp hair, and the flowers from her breasts, and kissed her breasts, and kissed her navel, and kissed her maiden-hair, where he left the flowers threaded. 'They mun stop while they will,' he said. 'So!	Он вынул колокольчики из влажных еще волос, поцеловал их, убрал ветки с груди и поцеловал груди. Незабудок, однако, не тронул. - Пусть они тут и останутся.
There tha'rt bare again, nowt but a bare-arsed lass an' a bit of a Lady Jane!	Вот ты и опять голая, ласонька моя, леди Джейн.

Now put thy shimmy on, for tha mun go, or else Lady Chatterley's goin' to be late for dinner, an' where 'ave yer been to my pretty maid!'	А теперь одевайся, тебе пора поспешать отсюда. Не то леди Чаттерли опоздает к ужину. И будет ей, моей голубушке, хорошая взбучка.
She never knew how to answer him when he was in this condition of the vemacular.	Конни всегда терялась, когда он переходил на свой диалект.
So she dressed herself and prepared to go a little ignominiously home to Wragby. Or so she felt it: a little ignominiously home.	Она молча оделась и заспешила домой, чувствуя, что провинилась.
He would accompany her to the broad riding.	Он пошел проводить ее до верховой тропы.
His young pheasants were all right under the shelter.	По дороге заглянул к фазаняткам: вид у них был довольный, точно никакой грозы не было.
When he and she came out on to the riding, there was Mrs Bolton faltering palely towards them.	Свернули на тропу и нос к носу столкнулись с побледневшей, испуганной миссис Болтон.
'Oh, my Lady, we wondered if anything had happened!'	- О, ваша милость, - запричитала она, - мы думали, с вами что приключилось.
'No! Nothing has happened.'	- Что со мной могло приключиться?
Mrs Bolton looked into the man's face, that was smooth and new-looking with love.	Миссис Болтон посмотрела в лицо мужчины и не узнала его, такой любовью оно светилось.
She met his half-laughing, half-mocking eyes. He always laughed at mischance. But he looked at her kindly.	Глаза чуть насмешливо улыбались, впрочем, он всегда смеялся в неловкую минуту, но была в них и явная приветливость.
'Evening, Mrs Bolton!	- Добрый вечер, миссис Болтон!
Your Ladyship will be all right now, so I can leave you.	Я больше не нужен вашей милости? Позвольте мне откланяться.
Good-night to your Ladyship!	До свидания, ваша милость.
Good-night, Mrs Bolton!'	До свидания, миссис Болтон!
He saluted and turned away.	Егерь козырнул и пошел обратно.
Chapter 16	16
Connie arrived home to an ordeal of cross-questioning.	Дома Конни ожидала пытка перекрестного допроса.
Clifford had been out at tea-time, had come in just before the storm, and where was her ladyship?	Клиффорд выехал из дому часов в пять, вернулся перед самой грозой. Ее милости дома не было.
Nobody knew, only Mrs Bolton suggested she had gone for a walk into the wood.	И никто не знал, куда она делась. Миссис Болтон предположила, что она вышла прогуляться в лес.
Into the wood, in such a storm!	В лес? В такую грозу?
Clifford for once let himself get into a state of nervous frenzy.	Клиффорд взвинтил себя почти до нервного припадка.

He started at every flash of lightning, and blanched at every roll of thunder.	Вздрагивал при каждой вспышке молнии и белел как полотно от каждого раската грома.
He looked at the icy thunder-rain as if it dare the end of the world.	Он глядел в окно на потоки проливного дождя с таким ужасом, будто пришел конец света.

He got more and more worked up.	Нервы у него расходились все сильнее.
Mrs Bolton tried to soothe him.	Миссис Болтон пыталась успокоить его.
'She'll be sheltering in the hut, till it's over. Don't worry, her Ladyship is all right.'	- Ее милость укрылась в сторожке. Не беспокойтесь, с ней ничего не случилось.
I don't like her being in the wood in a storm like this!	- Я не хочу, чтобы она гуляла по лесу в такую грозу.
I don't like her being in the wood at all! She's been gone now more than two hours. When did she go out?'	Я вообще не хочу, чтобы она одна уходила в лес! Ее нет уже больше двух часов. Когда она вышла из дома?
'A little while before you came in.'	- За несколько минут до вашего возвращения.
'I didn't see her in the park. God knows where she is and what has happened to her.'	- Но я не встретил ее в парке. Один Бог знает, где она теперь и что с ней случилось.
Oh, nothing's happened to her.	- Да ничего с ней не случилось.
You'll see, she'll be home directly after the rain stops. It's just the rain that's keeping her.'	Вот увидите, гроза пройдет и она явится. Не может же она идти домой по такому дождю.
But her ladyship did not come home directly the rain stopped.	Но гроза унялась, а ее милость не появилась.
In fact time went by, the sun came out for his last yellow glimpse, and there still was no sign of her.	Время шло, вспыхнули последние лучи, а, ее все не было.
The sun was set, it was growing dark, and the first dinner-gong had rung.	Наконец солнце село, сгустились тени, ударил первый гонг, зовущий к обеду.
'It's no good!' said Clifford in a frenzy. 'I'm going to send out Field and Betts to find her.'	- Это невыносимо, - бушевал Клиффорд. - Надо послать Филда с Беттсом на поиски.
Oh don't do that!' cried Mrs Bolton. 'They'll think there's a suicide or something.'	- Не делайте этого! - воскликнула миссис Болтон.- Они еще подумают про самоубийство.
Oh don't start a lot of talk going.	Пойдут всякие разговоры...
Let me slip over to the hut and see if she's not there. I'll find her all right.'	Я лучше сама пойду посмотрю, не в сторожке ли она. Я уверена, что найду ее.
So, after some persuasion, Clifford allowed her to go.	После недолгих уговоров Клиффорд отпустил ее.
And so Connie had come upon her in the drive, alone and palely loitering.	Так вот Конни и встретила с миссис Болтон, бледной, спотыкающейся, одиноко бредущей по лесу.
'You mustn't mind me coming to look for you, my Lady! But Sir Clifford worked himself up into such a state.'	- Не сердитесь, что я пошла искать вас, ваша милость. Сэр Клиффорд на грани истерики.
He made sure you were struck by lightning, or killed by a falling tree.	Он уверил себя, что вас либо поразила молния, либо убило рухнувшее дерево.
And he was determined to send Field and Betts to the wood to find the body.	И решил послать Филда с Беттсом на поиски вашего тела.
So I thought I'd better come, rather than set all the servants agog. She spoke nervously.	Я и подумала, лучше уж мне пойти. А то какой бы поднялся переполох, - говорила, волнуясь, миссис Болтон.

She could still see on Connie's face the smoothness and the half-dream of passion, and she could feel the irritation against herself.	Она видела и в лице Конни тот же свет, ту же отрешенность, которые рождает только любовь. И чувствовала, что Конни недовольна ею, даже раздражена.
'Quite!' said Connie. And she could say no more.	- Хорошо, - сказала Конни, не прибавив больше ни слова.
The two women plodded on through the wet world, in silence, while great drops splashed like explosions in the wood.	Две женщины молча шли по умытому грозой лесу, слушая, как падают тяжелые капли, взрываясь хлопучками.
Ben they came to the park, Connie strode ahead, and Mrs Bolton panted a little. She was getting plumper.	Когда вошли в парк, Конни ускорила шаг, и миссис Болтон, пытая, поплелась сзади - она стала заметно тучнеть.

'How foolish of Clifford to make a fuss!' said Connie at length, angrily, really speaking to herself.	- Как глупо со стороны Клиффорда поднимать такой шум, - наконец сказала она в сердцах скорее самой себе, чем миссис Болтон.
'Oh, you know what men are!	- Вы же знаете, ваша милость, что такое мужчины.
They like working themselves up.	Они любят взвинтить себя.
But he'll be all right as soon as he sees your Ladyship.'	Но как только он увидит вас в целости-сохранности, он тут же и успокоится.
Connie was very angry that Mrs Bolton knew her secret: for certainly she knew it.	Конни очень досадовала, что миссис Болтон разгадала ее тайну. В этом не было никакого сомнения.
Suddenly Constance stood still on the path. 'It's monstrous that I should have to be followed!' she said, her eyes flashing.	- Нет, это возмутительно! - Она неожиданно остановилась. - Послать за мной шпионить! -Конни глядела на миссис Болтон пылающими глазами.
'Oh! your Ladyship, don't say that!	- О, ваша милость! Не говорите так.
He'd certainly have sent the two men, and they'd have come straight to the hut.	Он действительно послал бы Филда с Беттсом, и они сразу пошли бы в сторожку.
I didn't know where it was, really.'	А я даже и не знаю толком, где она находится.
Connie flushed darker with rage, at the suggestion.	Лицо Конни стало пунцовым - она поняла намек миссис Болтон.
Yet, while her passion was on her, she could not lie.	Но в таком состоянии не могла лгать.
She could not even pretend there was nothing between herself and the keeper.	Не могла притвориться, что между ней и егерем ничего нет.
She looked at the other woman, who stood so sly, with her head dropped: yet somehow, in her femaleness, an ally.	Она поглядела на стоящую перед ней женщину -голова опущена, лукавства в глазах не видно.
'Oh well!' she said. 'I fit is so it is so. I don't mind!'	Но, конечно, оно там есть. Ладно, в таких делах женщина женщине чаще всего союзник. -Так тому и быть, - сказала она. - В конце концов меня это мало волнует.
'Why, you're all right, my Lady!	- Полноте, ваша милость! Ничего страшного не случилось.

You've only been sheltering in the hut. It's absolutely nothing.'	Вы спрятались от грозы в хижине. Вот и все.
They went on to the house.	Вошли в дом.
Connie marched in to Clifford's room, furious with him, furious with his pale, over-wrought face and prominent eyes.	Конни сразу устремилась в комнату Клиффорда, kloчoca яростью; ее бесило все -Клиффорд, его выпученные глаза, бледное, дергающееся лицо.
'I must say, I don't think you need send the servants after me,' she burst out.	- Я должна сказать, у тебя нет причин посылать слуг на мои поиски, - выговаривала она ему резко.
'My God!' he exploded. 'Where have you been, woman, You've been gone hours, hours, and in a storm like this!	- Боже правый! - возопил он - Где ты была, женщина! Тебя не было дома несколько часов, несколько! Гулять в такую грозу!
What the hell do you go to that-bloody wood for? What have you been up to?	Какого дьявола тебя понесло в этот чертов лес? Что это тебе взбрело в голову?
It's hours even since the rain stopped, hours!	Гроза уже давно прошла, давно.
Do you know what time it is?	Ты знаешь, сколько сейчас времени?
You're enough to drive anybody mad.	Да от этого можно сойти с ума.
Where have you been?	Где ты была?
What in the name of hell have you been doing?'	Что ты, черт возьми, все это время делала?
'And what if I don't choose to tell you?' She pulled her hat from her head and shook her hair.	- И не подумаю ничего объяснять, - сказала она и, сняв шляпку, тряхнула волосами.
He lied at her with his eyes bulging, and yellow coming into the whites.	Он глядел на нее выкатившимися глазами, белки глаз налились желтизной.
It was very bad for him to get into these rages: Mrs Bolton had a weary time with him, for days after.	Ему были вредны приступы такого гнева, миссис Болтон потом мучилась с ним несколько дней.
Connie felt a sudden qualm.	И Конни вдруг устыдилась.
But really!' she said, milder. 'Anyone would think I'd been I don't know where!	- Ну что это ты, в самом деле, - сказала она мягче,- можно подумать, я была Бог весть где.

I just sat in the hut during all the storm, and made myself a little fire, and was happy.'	Я просто сидела в сторожке, разожгла в очаге огонь; лил дождь, а я была счастлива.
She spoke now easily.	Она лгала легко.
After all, why work him up any more!	Зачем еще больше гневить его, какой смысл?
He looked at her suspiciously.	Он поглядел на нее с подозрением.
And look at your hair!' he said; 'look at yourself!'	- Посмотри на свои волосы! - все еще кипятился он. - Посмотри на себя!
'Yes!' she replied calmly. 'I ran out in the rain with no clothes on.'	- Да, - сказала она. - Я бегала нагая под дождем.
He stared at her speechless.	Клиффорд лишился дара речи от изумления.
'You must be mad!' he said.	- Ты сошла с ума, - наконец вымолвил он.
Why? To like a shower bath from the rain?'	- А что такого! Разве плохо принять в лесу дождевой душ?

'And how did you dry yourself?'	- Чем же ты вытиралась?
On an old towel and at the fire.'	- Старым полотенцем. Нашла в сторожке. Волосы посушила над огнем.
He still stared at her in a dumbfounded way.	Он все продолжал ошалело глядеть на нее.
'And supposing anybody came,' he said.	- А если бы кто вошел?
'Who would come?'	- Кто мог бы войти?
'Who? Why, anybody! And Mellors.	- Да кто угодно. Хотя бы и Меллорс.
Does he come?	Он, случайно, не заглянул туда?
He must come in the evenings.'	По вечерам он бывает в сторожке.
'Yes, he came later, when it had cleared up, to feed the pheasants with corn.'	- Заглянул. Только позже, когда гроза кончилась. Дал фазанят корму.
She spoke with amazing nonchalance.	Она говорила с поразительной непринужденностью.
Mrs Bolton, who was listening in the next room, heard in sheer admiration.	Миссис Болтон слушала ее в соседней комнате и восхищалась.
To think a woman could carry it off so naturally!	Подумать только, как естественно может держать себя женщина в такой ситуации.
'And suppose he'd come while you were running about in the rain with nothing on, like a maniac?'	- А если бы он увидел, как ты носишься голая под дождем, точно сбежала из сумасшедшего дома? Что бы тогда было?
'I suppose he'd have had the fright of his life, and cleared out as fast as he could.'	- Он до смерти перепугался бы и дал деру.
Clifford still stared at her transfixed.	Клиффорд все не мог опаматоваться.
What he thought in his under-consciousness he would never know.	Что делалось у него в подсознании, он так никогда потом и не разобрал.
And he was too much taken aback to form one clear thought in his upper consciousness.	Сейчас же на ум не шла ни одна здравая мысль.
He just simply accepted what she said, in a sort of blank.	Он просто принял объяснения Конни, принял, как рыба заглатывает крючок.
And he admired her. He could not help admiring her.	Он восхищался ею, не мог не восхищаться.
She looked so flushed and handsome and smooth: love smooth.	Она была такая красивая, румяная, свежая и вся светилась любовью.
'At least,' he said, subsiding, 'you'll be lucky if you've got off without a severe cold.'	- Будет большая удача, - сказал он, смягчаясь, - если ты не сляжешь с сильной простудой.
'Oh, I haven't got a cold,' she replied. She was thinking to herself of the other man's words: Tha's got the nicest woman's arse of anybody!	- А я ведь не простужаюсь, - сказала Конни, вспомнив слова другого мужчины: "Не попка, а печка, ладная, круглая, теплая".
She wished, she dearly wished she could tell Clifford that this had been said her, during the famous thunderstorm.	Ей так захотелось сказать Клиффорду - вот что она услышала во время этой божественной грозы.

However! She bore herself rather like an offended queen, and went upstairs to change.	Но все-таки лучше попридержать язык. И вести себя, как подобает обиженной королеве. И Конни отправилась наверх переодеваться.
That evening, Clifford wanted to be nice to her.	Клиффорд решил вечером быть с Конни ласковее.

He was reading one of the latest scientific-religious books: he had a streak of a spurious sort of religion in him, and was egocentrically concerned with the future of his own ego.	Он читал сейчас одно из новейших научно-религиозных сочинений. В Клиффорде была псевдорелигиозная жилка: он, как и все эгоцентрики, тревожился о будущем своего эго.
It was like his habit to make conversation to Connie about some book, since the conversation between them had to be made, almost chemically.	Клиффорд уже давно взял за правило беседовать с Конни о читаемых книгах. Беседы в их жизни были насущным делом, чуть ли не биологической потребностью.
They had almost chemically to concoct it in their heads.	И Клиффорд готовился к ним, как к сложным биохимическим опытам.
'What do you think of this, by the way?' he said, reaching for his book. You'd have no need to cool your ardent body by running out in the rain, if only we have a few more aeons of evolution behind us.	- Что бы ты сказала на это? - спросил Клиффорд, потянувшись за книгой. - Будь позади нас еще несколько эонов эволюции, тебе бы не пришлось остужать под дождем свое пышущее здоровьем тело.
Ah, here it is!—"The universe shows us two aspects: on one side it is physically wasting, on the other it is spiritually ascending."	Вот слушай: "Вселенная предстает перед нами двояко - физически она истощается, духовно же воспаряет".
Connie listened, expecting more.	Конни молчала, ожидая продолжения.
But Clifford was waiting.	А Клиффорд ожидал отклика на первый же постулат.
She looked at him in surprise.	Помолчав немного, Конни вопросительно взглянула на мужа.
'And if it spiritually ascends,' she said, 'what does it leave down below, in the place where its tail used to be?'	- Значит, духовно Вселенная воспаряет, - наконец сказала она. - А что, же остается внизу? Там, где у нее мягкое место?
'Ah!' he said. 'Take the man for what he means.	- Господи! Не ищи ты в сказанном больше того, что там есть, - проговорил он с легкой досадой. -
Ascending is the opposite of his wasting, I presume.'	"Воспаряет" здесь, по-видимому, антоним "истощается".
'Spiritually blown out, so to speak!'	- То есть духовно Вселенная разбухает?
'No, but seriously, without joking: do you think there is anything in it?'	- Я спрашиваю тебя серьезно: как по-твоему, есть что-нибудь в этой фразе?
She looked at him again. 'Physically wasting?' she said. 'I see you getting fatter, and I'm sot wasting myself.	- А физически, значит, она истощается? - сказала Конни, опять взглянув на него. - Но, по-моему, ты явно полнеешь. И я далека от истощения.
Do you think the sun is smaller than he used to be?	А разве солнце уменьшилось в размерах за последнее тысячелетие?

He's not to me. And I suppose the apple Adam offered Eve wasn't really much bigger, if any, than one of our orange pippins.	И, наверное, Ева предложила Адаму яблоко, которое было не больше наших красных пепинов?
Do you think it was?'	Ты не согласен?
'Well, hear how he goes on:	- Нет, ты послушай, что он говорит дальше:
"It is thus slowly passing, with a slowness inconceivable in our measures of time, to new creative conditions, amid which the physical world, as we at present know it, will be represented by a ripple barely to be distinguished from nonentity."	"Таким образом, Вселенная очень медленно, неуловимо для глаза в нашем временном измерении, стремится к новым творческим энергетическим состояниям, так что наш физический мир, такой, каким мы его знаем сегодня, в конце концов станет некоей пульсацией, почти не отличимой от небытия".
She listened with a glint of amusement.	Конни слушала, едва сдерживая смех.
All sorts of improper things suggested themselves.	В ответ напрашивалось столько всяких непристойностей.
But she only said:	Но она только сказала:
'What silly hocus-pocus!	- Что это за чепуха!
As if his little conceited consciousness could know what was happening as slowly as all that!	Как будто крошечным самовлюбленным сознанием автора можно постигнуть сверхдлительные космические процессы.
It only means he's a physical failure on the earth, so he wants to make the whole universe a physical failure.	Это может значить только одно. Автор -какой-нибудь физический урод, потому и хочет, чтобы материальный мир постигла катастрофа.
Priggish little impertinence!'	Какое беспардонное нахальство!
'Oh, but listen!	- Да ты послушай дальше.

Don't interrupt the great man's solemn words! —"The present type of order in the world has risen from an unimaginable part, and will find its grave in an unimaginable future.	Негоже прерывать великого человека на полуслове. "Нынешний тип миропорядка возник в невообразимом прошлом и погибнет в невообразимом будущем.
There remains the inexhaustive realm of abstract forms, and creativity with its shifting character ever determined afresh by its own creatures, and God, upon whose wisdom all forms of order depend."—There, that's how he winds up!	Останется неистощимое множество абстрактных форм плюс творческий импульс, вечно меняющийся и вечно готовый к творению, побуждаемый собственными порождениями и Богом, от чьей мудрости зависят все упорядоченные формы". Каково закручено!
Connie sat listening contemptuously.	Конни слушала и не могла справиться с раздражением.
'He's spiritually blown out,' she said. 'What a lot of stuff!	- Господи, какая чушь! - не выдержала она. - Вот уж кто духовно разбух!
Unimaginables, and types of order in graves, and realms of abstract forms, and creativity with a shifty character, and God mixed up with forms of order!	Невообразимости, нынешний тип миропорядка, неистощимое множество абстрактных форм, вечно меняющийся творческий импульс и Бог вперемежку с упорядоченными формами.
Why, it's idiotic!	Но ведь это просто идиотизм.

'I must say, it is a little vaguely conglomerate, a mixture of gases, so to speak,' said Clifford. ' Still, I think there is something in the idea that the universe is physically wasting and spiritually ascending.'	- Должен признать, несколько туманный подбор сущностей. Смесь, так сказать, различных газов, - проговорил Клиффорд. - И все-таки мне кажется, что-то в этой идее есть - "Вселенная духовно воспаряет, а физически истощается".
'Do you?	- Да? Ну и пусть воспаряет.
Then let it ascend, so long as it leaves me safely and solidly physically here below.'	Лишь бы здесь внизу физически со мной ничего не случилось.
'Do you like your physique?' he asked.	- Тебе так нравится твое физическое тело? -спросил он.
'I love it!'	- Я люблю его.
And through her mind went the words: It's the nicest, nicest woman's arse as is!	- И опять в ее памяти прозвучали слова: "Не попка, а печка, ладная, круглая, теплая".
'But that is really rather extraordinary, because there's no denying it's an encumbrance.	- Странное заявление, ведь общепризнано, что тело - это оковы для духа.
But then I suppose a woman doesn't take a supreme pleasure in the life of the mind.'	Хотя женщинам заказаны высшие радости ума.
'Supreme pleasure?' she said, looking up at him. 'Is that sort of idiocy the supreme pleasure of the life of the mind?	- Высшие радости? - переспросила она, взглянув прямо ему в глаза. - И это тарабарщина, по-твоему, может доставить уму высшую радость?
No thank you!	Нет уж, уволь меня от таких радостей.
Give me the body.	Оставь мне мое тело.
I believe the life of the body is a greater reality than the life of the mind: when the body is really wakened to life.	Я уверена, жизнь тела, если оно действительно пробудилось к жизни, куда реальнее, чем жизнь ума.
But so many people, like your famous wind-machine, have only got minds tacked on to their physical corpses.'	Но вокруг нас ходит столько мертвецов, у которых жив один мозг.
He looked at her in wonder.	Клиффорд слушал ее и не верил своим ушам.
'The life of the body,' he said, 'is just the life of the animals.'	- Но жизнь ради тела - животная жизнь.
'And that's better than the life of professional corpses.	- Она в тысячу раз лучше, чем жизнь профессиональных мертвецов.
But it's not true! the human body is only just coming to real life.	К сожалению, человеческое тело только начинает пробуждаться.
With the Greeks it gave a lovely flicker, then Plato and Aristotle killed it, and Jesus finished it off.	Древние греки были прекрасной вспышкой. Но Платон и Аристотель нанесли ему смертельный удар. А Иисус довершил дело.
But now the body is coming really to life, it is really rising from the tomb.	Но теперь человеческое тело опять воспрянуло к жизни.
And It will be a lovely, lovely life in the lovely universe, the life of the human body.'	Оно, действительно, выходит на свет из могильного склепа. Любовь скоро восторжествует на земле. И настанет царство живых людей.

'My dear, you speak as if you were ushering it all in!	- И ты выступаешь как провозвестница новой жизни.
True, you are going away on a holiday: but don't please be quite so indecently elated about it.	Согласен, тебя ждет отдых, море, Венеция, но, пожалуйста, не надо так откровенно ликовать. Это неприлично.
Believe me, whatever God there is is slowly eliminating the guts and alimentary system from the human being, to evolve a higher, more spiritual being.'	Поверь мне. Бог, кто бы он ни был, медленно, очень медленно, но упраздняет внутренности, пищеварительную систему в человеческом существе, выпестывая в нем более возвышенное, более духовное существо.
'Why should I believe you, Clifford, when I feel that whatever God there is has at last wakened up in my guts, as you call them, and is rippling so happily there, like dawn. Why should I believe you, when I feel so very much the contrary?'	- Почему я должна верить тебе, Клиффорд, когда я чувствую, что Бог, кто бы он ни был, проснулся, наконец, в моем теле и так радостно трепещет там, как первый луч зари.
'Oh, exactly! And what has caused this extraordinary change in you? running out stark naked in the rain, and playing Bacchante? desire for sensation, or the anticipation of going to Venice?'	- Вот именно! И что произвело в тебе эту разительную перемену? Твоя обнаженная пляска под дождем, игра в вакханку? Это что, жажда чувственных радостей, предвкушение Венеции?
Both! Do you think it is horrid of me to be so thrilled at going off?' she said.	- И то и другое! По-твоему, это ужасно, что я загодя предаюсь восторгу?
'Rather horrid to show it so plainly.'	- Я бы сказал, ужасно так откровенно его обнаруживать.
Then I'll hide it.'	- Ну что ж, тогда я буду скрывать свои чувства.
Oh, don't trouble!	- Пожалуйста, не утруждайся!
You almost communicate a thrill to me.	Ты почти заразила меня своим настроением.
I almost feel that it is I who am going off.'	Мне вдруг показалось, что это я еду.
'Well, why don't you come?'	- Так давай поедem вместе.
'We've gone over all that.'	- Это мы уже с тобой обсудили.
And as a matter of fact, I suppose your greatest thrill comes from being able to say a temporary farewell to all this. Nothing so thrilling, for the moment, as Good-bye-to-all! —But every parting means a meeting elsewhere.	К тому же, если уж совсем честно, твой восторг в значительной мере объясняется еще и другим: завтра ты скажешь "прости", правда на время, всему, что видишь здесь изо дня в день многие годы. В этом заключается особая сладость: "Прощай, все и вся!" Но всякое расставание в одном месте сулит встречи в другом.
And every meeting is a new bondage.'	А новая встреча - всегда новое бремя.
'I'm not going to enter any new bondages.'	- Вот уж не собираюсь взваливать на себя никакого бремени.
'Don't boast, while the gods are listening,' he said.	- Не заносись, когда боги слушают...
She pulled up short. 'No! I won't boast!' she said.	- А я и не заношусь, - резко оборвала Конни.
But she was thrilled, none the less, to be going off: to feel bonds snap.	Но поездка все-таки манила ее; какое счастье обрести давно утраченную свободу, хотя бы и ненадолго.

She couldn't help it.	Она ничего не могла с собой поделать.
Clifford, who couldn't sleep, gambled all night with Mrs Bolton, till she was too sleepy almost to live.	В ту ночь Клиффорд так и не смог заснуть: до самого утра играли они с миссис Болтон в карты, пока сиделка чуть не свалилась со стула.
And the day came round for Hilda to arrive. Connie had arranged with Mellors that if everything promised well for their night together, she would hang a green shawl out of the window.	И вот наконец наступил день приезда Хильды, Конни условилась с Меллорсом, что, если судьба напоследок улыбнется им, она повесит на окне зеленую шаль.
If there were frustration, a red one.	Если дело сорвется - красную.
Mrs Bolton helped Connie to pack.	Миссис Болтон помогла Конни укладываться.
'It will be so good for your Ladyship to have a change.'	- Ваша милость будет так счастлива перемене обстановки.
'I think it will.'	- Наверное.
You don't mind having Sir Clifford on your hands alone for a time, do you?'	А вам не обременительно одной ухаживать за сэром Клиффордом?

Oh no! I can manage him quite all right.	- Конечно нет! Я с ним прекрасно управляюсь.
I mean, I can do all he needs me to do.	Ведь я могу оказать ему помощь буквально во всем.
Don't you think he's better than he used to be?'	Вам не кажется, что его самочувствие заметно улучшилось?
Oh much!	- Действительно, улучшилось.
You do wonders with him.'	Вы сделали чудо.
Do I though!	- Нет, правда?
But men are all alike: just babies, and you have to flatter them and wheedle them and let them think they're having their own way.	Мужчины ведь все одинаковы. Как малые дети, их надо хвалить, убажывать, им надо поддакивать. Они всегда должны чувствовать, что за ними последнее слово.
Don't you find it so, my Lady?'	Вы согласны со мной, ваша милость?
I'm afraid I haven't much experience.'	- Боюсь, что в этой области у меня слишком маленький опыт.
Connie paused in her occupation.	Оторвавшись от сборов, Конни взглянула на миссис Болтон и вдруг спросила:
'Even your husband, did you have to manage him, and wheedle him like a baby?' she asked, looking at the other woman.	- А ваш муж? Вы его умели убажить?
Mrs Bolton paused too.	Миссис Болтон тоже отвлеклась на секунду.
'Well!' she said. 'I had to do a good bit of coaxing, with him too. But he always knew what I was after, I must say that. But he generally gave in to me.'	- Да, конечно, - сказала она. - Умела. И хотя он видел все мои хитрости, я всегда делала что хотела.
'He was never the lord and master thing?'	- И он никогда не командовал вами?
'No! At least there'd be a look in his eyes sometimes, and then I knew I'd got to give in.	- Почти никогда. Изредка, правда, мелькнет у него в глазах что-то такое, а уж я знаю - прекословить нельзя.

But usually he gave in to me.	Но обычно он покорялся.
No, he was never lord and master.	И никогда не командовал.
But neither was I.	Но и я не командовала.
I knew when I could go no further with him, and then I gave in: though it cost me a good bit, sometimes.'	Знала, когда уступить, и уступала. Хотя иногда мне это было и нелегко.
'And what if you had held out against him?'	- Ну, а если бы вы не уступили? Что тогда было бы?
Oh, I don't know, I never did.	- Не знаю, мы никогда не ссорились.
Even when he was in the wrong, if he was fixed, I gave in.	Даже если он бывал и не прав, но начинал артачиться, я всегда ему уступала.
You see, I never wanted to break what was between us.	Я очень им дорожила.
And if you really set your will against a man, that finishes it.	Есть женщины, которые всегда хотят настоять на своем, я таким не завидую.
If you care for a man, you have to give in to him once he's really determined; whether you're in the right or not, you have to give in. Else you break something.	Если любишь мужчину, уступи, когда он уперся; прав ли он, нет ли - уступи. Это в супружеской жизни первое правило.
But I must say, Ted 'ud give in to me sometimes, when I was set on a thing, and in the wrong. So I suppose it cuts both ways.'	А вот мой Тед, случалось, уступал мне, когда я уж точно была не права. Видно, тоже дорожил мной. Так что в общем то на то и получалось.
'And that's how you are with all your patients?' asked Connie.	- И вы так же обращаетесь со своими пациентами?- спросила Конни.
Oh, That's different.	- Пациенты - другое дело.
I don't care at all, in the same way.	Тут ведь любви-то нет.
I know what's good for them, or I try to, and then I just contrive to manage them for their own good.	Но я знаю, что им на пользу, и соответственно веду себя.
It's not like anybody as you're really fond of. It's quite different.	А когда любишь, совсем другое дело.
Once you've been really fond of a man, you can be affectionate to almost any man, if he needs you at all.	Правда, любовь к одному мужчине научает, как обходиться со всеми другими.
But it's not the same thing.	Но это, конечно, совсем не то.
You don't really care. I doubt, once you've really cared,	И вообще, я не верю, что можно любить второй

if you can ever really care again.'	раз.
These words frightened Connie.	Эти слова напугали Конни.
'Do you think one can only care once?' she asked.	- Вы думаете, любят только один раз?
'Or never. Most women never care, never begin to. They don't know what it means.	- Или вообще ни разу. Сколько женщин ни разу не любили, даже не знают, что это такое.
Nor men either.	А сколько мужчин не знает!
But when I see a woman as cares, my heart stands still for her.'	Но когда я встречаю настоящую любовь, я всегда стою за нее горой.

'And do you think men easily take offence?'	- А как вы думаете, мужчины легко обижаются?
'Yes! If you wound them on their pride.	- Да, если вы задели их гордость.
But aren't women the same?	Но ведь и с женщинами то же самое.
Only our two prides are a bit different.'	Правда, гордость гордости - рознь.
Connie pondered this. She began again to have some misgiving about her gag away.	Конни призадумалась, опять стало точить сомнение, правильно ли она делает, что едет.
After all, was she not giving her man the go-by, if only for a short time?	В сущности, она бросает мужчину, пусть ненадолго.
And he knew it.	И он понимает это.
That's why he was so queer and sarcastic.	Вот почему и ведет себя так неловко и так обидно.
Still! the human existence is a good deal controlled by the machine of external circumstance. She was in the power of this machine. She couldn't extricate herself all in five minutes. She didn't even want to.	Но что поделаешь! Человек в плену у постоянно меняющихся обстоятельств. И не ей с ними бороться.
Hilda arrived in good time on Thursday morning, in a nimble two-seater car, with her suit-case strapped firmly behind.	Хильда приехала утром в четверг в юрком двухместном автомобильчике с привязанным сзади багажом.
She looked as demure and maidenly as ever, but she had the same will of her own.	Она выглядела, как всегда, по-девичьи скромно, и, как всегда, в ней чувствовалась неукротимая воля.
She had the very hell of a will of her own, as her husband had found out.	Эта женщина была наделена адской силой воли, в чем пришлось неоднократно убедиться ее супругу.
But the husband was now divorcing her.	Сейчас они находились на одной из стадий развода.
Yes, she even made it easy for him to do that, though she had no lover.	Она даже согласилась на кое-какие шаги, чтобы облегчить судебную процедуру, хотя любовника как такового у нее не было.
For the time being, she was 'off men.	Она решила на время выбыть из этой игры полов.
She was very well content to be quite her own mistress: and mistress of her two children, whom she was going to bring up 'properly', whatever that may mean.	Хильда была счастлива обретенной независимости; у нее было двое детей, и она задалась целью воспитать их "надлежащим образом" - что бы это ни значило.
Connie was only allowed a suit-case, also.	Констанции было позволено взять с собой небольшой чемодан.
But she had sent on a trunk to her father, who was going by train.	Большой чемодан с вещами она отправила отцу, ехавшему поездом.
No use taking a car to Venice.	В Венецию, по его мнению, нет смысла ехать летом в автомобиле.
And Italy much too hot to motor in, in July.	В июле на дорогах Италии пыльно и жарко.
He was going comfortably by train.	И он решил добираться до Венеции самым покойным и удобным образом - в спальном вагоне.

He had just come down from Scotland.	Сэр Малькольм был уже в Лондоне и ожидал дочерей.
So, like a demure arcadian field-marshal, Hilda arranged the material part of the journey.	Всю материальную часть путешествия Хильда взяла на себя.

She and Connie sat in the upstairs room, chatting.	Сестры сидели наверху и разговаривали.
But Hilda!' said Connie, a little frightened. I want to stay near here tonight. Not here: near here!'	- Видишь ли, Хильда, - с легкой нервозностью говорила Конни. - Я хочу эту ночь провести недалеко отсюда. Не здесь, а поблизости.
Hilda fixed her sister with grey, inscrutable eyes.	Хильда сверлила сестру серыми стальными глазами.
She seemed so calm: and she was so often furious.	Вид у нее был безмятежный, но как часто она при этом внутренне кипела от злости!
'Where, near here?' she asked softly.	- Где это поблизости? - тихо спросила Хильда.
'Well, you know I love somebody, don't you?'	- Ты же знаешь, я люблю одного человека.
'I gathered there was something.'	- Догадываюсь.
'Well he lives near here, and I want to spend this last night with him must! I've promised.'	- Ну вот, он живет рядом. Я хотела бы эту последнюю ночь провести с ним. Я должна, понимаешь! Я обещала.
Connie became insistent.	Конни явно проявляла настойчивость.
Hilda bent her Minerva-like head in silence.	Не ответив ни слова, Хильда опустила свою голову Минервы.
Then she looked up.	И опять вскинула.
'Do you want to tell me who he is?' she said.	- Ты скажешь мне, кто он? - спросила она.
'He's our game-keeper,' faltered Connie, and she flushed vividly, like a shamed child.	- Это наш егерь, - запинаясь проговорила Конни и, как пристыженная школьница, залилась краской.
'Connie!' said Hilda, lifting her nose slightly with disgust: a she had from her mother.	- Конни! - Хильда в негодовании слегка вздернула носик - движение, унаследованное от матери.
'I know: but he's lovely really.	- Да, понимаю. Но он очень красивый.
He really understands tenderness,' said Connie, trying to apologize for him.	И он умеет быть нежным, - сказала Конни, как бы оправдывая его.
Hilda, like a ruddy, rich-coloured Athena, bowed her head and pondered She was really violently angry.	Хильда - яркая, рыжеволосая Афина - склонила голову и задумалась. Она была, мягко говоря, в ярости.
But she dared not show it, because Connie, taking after her father, would straight away become obstreperous and unmanageable.	Но не решалась этого показать, Конни могла мгновенно впасть в буйство - неуправляема, вся в отца.
It was true, Hilda did not like Clifford: his cool assurance that he was somebody!	Верно, Хильда не любит Клиффорда, его холодную самоуверенность - мнит себя Бог знает кем.

She thought he made use of Connie shamefully and impudently. She had hoped her sister would leave him.	Она считала, что он эксплуатирует Конни бесстыдно и безжалостно, и втайне надеялась, что сестра рано или поздно уйдет от него.
But, being solid Scotch middle class, she loathed any 'lowering' of oneself or the family.	Но, принадлежа к шотландскому среднему классу, приверженному устоям, она не могла допустить такого позора для себя и семьи.
She looked up at last.	Наконец она подняла глаза на Конни.
'You'll regret it,' she said,	- Ты очень пожалеешь об этом.
'I shan't,' cried Connie, flushed red. 'He's quite the exception.	- Никогда, - крикнула Конни, краснея. - Он -исключение.
I really love him.	Я очень люблю его.
He's lovely as a lover.'	Он необыкновенный любовник.
Hilda still pondered.	Хильда опять задумалась.
'You'll get over him quite soon,' she said, 'and live to be ashamed of yourself because of him.'	- Ты очень скоро разочаруешься в нем, - сказала она. - И тебе будет стыдно.
'I shan't!	- Не будет!
I hope I'm going to have a child of his.'	Я надеюсь родить от него ребенка.
Connie!' said Hilda, hard as a hammer-stroke, and pale with anger.	- Конни! - сказала, как кулаком грохнула, Хильда, побелев от ярости.
'I shall if I possibly can.	- Да, рожу, если забеременею.
I should be fearfully proud if I had a child by him.'	И буду счастлива и горда иметь от него ребенка.
It was no use talking to her. Hilda pondered.	Сейчас с ней говорить бесполезно, решила Хильда.
'And doesn't Clifford suspect?' she said.	- А Клиффорд что-нибудь подозревает?
'Oh no! Why should he?'	- Нет, с чего бы ему подозревать?

'I've no doubt you've given him plenty of occasion for suspicion,' said Hilda.	- Не сомневаюсь, что ты дала ему не один повод для подозрения.
'Not it all.'	- Ничего подобного.
'And tonight's business seems quite gratuitous folly.'	- Твоя затея мне кажется бессмысленной глупостью.
Where does the man live?'	Где этот егерь живет?
'In the cottage at the other end of the wood.'	- В коттедже, за лесом.
'Is he a bachelor?'	- Он холост?
'No! His wife left him.'	- Нет. Но жена ушла от него.
How old?'	- Сколько ему лет?
I don't know. Older than me.'	- Не знаю. Он старше меня.
Hilda became more angry at every reply, angry as her mother used to be, in a kind of paroxysm.	С каждым ответом Хильда ярилась все больше -точь-в-точь их мать.

But still she hid it.	Она была на грани взрыва, но привычно это скрывала.
'I would give up tonight's escapade if I were you,' she advised calmly.	- Я бы на твоём месте отказалась от этого безумного плана, - сказала она внешне невозмутимо.
'I can't!'	- Не могу.
I must stay with him tonight, or I can't go to Venice at all. I just can't.'	Я должна провести с ним эту ночь, или я вообще не поеду в Венецию.
Hilda heard her father over again, and she gave way, out of mere diplomacy.	Хильда, опять различила интонации отца и сдалась исключительно из дипломатических соображений.
And she consented to drive to Mansfield, both of them, to dinner, to bring Connie back to the lane-end after dark, and to fetch her from the lane-end the next morning, herself sleeping in Mansfield, only half an hour away, good going.	Даже согласилась поехать в Мэнсфилд, там пообедать, а потом, как стемнеет, отвезти Конни обратно к ее егерю. И приехать за ней рано утром. Сама она переночует в Мэнсфилде, это всего полчаса езды.
But she was furious.	Но внутри она вся кипела от ярости.
She stored it up against her sister, this balk in her plans.	Она еще припомнит сестре это ее упрямство - так нарушить все планы!
Connie flung an emerald-green shawl over her window-sill.	И Конни вывесила за окно зеленую шаль.
On the strength of her anger, Hilda warmed toward Clifford.	Гневаясь на сестру, Хильда потеплела к Клиффорду.
After all, he had a mind.	У этого человека хоть есть мозги.
And if he had no sex, functionally, all the better: so much the less to quarrel about!	А то, что отсутствует мужская способность, так это прекрасно - меньше оснований для ссор.
Hilda wanted no more of that sex business, where men became nasty, selfish little horrors.	Сама Хильда решила больше не иметь дел с мужчинами; как партнеры по сексу они мелкие, омерзительные эгоисты.
Connie really had less to put up with than many women if she did but know it.	Конни повезло, она избавлена от многого такого, что приходится терпеть бедным женщинам. Она не ценит своего счастья.
And Clifford decided that Hilda, after all, was a decidedly intelligent woman, and would make a man a first-rate helpmate, if he were going in for politics for example.	И Клиффорд пришел вдруг к выводу, что Хильда, что ни говори, очень неглупая женщина и могла бы составить счастье мужчине, стремящегося отличиться ну хотя бы на политическом поприще.
Yes, she had none of Connie's silliness, Connie was more a child: you had to make excuses for her, because she was not altogether dependable.	В ней нет всех этих глупостей, которых хоть отбавляй в сестре. Конни почти ребенок. Приходится многое ей прощать, она еще, в сущности, несмышлениш.
There was an early cup of tea in the hall, where doors were open to let in the sun. Everybody seemed to be panting a little.	Чай пили в гостиной раньше, чем обычно, в распахнутые двери лился солнечный свет, все были взволнованы.
'Good-bye, Connie girl!'	- До свидания, Конни, моя девочка!

Come back to me safely.'	Скорее возвращайся домой.
'Good-bye, Clifford!	- До свидания, Клиффорд!
Yes, I shan't be long.'	Я долго там не пробуду.
Connie was almost tender.	- Конни испытывала к мужу почти нежность.
Good-bye, Hilda!	- До свидания, Хильда.
You will keep an eye on her, won't you?'	Присматривай за Конни.
'I'll even keep two!' said Hilda. 'She shan't go very far astray.'	За ней нужен глаз да глаз.
'It's a promise!'	- Буду смотреть в оба глаза. Одну никуда не пушу. - Ну, теперь я спокоен.
'Good-bye, Mrs Bolton!	- До свидания, миссис Болтон!
I know you'll look after Sir Clifford nobly.'	Я уверена, вы будете преданно ухаживать за сэром Клиффордом.
'I'll do what I can, your Ladyship.'	- Приложу все силы.
'And write to me if there is any news, and tell me about Sir Clifford, how he is.'	- И пишите мне, если будет что новое, пишите о сэре Клиффорде, о его самочувствии.
'Very good, your Ladyship, I will.	- Конечно, конечно, ваша милость, напишу.
And have a good time, and come back and cheer us up.' Everybody waved.	Развлекайтесь, веселитесь и возвращайтесь скорее, чтобы и нас здесь радовать. Все замахали, автомобиль покатил.
The car went off Connie looked back and saw Clifford, sitting at the top of the steps in his house-chair.	Конни обернулась: Клиффорд сидел на веранде в своем кресле.
After all, he was her husband: Wragby was her home: circumstance had done it.	Все-таки он ей муж. Рагби-холл - ее дом, так распорядилась судьба.
Mrs Chambers held the gate and wished her ladyship a happy holiday.	Миссис Чемберс раскрыла ворота и пожелала ей счастливого пути.
The car slipped out of the dark spinney that masked the park, on to the highroad where the colliers were trailing home.	Автомобиль выехал из темной рощи, сменившей парк, и покатил по шоссе, по которому в этот час домой тянулись шахтеры.
Hilda turned to the Crosshill Road, that was not a main road, but ran to Mansfield.	Скоро свернули на Кроссхилльский большак, ведущий в Мэнсфилд.
Connie put on goggles.	Конни надела темные очки.
They ran beside the railway, which was in a cutting below them.	Слева, значительно ниже бежала железная дорога.
Then they crossed the cutting on a bridge.	Опять свернули и проехали над ней по мосту.
'That's the lane to the cottage!' said Connie.	- А вот проселок к его дому, - махнула рукой Конни.
Hilda glanced at it impatiently.	Хильда взглянула на него без особого восторга.
'It's a frightful pity we can't go straight off!' she said.	- Очень жаль, что мы должны задержаться, - сказала она.

We could have been in Pall Mall by nine o'clock.'	- Мы бы к девяти были уже на Пэлл-Мэлле.
'I'm sorry for your sake,' said Connie, from behind her goggles.	- Прости, пожалуйста, - отозвалась из-под огромных очков Конни.
They were soon at Mansfield, that once-romantic, now utterly disheartening colliery town.	В Мэнсфилд въехали очень скоро. Когда-то это был старинный романтический городок, теперь на него было больно смотреть.
Hilda stopped at the hotel named in the motor-car book, and took a room.	Хильда остановилась в гостинице, указанной в автомобильном справочнике, и сняла номер.
The whole thing was utterly uninteresting, and she was almost too angry to talk.	Все кругом было так серо, уныло, что Хильда удрученно молчала.
However, Connie had to tell her something of the man's history.	Зато Конни трещала без умолку, надо же рассказать сестре о возлюбленном.
He! He!	- Он!
What name do you call him by? You only say he,' said Hilda.	У него что, нет имени? Я от тебя только и слышу - "он" да "он", - сказала Хильда.
'I've never called him by any name: nor he me: which is curious, when you come to think of it.	- Я никогда не называю его по имени, и он меня, что, конечно, странно, если подумать.
	Мы, правда, называем друг дружку леди Джейн и

Unless we say Lady Jane and John Thomas.	Джон Томас.
But his name is Oliver Mellors.'	Но вообще-то его зовут Оливер Меллорс.
'And how would you like to be Mrs Oliver Mellors, instead of Lady Chatterley?'	- И тебе будет очень приятно называться миссис Оливер Меллорс вместо леди Чаттерли?
'I'd love it.'	- Я буду счастлива.
There was nothing to be done with Connie.	Нет, Конни неисправима.
And anyhow, if the man had been a lieutenant in the army in India for four or five years, he must be more or less presentable.	Но если Меллорс служил в Индии лейтенантом лет пять-шесть, то, по крайней мере, его можно будет вывозить в общество.
Apparently he had character.	По-видимому, у него есть характер.
Hilda began to relent a little.	И Хильда стала понемногу смягчаться.
'But you'll be through with him in awhile,' she said, 'and then you'll be ashamed of having been connected with him.'	- В конце концов он тебе надоест, - сказала она. -И тебе будет стыдно за эту связь.
One can't mix up with the working people.'	Нельзя опускаться до простолюдина.
'But you are such a socialist! you're always on the side of the working classes.'	- Ты ведь такая социалистка, Хильда. Ты всегда была на стороне рабочего класса.
'I may be on their side in a political crisis, but being on their side makes me know how impossible it is to mix one's life with theirs.'	- Да, была, во время кризиса. Но именно потому я и знаю, что нельзя связывать свою жизнь с их жизнью.
Not out of snobbery, but just because the whole rhythm is different.'	Вовсе не из снобизма, просто ритмы жизни у нас разные.
Hilda had lived among the real political intellectuals, so she was disastrously unanswerable.	Хильда жила среди политических интеллектуалов, и потому твердолобость ее была непробиваема.

The nondescript evening in the hotel dragged out, and at last they had a nondescript dinner.	Скучный до одурения вечер в гостинице все не кончался. Наконец, пригласили к обеду, отменно скверному.
Then Connie slipped a few things into a little silk bag, and combed her hair once more.	После обеда Конни запихала в сумочку кое-какие вещи и еще раз причесалась.
'After all, Hilda,' she said, 'love can be wonderful: when you feel you live, and are in the very middle of creation.'	- А знаешь, Хильда, - сказала она, - любовь - это так чудесно, ты чувствуешь, что живешь, что причастна к акту творения.
It was almost like bragging on her part.	Это было почти бахвальство с ее стороны.
'I suppose every mosquito feels the same,' said Hilda. 'Do you think it does? How nice for it!'	- Уверена, что и комар рассуждает так же, - заметила Хильда. - Ты думаешь, он так рассуждает? Значит, он тоже бывает счастлив!
The evening was wonderfully clear and long-lingering, even in the small town.	Вечер был на удивление ясный и все никак не кончался.
It would be half-light all night.	Казалось, светло будет всю ночь.
With a face like a mask, from resentment, Hilda started her car again, and the two sped back on their traces, taking the other road, through Bolsover.	С застывшим, как маска, лицом негодующая Хильда снова завела автомобиль, и сестры двинулись обратно, выбрав на этот раз другой путь, через Болсовер.
Connie wore her goggles and disguising cap, and she sat in silence. Because of Hilda's Opposition, she was fiercely on the side of the man, she would stand by him through thick and thin.	В темных очках, в скрывающей пол-лица шляпе Конни сидела рядом с сестрой и в пику ей рассыпалась в похвалах возлюбленному. Она всегда будет рядом с ним и в горе и в радости.
They had their head-lights on, by the time they passed Crosshill, and the small lit-up train that chuffed past in the cutting made it seem like real night.	Миновав Кроссхилл, включили фары; внизу прочертил светящуюся полосу поезд, создав иллюзию ночи.
Hilda had calculated the turn into the lane at the bridge-end.	Хильда съехала на проселок перед самым мостом.
She slowed up rather suddenly and swerved off the road, the lights glaring white into the grassy, overgrown lane.	Резко убавив скорость, свернула с шоссе на заросшую травой колею, осветив ее фарами.
Connie looked out. She saw a shadowy figure, and she opened the door.	Конни выглянула в окно, разглядела недалеко впереди неясную фигуру и открыла дверцу.
'Here we are!' she said softly.	- Вот мы и приехали, - сказала она негромко.
But Hilda had switched off the lights, and was	Но Хильда, выключив фары, дала задний ход, решив

absorbed backing, making the turn.	сразу же развернуться.
'Nothing on the bridge?' she asked shortly. 'You're all right,' said the mall's voice.	- На мосту никого? - спросила она. - Да, можете ехать, - откликнулся мужской голос.
She backed on to the bridge, reversed, let the car run forwards a few yards along the road, then backed into the lane, under a wych-elm tree, crushing the grass and bracken.	Хильда доехала до моста, развернулась, проехала немного вперед по шоссе, задним ходом выехала на проселок, сминая траву и папоротник, остановилась под большим вязом.
Then all the lights went out.	И включила сразу все фары.
Connie stepped down.	Конни вышла из машины.

The man stood under the trees.	Мужчина стоял под деревом.
'Did you wait long?' Connie asked.	- Ты долго здесь стоишь? - спросила Конни.
'Not so very,' he replied.	- Не очень.
They both waited for Hilda to get out.	Стали ждать, когда выйдет Хильда.
But Hilda shut the door of the car and sat tight.	Но Хильда захлопнула дверцу и не двигалась.
'This is my sister Hilda.	- Это моя сестра, Хильда.
Won't you come and speak to her? Hilda!	Да иди же сюда, скажешь ей несколько слов, Хильда!
This is Mr Mellors.'	Познакомься, это мистер Меллорс.
The keeper lifted his hat, but went no nearer.	Егерь приподнял шляпу, но с места не тронулся.
'Do walk down to the cottage with us, Hilda,' Connie pleaded. 'It's not far.'	- Хильда, пойдем с нами, ненадолго, - пригласила сестру Конни. - Это недалеко.
'What about the car?'	- А как быть с машиной?
People do leave them on the lanes.	- Можешь оставить ее на проселке. Здесь так делают.
You have the key.'	Ключи ведь у тебя есть.
Hilda was silent, deliberating.	Хильда в нерешительности молчала.
Then she looked backwards down the lane.	Потом посмотрела назад, в темень проселка.
'Can I back round the bush?' she said.	- Можно встать за тем кустом?
'Oh yes!' said the keeper.	- Конечно.
She backed slowly round the curve, out of sight of the road, locked the car, and got down.	Она медленно вырулила за куст, чтобы машину не было видно с дороги, заперла дверцу и подошла к Конни.
It was night, but luminous dark.	Ночь была тихая.
The hedges rose high and wild, by the unused lane, and very dark seeming. There was a fresh sweet scent on the air.	Живая изгородь, дикая, запущенная, чернела слева и справа от неезженного проселка, воздух насыщен свежими ночными запахами, темень -хоть глаз выколи.
The keeper went ahead, then came Connie, then Hilda, and in silence.	Егерь шел впереди, за ним Конни, цепочку замыкала Хильда, все молчали.
He lit up the difficult places with a flash-light torch, and they went on again, while an owl softly hooted over the oaks, and Flossie padded silently around.	Там, где были корни, он включал фонарик, освещая неровности белым пучком света; над верхушками дубов ухала сова, неслышно кружила под ногами Флосси.
Nobody could speak. There was nothing to say.	Никто не произнес ни слова, говорить было не о чем.
At length Connie saw the yellow light of the house, and her heart beat fast.	Наконец засветился желтый огонек в окне его дома, и сердце у Конни заколотилось.
She was a little frightened.	Ей было немного страшно.
They trailed on, still in Indian file.	К дому так и подошли цепочкой.

He unlocked the door and preceded them into the warm but bare little room.	Он отпер дверь и провел их в теплую, но маленькую и почти пустую комнату.
The fire burned low and red in the grate.	В очаге на решетке пунцовые угли продолжали гореть невысоким пламенем.
The table was set with two plates and two glasses on a proper white table-cloth for Once.	На столе, накрытом белой скатертью, - приятная неожиданность - стояли две тарелки и два стакана.
Hilda shook her hair and looked round the bare, cheerless room.	Хильда тряхнула головой и оглядела пустую невеселую комнату.
Then she summoned her courage and looked at the man.	Потом, собравшись с духом, перевела взгляд на мужчину.

He was moderately tall, and thin, and she thought him good-looking.	Он был не очень высок, худ и показался ей красивым.
He kept a quiet distance of his own, and seemed absolutely unwilling to speak.	Держался спокойно и отчужденно. И, по-видимому, не желал без нужды вступать в разговор.
Do sit down, Hilda,' said Connie.	- Садись, пожалуйста, Хильда, - пригласила сестру-Конни.
'Do!' he said. 'Can I make you tea or anything, or will you drink a glass of beer? It's moderately cool.'	- Садитесь, - сказал он. - Хотите чаю, а может, пива? Пиво холодное.
'Beer!' said Connie.	- Пива! - скомандовала Конни.
'Beer for me, please!' said Hilda, with a mock sort of shyness.	- Я бы тоже, пожалуй, выпила немного пива, - с деланной застенчивостью проговорила Хильда.
He looked at her and blinked.	Меллорс глянул на нее и прищурился.
He took a blue jug and tramped to the scullery.	Взял синий кувшин и пошел в моечную.
When he came back with the beer, his face had changed again.	Когда вернулся с пивом, лицо его опять сменило выражение.
Connie sat down by the door, and Hilda sat in his seat, with the back to the wall, against the window corner.	Конни села у двери, а Хильда на его стул, стоявший у стены как раз против окна.
'That is his chair,' said Connie softly.'	- Это его стул, - шепнула Конни.
And Hilda rose as if it had burnt her.	И Хильда вскочила со стула как ужаленная.
'Sit yer still, sit yer still!	- Сидите, чего встали-то! Коли приглянулось - сидите.
Ta'e ony cheer as yo'n a mind to, none of us is th' big bear,' he said, with complete equanimity.	Мы здесь тоже не лыком шиты, приличие понимаем, - сказал он, сохраняя полнейшее самообладание.
And he brought Hilda a glass, and poured her beer first from the blue jug.	Он взял стакан и налил Хильде первой.
'As for cigarettes,' he said, 'I've got none, but 'appen you've got your own.	- А уж сигарет, извиняйте, нет, - продолжал он. - Не держим, да я, чаю, у вас и свои есть.
I dunna smoke, mysen.	Я-то сам не смолю.

Shall y' eat summat?' He turned direct to Connie. ' Shall t'eat a smite o' summat, if I bring it thee? Tha can usually do wi' a bite.'	Что-нибудь покушать? - обратился он к Конни. -А то я мигом. Ты ведь до еды охотница.
He spoke the vernacular with a curious calm assurance, as if he were the landlord of the Inn.	- Он говорил на языке простонародья с невозмутимостью хозяина харчевни.
'What is there?' asked Connie, flushing.	- А что у тебя есть? - спросила Конни.
'Boiled ham, cheese, pickled wa'nuts, if yer like.--- Nowt much.'	- Вареный окорок, сыр, маринованные каштаны -что глянется.
'Yes,' said Connie. 'Won't you, Hilda?'	- Ладно: поем немного, - согласилась Конни. - А ты, Хильда?
Hilda looked up at him.	Хильда пристально поглядела на него.
'Why do you speak Yorkshire?' she said softly.	- Почему вы говорите на этом солдатском жаргоне? - мягко спросила она.
'That! That's non Yorkshire, that's Derby.'	- Это не солдатский, это здешний, сельский.
He looked back at her with that faint, distant grin.	И он усмехнулся ей своей слабой, отрешенной усмешкой.
'Derby, then! Why do you speak Derby?'	- Все равно, пусть сельский. Зачем это вам?
You spoke natural English at first.'	Вы ведь сначала говорили на чистом литературном языке.
Did Ah though? An' canna Ah change if Ah'm a mind to 't?'	- А почему бы и нет, раз мне такая блажь пришла.
Nay, nay, let me talk Derby if it suits me.	А уж вы не препятствуйте.
If yo'n nowt against it.'	Охота пуще неволи.
It sounds a little affected,' said Hilda.	- Звучит неестественно, - заметила Хильда.
'Ay, 'appen so!	- Кому как.
An' up i' Tevershall yo'd sound affected.'	Здесь в Тивершолле звучит неестественно ваш говор.
He looked again at her, with a queer calculating distance, along his cheek-bone: as if to say: Yi, an' who are you?	И он опять взглянул на нее со странной, нарочитой отчужденностью, как будто хотел сказать: "А вам, собственно, какое до меня дело?"
He tramped away to the pantry for the food.	И с этим потопал в кухню за едой.

The sisters sat in silence.	Сестры сидели, не проронив ни слова.
He brought another plate, and knife and fork.	Он вернулся с еще одной тарелкой, ножом и вилкой.
The he said: 'An' if it's the same to you, I s'll ta'e my coat off like I allers do.'	- Если вас не покоробит, я, пожалуй, сниму куртку. Привычка - вторая натура.
And he took off his coat, and hung it on the peg, then sat down to table in his shirt-sleeves: a shirt of thin, cream-coloured flannel.	Он снял куртку, повесил на крючок и сел за стол в одной рубашке из тонкой цвета сливок фланели.
"Elp yerselves!" he said. "Elp yerselves! Dunna wait fr axin'!" He cut the bread, then sat motionless.	- Начинайте! Не дожидайтесь особого приглашения, - сказал он, нарезал хлеб и замер без движения.

Hilda felt, as Connie once used to, his power of silence and distance.	Хильда почувствовала в нем, как когда-то Конни, покойную, отрешенную силу.
She saw his smallish, sensitive, loose hand on the table. He was no simple working man, not he: he was acting! acting!	Она видела его узкие, чувственные, легкие руки, расслабленно лежащие на столе, и сказала себе: нет, он не простолюдин, отнюдь, он ломает комедию.
'Still!' she said, as she took a little cheese. 'It would be more natural if you spoke to us in normal English, not in vernacular.'	- И все же, - сказала она, беря кусок сыра, - с нами вы могли бы говорить на правильном языке, а не на своем диалекте. Это уж точно было бы более естественно.
He looked at her, feeling her devil of a will.	Он посмотрел на нее и вдруг ощутил, что в Хильде скрыта неженская воля.
'Would it?' he said in the normal English. 'Would it?'	- Вы так думаете? - перешел он на правильный язык.
Would anything that was said between you and me be quite natural, unless you said you wished me to hell before your sister ever saw me again: and unless I said something almost as unpleasant back again?	- Значит, вы полагаете, что наш с вами разговор может быть естественным? Ведь говорить-то мы будем одно, а думать другое. У вас на уме вроде того, что хорошо бы он провалился ко всем чертям к возвращению сестры. И у меня что-нибудь столь же для вас лестное.
Would anything else be natural?'	И это будет естественный разговор?
'Oh yes!' said Hilda. 'Just good manners would be quite natural.'	- Конечно, - ответила Хильда. - Хорошие манеры всегда естественны.
'Second nature, so to speak!' he said: then he began to laugh. 'Nay,' he said. 'I'm weary o' manners. Let me be!'	- Так сказать, вторая натура, - рассмеялся он. - Нет, с меня довольно хороших манер. Я чуть от них не спятил.
Hilda was frankly baffled and furiously annoyed.	Хильда была сбита с толку и возмущена.
After all, he might show that he realized he was being honoured.	В конце концов, должен же он понимать, что ему оказана честь.
Instead of which, with his play-acting and lordly airs, he seemed to think it was he who was conferring the honour.	А он не только не понимает, но этим кривлянием, высокомерием дает понять, что это им оказана честь.
Just impudence!	Какая наглость.
Poor misguided Connie, in the man's clutches!	Бедная Конни! Какая слепота! Ее заманили в капкан!
The three ate in silence.	Ели все трое молча.
Hilda looked to see what his table-manners were like.	Хильда нет-нет и бросит на него взгляд: умеет ли он вести себя за столом.
She could not help realizing that he was instinctively much more delicate and well-bred than herself.	И ей пришлось признать: врожденные манеры егеря куда более изящны, чем ее собственные.
She had a certain Scottish clumsiness. And moreover, he had all the quiet self-contained assurance of the English, no loose edges.	К тому же он обладал чисто английской чопорностью и аккуратностью.
It would be very difficult to get the better of him.	Да, с ним трудно будет тягаться.

But neither would he get the better of her.	Но над ней ему верха не одержать.
'And do you really think,' she said, a little more humanly, 'it's worth the risk.'	- Вы считаете, что игра стоит свеч? - спросила она.
'Is what worth what risk?'	- Какая игра?
'This escapade with my sister.'	- А вот эта, с моей сестрой.
He flickered his irritating grin.	На лице его опять мелькнула ироническая

	усмешка.
'Yo' maun ax 'er!' Then he looked at Connie.	- А вы лучше ее спросите, - и посмотрел на Конни.
'Tha comes o' thine own accord, lass, doesn't ter?	- Ты ведь, девонька, сюда ходишь по доброй воле?
It's non me as forces thee?'	Я ведь, чай, не нужу тебя?
Connie looked at Hilda.	Конни поглядела на сестру.
'I wish you wouldn't cavil, Hilda.'	- Прошу тебя, Хильда, не цепляйся к нему.
'Naturally I don't want to.	- А я и не цепляюсь.
But someone has to think about things.	Но ведь кто-то должен думать о будущем.
You've got to have some sort of continuity in your life. You can't just go making a mess.'	Жизнь должна идти разумно. Нельзя превращать ее в хаос.
There was a moment's pause.	Опять воцарилось молчание.
'Eh, continuity!' he said. 'An' what by that?	- Разумно! - нарушил он тишину. - А что это значит?
What continuity ave yer got i' your life?	У вас, что ли, она идет разумно?
I thought you was gettin' divorced.	Вы, я слыхал, разводитесь.
What continuity's that?	Это, по-вашему, разумно?
Continuity o' yer own stubbornness.	Не разум это, а строптивость.
I can see that much.	Столько-то понимаю.
An' what good's it goin' to do yer?	Ну и чего вы добьетесь?
You'll be sick o' yer continuity afore yer a fat sight older.	Начнете стареть, стропивость-то и выйдет боком.
A stubborn woman an er own self-will: ay, they make a fast continuity, they do.	Только дай волю стропливой женщине, горя не оберешься.
Thank heaven, it isn't me as 'as got th' 'andlin' of yer!'	Слава те Господи, не я ваш муж.
'What right have you to speak like that to me?' said Hilda.	- Кто вам дал право так со мной разговаривать? - возмутилась Хильда.
'Right! What right ha' yo' ter start hamessin' other folks i' your continuity?	- А вам кто дал право указывать людям, как жить?
Leave folks to their own continuities.'	Всяк живет по своему разумению.
'My dear man, do you think I am concerned with you?' said Hilda softly.	- Дорогой мой, неужели вы думаете, что я забочусь о вас? - сбавила тон Хильда.

'Ay,' he said. 'Yo' are. For it's a force-put. Yo' more or less my sister-in-law.'	- А то о ком же? Зря лукавите. Я ведь вам без пяти минут родственник.
'Still far from it, I assure you.	- До этого еще далеко, смею вас уверить.
'Not a' that far, I assure you.	- Не за горами, и я вас смею уверить.
I've got my own sort o' continuity, back your life!	У меня иное понятие о разумном течении жизни, противоположное вашему.
Good as yours, any day.	И оно куда как лучше.
An' if your sister there comes ter me for a bit o' cunt an' tenderness, she knows what she's after.	Ваша сестра приходит ко мне за своей долей ласки, и она ее получает.
She's been in my bed afore: which you 'aven't, thank the Lord, with your continuity.'	Она была у меня в постели, а вы с вашим разумением нет, Господь миловал.
There was a dead pause, before he added: '— Eh, I don't wear me breeches arse-forrards. An' if I get a windfall, I thank my stars.	- Помолчав немного, он продолжал: - Если жизнь нежданно-негаданно подносит мне золотое яблочко на серебряном блюдечке, я с благодарностью принимаю его.
A man gets a lot of enjoyment out o' that lass theer, which is more than anybody gets out o' th' likes o' you.	Эта бабонька может дать мужчине огромное счастье. Не то что вы.
Which is a pity, for you might appen a' bin a good apple, 'stead of a handsome crab.	А жаль, вы ведь тоже могли бы быть золотым яблочком, а не позлащенным скорпионом.
Women like you needs proper graftin'.'	Да не в те руки попали.
He was looking at her with an odd, flickering smile, faintly sensual and appreciative.	Он глядел на нее оценивающе, улыбаясь странной играющей улыбкой.
'And men like you,' she said, 'ought to be segregated: justifying their own vulgarity and selfish lust.'	- Мужчин вроде вас следует изолировать от общества по причине их эгоизма, грубости и похотливости.

'Ay, ma'am! It's a mercy there's a few men left like me.	- Ах, мадам! Да это счастье, что в мире еще остались такие мужчины, как я.
But you deserve what you get: to be left severely alone.'	Между прочим, ваше озлобление не случайно. Вы расплачиваетесь за строптивость одиночеством, а оно озлобляет душу.
Hilda had risen and gone to the door.	Хильда встала и пошла к двери.
He rose and took his coat from the peg.	Он тоже встал и снял с крючка куртку.
'I can find my way quite well alone,' she said.	- Я могу прекрасно найти дорогу без вас, - сказала она.
'I doubt you can't,' he replied easily.	- Не сомневаюсь.
They tramped in ridiculous file down the lane again, in silence.	И вот они идут обратно, опять смешной, молчащей цепочкой.
An owl still hooted. He knew he ought to shoot it.	Опять ухает сова, и егерь думает, что надо бы ее убить...
The car stood untouched, a little dewy.	Автомобиль стоял за кустом в целости и сохранности.
Hilda got in and started the engine.	Хильда села в него и включила газ.

The other two waited.	Двое снаружи стояли молча.
'All I mean,' she said from her entrenchment, is that I doubt if you'll find it's been worth it, either of you!'	- Я хотела одно сказать, - донеслось из машины, - боюсь, очень скоро вы оба разочаруетесь друг в друге.
'One man's meat is another man's poison,' he said, out of the darkness. But it's meat an' drink to me.	- Что одному яд, другому - сладость, - отозвался из темноты егерь. - Для меня это не только сладость, для меня это жизнь.
The lights flared out.	Вспыхнули фары.
'Don't make me wait in the morning,'	- Не опаздывай утром, Конни.
'No, I won't. Goodnight!'	- Не опоздаю, спокойной ночи!
The car rose slowly on to the highroad, then slid swiftly away, leaving the night silent.	Автомобиль медленно въехал на шоссе, покатыл в ночь, и скоро все опять стало тихо.
Connie timidly took his arm, and they went down the lane.	Конни застенчиво взяла его за руку, и они пошли по проселку обратно.
He did not speak.	Он молчал.
At length she drew him to a standstill.	Конни дернула его за руку и остановила.
'Kiss me!' she murmured.	- Поцелуй меня, - прошептала она.
'Nay, wait a bit! Let me simmer down,' he said.	- Подожди, дай приду в себя, - сказал он.
That amused her.	Это ее рассмешило.
She still kept hold of his arm, and they went quickly down the lane, in silence.	Она все еще держала его за руку, и они быстро шли вперед. Оба молчали.
She was so glad to be with him, just now. She shivered, knowing that Hilda might have snatched her away.	Конни была счастлива: Хильда ведь могла настоять на своем и увести ее. От этой мысли она даже вздрогнула.
He was inscrutably silent.	Он непроницаемо молчал.
When they were in the cottage again, she almost jumped with pleasure, that she should be free of her sister.	Когда вошли в дом, Конни чуть не запрыгала от радости, что Хильды нет.
But you were horrid to Hilda,' she said to him.	- Но ты ужасно разговаривал с Хильдой.
'She should ha' been slapped in time.'	- Ее надо было шлепать в детстве.
'But why? and she's so nice.'	- Зачем? Она такая славная.
He didn't answer, went round doing the evening chores, with a quiet, inevitable sort of motion.	Ничего не ответив, он стал убирать со стола, двигаясь без лишней суеты, по привычке.
He was outwardly angry, but not with her.	Внутренне он злился, но не на нее.
So Connie felt.	Конни это чувствовала.
And his anger gave him a peculiar handsomeness, an inwardness and glisten that thrilled her and made her limbs go molten.	Злость очень шла ему: он был в такие минуты особенно красив, независим и даже блестящ. Конни смотрела на него, и коленки у нее становились ватные.
Still he took no notice of her.	А он все не обращал на нее внимания.

Till he sat down and began to unlace his boots.	Пока не сел и не стал расшнуровывать ботинки.
---	---

Then he looked up at her from under his brows, on which the anger still sat firm.	Тут он взглянул на нее исподлобья, все еще не по-доброму, и сказал, кивнув головой в сторону горевшей на столе свечи:
'Shan't you go up?' he said. 'There's a candle!' He jerked his head swiftly to indicate the candle burning on the table.	- Возьми свечу и ступай наверх.
She took it obediently, and he watched the full curve of her hips as she went up the first stairs.	Она повиновалась и пошла наверх в спальню, а он не мог оторвать глаз от крутого изгиба ее бедер.
It was a night of sensual passion, in which she was a little startled and almost unwilling: yet pierced again with piercing thrills of sensuality, different, sharper, more terrible than the thrills of tenderness, but, at the moment, more desirable.	Это была фантастическая ночь; ей было поначалу немного страшно и даже неприятно; но скоро она снова погрузилась в слепящую пучину чувственного наслаждения, запредельного, более острого, чем обычные ласки, но минутами и более желанного.
Though a little frightened, she let him have his way, and the reckless, shameless sensuality shook her to her foundations, stripped her to the very last, and made a different woman of her.	Чуть испуганно она позволила ему делать с собой все; безрассудная, бесстыдная чувственность как пожаром охватила все ее существо, сорвала все покровы, сделала ее другой женщиной.
It was not really love. It was not voluptuousness. It was sensuality sharp and searing as fire, burning the soul to tinder.	Это была не любовь, это был пир сладострастия, страсть, испепеляющая душу дотла.
Burning out the shames, the deepest, oldest shames, in the most secret places.	Выжигающая стыд, самый древний, самый глубокий, таящийся в самых сокровенных глубинах души и тела.
It cost her an effort to let him have his way and his will of her.	Ей стоило труда подчиниться ему, отказаться от самой себя, своей воли.
She had to be a passive, consenting thing, like a slave, a physical slave.	Стать пассивной, податливой, как рабыня -рабыня страсти.
Yet the passion licked round her, consuming, and when the sensual flame of it pressed through her bowels and breast, she really thought she was dying: yet a poignant, marvellous death.	Страсть лизала ее языками пламени, пожирала ее, и, когда огонь забушевал у нее в груди и во чреве, она почувствовала, что умирает от острого и чистого, как булат, блаженства.
She had often wondered what AbMard meant, when he said that in their year of love he and ^^se had passed through all the stages and refinements of passion.	В юности она не раз задавалась вопросом, что значат слова Абельяра об их с Элоизой любви. Он писал, что за один год любви они прошли все ступени, все изгибы страсти.
The same thing, a thousand years ago: ten thousand years ago! The same on the Greek vases, everywhere!	Одно и то же всегда - тысячу лет назад, десять тысяч лет назад, на греческих вазах - всюду!
The refinements of passion, the extravagances of sensuality! And necessary, forever necessary, to burn out false shames and smelt out the heaviest ore of the body into purity. With the fire of sheer sensuality.	Экссессы страсти, выжигающие ложный стыд, выплавляющие из самой грязной руды чистейший металл. Всегда было, есть и пребудет вовеки.

In the short summer night she learnt so much.	В ту короткую летнюю ночь Конни столько узнала.
She would have thought a woman would have died of shame.	Испытав такое, женщине полагалось бы умереть от стыда.
Instead of which, the shame died.	На самом деле умер стыд, органический стыд -обратная сторона физического страха.
Shame, which is fear: the deep Organic shame, the old, old physical fear which crouches in the bodily roots of us, and can only be chased away by the sensual fire, at last it was roused up and routed by the phallic hunt of the man, and she came to the very heart of the jungle of herself.	Этот стыд-страх гнездится в тайных закоулках тела, и выжечь его может только страсть.
She felt, now, she had come to the real bed-rock of her nature, and was essentially shameless.	Конни познала себя до самых темных глубин души.
She was her sensual self, naked and unashamed.	Добралась до скальной породы своего существа, преступила все запреты, и стыд исчез.
She felt a triumph, almost a vainglory.	Она ликовала. Из груди у нее рвалась хвalebная песнь.
	Вот, значит, как оно должно

So! That was how it was!	быть.
That was life!	Вот что такое жизнь.
That was how oneself really was! There was nothing left to disguise or be ashamed of. She shared her ultimate nakedness with a man, another being. And what a reckless devil the man was! really like a devil!	Этот мужчина был сущий дьявол!
One had to be strong to bear him.	Какой сильной надо быть, чтобы противостоять ему.
But it took some getting at, the core of the physical jungle, the last and deepest recess of organic shame.	Не так-то просто взять последний бастион естественного стыда, запрятанного в джунглях тела.
The phallos alone could explore it. And how he had pressed in on her!	Только фаллос мог это свершить. И как мощно он вторгся в нее.
And how, in fear, she had hated it.	Как она страшилась его и потому ненавидела.
But how she had really wanted it!	И как на самом-то деле желала.
She knew now.	Теперь она все поняла.
At the bottom of her soul, fundamentally, she had needed this phallic hunting Out, she had secretly wanted it, and she had believed that she would never get it.	В глубине сознания она давно ждала этого фаллического праздника, тайно мечтала о нем, боялась - ей это не суждено.
Now suddenly there it was, and a man was sharing her last and final nakedness, she was shameless.	И вот свершилось: мужчина делит с ней ее последнюю наготу. И стыд в ней умер.
What liars poets and everybody were!	Как лгут поэты, и не только они!
They made one think one wanted sentiment.	Читая их, можно подумать, что человеку нужны одни сантименты.

When what one supremely wanted was this piercing, consuming, rather awful sensuality.	А ведь главная-то потребность -пронзительный, внушающий ужас эрос.
To find a man who dared do it, without shame or sin or final misgiving!	Встретить мужчину, который отважился на такое и потом не мучился раскаянием, страхом расплаты, угрызениями совести, - это ли не счастье!
If he had been ashamed afterwards, and made one feel ashamed, how awful!	Ведь если бы потом он не мог поднять глаз от стыда, заражая стыдом и ее, надо было бы умереть.
What a pity most men are so doggy, a bit shameful, like Clifford!	Какая жалость, что большинство мужчин в любви претенциозны и чуть стыдливы. Таков был Клиффорд.
Like Michaelis even!	Такой Микаэлис.
Both sensually a bit doggy and humiliating. The supreme pleasure of the mind!	Высшие радости ума...
And what is that to a woman?	Что от них женщине?
What is it, really, to the man either!	Да и мужчине тоже, если подумать.
He becomes merely messy and doggy, even in his mind.	От одних этих радостей ум становится вялым, претенциозным.
It needs sheer sensuality even to purify and quicken the mind.	Нужен чистый эрос, тогда и ум оттачивается и яснее.
Sheer fiery sensuality, not messiness.	Огненный эрос, а не нагоняющая сон тягомотина.
Ah, God, how rare a thing a man is!	Г осподи, как редко встречаются настоящие мужчины!
They are all dogs that trot and sniff and copulate.	Все они - псиной породы, бегают, нюхают и совокупляются.
To have found a man who was not afraid and not ashamed!	Боже мой, встретить мужчину, который бы не боялся и не стыдился!
She looked at him now, sleeping so like a wild animal asleep, gone, gone in the remoteness of it.	Конни взглянула на него - спит, как дикий зверь на приволье, отъединившись от всех.
	Она свернулась клубочком и прильнула к нему, чтобы

She nestled down, not to be away from him.	подольше не расставаться.
Till his rousing waked her completely.	Он проснулся первый, и сон сразу слетел и с нее.
He was sitting up in bed, looking down at her.	Он сидел в постели и любовался ею.
She saw her own nakedness in his eyes, immediate knowledge of her.	Она видела в его глазах отражение своей наготы.
And the fluid, male knowledge of herself seemed to flow to her from his eyes and wrap her voluptuously.	И это полное знание ее тела, прочитанное в глазах мужчины, опять возбудило ее.
Oh, how voluptuous and lovely it was to have limbs and body half-asleep, heavy and suffused with passion.	О, как славно, как сладко ощущать в себе, еще не очнувшейся ото сна, тяжелую разлитую страсть.
'Is it time to wake up?' she said.	- Пора вставать? - спросила она.

Half past six.'	- Половина седьмого.
She had to be at the lane-end at eight.	Ей надо быть у моста в конце проселка в восемь.
Always, always, always this compulsion on one!	Всегда, всегда эти преследующие тебя внешние обстоятельства!
'I might make the breakfast and bring it up here; should I?' he said.	- Я пойду приготовлю завтрак и принесу сюда, хорошо?
'Oh yes!'	- Да, конечно!
Flossie whimpered gently below.	Флосси тихонько поскуливала внизу.
He got up and threw off his pyjamas, and rubbed himself with a towel.	Он встал, сбросил пижаму и вытерся полотенцем.
When the human being is full of courage and full of life, how beautiful it is! So she thought, as she watched him in silence.	Когда человек отважен и полон жизни, нет существа прекраснее его, думала Конни, молча глядя на егеря.
'Draw the curtain, will you?'	- Отдерни, пожалуйста, занавески, - попросила она.
The sun was shining already on the tender green leaves of morning, and the wood stood bluey-fresh, in the nearness.	Солнечные лучи уже играли на свежей утренней зелени, неподалеку синел весенний лес.
She sat up in bed, looking dreamily out through the dormer window, her naked arms pushing her naked breasts together.	Она села в постели, глядя сонными глазами в окно, обнаженными руками сжав груди.
He was dressing himself.	Он одевался.
She was half-dreaming of life, a life together with him: just a life.	Она сквозь полудрему мечтала о своей жизни с ним; просто о жизни.
He was going, fleeing from her dangerous, crouching nakedness.	Он уходил от нее, бежал от ее опасной и вместе пугливой наготы.
'Have I lost my nightie altogether?' she said.	- А моя сорочка совсем куда-то исчезла? - спросила она.
He pushed his hand down in the bed, and pulled out the bit of flimsy silk.	Он сунул руку в недра постели и вытянул кусок тонкого шелка.
'I knowed I felt silk at my ankles,' he said.	- То-то я чувствовал, мою лодыжку что-то обвило.
But the night-dress was slit almost in two.	Сорочка была разорвана почти пополам.
'Never mind!' she said. 'It belongs here, really. I'll leave it.'	- Ничего. Она часть этой постели. Я ее оставляю здесь, - сказала Конни.
'Ay, leave it, I can put it between my legs at night, for company.	- Оставь. Я буду класть ее ночью между ног, для компании.
There's no name nor mark on it, is there?'	На ней, надеюсь, нет имени или метки.
She slipped on the torn thing, and sat dreamily looking out of the window.	- Она накинула на себя порванную сорочку и сидела, сонно глядя в окно.
The window was Open, the air of morning drifted in, and the sound of birds.	Окно было распахнуто, в комнату вливался свежий утренний воздух, наполненный щебетанием.

Birds flew continuously past.	Птицы носились за окном туда и сюда.
Then she saw Flossie roaming out.	Из дома вышла погулять Флосси.

It was morning.	Занималось утро.
Downstairs she heard him making the fire, pumping water, going out at the back door.	Внизу егерь разводил огонь, качал воду, хлопал задней дверью.
By and by came the smell of bacon, and at length he came upstairs with a huge black tray that would only just go through the door.	Вот снизу донесся запах жареного бекона, и наконец он вошел с огромным черным подносом в руках, едва прошедшим в дверь.
He set the tray on the bed, and poured out the tea.	Он опустил поднос на постель и стал разливать чай.
Connie squatted in her torn nightdress, and fell on her food hungrily.	Конни, кое-как прикрытая порванной сорочкой, с жадностью набросилась на еду.
He sat on the one chair, with his plate on his knees.	Он сидел на единственном стуле, держа тарелку на коленях.
'How good it is!' she said. 'How nice to have breakfast together.'	- Ах, как замечательно! - сказала Конни. - Как замечательно завтракать вдвоем.
He ate in silence, his mind on the time that was quickly passing.	Он ел молча, мысленно отсчитывая последние минуты, летевшие так быстро.
That made her remember.	Конни это чувствовала.
'Oh, how I wish I could stay here with you, and Wragby were a million miles away!	- Как бы мне хотелось остаться здесь у тебя насовсем, и чтобы Рагби-холл унесся за миллион миль отсюда.
It's Wragby I'm going away from really.	На самом-то деле я уезжаю от всего, что он олицетворяет.
You know that, don't you?'	Ты ведь понимаешь это. Да?
'Ay!' 'And you promise we will live together and have a life together, you and me!	- Да. - Ты обещаешь, что мы будем жить вместе, одной жизнью, ты и я?
You promise me, don't you?'	Обещаешь?
'Ay! When we can.'	- Да, когда сможем.
'Yes! And we will! we will, won't we?' she leaned over, making the tea spill, catching his wrist.	- А мы сможем, правда? - Она потянулась, пролила чай и схватила его за руку.
'Ay!' he said, tidying up the tea.	- Правда, - сказал он, вытирая пролитый чай.
'We can't possibly not live together now, can we?' she said appealingly.	- Теперь нам уже нельзя жить врозь, да? - умоляюще проговорила она.
He looked up at her with his flickering grin.	Он поглядел на нее, улыбнувшись своей мимолетной улыбкой.
'No!' he said. 'Only you've got to start in twenty-five minutes.'	- Нельзя, - ответил он. - Только тебе выходить уже через двадцать пять минут.
Have I?' she cried.	- Через двадцать пять минут? - воскликнула она.
Suddenly he held up a warning finger, and rose to his feet.	Вдруг он предупреждающе поднял палец и встал.

Flossie had given a short bark, then three loud sharp yaps of warning.	Флосси коротко зарычала, затем послышался громкий предупреждающий лай.
Silent, he put his plate on the tray and went downstairs.	Ни слова не говоря, он поставил тарелку на поднос и пошел вниз.
Constance heard him go down the garden path.	Констанция слышала, как он отворил дверь и пошел, по садовой дорожке.
A bicycle bell tinkled outside there.	Оттуда донесся велосипедный звонок.
'Morning, Mr Mellors! Registered letter!'	- Доброе утро, мистер Меллорс! Вам заказное письмо!
'Oh ay! Got a pencil?'	- Заказное? Карандаш есть?
'Here y'are!'	- Есть.
There was a pause.	Голоса смолкли.
'Canada!' said the stranger's voice.	- Из Канады, - опять сказал незнакомый голос.
'Ay!'	- Вон откуда! От приятеля.
That's a mate o' mine out there in British Columbia.	Он живет в Британской Колумбии [провинция на юго-западе Канады].
Dunno what he's got to register.'	- Наверное, шлет вам капитал.
'Appen sent y'a fortune, like.'	- Скорее всего, просит чего-нибудь.
'More like wants summat.'	Опять молчание. - Какой прекрасный будет день!
Pause. 'Well! Lovely day again!'	- Да.

'Ay!'	- Ну, пока.
'Morning!' 'Morning!'	- Пока.
After a time he came upstairs again, looking a little angry. 'Postman,' he said.	Немного спустя егерь опять поднялся в спальню. - Почтальон, - с досадой проговорил он.
'Very early!' she replied.	- Так рано, - заметила она.
'Rural round; he's mostly here by seven, when he does come.'	- Деревенский обычай. Он всегда бывает здесь в семь, если есть почта.
'Did your mate send you a fortune?'	- Твой приятель правда шлет тебе капитал?
'No! Only some photographs and papers about a place out there in British Columbia.'	- Да нет, несколько фотографий и газетные вырезки о Британской Колумбии.
'Would you go there?'	- Ты хочешь туда уехать?
'I thought perhaps we might.'	- А чем Канада хуже какого-нибудь другого места?
'Oh yes! I believe it's lovely!'	- Ничем. Я уверена, там будет очень хорошо.
But he was put out by the postman's coming.	Но он был явно раздосадован появлением почтальона.
'Them damn bikes, they're on you afore you know where you are.'	- Эти чертовы велосипедисты. Застанут врасплох-глазом не успеешь моргнуть.
I hope he twigged nothing.'	Надеюсь, он ничего подозрительного не заметил.

'After all, what could he twig!'	- А что тут можно заметить?.
'You must get up now, and get ready.'	- Скорее вставай и одевайся.
'I'm just goin' ter look round outside.'	А я пойду схожу на разведку.
She saw him go reconnoitring into the lane, with dog and gun.	Конни посмотрела, как он идет по проселку с ружьем и собакой.
She went downstairs and washed, and was ready by the time he came back, with the few things in the little silk bag.	Потом спустилась вниз, умылась; когда он вернулся, она была совсем готова, успела сложить в шелковую сумочку кое-какую мелочь.
He locked up, and they set off, but through the wood, not down the lane.	Он запер дверь, и они пошли, но не проселком, а через лес.
He was being wary.	Из осторожности.
'Don't you think one lives for times like last night?' she said to him.	- Ты не думаешь, что человек годы живет ради одной такой ночи? - сказала ему Конни.
'Ay! But there's the rest o'times to think on,' he replied, rather short.	- Но об этих-то годах приходится думать, - резко возразил он.
They plodded on down the overgrown path, he in front, in silence.	Они шагали по заросшей травой стежке, он впереди, она сзади, храня молчание.
'And we will live together and make a life together, won't we?' she pleaded.	- Но мы, ведь будем жить вместе, одной жизнью?- не унималась Конни.
'Ay!' he replied, striding on without looking round. 'When t' time comes!'	- Будем, - ответил он, не оборачиваясь. - Когда придет срок.
Just now you're off to Venice or somewhere.'	А пока ты едешь одна в Венецию или еще куда-то там!
She followed him dumbly, with sinking heart.	Она шла за ним молча, сердце у нее ныло.
Oh, now she was wae to go!	Еще несколько минут, и она правда уедет.
At last he stopped.	Наконец он остановился.
'I'll just strike across here,' he said, pointing to the right.	- Я сверну сюда, - сказал он, махнув рукой вправо, - а ты подожди здесь.
But she flung her arms round his neck, and clung to him.	Конни бросилась к нему, обняла за шею и прижалась всем телом.
'But you'll keep the tenderness for me, won't you?' she whispered. 'I loved last night.'	- Ты не разлюбишь меня? - прошептала она. - Мне было так хорошо этой ночью.
But you'll keep the tenderness for me, won't you?'	Пожалуйста, побереги для меня свою нежность.
He kissed her and held her close for a moment. Then he sighed, and kissed her again.	Он поцеловал ее, прижал на миг. Вздохнул, снова поцеловал.
'I must go an' look if th' car's there.'	- Пойду посмотрю, подъехал ли автомобиль.
He strode over the low brambles and bracken, leaving a trail through the fern.	Он пошел прямо через заросли папоротника и ежевики, оставляя за собой в траве след.
For a minute or two he was gone.	Минуты через две-три он вернулся.
Then he came striding back.	- Машины еще нет, - сказал он.

'Car's not there yet,' he said. 'But there's the baker's cart on t' road.'	- А на дороге я заметил телегу булочника.
He seemed anxious and troubled.	Вид у него был озабоченный и даже чуть встревоженный.
Hark!	- Тихо!
They heard a car softly hoot as it came nearer. It slowed up on the bridge.	Они ясно услышали гудок автомобиля, едущего по мосту.
She plunged with utter mournfulness in his track through the fern, and came to a huge holly hedge.	Она двинулась через папоротники по его следу, чувствуя в душе похоронную тоску, и скоро подошла к высокой зеленой изгороди из тесно растущих падубов.
He was just behind her.	Егерь немного отстал.
'Here! Go through there!' he said, pointing to a gap. I shan't come out.	- Иди сюда! Здесь можно пройти, - сказал он, показывая на узкий проем в кустарнике.
She looked at him in despair.	Конни посмотрела на него глазами, полными слез.
But he kissed her and made her go.	Он поцеловал ее и подтолкнул вперед.
She crept in sheer misery through the holly and through the wooden fence, stumbled down the little ditch and up into the lane, where Hilda was just getting out of the car in vexation.	Она продралась через кустарник, ничего не видя перед собой, потом перескочила через забор, оступилась, попав ногой в небольшую канавку, и вышла на проселок. Хильда как раз в эту минуту раздраженно выходила из машины.
'Why you're there!' said Hilda. 'Where's he?'	- Ах, ты уже здесь, - сказала она. - А где он?
He's not coming.'	- Остался там.
Connie's face was running with tears as she got into the car with her little bag.	Садясь в машину со своей маленькой сумочкой, Конни обливалась слезами.
Hilda snatched up the motoring helmet with the disfiguring goggles.	Хильда протянула ей автомобильный шлем с темными очками.
'Put it on!' she said.	- Надевай, - сказала она.
And Connie pulled on the disguise, then the long motoring coat, and she sat down, a goggling inhuman, unrecognizable creature.	Конни надела шлем, натянула длинное дорожное пальто и села - очкастое, марсианское, неузнаваемое существо.
Hilda started the car with a businesslike motion.	Хильда с суровым, деловым видом включила газ, и машина покатила.
They heaved out of the lane, and were away down the road.	Подпрыгивая на Неровностях, выехали на дорогу и - прощай, Рагби!
Connie had looked round, but there was no sight of him.	Констанция обернулась, но дорога была пустая.
Away! Away!	Вперед! Вперед!
She sat in bitter tears.	Слезы катились по ее щекам.
The parting had come so suddenly, so unexpectedly. It was like death.	Расставание произошло так внезапно, так наспех.

'Thank goodness you'll be away from him for some time!' said Hilda, turning to avoid Crosshill village.	- Слава Богу, ты на какое-то время оторвешься от него, - сказала Хильда, сворачивая в объезд Кроссхилла.
Chapter 17	17
'You see, Hilda,' said Connie after lunch, when they were nearing London, 'you have never known either real tenderness or real sensuality: and if you do know them, with the same person, it makes a great difference.'	- Понимаешь, Хильда, - начала Конни разговор после обеда, когда они подъезжали к Лондону, - ты никогда не знала ни настоящей нежности, ни настоящей страсти; а если бы ты когда-нибудь испытала это, ты бы сейчас рассуждала иначе.
'For mercy's sake don't brag about your experiences!' said Hilda. 'I've never met the man yet who was capable of intimacy with a woman, giving himself up to her. That was what I wanted.'	- Ради всего святого, перестань хвастаться своим эротическим опытом, - ответила Хильда. - Я еще ни разу не встречала мужчину, который был бы способен на близкую дружбу с женщиной, был бы способен безраздельно отдать ей всего себя.
I'm not keen on their self-satisfied tenderness, and their sensuality.	Меня не прельщает их эгоистическая нежность и похоть.
I'm not content to be any man's little petsy-wetsy, nor his chair ю plaisir either.	Я никогда не соглашусь быть для них игрушкой в постели, их chair а plaisir [забавой (фр.)].
I wanted a complete intimacy, and I didn't get it.	Я хотела полной близости и не получила ее.

That's enough for me.	
Connie pondered this.	Конни задумалась над словами сестры.
Complete intimacy!	Полная близость.
She supposed that meant revealing everything concerning yourself to the other person, and his revealing everything concerning himself.	По-видимому, это значит - полная откровенность с твоей стороны и полная откровенность со стороны мужчины.
But that was a bore.	Но ведь это такая скука.
And all that weary self-consciousness between a man and a woman! a disease!	И все эти убийственные копания друг в друге. Какая-то болезнь.
'I think you're too conscious of yourself all the time, with everybody,' she said to her sister.	- Мне кажется, ты слишком рассудочна в отношениях с мужчинами, - сказала она сестре.
I hope at least I haven't a slave nature,' said Hilda.	- Возможно, зато натура у меня не рабская, - возразила Хильда.
'But perhaps you have! Perhaps you are a slave to your own idea of yourself.'	- А может, в каком-то смысле и рабская. Ты -раба собственного представления о себе.
Hilda drove in silence for some time after this piece of unheard of insolence from that chit Connie.	После этой неслыханной дерзости Хильда какое-то время вела машину молча. Что стала себе позволять эта паршивка Конни!
'At least I'm not a slave to somebody else's idea of me: and the somebody else a servant of my husband's,' she retorted at last, in crude anger.	- По крайней мере, я раба своего представления о себе, а не мужчиной прислуги, - мстительно сказала она. Ее раздражение вылилось в откровенную грубость.
'You see, it's not so,' said Connie calmly.	- Ты несправедлива, - тихо ответила Конни.
She had always let herself be dominated by her elder sister.	Прежде она всегда и во всем подчинялась старшей сестре.

Now, though somewhere inside herself she was weeping, she was free of the dominion of other women.	И вот теперь, хотя душа у нее исходила слезами, в ней росло радостное чувство освобождения.
Ah! that in itself was a relief, like being given another life: to be free of the strange dominion and obsession of other women.	Да, для нее начиналась новая жизнь, в которой не будет места этому проклятию - женскому тиранству.
How awful they were, women!	Как все-таки злы и несносны бывают женщины!
She was glad to be with her father, whose favourite she had always been.	Констанция рада была пожить с отцом. Она всегда была его любимцей.
She and Hilda stayed in a little hotel off Pall Mall, and Sir Malcolm was in his club.	Они с Хильдой остановились в маленькой гостинице недалеко от Пэлл-Мэлла. Сэр Малькольм - в своем клубе.
But he took his daughters out in the evening, and they liked going with him.	Но вечером он вывез их в оперу, и они прекрасно провели время.
He was still handsome and robust, though just a little afraid of the new world that had sprung up around him.	Он все еще был красив и крепок, но немножко побаивался нового поколения, подрастающего рядом с ним.
He had got a second wife in Scotland, younger than himself and richer.	Его вторая жена осталась в Шотландии, она была значительно моложе и богаче его.
But he had as many holidays away from her as possible: just as with his first wife.	И он старался как можно чаще устраивать себе холостяцкие каникулы вдали от дома, как бывало и с первой женой.
Connie sat next to him at the opera.	Конни сидела в опере с отцом.
He was moderately stout, and had stout thighs, but they were still strong and well-knit, the thighs of a healthy man who had taken his pleasure in life.	Он был умеренно грузноват, его плотные ляжки были все такие же сильные и ладные, ляжки здорового человека, который не отказывал себе в чувственных удовольствиях.
His good-humoured selfishness, his dogged sort of independence, his unrepenting sensuality, it seemed to Connie she could see them all in his well-knit straight thighs.	Его добродушный эгоизм, неодолимая потребность в независимости, не ведающее раскаяния сластолюбие - все это, по мнению Конни, символически выражалось в его плотных ляжках.
Just a man! And now becoming an old man, which is sad.	Такой вот мужчина ее отец, начинающий, к сожалению, стареть.
Because in his strong, thick male legs there was none of the alert sensitiveness and power of tenderness which is the very essence of youth, that which never dies, once it is there.	Стареть, потому что в его ладных, крепких мужских ногах начисто отсутствовала легкая чуткая быстрота - главный признак неистребимой молодости: и если уж она есть, она с годами не проходит.

Connie woke up to the existence of legs.	Конни вдруг обратила внимание на ноги других людей.
They became more important to her than faces, which are no longer very real.	Они показались ей важнее, чем лица, которые были по большей части маски.
How few people had live, alert legs!	Как мало на свете чутких проворных ног.
She looked at the men in the stalls.	Она пробежала взглядом по сидящим в партере мужчинам.

Great puddingy thighs in black pudding-cloth, or lean wooden sticks in black funeral stuff, or well-shaped young legs without any meaning whatever, either sensuality or tenderness or sensitiveness, just mere leggy ordinariness that pranced around.	Огромные тяжелые ляжки, затянутые в черную мягкую ткань, тощие костистые жерди в черном похоронном облачении, или вот еще -стройные молодые ноги, в которых отсутствует всякий смысл, - ни нежности, ни чувственности, ни проворства - ни то ни се, обычные ноги для ходьбы.
Not even any sensuality like her father's.	Нет в них и женолюбивой крепости отцовских ног.
They were all daunted, daunted out of existence.	До чего все замордованы, ни проблеска жизни.
But the women were not daunted.	А вот женщины не замордованы.
The awful mill-posts of most females! really shocking, really enough to justify murder!	Не ноги у большинства, а колонны. Чудовищны до того, что убей их обладательницу, и тебя оправдают.
Or the poor thin pegs! or the trim neat things in silk stockings, without the slightest look of life!	Вперемешку с ними то жалкие худые спицы, то изящные штучки в шелковых чулках, но неживые.
Awful, the millions of meaningless legs prancing meaninglessly around!	Кошмар - миллионы бессмысленных ног бессмысленно снуют вокруг во всех направлениях.
But she was not happy in London.	Лондон Конни не радовал.
The people seemed so spectral and blank.	Люди в нем казались пустыми, как призраки.
They had no alive happiness, no matter how brisk and good-looking they were. It was all barren.	Лица не светились счастьем, как бы красивы и оживленны ни были. Все было мертво, неинтересно.
And Connie had a woman's blind craving for happiness, to be assured of happiness.	А Конни с присущей женщинам слепой жадой счастья всюду искала перышки этой синей птицы.
In Paris at any rate she felt a bit of sensuality still.	В Париже хоть немного повеяло чувственностью.
But what a weary, tired, worn-out sensuality.	Но какой измученной, усталой, поблекшей.
Worn-out for lack of tenderness.	Поблекшей от недостатка нежности.
Oh! Paris was sad.	О, Париж был полон грусти.
One of the saddest towns: weary of its now-mechanical sensuality, weary of the tension of money, money, money, weary even of resentment and conceit, just weary to death, and still not sufficiently Americanized or Londonized to hide the weariness under a mechanical jig-jig-jig!	Один из самых грустных городов, измученный современной механической чувственностью, усталый от вечной погони за деньгами. Деньги, деньги! Усталый даже от собственного тщеславия и брюзжания, усталый до смерти, но не научившийся еще по примеру американцев или лондонцев скрывать усталость под маской механических побрякушек.
Ah, these manly he-men, these f^neurs, the ogles, these eaters of good dinners!	Ах, все эти фланирующие франты, манящие взгляды записных красоток, все эти едоки дорогих обедов.

How weary they were! weary, worn-out for lack of a little tenderness, given and taken.	Какие они все усталые от недостатка нежности -даримой и получаемой.
The efficient, sometimes charming women knew a thing or two about the sensual realities: they had that pull over their jigging English sisters.	Самоуверенные, иногда и красивые парижанки кое-чем владеют из арсенала страсти: в этом они, пожалуй, превзошли механизированных английских сестер.
But they knew even less of tenderness.	Но нежность им и во сне не снилась.
Dry, with the endless dry tension of will, they too were wearing out.	Сухие, вечно взнузданные собственной волевой рукой, они тоже устали, тоже пресытились.
The human world was just getting worn out.	Человеческий обезьянник дряхлеет.
Perhaps it would turn fiercely destructive.	Возможно, накапливает в себе разрушительные яды.
A sort of anarchy!	Какая-то всеобщая анархия!
Clifford and his conservative anarchy!	Вспомнился Клиффорд с его консервативной анархией.
Perhaps it wouldn't be conservative much	

longer.	Возможно, он скоро утратит свой консерватизм.
Perhaps it would develop into a very radical anarchy.	И запишется в радикальные анархисты.
Connie found herself shrinking and afraid of the world.	Конни поеживалась от страха перед окружающим миром.
Sometimes she was happy for a little while in the Boulevards or in the Bois or the Luxembourg Gardens.	Изредка блеснут живые, полные счастья глаза -на Бульварах, в Булонском лесу или в Люксембургских садах.
But already Paris was full of Americans and English, strange Americans in the oddest uniforms, and the usual dreary English that are so hopeless abroad.	Но Париж был переполнен американцами и англичанами; странными американцами в удивительной военной форме и обычными скучнейшими англичанами, которые за границей просто безнадежны.
She was glad to drive on.	Она с радостью простилась с Парижем.
It was suddenly hot weather, so Hilda was going through Switzerland and over the Brenner, then through the Dolomites down to Venice.	Вдруг стало очень жарко, и Хильда поехала через Швейцарию, перевал Бреннер, через Доломитовые Альпы, а там до Венеции рукой подать.
Hilda loved all the managing and the driving and being mistress of the show.	Хильда обожала водить машину, распоряжаться и вообще "править бал".
Connie was quite content to keep quiet.	Конни это вполне устраивало.
And the trip was really quite nice.	Путешествие действительно удалось.
Only Connie kept saying to herself: Why don't I really care! Why am I never really thrilled?	Только Конни не переставала себя спрашивать: почему ее по-настоящему ничто не радует, не вызывает восторга?
How awful, that I don't really care about the landscape any more! But I don't.	Как ужасно, что меняющийся ландшафт совсем не интересен. Не интересен, и все.
It's rather awful.	Это довольно-таки огорчительно.

I'm like Saint Bernard, who could sail down the lake of Lucerne without ever noticing that there were even mountain and green water.	Она, как Святой Бернард, плыла по озеру в Люцерне и не видела вокруг себя ни гор, ни зеленой воды.
I just don't care for landscape any more.	Ее перестали трогать красивые виды.
Why should one stare at it? Why should one? I refuse to.	Зачем нужно таращить на них глаза? Зачем? Она, во всяком случае, не собирается.
No, she found nothing vital in France or Switzerland or the Tyrol or Italy.	Она ни от чего не пришла в восторг ни во Франции, ни в Швейцарии, ни в Тироле, ни в Италии.
She just was carted through it all.	Просто проехала мимо.
And it was all less real than Wragby. Less real than the awful Wragby!	Все эти пейзажи, картины как мираж, еще менее реальны, чем Рагби. Менее реальны, чем это ужасное поместье Чаттерли.
She felt she didn't care if she never saw France or Switzerland or Italy again.	Так что она не очень-то огорчится, если никогда больше не увидит ни Франции, ни Швейцарии, ни Италии.
They'd keep. Wragby was more real.	Пусть себе прозябают. Рагби был для нее большей реальностью.
As for people! people were all alike, with very little difference.	Что до людей, они везде более или менее одинаковы.
They all wanted to get money out of you: or, if they were travellers, they wanted to get enjoyment, perforce, like squeezing blood out of a stone.	Они все хотят выманить у тебя как можно больше денег. Туристы же, разумеется, жаждут развлечений, зрелищ. Вроде выжимания крови из камня.
Poor mountains! poor landscape! it all had to be squeezed and squeezed and squeezed again, to provide a thrill, to provide enjoyment.	Бедные горы, бедный пейзаж! Из них снова и снова выжимают кровь, чтобы потешить туристов.
What did people mean, with their simply determined enjoying of themselves?	Интересно, какой из подавленных инстинктов стоит за этим вечным поиском развлечений?
No! said Connie to herself I'd rather be at Wragby, where I can go about and be still, and not stare at anything or do any performing of any sort.	Нет! - сказала себе Конни. Лучше уж оставаться в Рагби, там хоть можно гулять, наслаждаться покоем, не пялиться на красоты, не играть без усталости какую-то роль.
This tourist performance of enjoying oneself is too hopelessly humiliating: it's such a failure.	Ведь роль жаждущего развлечений туриста унижительна до отчаяния. Полная профанация всего.
She wanted to go back to Wragby, even to	Ей хотелось вернуться в Рагби, даже к Клиффорду, к

Clifford, even to poor crippled Clifford.	бедному увечному Клиффорду.
He wasn't such a fool as this swarming holidaying lot, anyhow.	Он хотя бы не был идиотом, как эти толпы восторженных китайских болванчиков.
But in her inner consciousness she was keeping touch with the other man.	Но подспудно в ее душе жил образ другого мужчины.

She mustn't let her connexion with him go: oh, she mustn't let it go, or she was lost, lost utterly in this world of riff-raffy expensive people and joy-hogs. Oh, the joy-hogs! Oh 'enjoying oneself!	Нет, она не должна допустить, чтобы их связь прервалась, не должна; иначе она погибнет окончательно и бесповоротно в обществе богатых подонков, этих резвящихся, развлекающих себя боровов.
Another modern form of sickness.	Еще одна сверхмодная болезнь.
They left the car in Mestre, in a garage, and took the regular steamer over to Venice.	Машину они оставили в гараже в Местре и поплыли в Венецию на обычном пароходике.
It was a lovely summer afternoon, the shallow lagoon rippled, the full sunshine made Venice, turning its back to them across the water, look dim.	Был чудесный летний день, поверхность мелководной лагуны морщило слабой зыбью. Залитая солнцем Венеция, ее тыльная сторона, витала в далеком мареве.
At the station quay they changed to a gondola, giving the man the address.	На причале они пересели в гондолу и дали гондольеру адрес.
He was a regular gondolier in a white-and-blue blouse, not very good-looking, not at all impressive.	Это был обычный гондольер в белой с голубым блузе, не очень красивый, заурядный.
'Yes! The Villa Esmeralda!	- Вилла Эсмеральда?
Yes! I know it!	Да, конечно, знаю.
I have been the gondolier for a gentleman there.	Меня нанимал один джентльмен с этой виллы.
But a fair distance out!	Но это очень далеко.
He seemed a rather childish, impetuous fellow.	Г ондольер был порывист в движениях и смахивал на мальчишку.
He rowed with a certain exaggerated impetuosity, through the dark side-canal with the horrible, slimy green walls, the canals that go through the poorer quarters, where the washing hangs high up on ropes, and there is a slight, or strong, odour of sewage.	Он греб с азартом, ведя гондолу по темным боковым каналам, стиснутым осклизлыми зеленоватыми стенами, через самые бедные кварталы, где высоко над головой сушилось на веревках белье и пахло то слабее, то резче сточными отходами.
But at last he came to one of the open canals with pavement on either side, and looping bridges, that run straight, at right-angles to the Grand Canal.	Но вот наконец гондола вплыла в один из главных каналов, прямых и светлых, идущих к Большому каналу под прямым углом. Слева и справа тротуары, по которым гуляет праздная толпа, над водой перекинута мостики.
The two women sat under the little awning, the man was perched above, behind them.	Сестры сидели под небольшим навесом, за ними возвышалась гибкая фигура гондольера.
'Are the signorine staying long at the Villa Esmeralda?' he asked, rowing easy, and 'wiping his perspiring face with a white-and-blue handkerchief.	- Синьорины долго пробудут на вилле Эсмеральда? - спросил он, отирая белым с голубым платком пот.
'Some twenty days: we are both married ladies,' said Hilda, in her curious hushed voice, that made her Italian sound so foreign.	- Дней двадцать. Мы обе замужем, - ответила Хильда своим странным вкрадчивым голосом, отчего ее итальянский прозвучал еще сильнее на иностранный лад.
'Ah! Twenty days!' said the man.	- Двадцать дней! - воскликнул гондольер.

There was a pause. After which he asked: 'Do the signore want a gondolier for the twenty days or so that they will stay at the Villa Esmeralda?	И после недолгого молчания продолжал: -Синьоры не хотят нанять гондолу на то время, пока они здесь?
Or by the day, or by the week?'	Поденно или на неделю.
Connie and Hilda considered.	Конни с Хильдой стали думать.
In Venice, it is always preferable to have one's own gondola, as it is preferable to have one's own car on land.	В Венеции предпочтительно иметь свою гондолу, как в других местах автомобиль.
'What is there at the Villa? what boats?'	- А на вилле есть что-нибудь? Лодки хотя бы?
There is a motor-launch, also a gondola.	- Есть моторный катер и одна гондола.
But—' The but meant: they won't be your property.	Но... Это "но" означало - но они будут не ваши.

'How much do you charge?'	- А сколько это стоит?
It was about thirty shillings a day, or ten pounds a week.	- Тридцать шиллингов в день, или десять фунтов в неделю.
Is that the regular price?' asked Hilda.	- Это обычная цена? - спросила Хильда.
'Less, Signora, less. The regular price—'	- Гораздо ниже. Обычная цена...
The sisters considered.	Сестры немного подумали.
'Well,' said Hilda, 'come tomorrow morning, and we will arrange it.'	- Хорошо, - сказала Хильда. - Приезжайте завтра утром, обо всем договоримся.
What is your name?'	Как вас звать?
His name was Giovanni, and he wanted to know at what time he should come, and then for whom should he say he was waiting.	- Джованни, - ответил он и затем спросил, в какое время приехать и кого ждать.
Hilda had no card.	У Хильды не было с собой визитных карточек.
Connie gave him one of hers.	И Конни дала свою.
He glanced at it swiftly, with his hot, southern blue eyes, then glanced again.	Он быстро пробежал ее синими горячими глазами южанина, потом еще раз взглянул.
'Ah!' he said, lighting up. 'Milady! Milady, isn't it?'	- Ах! - просиял он. - Миледи, да?
'Milady Costanza!' said Connie.	- Миледи Констанца, - сказала Конни.
He nodded, repeating: 'Milady Costanza!' and putting the card carefully away in his blouse.	- Миледи Констанца, - повторил он, кивнул и спрятал карточку куда-то себе в блузу.
The Villa Esmeralda was quite a long way out, on the edge of the lagoon looking towards Chioggia.	Вилла Эсмеральда была и правда далеко, на самом берегу лагуны, смотрела в сторону Кьоджи.
It was not a very old house, and pleasant, with the terraces looking seawards, and below, quite a big garden with dark trees, walled in from the lagoon.	Дом был не очень старый, уютный, веранды выходили прямо на море, внизу большой сад с тенистыми деревьями, отгороженный от вод лагуны.

Their host was a heavy, rather coarse Scotchman who had made a good fortune in Italy before the war, and had been knighted for his ultratriotism during the war.	Хозяин виллы был грузный грубоватого вида шотландец, который нажил в Италии перед войной большое состояние, а во время войны за ультрапатриотизм ему был пожалован титул.
His wife was a thin, pale, sharp kind of person with no fortune of her own, and the misfortune of having to regulate her husband's rather sordid amorous exploits.	Жена его была тощая, бледная, язвительная особа, не имеющая собственных денег и при этом имеющая несчастье то и дело улаживать весьма низкопробные интрижки мужа.
He was terribly tiresome with the servants. But having had a slight stroke during the winter, he was now more manageable.	Грубый нрав сэра Александра особенно проявлялся в обращении с прислугой, но зимой с ним случился легкий удар, и он стал заметно мягче.
The house was pretty full.	Компания подобралась разношерстная и довольно скучная.
Besides Sir Malcolm and his two daughters, there were seven more people, a Scotch couple, again with two daughters; a young Italian Contessa, a widow; a young Georgian prince, and a youngish English clergyman who had had pneumonia and was being chaplain to Sir Alexander for his health's sake.	Кроме сэра Малькольма и его двух дочерей было еще семеро гостей: шотландская пара также с двумя дочерьми, молодая итальянская графиня-вдова, молодой грузинский князь и английский священник средних лет, перенесший воспаление легких и для поправления здоровья находившийся при сэре Александре в качестве духовного лица.
The prince was penniless, good-looking, would make an excellent chauffeur, with the necessary impudence, and basta!	Грузинский князь, писанный красавец, не имел за душой ни гроша, зато прекрасно водил автомобиль - чего же больше!
The Contessa was a quiet little puss with a game on somewhere.	Графиня, маленькая мягкая кошечка, была явно себе на уме.
The clergyman was a raw simple fellow from a Bucks vicarage: luckily he had left his wife and two children at home.	Простоватый с виду священник, имевший приход в Баксе, его семья - жена и двое детей - остались дома.
And the Guthries, the family of four, were good solid Edinburgh middle class, enjoying everything in a solid fashion, and daring everything while risking nothing.	Семейство Гатри - мать, отец и две дочери - принадлежало к солидным эдинбургским буржуа. И развлекалось оно на старый, добрый, солидный лад, замахиваясь на все и не рискуя ничем.
Connie and Hilda ruled out the prince at once.	Конни с Хильдой сразу же исключили из списка грузинского князя.
The Guthries were more or less their own sort, substantial, but boring: and the girls wanted	Гатри были одного с ними круга, но очень скучны, к тому

husbands.	же дочерям пора замуж.
The chaplain was not a had fellow, but too deferential.	Священник человек неплохой, только уж слишком подобоострастен.
Sir Alexander, after his slight stroke, had a terrible heaviness his joviality, but he was still thrilled at the presence of so many handsome young women.	Сэр Александр после недавнего удара стал тяжеловат на подъем, но присутствие стольких красивых женщин все еще волновало его.

Lady Cooper was a quiet, catty person who had a thin time of it, poor thing, and who watched every other woman with a cold watchfulness that had become her second nature, and who said cold, nasty little things which showed what an utterly low opinion she had of all human nature.	Леди Купер, спокойная, с кошачьей повадкой, ко всем женщинам без исключения относилась с ледяной подозрительностью - это вошло ей в плоть и кровь. Она была не прочь сказать мелкую гадость, что выдавало ее истинное отношение к человечеству.
She was also quite venomously overbearing with the servants, Connie found: but in a quiet way.	Она тоже была высокомерна с прислужгой, но никогда не повышала тона, отметила Конни.
And she skilfully behaved so that Sir Alexander should think that he was lord and monarch of the whole caboosh, with his stout, would-be-genial paunch, and his utterly boring jokes, his humourosity, as Hilda called it.	Надо отдать должное леди Купер, она была умной женой. В этом замкнутом мирке сэр Александр со своим плотным, якобы добродушным брюшком, убийственно плоскими шутками - "юмором", как говорила Хильда, чувствовал себя некоронованным правителем.
Sir Malcolm was painting.	Сэра Малькольма в Венеции потянуло к мольберту.
Yes, he still would do a Venetian lagoonscape, now and then, in contrast to his Scottish landscapes.	Ухватив то здесь, то там венецианский вид, так не похожий на шотландские красоты, он спешил запечатлеть его на холсте.
So in the morning he was rowed off with a huge canvas, to his 'site'.	По утрам он обычно уплывал с огромным холстом на свою "площадку".
A little later, Lady Cooper would he rowed off into the heart of the city, with sketching-block and colours.	Немного позже отплывала в сердце Венеции со своими альбомами и красками леди Купер.
She was an inveterate watercolour painter, and the house was full of rose-coloured palaces, dark canals, swaying bridges, medieval facades, and so on.	Она была заядлой акварелисткой, стены ее дома пестрели розовыми дворцами, темными каналами, качающимися мостиками, средневековыми фасадами и прочей венецианской экзотикой.
A little later the Guthries, the prince, the countess, Sir Alexander, and sometimes Mr Lind, the chaplain, would go off to the Lido, where they would bathe; coming home to a late lunch at half past one.	Еще позже семейство Гатри, грузинский князь, графиня, сэр Александр, а иногда и священник, мистер Линд, отправлялись в Лидо, купались, загорали и возвращались к ленчу в половине второго.
The house-party, as a house-party, was distinctly boring.	Домашние сборища были поразительно скучны.
But this did not trouble the sisters.	Но сестры от этого не страдали.
They were out all the time.	Их день-деньской не было дома.
Their father took them to the exhibition, miles and miles of weary paintings.	Отец возил их на выставки, и они смотрели бесконечные мили наводящих уныние полотен.
He took them to all the cronies of his in the Villa Lucchese, he sat with them on warm evenings in the piazza, having got a table at Florian's: he took them to the theatre, to the Goldoni plays.	Он брал их к своим друзьям на виллу Люккесе, сидел с ними теплыми вечерами на площади за столиком у Флориана, он водил их в театр на пьесы Гольдони.
There were illuminated water-ffites, there were dances.	Были иллюминированные праздники на воде, танцы.
This was a holiday-place of all holiday-places.	Венеция была курортом курортов.

The Lido, with its acres of sun-pinked or pyjamaed bodies, was like a strand with an endless heap of seals come up for mating.	Пляжи Лидо с тысячами тел, голых, ошпаренных солнцем или прикрытых пижамами, вызывали в воображении берег с тюленями, выползающими из воды для спаривания.
Too many people in the piazza, too many limbs and trunks of humanity on the Lido, too many gondolas, too many motor-launches, too many steamers, too many pigeons, too many ices, too many cocktails, too many menservants wanting tips, too many languages rattling,	Слишком много людей на площади, конечностей и торсов на пляжах Лидо, слишком много гондол, моторных лодок, пароходов; слишком много голубей, мороженого, коктейлей, лакеев, ожидающих чаевые, слишком разноязычная

too much, too much sun, too much smell of Venice, too many cargoes of strawberries, too many silk shawls, too many huge, raw-beef slices of watermelon on stalls: too much enjoyment, altogether far too much enjoyment!	толпа; обилие солнца, особых венецианских запахов, корзин клубники, шелковых шалей, огромных ломтей арбузов цвета сырой говядины на лотках; слишком много развлечений -слишком, невпроворот много!
Connie and Hilda went around in their sunny frocks. There were dozens of people they knew, dozens of people knew them.	Конни с Хильдой гуляли в легких открытых платьях, они знали здесь многих, многие знали их.
Michaelis turned up like a bad penny. 'Hullo!	Неожиданно возник из небытия Микаэлис. - Привет!
Where you staying?	Где остановились?
Come and have an ice-cream or something!	Идем есть мороженое!
Come with me somewhere in my gondola.'	Едем куда-нибудь в моей гондоле!
Even Michaelis almost sun-burned: though sun-cooked is more appropriate to the look of the mass of human flesh.	Даже Микаэлис сумел здесь загореть. Но и то сказать - эта масса человеческой плоти не загорала, а пеклась на венецианском солнце.
It was pleasant in a way.	Была все-таки в этом своя приятность.
It was almost enjoyment.	Почти развлечение.
But anyhow, with all the cocktails, all the lying in warmish water and sunbathing on hot sand in hot sun, jazzing with your stomach up against some fellow in the warm nights, cooling off with ices, it was a complete narcotic.	Но если говорить честно, эти коктейли, мороженое, бултыхание в теплой воде, горячий песок, горячее солнце, джаз, под который трешься живот о живот с мужчиной жаркими вечерами, - все это был настоящий дурман, сродни наркотикам.
And that was what they all wanted, a drug: the slow water, a drug; the sun, a drug; jazz, a drug; cigarettes, cocktails, ices, vermouth. To be drugged!	В этом как раз все и нуждались: ласковая вода - наркотик; солнце - наркотик; джаз - наркотик; сигареты, коктейли, мороженое, вермут - все это были наркотики. Забыться!
Enjoyment! Enjoyment!	Наслаждений! Наслаждений!
Hilda half liked being drugged.	Хильда не гналась за наслаждениями.
She liked looking at all the women, speculating about them.	Она любила наблюдать женщин, философствовать о них.
The women were absorbingly interested in the women.	Главный интерес женщины - другая женщина.

How does she look! what man has she captured? what fun is she getting out of it?—The men were like great dogs in white flannel trousers, waiting to be patted, waiting to wallow, waiting to plaster some woman's stomach against their own, in jazz.	Как она выглядит? Какого мужчину заарканила? Как он ее развлекает? Мужчины в белой фланели, как большие псы, ждали, когда их погладят, повалют, почешут, когда можно будет потереться животом с представительницей прекрасного пола.
Hilda liked jazz, because she could plaster her stomach against the stomach of some so-called man, and let him control her movement from the visceral centre, here and there across the floor, and then she could break loose and ignore 'the creature'. He had been merely made use of.	Хильда любила джаз, любила телом прильнуть к мужчине, позволить ему диктовать движения; она долго скользила с ним по всему пространству танцевальной площадки, а потом вдруг бросала "это животное" и больше не замечала: ведь его взяли всего-навсего напрокат.
Poor Connie was rather unhappy.	А бедняжка Конни была несчастна.
She wouldn't jazz, because she simply couldn't plaster her stomach against some 'creature's' stomach.	Она не танцевала под звуки джаза - противно прижиматься к чужому мужчине.
She hated the conglomerate mass of nearly nude flesh on the Lido: there was hardly enough water to wet them all.	А это месиво полуголых тел в Лидс - глупее зрелища не придумаешь. Как еще хватает на всех воды в лагуне!
She disliked Sir Alexander and Lady Cooper.	Ей не нравились хозяева - леди Купер и сэр Александр.
She did not want Michaelis or anybody else trailing her.	И она злилась, если кто-нибудь, в том числе и Микаэлис, пытался заявить на нее права.
The happiest times were when she got Hilda to go with her away across the lagoon, far across to some lonely shingle-bank, where they could bathe quite alone, the gondola remaining on the inner side of the reef.	Лучшими часами в Венеции была их с Хильдой поездка на пустынный, усеянный галькой риф. Они долго купались там в одиночестве, оставив гондолу во внутренней лагуне рифа.
Then Giovanni got another gondolier to help him, because it was a long way and he sweated terrifically in the sun.	Джованни взял себе в помощь еще одного гондольера, потому что плыть было далеко, а он и на близком-то расстоянии весь обливался потом.

Giovanni was very nice: affectionate, as the Italians are, and quite passionless.	Джованни был хороший гондольер, преданный, честный и начисто лишенный страстей.
The Italians are not passionate: passion has deep reserves.	Итальянцы не знают, что такое страсть, слишком они поверхностны.
They are easily moved, and often affectionate, but they rarely have any abiding passion of any sort.	Итальянец легко вспыхивает, горячится, но сильная, глубокая страсть не в его характере.
So Giovanni was already devoted to his ladies, as he had been devoted to cargoes of ladies in the past.	Джованни привязался к своим двум "леди" не больше и не меньше, чем к веренице предыдущих клиенток.
He was perfectly ready to prostitute himself to them, if they wanted hint: he secretly hoped they would want him.	Он был готов с ними спать, если они пожелают, и втайне надеялся на это.
They would give him a handsome present, and it would come in very handy, as he was just going to be married.	Они ведь могут щедро одарить его, что было бы кстати ввиду близившейся свадьбы.

He told them about his marriage, and they were suitably interested.	Он рассказал им о своей любви, и они благосклонно внимали ему.
He thought this trip to some lonely bank across the lagoon probably meant business: business being l'amore, love.	Он думал, что эта дальняя поездка на уединенный пляж означает "бизнес"; под бизнесом он разумел l'amore [любовь (итал.)].
So he got a mate to help him, for it was a long way; and after all, they were two ladies.	Вот и пригласил напарника; путь-то дальний. Да и госпожи две.
Two ladies, two mackerels!	Две госпожи - два гребца.
Good arithmetic!	Безошибочная арифметика.
Beautiful ladies, too!	К тому же обе госпожи красавицы.
He was justly proud of them.	Он справедливо гордился ими.
And though it was the Signora who paid him and gave him orders, he rather hoped it would be the young milady who would select hint for l'amore.	Платила ему синьора, она же всем и распоряжалась, но он надеялся, что его выберет для l'amore молодая леди.
She would give more money too.	Помимо прочего, она всегда больше платит.
The mate he brought was called Daniele.	Его приятеля звали Даниеле.
He was not a regular gondolier, so he had none of the cadger and prostitute about him.	Он не был профессиональным гондольером, и в нем отсутствовали черты попрошайки и альфонса.
He was a sandola man, a sandola being a big boat that brings in fruit and produce from the islands.	Он был хозяином сандолы, большой лодки, в которой возят фрукты и другую снедь с островов.
Daniele was beautiful, tall and well-shapen, with a light round head of little, close, pale-blond curls, and a good-looking man's face, a little like a lion, and long-distance blue eyes.	Даниеле был красив, высок, хорошо сложен; небольшую круглую голову облепляли мелкие тугие кудряшки, отчего он слегка напоминал льва.
He was not effusive, loquacious, and bibulous like Giovanni. He was silent and he rowed with a strength and ease as if he were alone on the water.	В отличие от Джованни, экспансивного, речистого и вечно навеселе, Даниеле все время молчал и греб легко и сильно, точно работал один без напарника.
The ladies were ladies, remote from him.	Г-оспожи были для него только клиентки, отделенные невидимым, непроницаемым барьером.
He did not even look at them. He looked ahead.	Он ни разу не взглянул на них. Его синие зоркие глаза глядели только вперед.
He was a real man, a little angry when Giovanni drank too much wine and rowed awkwardly, with effusive shoves of the great oar.	Это был настоящий мужчина. Он даже немного сердился на Джованни, когда тот, хватив изрядно вина, переставал грести споро и в лад.
He was a man as Mellors was a man, unprostituted.	Это был мужчина того же склада, что и Меллорс, собой не торговал.
Connie pitied the wife of the easily-overflowing Giovanni.	Конни жалела будущую жену Джованни, легковесного и не знающего меры.
But Daniele's wife would be one of those sweet Venetian women of the people whom one still sees, modest and flower-like in the back of that labyrinth of a town.	А жена Даниеле, представлялось ей, - одна из милых венецианских женщин, скромная, похожая на цветок, какие все еще встречаются на окраинах этого города-лабиринта.

Ah, how sad that man first prostitutes woman, then	Какая тоска: мужчина сначала сделал проституткой
--	--

woman prostitutes man.	женщину, а потом и сам стал торговать собой.
Giovanni was pining to prostitute himself, dribbling like a dog, wanting to give himself to a woman. And for money!	Вон и Джованни - весь извелся, так хочется ему отдаться женщине. И конечно за деньги!
Connie looked at Venice far off, low and rose-coloured upon the water.	Конни глядела на далекую Венецию - розовый мираж над водой.
Built of money, blossomed of money, and dead with money. The money-deadness!	Воздвигнутый по воле денег, процветающий по воле денег и мертвый.
Money, money, money, prostitution and deadness.	Деньги, деньги, деньги! Проституция и омертвление души и тела.
Yet Daniele was still a man capable of a man's free allegiance.	Но вот Даниеле же настоящий мужчина, способный хранить верность.
He did not wear the gondolier's blouse: only the knitted blue jersey.	На нем не обычная блуза гондольера, а голубой вязаный свитер.
He was a little wild, uncouth and proud.	Даниеле грубоват, диковат и горд.
So he was hireling to the rather doggy Giovanni who was hireling again to two women.	Его нанял Джованни, в общем-то дрянь-человек, а того, в свою очередь, наняли женщины.
So it is!	Так оно и идет.
When Jesus refused the devil's money, he left the devil like a Jewish banker, master of the whole situation.	Когда Иисус отказался от денег дьявола, тот, как еврей-банкир, все равно остался хозяином положения.
Connie would come home from the blazing light of the lagoon in a kind of stupor, to find letters from home.	Конни вернулась домой, ослепленная голубым зноем лагуны. Дома ее ждало письмо.
Clifford wrote regularly.	Клиффорд писал регулярно.
He wrote very good letters: they might all have been printed in a book.	Он писал умные литературные письма, хоть сейчас на страницы книги.
And for this reason Connie found them not very interesting.	Поэтому Конни и читала их без особого интереса.
She lived in the stupor of the light of the lagoon, the lapping saltiness of the water, the space, the emptiness, the nothingness: but health, health, complete stupor of health.	Она была переполнена слепящим светом лагуны, соленым плеском волн, простором, пустотой, отсутствием всего. Только здоровье, здоровье, ослепляющее здоровье.
It was gratifying, and she was lulled away in it, not caring for anything.	И целительное для души; убаюканная здоровой легкостью тела, душа ее вознеслась над всеми горестями.
Besides, she was pregnant. She knew now.	А главное - ее беременность. Теперь она была в этом уверена.

So the stupor of sunlight and lagoon salt and sea-bathing and lying on shingle and finding shells and drifting away, away in a gondola, was completed by the pregnancy inside her, another fullness of health, satisfying and stupefying.	Так что ослепление солнцем и солью лагуны, купание в море, охота за раковинами, горячая галька и скольжение gondola - все это дополнилось ощущением зачинавшейся в ней новой жизни, ощущением благодным и ослепляющим.
She had been at Venice a fortnight, and she was to stay another ten days or a fortnight.	Она уже пробыла в Венеции две недели и думала еще пробыть столько же, может, немного меньше.
The sunshine blazed over any count of time, and the fullness of physical health made forgetfulness complete.	Потоки солнца выжгли представление о времени, все недавние события затопило счастье физического здоровья.
She was in a sort of stupor of well-being.	Она словно парила в ослепительных потоках этого счастья.
From which a letter of Clifford roused her.	Письмо Клиффорда спустило ее с небес на землю.
We too have had our mild local excitement.	"Между прочим, у нас был небольшой переполох, - писал он.
It appears the truant wife of Mellors, the keeper, turned up at the cottage and found herself unwelcome.	- Пребывавшая в бегах жена нашего егеря Меллорса вдруг явилась к нему домой, но оказалось, что там ее никто не ждал.
He packed her off, and locked the door.	Он выставил ее вон и запер дверь.
Report has it, however, that when he returned from the wood he found the no longer fair lady firmly established in his bed, in puris naturalibus; or one should say, in impuris naturalibus.	Молва утверждает, что этим дело не кончилось. Вернувшись вечером, он обнаружил эту давно уже не прекрасную леди в своей собственной постели puris naturalibus, т.е. в чем мать родила.

She had broken a window and got in that way.	Она взломала окно и таким образом проникла в дом.
Unable to evict the somewhat man-handled Venus from his couch, he beat a retreat and retired, it is said, to his mother's house in Tevershall.	Будучи не в силах выдворить весьма потасканную Венеру, он отступил и, как говорят, укрылся в доме своей матушки в Тивершолле.
Meanwhile the Venus of Stacks Gate is established in the cottage, which she claims is her home, and Apollo, apparently, is domiciled in Tevershall.	А в его доме обосновалась Венера из Отвальной, заявляя всем и каждому, что настоящая хозяйка в нем - она. Что до нашего Аполлона, он, по-видимому, переселился в Тивершолл.
I repeat this from hearsay, as Mellors has not come to me personally.	Я пересказываю все это со слов других, поскольку Меллорс пока еще у меня не был.
I had this particular bit of local garbage from our garbage bird, our ibis, our scavenging turkey-buzzard, Mrs Bolton.	Узнал я эти местные сплетни от нашей сороки, миссис Болтон. Я бы не стал тебе все это писать.
I would not have repeated it had she not exclaimed: her Ladyship will go no more to the wood if that woman's going to be about!	Но миссис Болтон воскликнула: "Ее милость никогда больше не пойдет в лес, если узнает, что может наткнуться на эту ужасную женщину".

I like your picture of Sir Malcolm striding into the sea with white hair blowing and pink flesh glowing.	Мне понравилась нарисованная тобой картина -сэр Малькольм вышагивает в воде, его белые волосы раздувает ветром, розовое тело сияет.
I envy you that sun. Here it rains.	Я завидую вам, вы наслаждаетесь солнцем, а у нас тут дожди.
But I don't envy Sir Malcolm his inveterate mortal carnality.	Не завидую сэру Малькольму, его неистребимой чувственной ненасытности.
However, it suits his age.	Возраст, как видно, ему не помеха.
Apparently one grows more carnal and more mortal as one grows older.	Возможно, с годами человек становится все более ненасытным, все более ощущает свою тленность.
Only youth has a taste of immortality—	Только юность способна верить в бессмертие".
This news affected Connie in her state of semi-stupefied ell being with vexation amounting to exasperation.	Эта новость, разбившая вдребезги ее отрешенное состояние блаженства, повергла Конни на грань истерики.
Now she ad got to be bothered by that beast of a woman!	Так значит, теперь ее будет терзать эта мерзавка!
Now she must start and fret!	Начинаются ее мучения!
She had no letter from Mellors.	А от Меллорса ни строчки.
They had agreed not to write at all, but now she wanted to hear from him personally.	Правда, они уговорились не писать, но хотелось бы все узнать от него самого.
After all, he was the father of the child that was coming.	В конце концов он - отец ее будущего ребенка.
Let him write! But how hateful!	Мог бы и написать! Но как это ужасно!
Now everything was messed up.	Как все запуталось!
How foul those low people were!	Подлые простолюдины!
How nice it was here, in the sunshine and the indolence, compared to that dismal mess of that English Midlands!	Как прекрасно жить под венецианским солнцем, среди этой праздности, и как гнусно там, в черной, дождливой Англии.
After all, a clear sky was almost the most important thing in life.	Безоблачное небо, наверное, самая важная на свете вещь.
She did not mention the fact of her pregnancy, even to Hilda.	Конни никому не стала говорить о своей беременности, даже Хильде.
She wrote to Mrs Bolton for exact information.	Прочитав послание Клиффорда, она села и написала письмо миссис Болтон с просьбой подробно сообщить ей обо всем происшедшем.
Duncan Forbes, an artist friend of theirs, had arrived at the Villa Esmeralda, coming north from Rome.	На виллу Эсмеральда заехал проездом в Рим давний приятель семьи, художник Дункан Форбс.
Now he made a third in the gondola, and he bathed with them across the lagoon, and was their escort: a quiet, almost taciturn young man, very advanced in his art.	Он стал третьим в их гондоле, купался с ними на той стороне лагуны, всюду сопровождал их -спокойный, скупой на слова молодой человек, преуспевающий в живописи.

Вскоре Конни получила ответ от миссис Болтон. Та

She had a letter from Mrs Bolton:	писала:
You will be pleased, I am sure, my Lady, when you see Sir Clifford.	"Вы очень обрадуетесь, ваша милость, увидев сэра Клиффорда.
He's looking quite blooming and working very hard, and very hopeful.	У него цветущий вид, хотя он много и усердно работает.
Of course he is looking forward to seeing you among us again.	Он полон надежд и планов. И конечно, очень хочет поскорее увидеть вас.
It is a dull house without my Lady, and we shall all welcome her presence among us once more.	Дом без вас опустел, и мы все будем счастливы, когда вы вернетесь.
About Mr Mellors, I don't know how much Sir Clifford told you.	Вы спрашиваете про мистера Меллорса. Не знаю, что именно сэр Клиффорд вам написал.
It seems his wife came back all of a sudden one afternoon, and he found her sitting on the doorstep when he came in from the wood.	Я могу только сообщить следующее. К нему неожиданно вернулась жена. Он пришел в обед из леса, а она сидит у него на крыльце.
She said she was come back to him and wanted to live with him again, as she was his legal wife, and he wasn't going to divorce her. But he wouldn't have anything to do with her, and wouldn't let her in the house, and did not go in himself; he went back into the wood without ever opening the door.	Сказала, что вернулась и хочет опять с ним жить, что она его законная жена и не собирается разводиться. (Говорят, что мистер Меллорс начал дело о разводе.) Он отказался с ней разговаривать, в дом ее не пустил, не вошел сам, а повернулся и удалился опять в лес.
But when he came back after dark, he found the house broken into, so he went upstairs to see what she'd done, and he found her in bed without a rag on her.	Когда он вечером вернулся, дом был взломан. Он поднялся вверх взглянуть, не натворила ли она чего. А она лежит голая на его кровати.
He offered her money, but she said she was his wife and he must take her back.	Он предложил ей денег, но она стала орать, что она его жена и пусть он берет ее обратно.
I don't know what sort of a scene they had.	Не знаю, о чем они договорились.
His mother told me about it, she's terribly upset.	Мне это рассказала его мать, она, естественно, очень расстроена.
Well, he told her he'd die rather than ever live with her again, so he took his things and went straight to his mother's on Tevershall hill.	Меллорс сказал, что жить с ней не будет, забрал вещи и отправился к матери, которая живет в верхней части Тивершолла.
He stopped the night and went to the wood next day through the park, never going near the cottage.	Там он переночевал, а наутро пошел в лес, держась от своего дома подальше.
It seems he never saw his wife that day.	В тот день они, кажется, не виделись.
But the day after she was at her brother Pan's at Beggarlee, swearing and carrying on, saying she was his legal wife, and that he'd been having women at the cottage, because she'd found a scent-bottle in his drawer, and gold-tipped cigarette-ends on the ash-heap, and I don't know what all.	На другой день она пошла к своему брату Дану, который живет в Беггарли, ругалась и кричала, что она законная жена, а он водит к себе женщин: она нашла флакончик духов у него в комоде, и в пепельнице окурки сигарет с золотыми кончиками, и не знаю, что еще.
Then it seems the postman Fred Kirk says he heard somebody talking in Mr Mellors' bedroom early one morning, and a motor-car had been in the lane.	А почтальон Фред Кирк сказал, что слышал, как рано утром кто-то разговаривал в спальне Меллорса, и видел автомобиль, оставленный на проселке.

Mr Mellors stayed on with his mother, and went to the wood through the park, and it seems she stayed on at the cottage.	Мистер Меллорс теперь живет у матери и ходит в лес через парк, а она, кажется, поселилась у него в доме.
Well, there was no end of talk.	Начались всякие пересуды.
So at last Mr Mellors and Tom Phillips went to the cottage and fetched away most of the furniture and bedding, and unscrewed the handle of the pump, so she was forced to go.	Тогда мистер Меллорс с Томом Филиппсом пошли к нему в дом, вынесли всю мебель, кровать и открыли у насоса ручку: без воды ведь не проживешь.
But instead of going back to Stacks Gate she went and lodged with that Mrs Swain at Beggarlee, because her brother Dan's wife wouldn't have her.	Но в Отвальную Берта не вернулась, а поселилась в Беггарли у миссис Суэйн, потому что жена Дана не пустила ее к себе.
And she kept going to old Mrs Mellors' house, to catch him, and she began swearing he'd got in bed with her in the cottage and she went to a lawyer to make him pay her an allowance.	Теперь она каждый день ходит к дому миссис Меллорс и караулит его там. Она всем клянется, что он переспал с ней у себя в доме, и ходила уже к адвокату - пусть его заставят платить ей алименты.
She's grown heavy, and more common than ever, and as strong as a bull.	Она огрубела, расплылась и сильна, как бык.

And she goes about saying the most awful things about him, how he has women at the cottage, and how he behaved to her when they were married, the low, beastly things he did to her, and I don't know what all.	Ходит всюду и болтает о нем всякое, что он водит к себе женщин; а когда с ней спал, проделывал Бог знает какие гнусности.
I'm sure it's awful, the mischief a woman can do, once she starts talking.	Ужасно, когда обозленная женщина выворачивает наизнанку свою супружескую жизнь.
And no matter how low she may be, there'll be some as will believe her, and some of the dirt will stick.	Она может причинить большую беду. Какой бы мерзавкой она сама ни была, найдутся люди, которые поверят ей, и какая-нибудь грязь все равно пристанет.
I'm sure the way she makes out that Mr Mellors was one of those low, beastly men with women, is simply shocking.	Просто ужасно, что она рассказывает про мистера Меллорса, какое он чудовище с женщинами.
And people are only too ready to believe things against anybody, especially things like that.	Люди ведь очень охотно верят рассказам, особенно таким.
She declared she'll never leave him alone while he lives.	Она заявила, что, пока жива, в покое его не оставит.
Though what I say is, if he was so beastly to her, why is she so anxious to go back to him?	Не могу понять, раз он такой плохой, почему она так хочет вернуться к нему.
But of course she's coming near her change of life, for she's years older than he is.	Правда, ей уже много лет, она ведь старше его, приближается критический возраст.
And these common, violent women always go partly insane whets the change of life comes upon them—	Необразованные истеричные женщины буквально сходят с ума в этот период".
This was a nasty blow to Connie.	Это был страшный удар для Конни.
Here she was, sure as life, coming in for her share of the lowness and dirt.	Жизнь припасла и для нее порцию грязи.

She felt angry with him for not having got clear of a Bertha Coutts: nay, for ever having married her.	Она негодовала на Меллорса за то, что он вовремя не развязался с Бертой Куттс; нет, вернее, за то, что он вообще женился на ней.
Perhaps he had a certain hankering after lowness.	Может, у него пристрастие к половым извращениям?
Connie remembered the last night she had spent with him, and shivered.	Она вспомнила последнюю с ним ночь и содрогнулась.
He had known all that sensuality, even with a Bertha Coutts!	Значит, для него все это было в порядке вещей, значит, он был так же близок и с Бертой.
It was really rather disgusting.	Какая мерзость!
It would be well to be rid of him, clear of him altogether.	С ним надо расстаться, освободиться от него.
He was perhaps really common, really low.	Нет сомнения, он просто раб низменных страстей.
She had a revulsion against the whole affair, and almost envied the Guthrie girls their gawky inexperience and crude maidenliness.	Ей была отвратительна вся эта история, она почти завидовала девицам Гатри, их глупенькой угловатой невинности.
And she now dreaded the thought that anybody would know about herself and the keeper.	Вот когда пришла боязнь, что люди могут узнать о ее связи с лесничим.
How unspeakably humiliating!	Как это унижительно!
She was weary, afraid, and felt a craving for utter respectability, even for the vulgar and deadening respectability of the Guthrie girls.	Она совсем измучилась, она жаждала вернуться в лоно респектабельности, даже вульгарной, мертвящей респектабельности семейства Гатри.
If Clifford knew about her affair, how unspeakably humiliating!	А если Клиффорд узнает о ее связи? Боже, какое унижение!
She was afraid, terrified of society and its unclean bite.	Она боялась, смертельно боялась беспощадного суда общества!
She almost wished she could get rid of the child again, and be quite clear.	Ей даже почти захотелось освободиться от ребенка, очиститься от скверны.
In short, she fell into a state of funk.	Короче говоря, ее обуял панический страх.
As for the scent-bottle, that was her own folly.	А флакончик духов - ведь это ее собственная глупость.

She had not been able to refrain from perfuming his one or two handkerchiefs and his shirts in the drawer, just out of childishness, and she had left a little bottle of Coty's Wood-violet perfume, half empty, among his things. She wanted him to remember her in the perfume.	Она не могла удержаться и надушила два-три платка и рубашки у него в комод, просто из ребячества. А потом взяла и сунула флакончик Коти "Лесная фиалка" среди его вещей, пусть вспоминает ее.
As for the cigarette-ends, they were Hilda's.	Сigaretетные окурки оставила в пепельнице Хильда.
She could not help confiding a little in Duncan Forbes.	Она не могла удержаться и поделилась, правда частично, своими горестями с Дунканом Форбсом.

She didn't say she had been the keeper's lover, she only said she liked him, and told Forbes the history of the man.	Она не сказала ему, что была любовницей егеря, сказала только, что он был ей симпатичен.
'Oh,' said Forbes, 'you'll see, they'll never rest till they've pulled the man down and done him its.	- Поверьте, - сказал Форбс, - они не успокоятся, пока не dokonают парня.
If he has refused to creep up into the middle classes, when he had a chance; and if he's a man who stands up for his own sex, then they'll do him in.	Он ведь поднялся на ступеньку выше своего класса, но лицемерие нашего класса оттолкнуло его. И он предпочел одиночество. Таким не прощают.
It's the one thing they won't let you be, straight and open in your sex.	Особенно не прощают прямоту и свободу в сексе.
You can be as dirty as you like. In fact the more dirt you do on sex the better they like it.	Можно быть по уши в грязи, никто слова не скажет. Грязь даже по-своему привлекательна.
But if you believe in your own sex, and won't have it done dirt to: they'll down you.	Но если при этом ты не чувствуешь за собой вины и отстаиваешь право любить, как хочется, берегись: эти ханжи не успокоятся, пока не сживут тебя со свету.
It's the one insane taboo left: sex as a natural and vital thing.	Последнее бессмысленное табу - секс как естественная жизненная потребность.
They won't have it, and they'll kill you before they'll let you have it. You'll see, they'll hound that man down.	Они сами не пробовали его и не позволяют никому этого баловства.
And what's he done, after all?	А в чем, в сущности, он виноват?
If he's made love to his wife all ends on, hasn't he a right to?	Любил свою жену без оглядки? Так это его право.
She ought to be proud of it.	И она должна была бы этим гордиться.
But you see, even a low bitch like that turns on him, and uses the hyena instinct of the mob against sex, to pull him down.	Но даже эта распутная тварь честит его, как может, да еще натравила на него злобствующую толпу.
You have a snivel and feel sinful or awful about your sex, before you're allowed to have any.	Вот если бы он распустил нюни, покался в грехе и стал потихоньку дальше грешить - тогда другое дело.
Oh, they'll hound the poor devil down.'	А он что себе позволил? Да, погубят они этого бедолагу.
Connie had a revulsion in the opposite direction now.	После этого разговора Конни метнуло в другую сторону.
What had he done, after all? what had he done to herself, Connie, but give her an exquisite pleasure and a sense of freedom and life?	В самом деле, что он такое совершил? Что плохого причинил ей, Конни? Он доставил ей ни с чем не сравнимое наслаждение, он раскрепостил ее, пробудил жизненные силы.
He had released her warm, natural sexual flow.	Дал выход ее горячей природной чувственности.
And for that they would hound him down.	И за все это они готовы растерзать его.
No no, it should not be.	Нет, этого нельзя допустить.

She saw the image of him, naked white with tanned face and hands, looking down and addressing his erect penis as if it were another being, the odd grin flickering on his face.	Она видела его, как наяву: нагой, белотелый, загорели только лицо и руки, смотрит вниз, обращается к своей плоти, как к отдельному существу, а на лице играет странная мерцающая улыбка.
And she heard his voice again: Tha's got the nicest woman's arse of anybody!	И опять в ее ушах зазвучали слова "не попка, а ладная, круглая, теплая печка".
And she felt his hand warmly and softly closing over her tail again, over her secret places, like a	Она вновь ощутила его горячую ладонь на своих бедрах, в самых своих сокровенных местечках, как

benediction.	прощальное благословение.
And the warmth ran through her womb, and the little flames flickered in her knees, and she said: Oh, no! I mustn't go back on it!	И опять зажегся огонь в ее чреве, опять подогнулись колени, и она сказала себе: "Ну нет, я не пойду против него, не пойду!"
I must not go back on him. I must stick to him and to what I had of him, through everything.	Мой долг - быть рядом с ним, защитить его. И выстоять вопреки всему.
I had no warm, flamy life till he gave it me.	Это он дал мне яркую, полнокровную жизнь.
And I won't go back on it.	Что я была до него? И я не имею права предавать ни его, ни себя".
She did a rash thing.	Сгоряча она сделала одну оплошность.
She sent a letter to Ivy Bolton, enclosing a note to the keeper, and asking Mrs Bolton to give it him.	Послала письмо Айви Болтон, вложив в него записку для егеря.
And she wrote to him:	В записке она написала:
I am very much distressed to hear of all the trouble your wife is making for you, but don't mind it, it is only a sort of hysteria.	"Я очень огорчилась, узнав, что вытворяет твоя жена. Не принимай близко к сердцу. Не стоит того. Она просто истеричная женщина.
It will all blow over as suddenly as it came.	Вся эта история так же внезапно кончится, как началась.
But I'm awfully sorry about it, and I do hope you are not minding very much.	Но я очень, очень переживаю за тебя и только надеюсь, что сам ты не очень расстраиваешься.
After all, it isn't worth it. She is only a hysterical woman who wants to hurt you.	Истеричная женщина хочет причинить тебе боль. Бог с ней.
I shall be home in ten days' time, and I do hope everything will be all right.	Я буду дома через десять дней, надеюсь, к моему приезду все наладится".
A few days later came a letter from Clifford. He was evidently upset.	Вскоре пришло еще одно письмо от Клиффорда. Он был явно чем-то расстроен.
I am delighted to hear you are prepared to leave Venice on the sixteenth.	"Я счастлив был узнать, что ты собираешься покинуть Венецию шестнадцатого.
But if you are enjoying it, don't hurry home.	Но если тебе там хорошо, не торопись домой.
We miss you, Wragby misses you.	Мы очень скучаем о тебе. Все в Рагби скучают.
But it is essential that you should get your full amount of sunshine, sunshine and pyjamas, as the advertisements of the Lido say.	Но очень важно, чтобы ты в полной мере насытилась "солнцем, солнцем и пижамами", как говорится в проспекте, рекламирующем Лидо.

So please do stay on a little longer, if it is cheering you up and preparing you for our sufficiently awful winter.	Так что, пожалуйста, живи там подольше, если Венеция тебя радует, готовься к нашей все-таки весьма ужасной зиме.
Even today, it rains.	Даже сегодня идет дождь.
I am assiduously, admirably looked after by Mrs Bolton.	Миссис Болтон смотрит за мной со всем усердием и прилежанием.
She is a queer specimen.	Это удивительный человеческий экземпляр.
The more I live, the more I realize what strange creatures human beings are.	Чем больше я живу, тем больше поражаюсь, какие странные существа люди.
Some of them might Just as well have a hundred legs, like a centipede, or six, like a lobster.	У некоторых, можно подумать, сто ног, как у стоножки, или по крайней мере шесть, как у омара.
The human consistency and dignity one has been led to expect from one's fellow-men seem actually nonexistent.	Человеческое достоинство, которое ожидаешь видеть в ближних своих, напрочь в них отсутствует.
One doubts if they exist to any startling degree even is oneself.	И не только в них, но и в какой-то мере во мне самом.
The scandal of the keeper continues and gets bigger like a snowball.	Скандалная история с егерем продолжается и даже растет, как снежный ком.
Mrs Bolton keeps me informed.	В курсе дел меня держит миссис Болтон.
She reminds me of a fish which, though dumb, seems to be breathing silent gossip through its gills, while ever it lives.	Она напоминает мне рыбу. Пусть рыба нема, сплетню она выдыхает сквозь жабры.
All goes through the sieve of her gills, and nothing surprises her.	Ничто не задерживается в сите ее жабр, и ничто не удивляет ее.
It is as if the events of other people's lives were the	У меня такое впечатление, что события жизни других людей - кислород, которым поддерживается

necessary oxygen of her own.	горение ее собственной жизни.
She is preoccupied with the Mellors scandal, and if I will let her begin, she takes me down to the depths.	Она с головой ушла в эту историю с Меллорсом. И когда я неосмотрительно что-нибудь спрошу, она тут же затягивает меня в этот омут.
Her great indignation, which even then is like the indignation of an actress playing a role, is against the wife of Mellors, whom she persists in calling Bertha Courts.	Больше всего ее возмущает - посмотрела бы ты, как талантливо она разыгрывает это возмущение, - жена Меллорса, которую она упорно называет Берта Куттс.
I have been to the depths of the muddy lies of the Bertha Couttses of this world, and when, released from the current of gossip, I slowly rise to the surface again, I look at the daylight its wonder that it ever should be.	Я знаю глубину падения подобных Берта; когда в мои уши перестают литься потоки сплетен и я медленно выплываю из омута и вижу белый свет за окном, я спрашиваю себя - полноте, да есть ли вообще белый свет.

It seems to me absolutely true, that our world, which appears to us the surface of all things, is really the bottom of a deep ocean: all our trees are submarine growths, and we are weird, scaly-clad submarine fauna, feeding ourselves on offal like shrimps.	Я полагаю абсолютной истиной ту мысль, что наш мир, который представляется нам верхним слоем, на самом деле - дно глубокого океана; наши деревья - подводная флора, а мы сами странные покрытые чешуей подводные чудовища, питающиеся морской мелочью вроде креветок.
Only occasionally the soul rises gasping through the fathomless fathoms under which we live, far up to the surface of the ether, where there is true air.	Только изредка воспарит душа, пробившись сквозь толщу воды в царство эфира, чтобы глотнуть живительного воздуха.
I am convinced that the air we normally breathe is a kind of water, and men and women are a species of fish.	Я уверен, то, чем мы дышим, - морская вода, а мужчины и женщины - разновидности глубоководных рыб.
But sometimes the soul does come up, shoots like a kittiwake into the light, with ecstasy, after having preyed on the submarine depths.	Иногда душа, как птица, выпархивает-в экстазе на свет Божий после длительного разбоя в подводных глубинах.
It is our mortal destiny, I suppose, to prey upon the ghastly subaqueous life of our fellow-men, in the submarine jungle of mankind. But our immortal destiny is to escape, once we have swallowed our swimmy catch, up again into the bright ether, bursting out from the surface of Old Ocean into real light. Then one realizes one's eternal nature.	Такова уж видно наша планида - заглотив добычу, всплыть наверх и улететь в чистейшие эфирные сферы, позабыв на время воды древнего Океана.
When I hear Mrs Bolton talk, I feel myself plunging down, down, to the depths where the fish of human secrets wriggle and swim. Carnal appetite makes one seize a beakful of prey: then up, up again, out of the dense into the ethereal, from the wet into the dry.	Когда я говорю с миссис Болтон, я чувствую, как меня тянет все глубже, глубже, на самое дно, где плавают, извиваясь, люди-рыбы. Плотоядные аппетиты понуждают терзать добычу, и снова вверх, вверх из тягучей влаги в разреженный эфир; из жидкости в сухость.
To you I can tell the whole process.	Тебе я могу описать весь этот процесс.
But with Mrs Bolton I only feel the downward plunge, down, horribly, among the sea-weeds and the pallid monsters of the very bottom.	Но с миссис Болтон я только погружаюсь все глубже и под конец, как ни ужасно, сам путаюсь среди водорослей и бледных придонных чудовищ.
I am afraid we are going to lose our game-keeper.	Боюсь, что мы потеряем нашего лесничего.
The scandal of the truant wife, instead of dying down, has reverberated to greater and greater dimensions.	Эта скандальная история с его беглой женой не затихла, а только еще разгорелась. В каких только неопикуемых вещах его не обвиняют!
He is accused of all unspeakable things and curiously enough, the woman has managed to get the bulk of the colliers' wives behind her, gruesome fish, and the village is putrescent with talk.	И что любопытно, этой женщине, этому омерзительному слизняку, - удалось склонить на свою сторону большинство шахтерских жен. И деревня сейчас кипит от злобы.
I hear this Bertha Coutts besieges Mellors in his mother's house, having ransacked the cottage and the hut.	Я слышал, что Берта Куттс повела осаду дома, где живет сейчас Меллорс, предварительно перевернув вверх дном в нашем Коттедже и лесной сторожке.

She seized one day upon her own daughter, as that chip of the female block was returning from school; but the little one, instead of kissing the loving	А на днях она попыталась было отобрать свою дочь; эта маленькая Ева возвращалась из школы домой, мать подошла к ней и взяла за руку. Но вместо
---	--

mother's hand, bit it firmly, and so received from the other hand a smack in the face which sent her reeling into the gutter: whence she was rescued by an indignant and harassed grandmother.	того, чтобы поцеловать любящую длань, девчонка сильно укусила ее, за что получила такую затрешину, что скатилась в канаву, откуда была извлечена негодующей бабушкой.
The woman has blown off an amazing quantity of poison-gas.	Эта женщина сумела-таки отравить ядовитой слюной все вокруг.
She has aired in detail all those incidents of her conjugal life which are usually buried down in the deepest grave of matrimonial silence, between married couples.	Она взалхлеб расписывает постельные подробности, которые обычно погребены в недрах семейных спален и свято охраняются супругами.
Having chosen to exhume them, after ten years of burial, she has a weird array.	Эксгумировав их после десятилетнего тлена, она устроила своеобразный вернисаж - зрелище поистине чудовищное.
I hear these details from Linley and the doctor: the latter being amused.	Мне рассказали эти подробности Линли и доктор, последнего они немало позабавили.
Of course there is really nothing in it.	Конечно, ничего особенного в них нет.
Humanity has always had a strange avidity for unusual sexual postures, and if a man likes to use his wife, as Benvenuto Cellini says, 'in the Italian way', well that is a matter of taste.	Человечество всегда испытывало повышенную тягу к необычным эротическим позам: и если мужу по вкусу тешиться с женой, выражаясь словами Бенвенуто Челлини, "на итальянский манер", что ж, как говорится, дело вкуса.
But I had hardly expected our game-keeper to be up to so many tricks.	Но я думаю, вряд ли наш лесничий до такой степени искушен.
No doubt Bertha Coutts herself first put him up to them.	Не сомневаюсь, что Берта Куттс сама и научила его всему.
In any case, it is a matter of their own personal squalor, and nothing to do with anybody else.	Как бы то ни было, это их личные проблемы, и никому не должно быть до них никакого дела.
However, everybody listens: as I do myself.	Тем не менее, все только об этом и говорят, в том числе и я.
A dozen years ago, common decency would have hushed the thing.	Лет десять назад общественное чувство пристойности в зародыше пресекло бы этот скандал.
But common decency no longer exists, and the colliers' wives are all up in arms and unabashed in voice.	Но этого чувства больше не существует; жены шахтеров поднялись на врага, и языки их неукротимы.
One would think every child in Tevershall, for the last fifty years, had been an immaculate conception, and every one of our nonconformist females was a shining Joan of Arc.	Можно подумать, что в последние пять-десять лет все тивершолльские младенцы были зачаты непорочно, а все наши матроны сияют добродетельностью почище самой Жанны д'Арк.
That our estimable game-keeper should have about him a touch of Rabelais seems to make him more monstrous and shocking than a murderer like Crippen.	Тот факт, что наш достопочтенный егерь, возможно, любит развлекаться по-раблезиански, делает его в глазах тивершолльцев чудищем пострашнее Крипена.

Yet these people in Tevershall are a loose lot, if one is to believe all accounts.	Но ведь и тивершолльцы хороши, если верить всему, что о них говорит местная молва.
The trouble is, however, the execrable Bertha Coutts has not confined herself to her own experiences and sufferings.	Но хуже другое: эта подлая Берта не ограничилась тем, что предала огласке собственный опыт и собственные беды.
She has discovered, at the top of her voice, that her husband has been 'keeping' women down at the cottage, and has made a few random shots at naming the women. This has brought a few decent names trailing through the mud, and the thing has gone quite considerably too far. An injunction has been taken out against the woman.	На каждом перекрестке она кричала до хрипоты, что ее муженек держал у себя в доме гарем, и наугад назвала несколько имен, очернив репутацию вполне достойных женщин. Дело, как видишь, зашло слишком далеко, и пришлось обратиться к блюстителям порядка.
I have had to interview Mellors about the business, as it was impossible to keep the woman away from the wood.	Я пригласил к себе Меллорса, так как эта женщина буквально поселилась в нашем лесу.
He goes about as usual, with his Miller-of-the-Dee air, I care for nobody, no not I, if nobody care for me!	Он пришел со своим обычным заносчивым видом: "Не троньте меня, и я вас не трону".
Nevertheless, I shrewdly suspect he feels like a dog with a tin can tied to its tail: though he makes a very good show of pretending the tin can isn't there.	Тем не менее, я очень подозреваю, что парень чувствует себя, как та собака с привязанной к хвосту жестянкой, хотя, надо сказать, держится он, как будто никакой жестянки нет.
But I heard that in the village the women call away their	Но я слышал, что, когда он идет по деревне,

children if he is passing, as if he were the Marquis de Sade in person.	матери прячут от него детей, будто это сам маркиз де Сад...
He goes on with a certain impudence, but I am afraid the tin can is firmly tied to his tail, and that inwardly he repeats, like Don Rodrigo in the Spanish ballad: 'Ah, now it bites me where I most have sinned!'	Вид у него высокомерный, но боюсь, жестянка крепко-накрепко привязана к его хвосту, и он мысленно не раз повторил вслед за доном Родриго из испанской баллады: "Ужален я в то место, чем грешил!".
I asked him if he thought he would be able to attend to his duty in the wood, and he said he did not think he had neglected it.	Я спросил его, сможет ли он дальше охранять лес как положено. Он ответил, что, по его мнению, он своими обязанностями не пренебрегает.
I told him it was a nuisance to have the woman trespassing: to which he replied that he had no power to arrest her.	Я сказал ему, эта женщина нарушает право владения, что не очень приятно. Он ответил, что у него нет полномочий арестовать ее.
Then I hinted at the scandal and its unpleasant course. 'Ay,' he said. 'folks should do their own fuckin', then they wouldn't want to listen to a lot of clatfart about another man's.'	Тогда я намекнул на эту скандальную историю. "А-а, - сказал он, - баловались бы побольше со своими бабами, не стали бы перетряхивать чужую постель".
He said it with some bitterness, and no doubt it contains the real germ of truth.	Он сказал это с ноткой горечи: без сомнения, в его словах есть доля правды.
The mode of putting it, however, is neither delicate nor respectful.	Но вместе с тем, они прозвучали непочтительно и не деликатно.

I hinted as much, and then I heard the tin can rattle again. 'It's not for a man the shape you're in, Sir Clifford, to twit me for havin' a cod atween my legs.'	Я ему и на это намекнул. В ответ отчетливо брякнула жестянка: "Не в вашем положении, сэр Клиффорд, - сказал он, - корить меня за то, что между ног у меня кое-что есть".
These things, said indiscriminately to all and sundry, of course do not help him at all, and the rector, and Finley, and Burroughs all think it would be as well if the man left the place.	И подобные вещи он говорит всем и каждому, без разбора, что отнюдь не располагает к нему людей. И пастор, и Линли, и Берроуз, все в один голос говорят - с ним надо расстаться.
I asked him fit was true that he entertained ladies down at the cottage, and all he said was: 'Why, what's that to you, Sir Clifford?'	Я спросил его, верно ли, что он принимал в коттедже замужних женщин, на что он ответил: "А вам какое дело до этого, сэр Клиффорд?"
I told him I intended to have decency observed on my estate, to which he replied: 'Then you mun button the mouths o' a' th' women.'—When I pressed him about his manner of life at the cottage, he said: ' Surely you might ma'e a scandal out o' me an' my bitch Flossie.	"Я не хотел бы, - ответил я, - чтобы и моего поместья коснулась порча нравов". "На чужой роток не набросишь платок, а тем более на роток тивершолльских красоток", - сказал он. Я потребовал все-таки, чтобы он сказал мне, честно ли он вел себя, живя на моей земле, и в ответ получил: "А почему бы вам не состряпать сплетню обо мне и моей суке Флосси?"
You've missed summat there.'	И это неплохо на худой конец".
As a matter of fact, for an example of impertinence he'd be hard to beat.	Словом, по части наглости с нашим лесничим тягаться трудно.
I asked him fit would be easy for him to find another job.	Тогда я спросил его, легко ли ему будет найти другую работу.
He said: If you're hintin' that you'd like to shunt me out of this job, it'd be easy as wink.'	На что он ответил: "Если вы хотите этим сказать, что отказываете мне от места, то не страдайте, мне это проще пареной репы".
So he made no trouble at all about leaving at the end of next week, and apparently is willing to initiate a young fellow, Joe Chambers, into as many mysteries of the craft as possible.	Так что, видишь, все разрешилось прекрасно, и в конце той недели он отсюда уедет. А пока начал посвящать в тайны своей нехитрой профессии младшего егеря Джо Чемберса.
I told him I would give him a month's wages extra, when he left.	Я сказал, что уплачу ему при расчете еще одно месячное жалованье.
He said he'd rather I kept my money, as I'd no occasion to ease my conscience.	Он мне ответил, что ему мои деньги не нужны: он не хочет облегчать мне угрызения совести.
I asked him what he meant, and he said: 'You don't owe me nothing extra, Sir Clifford, so don't pay me nothing extra.	Я спросил его, что это значит. "Вы не должны мне ни одного пенни сверх заработанного, - сказал он. - А чужих денег я, разумеется, не беру.
If you think you see my shirt hanging out, just tell me.'	Если вы видите, что у меня сзади торчит рубаха, скажите прямо, а не ходите вокруг да около".

Well, there is the end of it for the time being.	На этом пока все кончилось.
The woman has gone away: we don't know where to: but she is liable to arrest if she shows her face in Tevershall.	Женщина куда-то исчезла; мы не знаем куда; если она сунет свой нос в Тивершолл, ее арестуют.
And I heard she is mortally afraid of gaol, because she merits it so well.	А она, я слыхал, до смерти боится полиции, потому что знает ее слишком хорошо.

Mellors will depart on Saturday week, and the place will soon become normal again.	Меллорс уезжает от нас в ту субботу, и все снова вернется на круги своя...
Meanwhile, my dear Connie, if you would enjoy to stay in Venice or in Switzerland till the beginning of August, I should be glad to think you were out of all this buzz of nastiness, which will have died quite away by the end of the month.	А пока, дорогая Конни, если тебе нравится в Венеции или в Швейцарии, побудь там до начала августа, я буду спокоен, что ты далеко от всей этой грязи. К концу месяца, я надеюсь, все это уже быльем порастет.
So you see, we arc deep-sea monsters, and when the lobster walks on mud, he stirs it up for everybody.	Так что, видишь, мы тут глубоководные чудища, а когда омар шлепает по илу, он поднимает муть, которая может забрызгать и невинного.
We must perforce take it philosophically.	Приходится принимать это философски".
The irritation, and the lack of any sympathy in any direction, of Clifford's letter, had a bad effect on Connie. But she understood it better when she received the following from Mellors:	Раздражение Клиффорда, так явственно прозвучавшее в письме, отсутствие сочувствия кому-либо были очень неприятны Конни, но его послание она поняла гораздо лучше, чем полученное вскоре письмо от Меллорса. Вот что он писал:
The cat is out of the bag, along with various other pussies.	"Тайное стало явным, кошка выскочила из мешка, а с ней и котят.
You have heard that my wife Bertha came back to my unloving arms, and took up her abode in the cottage: where, to speak disrespectfully, she smelled a rat, in the shape of a little bottle of Coty.	Ты уже знаешь, что моя жена Берта вернулась в мои любящие объятия и поселилась у меня в доме, где, выражаясь вульгарно, учуяла крысу в виде пузырька Кота.
Other evidence she did not find, at least for some days, when she began to howl about the burnt photograph.	Другую улику она нашла не сразу, а через несколько дней, когда подняла вой по сожженной фотографии.
She noticed the glass and the back-board in the square bedroom.	Она нашла в пустой спальне стекло и планку от нее.
Unfortunately, on the back-board somebody had scribbled little sketches, and the initials, several times repeated: C. S. R.	К несчастью, на планке кто-то нацарапал какую-то виньетку и инициалы К.С.Р.
This, however, afforded no clue until she broke into the hut, and found one of your books, an autobiography of the actress Judith, with your name, Constance Stewart Reid, on the front page.	Тогда эти буквы ничего ей не сказали, но вскоре она вломилась в сторожку, нашла там твою книгу - автобиографию актрисы Джудит и на первой странице увидела твое имя - Констанция Стюарт Рид.
After this, for some days she went round loudly saying that my paramour was no less a person than Lady Chatterley herself.	После этого она несколько дней на каждом перекрестке кричала, что моя любовница не кто-нибудь, а сама леди Чаттерли.
The news came at last to the rector, Mr Burroughs, and to Sir Clifford.	Слухи скоро дошли до пастора, мистера Берроуза и самого сэра Клиффорда.
They then proceeded to take legal steps against my liege lady, who for her part disappeared, having always had a mortal fear of the police.	Они возбудили дело против моей верной женушки, которая в тот же день испарилась, поскольку всегда смертельно боялась полиции.
Sir Clifford asked to see me, so I went to him.	Сэр Клиффорд вызвал меня к себе, я и пошел.
He talked around things and seemed annoyed with me.	Он говорил обиняками, но чувствовалось, что он сильно раздражен.

Then he asked if I knew that even her ladyship's name had been mentioned.	Он спросил между прочим, известно ли мне, что затронута честь ее милости.
I said I never listened to scandal, and was surprised to hear this bit from Sir Clifford himself.	Я ответил, ему, что никогда не слушаю сплетен и что мне странно слышать эту сплетню из его уст.
He said, of course it was a great insult, and I told him there was Queen Mary on a calendar in the scullery, no doubt because Her Majesty	Он сказал, что это величайшее оскорбление, а я сказал ему, что у меня в моечной на календаре висит королева

formed part of my harem.	Мария, стало быть, и она соучастница моих грехов.
But he didn't appreciate the sarcasm.	Но он не оценил моего юмора.
He as good as told me I was a disreputable character also walked about with my breeches' buttons undone, and I as good as told him he'd nothing to unbutton anyhow, so he gave me the sack, and I leave on Saturday week, and the place thereof shall know me no more.	Он был так любезен, что назвал меня подонком, разгуливающим по его лесу с расстегнутой шириной на бриджах, я не остался в долгу и так же любезно заметил, что ему-то ее расстегивать не для чего. В результате он меня уволил, я уезжаю в субботу на той неделе. "И место его не будет уже знать его" [Книга Иова, 7:10].
I shall go to London, and my old landlady, Mrs Inger, 17 Coburg Square, will either give me a room or will find one for me.	Я поеду в Лондон и либо остановлюсь у моей старой хозяйки миссис Инджер, Кобург-сквер, 17, либо она подыщет мне комнату.
Be sure your sins will find you out, especially if you're married and her name's Bertha— There was not a word about herself, or to her.	Как же это я мог забыть: грехи твои отыщут тебя, если ты женат и имя твоей жены Берта..." И ни слова о ней.
Connie resented this.	Конни возмутилась.
He might have said some few words of consolation or reassurance.	Он мог бы сказать хоть несколько утешительных, ободряющих слов.
But she knew he was leaving her free, free to go back to Wragby and to Clifford.	Но тут же объяснила себе - он дает ей полную свободу, она вольна вернуться обратно в Рагби к Клиффорду.
She resented that too.	Самая мысль об этом была ей ненавистна.
He need not be so falsely chivalrous.	Что за глупое письмо он написал, зачем такая бравада.
She wished he had said to Clifford: 'Yes, she is my lover and my mistress and I am proud of it!'	Он должен был сказать Клиффорду: "Да, она моя любовница, моя госпожа, и я горжусь этим".
But his courage wouldn't carry him so far.	Смелости не хватило.
So her name was coupled with his in Tevershall!	Так, значит, ее имя склоняют вместе с его в Тивершолле.
It was a mess.	Мало приятного.
But that would soon die down.	Ну ничего, все это скоро, очень скоро забудется.
She was angry, with the complicated and confused anger that made her inert.	Она злилась сложной и запутанной злостью, которая отбивала у нее всякую охоту действовать.
She did not know what to do nor what to say, so she said and did nothing.	Она не знала, что делать, что говорить, и она ничего не делала и ничего не говорила.

She went on at Venice just the same, rowing out in the gondola with Duncan Forbes, bathing, letting the days slip by.	Продолжала жить в Венеции как жила, уплывала в гондоле с Дунканом Форбсом, купалась, лишь бы летело время.
Duncan, who had been rather depressingly in love with her ten years ago, was in love with her again.	Дункан, который был отчаянно влюблен в нее десять лет назад, теперь опять влюбился.
But she said to him: 'I only want one thing of men, and that is, that they should leave me alone.'	Но она сказала ему, что хочет от мужчин одного - пусть они оставят ее в покое.
So Duncan left her alone: really quite pleased to be able to.	И Дункан оставил ее в покое и был очень доволен, что сумел совладать с собой.
All the same, he offered her a soft stream of a queer, inverted sort of love.	И все же он предложил ей свою любовь, нежную и странную.
He wanted to be with her.	Он просто хотел постоянно быть рядом с ней.
'Have you ever thought,' he said to her one day, 'how very little people are connected with one another.'	- Ты когда-нибудь задумывалась, - сказал он однажды, - как мало на свете людей, которых между собой что-то связывает?
Look at Daniele! He is handsome as a son of the sun.	Погляди на Даниеле! Он красив, как сын солнца.
But see how alone he looks in his handsomeness.	А каким одиноким выглядит при всей своей красоте.
Yet I bet he has a wife and family, and couldn't possibly go away from them.'	И ведь, держу пари, у него есть жена, дети, и он, наверняка, не собирается уходить от них.
'Ask him,' said Connie.	- А ты спроси у него, - сказала Конни.
Duncan did so.	Дункан спросил.
Daniele said he was married, and had two children, both male, aged seven and nine.	Оказалось, Даниеле действительно женат, у него двое детей, оба мальчики, семи и девяти лет.
But he betrayed no emotion over the fact.	Но, отвечая, он не проявил никаких чувств.
'Perhaps only people who are capable of real togetherness have that look of being alone in the universe,' said Connie. 'The others have a certain	- Может, именно тот, кто по виду один как перст, и способен на настоящую преданность своей подруге, - заметила Конни. - А все остальные как липучки. Легко

stickiness, they stick to the mass, like Giovanni.' 'And,' she thought to herself, 'like you, Duncan.'	приклеиваются к кому попало. Такой Джованни. - И подумав, сказала себе: "Такой и ты, Дункан".
Chapter 18	18
She had to make up her mind what to do.	В конце концов Конни надо было решиться на что-нибудь.
She would leave Venice on the Saturday that he was leaving Wragby: in six days' time.	Пожалуй, она покинет Венецию в ближайшую субботу, в тот день, когда он уедет из Рагби, т.е. через шесть дней.
This would bring her to London on the Monday following, and she would then see him.	Значит, в Лондоне она будет в тот понедельник, и они увидятся.
She wrote to him to the London address, asking him to send her a letter to Hartland's hotel, and to call for her on the Monday evening at seven.	Она написала ему на его лондонский адрес, просила ответить ей в гостиницу "Хартленд" и зайти туда в понедельник в семь часов вечера.

Inside herself she was curiously and complicatedly angry, and all her responses were numb.	Она испытывала непонятную запутанную злость, все остальные чувства пребывали в оцепенении.
She refused to confide even in Hilda, and Hilda, offended by her steady silence, had become rather intimate with a Dutch woman. Connie hated these rather stifling intimacies between women, intimacy into which Hilda always entered ponderously.	Она ни с кем ничем не делилась, даже с Хильдой, и Хильда, обиженная ее непроницаемым молчанием, близко сошлась с одной голландкой; Конни ненавидела болтливую женскую дружбу, а Хильда к тому же любила все разложить по полочкам.
Sir Malcolm decided to travel with Connie, and Duncan could come on with Hilda.	Сэр Малькольм решил ехать с Конни, а Дункан остался с Хильдой, чтобы ей не пришлось ехать обратно одной.
The old artist always did himself well: he took berths on the Orient Express, in spite of Connie's dislike of trains de luxe, the atmosphere of vulgar depravity there is aboard them nowadays.	Стареющий художник любил путешествовать с комфортом: он заказал купе в Восточном экспрессе, не слушая Конни, которая терпеть не могла эти шикарные поезда, превратившиеся чуть не в бордели.
However, it would make the journey to Paris shorter.	Зато в Париж такой поезд домчит за несколько часов.
Sir Malcolm was always uneasy going back to his wife. It was habit carried over from the first wife.	Сэр Малькольм всегда возвращался домой с унынием в сердце - так повелось еще со времени первой жены.
But there would be a house-party for the grouse, and he wanted to be well ahead.	Но дома ожидался большой прием по случаю охоты на куропаток, и он хотел вернуться загодя.
Connie, sunburnt and handsome, sat in silence, forgetting all about the landscape.	Конни, загорелая и красивая, сидела молча, не замечая пробегающих за окном красот.
'A little dull for you, going back to Wragby,' said her father, noticing her glumness.	- Немножко грустно возвращаться в Рагби, - сказал отец, заметив ее тоскливое выражение.
'I'm not sure I shall go back to Wragby,' she said, with startling abruptness, looking into his eyes with her big blue eyes.	- Еще не знаю, вернусь ли я в Рагби, - сказала она с пугающей резкостью, глядя в его глаза своими синими расширившимися глазами.
His big blue eyes took on the frightened look of a man whose social conscience is not quite clear. 'You mean you'll stay on in Paris a while?' 'No! I mean never go back to Wragby.' He was bothered by his own little problems, and sincerely hoped he was getting none of hers to shoulder.	В его синих выпуклых глазах мелькнул испуг, как у человека, чья совесть не совсем спокойна.
'How's that, all at once?' he asked.	- Что это вдруг? - спросил он.
'I'm going to have a child.'	- У меня будет ребенок.
It was the first time she had uttered the words to any living soul, and it seemed to mark a cleavage in her life.	Она до сих пор не говорила об этом ни одной живой душе. А сказав, как бы переступила какой-то рубеж.
'How do you know?' said her father.	- Откуда ты знаешь?
She smiled. 'How should I know?'	- Оттуда и знаю, - улыбнулась Конни.
'But not Clifford's child, of course?'	- Конечно, не от Клиффорда?
'No!'	- Нет, конечно.

Another man's.'	Совсем от другого мужчины.
-----------------	----------------------------

She rather enjoyed tormenting him.	Ей было приятно немного помучить отца.
'Do I know the man?' asked Sir Malcolm.	- Я его знаю?
'No!	- Нет.
You've never seen him.'	Ты его никогда не видел.
There was a long pause.	Оба замолчали.
'And what are your plans?'	- Какие у тебя планы?
I don't know. That's the point.'	- В том-то и дело, пока никаких.
'No patching it up with Clifford?'	- А что Клиффорд? С ним это можно как-то уладить?
I suppose Clifford would take it,' said Connie. He told me, after last time you talked to him, he wouldn't mind if I had a child, so long as I went about it discreetly.'	- Думаю, можно. После нашего последнего разговора он мне сказал, что не возражает против ребенка. Если, конечно, я не буду разглашать тайну рождения.
'Only sensible thing he could say, under the circumstances.	- Самое разумное, что можно придумать в его положении.
Then I suppose it'll be all right.'	Тогда, значит, все в порядке.
'In what way?' said Connie, looking into her father's eyes.	- В каком смысле? - Конни заглянула ему прямо в глаза.
They were big blue eyes rather like her own, but with a certain uneasiness in them, a look sometimes of an uneasy little boy, sometimes a look of sullen selfishness, usually good-humoured and wary.	Они были большие, синие, как у нее, только смотрели чуть сконфуженно, как смотрит провинившийся мальчишка или скучающий себлюбек, добродушный и вместе ироничный.
'You can present Clifford with an heir to all the Chatterleys, and put another baronet in Wragby.'	- Значит, ты можешь подарить семейству Чаттерли и Рагби-холлу наследника и нового баронета?
Sir Malcolm's face smiled with a half-sensual smile.	Чувственное лицо сэра Малькольма расплылось в довольной улыбке.
But I don't think I want to,' she said.	- Я этого не хочу.
'Why not?'	- Почему?
Feeling entangled with the other man?	Считаешь, что у тебя есть обязательства перед другим мужчиной?
Well! If you want the truth from me, my child, it's this.	Хочешь знать мое мнение, дитя мое?
The world goes on. Wragby stands and will go on standing.	Общество держится крепко. Рагби-холл стоит и будет стоять.
The world is more or less a fixed thing and, externally, we have to adapt ourselves to it.	Наш круг - более или менее надежная штука. И надо, по крайней мере внешне, соблюдать его правила.
Privately, in my private opinion, we can please ourselves.	В частной жизни мы вольны потакать своим чувствам.
Emotions change.	Но чувства ведь непостоянны.

You may like one man this year and another next.	Сегодня тебе нравится этот мужчина, через год - другой.
But Wragby still stands.	А Рагби-холл незыблем.
Stick by Wragby as far as Wragby sticks by you.	Не бросайся Рагби-холлом, раз уж он твой.
Then please yourself.	А развлекаться - развлекайся на здоровье.
But you'll get very little out of making a break. You can make a break if you wish.	Разумеется, ты можешь уйти от Клиффорда.
You have an independent income, the only thing that never lets you down.	У тебя есть независимый доход - наша единственная надежная опора.
But you won't get much out of it.	Но он не очень велик.
Put a little baronet in Wragby. It's an amusing thing to do.'	Роди маленького баронета для Рагби-холла. И ты поступишь очень умно.
And Sir Malcolm sat back and smiled again.	Сэр Малькольм откинулся в кресле и опять улыбнулся.
Connie did not answer.	Конни молчала.
I hope you had a real man at last,' he said to her after a while, sensually alert.	- Надеюсь, ты наконец-то встретила настоящего мужчину, - продолжал сэр Малькольм, чувствуя в крови молодой огонь.
I did. That's the trouble.	- Да, и в этом все дело.
There aren't many of them about,' she said.	Не так-то много сейчас настоящих мужчин.

'No, by God!' he mused. 'There aren't!	- Немного, к сожалению, - согласился отец.
Well, my dear, to look at you, he was a lucky man.	- Но надо сказать, что и ему повезло.
Surely he wouldn't make trouble for you?'	У тебя с ним нет никаких осложнений?
'Oh no! He leaves me my own mistress entirely.'	- Никаких! Он предоставил все решать мне.
'Quite! Quite! A genuine man would.'	- Вот и славно! Благородный молодой человек.
Sir Malcolm was pleased.	Сэр Малькольм сиял.
Connie was his favourite daughter, he had always liked the female in her.	Конни была его любимица, ему импонировала в ней женщина.
Not so much of her mother in her as in Hilda.	Она не то что Хильда, ничего не взяла от матери, или почти ничего.
And he had always disliked Clifford. So he was pleased, and very tender with his daughter, as if the unborn child were his child.	Он всегда недолюбливал Клиффорда и теперь был счастлив и как-то особенно нежен с дочерью, как будто неродившийся младенец был зачат им самим.
He drove with her to Hartland's hotel, and saw her installed: then went round to his club.	Он отвез ее в гостиницу "Хартленд", проводил в номер и отправился к себе в клуб.
She had refused his company for the evening.	Конни отказалась провести с ним этот вечер.
She found a letter from Mellors.	В гостинице ее ждало письмо от Меллорса.
I won't come round to your hotel, but I'll wait for you outside the Golden Cock in Adam Street at seven.	"Я не могу прийти к тебе в гостиницу. Буду ждать тебя в семь у "Золотого петуха" на Адам-стрит".

There he stood, tall and slender, and so different, in a formal suit of thin dark cloth. He had a natural distinction, but he had not the cut-to-pattern look of her class.	И вот он стоит на улице Лондона - высокий, стройный, в темном из тонкой ткани костюме, совсем не похожий на егера из Рагби-холла, Его отличало природное достоинство, но в нем не было того вида "от дорогого портного", присущего ее классу.
Yet, she saw at once, he could go anywhere.	Она, однако, с первого взгляда поняла, что может появиться с ним где угодно.
He had a native breeding which was really much nicer than the cut-to-pattern class thing.	В нем была порода, что ценится выше классовых признаков.
'Ah, there you are! How well you look!'	- Вот и ты! Ты прекрасно выглядишь!
'Yes! But not you.'	- Я - да. Чего нельзя сказать о тебе.
She looked in his face anxiously.	Конни обеспокоенно вгляделась в его лицо.
It was thin, and the cheekbones showed.	Похудел, обозначились скулы.
But his eyes smiled at her, and she felt at home with him.	Но глаза ласково улыбались, и у нее отлегло от сердца: с ним не надо соблюдать манеры.
There it was: suddenly, the tension of keeping up her appearances fell from her. Something flowed out of him physically, that made her feel inwardly at ease and happy, at home.	От него к ней шли волны тепла, и на душе у нее стало покойно, легко и радостно.
With a woman's now alert instinct for happiness, she registered it at once. 'I'm happy when he's there!'	Чисто женское, обостренное сейчас чутье сказало ей: "С ним я счастлива".
Not all the sunshine of Venice had given her this inward expansion and warmth.	Никакая Венеция не могла дать ей этой полноты счастья и умиротворения.
'Was it horrid for you?' she asked as she sat opposite him at table.	- Тебе было очень плохо? - спросила она, сидя за столом напротив него.
He was too thin; she saw it now.	Он очень похудел, сейчас это было особенно заметно.
His hand lay as she knew it, with the curious loose forgottenness of a sleeping animal.	Его рука, такая знакомая, лежала на столе покойно, как спящее животное.
She wanted so much to take it and kiss it. But she did not quite dare.	Ей так хотелось взять и поцеловать ее, но она не смела.
'People are always horrid,' he said.	- Люди чудовищны, - сказал он.
'And did you mind very much?'	- Тебя это очень мучило?
'I minded, as I always shall mind.	- Очень. И всегда будет мучить.
And I knew I was a fool to mind.'	Я знал, глупо мучиться, но ничего не мог поделать.

'Did you feel like a dog with a tin can tied to its tail? Clifford said you felt like that.'	- Ты чувствовал себя как собака с привязанной к хвосту жестянойкой? Это написал Клиффорд.
He looked at her.	Он поднял на нее глаза.
It was cruel of her at that moment: for his pride had suffered bitterly.	Жестоко передавать ему слова Клиффорда: гордость его была уязвлена.
I suppose I did,' he said.	- Да, наверное.

She never knew the fierce bitterness with which he resented insult.	Конни еще не знала, в какое бешенство приводят его нанесенные ему оскорбления.
There was a long pause.	Оба замолчали надолго.
'And did you miss me?' she asked.	- Ты скучал обо мне? - первой заговорила Конни.
'I was glad you were out of it.'	- Я был рад, что ты далеко от всего этого кошмара.
Again there was a pause.	Опять молчание.
'But did people believe about you and me?' she asked.	- А кто-нибудь поверил про нас с тобой?
No! I don't think so for a moment.'	- Никто. Даже на миг не могли себе представить.
'Did Clifford?'	- А Клиффорд?
'I should say not.	- Думаю, тоже не поверил.
He put it off without thinking about it.	Просто отмахнулся, не задумываясь.
But naturally it made him want to see the last of me.'	Но, разумеется, видеть ему меня после этого было не очень приятно.
'I'm going to have a child.'	- У меня будет ребенок.
The expression died utterly out of his face, out of his whole body.	С его лица как губкой стерло все чувства и мысли.
He looked at her with darkened eyes, whose look she could not understand at all: like some dark-flamed spirit looking at her.	Г глаза потемнели, на нее точно смотрел ими дух черного пламени.
'Say you're glad!' she pleaded, groping for his hand.	- Скажи, что ты рад! - Конни безотчетно, потянулась к его руке.
And she saw a certain exultance spring up in him.	Она видела - в его лице на миг отразилось торжество.
But it was netted down by things she could not understand.	Но тут же исчезло, подавленное чем-то ей непонятным.
'It's the future,' he said.	- Это - будущее, - проговорил он.
'But aren't you glad?' she persisted.	- Но разве ты не рад? - настаивала она.
'I have such a terrible mistrust of the future.'	- Я не верю в будущее.
'But you needn't be troubled by any responsibility.	- Ты только не волнуйся, это не накладывает на тебя никаких обязательств.
Clifford would have it as his own, he'd be glad.'	Клиффорд будет растить его как своего родного ребенка, он даже обрадуется.
She saw him go pale, and recoil under this. He did not answer.	Конни заметила, как он побледнел, весь как-то съежился. И молчал.
Shall I go back to Clifford and put a little baronet into Wragby?' she asked.	- Мне лучше вернуться к Клиффорду и подарить Рагби-холлу маленького баронета?
He looked at her, pale and very remote.	Он глядел на нее, бледный, отчужденный.
The ugly little grin flickered on his face.	По лицу Пробежала нехорошая усмешка.
'You wouldn't have to tell him who the father was?'	- Ты не скажешь, конечно, кто отец ребенка?

'Oh!' she said; 'he'd take it even then, if I wanted him to.'	- А Клиффорд все равно примет его. Если я захочу.
He thought for a time. 'Ay!' he said at last, to himself. 'I suppose he would.'	Он немного подумал и сказал, явно обращаясь к себе: - В самом деле, а почему бы и нет?
	И опять оба как воды в рот набрали - пропасть между

There was silence. A big gulf was between them.	ними ширилась.
'But you don't want me to go back to Clifford, do you?' she asked him.	- Скажи, ты хочешь, чтобы я вернулась к Клиффорду? - спросила Конни.
'What do you want yourself?' he replied.	- А что ты сама хочешь?
'I want to live with you,' she said simply.	- Я хочу жить с тобой, - сказала она просто.
In spite of himself, little flames ran over his belly as he heard her say it, and he dropped his head.	Наперекор ему языки пламени побежали сверху вниз по телу, и он уронил голову.
Then he looked up at her again, with those haunted eyes.	Затем вскинул на нее глаза - в них было то же далекое, отчужденное выражение.
'If it's worth it to you,' he said. 'I've got nothing.'	- Подойдет ли тебе эта жизнь? У меня ведь ничего нет, - сказал он.
'You've got more than most men. Come, you know it,' she said.	- У тебя есть то, чего нет у большинства мужчин. И ты это знаешь.
'In one way, I know it.'	- Да, знаю, в каком-то смысле.
He was silent for a time, thinking. Then he resumed: 'They used to say I had too much of the woman in me.'	- Подумав немного, он продолжал: - Обо мне говорили, что характер у меня женственный.
But it's not that.	Это не так.
I'm not a woman not because I don't want to shoot birds, neither because I don't want to make money, or get on.	И не этим объясняется то, что я не хочу убивать птиц, не гонюсь за деньгами и не забочусь о преуспеянии.
I could have got on in the army, easily, but I didn't like the army.	Я мог бы далеко пойти в армии, но я не люблю армию.
Though I could manage the men all right: they liked me and they had a bit of a holy fear of me when I got mad.	Хотя я прекрасно ладил с солдатами. Солдаты любили меня, а когда я сердился, они испытывали что-то подобное священному ужасу.
No, it was stupid, dead-handed higher authority that made the army dead: absolutely fool-dead.	Наша армия мертва, потому что ею командуют тупоголовые идиоты.
I like men, and men like me.	Я люблю солдат, и они меня любили.
But I can't stand the twaddling bossy impudence of the people who run this world.	Но я не выношу наглое, идиотское высокомерие сильных мира сего.
That's why I can't get on.	Вот почему я и не преуспеваю.
I hate the impudence of money, and I hate the impudence of class.	Я ненавижу беззастенчивую власть денег, ненавижу бесстыдное высокомерие правящих классов.
So in the world as it is, what have I to offer a woman?'	Вот видишь, что я могу предложить женщине в этом мире.

'But why offer anything? It's not a bargain.	- При чем здесь "могу предложить". Это не деловое соглашение.
It's just that we love one another,' she said.	Это любовь. Мы любим друг друга.
'Nay, nay!	- Ты не права.
It's more than that.	Это не просто любовь.
Living is moving and moving on.	Жизнь - это движение, продвижение вперед.
My life won't go down the proper gutters, it just won't.	А моя жизнь катится не по той колее, по какой надо.
So I'm a bit of a waste ticket by myself.	Я знаешь кто - неиспользованный билет.
And I've no business to take a woman into my life, unless my life does something and gets somewhere, inwardly at least, to keep us both fresh.	И я не имею права втравливать женщину в мою жизнь. Во всяком случае, до тех пор, пока моя жизнь как-то не образуется, не обретет цели, какого-то импульса, чтобы нам двоим удержаться на плаву.
A man must offer a woman some meaning in his life, if it's going to be an isolated life, and if she's a genuine woman.	Мужчина должен быть всерьез занят каким-то делом, если думает связать свою жизнь с женщиной и если это - настоящая женщина.
I can't be just your male concubine.'	Я не могу быть просто твоим наложником.
'Why not?' she said.	- Почему?
'Why, because I can't. And you would soon hate it.'	- Потому что не могу. И ты такого мужа очень скоро возненавидишь.
'As if you couldn't trust me,' she said.	- Ты все еще не веришь мне?

The grin flickered on his face.	Он опять усмехнулся.
'The money is yours, the position is yours, the decisions will lie with you.	- У тебя деньги, положение. Решения принимаешь ты.
I'm not just my Lady's fucker, after all.'	Я не могу делать в жизни только одно - спать с женой.
'What else are you?'	- А что еще ты можешь?
'You may well ask.	- Ты вправе задать этот вопрос.
It no doubt is invisible. Yet I'm something to myself at least.	Мое занятие как бы невидимка, но сам-то я все-таки вижу себя еще кем-то.
I can see the point of my own existence, though I can quite understand nobody else's seeing it.'	Для меня моя дорога ясна, но другие не видят ее.
'And will your existence have less point, if you live with me?'	Так что я могу их понять. - А если ты будешь жить со мной, твоя дорога перестанет быть ясной?
He paused a long time before replying: 'It might.'	Он долго думал, пока ответил: - Возможно.
She too stayed to think about it. 'And what is the point of your existence?'	- А какая она, эта дорога? - тоже подумав, спросила Конни.
'I tell you, it's invisible. I don't believe in the world, not in money, nor in advancement, nor in the future of our civilization.	- Г оворят тебе, она невидима, я не верю в этот мир, в деньги, в преуспеяние, не верю в будущее цивилизации.

If there's got to be a future for humanity, there'll have to be a very big change from what now is.'	Если у человечества и есть будущее, то наше нынешнее состояние должно быть коренным образом изменено.
'And what will the real future have to be like?'	- А каким должно быть это будущее?
'God knows! I can feel something inside me, all mixed up with a lot of rage.	- Одному Богу известно. Мне что-то мерещится, но ясно видеть мешает злость.
But what it really amounts to, I don't know.'	Нет, сейчас я не знаю, каково будущее человечества.
'Shall I tell you?' she said, looking into his face. ' Shall I tell you what you have that other men don't have, and that will make the future?'	- Хочешь, я тебе скажу? - Конни не сводила глаз с его лица. - Хочешь, я тебе скажу, что есть у тебя, чего нет у других мужчин? И что в конечном итоге определит будущее.
Shall I tell you?'	Хочешь, скажу?
'Tell me then,' he replied.	- Ну, скажи.
'It's the courage of your own tenderness, that's what it is: like when you put your hand on my tail and say I've got a pretty tail.'	- Смелость в чувствах. Вот что отличает тебя ото всех. Ты гладишь мою попу и говоришь, что она прекрасна.
The grin came flickering on his face.	Усмешка опять пробежала по его лицу.
'That!' he said.	- Вот, оказывается, что!
Then he sat thinking.	И снова молчание.
'Ay!' he said. 'You're right.	- Пожалуй, ты права, - наконец заговорил он.
It's that really.	- Это действительно очень важно.
It's that all the way through. I knew it with the men.	Я это замечал и в отношениях с солдатами.
I had to be in touch with them, physically, and not go back on it.	Во время войны я чувствовал каждого солдата почти физически и никогда не подавлял в себе это чувство.
I had to be bodily aware of them and a bit tender to them, even if I put em through hell.	Мне приходилось посылать их в ад, но боль их тела была и моя боль, и я хоть скупю, но сострадал им.
It's a question of awareness, as Buddha said.	Это дар сопричастия, как говорит Будда.
But even he fought shy of the bodily awareness, and that natural physical tenderness, which is the best, even between men; in a proper manly way. Makes 'em really manly, not so monkeyish.	Но даже он чуждался телесной сопричастности, простой физической близости. Такая близость должна быть и между мужчинами - суровое мужское тепло, а не идиотское рассусоливание.
Ay! it's tenderness, really; it's cunt-awareness. Sex is really only touch, the closest of all touch.	Я это и называю нежностью. А самая большая телесная близость - между мужчиной и женщиной.
And it's touch we're afraid of.	И вот этой-то близости мы боимся.
We're only half-conscious, and half alive.	Мы живем наполовину, чувствуем наполовину.
We've got to come alive and aware.	Пора проснуться, черпать жизнь полной мерой.

Especially the English have got to get into touch with one another, a bit delicate and a bit tender. It's our crying need.'	Это особенно важно для англичан, которые физически так далеки друг от друга. Мы должны быть нежнее, тоньше. Это наша первостепенная нужда.
She looked at him. 'Then why are you afraid of me?' she said.	- Тогда почему же ты боишься меня?
He looked at her a long time before he answered.	Он долго смотрел на нее.
'It's the money, really, and the position. It's the world in you.'	- Тут все дело в твоих деньгах и в твоём положении, - наконец выговорил он.
'But isn't there tenderness in me?' she said wistfully.	- Но разве во мне нет нежности? - спросила она с приглушенной страстью.
He looked down at her, with darkened, abstract eyes.	Взгляд у него потемнел, устремился в пространство.
'Ay! It comes an' goes, like in me.'	- То есть, то нет, как и во мне.
'But can't you trust it between you and me?' she asked, gazing anxiously at him.	- А ты мог бы поверить просто в нас с тобой? -спросила она с тревогой.
She saw his face all softening down, losing its armour. 'Maybe!' he said. They were both silent.	- Наверное, мог бы.
'I want you to hold me in your arms,' she said. 'I want you to tell me you are glad we are having a child.'	- Мне так хочется, чтобы ты взял меня сейчас на руки и сказал, что ты хочешь маленького, -сказала она после небольшой паузы.
She looked so lovely and warm and wistful, his bowels stirred towards her.	Конни была такая теплая, красивая, зовущая, и он опять потянулся к ней.
'I suppose we can go to my room,' he said. 'Though it's scandalous again.' But she saw the forgetfulness of the world coming over him again, his face taking the soft, pure look of tender passion.	- Может, пойдем ко мне, - предложил он. - Хотя это очень рискованно.
They walked by the remoter streets to Coburg Square, where he had a room at the top of the house, an attic room where he cooked for himself on a gas ring. It was small, but decent and tidy.	Они шли в сторону Кобург-сквер, выбирая боковые улочки. Он снимал мансарду в одном из домов на этой площади. Это была маленькая комната с газовой плитой, на которой он себе готовил, но опрятная и чистая.
She took off her things, and made him do the same.	Конни все сняла с себя и велела и ему раздеться.
She was lovely in the soft first flush of her pregnancy.	Чуть обозначившаяся беременность делала ее особенно привлекательной.
'I ought to leave you alone,' he said.	- Я не должен трогать тебя сейчас, - сказал он.
'No!' she said. 'Love me!	- Должен. Ты должен меня любить.
Love me, and say you'll keep me. Say you'll keep me! Say you'll never let me go, to the world nor to anybody.'	И должен сказать, что никуда меня не отпустишь. Что мы будем всегда вместе. Что ты никому меня не отдашь.
She crept close against him, clinging fast to his thin, strong naked body, the only home she had ever known.	Она легла рядом и крепко прижалась к его голому, худому, сильному телу - единственному своему прибежищу.
'Then I'll keep thee,' he said. 'If tha wants it, then I'll keep thee.' He held her round and fast.	- Никуда тебя не пущу, раз ты так хочешь, -сказал он и обнял ее сильно, в обхват.

'And say you're glad about the child,' she repeated.	- И скажи, что ты рад ребенку, - повторила она.
'Kiss it! Kiss my womb and say you're glad it's there.'	- Поцелуй мой живот и скажи - ты рад, что там маленький.
But that was more difficult for him.	Это было для него гораздо труднее.
'I've a dread of puttin' children i' th' world,' he said. 'I've such a dread o' th' future for 'em.'	- Рожать на свет детей - мне самая эта мысль невыносима. Я не вижу для них будущего.
But you've put it into me. Be tender to it, and that will be its future already. Kiss it!	- Но ведь ты зародил его. Будь ласков с ним - это и есть его будущее. Поцелуй его.
He quivered, because it was true. 'Be tender to it, and that will be its future.'—At that moment he felt a sheer love for the woman.	По телу его пробежал трепет, - она была права. "Будь ласков с ним, это и есть его будущее". Но он чувствовал только любовь к этой женщине.
He kissed her belly and her mound of Venus, to kiss close to the womb and the foetus within the womb.	Он поцеловал ее живот, чрево, где зрел посеянный им плод.

'Oh, you love me! You love me!' she said, in a little cry like one of her blind, inarticulate love cries.	- Люби, люби меня! - слепо приговаривала она, вскрикивая, как вскрикивала в последнюю секунду любовной близости.
And he went in to her softly, feeling the stream of tenderness flowing in release from his bowels to hers, the bowels of compassion kindled between them.	И он тихо овладел ею, чувствуя, как от него к ней идет поток нежности и участия.
And he realized as he went into her that this was the thing he had to do, to e into tender touch, without losing his pride or his dignity or his integrity as a man.	И он понял: вот что он должен делать -касаться ее нежным прикосновением; и не будут этим унижены ни его гордость, ни его честь, ни мужское достоинство.
After all, if she had money and means, and he had none, he should be too proud and honourable to hold back his tenderness from her on that account. I stand for the touch of bodily awareness between human beings,' he said to himself, 'and the touch of tenderness.	Лишать ее своей любви, нежности только потому, что она богата, а он гол как сокол, ну нет, его честь и гордость не позволят этого. "Я стою на том, что людям не надо чуждаться телесной близости, что они должны любить друг друга, - думал он.
And she is my mate. And it is a battle against the money, and the machine, and the insentient ideal monkeyishness of the world.	- Мы ведем войну против денег, машин, вселенского лицемерия.
And she will stand behind me there.	И она мой союзник в этой борьбе.
Thank God I've got a woman! Thank God I've got a woman who is with me, and tender and aware of me.	Слава Богу, я нашел женщину, отзывчивую, которая всегда за меня.
Thank God she's not a bully, nor a fool. Thank God she's a tender, aware woman.'	Слава Богу, она не идиотка и не бой-баба... Нежная и добрая".
And as his seed sprang in her, his soul sprang towards her too, in the creative act that is far more than procreative.	И как только семя его излилось в нее, душа его соединилась с ее душой в едином акте творения, более важном, чем зачатие.
She was quite determined now that there should be no parting between him and her.	Конни окончательно решила, что они никогда не расстанутся.
But the ways and means were still to settle.	Осталось только найти средства и способы, как устроить их жизнь.

'Did you hate Bertha Coutts?' she asked him.	- Ты ненавидишь Берту Куттс? - спросила она.
Don't talk to me about her.'	- Пожалуйста, не говори мне о ней.
'Yes! You must let me. Because once you liked her.	- Буду говорить. Потому что когда-то ты любил ее.
And once you were as intimate with her as you are with me.	И был с ней близок так же, как со мной.
So you have to tell me.	Поэтому ты должен мне все рассказать.
Isn't it rather terrible, when you've been intimate with her, to hate her so?	Ведь это ужасно - быть в такой близости, а потом возненавидеть.
Why is it?'	Как это может быть?
'I don't know.	- Не знаю.
She sort of kept her will ready against me, always, always: her ghastly female will: her freedom! A woman's ghastly freedom that ends in the most beastly bullying!	Она все время вела со мной войну, всегда хотела подчинить своей воле, гнусной женской воле; отстаивала свою женскую свободу, которая приводит в конце концов к чудовищной разнузданности.
Oh, she always kept her freedom against me, like vitriol in my face.'	Она дразнила меня своей свободой, как дразнят быка красной тряпкой.
'But she's not free of you even now.	- Но она по сей день привязана к тебе.
Does she still love you?'	Может, она все еще тебя любит.
'No, no!	- Что ты!
If she's not free of me, it's because she's got that mad rage, she must try to bully me.'	Она помешалась от ненависти ко мне. Не хочет разводиться, чтобы превратить мою жизнь в ад.
'But she must have loved you.'	- Но ведь когда-то она любила тебя?
'No! Well, in specks she did. She was drawn to me.	- Никогда! Может, в какие-то минуты ее тянуло ко мне.
And I think even that she hated.	Но я думаю, что даже это свое чувство она ненавидела.
She loved me in moments. But she always took it back, and started bullying.	Какой-то миг любила и тут же затаптывала любовь. Вот тогда и начинался кошмар.
Her deepest desire was to bully me, and there	Ей доставляло особое наслаждение измываться надо

was no altering her.	мной. И ничто не могло изменить ее.
Her will was wrong, from the first.'	Почти с самого начала ее чувства ко мне были с отрицательным знаком.
'But perhaps she felt you didn't really love her, and she wanted to make you.'	- Может, она чувствовала, что ты ее не любишь по-настоящему, и хотела заставить тебя любить?
'My God, it was bloody making.'	- Но способ она выбрала для этого чудовищный.
'But you didn't really love her, did you? You did her that wrong.'	- Но ты ведь действительно ее не любил. И этим причинял ей боль.
How could I?	- Как я мог ее любить?
I began to. I began to love her.	Я пытался.

But somehow, she always ripped me up.	Но она всегда посылала меня в нокдаун.
No, don't let's talk of it.	Давай не будем говорить об этом.
It was a doom, that was. And she was a doomed woman.	Это рок. И она обреченная женщина.
This last time, I'd have shot her like I shoot a stoat, if I'd but been allowed: a raving, doomed thing in the shape of a woman!	Если бы можно было, я бы пристрелил ее в тот раз, как фазана: это бешеная собака в образе женщины.
If only I could have shot her, and ended the whole misery!	Если бы можно было пристрелить ее и покончить разом с этой мукой!
It ought to be allowed.	Подобные действия должны разрешаться законом.
When a woman gets absolutely possessed by her own will, her own will set against everything, then it's fearful, and she should be shot at last.'	Когда женщина не знает удержу своим прихотям, она способна на все. Она становится опасна. И тогда выбора нет: кто-то должен пристрелить ее.
'And shouldn't men be shot at last, if they get possessed by their own will?'	- А если мужчина не знает удержу своим прихотям, его тоже надо пристрелить?
'Ay!—the same!	- Да, конечно!
But I must get free of her, or she'll be at me again.	Но я должен избавиться от нее. Иначе она снова объявится и доконает меня.
I wanted to tell you. I must get a divorce if I possibly can.	Что я хотел сказать - мне надо получить развод, если это возможно.
So we must be careful.	Так что мы должны быть предельно осторожны.
We mustn't really be seen together, you and I. I never, never could stand it if she came down on me and you.'	Нигде не показываться вместе. Если она нас выследит, я за себя не ручаюсь.
Connie pondered this.	Конни задумалась.
'Then we can't be together?' she said.	- Значит, нам пока нельзя быть вместе? - спросила она.
'Not for six months or so.	- По крайней мере полгода, а может, и больше.
But I think my divorce will go through in September; then till March.'	Я думаю, что развод закончится в сентябре. Значит, до марта придется соблюдать предельную осторожность.
'But the baby will probably be born at the end of February,' she said.	- А маленький родится в феврале.
He was silent. 'I could wish the Cliffords and Berthas all dead,' he said.	- Провалились бы они в тартарары, все эти клиффорды и берты.
'It's not being very tender to them,' she said.	- Ты не очень-то к ним милостив.
Tender to them?	- Милостив? К ним? Да предание смерти таких, как они, - акт величайшего гуманизма.

Yea, even then the tenderest thing you could do for them, perhaps, would be to give them death. They can't live! They only frustrate life. Their souls are awful inside them.	Ведь их жизнь на самом деле - профанация жизни. Душа в такой оболочке испытывает адовы мучения.
Death ought to be sweet to them.	Смерть для нее - избавительница.
And I ought to be allowed to shoot them.'	Я просто должен получить разрешение пристрелить обоих.
'But you wouldn't do it,' she said.	- Но ты бы не смог их пристрелить.
'I would though! and with less qualms than I shoot a weasel.	- Смог бы. И пристрелил бы с меньшим угрызением совести, чем куницу.

It anyhow has a prettiness and a loneliness.	Куница красива, и не так много их осталось.
But they are legion.	А этим имя - легион.
Oh, I'd shoot them.'	На них у меня рука не дрогнет.
'Then perhaps it is just as well you daren't.'	- Слава Богу, что ты не можешь решиться на беззаконие.
'Well.'	- Да, не могу, к сожалению.
Connie had now plenty to think of.	Конни было о чем подумать.
It was evident he wanted absolutely to be free of Bertha Coutts.	Ясно, что Меллорс хочет бесповоротно избавиться от Берты.
And she felt he was right. The last attack had been too grim.— This meant her living alone, till spring.	И он, конечно, прав: поведение Берты чудовищно. Значит, ей придется жить одной всю зиму до весны.
Perhaps she could get divorced from Clifford.	Может, ей удастся за это время развестись с Клиффордом.
But how?	Но как?
If Mellors were named, then there was an end to his divorce.	На суде обязательно всплывет имя Меллорса. И это поставит крест на разводе.
How loathsome!	Какая тоска!
Couldn't one go right away, to the far ends of the earth, and be free from it all?	Неужели нельзя убежать куда-нибудь на край земли, чтобы освободиться от ненавистных уз?
One could not.	Нельзя.
The far ends of the world are not five minutes from Charing Cross, nowadays.	В наши дни любой край земли в пяти минутах от Чаринг-кросс.
While the wireless is active, there are no far ends of the earth.	Радио уничтожило расстояния.
Kings of Dahomey and Lamas of Tibet listen in to London and New York.	Царьки Дагомеи и ламы Тибета слушают передачи из Лондона и Нью-Йорка.
Patience! Patience!	Терпение! Терпение!
The world is a vast and ghastly intricacy of mechanism, and one has to be very wary, not to get mangled by it.	Мир - огромный, сложный и злокозненный механизм, и, чтобы избежать его сетей, надо вести себя хитро.
Connie confided in her father.	Конни решила открыться отцу.

'You see, Father, he was Clifford's game-keeper: but he was an officer in the army in India. Only he is like Colonel C. E. Florence, who preferred to become a private soldier again.'	- Понимаешь, - начала она, - он был лесничим у Клиффорда. Но до этого служил в армии офицером в Индии. А потом, как полковник К.Е.Флоренс, решил воевать в одиночку.
Sir Malcolm, however, had no sympathy with the unsatisfactory mysticism of the famous C. E. Florence.	Сэр Малькольм, однако, не разделял ее симпатии к беспокойному мистицизму знаменитого полковника.
He saw too much advertisement behind all the humility. It looked just like the sort of conceit the knight most loathed, the conceit of self-abasement.	Он предвидел унижительную для себя шумиху; его рыцарскому достоинству более всего претила гордыня самоуничижения.
'Where did your game-keeper spring from?' asked Sir Malcolm irritably.	- Кто он по рождению, этот твой лесничий? - раздраженно спросил он.
'He was a collier's son in Tevershall. But he's absolutely presentable.'	- Он родился в Тивершолле, сын шахтера. Но он вполне пристоеен.
The knighted artist became more angry.	Титулованный художник начал сердиться.
'Looks to me like a gold-digger,' he said. 'And you're a pretty easy gold-mine, apparently.'	- Сдается мне, он не лесничий, а золотоискатель. А ты для него золотая жила.
'No, Father, it's not like that.	- Нет, папа, это не так.
You'd know if you saw him.	Когда ты его увидишь, ты сразу поймешь.
He's a man.	Он - мужчина.
Clifford always detested him for not being humble.'	Клиффорд давно невзлюбил его за непокорный нрав.
'Apparently he had a good instinct, for once.'	- По-видимому, в нем в кои-то веки заговорил здоровый инстинкт.

What Sir Malcolm could not bear was the scandal of his daughter's having an intrigue with a game-keeper.	Скандалная связь дочери с лесничим, - нет, он не может с этим смириться.
He did not mind the intrigue: he minded the scandal.	Пусть бы связь, он не ханжа. Но не скандальная.
I care nothing about the fellow.	- Меня этот парень меньше всего волнует.
He's evidently been able to get round you all right.	Видно, что он сумел вскружить тебе голову.
But, by God, think of all the talk.	Но ты подумай, какие пойдут разговоры.
Think of your step-mother how she'll take it!	Подумай о моей жене, как она это воспримет!
'I know,' said Connie. 'Talk is beastly: especially if you live in society.'	- Я знаю, досужие языки - это ужасно! Особенно если принадлежишь к хорошему обществу.
And he wants so much to get his own divorce.	К тому же он жаждет получить развод.
I thought we might perhaps say it was another man's child, and not mention Mellors' name at all.'	И я подумала, может, мы вообще не будем упоминать имени Меллорса. Скажем, что этот ребенок от какого-то другого мужчины.
'Another man's!	- От другого мужчины!
What other man's?	От кого же?
Perhaps Duncan Forbes.	- Ну, может, от Дункана Форбса.

He has been our friend all his life.'	Мы с ним дружим всю жизнь.
'And he's a fairly well-known artist.	Он довольно известный художник.
And he's fond of me.'	И я ему всегда нравилась.
Well I'm damned! Poor Duncan!	- У-уф, черт побери! Бедняга Дункан!
And what's he going to get out of it?'	А ему-то от этого какая корысть?
'I don't know. But he might rather like it, even.'	- Не знаю. Но, может, ему это даже понравится.
'He might, might he?	- Ты думаешь, понравится?
Well, he's a funny man if he does.	Станный же он человек, если так.
Why, you've never even had an affair with him, have you?'	У тебя с ним что-нибудь было?
'No! But he doesn't really want it.	- Нет, конечно. Да ему это и не надо.
He only loves me to be near him, but not to touch him.'	Для него счастье не в обладании, а чтобы я была рядом.
'My God, what a generation!'	- Господи, что за поколение!
He would like me most of all to be a model for him to paint from.	- Больше всего на свете он хочет, чтобы я позировала ему.
Only I never wanted to.'	Но я этого не хочу.
God help him! But he looks down-trodden enough for anything.'	- Бог ему в помощь. Он и без того выглядит довольно-таки жалко.
'Still, you wouldn't mind so much the talk about him?'	- Но ты не возражаешь, если о нем будут говорить как об отце?
'My God, Connie, all the bloody contriving!'	- Но, Конни, это же обман.
'I know! It's sickening! But what can I do?'	- Знаю. Это ужасно, но что я могу поделать.
'Contriving, conniving; conniving, contriving!'	- Обманывать, хитрить...
Makes a man think he's lived too long.'	Нет, я, видно, зажился на этом свете.
'Come, Father, if you haven't done a good deal of contriving and conniving in your time, you may talk.'	- Ты, конечно, можешь так говорить, если сам никогда не хитрил и не юлил в своей жизни.
'But it was different, I assure you.'	- Но у меня это было совсем по-другому, уверяю тебя.
'It's always different.'	- У всех это по-другому.
Hilda arrived, also furious when she heard of the new developments.	Приехала Хильда и тоже взбесилась, услышав новость.
And she also simply could not stand the thought of a public scandal about her sister and a game-keeper.	Она тоже не могла спокойно думать о таком позоре - беременности сестры и от кого? От егеря!
Too, too humiliating!	Какое унижение!
'Why should we not just disappear, separately, to British Columbia, and have no scandal?' said Connie.	- Но почему бы нам просто не исчезнуть - уехать тихонько от всех, хотя бы в Британскую Колумбию? Тогда никакого скандала не будет.

But that was no good.	Нет, это их не спасет.
The scandal would come out just the same.	Шила в мешке не утаишь.
And if Connie was going with the man, she'd better be able to marry him. This was Hilda's opinion.	И если уж Конни собралась куда-то ехать со своим егерем, ей надо выйти за него замуж - так считала Хильда.
Sir Malcolm wasn't sure. The affair might still blow over.	Сэр Малькольм был иного мнения. Он надеялся, что эта интрижка рано или поздно кончится.
'But will you see him, Father?'	- Хочешь с ним познакомиться? - спросила Конни отца.
Poor Sir Malcolm! he was by no means keen on it.	Сэр Малькольм не горел таким желанием.
And poor Mellors, he was still less keen.	Еще меньше жаждал этой встречи бедняга Меллорс.
Yet the meeting took place: a lunch in a private room at the club, the two men alone, looking one another up and down.	И все-таки встреча состоялась - в приватном кабинете клуба за обеденным столом. Мужчины были одни; познакомившись, они оглядели друг друга с ног до головы.
Sir Malcolm drank a fair amount of whisky, Mellors also drank.	Сэр Малькольм выпил изрядное количество виски. Меллорс тоже пил, но умеренно.
And they talked all the while about India, on which the young man was well informed. This lasted during the meal.	Говорили об Индии - лесничий много о ней знал.
Only when coffee was served, and the waiter had gone, Sir Malcolm lit a cigar and said, heartily:	И только когда официант принес кофе и удалился, сэр Малькольм зажег сигару и выразительно сказал:
'Well, young man, and what about my daughter?'	- Так что вы скажете о моей дочери, молодой человек?
The grin flickered on Mellors' face.	По лицу Меллорса пробежала усмешка.
'Well, Sir, and what about her?'	- А что такое, сэр, с вашей дочерью?
'You've got a baby in her all right.'	- Вы ей сделали ребенка, не так ли?
I have that honour!' grinned Mellors.	- Имел такую честь! - усмехнулся Меллорс.
Honour, by God!'	- Господи помилуй, имел честь!
Sir Malcolm gave a little squirting laugh, and became Scotch and lewd. Honour!	- Сэр Малькольм жирно хохотнул и начал мужской, пошлотландски откровенный разговор.- Так, значит, имел честь?
How was the going, eh? Good, my boy, what?'	Ну и как, ничего? Наверное, недурно, а?
'Good!'	- Недурно.
'I'll bet it was! Ha-ha!'	- Держу пари - то, что надо.
My daughter, chip of the old block, what!	Моя ведь дочь. Яблоко от яблони недалеко падает.
I never went back on a good bit of fucking, myself.	Я всегда был хороший кобель.
Though her mother, oh, holy saints!'	А вот ее мать... Господи, прости нас, грешных!

He rolled his eyes to heaven. 'But you warmed her up, oh, you warmed her up, I can see that.	- Он выкатил глаза к небу. - Ты распалил ее, да-да, распалил. Я вижу.
Ha-ha!	Ха-ха!
My blood in her!	У нее в жилах моя кровь.
You set fire to her haystack all right. Ha-ha-ha!	Поднес спичку к стогу сена. Ха-ха-ха!
I was jolly glad of it, I can tell you. She needed it.	Должен признаться, я был очень рад. Ей этого не хватало.
Oh, she's a nice girl, she's a nice girl, and I knew she'd be good going, if only some damned man would set her stack on fire! Ha-ha-ha!	Она славная девочка, очень славная. И я всегда знал, она будет замечательной бабой, если найдется молодец, который сумеет запалить этот стог сена! Ха-ха-ха!
A game-keeper, eh, my boy!	Так ты, говоришь, егерь?
Bloody good poacher, if you ask me. Ha-ha!	А я бы сказал - удачливый браконьер. Ха-ха!
But now, look here, speaking seriously, what are we going to do about it? Speaking seriously, you know!'	Ладно, шутки в сторону, что же мы будем делать?
Speaking seriously, they didn't get very far.	Разговор продвигался вперед черепашьям шагом.
Mellors, though a little tipsy, was much the soberer of the two. He kept the conversation as	Меллорс был более трезв и старался держаться в рамках

intelligent as possible: which isn't saying much.	приличия, то есть почти все время молчал.
'So you're a game-keeper!	- Ты, значит, егерь, охотник?
Oh, you're quite right! That sort of game is worth a man's while, eh, what?	И то верно. Охотник за красной дичью.
The test of a woman is when you pinch her bottom. You can tell just by the feel of her bottom if she's going to come up all right.	А ты знаешь, как баб проверяют? Я тебя научу. Щипни ей зад, и сразу поймешь, на что она годна.
Ha-ha!	Ха-ха!
I envy you, my boy.	Завидую я тебе, мой мальчик.
How old are you?'	Тебе сколько лет-то?
'Thirty-nine.'	- Тридцать девять.
The knight lifted his eyebrows.	Титулованный джентльмен вскинул глаза.
'As much as that!	- Вон уже сколько!
Well, you've another good twenty years, by the look of you.	Ну что ж, тебе еще развлекаться добрых лет двадцать. Если судить по виду.
Oh, game-keeper or not, you're a good cock.	Егерь егерем, но кобель ты хороший.
I can see that with one eye shut. Not like that blasted Clifford!	В чем, в чем, а в этом я разбираюсь. Не то что эта медуза Клиффорд!
A lily-livered hound with never a fuck in him, never had.	Робкая барышня, нет в нем мужской жилы.
I like you, my boy, I'll bet you've a good cod on you; oh, you're a bantam, I can see that.	А ты мне нравишься, мой мальчик. Бойцовый петух.

You're a fighter. Game-keeper!	Да, ты боец. Охотник!
Ha-ha, by crikey, I wouldn't trust my game to you!	Ха-ха! Черт возьми, я бы тебе не доверил свой охотничьи уголья!
But look here, seriously, what are we going to do about it?	Ну, а если без шуток - что же мы будем делать?
The world's full of blasted old women.'	Эти чертовы старухи ведь съедят нас.
Seriously, they didn't do anything about it, except establish the old free-masonry of male sensuality between them.	Если без шуток, договорились они до полного мужского взаимопонимания.
'And look here, my boy, if ever I can do anything for you, you can rely on me.	- Послушай, мой мальчик: если тебе нужна моя помощь, ты можешь положиться на меня!
Game-keeper!	Егерь!
Christ, but it's rich! I like it! Oh, I like it!	Клянусь небом, это прекрасно. Мне это по душе.
Shows the girl's got spunk. What?	У девочки отважное сердце. Что?
After all, you know, she has her own income, moderate, moderate, but above starvation.	В конце концов у нее есть небольшой капиталец. Небольшой, но голодать не придется.
And I'll leave her what I've got. By God, I will.	И я ей оставлю все, что у меня есть.
She deserves it for showing spunk, in a world of old women.	Девочка этого заслуживает. Бросить вызов этому миру старых баб!
I've been struggling to get myself clear of the skirts of old women for seventy years, and haven't managed it yet.	Я всю жизнь старался выпутаться из женских юбок, да так и не выпутался.
But you're the man, I can see that.'	Ты сделан из другого теста, я это вижу. Ты -мужчина.
'I'm glad you think so. They usually tell me, in a sideways fashion, that I'm the monkey.'	- Рад слышать. Меня до сих пор называли за глаза-жеребцом.
'Oh, they would! My dear fellow, what could you be but a monkey, to all the old women?'	- А ты что ожидал? Ты и есть жеребец для этих трухлявых старух.
They parted most genially, and Mellors laughed inwardly all the time for the rest of the day.	Расстались они сердечно, и весь остаток дня Меллорс внутренне посмеивался.
The following day he had lunch with Connie and Hilda, at some discreet place.	На другой день все трое - Конни, Хильда и он -обедали в маленьком безымянном ресторанчике.
'It's a very great pity it's such an ugly situation all round,' said Hilda.	- Ужасное, ужасное положение, - начала разговор Хильда.
I had a lot o' fun out of it,' said he.	- Мне оно доставило много приятных минут, -улыбнулся Меллорс.

'I think you might have avoided putting children into the world until you were both free to marry and have children.'	- Вам бы следовало повременить с детьми. Сначала, мне кажется, вы оба должны были развестись, а уж потом брать на себя такую ответственность.
The Lord blew a bit too soon on the spark,' said he.	- Г осподь поторопился раздуть искру, -усмехнулся Меллорс.
I think the Lord had nothing to do with it.	- Господь здесь ни при чем.

Of course, Connie has enough money to keep you both, but the situation is unbearable.'	У Конни есть свои деньги, на двоих хватит, но ситуация, согласитесь, невозможная.
But then you don't have to bear more than a small corner of it, do you?' said he.	- Да ведь вас эта ситуация только самым краешком задевает.
'If you'd been in her own class.'	- Что бы вам принадлежать к ее кругу!
Or if I'd been in a cage at the Zoo.'	- Что бы мне сидеть в вольере зверинца!
There was silence.	Помолчали.
'I think,' said Hilda, 'it will be best if she names quite another man as co-respondent and you stay out of it altogether.'	- По-моему, самое лучшее, - опять начала Хильда, - если Конни назовет виновником другого мужчину. Чтобы вы вообще не фигурировали.
But I thought I'd put my foot right in.'	- Мне кажется, я фигурирую довольно прочно.
'I mean in the divorce proceedings.'	- Я говорю о судебном процессе.
He gazed at her in wonder. Connie had not dared mention the Duncan scheme to him.	Меллорс вопросительно поглядел на Хильду: Конни так и не решилась посвятить его в этот план с Дунканом.
'I don't follow,' he said.	- Не понимаю.
'We have a friend who would probably agree to be named as co-respondent, so that your name need not appear,' said Hilda.	- У нас есть знакомый, который, возможно, согласится выступить в суде как третье лицо, чтобы ваше имя вообще не упоминалось.
'You mean a man?'	- Другой мужчина?
'Of course!'	- Разумеется.
'But she's got no other?'	- Но разве у нее есть другой мужчина?
He looked in wonder at Connie.	Он удивленно посмотрел на Конни.
'No, no!' she said hastily. 'Only that old friendship, quite simple, no love.'	- Конечно нет, - поспешила Конни его разуверить. - Это просто старый знакомый. У меня с ним ничего нет и никогда не было.
'Then why should the fellow take the blame? If he's had nothing out of you?'	- Тогда чего ради он будет брать вину на себя? Какой ему от этого прок?
'Some men are chivalrous and don't only count what they get out of a woman,' said Hilda.	- Среди мужчин еще остались рыцари. Они готовы бескорыстно прийти на помощь женщине, - сказала Хильда.
One for me, eh? But who's the johnny?'	- Камешек в мой огород? А кто этот рыцарь?
'A friend whom we've known since we were children in Scotland, an artist.'	- Один наш знакомый шотландец. Мы дружим с детства. Он художник.
Duncan Forbes!' he said at once, for Connie had talked to him. 'And how would you shift the blame on to him?'	- Дункан Форбс! - догадался Меллорс: Конни рассказывала ему о нем. - И как же вы думаете организовать доказательства?
'They could stay together in some hotel, or she could even stay in his apartment.'	- Можно остановиться в одном отеле. Или даже Конни могла бы пожить у него.
'Seems to me like a lot of fuss for nothing,' he said.	- Было бы из-за чего огород городить!

'What else do you suggest?' said Hilda. 'If your name appears, you will get no divorce from your wife, who is apparently quite an impossible person to be mixed up with.'	- А что вы предлагаете? - спросила Хильда. -Если ваше имя выплывет, развода вам не видать. А от вашей жены, я слыхала, лучше держаться подальше.
'All that!' he said grimly.	- Все так!
There was a long silence.	Опять замолчали.
'We could go right away,' he said.	- Мы с Конни могли бы куда-нибудь уехать, -наконец проговорил он.
'There is no right away for Connie,' said Hilda. 'Clifford is too well known.'	- Только не с Конни. Клиффорд слишком хорошо известен.

Again the silence of pure frustration.	И опять гнетущее молчание.
'The world is what it is.	- Так устроен мир.
If you want to live together without being persecuted, you will have to marry.	Если хотите жить вместе, не опасаясь судебного преследования, надо жениться.
To marry, you both have to be divorced.	А чтобы жениться, вы оба должны быть свободны.
So how are you both going about it?'	Так что же вы думаете делать?
He was silent for a long time. 'How are you going about it for us?' he said.	После долгого молчания он обратился к Хильде: -А что вы скажете на этот счет?
'We will see if Duncan will consent to figure as co-respondent: then we must get Clifford to divorce Connie: and you must go on with your divorce, and you must both keep apart till you are free.'	- Во-первых, надо узнать, согласится ли Дункан играть роль третьего лица. Затем Конни должна уговорить Клиффорда дать ей развод. А вы должны тем временем благополучно завершить свой бракоразводный процесс. Сейчас же вам надо держаться друг от друга как можно дальше. Не то все погибло.
'Sounds like a lunatic asylum.'	- Безумный мир!
'Possibly! And the world would look on you as lunatics: or worse.;	- А вы сами не безумцы? Да вы еще хуже.
'What is worse?'	- Что может быть хуже?
'Criminals, I suppose.'	- Вы - преступники.
Hope I can plunge in the dagger a few more times yet,' he said, grinning.	- Надеюсь, я еще смогу пару раз поупражнять свой кинжал, - усмехнулся он и, нахмурившись, опять замолчал.
Then he was silent, and angry. 'Well!' he said at last. 'I agree to anything.	- Ладно, - прервал он молчание. - Я согласен на все.
The world is a raving idiot, and no man can kill it: though I'll do my best.	Мир - скопище безмозглых идиотов, а уничтожить его невозможно. С каким наслаждением я бы взорвал его ко всем чертям!
But you re right. We must rescue ourselves as best we can.'	Но вы правы, в нашем положении надо спастись любой ценой.
He looked in humiliation, anger, weariness and misery at Connie.	Он посмотрел на Конни, и она прочла в его глазах усталость, униженность, страдание и гнев.

'Ma lass!' he said. 'The world's goin' to put salt on thy tail.'	- Девонька Моя! Мир готов забросать тебя камнями.
'Not if we don't let it,' she said.	- Это ему не удастся, - сказала Конни.
She minded this conniving against the world less than he did.	Она более снисходительно относилась к миру.
Duncan, when approached, also insisted on seeing the delinquent game-keeper, so there was a dinner, this time in his flat: the four of them.	Выслушав сестер, Дункан настоял на встрече с потрясателем устоев; устроили еще один обед, на этот раз на квартире Дункана. Собрались все четверо.
Duncan was a rather short, broad, dark-skinned, taciturn Hamlet of a fellow with straight black hair and a weird Celtic conceit of himself.	Дункан был коренаст, широкоплеч - этакий молчаливый Гамлет, смуглый, с прямыми черными волосами и фантастическим, чисто кельтским самолюбием.
His art was all tubes and valves and spirals and strange colours, ultra-modern, yet with a certain power, even a certain purity of form and tone: only Mellors thought it cruel and repellent.	На его полотнах ультрамодерн были только трубки, колбы, спирали, расписанные невообразимыми красками; но в них чувствовалась сила и даже чистота линии и цвета; Меллорсу, однако, они показались жестокими и отталкивающими.
He did not venture to say so, for Duncan was almost insane on the point of his art: it was a personal cult, a personal religion with him.	Он не решался высказать вслух свое мнение -Дункан был до безрассудства предан своему искусству, он поклонялся творениям своей кисти с пылом религиозного фанатика.
They were looking at the pictures in the studio, and Duncan kept his smallish brown eyes on the other man.	Они стояли перед картинами Дункана в его студии. Дункан не спускал небольших карих глаз с лица гостя.
He wanted to hear what the game-keeper would say. He knew already Connie's and Hilda's opinions.	Он ждал, что скажет егерь, - мнение сестер ему было известно.
'It is like a pure bit of murder,' said Mellors at last; a speech Duncan by no means expected from a game-keeper.	- Эти холсты - чистейшее смертоубийство, -наконец сказал Меллорс. Художник меньше всего ожидал от егеря такой оценки.
'And who is murdered?' asked Hilda, rather coldly and sneeringly.	- Кто же здесь убит? - спросила Хильда.

'Me! It murders all the bowels of compassion in a man.'	- Я. Эти картины наповал убивают добрые чувства.
A wave of pure hate came out of the artist.	Дункан задохнулся он накатившей ненависти.
He heard the note of dislike in the other man's voice, and the note of contempt.	Он уловил в голосе егеря нотки неприятия и даже презрения.
And he himself loathed the mention of bowels of compassion. Sickly sentiment!	Сам он терпеть не мог разговоры о добрых чувствах. Давно пора выбросить на свалку разъедающие душу сантименты.
Mellors stood rather tall and thin, worn-looking, gazing with flickering detachment that was something like the dancing of a moth on the wing, at the pictures.	Меллорс, высокий, худой, осунувшийся, смотрел на картины, и в глазах его плясало ночным мотыльком обидное безразличие.

'Perhaps stupidity is murdered; sentimental stupidity,' sneered the artist.	- Возможно, они убивают глупость, sentimentalную глупость, Дункан насмешливо взглянул на егеря.
'Do you think so?	- Вы так думаете?
I think all these tubes and corrugated vibrations are stupid enough for anything, and pretty sentimental.	А мне сдается, все эти трубки, спирали, рифлености - глупы и претенциозны.
They show a lot of self-pity and an awful lot of nervous self-opinion, seems to me.'	Они говорят, по-моему, о жалости художника к самому себе и о его болезненном самолюбии.
In another wave of hate the artist's face looked yellow.	Лицо Дункана посерело.
But with a sort of silent hauteur he turned the pictures to the wall.	Не пристало художнику метать бисер перед невеждой. И он повернул картины к стене.
'I think we may go to the dining-room,' he said.	- Пора, пожалуй, идти в столовую, - сказал он.
And they trailed off, dismally.	И гости молча, удрученно последовали за ним.
After coffee, Duncan said:	После обеда Дункан сказал:
I don't at all mind posing as the father of Connie's child.	- Я согласен выступить в роли отца ребенка.
But only on the condition that she'll come and pose as a model for me.	Но при одном условии: я хочу, чтобы Конни мне позировала.
I've wanted her for years, and she's always refused.'	Я несколько лет просил ее об этом. И она всегда отказывалась.
He uttered it with the dark finality of an inquisitor announcing an auto da fe.	Он произнес эти слова с мрачной непреклонностью инквизитора, объявившего аутодафе.
'Ah!' said Mellors. 'You only do it on condition, then?'	- Значит, вы даете согласие только на определенных условиях?
'Quite! I only do it on that condition.'	- Только на одном условии.
The artist tried to put the utmost contempt of the other person into his speech. He put a little too much.	Художник постарался вложить в эти слова все свое презрение. Перестарался и получил ответ:
'Better have me as a model at the same time,' said Mellors. 'Better do us in a group, Vulcan and Venus under the net of art.	- Возьмите меня в натурщики для этих сеансов. Для картины "Вулкан и Венера в сетях искусства".
I used to be a blacksmith, before I was a game-keeper.'	Я когда-то был ковалем, до того как стать егерем.
'Thank you,' said the artist. 'I don't think Vulcan has a figure that interests me.'	- Благодарю за любезное предложение. Но, знаете ли, фигура Вулкана меня не вдохновляет.
'Not even if it was tubified and titivated up?'	- Даже рифленая?
There was no answer.	Ответа не последовало: Дункан не снизошел.

The artist was too haughty for further words. It was a dismal party, in which the artist henceforth steadily ignored the presence of the other man, and talked only briefly, as if the words were wrung out of the depths of his gloomy portentousness, to the women.	Обед прошел уныло, художник не замечал присутствия другого мужчины и за все время произнес всего несколько слов, и то как будто их клещами вытягивали из глубины его заносчивой, мрачной души.
'You didn't like him, but he's better than that, really.	- Тебе он не понравился, но на самом деле он гораздо лучше.
He's really kind,' Connie explained as they left.	Он очень добрый, - говорила Конни, когда они возвращались с обеда.
'He's a little black pup with a corrugated distemper,' said	- Злой, самовлюбленный щенок, помешанный

Mellors.	на своих спиралях.
'No, he wasn't nice today.'	- Сегодня он действительно выказал себя не лучшим образом.
'And will you go and be a model to him?'	- И ты будешь ему позировать?
Oh, I don't really mind any more. He won't touch me.	- А меня это теперь не волнует. Прикоснуться он ко мне не посмеет.
And I don't mind anything, if it paves the way to a life together for you and me.'	А так я согласна на все, лишь бы у нас с тобой все устроилось.
'But he'll only shit on you on canvas.'	- Но ведь он вместо тебя изобразит на холсте какое-нибудь непотребство.
I don't care.	- А мне все равно.
He'll only be painting his own feelings for me, and I don't mind if he does that. I wouldn't have him touch me, not for anything.	Ведь он таким образом выражает свои чувства. Это его дело. Мне-то что!
But if he thinks he can do anything with his owlish arty staring, let him stare. He can make as many empty tubes and corrugations out of me as he likes. It's his funeral.	А пялить на меня свои совиные глаза - пусть пялит сколько угодно, на то он и художник. Ну, нарисует он меня в виде трубок - что со мной случится?
He hated you for what you said: that his tubified art is sentimental and self-important.	Он возненавидел тебя за то, что ты назвал его искусство самовлюбленным и претенциозным.
But of course it's true.'	Но ты, конечно, прав.
Chapter 19	19
Dear Clifford, I am afraid what you foresaw has happened.	"Дорогой Клиффорд. То, что ты предвидел, боюсь, случилось.
I am really in love with another man, and do hope you will divorce me.	Я полюбила другого и надеюсь, что ты дашь мне развод.
I am staying at present with Duncan in his flat.	Сейчас я живу с Дунканом, у него дома.
I told you he was at Venice with us.	Я тебе писала, что он был с нами в Венеции.
I'm awfully unhappy for your sake: but do try to take it quietly.	Мне очень, очень тебя жаль, но постарайся отнестись ко всему спокойно.
You don't really need me any more, and I can't bear to come back to Wragby.	Если подумать серьезно, я тебе больше не нужна, а мне невыносима даже мысль вернуться обратно в Рагби.

I'm awfully sorry.	Я очень виновата перед тобой.
But do try to forgive me, and divorce me and find someone better.	Прости, если можешь, дай мне развод и найди жену, которая будет лучше меня.
I'm not really the right person for you, I am too impatient and selfish, I suppose.	Я всегда была плохой женой; у меня мало терпения, и я большая эгоистка.
But I can't ever come back to live with you again.	Я не могу вернуться в Рагби-холл, не могу больше жить с тобой.
And I feel so frightfully sorry about it all, for your sake. But if you don't let yourself get worked up, you'll see you won't mind so frightfully.	Если ты не будешь нарочно себя расстраивать, ты скоро поймешь, что на самом деле мой уход не так для тебя и страшен.
You didn't really care about me personally.	Ведь я лично не много для тебя значу.
So do forgive me and get rid of me.	Так что, пожалуйста, прости меня и постарайся обо мне забыть".
Clifford was not inwardly surprised to get this letter.	Внутренне Клиффорд не очень удивился этому письму.
Inwardly, he had known for a long time she was leaving him.	Подсознательно он уже давно понял, что Конни от него уходит.
But he had absolutely refused any outward admission of it.	Но внешне никогда этого не признавал.
Therefore, outwardly, it came as the most terrible blow and shock to him, He had kept the surface of his confidence in her quite serene.	Именно поэтому удар был так силен. На уровне сознания он безмятежно верил в ее верность.
And that is how we are, By strength of will we cut of four inner intuitive knowledge from admitted consciousness. This causes a state of dread, or apprehension, which makes the blow ten times worse when it does fall.	Таковы мы все. Усилием воли держим под спудом интуитивное знание, не пуская его в сферу сознательного; когда же удар нанесен, он кажется стократ сильнее, и страдания наши безмерны.

Clifford was like a hysterical child.	Клиффорд сидел в постели мертвенно-бледный, с невидящим бессмысленным взглядом, как ребенок в истерическом припадке.
He gave Mrs Bolton a terrible shock, sitting up in bed ghastly and blank.	Миссис Болтон, увидев его, чуть не упала в обморок.
'Why, Sir Clifford, whatever's the matter?'	- Сэр Клиффорд, что с вами?
No answer!	Никакого ответа.
She was terrified lest he had had a stroke.	Вдруг с ним случился удар, испугалась она.
She hurried and felt his face, took his pulse.	Потрогала его лицо, пощупала пульс.
Is there a pain?	- У вас что-то болит?
Do try and tell me where it hurts you. Do tell me! No answer!	Скажите, где? Ну скажите же! Опять молчание.
Oh dear, oh dear!	- Ах ты, Господи!
Then I'll telephone to Sheffield for Dr Carrington, and Dr Lecky may as well run round straight away.'	Надо скорее звонить в Шеффилд доктору Каррингтону. Да и нашему доктору Лики - он живет ближе.

She was moving to the door, when he said in a hollow tone:	Она уже подходила к двери, как вдруг Клиффорд заговорил:
'No!'	- Не звоните!
She stopped and gazed at him.	Она остановилась и, обернувшись, вперила в него испуганный взгляд.
His face was yellow, blank, and like the face of an idiot.	Лицо у него было изжелта-бледное, пустое, как лицо идиота.
'Do you mean you'd rather I didn't fetch the doctor?'	- Вы хотите сказать, что не надо звать доктора?
'Yes! I don't want him,' came the sepulchral voice.	- Врач мне не нужен, - проговорил замогильный голос.
'Oh, but Sir Clifford, you're ill, and I daren't take the responsibility.	- Но, сэр Клиффорд, вы больны, я не могу брать на себя такую ответственность.
I must send for the doctor, or I shall be blamed.'	Я обязана послать за доктором. Если что случится, я себе никогда не прощу.
A pause: then the hollow voice said: 'I'm not ill.	Молчание, затем тот же голос произнес: - Я не болен.
My wife isn't coming back.'—It was as if an image spoke.	Моя жена не вернется домой. Эти слова Клиффорд произнес на одной ноте, точно глиняный истукан.
'Not coming back? you mean her ladyship?'	- Не вернется? Вы говорите о ее милости?
Mrs Bolton moved a little nearer to the bed. ' Oh, don't you believe it.	- Миссис Болтон несколько приблизилась к кровати.
You can trust her ladyship to come back.'	- Этого не может быть! Не сомневайтесь в ее милости. Она, конечно, вернется.
The image in the bed did not change, but it pushed a letter over the counterpane.	Истукан в постели не шевельнулся, только протянул поверх одеяла руку с письмом.
'Read it!' said the sepulchral voice.	- Читайте! - опять произнес он замогильным голосом.
'Why, if it's a letter from her ladyship, I'm sure her ladyship wouldn't want me to read her letter to you, Sir Clifford.	- Это письмо от ее милости? Я знаю, ее милости не понравится, что я читаю ее письма к вам.
You can tell me what she says, if you wish.'	Вы просто скажите мне, что она пишет, если вам так угодно.
'Read it!' repeated the voice.	Лицо с мертво выпученными голубыми глазами не дрогнуло. - Читайте! - повторил голос.
'Why, if I must, I do it to obey you, Sir Clifford,' she said. And she read the letter.	- Если вы находите нужным, сэр Клиффорд, мне ничего не остается, как повиноваться, - сказала миссис Болтон и взяла письмо.
'Well, I am surprised at her ladyship,' she said. 'She promised so faithfully she'd come back!'	- Я удивляюсь ее милости, - изрекла она, прочитав послание Конни. - Ее милость со всей твердостью заявляла, что вернется.
The face in the bed seemed to deepen its expression of wild, but motionless distraction.	Застывшая маска стала еще мертвеннее.

Mrs Bolton looked at it and was worried.	Миссис Болтон встревожилась не на шутку.
--	--

She knew what she was up against: male hysteria.	Она знала - ей предстоит сразиться с мужской истерикой.
She had not nursed soldiers without learning something about that very unpleasant disease.	Ведь она когда-то ухаживала за ранеными и была знакома с этой неприятной болезнью.
She was a little impatient of Sir Clifford.	Сэр Клиффорд немного раздражал ее.
Any man in his senses must have known his wife was in love with somebody else, and was going to leave him.	Любой мужчина в здравом уме давно бы понял, что у жены кто-то есть и что она собирается уйти.
Even, she was sure, Sir Clifford was inwardly absolutely aware of it, only he wouldn't admit it to himself.	И даже он сам - она не сомневалась - в глубине души был в этом уверен, но не смел себе признаться.
If he would have admitted it, and prepared himself for it: or if he would have admitted it, and actively struggled with his wife against it: that would have been acting like a man.	Если бы он посмотрел правде в глаза, он либо сумел бы подготовиться к ее уходу, либо вступил в открытую борьбу и не допустил бы разрыва - вот поведение, достойное мужчины.
But no! he knew it, and all the time tried to kid himself it wasn't so.	А он, догадываясь, прятал голову под крыло, как страус.
He felt the devil twisting his tail, and pretended it was the angels smiling on him.	Видел проделки черта, а убеждал себя -забавы ангелов.
This state of falsity had now brought on that crisis of falsity and dislocation, hysteria, which is a form of insanity. 'It comes', she thought to herself, hating him a little, 'because he always thinks of himself.	Этот самообман и привел в конце концов к катастрофе, лжи, расстройству, истерике, что, в сущности, есть проявление безумия. "Это случилось, - думала она, немного презирая его, -потому что он думает только о себе.
He's so wrapped up in his own immortal self, that when he does get a shock he's like a mummy tangled in its own bandages.	Он так запутал себя своим бессмертным "эго", что теперь ему, как мумии, не сбросить этих пут.
Look at him!"	Один вид его чего стоит!"
But hysteria is dangerous: and she was a nurse, it was her duty to pull him out.	Но истерический приступ опасен, а она - опытная сиделка, ее обязанность - вывести его из этого состояния.
Any attempt to rouse his manhood and his pride would only make him worse: for his manhood was dead, temporarily if not finally.	Если она обратится к его мужскому достоинству, гордости, будет только хуже, ибо его мужское достоинство если не умерло, то крепко спит.
He would only squirm softer and softer, like a worm, and become more dislocated.	Он будет еще больше мучиться, как червяк поверх земли, и состояние его только усугубится.
The only thing was to release his self-pity.	Самое для него лучшее - изойти жалостью к самому себе.
Like the lady in Tennyson, he must weep or he must die.	Как той женщине у Теннисона, ему надо разрыдаться, чтобы не умереть.
So Mrs Bolton began to weep first.	И миссис Болтон начала первая.

She covered her face with her hand and burst into little wild sobs. 'I would never have believed it of her ladyship, I wouldn't!' she wept, suddenly summoning up all her old grief and sense of woe, and weeping the tears of her own bitter chagrin.	Она прижала ладонь к глазам и горько зарыдала. "Я никогда, никогда этого не ожидала от ее милости", - причитала она, думая о своих давних бедах, оплакивая собственную горькую судьбу.
Once she started, her weeping was genuine enough, for she had had something to weep for.	Она рыдала искренне - ей было над чем проливать слезы.
Clifford thought of the way he had been betrayed by the woman Connie, and in a contagion of grief, tears filled his eyes and began to run down his cheeks.	Клиффорд вдруг с особой ясностью осознал, как подло его предала эта женщина, Конни; горе миссис Болтон было так заразительно, что глаза его увлажнились и по щекам покатались слезы.
He was weeping for himself.	Он плакал над своими горестями.
Mrs Bolton, as soon as she saw the tears running over his blank face, hastily wiped her own wet cheeks on her little handkerchief, and leaned towards him.	Увидев слезы на безжизненном лице Клиффорда, миссис Болтон поспешно отерла щеки маленьким платочком и наклонилась к нему.
'Now, don't you fret, Sir Clifford!' she said, in a luxury of emotion. 'Now, don't you fret, don't, you'll only do yourself an injury!'	- Не убивайтесь так, сэр Клиффорд, - сказала переполненная чувствами миссис Болтон, - пожалуйста, не убивайтесь, вам это вредно!
His body shivered suddenly in an indrawn breath of silent	Тело его содрогнулось от беззвучного

sobbing, and the tears ran quicker down his face.	рыдания, и слезы быстрее заструились по щекам.
She laid her hand on his arm, and her own tears fell again.	Она опустила ладонь на его руку, и у нее самой слезы хлынули с новой силой.
Again the shiver went through him, like a convulsion, and she laid her arm round his shoulder. 'There, there! There, there!	По его телу опять прошла судорога, и она обняла его одной рукой за плечи. - Ну, не надо, не надо!
Don't you fret, then, don't you! Don't you fret!' she moaned to him, while her own tears fell.	Не терзайте себя так! Не надо, - приговаривала она сквозь слезы.
And she drew him to her, and held her arms round his great shoulders, while he laid his face on her bosom and sobbed, shaking and hulking his huge shoulders, whilst she softly stroked his dusky-blond hair and said: 'There! There! There!	Притянула его к себе, обняла широкие плечи; он зарылся лицом к ней в грудь, сотрясаясь, рыдая, тяжело сутуля жирные плечи, а она гладила его темно-русые волосы и приговаривала:
There then! There then! Never you mind!	"Ну, будет, будет, не надо.
Never you mind, then!'	Не принимайте близко к сердцу".
And he put his arms round her and clung to her like a child, wetting the bib of her starched white apron, and the bosom of her pale-blue cotton dress, with his tears. He had let himself go altogether, at last.	Он тоже обнял ее, прижался, как малое дитя, от его слез у нее насквозь промокли фартук и ситцевая бледно-голубая блузка. Он выплакивал свое горе.
So at length she kissed him, and rocked him on her bosom, and in her heart she said to herself: 'Oh, Sir Clifford! Oh, high and mighty Chatterleys!	Она поцеловала его, баюкала на груди, а в душе говорила себе: "О, сэра Клиффорд, великий и могучий Чаттерли!
Is this what you've come down to!'	До чего вы опустились!"
And finally he even went to sleep, like a child.	Клиффорд плакал, пока не уснул, всхлипывая, как ребенок.

And she felt worn out, and went to her own room, where she laughed and cried at once, with a hysteria of her own.	А миссис Болтон, выжатая, как лимон, удалилась к себе в комнату; она смеялась и плакала, с ней тоже приключилось что-то вроде истерики.
It was so ridiculous! It was so awful! Such a come-down!	Это так смешно! Так ужасно! Такое падение!
So shameful! And it was so upsetting as well.	Такой позор! И в общем такое расстройство всего!
After this, Clifford became like a child with Mrs Bolton.	С того дня Клиффорд стал вести себя с миссис Болтон совсем как ребенок.
He would hold her h, and rest his head on her breast, and when she once lightly kissed him, he said! 'Yes! Do kiss me! Do kiss me!' And when she sponged his great blond body, he would say the same! 'Do kiss me!' and she would lightly kiss his body, anywhere, half in mockery.	Он держал ее за руку, покоил голову у нее на груди; как-то раз она поцеловала его ласково, и он стал просить: "Да, да, целуйте меня, целуйте!"; в ее обязанности входило мыть губкой его белое рыхлое тело; он просил целовать его; и она целовала его везде, как бы в шутку.
And he lay with a queer, blank face like a child, with a bit of the wonderment of a child.	Он лежал на кровати покорно, как ребенок, со странным, тусклым лицом, на котором чуть проглядывало детское изумление.
And he would gaze on her with wide, childish eyes, in a relaxation of madonna-worship.	Он смотрел на нее широко открытыми детскими глазами, как верующий на мадонну.
It was sheer relaxation on his part, letting go all his manhood, and sinking back to a childish position that was really perverse.	С ней его нервы полностью расслаблялись, мужское достоинство исчезало, он возвращался в детство; все это, конечно, было патологией, ненормальностью.
And then he would put his hand into her bosom and feel her breasts, and kiss them in exultation, the exultation of perversity, of being a child when he was a man.	Он запускал ей руку за пазуху, трогал груди, целовал их с восторгом младенца - болезненным, экзальтированным восторгом. И это был мужчина!
Mrs Bolton was both thrilled and ashamed, she both loved and hated it.	Миссис Болтон и волновали эти ласки, и вызывали краску стыда. Это было сложное чувство, любовь-ненависть.
Yet she never rebuffed nor rebuked him.	Она ни разу не остановила его, ни разу не возмутилась.
And they drew into a closer physical intimacy, an intimacy of perversity, when he was a child stricken with an apparent candour and an apparent wonderment, that looked almost like a religious exaltation: the perverse and literal rendering of:	Мало-помалу они перешли к более интимной близости, близости аномальной: он вел себя как ребенок, впавший в состояние сродни религиозной экзальтации, озаренный искренней и чудесной верой, буквальная, но патологическая иллюстрация библейского

'except ye become again as a little child'.—While she was the Magna Mater, full of power and potency, having the great blond child-man under her will and her stroke entirely.	изречения "будьте как дети". Она же выступала в роли Magna Mater [великая мать (лат.)], исполненной животворящей силы, на попечении которой оказался белокурый исполин, мужчина-мальчик.
The curious thing was that when this child-man, which Clifford was now and which he had been becoming for years, emerged into the world, it was much sharper and keener than the real man he used to be.	И что удивительно, когда этот мужчина-мальчик - Клиффорд был им теперь в полном смысле слова, он шел к этому многие годы - явился на свет, в делах он оказался гораздо умнее и проницательнее, чем в бытность свою просто мужчиной.

This perverted child-man was now a real business-man; when it was a question of affairs, he was an absolute he-man, sharp as a needle, and impervious as a bit of steel.	Это патологическое существо "мужчина-мальчик" стало настоящим деловым человеком; Клиффорд вел теперь свои дела, как подобает сильной личности.
When he was out among men, seeking his own ends, and 'making good' his colliery workings, he had an almost uncanny shrewdness, hardness, and a straight sharp punch.	В мире бизнеса это был настоящий мужчина, острый, как стальная игла, неуступчивый, как кремень; он ясно видел свои цели и выгодно продавал уголь своих шахт; обладал почти сверхъестественной проницательностью, твердостью и прямым метким ударом.
It was as if his very passivity and prostitution to the Magna Mater gave him insight into material business affairs, and lent him a certain remarkable inhuman force.	Как будто отречение от своего достоинства, служение Magna Mater были вознаграждены блестящими деловыми способностями, некой сверхчеловеческой силой.
The wallowing in private emotion, the utter abasement of his manly self, seemed to lend him a second nature, cold, almost visionary, business-clever.	Купание в своих эмоциях, полное подавление мужского "я" родили в нем вторую натуру -холодную, почти мистическую - натуру умного дельца.
In business he was quite inhuman.	Человеческие чувства на деловом поприще для него не существовали.
And in this Mrs Bolton triumphed. 'How he's getting on!' she would say to herself in pride. 'And that's my doing!'	Миссис Болтон торжествовала. "Сэр Клиффорд идет в гору, - говорила она себе с гордостью, - и это моя заслуга.
My word, he'd never have got on like this with Lady Chatterley.	С леди Чаттерли ему никогда не сопутствовал такой успех.
She was not the one to put a man forward.	Она не из тех женщин, кто помогает мужьям.
She wanted too much for herself.'	Слишком занята собой".
At the same time, in some corner of her weird female soul, how she despised him and hated him!	И вместе с тем в каком-то закоулке своей загадочной женской души она презирала его и даже порой ненавидела!
He was to her the fallen beast, the squirming monster.	Он был для нее поверженным львом, судорожно извивающимся драконом.
And while she aided and abetted him all she could, away in the remotest corner of her ancient healthy womanhood she despised him with a savage contempt that knew no bounds.	Да, она помогала ему и всячески вдохновляла, но, бессознательно повинуюсь древнему женскому инстинкту, презирала его бесконечным презрением дикаря.
The merest tramp was better than he.	Самый последний бродяга в ее глазах был и то более достоин уважения.
His behaviour with regard to Connie was curious.	Его отношение к Конни было необъяснимым.
He insisted on seeing her again.	Он настаивал на встрече.
He insisted, moreover, on her coming to Wragby.	Более того, он требовал, чтобы она приехала в Рагби.
On this point he was finally and absolutely fixed.	Настаивал бесповоротно.
Connie had promised to come back to Wragby, faithfully.	Конни дала слово вернуться и должна его сдержать.

'But is it any use?' said Mrs Bolton. 'Can't you let her go, and be rid of her?'	- Какой в этом смысл? - спросила миссис Болтон. - Разве нельзя отпустить ее раз и навсегда?
--	---

'No! She said she was coming back, and she's got to come.'	- Ни в коем случае. Она обещала вернуться и пусть возвращается.
Mrs Bolton opposed him no more.	Миссис Болтон не стала спорить.
She knew what she was dealing with.	Она знала, с каким характером имеет дело.
I needn't tell you what effect your letter has had on me [he wrote to Connie to London]. Perhaps you can imagine it if you try, though no doubt you won't trouble to use your imagination on my behalf.	"Не буду говорить тебе, какое действие оказало на меня твое письмо, - писал он Конни, - но если бы ты захотела, то легко могла бы вообразить -какое. Впрочем, вряд ли ты станешь напрягать ради меня воображение.
I can only say one thing in answer: I must see you personally, here at Wragby, before I can do anything.	Скажу тебе одно: я смогу принять решение только после того, как увижу тебя здесь, в Рагби.
You promised faithfully to come back to Wragby, and I hold you to the promise.	Ты дала слово, что вернешься, и должна вернуться.
I don't believe anything nor understand anything until I see you personally, here under normal circumstances.	Пока я не увижу тебя в нормальной обстановке, я ничему не поверю и ничего не пойму.
I needn't tell you that nobody here suspects anything, so your return would be quite normal.	Нет нужды объяснять тебе, что в Рагби-холле никто ничего не знает, так что твое возвращение будет принято как само собой разумеющееся.
Then if you feel, after we have talked things over, that you still remain in the same mind, no doubt we can come to terms.	И если после нашего разговора ты не изменишь своего решения, тогда, можешь не сомневаться, мы придем к разумному соглашению".
Connie showed this letter to Mellors.	Конни показала письмо Меллорсу.
'He wants to begin his revenge on you,' he said, handing the letter back.	- Сэр Клиффорд начинает мстить, - заметил он, возвращая письмо.
Connie was silent.	Конни молчала.
She was somewhat surprised to find that she was afraid of Clifford.	Ей было странно признаться себе, что она побаивается Клиффорда.
She was afraid to go near him. She was afraid of him as if he were evil and dangerous.	Побаивается, как если бы он был носителем какого-то злого и опасного начала.
'What shall I do?' she said.	- Что же мне делать? - сказала она.
'Nothing, if you don't want to do anything.'	- Ничего. Если не хочется, ничего не делай.
She replied, trying to put Clifford off.	Она ответила Клиффорду, стараясь как-то отговориться.
He answered: If you don't come back to Wragby now, I shall consider that you are coming back one day, and act accordingly.	И получила такой ответ: "Если ты не вернешься в Рагби сейчас, ничего не изменится, рано или поздно тебе все равно придется приехать, чтобы вместе все обсудить.
I shall just go on the same, and wait for you here, if I wait for fifty years.	Остаюсь при своем решении и буду ждать тебя хоть сто лет".

She was frightened.	Конни стало страшно.
This was bullying of an insidious sort.	Это был коварный шантаж.
She had no doubt he meant what he said.	Она не сомневалась - на попятный он не пойдет.
He would not divorce her, and the child would be his, unless she could find some means of establishing its illegitimacy.	Развода ей не даст, родившийся ребенок будет считаться его ребенком, если она не найдет способа доказать незаконность его рождения.
After a time of worry and harassment, she decided to go to Wragby. Hilda would go with her.	После нескольких дней терзаний она решила ехать в Рагби, взяв с собой Хильду.
She wrote this to Clifford.	И отправила Клиффорду соответствующее письмо.
He replied:	Он ответил:
I shall not welcome your sister, but I shall not deny her the door.	"У меня нет желания видеть твою сестру, но, разумеется, двери я перед ней не захлопну.
I have no doubt she has connived at your desertion of your duties and responsibilities, so do not expect me to show pleasure in seeing her.	Ты преступила свой долг, нарушила обязательства, и она, конечно, этому потворствовала. Поэтому не ожидай, что я проявлю восторг, увидев ее".
They went to Wragby.	И сестры отправились в Рагби-холл.
Clifford was away when they arrived.	В час их приезда Клиффорда не было дома.
Mrs Bolton received them.	Встретила их миссис Болтон.
'Oh, your Ladyship, it isn't the happy home-coming	- О, ваша милость! - воскликнула сиделка. - Не о таком

we hoped for, is it!' she said.	вашем возвращении мы мечтали!
'Isn't it?' said Connie.	- Не о таком, - согласилась Конни.
So this woman knew!	Значит, миссис Болтон все знает.
How much did the rest of the servants know or suspect?	А остальные слуги - знают ли они, подозревают ли о чем-то?
She entered the house, which now she hated with every fibre in her body.	Она вошла в дом, который ненавидела теперь лютой ненавистью.
The great, rambling mass of a place seemed evil to her, just a menace over her.	Огромное, беспорядочное строение казалось ей олицетворением зла, грозно нависшего над ней.
She was no longer its mistress, she was its victim.	Она больше не была в нем хозяйкой, она была его жертвой.
'I can't stay long here,' she whispered to Hilda, terrified.	- Долго я здесь не выдержу, - шепнула она Хильде чуть ли не в панике.
And she suffered going into her own bedroom, re-entering into possession as if nothing had happened.	С тоской в сердце отворила дверь в спальню и вступила в нее, как будто ничего не случилось.
She hated every minute inside the Wragby walls.	Каждый миг в стенах Рагби-холла был ей хуже пытки.
They did not meet Clifford till they went down to dinner.	Они увидели Клиффорда только за обедом.

He was dressed, and with a black tie: rather reserved, and very much the superior gentleman.	Он был в смокинге, вел себя сдержанно - джентльмен до корней волос.
He behaved perfectly politely during the meal and kept a polite sort of conversation going: but it seemed all touched with insanity.	За обедом он был безукоризненно учтив, поддерживал вежливый, ничего не значащий разговор; и одновременно на всем, что он делал и говорил, лежал отпечаток безумия.
'How much do the servants know?' asked Connie, when the woman was out of the room.	- Что известно слугам? - спросила Конни, когда миссис Болтон вышла из комнаты.
'Of your intentions? Nothing whatsoever.'	- О твоём намерении? Ровным счетом ничего.
'Mrs Bolton knows.'	- Миссис Болтон знает.
He changed colour.	Клиффорд изменился в лице.
'Mrs Bolton is not exactly one of the servants,' he said.	- Я не причисляю миссис Болтон к прислуге, - сказал он.
Oh, I don't mind.'	- Да я ведь не возражаю.
There was tension till after coffee, when Hilda said she would go up to her room.	Напряжение не ослабело и во время кофеития. После кофе Хильда сказала, что поднимается к себе.
Clifford and Connie sat in silence when she had gone.	После ее ухода Клиффорд и Конни какое-то время сидели молча.
Neither would begin to speak.	Ни один не решался заговорить.
Connie was so glad that he wasn't taking the pathetic line, she kept him up to as much haughtiness as possible.	Конни была рада, что он не распустил перед ней нюни. Уж лучше пусть держит себя с высокомерной заносчивостью.
She just sat silent and looked down at her hands.	Она сидела молча, разглядывая свои руки.
'I suppose you don't at all mind having gone back on your word?' he said at last.	- Я полагаю, - наконец начал он, - ты без всякого угрызения совести нарушила данное слово.
'I can't help it,' she murmured.	- Я в этом меньше всего виновата.
'But if you can't, who can?'	- Кто же виноват?
'I suppose nobody.'	- Никто, наверное.
He looked at her with curious cold rage.	Он окинул ее холодным, полным ярости взглядом.
He was used to her.	Он так привык к ней.
She was as it were embedded in his will.	Он даже включил ее в завещание.
How dared she now go back on him, and destroy the fabric of his daily existence?	Как смела она предать его, разрушить канву их каждодневного существования?
How dared she try to cause this derangement of his personality?	Как смела устроить в его душе такой погром?
'And for what do you want to go back on everything?' he insisted.	- И ради чего же ты изволила так все взять и бросить?

'Love!' she said. It was best to be hackneyed.	- Ради любви. Пожалуй, самое лучшее - пойти с этой карты.
Love of Duncan Forbes?	- Ради любви к Дункану Форбсу?

But you didn't think that worth having, when you met me.	Но вспомни, когда мы познакомились, чаша весов перетянула в мою сторону.
Do you mean to say you now love him better than anything else in life?'	И ты хочешь меня убедить теперь, что любишь его больше всего на свете?
'One changes,' she said.	- Люди меняются.
'Possibly! Possibly you may have whims.	- Возможно! Возможно, это твоя прихоть.
But you still have to convince me of the importance of the change.	Но тебе еще придется доказать мне необходимость столь крутых перемен.
I merely don't believe in your love of Duncan Forbes.'	Я просто не верю в твою любовь к Дункану Форбсу.
'But why should you believe in it?'	- При чем здесь "верю - не верю"?
You have only to divorce me, not to believe in my feelings.'	От тебя требуется одно - дать мне развод. Какое отношение имеет к этому искренность моих чувств?
'And why should I divorce you?'	- А почему, в сущности, я должен дать тебе развод?
'Because I don't want to live here any more.	- Потому что я не хочу больше здесь жить.
And you really don't want me.'	Да и ты не хочешь, чтобы мы были вместе.
Pardon me! I don't change.	- Ну уж извини меня. Мои чувства неизменны.
For my part, since you are my wife, I should prefer that you should stay under my roof in dignity and quiet.	К тому же ты - моя жена. И я хочу, чтобы ты жила под моей крышей достойно и покойно.
Leaving aside personal feelings, and I assure you, on my part it is leaving aside a great deal, it is bitter as death to me to have this order of life broken up, here in Wragby, and the decent round of daily life smashed, just for some whim of yours.'	Если отбросить чувства, а мне это, уверяю тебя, нелегко, то перспектива потухшего семейного очага представляется мне страшнее смерти. И ради чего? Ради твоего каприза?
After a time of silence she said:	Подумав немного, Конни ответила:
'I can't help it. I've got to go.	- Ничего не поделаешь. Мы должны расстаться.
I expect I shall have a child.'	У меня, наверное, будет ребенок.
He too was silent for a time.	Он тоже задумался.
'And is it for the child's sake you must go?' he asked at length.	- И ты хочешь уйти отсюда из-за ребенка? - наконец сказал он.
She nodded.	Она кивнула.
'And why?'	- Почему?
Is Duncan Forbes so keen on his spawn?'	Неужели Дункан Форбс так уж озабочен судьбой своего потомства?
'Surely keener than you would be,' she said.	- Гораздо больше, чем был бы ты.
'But really? I want my wife, and I see no reason for letting her go.	- Ты так полагаешь? Но я не хочу расставаться с женой. И я не вижу причин, почему я должен отпустить ее.

If she likes to bear a child under my roof, she is welcome, and the child is welcome: provided that the decency and order of life is preserved.	Она может растить ребенка под моей крышей, если, конечно, все будет в рамках приличия.
Do you mean to tell me that Duncan Forbes has a greater hold over you?	Ты хочешь меня убедить, что Дункан Форбс мил тебе больше, чем я?
I don't believe it.'	Никогда этому не поверю!
There was a pause.	Опять воцарилось молчание.
'But don't you see,' said Connie. 'I must go away from you, and I must live with the man I love.'	- Ну неужели ты не можешь понять, - прервала молчание Конни, - я хочу уйти от тебя, чтобы жить с человеком, которого люблю.
'No, I don't see it!	- Не понимаю.
I don't give tuppence for your love, nor for the man	Я за твою любовь не дам и ломаного гроша. Вместе с

you love.	человеком, которого ты любишь.
I don't believe in that sort of cant.'	Это все ханжество и ложь.
But you see, I do.'	- У меня на этот счет иное мнение.
'Do you?	- Иное?
My dear Madam, you are too intelligent, I assure you, to believe in your own love for Duncan Forbes.	Моя дорогая жена! Уверяю тебя, ты сама не веришь в любовь к Дункану Форбсу. Ты для такой любви слишком умна.
Believe me, even now you really care more for me.	Поверь мне, даже сейчас ты питаешь ко мне большую симпатию.
So why should I give in to such nonsense!'	И ты ожидаешь, что я клюну на эту глупость?
She felt he was right there.	Конни понимала, что он прав.
And she felt she could keep silent no longer.	И больше не могла ломать комедию.
Because it isn't Duncan that I do love,' she said, looking up at him.	- Дело в том, что люблю я не Дункана, - Конни твердо посмотрела ему в глаза.
'We only said it was Duncan, to spare your feelings.'	- Мы назвали Дункана, чтобы пощадить твои чувства.
'To spare my feelings?'	- Пощадить мои чувства?
'Yes! Because who I really love, and it'll make you hate me, is Mr Mellors, who was our game-keeper here.'	- Да. Потому что на самом деле я люблю другого человека. Узнав, кто он, ты возненавидишь меня. Это мистер Меллорс, он был здесь егерем.
If he could have sprung out of his chair, he would have done so.	Если бы он мог соскочить со своего стула, он бы соскочил.
His face went yellow, and his eyes bulged with disaster as he glared at her.	Его лицо пошло желтыми пятнами, глаза выпучились, в них она прочитала - полный крах всему.
Then he dropped back in the chair, gasping and looking up at the ceiling.	Он откинулся на спинку стула и, тяжело дыша, воззрился в потолок.
At length he sat up.	В конце концов сел прямо.

'Do you mean to say you re telling me the truth?' he asked, looking gruesome.	- Ты хочешь сказать, что на этот раз не обманываешь меня? - сказал он, ненавидяще глядя на нее.
'Yes! You know I am.'	- Ты и сам знаешь, что это правда.
'And when did you begin with him?'	- И когда у вас с ним началось?
'In the spring.'	- Весной.
He was silent like some beast in a trap.	Он молчал затравленно, как попавший в капкан зверь.
'And it was you, then, in the bedroom at the cottage?'	- Все-таки это ты была у него в спальне?
So he had really inwardly known all the time.	Значит, в глубине души он все знал.
'Yes!'	- Да я!
He still leaned forward in his chair, gazing at her like a cornered beast. 'My God, you ought to be wiped off the face of the earth!'	- Боже правый! Тебя мало стереть с лица земли.
'Why?' she ejaculated faintly.	- За что? - едва слышно прошептала она.
But he seemed not to hear.	Но он, казалось, не слышал ее.
That scum! That bumptious lout! That miserable cad!	- Этот мерзавец! Это ничтожество! Этот возомнивший о себе мужик!
And carrying on with him all the time, while you were here and he was one of my servants!	И ты! Жила здесь и все это время путалась, с ним, с одним из моих слуг.
My God, my God, is there any end to the beastly lowness of women!'	Боже мой! Боже мой! Есть ли предел женской низости!
He was beside himself with rage, as she knew he would be.	Он был вне себя от гнева, возмущения, ярости. Она ничего другого и не ожидала.
'And you mean to say you want to have a child to a cad like that?'	- И ты говоришь, что хочешь ребенка от этой мерзости?
'Yes! I'm going to.'	- Да, хочу. И он у меня будет.
'You're going to! You mean you're sure!'	- Будет? Значит, ты уверена?
How long have you been sure?'	Когда ты это поняла?
'Since June.'	- В июне.
He was speechless, and the queer blank look of a	Он замолчал, и в его лице опять появилось странное,

child came over him again.	детское выражение непричастности.
'You'd wonder,' he said at last, 'that such beings were ever allowed to be born.'	- Диву даешься, - наконец выговорил он, - как подобных людей земля носит.
'What beings?' she asked.	- Каких людей?
He looked at her weirdly, without an answer.	Он дико посмотрел на нее, не удостоивая ответом.
It was obvious, he couldn't even accept the fact of the existence of Mellors, in any connexion with his own life.	Было очевидно, он просто не в состоянии даже помыслить о малейшей связи между существованием Меллорса и собственной жизнью.

It was sheer, unspeakable, impotent hate.	Это была чистая, огромная и бессильная ненависть.
'And do you mean to say you'd marry him?—and bear his foul name?' he asked at length.	- И ты говоришь, что хочешь выйти за него замуж? Носить это подлое имя?
'Yes, that's what I want.'	- Хочу.
He was again as if dumbfounded.	И опять его точно громом ударило.
'Yes!' he said at last. 'That proves that what I've always thought about you is correct: you're not normal, you're not in your right senses.'	- Да, - наконец обрел он дар речи. - Это только доказывает, что я никогда не заблуждался на твой счет: ты ненормальна, не в своем уме.
You're one of those half-insane, perverted women who must run after depravity, the <i>nostalgie de la boue</i> .'	Ты одна из тех полоумных, с патологическим отклонением женщин, которых влечет порок, <i>nostalgic de la boue</i> [ностальгия по навозной жиже(фр)].
Suddenly he had become almost wistfully moral, seeing himself the incarnation of good, and people like Mellors and Connie the incarnation of mud, of evil.	Неожиданно в нем проснулся обличитель, бичующий современную порчу нравов. Он сам - воплощение всех добродетелей. Она, Меллорс и иже с ними - олицетворение зла, грязи.
He seemed to be growing vague, inside a nimbus.	Вещая, он как бы стал утрачивать плотность, а вокруг головы почти засветился нимб.
'So don't you think you'd better divorce me and have done with it?' she said.	- Теперь ты видишь, самое лучшее развестись со мной и на этом поставить точку, - резюмировала Конни.
'No! You can go where you like, but I shan't divorce you,' he said idiotically.	- Ну уж нет! Ты можешь убраться куда угодно, но развода я тебе не дам, - с идиотской непоследовательностью заявил он.
'Why not?'	- Почему?
He was silent, in the silence of imbecile obstinacy.	Он молчал, одержимый тупым упрямством.
'Would you even let the child be legally yours, and your heir?' she said.	- Ты предпочитаешь, чтобы ребенок считался твоим законным сыном и наследником?
I care nothing about the child.'	- До ребенка мне дела нет.
'But if it's a boy it will be legally your son, and it will inherit your title, and have Wragby.'	- Но если родится мальчик, он будет согласно закону твоим сыном и унаследует твой титул и поместье.
I care nothing about that,' he said.	- Мне все равно.
'But you must! I shall prevent the child from being legally yours, if I can.'	- Но ты должен подумать об этом. Я, конечно, сделаю все, чтобы ребенок юридически не считался твоим.
I'd so much rather it were illegitimate, and mine: if it can't be Mellors'.'	Пусть он будет незаконнорожденным, если не может носить имя родного отца.
Do as you like about that.'	- Поступай, как сочтешь нужным.
He was immovable.	Он был неумолим.
'And won't you divorce me?' she said. 'You can use Duncan as a pretext!'	- Так ты не дашь мне развода? Причиной может служить Дункан. Он не возражает.

There'd be no need to bring in the real name. Duncan doesn't mind.'	А настоящее имя может вообще не фигурировать.
'I shall never divorce you,' he said, as if a nail had been driven in.	- Я никогда с тобой не разведусь, - сказал, как вогнал последний гвоздь.
'But why?'	- Почему?
Because I want you to?'	Потому что я этого хочу?
Because I follow my own inclination, and I'm not inclined to.'	- Потому что я всегда действовал по собственному разумению.
It was useless. She went upstairs and told	И сейчас мне представляется самым разумным не разводиться. Спорить с ним было бесполезно, Конни пошла

Hilda the upshot.	наверх, рассказала Хильде.
'Better get away tomorrow,' said Hilda, 'and let him come to his senses.'	- Завтра едем обратно, - решила та. - Надо дать ему время опаматоваться.
So Connie spent half the night packing her really private and personal effects.	Полночи Конни упаковывала личные, ей принадлежавшие вещи.
In the morning she had her trunks sent to the station, without telling Clifford.	Утром отправила чемоданы на станцию, не сказав Клиффорду.
She decided to see him only to say good-bye, before lunch.	Они увидятся перед самым завтраком, только чтобы проститься.
But she spoke to Mrs Bolton.	А вот с миссис Болтон надо перед расставанием поговорить.
'I must say good-bye to you, Mrs Bolton, you know why.	- Я пришла попрощаться с вами, - сказала она сиделке.
But I can trust you not to talk.'	- Вам все известно, но я рассчитываю на вашу скромность.
'Oh, you can trust me, your Ladyship, though it's a sad blow for us here, indeed.	- О, ваша милость, на меня можете положиться. Но это для всех нас такой удар.
But I hope you'll be happy with the other gentleman.'	Надеюсь, вы будете счастливы с этим джентльменом.
The other gentleman!	- Этот джентльмен!
It's Mr Mellors, and I care for him.	Ведь это Меллорс, и я люблю его.
Sir Clifford knobs.	Сэр Клиффорд знает.
But don't say anything to anybody.	Об одном прошу вас - ничего никому не рассказывайте.
And if one day you think Sir Clifford may be willing to divorce me, let me know, will you?	Если вдруг увидите, что сэр Клиффорд согласен на развод, дайте мне знать.
I should like to be properly married to the man I care for.'	Я хочу юридически оформить отношения с человеком, которого люблю.
'I'm sure you would, my Lady. Oh, you can trust me.	- Я так понимаю вас, ваша милость! Можете рассчитывать на мое содействие.
I'll be faithful to Sir Clifford, and I'll be faithful to you, for I can see you're both right in your own ways.'	Я не предаю ни сэра Клиффорда, ни вас. Потому что вижу - вы оба по-своему правы.

'Thank you!	- Благодарю вас.
And look! I want to give you this—may I?'	И позвольте подарить вам вот это...
So Connie left Wragby once more, and went on with Hilda to Scotland.	И Конни вторично покинула Рагби-холл. Они с Хильдой отправились в Шотландию.
Mellors went into the country and got work on a farm. The idea was, he should get his divorce, if possible, whether Connie got hers or not.	Конни осталось только ждать, когда в Клиффорде вновь заговорит здравый смысл.
And for six months he should work at farming, so that eventually he and Connie could have some small farm of their own, into which he could put his energy.	Меллорс уехал куда-то в глушь, будет полгода работать на ферме, пока тянется дело о разводе. Они с Конни купят впоследствии ферму, куда он сможет вкладывать свою силу и энергию.
For he would have to have some work, even hard work, to do, and he would have to make his own living, even if her capital started him.	У него должно быть свое занятие, пусть даже тяжелый физический труд. Деньги Конни только первоначальный вклад.
So they would have to wait till spring was in, till the baby was born, till the early summer came round again.	А пока надо ждать - ждать новой весны, рождения ребенка, будущего лета.
The Grange Farm Old Heanor 29 September	"Ферма Грейндж, Олд Хинор, 29 сентября.
I got on here with a bit of contriving, because I knew Richards, the company engineer, in the army.	Я оказался на этой ферме по воле случая: инженер компании Ричардс - мой старый знакомый по армии.
It is a farm belonging to Butler and Smitham Colliery Company, they use it for raising hay and oats for the pit-ponies; not a private concern.	Ферма принадлежит угольной компании "Батлер и Смиттэм". Мы сеем овес и заготавливаем сено для шахтных пони.
But they've got cows and pigs and all the rest of it, and I get thirty shillings a week as labourer.	На ферме есть коровы, свиньи и другая живность. Я нанят подсобным рабочим и получаю тридцать шиллингов в неделю.
Rowley, the farmer, puts me on to as many jobs as he can, so that I can learn as much as possible between now and next Easter.	Роули, фермер, взвалил на меня все, что мог, - за эти полгода к следующей Пасхе я должен выучиться фермерскому труду.

I've not heard a thing about Bertha.	От Берты ни слуху, ни духу.
I've no idea why she didn't show up at the divorce, nor where she is nor what she's up to.	Понятия не имею, где она, почему не явилась в суд на первое слушание, и вообще, что у нее на уме.
But if I keep quiet till March I suppose I shall be free.	Но надеюсь, что если я буду вести себя тихо, то уже в марте стану свободным человеком.
And don't you bother about Sir Clifford.	Пожалуйста, не волнуйся из-за сэра Клиффорда.
He'll want to get rid of you one of these days.	Не сомневаюсь, он очень скоро сам захочет от тебя избавиться.
If he leaves you alone, it's a lot.	Уже и то хорошо, что он не докучает тебе.
I've got lodging in a bit of an old cottage in Engine Row very decent.	Я снимаю комнату в старом, но вполне приличном доме в Энджин-роу.
The man is engine-driver at High Park, tall, with a beard, and very chapel.	Хозяин работает машинистом в Хай-парк. Он высокий, с бородой, и до мозга костей нонконформист.

The woman is a birdy bit of a thing who loves anything superior. King's English and allow-me! all the time.	Хозяйка, маленькая, похожая на птичку, очень любит все высококородное и все свои разговоры начинает с "позвольте мне...".
But they lost their only son in the war, and it's sort of knocked a hole in them.	Они потеряли на войне сына, и это наложило на них неизгладимый отпечаток.
There's a long gawky lass of a daughter training for a school-teacher, and I help her with her lessons sometimes, so we're quite the family.	У них есть дочь, длинное, как жердь, застенчивое существо. Она учится на школьного преподавателя, я ей иногда помогаю, так что у нас получилось что-то вроде семейного круга.
But they're very decent people, and only too kind to me.	Но в общем они приятные, вполне порядочные люди. И, пожалуй, уж слишком добры со мной.
I expect I'm more coddled than you are.	Думаю, что жизнь сейчас более милостива ко мне, чем к тебе.
I like farming all right.	Работа на ферме мне по душе.
It's not inspiring, but then I don't ask to be inspired.	Утонченных радостей она не дает, да я их и не искал.
I'm used to horses, and cows, though they are very female, have a soothing effect on me.	Я умею обращаться с лошадьми, а коровы, хотя в них слишком много женской покорности, явно оказывают на меня успокаивающее действие.
When I sit with my head in her side, milking, I feel very solaced.	Когда я дою, уткнувшись головой в теплый бок, то чувствую прямо-таки утешение.
They have six rather fine Herefords.	На ферме шесть довольно хороших херефордширок.
Oat-harvest is just over and I enjoyed it, in spite of sore hands and a lot of rain.	Только что кончили жать овес, если бы не дождь и мозоли на ладонях, занятие вполне пристойное.
I don't take much notice of people, but get on with them all right.	С здешними людьми я общаюсь немного, но отношения со всеми хорошие.
Most things one just ignores.	На многое надо просто закрывать глаза.
The pits are working badly; this is a colliery district like Tevershall. only prettier.	Шахты работают плохо; район этот шахтерский, мало чем отличающийся от Тивершолла, только более живописный.
I sometimes sit in the Wellington and talk to the men.	Иногда захоживаю в местный кабачок "Веллингтон", болтаю с шахтерами.
They grumble a lot, but they're not going to alter anything.	Они высказываются очень резко, но менять ничего не хотят.
As everybody says, the Notts-Derby miners have got their hearts in the right place.	Знаешь, как говорят про наших шахтеров - "сердце у них на месте".
But the rest of their anatomy must be in the wrong place, in a world that has no use for them.	Сердце, может, на месте, а вот вся остальная анатомия - хоть плачь. Лишние они в этом мире.
I like them, but they don't cheer me much: not enough of the old fighting-cock in them.	В целом они мне нравятся, но не вдохновляют, нет в них бойцовского азарта.

They talk a lot about nationalization, nationalization of royalties, nationalization of the whole industry.	Они много говорят о национализации шахт, всей угольной промышленности.
But you can't nationalize coal and leave all the other industries as they are.	Но ведь нельзя национализировать только уголь, оставив все остальное как есть.
They talk about putting coal to new uses, like Sir	Говорят о каком-то новом применении угля, что-

Clifford is trying to do.	то вроде затей сэра Клиффорда.
It may work here and there, but not as a general thing. I doubt.	Кое-где, может, это и сработает, но строить на этом будущее, мне кажется, нельзя.
Whatever you make you've got to sell it.	В какой бы вид топлива ни превратить уголь, его все равно надо продать.
The men are very apathetic.	Рабочие настроены пессимистично.
They feel the whole damned thing is doomed, and I believe it is.	Они считают, что угольная промышленность обречена, и я думаю, они правы.
And they are doomed along with it.	А с промышленностью обречены и они.
Some of the young ones spout about a Soviet, but there's not much conviction in them.	Многие поговаривают о Советах, но убежденности в их голосах не слышно.
There's no sort of conviction about anything, except that it's all a muddle and a hole.	Они убеждены в одном: все - мрак и беспросветность.
Even under a Soviet you've still got to sell coal: and that's the difficulty.	Ведь и при Советах уголь надо кому-то продавать.
We've got this great industrial population, and they've got to be fed, so the damn show has to be kept going somehow.	В стране существует огромная армия индустриальных рабочих, которые хотят есть; так что эта дьявольская машина должна, пусть через пень-колоду, крутиться.
The women talk a lot more than the men, nowadays, and they are a sight more cock-sure.	Как ни странно, женщины куда более решительны, чем мужчины; кричат, во всяком случае, громче.
The men are limp, they feel a doom somewhere, and they go about as if there was nothing to be done. Anyhow, nobody knows what should be done in spite of all the talk, the young ones get mad because they've no money to spend.	Мужчины совсем пали духом, на лицах у них безысходность. Но в общем, никто толком не знает, что делать, несмотря на разговоры. Молодые бесятся, потому что у них нет денег, а кругом столько соблазна.
Their whole life depends on spending money, and now they've got none to spend.	Они видят смысл жизни в приобретательстве, а приобретать не на что.
That's our civilization and our education: bring up the masses to depend entirely on spending money, and then the money gives out.	Такова наша цивилизация, таково наше просвещение: в людях воспитывается только одна потребность - тратить деньги.
The pits are working two days, two and a half days a week, and there's no sign of betterment even for the winter.	А гарантии их заработать нет. Шахты действуют два, два с половиной дня в неделю, и никакого улучшения не предвидится даже в преддверии зимы.
It means a man bringing up a family on twenty-five and thirty shillings.	Это значит, кормилец приносит в семью двадцать пять - тридцать шиллингов в неделю.

The women are the maddest of all. But then they're the maddest for spending, nowadays.	Больше всех возмущены женщины, но ведь они больше всех и тратят.
If you could only tell them that living and spending isn't the same thing!	Кто бы внушил им, что жить и тратить деньги не одно и то же.
But it's no good.	Но им ничего не внушишь.
If only they were educated to live instead of earn and spend, they could manage very happily on twenty-five shillings.	Если бы их учили в школе жить, а не зарабатывать и тратить, они могли бы прекрасно обходиться двадцатью пятью шиллингами.
If the men wore scarlet trousers as I said, they wouldn't think so much of money: if they could dance and hop and skip, and sing and swagger and be handsome, they could do with very little cash.	Если бы мужчины, как я тебе говорил, щеголяли в алых штанах, они не думали бы так много о деньгах, если бы они пели, плясали и веселились, они бы умели довольствоваться малым.
And amuse the women themselves, and be amused by the women.	Они любили бы женщин, и женщины любили бы их.
They ought to learn to be naked and handsome, and to sing in a mass and dance the old group dances, and carve the stools they sit on, and embroider their own emblems.	И никто не стеснялся бы наготы; их надо учить петь и плясать, водить на лужайках старинные хороводы; делать резную мебель, вышивать узоры.
Then they wouldn't need money.	Тогда бы им хватало и нескольких шиллингов.
And that's the only way to solve the industrial problem: train the people to be able to live and live in handsomeness, without needing to spend.	Единственный способ покончить с индустриальным обществом - научить людей жить разумно и красиво, без мотовства.
But you can't do it.	Но это невозможно.

They're all one-track minds nowadays.	У всех сегодня одно на уме - приобретать, приобретать.
Whereas the mass of people oughtn't even to try to think, because they can't.	А бедняки к тому же просто ни о чем другом и не умеют думать.
They should be alive and frisky, and acknowledge the great god Pan.	Им бы жить и веселиться, поклоняясь великому, доброму Пану.
He's the only god for the masses, forever.	Вот единственный Бог для простых смертных во все времена.
The few can go in for higher cults if they like.	Конечно, одиночки могут по желанию причислять себя к более высоким религиям.
But let the mass be forever pagan.	Но народ должен поклоняться языческим богам.
But the colliers aren't pagan, far from it.	А наши шахтеры - не язычники, отнюдь.
They're a sad lot, a deadened lot of men: dead to their women, dead to life.	Это печальное племя, мертвяки.
The young ones scoot about on motor-bikes with girls, and jazz when they get a chance, But they're very dead.	Их не могут разгорячить ни женщины, ни сама жизнь. Молодые парни носятся на мотоциклах с девчонками и танцуют под джаз, если повезет. Но и они мертвяки, еще какие.
And it needs money.	И на все нужны деньги.
Money poisons you when you've got it, and starves you when you haven't.	Деньги, если они есть, - трава; если нет - голодная смерть.

I'm sure you're sick of all this.	Я уверен, что и тебе все это отвратительно.
But I don't want to harp on myself, and I've nothing happening to me.	О себе распространяться не буду, в данную минуту ничего плохого со мной не происходит.
I don't like to think too much about you, in my head, that only makes a mess of us both.	Я стараюсь не думать о тебе слишком много, а то вдруг до чего-нибудь додумаюсь.
But, of course, what I live for now is for you and me to live together.	Но, конечно, живу я сейчас только ради нашего будущего.
I'm frightened, really.	И мне страшно, по-настоящему страшно.
I feel the devil in the air, and he'll try to get us.	Я чую носом близость дьявола; он пытается помешать нам.
Or not the devil, Mammon: which I think, after all, is only the mass-will of people, wanting money and hating life.	Ладно, не дьявола, так Маммоны, этот идол, в сущности, - совокупная злая воля людей, алчущих денег и ненавидящих жизнь.
Anyhow, I feel great grasping white hands in the air, wanting to get hold of the throat of anybody who tries to live, to live beyond money, and squeeze the life out.	Мне мерещатся в воздухе длинные костлявые руки, готовые вцепиться в горло всякому, кто дерзает жить за пределами власти денег, и сжимать, пока из него дух вон.
There's a bad time coming.	Близятся тяжелые времена.
There's a bad time coming, boys, there's a bad time coming! If things go on as they are, there's nothing lies in the future but death and destruction, for these industrial masses.	Если ничего не изменится, будущее сулит индустриальным рабочим погибель и смерть.
I feel my inside turn to water sometimes, and there you are, going to have a child by me. But never mind.	Я порой чувствую, как все внутри у меня холодеет. И на тебе, ты ждешь от меня ребенка. Ну, не сердись на эти глупости.
All the bad times that ever have been, haven't been able to blow the crocus out: not even the love of women.	Все тяжелые времена, сколько их ни было в истории, не смогли уничтожить ни весенних цветов, ни любви женщины.
So they won't be able to blow out my wanting you, nor the little glow there is between you and me.	Не смогут они и в этот раз убить мое влечение к тебе, загасить ту искру, которая зажглась между нами.
We'll be together next year.	Еще полгода - и мы будем вместе.
And though I'm frightened, I believe in your being with me.	И хотя мне страшно, как я сказал, я верю, что нет силы, которая нас разлучит.
A man has to fend and fettle for the best, and then trust in something beyond himself.	Долг мужчины - строить, созидать будущее, но ему надо и верить во что-то помимо себя.
You can't insure against the future, except by really believing in the best bit of you, and in the power beyond it.	Будущее обеспечено, если человек видит в себе что-то хорошее, доброе.

So I believe in the little flame between us.	А я еще верю в то легкое пламя, которое вспыхнуло в нас.
For me now, it's the only thing in the world.	Для меня оно - единственная ценность в мире.
I've got no friends, not inward friends.	У меня нет друзей, старых привязанностей.

Only you. And now the little flame is all I care about in my life.	Только одна ты. И это пламя - единственное, чем я дорожу.
There's the baby, but that is a side issue.	Конечно, еще младенец, но это боковая ветвь.
It's my Pentecost, the forked flame between me and you.	Для меня Троица - двуязыкое пламя.
The old Pentecost isn't quite right.	Древняя Троица, на мой взгляд, может быть и оспорена.
Me and God is a bit uppish, somehow.	Мы с Богом любим иногда задрать нос.
But the little forked flame between me and you: there you are!	Это двуязыкое пламя между тобой и мной -альфа и омега всего!
That's what I abide by, and will abide by, Cliffords and Berthas, colliery companies and governments and the money-mass of people all notwithstanding.	Я буду верен ему до конца. И пусть все эти клиффорды и берты, угольные компании, правительства и служащий Маммоне народ пропадут пропадом.
That's why I don't like to start thinking about you actually.	Вот по всему этому я и не хочу думать о тебе.
It only tortures me, and does you no good.	Для меня это пытка, и тебе от этого не легче.
I don't want you to be away from me.	Но я так не хочу, чтобы ты жила вдали от меня.
But if I start fretting it wastes something.	Стоп, если я разбережу сердце, если начнет грызть досада, что-то хорошее будет утрачено.
Patience, always patience.	Терпение, терпение!
This is my fortieth winter.	Идет моя сороковая зима.
And I can't help all the winters that have been.	Что делать, все предыдущие зимы никуда не денешь.
But this winter I'll stick to my little Pentecost flame, and have some peace.	Но в эту зиму я молюсь двуязыкому пламени моей Троицы, и на душе у меня покойно.
And I won't let the breath of people blow it out.	Я бы не хотел, чтобы люди задули его своим дыханием.
I believe in a higher mystery, that doesn't let even the crocus be blown out.	Я верую в некую высшую тайну, которая даже подснежнику не даст погибнуть.
And if you're in Scotland and I'm in the Midlands, and I can't put my arms round you, and wrap my legs round you, yet I've got something of you.	И хотя ты в Шотландии, а я в Средней Англии и я не могу обнять тебя, у меня все-таки есть что-то твое.
My soul softly Naps in the little Pentecost flame with you, like the peace of fucking.	Моя душа мягко колышется в легком Троицыном пламени, вторя любовному акту, в котором оно и родилось.
We fucked a flame into being. Even the flowers are fucked into being between the sun and the earth.	Как и цветы рождаются от соития земли и солнца.
But it's a delicate thing, and takes patience and the long pause.	Но это легкое пламя пока еще зыбко, чтобы оно разгорелось, нужно время, терпение и время.
So I love chastity now, because it is the peace that comes of fucking. I love being chaste now.	Так что теперь я за воздержание, потому что оно непреложно следует за любовной горячкой, как время мира за войной.

I love it as snowdrops love the snow. I love this chastity, which is the pause of peace of our fucking, between us now like a snowdrop of forked white fire.	И я даже полюбил воздержание, полюбил любовью подснежника к снегу. Да, я люблю воздержание, как мирную передышку в любовных войнах. Наше белое двуязыкое пламя для меня - точно подснежник ранней весны.
And when the real spring comes, when the drawing together comes, then we can fuck the little flame brilliant and yellow, brilliant. But not now, not yet! Now is the time to be chaste, it is so good to be chaste, like a river of cool water in my soul.	Когда весна войдет в свою силу, пламя это разгорится ярче солнца. А пока пора воздержания, добрая и здоровая, словно купание в горной реке.
I love the chastity now that it flows between us. It is	Мне нравится моя чистая жизнь, она течет от тебя

like fresh water and rain.	ко мне, как горный поток. Она точно внешние воды земли и неба.
How can men want wearisomely to philander. What a misery to be like Don Juan, and impotent ever to fuck oneself into peace, and the little flame alight, impotent and unable to be chaste in the cool between-whiles, as by a river.	Бедные донжуаны! Что за маета эта вечная погоня за наслаждением. Где уж им вздуть легкое двуязыкое пламя - в душе-то не могут навести порядок. Неведом им и чистый горный поток воздержания.
Well, so many words, because I can't touch you.	Прости, что я так многословен, это оттого, что не могу дотронуться до тебя.
If I could sleep with my arms round you, the ink could stay in the bottle.	Если бы спать ночью, чувствуя рядом твое тепло, пузырек с чернилами остался бы полным.
We could be chaste together just as we can fuck together. But we have to be separate for a while, and I suppose it is really the wiser way.	Да, какое-то время нам придется жить врозь. Но быть может, это сейчас самое мудрое.
If only one were sure.	Только бы не мучили сомнения...
Never mind, never mind, we won't get worked up.	Ладно, не огорчайся... Глупо себя накручивать.
We really trust in the little flame, and in the unnamed god that shields it from being blown out.	Будем верить в наше легкое пламя и в безымянного бога, который хранит его от сквозняков.
There's so much of you here with me, really, that it's a pity you aren't all here.	На самом деле у меня здесь столько тебя, даже жаль, что не вся целиком.
Never mind about Sir Clifford.	Выбрось из головы сэра Клиффорда.
If you don't hear anything from him, never mind.	Если он и не объявится, тоже не очень горюй.
He can't really do anything to you.	Навредить по-настоящему он не может.
Wait, he will want to get rid of you at last, to cast you out.	Наберись терпения, рано или поздно он захочет избавиться от тебя, вычеркнуть из своей жизни.
And if he doesn't, we'll manage to keep clear of him.	А не захочет, и это не беда. Сумеем с ним справиться.
But he will. In the end he will want to spew you out as the abominable thing.	Но он захочет, ты для него теперь отрезанный ломоть.
Now I can't even leave off writing to you.	Видишь, я просто не могу остановиться.
But a great deal of us is together, and we can but abide by it, and steer our courses to meet soon.	Залог будущего - то, что мы вместе, хоть и разлучены. И держим курс на скорую встречу.

John Thomas says good-night to Lady Jane, a little droopingly, but with a hopeful heart.
 Джон Томас шлет привет своей леди Джейн, немножко понурившись, но не утратив надежды".

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)